

ВЕСТНИК

МГИМО—УНИВЕРСИТЕТА

№2(29) 2013
Москва

Главный редактор:

Торкунов А.В. — академик РАН, ректор МГИМО(У) МИД России.

Заместитель главного редактора:

Подберезкин А.И. — доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе МГИМО(У) МИД России.

Редакционный совет

Торкунов А.В. — ректор МГИМО(У) МИД России, председатель редакционного совета, академик РАН.

Артизов А.Н. — руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации, доктор исторических наук.

Богатуров А.Д. — доктор политических наук, профессор.

Де Танги А. — главный научный сотрудник Центра международных исследований (СЕРИ)/Сьянс По, профессор (Франция).

Дынкин А.А. — директор ИМЭМО РАН, академик РАН.

Кокошин А.А. — академик РАН.

Лавров С.В. — министр иностранных дел Российской Федерации.

Лукин В.П. — уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор.

Миронов С.М. — руководитель фракции «Справедливая Россия» в Государственной Думе Российской Федерации VI созыва.

Нарышкин С.Е. — председатель Государственной Думы Российской Федерации VI созыва.

Пивоваров Ю.С. — директор ИНИОН РАН, академик РАН.

Подберезкин А.И. — проректор по научной работе МГИМО(У) МИД России, заместитель председателя редакционного совета, доктор исторических наук, профессор.

Примаков Е.М. — академик РАН.

Приходько С.Э. — первый заместитель руководителя Аппарата Правительства Российской Федерации.

Рогов С.М. — директор Института США и Канады РАН, академик РАН.

Саква Р. — декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Серегин А.В. — ответственный секретарь Бюро редакционно-издательского совета МГИМО(У) МИД России.

Степанян С.В. — председатель Счетной палаты Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Титаренко М.Л. — директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН.

Чубарьян А.О. — директор Института всеобщей истории РАН, академик РАН.

Научный совет:

Алексеева Т.А. — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой политической теории МГИМО(У) МИД России.

Булатов Ю.А. — доктор исторических наук, профессор, декан факультета международных отношений МГИМО(У) МИД России.

Воскресенский А.Д. — доктор политических наук, профессор, декан факультета политологии МГИМО(У) МИД России.

Гладков Г.И. — кандидат педагогических наук, профессор, начальник управления языковой подготовки и Болонского процесса МГИМО(У) МИД России.

Енгибарян Р.В. — доктор юридических наук, профессор, директор Международного института управления МГИМО(У) МИД России.

Ильин М.В. — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой сравнительной политологии МГИМО(У) МИД России.

Кириллов В.Б. — кандидат исторических наук, доцент, проректор по учебной работе МГИМО(У) МИД России.

Кравченко С.А. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО(У) МИД России.

Легойда В.Р. — кандидат политических наук, доцент кафедры международной журналистики, главный редактор журнала "Фома", председатель Синодального информационного отдела Московского патриархата.

Наринский М.М. — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России.

Ноздрева Р.Б. — доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой менеджмента и маркетинга МГИМО(У) МИД России.

Орлов А.А. — кандидат исторических наук, директор Института международных исследований МГИМО(У) МИД России.

Платонова И.Н. — доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой МЭО и ВЭС МГИМО(У) МИД России.

Салыгин В.И. — доктор технических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Международного института энергетической политики и дипломатии МГИМО(У) МИД России.

Скворцов Я.Л. — кандидат социологических наук, доцент, декан факультета международной журналистики МГИМО(У) МИД России.

Толстомятенко Г.П. — доктор юридических наук, профессор, декан международно-правового факультета МГИМО(У) МИД России.

Уколова В.И. — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД России.

Энтин М.Л. — доктор юридических наук, профессор.

Юлдашев Р.Т. — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой управления рисками и страхования МГИМО(У) МИД России.

Редколлегия:

Мунтян М.А. — доктор исторических наук, профессор, шеф-редактор журнала.

Большова Н.Н. — кандидат политических наук, начальник управления научной политики.

Вишняков Я.В. — кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной и отечественной истории.

Иванов Н.В. — доктор филологических наук, профессор кафедры романских языков.

Коннов В.И. — кандидат социологических наук, доцент кафедры философии.

Кравченко С.А. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии.

Мальгин А.В. — кандидат политических наук, проректор по общим вопросам.

Малиновский А.А. — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики.

Мялков М.Ю. — доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории.

Ручкин Г.Р. — директор издательства «МГИМО-Университет».

Свищев А.В. — кандидат экономических наук, доцент, декан факультета прикладной экономики и коммерции.

Столбов М.И. — доктор экономических наук, зам. декана факультета прикладной экономики и коммерции.

Харкевич М.В. — кандидат политических наук, начальник отдела научного планирования, статистики и учета управления научной политики.

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Торкунов А.В. Создание университетов мирового уровня: новые тенденции в российском высшем образовании.	7
Павлов И.И. Историко-теоретическое обоснование Движения неприсоединения.	12
Александров О.Б. Кто обеспечит безопасность Арктики?.....	18
Аналитика Института международных исследований	
Орлов А.А. Положение в Афганистане и возможная его эволюция в контексте «фактора 2014».....	24
Земсков В.Н. Стратегия США в Центральной Азии.....	28
Воронин Е.Р. Трансатлантизм и БРИКС: перспективы стратегического сосуществования.....	33
Зинин Ю.Н. Племенная структура ливийского общества и ее влияние на политические процессы в стране.....	38
Ражбадинов М.З. Ассоциация «Братья-мусульмане» и перспективы политических процессов в современном Египте.....	42

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Борзова И.С. Оппозиционные группы: влияние на мировую политику.....	47
Бурнасов А.С. Логистические компании мира и их влияние на мировую политику.....	52
Вовенда А.В. Молодежные организации: их влияние на мировую политику.	57
Красавин И.В. Офшоры как негосударственные акторы мировой политики.....	62
Жуковский И. И. Университет в сетевых связях современного мира.	68

ВОЗДУШНО-КОСМИЧЕСКАЯ ОБОРОНА

Каберник В.В. Проблемы классификации кибероружия.	72
Салюков Д.О. Основные проблемы взаимной обусловленности связей национального человеческого капитала, оборонно-промышленного комплекса и воздушно-космической обороны	79

ИСТОРИЯ

Печатнов В.О. Сталинградская битва и проблема второго фронта.	86
Падерин А.А. Сталинградская битва в зеркале западной историографии	95

ПОЛИТОЛОГИЯ

Федорченко А.В. Межконфессиональные противоречия в Саудовской Аравии: «шиитский вопрос»....	107
Крылов А.В. Особенности демократических реформ в Иордании	113

ЭКОНОМИКА

Холопов А.В. Дилемма макроэкономической политики в условиях открытой экономики	120
Вергун А.Н. Страны БРИКС в международных инвестиционных процессах.	127
Бондаренко А.Д. Меры по оптимизации российско-индийского торгово-экономического сотрудничества.....	135
Татулов К.Г. Офшоры с точки зрения их российских участников	140

ПРАВО

Карпенко К. В. К вопросу о религиозном и юридическом значении консуммации брака	144
Малиновский А.А. Злоупотребление правами налогоплательщика: сравнительно-правовые аспекты	156

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Гуревич Т.М. Национально-культурная обусловленность непрямой коммуникации	163
Лукьянченко Е.А. К вопросу понимания ментальной репрезентации.	167

НАУКОВЕДЕНИЕ

Душина С.А., Ащеулова Н.А. Аспирантура в национальных академических системах (опыт Германии и США)	170
--	-----

ПЕДАГОГИКА

Гагарин А.В., Раицкая Л.К. Образование и развитие личности в информационно-коммуникационной деятельности.	178
Чертовских О.О. Историко-педагогические основы системы университетского образования Великобритании	183

СОЦИОЛОГИЯ

Литвак Н.В. К итогам XIX международного конгресса франкоязычных социологов	188
Долгий В.И. Становление терроризма с наднациональным характером: фактор космополитизации	192
Новые теоретические подходы к исследованию модернизации России (проект Минобрнауки РФ)	
Труфанов А.Ю. Методология социологических исследований сложного общества	197
Негрова М.С. Адаптация к социальной сложности.	202
Посухова О.Ю. Социокультурные особенности карьерного пространства Юга России	207
Хачецуков З.М. Социальный комфорт в контексте трансформационных процессов в структуре современной российской повседневности	214

ФИЛОЛОГИЯ

Ларионова М.В. Пресуппозиция как способ манипулятивного воздействия (на примере испанского газетно-публицистического дискурса).	220
Селезнева Т.А. К проблеме логико-философских истоков языковой модальности	225

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД

Ахмед Абу Бакр Ф.А. Анализ структуры государственного долга стран Латинской Америки.	228
Рыбакова Е.Е. Реконструкция коммуникативного стереотипа как источник информации об идентификационных механизмах культур Англии и Германии.	232
Савойский А.Г. Моделирование российско-американских отношений возможно.	238

ЗОЛОТОЙ ФОНД МГИМО

Романова Г.С., Дмитренко В.А. Тамара Захаровна Черданцева	246
Вылегжанин А.Н. Судья Международного суда ООН, профессор Ф.И. Кожевников (к 110-летию со дня рождения).	250
Шестопал А.В. Лица и поколения. Геннадий Константинович Ашин.	253
Лобода А.И. С.Н. Лебедев – ученый, практик, педагог, дипломат	256
Головлев Ю.Ф. И.Ф.Максимычев: дипломат, германист, поборник «Большой Европы».	260

РЕЦЕНЗИИ

Аникеева Н.Е. Мариано Рахой: политический портрет	266
Бусыгин А.Е. Правовые и международные аспекты сохранения и использования культурного наследия	268

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Большова Н.Н. Победа под Сталинградом в мировых геополитических координатах	270
Касаткин П.И., Харкевич М.В. Реформирование послевузовского образования в России: опыт МГИМО	274
Большова Н.Н., Харкевич М.В. Интернет-активность российских вузов в 2012 г. по оценке Webometrics	277
Ахтамзян А.А. Слово о скульпторе Ю. Злоте	280

Content

INTERNATIONAL RELATIONS

Torkunov A.V. Starting Up a World Class University: New Trends in Russian Higher Education.	7
Pavlov I.I. Historical and Theoretical Justification of Non-Alignment Movement	12
Aleksandrov O.B. Who Will Provide Security for Arctica?	18
Research Papers of the Institute of International Studies	
Orlov A.A. The situation in Afghanistan and the "factor 2014"	24
Zemskov V.N. The U.S. Strategy in Central Asia.	28
Voronin E.R. Transatlantic Links and BRICS: Prospects of Strategic Co-Existence.	33
Zinin Y.N. Tribal Structure of the Libyan Society and its Effect on the Political Processes in the Country	38
Razhbadinov M.Z. «The Muslim Brotherhood» and the Prospects of Political Process in Egypt.	42

WORLD POLITICS

Borzova I.S. Opposition Groups and their Effect on World Politics	47
Burnasov A.S. Logistic Companies and their Effect on World Politics	52
Vovenda A.V. Youth Organizations and their Role in World Politics	57
Krasavin I.V. Offshore Companies as Non-State Actors in World Politics	62
Zhukovskiy I.I. World Politics: University in Networks of Contemporary World	68

AEROSPACE DEFENCE

Kabernik V.V. Approaches to Cyber Weapons Classification Problem	72
Salyukov D.O. The Main Problems of Linking National Human Capital, Defense Industry Complex and Aerospace Defense.	79

HISTORY

Pechatnov V.O. The Battle of Stalingrad and the Second Front Problem	86
Paderin A.A. The Battle of Stalingrad in Western Historiography	95

POLITICAL SCIENCE

Fedorchenko A.V. Sectarian Conflict in Saudi Arabia: "Shiite Question"	107
Krilov A.V. Democratic Reforms in Jordan	113

ECONOMICS

Kholopov A.V. Macroeconomic Policy Dilemma in an Open Economy	120
Vergun A.N. BRICS Countries in International Investment Processes	127
Bondarenko A.D. Actions for the Optimization of Russian – Indian Trade Cooperation	135
Tatulov K.G. Offshore Viewed by Russian Participants	140

LAW

Karpenko K.V. On the Religious and Legal Significance of the Consummation of Marriage	144
Malinovsky A.A. Abuse of Taxpayer Rights: Comparative Law Aspects	156

CULTURAL STUDIES

Gurevich T.M. National and Cultural Conditionality of Indirect Communication	163
Lukjanchenko E.A. Towards an Understanding of Mental Representation	167

SCIENCE STUDIES

Dushina S.A., Ashcheulova N.A. Postgraduate Study in National Academic Systems (Cases of Germany and USA).....	170
--	-----

PEDAGOGICS

Gagarin A.V., Raitskaya L.K. Education and Personality Development in Information and Communication Activities	178
Chertovskikh O.O. British University System: Historical and Pedagogic Aspects	183

SOCIOLOGY

Litvak N.V. The Results of the XIX International Congress of French Sociologists: New Approaches to the Study of Uncertainty.....	188
Dolgy V.I. Terrorism Formation with Supranational Character: Cosmopolitisation Factor	192

New Theoretical Approaches To Research on Modernization in Russia (The Project of The Ministry of Education of The Russian Federation)

Trufanov A.Y. The Methodology of Sociological Research in the Composit Society.....	197
Negrova M.S. Adaptation to Social Complexity	202
Posukhova O.Y. Social Features of Career Space in the South of Russia.....	207
Khachetsukov Z.M. Social Comfort in Structural Transformation of Russian Everyday Life	214

FILOLOGY

Larionova M.V. Presupposition as a Means of Linguistic Manipulation in Spanish Political and Journalistic Discours.....	220
Selezneva T.A. The Problem of Logico-Philosophical Origins of the Category of Modality	225

NEW VISION

Ahmed Abu Bakr F.A. Analysis of Structure of a Public Debt in the Countries of Latin America.....	228
Rybakova E.E. Reconstruction of a Communicative Stereotype as a Source of Information on Identification Mechanisms of Cultures in England and Germany	232
Savoysky A.G. Modelling of the Russian–American Relations.....	238

THE MGIMO GOLDEN FUND

Romanova G.S., Dmitrenko V.A. Tamara Zakharovna Cherdantseva	246
Vylegzhanin A. N. Judge of the International Court of Justice Fedor I. Kozhevnikov, Professor of MGIMO–University.....	250
Shestopal A.V. Persons and Generations. Gennady Konstantinovich Ashin	253
Loboda A.I. Scholar, Practitioner, Educator, Diplomat Sergei Nikolaevich Lebedev	256
Golovlyov Y.F. Maksimychiev I.F. Diplomat, Germanist, Advocate of "Big Europe".	260

РЕЦЕНЗИИ

Anikeeva N.E. Mariano Raho: Political Portrait.....	266
Busygin A.E. Legal and International Aspects of Preservation and Use of a Cultural Heritage	268

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Bolshova N.N. Victory by Stalingrad in World Geopolitical Coordinates	270
Kasatkin P.I., Kharkevich M.V. Reforming Postgraduate Education System in Russian: the Case of MGIMO	274
Bolshova N. N., Kharkevich M. V. Internet Activity of the Russian Higher Education Institutions in 2012 According to Webometrics	277
Ahtamzyan A.A. A Word about Sculptor Y. Zlotia	280

Создание университетов мирового уровня: новые тенденции в российском высшем образовании

А.В. Торкунов

По традиции начну с «международного положения», а потом перейду к конкретным образовательным задачам, которые международная ситуация отчасти и ставит перед нами. Целый ряд тенденций и процессов продолжают «переламявать» устоявшиеся за последние два десятилетия параметры мировой системы. К этим процессам можно отнести новый тип ближневосточной конфликтности и нестабильности, который уже не может объясняться и определяться пустым романтическим термином «арабской весны».

Экономический кризис, в отличие от своего предшественника 1997 – 1998 гг., втянул мировую экономику, и даже ее наиболее устойчивые в своей динамике страны (Китай, латиноамериканских гигантов), в рецессию, которая, судя по всему, закончится серьезной корректировкой не только мировой экономической картины. Постсоветское пространство и европейский интеграционный ареал демонстрируют тенденции, ведущие к совершенно новому наполнению тех политико-институциональных очертаний, что сложились в ранний постбиполярный период. Ни ЕС, ни ареал «ближних соседей» России больше не демонстрируют магистральный вектор развития или единый идеологический тренд; здесь идет концентрация усилий вокруг конкретных, зачастую частных проблем, происходит деполитизация международных сюжетов.

В целом международные отношения входят в период нелинейного развития. Разглядеть в

современных условиях продолжение тенденций 1990-х или даже начала 2000-х гг. можно только действительно в самых базовых сегментах мирового развития. Нынешний период можно охарактеризовать и как «политическую рецессию», наступившую после двадцати лет быстрых количественных и качественных изменений. Используя исторические аналогии, наше время можно сравнить с десятилетием середины 1970-х – 1980-х гг. К середине 1970-х гг. были сделаны необходимые экономические, политические и институциональные коррективы в Ялтинско-Потсдамском порядке и Бреттон-Вудской системе, а основные игроки сосредоточились на «обустройстве» своих региональных и функциональных интересов в отдельных сегментах миропорядка.

Отличительной чертой периодов «политической рецессии» в международных отношениях, – а такие периоды можно обнаружить и в XIX в., и на более раннем, Вестфальском этапе, является возрастание значения профессионального дипломатического сообщества, сообщества международников в целом. Действительно, политические лидеры, военные вожди «резервируют» за собой время кардинальных переломов, стратегических изменений, а дипломатическая бюрократия и эксперты выходят на арену в периоды с более спокойной динамикой.

Искусство международника и дипломата, в частности, состоит в приращении влияния и значения собственной страны мерами конвенциональными, мирными, но последовательными

■ Международные отношения

и спланированными. Именно эпохи «политической рецессии» давали России и миру гениев дипломатии – Горчакова и Дизраэли, Добрынина и Киссинджера, Громыко и Бжезинского. Все они раскрыли свой талант вовсе не в огне «мирового пожара».

Современный период дает нам возможность перевести дух и провести перестройку обучения дисциплинам международного профиля и международных исследований в наших университетах. Эта потребность тем более значима, что мы находимся на рубеже смены поколений. Те, кто пришел в профессию в конце 1980 – начале 1990-х гг., скоро вынуждены будут потесниться на исследовательском и преподавательском Олимпе. Искусственное затягивание этого процесса может привести к тому, с чем мы столкнулись в МГИМО четверть века назад, когда вдруг оказалось, что учителями нынешних 65 летних и 40-летних являются одни и те же люди. То есть целое поколение международного знания, компетенций, научных связей прошло мимо «оплота» международников. Наверстывать упущенное было трудно.

Новое поколение международников должно перенять от нас накопленный опыт и энтузиазм, который был характерен для всех, кто фактически бесплатно занимался наукой и преподаванием в «пореформенные» годы. Вместе с тем перед сообществом исследователей и международников-практиков стоят и совершенно новые задачи, в том числе с точки зрения освоения новых областей международного знания или возвращения в ранее утраченные сферы. Большая самостоятельность в стандартах, которая есть у национальных исследовательских, федеральных университетов (а с сентября 2012 г. – и у МГИМО), дает в этом деле дополнительные преимущества.

Важнейшим направлением является возвращение к конкретно-историческим исследованиям, при этом с достаточно высокой степенью международно-политического обобщения. Если для специалиста в области точных наук лучшей тренировкой и основой профессионализма является математика, то для международника эту задачу выполняет история. Попытки вырастить специалиста по мировой политике без знания истории закончились провалом. Это нужно признать. Любые основы анализа международных проблем, «кейс-стади» и т.д. в учебной аудитории полноценно возможны только на основе исторического материала. Фактологическая насыщенность преподавания международных отношений на первых курсах создает необходимые навыки работы с информацией, ее запоминания, обобщения, систематизации.

Предельно важно, чтобы история международных отношений полноценно вернулась в образовательный процесс не просто ярким нарративом времен Тарле. Но и как всеобъемлющее, аналитическое понимание и представление международной среды, в которую органично

вписана международная деятельность России в исторической эволюции ее внешнеполитических интересов и ресурсов. Не менее важным направлением для формирования полноценной картины мира являются базовые курсы по зарубежной истории Востока и Западного мира. Ненормально, когда молодой востоковед-дипломат чуть ли не с гордостью говорит, что у него «не было Европы» или наоборот. Учебные планы и курсы даже в условиях нынешних стандартов могут быть построены так, что базовые знания по двум взаимосвязанным частям света должны быть у всей студенческой аудитории. Огромные ресурсы здесь скрываются в области организации методической работы и в подготовке собственных учебников и учебных пособий. Сейчас мы ставим задачу подготовить два ориентированных на специалистов-международников магистральных учебника по истории Востока и истории Запада.

Важнейшим аспектом подготовки международников является знание международного (публичного) права. В этой сфере советская школа была не просто законодателем научной моды, но реальным источником международного правотворчества. Тяжелые 1990-е гг. и эмиграция юристов-международников в другие отрасли права, да и естественные причины привели к тому, что сейчас эта отрасль фактически разрушена и профессионально обезлюдела. Это тем более контрастирует с развитием школы международного публичного права за рубежом, в частности у наших соседей – на Украине, в Казахстане.

Результат этого плачевного положения зачастую виден на практике: в отрицании неприемлемых для России «новелл» (гуманитарная интервенция, признание сомнительных субъектов международных отношений (Косово) и т.п.). Мы не можем предложить юридически обоснованную позитивную повестку развития международного публичного права. Отечественные теоретические изыскания и практико-ориентированные концепции международных отношений зачастую не опираются на достаточный правовой фундамент. Часто его некому создавать, а еще чаще – международники-политологи и юристы просто не взаимодействуют. Международное публичное право, курсы по правам человека, по международному экономическому праву должны полноценно вернуться в образовательный процесс вузов международно-политического профиля.

Не столь печально обстоит дело с преподаванием дисциплин мирохозяйственного направления, внешнеэкономических связей, но задача создания полноценной российской школы политической экономии международных отношений по-прежнему так и не выполнена. Кстати, именно этот, пусть несколько пространственный, но понятный, в том числе нашим зарубежным коллегам, термин должен вытеснить локальный неологизм – «экономическая политология». В целом мы должны исходить из того, что «международ-

ные отношения» как учебный предмет включают в себя триаду – историко-политическую, международно-правовую и мироэкономическую компоненты. Именно на этой триаде строится образование во всех ведущих международных университетах.

Другое дело, что помимо этой триады есть и целый ряд компетенций, более узких областей знаний, без реформирования которых мы не сможем формировать адекватных современному миру специалистов-международников. Кардинальной перестройки требуют изучение и преподавание дипломатии и компетенций, связанных с дипломатической службой. С глубоким сожалением можно констатировать, что современного системного преподавания дипломатии, схожего с голландским Клингендалем, венской или мальтийской дипломатическими академиями, у нас не сложилось.

Мы очень долго делали ставку исключительно на эмпирические знания заслуженных дипломатов, которые, выйдя в отставку, щедро делились своим бесценным опытом со студентами. Вместе с тем вне нашего внимания оставались современные методики информационной работы, ведения многосторонних переговоров, работы с неправительственными организациями. Даже с точки зрения протокола и этикета большинство наших вузов не дают сколько-нибудь достаточных знаний, связанных с ивент-менеджментом, организацией международных событий.

Очевидно, что подготовка к дипломатической и консульской работе должна включать в себя не просто изучение структуры зарубежных внешнеполитических ведомств, но и понимание того, как организовано экспертно-аналитическое сообщество в странах-контрагентах или какие существуют административно-правовые системы, какие есть механизмы судебной и внесудебной защиты интересов российских граждан.

Посвященные лоббизму теоретико-политологические курсы не дают молодому специалисту знания того, как же он все-таки должен продвигать интересы государства или компании за рубежом, как работать с адвокатскими конторами и бюрократическими кругами. Столь же теоретизированные (что происходит часто от недостатка реального знания) курсы по зарубежному PR и GR не создают умения для работы с рейтинговыми и рекламными агентствами.

Одной из магистральных тем международных политических конференций и разнообразных научных мероприятий по связям с общественностью на протяжении многих лет является тема «межкультурной коммуникации». При этом вы не найдете ни одного учебника, где бы регионоведческие, филологические знания, дипломатические компетенции и собственно коммуникативистика были бы слиты воедино. Парадоксально, но бизнес полагает, что такие предметы и учебники есть. В последние годы

мы сталкиваемся с запросами прочитать курсы для высокопоставленных менеджеров по проблематике коммуникации в Турции, Австралии, Швейцарии, Венгрии, и каждый раз мы это делаем в ad hoc-режиме. Как правило, это делают регионоведы-практики, уровень общетеоретической подготовки, психологических знаний которых может быть недостаточным.

Мы в МГИМО все больше приходим к выводу о необходимости формирования полноценного сегмента подготовки специалистов в области межкультурной коммуникации и международно-политической психологии, психологии переговорного процесса. Возможно, это даст и внутривузовский эффект, связанный с ростом психологической подготовленности преподавательского состава. Очевидно, что большинство вузов и факультетов международно-политического профиля, как и МГИМО, не готовы создать этот сегмент образования и исследований собственными силами. Нам придется привлекать специалистов извне, а еще лучше – объединять усилия.

В целом нужно понять, что современные компетенции для работы в международной среде далеко выходят за рамки представлений, устоявшихся в прошлом или позапрошлом десятилетии. Эти компетенции требуют своего выявления, систематизации и включения в стандарты и учебные планы. Наверное, чем-то из нынешних стандартов и планов придется жертвовать, что-то уводить в специализированные магистратуры, а что-то предлагать бакалаврам-старшекурсникам или магистрам в качестве дополнительного профессионального образования.

Представляется важным остановиться еще на одном вопросе. Стратегическая цель современного развития российской высшей школы заключается в том, чтобы наши вузы стали полноценными и равноправными участниками мирового университетского сообщества. Действительно, в условиях глобализации студенты уже давно перестали ограничиваться рамками национальной системы высшего образования. Сегодня они стремятся поступить в лучшие учебные заведения мира, не ограничиваясь своей страной, ориентируясь только на качество образования.

Для российских вузов – это безусловный вызов времени. Мы должны быть конкурентоспособными не только у себя на родине, но и предлагать качественный, привлекательный для зарубежного потребителя продукт. До последнего времени российское высшее образование было недооценено с точки зрения способности создавать образовательные программы международного уровня. Изменить эту ситуацию поможет, на наш взгляд, разработка бакалаврских и магистерских образовательных программ на иностранных языках и программ двойных дипломов, которые будут привлекательными для иностранных студентов. Представляется, что спрос на российские образовательные програм-

■ Международные отношения

мы со стороны зарубежных учащихся со временем изменит восприятие российского высшего образования в международном академическом сообществе.

Университет мирового уровня – это не только образовательное учреждение. Это и центр научно-исследовательской и экспертной активности, способный создавать и транслировать в мировое сообщество лучшие идеи, распространять знания, делиться опытом. Если обратиться к сути университетского образования, отвлечься от всех многочисленных его элементов, то внутренним смысловым стержнем этого образования будет не что иное, как процесс постепенного и неуклонного возведения обыденного мышления студентов и аспирантов на уровень научного стиля мышления.

Такого рода сдвиг в развитии интеллекта учащихся университета оборачивается в конечном итоге своеобразной перестройкой всего их духовного мира, ибо они в результате приобретают новый уровень интеллектуальности, в чем сами нередко не отдают себе полного и сознательного отчета. Но такой эффект достигается лишь в том случае, если формирование научного стиля мышления в университете оказывается своеобразной точкой, в которую стягиваются все нити реализующихся в нем научно-исследовательского и учебно-воспитательного процессов. Именно это и только оно может служить высшим критерием в определении ценности и эффективности любых научных и учебно-методических университетских разработок и программ.

Университет мирового уровня несет с собой и свои корпоративные ценности, формирует в себе и вокруг себя сообщества людей, связанных общей историей обучения, работы или просто сотрудничества с университетом. Дело в том, что культура научного мышления может быть передана опосредованно, но лишь в непосредственном живом контакте и общении ученых с их учениками. Именно этим обусловлена необходимость организации и существования разных научных школ во главе с тем или иным авторитетным ученым. Любая такого рода школа есть не что иное, как группа исследователей, мыслящих, что называется, в унисон, то есть разделяющих в своем интеллектуальном творчестве исходные принципы соответствующего стиля научного мышления своего лидера. Российские университеты также часто недооценивают те возможности и скрытый потенциал, которые предоставляют всевозможные ассоциации и объединения выпускников. Институционализация и активное взаимодействие, вовлечение в жизнь университета как российских, так и зарубежных выпускников – это значимый инструмент популяризации самого университета. В этом и есть смысл концепции социально активного университета. Именно на это должны быть направлены усилия российского вузовского сообщества сегодня.

Статус университета мирового уровня не может иметь самопровозглашенный характер. В основе такого статуса – признание со стороны всего мирового университетского и экспертного сообщества, узнаваемость среди иностранной профессуры и студентов, построенные на высоком качестве образовательные программы. В мире существует значительное число вузов, которые могут с полной уверенностью называть себя университетами мирового уровня – Принстон, Стэнфорд, Оксфорд, Гарвард, Колумбийский университет и пр. Об этом свидетельствуют снискавшие заметную популярность международные рейтинги.

Российским университетам предстоит проделать огромный путь на этом направлении. Активизация деятельности, направленной на вхождение в сообщество лидеров университетского образования, – довольно новый тренд в развитии высшей школы. Новый, но устойчивый и крайне своевременный. Этот тренд подкрепляется и общегосударственной политикой в области высшего образования. Перед российской высшей школой поставлена амбициозная задача создания, как минимум, пяти – десяти университетов мирового уровня, которые должны войти в первую сотню международных рейтингов.

Создание университетов мирового уровня в России – проект долгосрочный. Он требует не только ощутимых финансовых затрат, но и существенной содержательной подготовки в части обновления существующих и создания новых образовательных и научных программ. В университетах неанглоязычных стран набирает силу тенденция к развитию полноценных образовательных программ на английском языке и программ двойных магистерских дипломов. Накопленный МГИМО опыт реализации международно-ориентированных программ и наличие устойчивых контактов с зарубежными коллегами позволили нам по-новому взглянуть на вопрос об одной из потенциально важных перспектив развития университетского образования в России. На основании тщательного изучения ситуации на глобальном рынке образовательных услуг в МГИМО было принято решение о расширении линейки бакалаврских и магистерских программ, реализуемых полностью или частично на иностранном языке.

По этой линии с будущего учебного года в МГИМО запускается первая в России англоязычная программа подготовки бакалавра «Международные отношения и управление» по направлению «Международные отношения». Цель программы – подготовка нового типа управленцев-международников для работы в транснациональных бизнес-структурах, международных организациях, государственных органах, неправительственных организациях.

Мы активно работаем и над расширением сети партнерских связей для реализации крайне востребованных среди иностранных студентов двойных магистерских программ. На сегодняш-

ний день в МГИМО реализуется 15 программ двойных магистерских дипломов с ведущими европейскими университетами. Ведутся переговоры о запуске еще трех. В рамках магистратуры успешно реализуются три полностью англоязычные магистерские программы.

Важным инструментом повышения узнаваемости университета в мировом образовательном сообществе является участие в международных рейтингах. Позиция вуза в рейтинге – весомый аргумент, которым пользуются будущие студенты при выборе своего места учебы. По существу, рейтинг – это способ коммуникации между университетом и его потенциальными студентами. Конечно, это и дополнительный инструмент пиара, повышения узнаваемости бренда университета.

За последние пару лет российские вузы действительно всерьез озаботились своим международным позиционированием, положением в рейтингах мировых университетов. Это еще одна довольно показательная национальная тенденция. Рейтинг QS 2012 года отразил основную тенденцию в сфере высшего образования – укрепление позиций технических университетов, смещение акцента в сторону точных наук и технологий, что вполне понятно. Результат образовательной деятельности технических вузов более осязаем. Их выпускники работают в реальном секторе экономики, более востребованы в условиях нового технологического этапа мирового развития.

В этом смысле гуманитарным университетам гораздо сложнее продвигаться в рейтинговой таблице. С другой стороны, именно у гуманитарных вузов есть огромный потенциал для оперативного наращивания численности иностранных студентов и преподавателей, повышения уровня интернационализации, создания сети партнерских связей с зарубежными университетами. В этой связи важно, чтобы образовательные программы были понятными и прозрачными для зарубежного студента. Они должны соответствовать установленным в зарубежных университетах требованиям.

Одним из механизмов приведения в соответствие с международными требованиями российских программ является международная аккредитация. Она – инструмент, призванный показать, что качество образования, предоставляемого вузом, соответствует европейским и международным стандартам качества. С другой стороны, международная аккредитация – это отличный способ осуществить внутренний ау-

дит, получить комплексную оценку качества образовательных программ. Например, МГИМО за время проведения аккредитации подготовил огромный массив документов на английском языке, скрупулезно прописывая и обосновывая каждое направление своей образовательной и научной деятельности, расписывая научную деятельность каждого своего преподавателя.

В течение трех месяцев наш университет посетили пять экспертных рабочих групп, целью которых был анализ деятельности МГИМО, встречи с профессорско-преподавательским составом и студентами. Принимая делегации, делая максимально прозрачными стены своего университета, мы старались заявить о себе как об университете мирового уровня и показать, что уровень российского образования ничуть не уступает уровню образования многих ведущих европейских университетов. Несмотря на непростые дискуссии наших преподавателей и зарубежных экспертов, определенную специфику российского образования, которая не всегда понятна нашим европейским коллегам, нам удалось доказать нашу уникальность и право в полный голос заявлять о себе как о равноправных участниках мирового образовательного сообщества.

Создание университетов мирового уровня и повышение престижа и статуса российского образования заключается не в том, чтобы подхлестнуть конкуренцию наших национальных университетов между собой, но, напротив, консолидировать совместные усилия на этом поприще. Успех одного университета в рейтинге или узнаваемость на глобальном уровне притянут внимание к российскому образованию в целом. А это значит, что и к другим российским вузам начнут присматриваться иностранные абитуриенты. Здесь важно только правильно запустить соответствующий механизм.

Университет, в котором производятся и одновременно преподаются фундаментальные научные знания, является уникальным заповедником и рассадником истинного образования. В нем проведение научных исследований и образовательный процесс сосуществуют на паритетных началах и являются реализацией и продолжением друг друга. Не случайно в мировом общественном мнении крепнет убеждение, что именно в сферах образования, науки и университетов создается будущее человечества.

Torkunov A.V. Starting Up a World Class University: New Trends in Russian Higher Education.

Историко-теоретическое обоснование Движения неприсоединения

И.И. Павлов

В настоящей статье автор уделяет внимание истории Движения неприсоединения, рассматривает основные этапы его развития, а также сопоставляет взгляды различных ученых на роль и место Движения в современном мире. В качестве одной из ключевых анализируется проблема дальнейшей эволюции организации в рамках современных международных отношений и последующая трансформация целей и задач Движения в условиях меняющегося мира.

На протяжении более 100 лет процесс развития многосторонних отношений между государствами характеризовался, кроме всего прочего, постепенным ростом числа международных правительственных и неправительственных организаций. Дополнительный импульс эта тенденция получила после Второй мировой войны. В настоящее время на политической карте мира насчитывается 193 независимых государства¹, а число международных организаций, по различным статистическим данным, превышает три тысячи. В этом смысле Движение неприсоединения – одна из самых необычных международных политических организаций, которая когда-либо существовала в истории².

Оно предоставило объединительную платформу не только странам с различными социальными системами, но и государствам, существовавшим в разных измерениях – абсолютистским средневековым монархиям и социалистическим республикам³. «Рядом с коммунистами заседали те, кто их с наслаждением пытал и убивал, рядом с королями и шейхами – настоящие людоеды. Некоторые участники движения испытывали друг к другу чуть ли не физическое отвращение»⁴, – отмечает Е.В. Матонин.

Таким Движение неприсоединения было на начальном этапе своего развития, 1 сентября 1961 г., и во многом цементирующей основой для таких разнородных государств служило не только противоборство между двумя полюсами системы и стремление найти собственный путь развития, но и масштаб личностей политических деятелей, основавших эту организацию. В тот момент в таком объединении испытывалась необходимость, поскольку к ее помощи прибегали обе сверхсистемы в рамках борьбы друг с другом и признавали ее самостоятельной⁵.

Движение неприсоединения ассоциируется с именами руководителей трех держав, инициировавших создание новой формации международных отношений, ставшей ответом на конфронтационные взаимоотношения коммунизма и атлантизма. В 1961 г. Иосип Броз Тито, Гамаль Абдель Насер и Джавахарлал Неру объединили 25 государств, что дало начало новой силе, основным девизом которой стало неприменное обособление от военных блоков – НАТО и Варшавского договора. Представители нового движения не связали себя какими-либо политическими обязательствами, однако этот факт не помешал выстраивать единую линию поведения по отношению к политике неоколониа-

лизма и праву на собственный путь независимого развития. Движение неприсоединения, несмотря на существовавшие внутренние разногласия, оказало заметное влияние на события, происходившие на мировой арене: оно способствовало поддержке национально-освободительных движений в Латинской Америке, в Африке и прекращению боевых действий США против государств Юго-Восточной Азии⁶.

Вопреки формальной независимости от двух полюсов мировой системы, на которую ссылались неприсоединившиеся государства при каждом удобном случае, отличительной особенностью являлись разность восприятия «идеологии общества построения социальной справедливости»⁷, порицание политики западных держав и пользование помощью государств социалистического лагеря. После распада СССР, окончания холодной войны, а вместе с тем и потерей объединяющего начала – показной ненависти и к первому лагерю, и ко второму, – неприсоединившиеся страны ощутили влияние набирающих силу процессов глобализации, которая раздробила их на три группы:

- первая из них – это те, кто попал в орбиту политики Соединенных Штатов (Афганистан, Египет, Индия, Индонезия, Ирак, Саудовская Аравия);
- вторая – страны типа Югославии и Ливии, где была реализована намеренная дестабилизация;
- третья – государства, которые изменили предположения во внешней политике (Румыния, Финляндия)⁸.

Именно поэтому статус ДН, его место в современной системе международных отношений является предметом не только исторических, но и политических дискуссий⁹. Движение неприсоединения представляет собой такое объединение стран, в котором идеология государственной независимости не позволила ему оформиться в виде «классической» международной организации, в то время как изменение системы международных отношений, произошедшее после распада СССР и социалистической системы, привело к тому, что ДН утратило первоначальную цель, заложенную в основу данного объединения, – неучастие в военных блоках.

Новый период развития организации охарактеризован поисками идентичности и нового смысла существования. Необходимо отметить, что взгляды на то, каким будет выглядеть будущее ДН, его место в современном мире, разделились. К первой группе исследователей Движения представляется возможным относить тех политиков, которые выражают пессимистичные взгляды относительно будущего объединения, считая его «реликтовым». Во вторую группу следует включить экспертов, не соглашающихся с негативным сценарием развития событий¹⁰.

Основания для таких размышлений дала конференция Движения неприсоединения, состоявшаяся в Тегеране в конце августа 2012 г. Такие исследователи, как Д.А. Седов, уверены: форум продемонстрировал, что «ДН рано приговорили к уходу в небытие»¹¹. В подтверждение этого довода им приводится факт присутствия на встрече

ведущих политиков более ста государств мира, а вместе с этим и развенчание мифа об Иране как о стране-изгое. В этом смысле конференция ДН продемонстрировала такой расклад сил на мировой арене, при котором к позиции Движения неприсоединения прислушались США и Израиль, до сих пор не придававшие особого внимания ему как политической силе.

В то же время изменение конфигурации мировой системы привело к логичному кризису идентичности Движения. Это немедленно образом отразилось на энтузиазме государств, который заметно снизился на фоне начавшихся поисков новой внешнеполитической стратегии. Современная группа стран, называющая себя Движением неприсоединения, собирается на конференции каждые три года, однако не обладает былым влиянием. Именно поэтому целый ряд экспертов по международным отношениям, как отечественных, так и зарубежных, высказывают разочарование в потенциале организации и придерживаются точки зрения американских внешнеполитических деятелей, нелестно отозвавшихся о ДН и назвавших его «никчемным образованием»¹².

Если рассматривать Движение неприсоединения с точки зрения системного подхода, можно выявить несомненную общность исторического развития стран, входящих в него, схожесть уровней их социально-экономического развития, а также стратегий повышения экономических показателей и преодоления социально-экономической отсталости, единство политических целей и взглядов на положение государств-членов Движения в системе международных отношений. И. Ганди справедливо отмечала, что Движение неприсоединения является историческим процессом. Анализируя процесс эволюции данной организации во времени, можно констатировать, что ДН – «устойчивое международное объединение, доказавшее свою жизнеспособность»¹³.

В то же время, несмотря на существование общих моментов в историческом развитии стран-участниц ДН, нельзя утверждать, что оно представляет собой оформившуюся подсистему международных отношений, поскольку в нем отсутствуют такие основополагающие аспекты, как общее финансово-экономическое, научно-культурное поле. Так, организация в общепринятом понимании обладает целым набором отличительных аспектов. У нее есть устав, штаб-квартира, постоянные исполнительные органы, установленные правила ее функционирования. Другая форма международного взаимодействия – конференция, созываемая вне рамок какой-либо постоянно действующей организации, – отличается тем, что созывается на короткий период времени для обсуждения и поиска путей решения определенной проблемы. Что же касается ДН, то его нельзя причислить ни к первой, ни ко второй из вышеуказанных категорий. Более того, на первой конференции Движения в 1961 г. руководители неприсоединившихся стран выступили с заявлением о том, что они «не желают создавать новый блок»¹⁴.

■ Международные отношения

Отличительным фактором ДН на первоначальном этапе его развития от, например, объединительных процессов в том же Европейском союзе служит первостепенность политического начала как импульса к объединительным процессам. Таким образом, неприсоединившиеся страны не были согласны лишь с вектором политической конфронтации между двумя противоборствующими блоками – капиталистическим и социалистическим – в то время как, по сути, они не отказывались от преемственности культурно-исторических связей и экономической принадлежности к мировой финансово-экономической системе.

В частности, Ю.И. Алимов отмечает отсутствие горизонтальных связей между неприсоединившимися государствами, а также отсутствие инфраструктуры взаимоотношений в рамках ДН. Автор приводит высказывание Ф. Кастро, который, размышляя об экономическом и социальном кризисе мира, заявил о невозможности мгновенного возникновения сотрудничества по линии Юг–Юг. Лидер кубинской революции был уверен в необходимости постепенного налаживания такого взаимодействия. Прочный экономический фундамент, полагает Ю.И. Алимов, который смог бы обеспечить должное «взаимопонимание» и взаимозависимость разрозненных элементов подсистемы международных отношений, претерпевает один из этапов своего становления. Следовательно, ДН – не самостоятельная единица международных отношений, она обладает признаками самостоятельности в рамках мировой политики¹⁵. Неприсоединившиеся государства выступают единым фронтом во имя той цели, ради которой произошло объединение, в то время как в других направлениях своих внешнеполитических и внешнеэкономических курсов они сохраняют независимость и являются самостоятельными субъектами международных отношений.

Наряду с манифестацией политической солидарности как системообразующего фактора, существует и еще одно объединительное начало: гетерогенность неприсоединившихся государств. Эта неоднородность во взглядах на развитие и позиционирование своей организации в системе международных отношений играет роль движущей силы в организации. Именно в этой разрозненности кроются и некоторые проблемы в сфере институционализации Движения, а именно отсутствие постоянного секретариата, равно как и устава. Как известно, по этой причине участники не выплачивают членские взносы, а средства Движения сконцентрированы в руках временного руководства, избирающегося на определенный период¹⁶.

Именно поэтому говорить о трансформации Движения в «классическую» международную организацию не совсем корректно, поскольку его участники не демонстрируют к этому определенной готовности¹⁷. Однако отсутствием именно институциональных структур можно объяснить факт жизнестойкости Движения. Отсутствие централизации стало в итоге сильной стороной этой структуры, позволило странам-участникам чувствовать существующую конъюнктуру и приспо-

сбавляться к ней, делая ставку на противоборство таким угрозам, как организованная преступность, распространение оружия массового уничтожения, терроризм¹⁸.

Следует отметить и тот факт, что в современных условиях, с изменением каркаса международных отношений и переориентацией системы с двухполюсной на многополярную, произошел и сдвиг в структуре внешнеполитического партнерства неприсоединившихся государств. Для того чтобы определить место ДН в системе МО, необходимо отметить, что термин «неприсоединение» включает в себя три взаимозависимых, но различных феномена, а именно: внешнеполитическую доктрину, практический политический курс государства и межгосударственную ассоциацию неприсоединившихся государств с их активностью на мировой арене. Таким образом, историю ДН, начавшуюся после Второй мировой войны, хронологически можно разделить на два периода: на Первую конференцию неприсоединившихся государств, состоявшуюся в 1961 г. в Белграде, и на то, что происходило после сентябрьского политического форума.

Первый период был временем формулирования внешнеполитической доктрины неприсоединения как таковой. Она получила свое обоснование в тезисах индийского лидера Джавахарлала Неру, озвученных им в период 1946–1947 гг.¹⁹. После того как Индия стала одним из участников нового объединения, доктрина распространилась в других странах Азии и в обретших независимость государствах Африки, что стало новой тенденцией развития международных отношений. И это при том, что само Движение не представляло собой отдельной группы стран, а действовало в рамках азиатско-африканского блока. В целом период до Белградской конференции (1940–1950-е) можно назвать временем зарождения и распространения идей неприсоединения в форме внешнеполитической концепции²⁰.

Вместе с этим на первом этапе оформления прослеживается общность позиции и солидарность во взглядах и действиях государств. Свой потенциал они продемонстрировали на Бандунгской конференции 29 афро-азиатских стран в 1955 г., оказав влияние на ее исход, будучи в меньшинстве. С присоединением Югославии к ДН процесс оформления нового объединения вышел за границы Афро-Азиатского региона. Новая концепция стала основой для построения своеобразного «коридора» между двумя центрами сосредоточения сил, какими являлись капиталистический и социалистический. Институционализация Движения на межгосударственном уровне приобретает более конкретные формы в 60–70-х гг. XX в., когда полноправными участниками международных процессов становятся недавно обретшие независимость страны. Критическая фаза развития Движения начинается с распадом биполярной системы и последовавшим за ним изменением архитектуры международных

отношений. Цель, ради служения которой было создано целое межгосударственное объединение, по сути, потеряла всякое значение в новых условиях международного взаимодействия, где заряд конфликтности отношений, строившийся на основе противоборства двух блоков, фактически свелся к нулю за счет диалоговой формы сотрудничества между странами как новой идеологии взаимодействия. По замечанию Р.В. Костюк, «историческая необходимость в объединении неприсоединившихся стран исчерпала себя»²¹. Отметим, однако, что уже упоминавшееся изначальное нежелание создавать «третий блок» устраивает страны-члены ДН, так как большинство из них параллельно участвуют в других международных организациях (Лига арабских государств, Африканский союз (бывшая Организация африканского единства), Организация Исламского сотрудничества (до 2011 г. – Организация Исламская конференция (ОИК) и др.). Как можно заключить из вышесказанного, Движение неприсоединения представляет собой новый способ организации международного сотрудничества²².

Как считает С. Морфет, окончание холодной войны заставило представителей ДН переосмыслить саму стратегию организации. Югославский аналитик и публицист Ранко Петкович пишет в этой связи: раньше Движение стремилось не вмешиваться в мировой политический процесс исключительно из-за того, что избегало быть втянутой в «водоворот» холодной войны. В настоящее же время оно, чтобы не оказаться за бортом доминирующих мировых экономических и технологических тенденций, выработало стратегию вхождения в глобальные процессы развития современного мира²³.

Вместо того чтобы сделать ставку на неудачный новый международный экономический порядок, приоритет был отдан различным формам регионального сотрудничества с развитыми странами²⁴. В нем отводится место не только вопросам мирного сосуществования и развития, но и сферам защиты окружающей среды и прав человека. Прослеживается и более гибкое отношение к странам Запада, поскольку проблемы, с которыми сталкивались страны Движения, не могли быть решены без установления диалога и сотрудничества с Европой, Соединенными Штатами и Японией.

Некоторые историки настаивают на том, что конец холодной войны привел к ослаблению тенденции сотрудничества «глобального Юга». К примеру, по мнению Ж.А. Брейвбой-Вагнер, дух Бандунгской конференции 1955 г. улетучился сам собой. В рамках «глобального Юга» больше не существует единого органа, занимающегося принятием решений. Теперь неприсоединившиеся государства вынуждены балансировать между решениями, принятыми на местном уровне, с одной стороны, и решениями, которые диктуются мировыми державами, – с другой.

Однако с такой позицией не согласна С. Морфет, убежденная, что данное замечание не вполне корректно. Адаптация Движения

неприсоединения к изменившейся международной конъюнктуре к концу холодной войны происходила через поиск более прагматичного сотрудничества с симпатизирующими западными государствами. Морфет настаивает на том, что существует огромная разница между документами, принятыми в 1988 г. в ходе встречи в Никосии, и «старомодными» меморандумами, подписанными в 1986 г. на саммите в Хараре²⁵.

Война в Персидском заливе стала периодом критического переосмысления лидерами Движения неприсоединения роли их организации в новых реалиях международных отношений. США с их агрессивной позицией, подкреплявшейся значительной долей использования авиации, высокоточного оружия и деятельности журналистов, которые вели информационную войну, представляли собой силу, впоследствии изменившую события в Заливе. В результате внутри Движения возникли логичные сомнения в собственном потенциале противостояния капиталистическому блоку, обладавшим большим влиянием в сложившихся исторических обстоятельствах²⁶.

Кроме того, неприсоединившиеся государства опасались, как справедливо отмечает С. Крылов в работе «Движение неприсоединения в многополярном мире»²⁷, что более тесное сотрудничество между западными и восточными центрами влияния в значительной мере снизит уровень их внимания к комплексу проблем третьих стран. Такое положение вещей привело бы к тому, что Движение утратило бы роль нейтрального коридора, предоставлявшего определенную «буферную зону» государствам, которые не желали служить интересам биполярной системы.

Для разрешения этой ситуации участники Движения предлагали уйти от политики и заниматься экономическими вопросами. Однако позиция пораженчества, предполагавшая превращение в некое сообщество государств, решающих экономические проблемы, не вполне устраивала другую часть представителей неприсоединившихся стран. Они выступали за расширение влияния сообщества на пространстве ООН за счет усиления роли Генеральной Ассамблеи и реформирования Совета Безопасности. Таким образом, события в Персидском заливе заставили руководителей Движения не только критически осмыслить значение организации в новых исторических условиях, но и поставили под вопрос ее выживание²⁸.

Тем не менее дискуссия вокруг переосмысления значения Движения приобретает принципиально иной оттенок в ходе X саммита руководителей государств и правительств, входящих в состав организации, состоявшемся в 1992 г. в Индонезии. Новым руководителем сообщества, стоявшего в тот критический момент на перепутье, становится второй президент Индонезии Мухаммед Сухарто, чье председательство историки окрестили «пожарным». Страны-участницы неприсоединения начали поиск новой концепции, которая могла бы адаптировать организацию к изменившейся ситуации на международной арене и

■ Международные отношения

продемонстрировала жизнестойкость сообщества. В Джакарте лидеры Движения приняли ключевое решение отказаться от идеи противостояния по идеологическому принципу.

В 1995 г. эстафету по решению непростой задачи принимает Колумбия, ставшая хозяйкой XI саммита неприсоединившихся государств²⁹. Участники форума сошлись во мнении, что для организации жизненно необходимо перестать маневрировать между позициями основных международных игроков. Основной пункт повестки на ближайшее время заключался, по мнению неприсоединившихся, в необходимости выстраивания своей позиции, исходя из взаимодействия со всем спектром государств, представленных на мировой политической арене. Наряду с этим, разрушение биполярной системы привело к интеграционным процессам на Севере, что, в свою очередь, особым образом акцентировало внимание на проблеме интеграции Юга. Идеологи Движения увидели в нем актора, способного взять на себя роль по консолидации сил Юга, а также по разработке позиции развивающихся стран относительно финансовых интеграционных процессов в мире.

Председательство Колумбии закончилось в 1998 г., когда саммит Движения проходил в ЮАР. Подписанная там декларация стала манифестом целей и путей развития неприсоединившихся государств на современном этапе. По убеждению С. Крылова, на саммите в Дурбане была выполнена «программа вхождения развивающихся государств в XXI век»³⁰. В этом документе отражены основные пункты, в соответствии с которыми организация строит свое сотрудничество со своими партнерами и позиционирует себя на мировой арене. Таким образом, можно констатировать, что страны-члены Движения неприсоединения успешно преодолели критическую фазу своего развития и вышли на качественно иной уровень.

Произошла переориентация деятельности данной группы стран, а также своеобразная переоценка ценностей. Если раньше они располагались между «молотом и наковальней», то теперь они мыслят себя как государства, внимание которых целиком и полностью направлено на решение других, более насущных задач. Такая приземленность обеспечивает более конкретный характер взаимодействия, подразумевающего решение социально-экономических проблем, в число которых входят преодоление отсталости третьих стран в развитии и реструктуризация долга развитым государствам.

Возрастающее значение Движения неприсоединения наблюдается и в отношении к нему мировых держав. Один из таких примеров – Китай. За последние два десятилетия это азиатское государство добилось немалых успехов в деле интеграции своей экономики в мировое производство. Стремительное развитие экономической сферы шло рука об руку с приобретением более заметной роли в мировом политическом процессе. В октябре 1971 г. Китай становится

постоянным членом Совета Безопасности ООН. В 1980-х гг., несмотря на стремление держаться в тени, Китай принимает участие совместно с другими постоянными членами в попытках разрешить проблему ирано-иракской войны. В 1990-х гг. «азиатский тигр» воздерживался от принятия решений по многим резолюциям, включая резолюцию, учредившую Международный трибунал по Руанде, и призыв остановить военные действия в Косово.

С распадом Советского Союза Индия больше не могла накладывать вето в отношении присоединения Китая в ДН. После ряда последовательных дипломатических действий Пекин в 1991 г. объявил о статусе наблюдателя в организации. Представители ДН в свою очередь были очень довольны тем, что с этого момента в числе наблюдателей значится постоянный член Совета Безопасности ООН. Хотя следует также подчеркнуть, что под фасадом многополюсного мира скрывается все то же противоборство двух миров. Только конфигурация противоборства изменилась – теперь можно наблюдать мир, выстроенный по западному образцу и возглавляемый Соединенными Штатами, с одной стороны, а с другой – страны, которые стремятся обеспечить своему населению уровень и стандарты жизни, задаваемые Западом, но в то же время старающиеся в определенной степени оградить себя от чрезмерного влияния и диктата западных государств. В таком подходе проглядывается «кукольность» того, за чем гонится многополюсный мир. В общем и целом справедливо констатировать, что противоборство двух блоков не исчезло, а приобрело новые очертания и стало более завуалированным.

Тем не менее, несмотря на существующее положение вещей, Движению, ставшему одним из составных частей современного миропорядка, а также одним из конструктов мировой политической системы, так и не удалось превратиться во влиятельного игрока. Принимая во внимание сильные стороны ДН как международного актора, необходимо также учитывать, что неприсоединившиеся государства не обладают достаточным влиянием, необходимым для того, чтобы отменять или значительным образом менять уже принятые решения, принятые в ходе важных политических форумов общемирового масштаба.

Pavlov I.I. Historical and theoretical justification of Movement of non-alignment.

Summary: In the article the author draws attention to the subject of the Non-Aligned Movement, examines key periods of its evolvement as well as compares various points of view on the role and place of the Non-Aligned Movement in the contemporary world. More importantly, the author regards as one of the crucial problems the question of a further organization's development within the confines of current international relations; as well as analyses following transformation of its goals and aims in response to the threats of the changing world.

Ключевые слова

Движение неприсоединения, Движение неприсоединения на современном этапе, биполярная система международных отношений, кризис идентичности Движения неприсоединения, подсистема международных отношений, неприсоединившиеся государства, холодная война, Бандунгская конференция, Белградская конференция 1961 г.

Keywords

Non-Aligned Movement, Non-Aligned Movement in the contemporary world, bipolar system of international relations, identity crisis of the Non-Aligned Movement, sub-system of international relations, non-aligned states, Cold War, Afro-Asian (Bandung) conference, Belgrade Conference of 1961.

Примечания

1. Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/russian/question/faq/faq.htm>.
2. Y. Alexeyev, Y. Ettinger NAM: History and reality: A study. New Delhi: Allied Publishers, 1987. 43 p.
3. Матонин Е.В. Иосип Броз Тито. М.: Молодая Гвардия, 2012. С. 341.
4. Там же.
5. Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/russian/question/faq/faq.htm>.
6. Седов Д.А. Новое дыхание Движения неприсоединения [Электронный ресурс]// Электронное издание «Фонд стратегической культуры». 2012. URL: <http://fondsk.ru>
7. Седов Д.А. Новое дыхание Движения неприсоединения [Электронный ресурс]// Электронное издание «Фонд стратегической культуры». 2012. URL: <http://fondsk.ru>
8. Седов Д.А. Новое дыхание Движения неприсоединения [Электронный ресурс]// Электронное издание «Фонд стратегической культуры». 2012. URL: <http://fondsk.ru>
9. Крылов С.А. 50 лет Движению неприсоединения: итоги и перспективы [Электронный ресурс] С.А.Крылов // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 3. URL:http://www.vestnik.mgimo.ru/filesserver/24/02_Krylov.pdf
10. К первой группе относятся Р. Яковлевский, М. Гьяби, С. Морфет. Вторая группа включает таких исследователей, как С.А. Крылов, Д.А. Седов.
11. Движение неприсоединения: холодный душ для Вашингтона и мировой мафии [Электронный ресурс]//Цензор.нет. 2012. URL: http://sensor.net.ua/forum/626247/dvijenie_neprisoedineniya_holodnyyi_dush_dlya_vashingtona_i_mirovoyi_mafii
12. Крылов С.А. 50 лет Движению неприсоединения: итоги и перспективы [Электронный ресурс] / С.А.Крылов // Вестник МГИМО-Университета.2012.№3 URL:http://www.vestnik.mgimo.ru/filesserver/24/02_Krylov.pdf
13. Алимов Ю.И. Неприсоединение: история, теория, проблемы. М.: Прогресс, 1990. С. 195.
14. Ibid. 47 p.
15. Там же. С. 197.
16. Официальный сайт Посольства Исламской Республики Иран в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iranembassy.ru>
17. Y. Alexeyev, Y. Ettinger NAM: History and reality: A study. New Delhi: Allied Publishers, 1987. 53 p.
18. Крылов С.А. Движение неприсоединения в многополярном мире. Интересы России не только на Севере и Западе, но и на Юге и Востоке. [Электронный ресурс]// Ежемесячный информационно-аналитический журнал «Обозреватель – Observer». 2006. №10 (165).
19. Крылов С.А. Движению неприсоединения 40 лет [Электронный ресурс]// Ежемесячный информационно-аналитический журнал «Обозреватель–Observer».2000.№1.URL: http://www.rau.su/observer/N04_01/4_10.HTM
20. Ibid. 48 p.
21. Костюк Р.В. Движение неприсоединения в эпоху холодной войны [Электронный ресурс] /Р.В. Костюк// Клио. 2011. № 4. URL:<http://www.intelros.ru/pdf/alternativa/2011/04/10.pdf>
22. Ibid. 55 p.
23. R. Petkovic. Non-alignment – an independent factor in the democratization of international relations/Ranko Petkovic; Transl. Bosko Milosavljevic. Beograd: Socialistic thought and practice, 1979
24. Sally Morphet. Multilateralism and the Non-Aligned Movement: What Is The Global South Doing and Where Is It Going? [Electronic resource]// Global Governance Vol.10, No. 4 (Oct.-Dec. 2004), 523 p. URL:<http://www.arts.ualberta.ca/~courses/PoliticalScience/357B1/documents/MorphetMultilateralismNAMWhatIsGlobalSouthDoing.pdf>
25. Sally Morphet. Multilateralism and the Non-Aligned Movement: What Is The Global South Doing and Where Is It Going? [Electronic resource]// Global Governance Vol.10, No. 4 (Oct.-Dec. 2004), 523 p. URL:<http://www.arts.ualberta.ca/~courses/PoliticalScience/357B1/documents/MorphetMultilateralismNAMWhatIsGlobalSouthDoing.pdf>
26. Крылов С.А. Движение неприсоединения на пороге XXI века [Электронный ресурс]// Информационно-аналитический портал «Наследие». 2000. URL: http://old.nasledie.ru/politvne/18_6/article.php?art=20
27. Крылов С.А. Движение неприсоединения в многополярном мире. Интересы России не только на Севере и Западе, но и на Юге и Востоке. [Электронный ресурс]// Ежемесячный информационно-аналитический журнал «Обозреватель – Observer». 2006. №10 (165). URL:http://www.rau.su/observer/N10_2003/10_05.HTM
28. Крылов С.А. Движение неприсоединения в многополярном мире. Интересы России не только на Севере и Западе, но и на Юге и Востоке. [Электронный ресурс]// Ежемесячный информационно-аналитический журнал «Обозреватель – Observer». 2006. №10 (165). URL:http://www.rau.su/observer/N10_2003/10_05.HTM
29. Крылов С.А. 50 лет Движению неприсоединения: итоги и перспективы [Электронный ресурс] / С.А.Крылов // Вестник МГИМО-Университета.2012.№3 URL:http://www.vestnik.mgimo.ru/filesserver/24/02_Krylov.pdf
30. Крылов С. А. Движение неприсоединения на новом этапе. Приоритет Гаваны. [Электронный ресурс]// Ежемесячный информационно-аналитический журнал «Обозреватель – Observer». 2007. №5. URL: http://www.rau.su/observer/N5_2007/096_108.pdf

Кто обеспечит безопасность Арктики?

О.Б. Александров

Данная статья посвящена проблеме обеспечения безопасности Арктического региона. Автор дает характеристику Арктическому региону, указывает на изменения, которые произошли в нем после завершения холодной войны, анализирует ту роль, которую региональные и нерегиональные институты могут сыграть в процессе обеспечения безопасности Арктики, а также фокусирует внимание на особенностях российского подхода к проблеме безопасности Арктики¹.

Арктический регион последние десятилетия переживает значительные перемены, главным «виновником» которых стало потепление климата. Постепенное освобождение Арктики ото льдов оказывает серьезнейшее воздействие на изменение всего комплекса отношений в Арктике – военно-стратегических, политических, экономических и гуманитарных. Наиболее обсуждаемой темой являются энергетические запасы Арктики, которые, по мнению многих экспертов, а также по результатам геологических исследований ряда стран составляют до 25% мировых. Прежде всего речь идет о перспективах их раздела между арктическими государствами и о сопутствующих аспектах этого процесса.

На фоне завершения эпохи дешевой нефти желающих принять участие в разделе арктических богатств все больше, их не останавливает высокая себестоимость добычи энергоресурсов на арктическом шельфе. Основная интрига состоит в том, произойдет ли этот раздел мирным путем или же мы станем свидетелями вооруженных конфликтов. На этом фоне постепенно набирает оборот дискуссия о том, что же Арктический регион представляет собой с точки зрения безопасности.

Арктика вчера и сегодня

В период холодной войны Арктика была территорией противостояния Запада и Востока, местом сосредоточения значительных военных сил. Через просторы Северного Ледовитого океана проходили кратчайшие маршруты межконтинентальных баллистических ракет, а также трассы стратегических бомбардировщиков. Подводные лодки США и СССР активно осваивали северные широты, а блок НАТО создавал и развивал здесь разветвленную военную инфраструктуру – аэродромы, станции слежения, базы для подводных лодок в Норвегии, Гренландии (Дания), Исландии, США и Канаде. Советский Союз проводил в Арктике испытания ядерного оружия, а также укреплял в Арктике свое военное присутствие. Известно, что Северный флот был наиболее боеспособным среди всех флотов СССР. Иначе говоря, Арктика рассматривалась и Западом, и Востоком как наиболее вероятное место столкновения главных держав того времени – США и СССР, именно отсюда протагонисты ждали нападения и готовились к его отражению.

На сегодняшний день военная конфронтация в Арктике ушла в прошлое. О ней напоминает

Александров Олег Борисович – к.и.н., доцент кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России. E-mail: aleksandrov-oleg@yandex.ru

лишь сохранившаяся военная инфраструктура, расположенная на территории стран региона, да регулярные военные учения, проводимые под эгидой НАТО. Несмотря на это, многие эксперты и журналисты тему раздела Арктики продолжают описывать в терминологии холодной войны. Тематика противостояния в Арктике плавно перетекла из военно-политической в информационную сферу. Недалек тот день, когда сюжет «великой битвы за Арктику» будет востребован кинематографом Голливуда. Между тем официальная позиция большинства стран региона основывается на том, что на сегодняшний день конфронтационная стабильность в Арктике уступила место сотрудничеству и диалогу.

Иными словами, климат безопасности в Арктике также значительно потеплел, хотя общественное восприятие склонно запаздывать с осознанием происходящих в регионе изменений. Между тем глубина и стремительность перемен создают атмосферу неопределенности, служат источником появления различных фобий. На климат безопасности в Арктике оказывают воздействие потенциальные угрозы, конфликты интересов государств и транснациональных компаний, экологические риски и неурегулированные территориальные споры, скрытые противостояния, складывающиеся альянсы и контральянсы и все то, что формирует региональную среду.

Политическая архитектура Арктики

Интенсивность международных отношений в регионе настолько высока, что давно вышла за рамки только двусторонних отношений. Большинство региональных проблем в значительной степени носят трансграничный характер. Благодаря этому Арктический Совет, созданный как форум для обсуждения региональных проблем природопользования и изначально сторонившийся обсуждения проблем безопасности и иных вопросов «высокой политики», постепенно набирает политический вес. Получить статус наблюдателя в нем стремятся многие государства мира и даже крупнейшие в мире интеграционные группировки (к примеру, ЕС), которые включили Арктику в список своих внешнеполитических интересов. На сегодняшний день Арктический Совет по-прежнему включает в себя все восемь государств региона, ряд неправительственных организаций и представителей коренных народов Крайнего Севера.

Политическую архитектуру региона дополняет форум государств «арктической пятерки», который отмечает в этом году свое пятилетие. Кроме того, есть несколько объединений, созданных на субрегиональном уровне – Совет министров северных стран, Совет Баренцева Евро-Арктического региона, а также ряд неправительственных структур. В целом институциональная структура региона претерпела значительные перемены и в настоящий момент представляет собой сложную многоуровневую конструкцию, в основу которой положены интенсивные двусторонние и многосторонние контакты между арктическими

государствами, а также взаимодействие по линии вышеуказанных институтов.

Несмотря на продолжающиеся изменения в регионе, институциональная структура в Арктике уже фактически сформирована, и мы вряд ли станем свидетелями появления чего-то принципиально нового. Подавляющее большинство государств региона выступает за дальнейшее укрепление роли Арктического Совета и расширение его направлений деятельности. Показательно, что даже США, сдержанно воспринимающие усиление региональных институтов, в 2010 г. заявили о том, что формат Арктического Совета по ряду вопросов более предпочтителен, чем формат «арктической пятерки». Очевидным шагом вперед в деятельности Арктического Совета стало подписание в 2011 г. под его эгидой межправительственного соглашения об авиационном и морском поиске и спасении. Тем самым Арктический Совет ясно дал понять, что в состоянии расширить традиционную «климатическую и природоохранную» повестку дня и взяться за решение вопросов «мягкой безопасности».

Другой арктический форум – «арктическая пятерка» – занят решением проблем иного рода. Прежде всего они связаны с определением границ континентального шельфа прибрежных государств, а также с проблемой бережного природопользования в Арктике. Кроме того, форум «арктической пятерки» играет роль дополнительной переговорной площадки, где за столом переговоров сидят представители государств, имеющих прямой выход к СЛО и претендующие на раздел его шельфа. Представляется, что именно в рамках «арктической пятерки» может быть решен вопрос о выделении участков Северного Ледовитого океана для «зоны мирового наследия». Разногласия государств по вопросу о разделе богатств Арктики угрожают стабильности Арктического региона и создают риск серьезного столкновения интересов, которое при определенном развитии событий может вылиться и в вооруженное противостояние.

В оценке проблем безопасности Арктического региона официальная российская позиция исходит из того, что угроз военного характера в регионе не существует или они являются минимальными. Об этом говорится в «Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу». В российской стратегии ясно выражено желание сохранить Арктику в качестве зоны мира и сотрудничества. Вместе с тем в сфере военной безопасности стратегия нацелена на «обеспечение благоприятного оперативного режима в Арктической зоне Российской Федерации, включая поддержание необходимого боевого потенциала группировок войск (сил) общего назначения Вооруженных сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов в этом регионе». Российское видение во многом совпадает и с позицией других стран региона. К примеру, арктическая стратегия Швеции также исходит из того, что «вызовы безопасности Арктического региона не носят военного характера»². Однако парадокс нашего времени заключается

■ Международные отношения

в том, что чем чаще государства говорят о мире, разоружении и сотрудничестве, тем активнее они вооружаются.

Конкуренция за право обеспечивать безопасность Арктики

Разговор о методах обеспечения и поддержания безопасности в регионе так или иначе перетекает в дискуссию о конкретных институтах, которые могли бы способствовать укреплению мер доверия в регионе и предотвращать кризисы. В этой связи имеет смысл кратко оценить потенциал НАТО, ОБСЕ и ООН как организаций, на которые страны Арктического региона могли бы рассчитывать в плане обеспечения региональной безопасности. Альтернативный сценарий предусматривал бы ситуацию, когда государства Арктического региона опираются исключительно на региональные институты – к примеру, на действующий Арктический Совет или на иную организацию, которая могла бы быть создана в масштабах региона для решения подобных задач.

Способен ли Североатлантический альянс внести существенный вклад в укрепление безопасности Арктического региона? Представляется, что скорее нет, чем да, и этому есть несколько причин:

– во-первых, политическая архитектура региона уже сформирована, и каждый действующий в регионе институт уже занял свою нишу. Единственная сфера, в которой НАТО гипотетически мог бы себя проявить, это сфера жесткой безопасности. Однако, по мнению и самих арктических государств, и большинства экспертов, регион не испытывает угроз, связанных с возникновением и эскалацией вооруженных конфликтов. В такой ситуации приглашение в регион НАТО было бы равнозначно признанию, что Арктический регион испытывает дефицит безопасности, что не соответствует действительности. Следует при этом оговориться, что НАТО де-факто уже присутствует в регионе, так как четыре государства из «арктической пятерки» являются его членами. В рамках Арктического Совета семь из восьми государств либо являются членами НАТО, либо активно сотрудничают с альянсом на постоянной основе. В этом контексте под «приглашением» НАТО следовало бы понимать привлечение альянса в роли арбитра при обсуждении внутрирегиональных проблем;

– во-вторых, эффективно решать проблемы безопасности региона может лишь та организация, в которую входят все без исключения государства региона. В данном случае Россия как одно из главных арктических государств не является членом НАТО. Это весьма весомый аргумент, который позволяет России блокировать попытки альянса играть более активную роль в Арктике. Более того, отношения России с НАТО на протяжении последних десятилетий отличаются взаимным недоверием и крайне противоречивой динамикой;

– в-третьих, еще одно сдерживающее обстоятельство связано с осторожной и взвешенной позицией большинства государств региона. Они отдают себе отчет в том, что привлечение в регион

НАТО будет де-факто означать усиление роли США и других влиятельных государств альянса в Арктике. Это не только будет противоречить их собственным национальным интересам в регионе, но может разрушить сложившийся здесь климат доверия, который сформировался в Арктике после завершения холодной войны. Не только Россия и Швеция, но и большинство стран региона, за исключением Норвегии, не видят необходимости в проецировании военного потенциала НАТО в отношении Арктики. Да и позиция Осло озвучивалась еще до достижения масштабного соглашения с Россией в 2010 г. Таким образом, в условиях успешно развивающегося арктического диалога нет никакой необходимости в «секьюритизации» проблемы расхождения позиций сторон по тем или иным аспектам развития Арктики. Подобные расхождения вполне естественны и могут успешно решаться в рамках двустороннего диалога, а также в рамках существующих переговорных площадок – Арктического Совета и «арктической пятерки».

Оценить роль ООН в качестве арбитра в обсуждении проблем Арктики значительно проще, так как, в отличие от НАТО, ООН эту роль уже играет. Именно Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. является базовым правовым документом по вопросам разграничения континентального шельфа Арктики, а соответствующий комитет ООН уполномочен рассматривать заявки арктических государств по поводу расширения этих границ. Регулирующая роль ООН в обеспечении безопасности Арктического региона исключительно важна, тем более что основополагающие принципы ООН вписаны красной строкой в международное и национальное законодательство.

Однако взять на себя реализацию задач практического характера по обеспечению безопасности Арктического региона ООН не сможет. Причины этого лежат на поверхности: организация и без того вовлечена в урегулирование кризисных ситуаций по всему миру. При осуществлении миротворческих функций ООН не располагает механизмами военного принуждения. Согласно главе VIII своего Устава, ООН может лишь сотрудничать с региональными организациями и структурами в вопросах принуждения к миру. С другой стороны, далеко не все арктические государства на практике признают верховенство ООН в решении глобальных и региональных проблем безопасности. К примеру, США до сих пор не ратифицировали вышеупомянутую Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. Тем не менее авторитет ООН намного выше авторитета НАТО, что позволяет надеяться на то, что регулирующая роль ООН в решении проблем Арктики сохранится, а благоразумие государств не позволит им разрушить действующие рамки сотрудничества.

Пожалуй, ОБСЕ выглядит самым слабым кандидатом на роль гаранта безопасности Арктического региона. В заслугу прежде весьма авторитетного европейского форума можно поставить лишь идею создания единого пространства

безопасности от Ванкувера до Владивостока, которая не раз озвучивалась в рамках этой организации и закреплена в итоговых документах ее саммитов. Единое пространство безопасности, в соответствии с данным определением, включает в себя и все арктическое пространство. Однако выдвигая подобную идею, ОБСЕ практически ничего не делала для ее реализации. Неуклонная деградация общеевропейского форума заметна многим российским и зарубежным наблюдателям еще с конца 1990-х гг. Все больше вопросов возникает в отношении места и роли ОБСЕ в новой архитектуре европейской безопасности, все чаще высказываются сомнения относительно ее жизнеспособности, умения отвечать на новые вызовы безопасности и сохранять авторитет в глазах участников.

Москва традиционно рассматривала СБСЕ/ОБСЕ как авторитетную структуру, которая могла бы способствовать усилению позиций России на международной арене, позволила бы использовать ее статус как государства-продолжателя СССР в решении ключевых проблем Европы и постсоветского пространства и не допустила бы формирования НАТОцентристской модели европейской безопасности. Однако начиная с конца 1990-х гг. и вплоть до настоящего времени ОБСЕ стала утрачивать позиции в решении проблем региональной безопасности, включая такие ее аспекты, как превентивная дипломатия и постконфликтное урегулирование.

Играя второстепенные роли в архитектуре европейской безопасности, ОБСЕ не оставляет себе шанса и для усиления своих позиций в арктическом регионе. По всем ключевым позициям ОБСЕ проигрывает и ООН, и НАТО. Не располагая авторитетом, сравнимым с авторитетом ООН, ОБСЕ не располагает и механизмом военного обеспечения безопасности. По этому направлению ОБСЕ полностью уступает НАТО. Более того, не поддерживая предложенную Россией идею подписания договора о европейской безопасности (ДЕБ), ОБСЕ фактически подтвердил невозможность своего возвращения на прежние позиции.

Большинство арктических государств реалистично оценивает сложившуюся ситуацию и ратует за сохранение статус-кво. При этом акценты у всех расставлены по-разному. К примеру, Норвегия выступает за привлечение НАТО к решению региональных проблем безопасности. Швеция делает упор на усилении роли региональных институтов (Арктический Совет, Совет министров северных стран, СБЕР), а также на полномесном участии ЕС в арктических делах. Позиция Финляндии во многом схожа с позицией Швеции. Дания выступает за усиление роли Арктического Совета и усиление роли ЕС в Арктике. Исландия выступает за демилитаризацию Арктического региона и укрепление Арктического Совета. Канада и США на официальном уровне не выступали за усиление позиций НАТО в регионе, оставляя простор для самостоятельных действий. Однако и та, и другая страна считают Арктический Совет полезной и дееспособной организацией.

В чем состоит российский интерес?

На этом фоне Россия также выступает не за изменение, но за сохранение статус-кво. В интересах России сохранение военно-стратегического равновесия в Арктике, которое укрепляет доверие и способствует тому, чтобы безопасность в регионе обеспечивалась преимущественно силами региональных государств и организаций. В этом смысле Россия заинтересована в усилении роли Арктического Совета как главного регионального института, который в состоянии взять на себя решение проблем «мягкой» безопасности. Не выступая за демилитаризацию региона, что в сложившихся реалиях было бы безумной фантазией, Россия продвигает принцип разумной достаточности в сфере обеспечения национальной безопасности со стороны каждого государства Арктического региона. Стоит особо отметить, что среди всех арктических государств лишь Россия значительно сократила свой военный потенциал в Арктике, прежде всего численность кораблей и личного состава Северного флота. Москва способна оказывать и более заметное воздействие на формирование климата безопасности в Арктике. К примеру, вышеупомянутый проект договора о европейской безопасности (ДЕБ) мог бы найти свое применение на арктических просторах, сняв напряженность в отношениях между некоторыми арктическими государствами и внедрив принцип «неделимости безопасности» в данном регионе.

Учитывая возросшую военную активность ряда государств в Арктике, возникает необходимость не только в подписании подобного договора о безопасности в Арктике, но и о переосмыслении самой концепции безопасности региона. По целому ряду причин Арктика не может быть местом создания безъядерной зоны или стать территорией, свободной от всех видов вооружений. Однако арктические государства могут прийти к общему пониманию того, что требуется для создания крепкого фундамента региональной безопасности. В частности, арктические государства вполне могут договориться об ограничении военного присутствия в районах открытого моря, об ограничении проведения военных учений вблизи границ третьих стран, а также об ограничении либо полном запрещении военной активности неарктических государств в акватории Северного Ледовитого океана. Наконец, развитие арктических транспортных маршрутов и прогнозируемый рост морских перевозок энергоресурсов выносит на повестку дня вопросы обеспечения экологической безопасности, которая включала бы в себя адресную ответственность за разливы нефти. Участниками данных соглашений могли бы стать как государства, так и крупные компании – нефтедобывающие и транспортные.

Безопасность Арктики немыслима без укрепления мер доверия в регионе. Несмотря на то что Арктика из зоны конфронтации превращается в регион сотрудничества, историческая память

■ Международные отношения

о периоде холодной войны и взаимной конфронтации никуда не исчезла. Возможная угроза безопасности как раз и состоит в том, что в новых условиях может возникнуть искушение использовать старые ответы на новые вызовы. Разделяя со своими арктическими соседями память о событиях того времени, Россия, пожалуй, более остальных арктических стран восприимчива к изменению регионального баланса сил.

Российская арктическая политика последних 4–5 лет была направлена главным образом на защиту и продвижение своих экономических интересов в регионе, а также на обеспечение национальной безопасности. Вместе с тем Россия с пониманием относилась к аналогичной деятельности других стран региона. Однако это лишь одна сторона медали. На другой стороне медали видны опасения Москвы, что действия, связанные с обеспечением безопасности некоторых стран, могут спровоцировать гонку вооружений в Арктике. Как уже было сказано выше, Россия, не выступая за демилитаризацию региона как нереалистичный сценарий, вместе с тем испытывает тревогу при виде растущей военной активности государств региона, особенно если эта деятельность выходит за рамки национальных границ и заявляет о себе в виде растущего числа военных учений либо активизации военных альянсов.

Таким образом, позицию Москвы по вопросу о безопасности в Арктике довольно точно описывает термин «разумная достаточность». В плане практических действий это может означать признание права арктических государств обеспечивать безопасность своей территории и интересов теми силами и средствами, которые они сочтут возможными, однако не выходя при этом за пределы своих национальных границ. Россия за последние годы поддерживала все виды взаимодействия арктических государств в сфере «мягкой» безопасности, включая такие направления, как спасательные и эвакуационные мероприятия, мониторинг климатических изменений, обеспечение безопасности кросс-полярных авиационных маршрутов, а также безопасность морских перевозок, борьба с нелегальной миграцией, взаимодействие пограничных служб и т.п. В частности, Россия предприняла ряд действий по усилению контроля за использованием трасс Северного морского пути (СМП). В июне 2012 г. была принята новая редакция Закона о СМП, в которой он определяется как «исторически сложившаяся национальная транспортная коммуникация Российской Федерации»³. Эти действия России направлены на то, чтобы обеспечить мягкий недискриминационный контроль за его использованием, за введение высоких стандартов безопасности российских и иностранных судов.

Изменение климата в Арктике и освобождение значительной ее части ото льда предоставляют России уникальный шанс преодоления статуса континентальной

евразийской державы и превращения в полноценную морскую державу. Этому способствуют таяние льдов, которое активнее всего происходит вдоль Арктического побережья РФ в границах исключительной экономической зоны (ИЭЗ). Свободная ото льдов акватория Северного Ледовитого океана предоставляет России свободный доступ как в Атлантический, так и в Тихий океаны. Соответственно новые климатические условия в Арктике по-новому расставляют акценты и в обеспечении безопасности России. Российской арктической политике лишь только предстоит в ближайшем будущем расставить эти акценты.

К 2016 г. должна быть введена в эксплуатацию первая в мире плавучая атомная станция «Академик Ломоносов». С ее помощью Россия может решить проблему бесперебойного энергоснабжения городов Российского Севера, а применительно к сфере безопасности – создать благоприятные условия для круглогодичного функционирования арктических военных баз. Согласно «Стратегии развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 г.» планируется построить около пяти подобных атомных энергоблоков. Предусматривается и строительство атомных ледоколов нового класса на основе подписанного в августе 2012 г. соглашения между госкорпорацией «Росатом» и ООО «Балтийский завод-Судостроение». Наличие мощного ледокольного флота не только даст России конкурентные преимущества, но и повысит уровень ее безопасности в Арктике. Как бы то ни было, в долгосрочном плане надежное обеспечение безопасности России в Арктике возможно лишь при выполнении одного условия – при проведении систематической политики в отношении данного региона, которая включала бы политическое, энергетическое, военное, гуманитарное и социально-экономическое измерение.

Подводя итоги вышесказанному, следует обратить внимание на следующее: с точки зрения безопасности Арктика представляет собой регион, в котором за короткий срок произошли значительные перемены, преимущественно связанные с потеплением климата и освобождением значительной части Северного Ледовитого океана ото льда. Изменение климата, в свою очередь, ставит на повестку дня вопросы об уточнении границ в Арктике, о разделе и разработке месторождений нефти и газа, расположенных на арктическом шельфе, накладывает свой отпечаток на геополитический расклад сил в регионе, создает атмосферу неопределенности и возрождает фобии времен холодной войны. Все эти факторы в той или иной степени могут представлять угрозу безопасности региона, провоцировать рост взаимного недоверия и приводить к столкновению интересов государств.

Вместе с тем Арктический регион, как и многие другие регионы мира, представляет собой регион с довольно развитой международно-правовой и институциональной основой, интенсивными

контактами между государствами, – то есть всем тем, что необходимо для решения разногласий мирными средствами. Таким образом, безопасность Арктики может обеспечиваться силами самих арктических государств, без активного привлечения помощи извне. Подписание в рамках Арктического Совета соглашения о морском поиске и спасении служит примером коллективного участия арктических государств в урегулировании неотложных вопросов безопасности. Представляется, что попытки ряда стран Арктики либо отдельных политиков разыграть «русскую карту» в арктической игре для привлечения в регион НАТО с целью последующего давления на Москву были бы контрпродуктивными. Это разрушило бы пока еще хрупкий фундамент доверия в отношениях между странами региона и вынудило бы Москву искать союзников из числа стран неарктического региона.

Наконец, важным фактором, оказывающим воздействие на обеспечение безопасности региона, в обозримой перспективе останутся проблема влияния неарктических стран в Арктике,

их растущее экономическое и потенциально военное присутствие в регионе. О серьезном интересе к Арктике и ее ресурсам заявило более 30 государств мира, не считая такое крупнейшее интеграционное объединение мира, как Европейский союз. В этой ситуации безопасность на пространстве Арктики будет зависеть от усилий самих арктических государств, их способности укреплять действующие региональные институты и договариваться по ключевым аспектам безопасности Арктического региона.

Aleksandrov O.B. Who will provide security for the Arctic?

Summary: *This article is devoted to a problem of security of the Arctic region. The author portrays the contemporary state of the Arctic region, indicates changes which happened in the region after the end of "the cold war", analyzes the role which regional and non-regional institutions can play in the security protection of the Arctic, and also focuses attention on the Russian approach to a problem of security of the Arctic.*

Ключевые слова

Военно-стратегическое равновесие, климат безопасности, поисково-спасательные операции, «мягкая» безопасность.

Keywords

Military-strategic balance, security climate, search and rescue operations, soft security.

Примечания

1. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу URL: <http://www.rg.ru/2009/03/30/arktika-osnovy-dok.html>.
2. Sweden's Strategy for the Arctic region. Government Offices of Sweden. Ministry for Foreign Affairs. Stockholm, 2011.
3. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственного регулирования торгового мореплавания в акватории Северного морского пути» // Российская газета. 30.07.2012. № 172.

Положение в Афганистане и возможная его эволюция в контексте «фактора 2014»

А.А. Орлов

В статье дается анализ положения в Афганистане в преддверии вывода из страны Международных сил содействия безопасности (МССБ) и содержится прогноз возможного развития событий в последующий период. Автор считает, что критически важное значение для будущего Афганистана имеет его интеграция в мировую экономику. Текст статьи подготовлен на основе тезисов выступления автора на заседании Научно-экспертного совета ОДКБ, состоявшегося 25 января 2013 г.

П риблизается 2014 год – новый рубежный момент в современной истории Афганистана. В этот период должна завершиться активная фаза операции Международных сил содействия безопасности (МССБ), созданных в соответствии с резолюцией 1386 Совета Безопасности ООН от 20 декабря 2001 г. В состав МССБ на протяжении одиннадцати лет операции входили представители 50 стран – членов НАТО и ряда государств, не расположенных в Евро-Атлантическом регионе. В качестве примеров назовем Австралию, Новую Зеландию, Иорданию, Малайзию, Монголию, ОАЭ, Сальвадор, Сингапур и т.д. Из бывших советских республик в Афганистан были направлены военнослужащие из Азербайджана, Армении, Грузии, Латвии, Литвы, Украины и Эстонии. С августа 2003 г. командование МССБ осуществлялось Североатлантическим союзом.

Костяк сил МССБ, по понятным причинам, составляют военные США¹. Именно это государство стало инициатором проведения операции в Афганистане в ответ на серию террористических актов на территории Соединенных Штатов, известных как события 11 сентября 2001 г. Официальными целями операции США в Афганистане были:

- свержение режима талибов;
- освобождение страны от их влияния и разгром обосновавшейся в Афганистане международной террористической организации «Аль-Каида».

Анализ нынешней ситуации в Афганистане показывает, что, несмотря на огромные материальные

затраты и понесенные потери (по состоянию на 1 декабря 2012 г. потери МССБ составили 3233 военнослужащих погибшими, из них – 2161 американец), объявленные цели операции в Афганистане так и не были выполнены. Движение Талибан, которое в первые годы войны было серьезно дезорганизовано и, как казалось на определенных этапах конфликта, находилось в шаге от окончательного разгрома, сегодня практически полностью восстановилось как в военном плане, так и организационно. В стране не только не снижается, а нарастает интенсивность террористической активности, причем с использованием смертников, что прежде не было характерно для этого государства.

В Афганистане исключительно высок уровень коррупции среди чиновников нынешнего режима. Боевой дух и выучка афганской армии, сил безопасности и иных правоохранительных структур, напротив, невысоки, хотя, по сути дела, достигнут потолок возможной их численности (около 350 тыс. чел.). Это дает все основания усомниться в том, что они смогут эффективно противостоять талибам тогда, когда наступит, как говорится, «следующий день» (the day after), то есть после вывода МССБ. Остается плачевным состояние афганской экономики, которая многие годы практически топчется на месте и не развивается, что порождает массовую безработицу, моральную депрессию в крестьянской среде и форсирует наркобизнес, фактически побуждая беднейшие слои населения выращивать наркосодержащие растения в качестве единственного

Орлов Александр Арсеньевич – к.и.н., профессор, директор Института международных исследований МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

средства как-то свести концы с концами. Сегодня на Афганистан приходится 90% мирового производства опиума и героина, а доходы от экспорта наркотиков, естественно, обходящие стороной крестьян и оседающие в карманах наркодельцов, составляют 2,4 млрд долл. США в год, что соответствует 15% ВВП страны². В этих условиях афганская молодежь становится легкой добычей радикальных исламистов, предлагающих им как будто простые объяснения сложных проблем, построенные на основе хорошо известных формул – «белое или черное».

Как и на завершающем этапе пребывания советских войск в Афганистане, на сегодня одной из наиболее актуальных задач является создание афганского правительства, способного самостоятельно контролировать ситуацию в стране. В 2014–2015 гг. в Афганистане должны состояться новые президентские и парламентские выборы. Клан нынешнего президента Х. Карзая, не пользующегося серьезным авторитетом и влиянием в стране, едва ли способен выдвинуть из своих рядов сильного преемника, сопоставимого по своим характеристикам с М. Наджибуллой, правительство которого в течение нескольких лет после ухода советских войск из Афганистана, в крайне неблагоприятных условиях, по сути в одиночку, продолжало удерживать под своим контролем большую часть территории страны и пало только тогда, когда оказалось в полной блокаде, в том числе и со стороны России.

Сегодня ситуация иная. Препятствием к конфронтации между Востоком и Западом из-за Афганистана, которая стала питательной средой для формирования исламского радикализма, не существует. Все международное сообщество (возможно, за исключением только отдельных его сегментов) заинтересовано в завершении самой продолжительной (на сегодняшний день уже более чем тридцатилетней) войны современной эпохи. Если исходить из принятой у демографов градации, то уже второе подряд поколение афганцев непрерывно воюет, не зная мирной жизни. Как хорошо известно из истории, обычно бывает очень трудно сделать первый шаг от мира к войне. Афганская трагедия со всей убедительностью демонстрирует, что зачастую оказывается намного сложнее выйти из войны, навсегда отказаться от приобретенной привычки каждый день нажимать на курок и твердо встать на мирные рельсы.

Одной из самых серьезных и трудноразрешимых проблем современного Афганистана является то, что за годы войны в нем, по сути дела, полностью разрушен тонкий европеизированный культурно-политический слой населения, на который обычно опиралась афганская власть. Этот слой сложился в эпоху британского колониального господства, сохранился и традиционно доминировал в политической жизни в последующий период независимого существования Афганистана, в том числе и в годы присутствия советского воинского контингента в этой стране.

Приход к власти сначала моджахедов, а потом талибов привел к тому, что в самом Афганистане этот европеизированный слой населения практически исчез. В настоящее время от него остались

жалкие остатки, не оказывающие никакого значимого влияния на происходящие в стране процессы. Американцы и их союзники на протяжении десятилетия своего пребывания в Афганистане не уделяли серьезного внимания возрождению этого слоя, сконцентрировавшись на сугубо практических вопросах – формировании вооруженных сил и силовых структур, а также властных группировок в Кабуле и в центрах провинций.

Поэтому сегодня, когда уходящим МССБ нужно оставить в Афганистане кого-то у власти, на кого можно было бы положиться в будущем, в Вашингтоне и других западных столицах приходится задумываться о замысловатых политических комбинациях, в результате которых появилась бы хоть какая-то возможность заполнить прогнозируемый политический вакуум, который неизбежно возникнет в стране в контексте «фактора 2014 года».

Самым простым вариантом заполнения будущего политического вакуума западникам видится создание в перспективе коалиционного правительства с участием в нем умеренных талибов (если такие в принципе существуют, а не являются некой иллюзией). Большие надежды в этой связи отводились прямым переговорам американцев с талибами, о которых много говорили в начале 2012 г. в связи с открытием в Дохе (Катар) представительства Талибана. Однако сейчас интерес талибов к таким контактам явно ослаб. Переговорные усилия инициировались и со стороны европейцев. Последним таким примером является круглый стол, организованный в декабре прошлого года в Париже с участием ряда влиятельных талибов, членов Высшего совета мира и Северного альянса³. Однако после начала операции в Мали, в которой Франция играет главную роль, Париж, вероятно, надолго выпал из возможных посредников по урегулированию в Афганистане.

Другим вариантом предотвращения хаоса в Афганистане после 2014 г. является усиление опоры Кабула на племенных вождей, которые и сейчас контролируют большую часть страны. Но это – прямой путь к дальнейшей фрагментации Афганистана и его окончательному откату в Средневековье. Однако, для того чтобы избежать полного восстановления позиций талибов и захвата ими власти в стране, что имело бы для Афганистана еще более тяжкие последствия, опора на племенных вождей, возможно, может стать при известных обстоятельствах безальтернативной.

В свою очередь, талибы в последнее время заметно окрепли, у них появляется все больше возможностей для легального прихода к власти как в столице, так и в провинциях, и они готовы диктовать свои условия. Их деятельность давно распространилась на часть Пакистана, территория которого служит для них своего рода тыловой базой, а «Аль-Каида» фактически становится межконтинентальной силой, заметно усилив свои позиции на Ближнем Востоке и в некоторых частях Африки. Это убедительно показывают ситуации, сложившиеся в Сирии и Мали. В первом случае отряды исламистов-радикалов, так или иначе аффилированные с

■ Международные отношения

«Аль-Каидой», составляют наиболее боеспособный и непримиримый костяк «повстанцев», на совести которых десятки террористических актов. Эти группировки не скрывают, что намерены создать в Сирии исламское государство.

А в Мали местные филиалы «Аль-Каиды» фактически вступили в прямую конфронтацию с вооруженными силами западного государства (Франции), хотя пока и не слишком успешно. Однако, не будем забывать, что советские, а через два десятилетия после них американские (с союзниками) войска начинали кампании в Афганистане вполне удачно, но в обоих случаях это не приводило к быстрому конечному успеху. Напротив, войны затягивались на десятилетие, и по истечении этого срока вставал вопрос о том, как их закончить более или менее пристойно. Поэтому первые успехи французских войск в Мали и их стремительное продвижение на север страны, где их встречают ликующие толпы местных жителей, уставших от навязанных им норм шариата и других особенностей ислама, не соответствующих их вековым традициям и укладу жизни, не следовало бы переоценивать и одновременно недооценивать возможности к сопротивлению исламистов. Быстро, без особой подготовки организованное ими нападение на энергетический комплекс в Алжире, захват сотен заложников из числа иностранных специалистов, убийство десятков из них наглядно демонстрируют возможную тактику исламских экстремистов в предстоящий период. Она может быть реализована не только в Африке и на Ближнем Востоке, но и в Европе.

Рост нестабильности в тех частях планеты, где налицо активизация исламского радикализма, вполне очевиден. В этом контексте не слишком убедительно, с сильным привкусом популизма выглядит сделанное президентом США Б. Обамой в ходе торжеств по поводу его новой инаугурации заявление о том, что эпоха войн для Соединенных Штатов заканчивается и впереди их ожидает мирное, безоблачное будущее. Очень хотелось бы в это поверить. На самом деле все выглядит ровно наоборот: пожар войн и конфронтаций только разрастается.

Но вернемся к положению дел в Афганистане. Понимая всю хрупкость и неустойчивость ситуации в этой стране, которая неизбежно сложилась бы там после ухода МССБ, и, видимо, не желая повторять ошибку Советского Союза, поспешно ушедшего из Афганистана и обрубившего за собой все концы, американцы загодя приступили к созданию в этом государстве сети крупных, хорошо оборудованных и защищенных военных баз. На них будут размещены значительные группировки иностранных войск (по разным оценкам, от 10 до 20–30 тыс. военнослужащих). Юридической основой для этого является подписанное в мае 2012 г. соглашение о стратегическом партнерстве между США и Афганистаном. Сколько намерены пробыть в Афганистане после 2014 г. американцы и, видимо, их некоторые союзники – неясно.

Равно как неясно и то, сможет ли «ограниченный контингент» войск США обеспечить устойчивость кабульского режима и не станут ли базы отрезанными от остальной страны островами,

разбросанными в море бушующего радикального ислама? Есть ли шанс у Афганистана вернуться в семью окружающих его азиатских государств, у которых существует много внутренних проблем, но которые так или иначе их решают? Причем его великие восточный и южный соседи – Китай и Индия – решают свои проблемы настолько успешно, что, по преобладающим прогнозам, составят авангард наиболее динамично развивающихся стран, по крайней мере в первой половине XXI в. Или Афганистану навеки уготована незавидная участь «мировой черной дыры» радикального исламизма?

Тридцать лет нескончаемой войны в Афганистане показывают, что победить военным путем различные вариации джихадистов, обосновавшихся в этом государстве, основным отрядом которых на данном этапе являются талибы, едва ли возможно. Более разумным представляется постараться решить совместными усилиями задачу по интеграции этой страны в мировую экономику. Тем более что в этом заинтересованы ее непосредственные соседи – Китай, Индия, Пакистан, Иран, Туркмения. В этих целях можно было бы провести широкую международную конференцию, инициированную не западными странами, а именно азиатскими соседями Афганистана и, возможно, некоторыми авторитетными мусульманскими государствами. Ее итогом мог бы стать некий современный аналог Плана Маршалла для этой страны, профинансированный как Западом, так и Востоком. Следовало бы подумать над тем, кто мог бы выступить главным переговорщиком с талибами со стороны "мусульманского мира". Возможно, им мог бы стать один из новых лидеров «умеренного ислама», например президент Египта М. Мурси. России, в свою очередь, ничто не мешает загодя проговорить все подобные варианты и с американцами, и в треугольнике РИК, не выходя самой на передний план.

Что же касается советского опыта в Афганистане, то его тоже не следовало бы отбрасывать. Не будем забывать, что советский контингент вступил в Афганистан (как известно, в соответствии с неоднократными обращениями правительства этой страны) не только для защиты дружественного Москве режима (что на Западе упрощенно трактуют как экспорт революции), а в том числе и для того, чтобы помочь этой стране выйти на новый уровень развития. Это означало поднять экономику, наладить систему образования, содействовать развитию культуры. С этой целью начали строиться заводы, школы, дороги, много было сделано для подъема сельского хозяйства. Однако война, имевшая, как хорошо известно, не только внутриафганские, но и зарубежные корни, прервала этот процесс, отбросив страну на десятки, если не на сотни лет назад. Не потерял своего значения и советский опыт поиска внутриафганского примирения и согласия. Он также требует нового прочтения, осмысления и изучения.

По каким путям может пойти развитие ситуации в Афганистане и вокруг него в ближайшие годы? Существует три наиболее реальных сценария: крайне негативный, умеренно позитивный и самый

вероятный, в котором, однако, больше минусов, чем плюсов (если они вообще есть):

– первый предполагает: а) быстрый захват власти в стране талибами после вывода основных компонентов МССБ; б) изоляцию остающихся в стране американских и других иностранных контингентов на своих базах; в) воссоздание сети подготовки международных террористов, введение жестких норм шариата, активизацию диверсионно-террористической деятельности на территориях сопредельных с Афганистаном государств, прежде всего в Пакистане, Таджикистане, Киргизии и Узбекистане, что чревато дестабилизацией ситуации в этих странах и формированием крупного и долговременного очага напряженности в Центральной Азии. Такое развитие событий потребует от России и других стран-членов ОДКБ принятия масштабных, весьма затратных, разноплановых (военных, политических, экономических, пропагандистских) контрмер в дополнение к тем усилиям, которые на протяжении ряда лет предпринимаются ОДКБ в Центрально-Азиатском регионе;

– умеренно позитивный сценарий напрямую связан с жизнеспособностью институтов власти в Афганистане, которые будут сформированы в 2014–2015 гг. В этом случае, если бы удалось переломить ситуацию в этой стране, вывести ее на путь экономического восстановления за счет нахождения приемлемого компромисса между основными участниками внутриафганского конфликта и утверждения программы масштабной экономической помощи извне, принять согласованные меры по пресечению наркобизнеса, то ситуация могла бы радикально измениться в лучшую сторону;

– третий, наиболее вероятный сценарий исходит из того, что в Афганистане продолжится на неопределенное время вялотекущая конфронтация между правительством в Кабуле и поддерживающими его западными контингентами и талибами, которые неизбежно укрепят свои позиции после вывода МССБ. В этом случае следует ожидать консолидации антиталибских сил на севере страны и укрепления позиций племенных вождей, которые все больше будут становиться царьками на своих землях. В стране будут развиваться процессы, характерные для эпохи феодальной раздробленности, с перспективой постепенной фактической дезинтеграции, фрагментации страны по сомалийскому образцу. Практически полностью исчезнут последние барьеры на пути окончательного превращения Афганистана

в наркогосударство или несколько наркогосударств. Естественным образом возрастет миграция из Афганистана значительных масс малограмотных, неквалифицированных, зараженных религиозно-экстремистскими идеями людей в соседние страны, которые будут рассматриваться ими не более чем транзитный пункт для движения дальше – в «хлебные края».

Все эти процессы рано или поздно напрямую затронут Россию. Разумеется, Москва должна быть готова дать ответ на любое развитие событий в Афганистане, хотя при этом надо исходить из того, что афганский синдром в российском обществе далеко не преодолен и любые действия, связанные с использованием Российских Вооруженных сил или иных воинских контингентов, не вызовут в нем никакого энтузиазма. В этой ситуации в наших интересах целенаправленно акцентировать на международном уровне тему экономического восстановления Афганистана. В рамках согласованных международных усилий Россия могла бы найти свою экономическую нишу в Афганистане, выступить в качестве конструктивного медиатора, способного помочь сблизить зачастую непримиримые позиции прямых и косвенных участников афганского конфликта.

В урегулировании в Афганистане, как отмечалось выше, заинтересовано, по сути дела, все международное сообщество. Это – колоссальный ресурс, который нельзя игнорировать. Другие острые международные конфликты современности не столь единообразно трактуются ведущими участниками международных отношений, что приводит к оживленным дискуссиям между ними и несовпадению в позициях. В условиях очевидного нарастания разобщенности в действиях основных мировых держав, в первую очередь представленных в Совете Безопасности ООН в качестве его постоянных членов, их совместные усилия в Афганистане могли бы стать моделью для урегулирования и других острых региональных конфликтов, создающих реальную угрозу миру и безопасности.

Orlov A.A. The situation in Afghanistan and its possible evolution in the context of the "factor 2014".

Summary: In the article provides an analysis of the situation in Afghanistan in advance of the withdrawal of the International Security Assistance Force (ISAF) from the country and contains a forecast of possible developments in the next period. The author considers that critical importance for the future of Afghanistan has its integration into the world economy.

Ключевые слова

Международные силы содействия безопасности, МССБ, Афганистан, США, Россия, Талибан, «Аль-Каида», наркобизнес, Совет Безопасности ООН.

Keywords

International Security Assistance Force - ISAF, Afghanistan, USA, Russia, Taliban, Al-Qaeda, drug business, UN Security Council.

Примечания

1. По данным на май 2012 г., из порядка 130 тыс. военнослужащих МССБ около 90 тыс. чел. составляли американцы.
2. Независимая газета. 26 января 2013 г.
3. Независимая газета. 18 декабря 2012 г.

Стратегия США в Центральной Азии

В.Н. Земсков

В статье анализируются вопросы, связанные со стратегией США в Центральной Азии, которая имеет долгосрочный характер. В этой связи автор отмечает, что сменяющие друг друга администрации США, американское политическое и экспертное сообщество, деловые круги традиционно в последние двадцать лет уделяют повышенное внимание этому региону, выдвинув для закрепления США в нем концепцию "Большая Центральная Азия".

Вот уже около двух десятилетий сменяющие друг друга администрации США, деловые круги и американское экспертное сообщество уделяют пристальное внимание Центрально-Азиатскому региону, объявив его стратегически важным для долгосрочных внешнеполитических интересов Вашингтона. Одним из оснований внедрения в регион была выдвинута концепция «Большая Центральная Азия», в которую, помимо пяти новых независимых государств Центральной Азии, входили бы и другие, лояльные США азиатские государства, тем самым отдаляя бывшие советские республики Центральной Азии от России.

Проекция стратегических интересов США в этот регион впервые была четко зафиксирована в апреле 1997 г. в специальном докладе, направленном в Конгресс Государственным департаментом США. В документе указывалось, что США, будучи крупнейшим в мире потребителем энергоносителей, заинтересованы в «расширении и диверсификации» мировых энергетических ресурсов. Более того, констатировалось, что по своему характеру американские интересы в этом регионе носят не только экономический, но и стратегический характер, так как «проблема непосредственно касается обеспечения безопасности Запада». В течение 1998–2005 гг. США выделили странам региона в качестве помощи

1 млрд долл. – значительную сумму для столь отдаленных от Америки стран.

Совершенно очевидно, что США стремятся не допустить восстановления стратегического присутствия России на этой территории, а также создания политического союза между Москвой, Пекином и Тегераном. Немаловажным остается и то, что для США Центральная Азия служит стратегически важным плацдармом на случай эвентуальной конфронтации США с Россией и Китаем в регионе. В то же время, как представляется (и об этом пишут многие западные политологи), США необходимо сотрудничество с Россией для предотвращения дестабилизации всей Евразии. США рассматривают Центральную Азию как часть более широких геополитических конструкций, представленных в различных стратегических концепциях:

– Балто-Черноморско-Каспийский демократический союз;

– Большой Ближний Восток (ББВ);

– Большая Центральная Азия (БЦА) и т.п.

Вместе с тем, по мнению специалистов, любая форма американо-российской конфронтации угрожает расколом Центральной Азии. Заместитель Государственного секретаря США Бернс в одном из программных заявлений на центральноазиатскую тему сформулировал «экспортную» версию политики Вашингтона в

регионе. В частности, было заявлено, что «Соединенные Штаты чрезвычайно заинтересованы в стабильности, процветании, укреплении безопасности, политической и экономической модернизации Центральной Азии и стремятся к сотрудничеству с правительствами и народами региона ради достижения этих целей».

В своей центральноазиатской политике США делают акцент, прежде всего, на всестороннем развитии энергетических ресурсов Центральной Азии, которые должны стать фактором стабильности и предсказуемости в глобальной экономике, обеспечивая разнообразие источников, рынков и транзитных путей доставки энергоносителей, в то же самое время открывая новые экономические перспективы перед самим регионом. Американские дипломаты утверждают, что в странах Центральной Азии пробудился интерес к укреплению связей и расширению практического сотрудничества с США. Прилагаются усилия по выстраиванию механизмов развития отношений на высоком уровне с каждой из стран Центральной Азии на основе диалога в рамках регионального партнерства.

В каждом из этих двусторонних диалогов и в масштабах всего региона можно выделить четыре основных взаимосвязанных элемента: энергетика, экономическая и политическая модернизация, безопасность и контакты между людьми. В американских программных документах утверждается: «Мы намерены добиваться прогресса в отношениях со странами Центральной Азии по всем четырем направлениям. Мы понимаем, что позитивные шаги в одной области ускоряют прогресс в других областях, что разумная энергетическая политика служит залогом долгосрочного экономического процветания, другой опорой которого является укрепление принципа власти закона. Более здоровым и процветающим обществам легче обеспечивать свою собственную безопасность и вносить вклад в укрепление региональной безопасности. И точно таким же образом успешная борьба с группами воинствующих экстремистов создает возможности для становления современных экономических и политических институтов. А расширение людских обменов между нами высвечивает тот факт, что прочные отношения проистекают не только от межправительственных связей, но также от связей между отдельными людьми и обществами».

Занимаясь приведением в порядок своих собственных финансов, США также побуждают партнеров в регионе к принятию стратегий диверсификации экономики и обеспечения устойчивого роста, в частности, путем интеграции национальных экономик в систему глобальной торговли. Во время очередной поездки американских представителей по Центральной Азии была достигнута договоренность активизировать существующие торговые механизмы, в том числе рамочное соглашение о развитии торговли и инвестиций (TIFA). TIFA открывает

возможность разработать совместные стратегии в поддержку торговли, инвестиций, развития и регионального сотрудничества. Это соглашение обладает достаточной гибкостью, чтобы стать форматом обсуждения любых актуальных вопросов и принимать по ним конкретные решения. В рамках TIFA имеется в виду предпринять шаги для снижения торговых барьеров и либерализации рынков.

Но центральным элементом стратегии США в Центральной Азии была и остается энергетическая составляющая. Задействован целый ряд трубопроводных проектов, в том числе расширение Каспийского трубопроводного консорциума и осуществление проекта «Казахстанская каспийская транспортная система», которые сулят увеличение объема поставок нефти с каспийских месторождений на мировые рынки (в основном в обход России). США также работают с Туркменией в направлении наращивания добычи природного газа, имея в виду, что он будет транспортироваться по Транскаспийской магистрали. Недавнее подписание Межправительственного соглашения по проекту Nabucco явилось новым этапом открытия дополнительного коридора для поставок в Европу природного газа, в том числе и туркменского. Американские стратеги исходят из того, что, для того чтобы «Южный коридор» стал реальностью, необходимо достичь прогресса в вопросах ценообразования на газ, транзита и всех прочих, еще не разрешенных проблем.

Соединенные Штаты также намерены продолжать оказывать техническую помощь в целях стимулирования торговых потоков и улучшения делового климата в масштабах всего региона. В сентябре 2012 г. Группа Всемирного банка включила Киргизию и Таджикистан в первую десятку стран, добившихся наибольших успехов в проведении реформ, которые облегчают предпринимателям создание и расширение предприятий. Агентство США по международному развитию установило партнерские отношения со странами Центральной Азии в упорядочении процедур регистрации компаний и таможенного досмотра, совершенствовании банковских услуг и укреплении правовой и регулятивной базы как залога повышения конкурентоспособности частного сектора. Эти программы позволяют фирмам снижать свои операционные издержки и создают более прозрачную среду для деятельности коммерческих предприятий. Ключевым условием успеха, как считают американские эксперты, в этом направлении является борьба с коррупцией. Организация Transparency International отметила в своем докладе, что в государствах Центральной Азии пока не развиты действенные гражданские общества и независимые средства массовой информации, способные помогать правительствам в борьбе с коррупцией.

Другим немаловажным звеном американской политики в регионе стало формирование новой сети трубопроводов и торгово-транспорт-

■ Международные отношения

ных коммуникаций по линии Восток – Запад (проект TRACECA). Американцы не скрывали, что одна из главных причин провозглашения такой стратегии состояла в стремлении изолировать Иран, отношение к которому в Вашингтоне заметно ужесточилось. Однако предложенная Вашингтоном новая конфигурация трубопроводов и коммуникаций наносила ущерб экономическим интересам не только Ирана, но и России:

- во-первых, эти трубопроводы (Баку – Джейхан и Транскаспийский) обходили бы стороной не только Иран, но и Россию, через территорию которой пока осуществляется транзит большей части каспийских энергоносителей на европейский и мировой рынок;

- во-вторых, Россия является одним из ключевых участников коридора Север – Юг и весьма заинтересована в развитии как этого коридора, так и двустороннего сотрудничества с Ираном. Более того, реалистические оценки масштабов энергоресурсов Каспия, себестоимости их разработки и транспортировки делали далеко не бесспорной их значимость с точки зрения энергетической безопасности США, по крайней мере в обозримом будущем. Коммерческая привлекательность новых трубопроводов также была более чем сомнительна.

Все это в сочетании с передачей Совету национальной безопасности и Государственному департаменту США (а не Министерству торговли и энергетики) функций кураторов каспийских энергопроектов убеждало в том, что лозунги борьбы против монополизма и за диверсификацию маршрутов транспортировки энергоносителей и коммуникаций – лишь прикрытия для действий по экономическому вытеснению России из региона и осложнению сотрудничества в этой сфере между Россией и Ираном.

По словам помощника Госсекретаря США Блэйка, основной интерес американцев в Центральной Азии – это принести экономическую и политическую стабильность в этот регион, когда Центральная Азия, развивая свой экономический потенциал, сможет самостоятельно себя профинансировать. Роль же Запада в этих процессах ожидается небольшая. По мнению Блэйка, внешняя экономическая помощь – это «второстепенный фактор». При этом роль США как донора остается весьма ограниченной. «Но вот, например, Китай в целях добычи запасов меди, по мнению американских аналитиков, был бы готов финансировать строительство железной дороги из Афганистана до Шинджана. Индия же планирует спонсировать строительство железной дороги от Персидского залива через Иран до Афганистана. Ни в одном из этих проектов Америка не принимает участия. Основная же забота Америки – это создать гармоничные отношения и быть оплотом в сфере безопасности», – заключил Блэйк.

Делая упор на проблемы безопасности и стабильности в регионе, американские дипломаты

указывают, что с учетом сложности политической и социально-экономической обстановки внутри стран региона у США недостаточно возможностей для достижения успеха. Но если брать в расчет необходимость внешней силы для обеспечения стабильности и интеграции региона, то США – единственная сила, способная это гарантировать. Если США и не могут гарантировать стабильность с помощью военного присутствия, то могут это сделать с помощью дипломатии.

Соединенные Штаты, как регулярно заявляется на правительственном уровне, являются активным сторонником выстраивания в регионе современных политических институтов. В официальных публикациях утверждается, что Соединенные Штаты предоставляют техническую помощь и обучение для создания активно действующей сети неправительственных организаций, повышения потенциала судебных структур, а также развития местных органов власти в Центральной Азии. Выделяемые США средства, заявляют американские официальные лица, направляются на профессиональную подготовку журналистов и обучение основам гражданственности более чем 130 тыс. учащихся в Казахстане, Киргизии и Таджикистане. Поясняется, что такие программы ведут к большей подотчетности и прозрачности правительства. Это, в свою очередь, как предполагается, приведет к росту инвестиций и дальнейшему процветанию, которое коренным образом «соответствует интересам американских друзей в Центральной Азии и во всем мире».

Как подчеркивается в американской стратегии для Центральной Азии, еще одним важнейшим фактором, способствующим росту внутренней и межрегиональной торговли и инвестиций является сфера безопасности, в которой Соединенные Штаты якобы нашли серьезных союзников в Центральной Азии. Центральноазиатские государства наладили многосторонние отношения в сфере безопасности со своими соседями, а также в рамках программы НАТО «Партнерство ради мира», включая подготовку и проведение совместных мероприятий по борьбе с терроризмом, поддержанию мира и борьбе с наркотиками. Планируется создание автономного центральноазиатского координационного центра по борьбе с наркотрафиком при самом активном участии в его деятельности Соединенных Штатов.

Американская администрация исходит из того, что наращивание потенциала Афганистана в борьбе с наркотиками и противостоянии терроризму при одновременном обеспечении безопасной обстановки внутри страны является одним из главных приоритетов для США. Официально выражается благодарность центральноазиатским государствам за содействие усилиям коалиции в Афганистане. При этом указывается на оказываемую ими помощь в поставках Кабулу электроэнергии,

продовольствия и медикаментов, строительстве школ и больниц. В заявлениях американских представителей особо оцениваются усилия американских партнеров в Центральной Азии в транзите военных грузов через регион для снабжения войск коалиции в Афганистане. Большим потенциалом обладает Северная сеть снабжения, прежде всего в плане улучшения транспортной инфраструктуры и стимулирования торговых маршрутов, связывающих Центральную и Южную Азию, что окажет долгосрочное стабилизирующее воздействие на экономику.

Подчеркивается, что важным фактором центральноазиатской стратегии США считаются развитие коммуникаций и контакты между людьми – одной из самых важных функций, которую выполнял древний Великий путь, служивший проводником культуры. Эта концепция, как утверждают многие европейские политологи, остается актуальной и сегодня. При этом подчеркивается, что каждый год правительство США организует поездки сотен студентов, преподавателей, журналистов, художников и спортсменов из стран Центральной Азии и Афганистана в Америку. За один только 2011 г. более 290 молодых лидеров региона приняли участие в проводимых под эгидой правительства США программах культурно-образовательного обмена. Начиная с 1993 г. американское правительство также направило более 2300 добровольцев Корпуса мира в Казахстан, Киргизию и Туркмению.

Следует обратить внимание на американские оценки российской политики в регионе: утверждается, что российская политика принципиально не стремится к осуществлению региональных системных изменений, причем главные побудительные причины и цели Москвы в Центральной Азии рассматриваются как желание сохранить статус-кво. Согласно американским политологам, Россия стремится максимально защитить свои интересы в *ad hoc* ситуациях, независимо от перспективы местных режимов.

Выразителем точки зрения о том, что США следует покинуть регион, сэкономив десятки миллиардов долларов, условно можно считать Дэниела В. Дрезнера (Daniel W. Drezner) – обозревателя «Foreign Policy», который в своей статье «Отказ от Большой игры» тезисно изложил основные аргументы:

- запуск трубопровода Баку–Джейхан не усилил позиции США: Казахстан и Туркмения вообще не стали к нему подключаться;

- политика «перезагрузки» «сдала» Москве все постсоветские государства региона. Это вылилось впоследствии в дестабилизацию в Киргизии, медленный отход от проамериканской ориентации правительства в Азербайджане. Поэтому не стоит обманывать самих себя: регион и так уже оставлен;

- потепление в отношении Вашингтона к президенту Узбекистана Исламу Каримову (ко-

торого до этого считали самым недемократичным из среднеазиатских лидеров) свидетельствует о слабости администрации Барака Обамы;

- стоит оставить Центральную Азию России и Китаю. В борьбе за этот проблемный регион эти «империи» сломают себе не один зуб. При этом полной гегемонии какой-то одной страны достигнуть все равно не удастся;

- политическая автономия среднеазиатских государств сейчас находится вне всякой опасности, и в этом состоит главная заслуга США на данном этапе.

Обозреватель, как бы суммируя свои высказывания, уверенно заявляет: «Центральная Азия находится так далеко от Соединенных Штатов, как только возможно. Если есть на свете регион, где США следовало бы уменьшить свое присутствие, то это он и есть».

Иная точка зрения представлена коллегой Дэниела Дрезнера по «Foreign Policy» Стивом Ливайном (Steve LeVine). Он утверждает, что:

- когда-то, в далеком 1988 г., в Вашингтоне уже решили, что борьба за Центральную Азию выиграна и махнули рукой на Афганистан с Пакистаном, а потом пришлось возвращаться, неся чувствительные потери. Так и в этот раз есть большая опасность ошибиться, преждевременно отказавшись от претензий в Центральной Азии;

- китайско-российское соперничество не будет играть той же уравнивающей роли, как это делает присутствие США. В результате от этого пострадают все;

- Вашингтону лучше постараться приобрести, как минимум, восемь союзников США в регионе, чем оставлять их своим потенциальным соперникам;

- насчет отдаленности региона от Штатов, Стив Ливайн возражает, что «от узбекского города Термез до северной столицы Афганистана Мазари-Шариф всего 57 миль, и еще 189 миль – до Кабула... Или посмотрите на столицу Азербайджана Баку, который находится в 338 милях от Тегерана. Столица Казахстана расположена в 537 милях от столицы Западного Китая Урумчи. Все эти страны связаны с основными интересами США».

И, наконец, третью точку зрения высказывает политический обозреватель «The New York Times» Томас Фридман (Thomas L. Friedman) в статье под названием «Большая двойная игра». Он считает, что:

- Америке приходится воевать с Афганистаном и Ираком, понимая, что главные ее враги – это Пакистан и Саудовская Аравия. (Именно там якобы был разработан теракт 11 сентября 2001 г. Но ударить по ним нельзя (у Исламабада есть атомное оружие, у Эр-Рияда – много нефти). Поэтому решили их ослабить действиями в Афганистане и Ираке;

- построив демократическое общество в Афганистане и Ираке, американцы смогли бы изменить режимы и в Пакистане, и в Саудовской Аравии. Это позволило бы взять под контроль

■ Международные отношения

региональное ядерное оружие. Теперь США надо не допустить окончательного скатывания столь взрывоопасного района в радикальный исламизм. Для этого придется нести жертвы, поддерживая нефтедобычу в Саудовской Аравии, передавая оружие Пакистану. В качестве выхода видится лишь сокращение присутствия в Афганистане и ограничения в закупках саудовской нефти, чтобы «можно было не давать столько денег ненавидящим нас людям и чтобы экономические и политические реформы стали для них необходимостью, а не развлечением».

В целом же следует признать, что военно-политическое присутствие США в Центральной Азии, не говоря уже о действиях американцев и сил коалиции в Афганистане, по большому счету, видимо, не противоречат долгосрочным интересам России в регионе. Да и вряд ли у нее нашлись бы необходимые ресурсы, чтобы переиграть Вашингтон. США достаточно прочно обосновались в регионе, а у России нет реальных возможностей их переиграть.

Для полноты картины надо добавить и тот аргумент, что местные элиты отнюдь не отличаются безупречной лояльностью к Москве, проводят двойную игру и с готовностью принимают помощь от США и их западных партнеров, оплачивая эту их «щедрость» уступками политического и военного характера, зачастую вопреки российским позициям. Кроме

того, вне зависимости от истинных, в том числе антироссийских, устремлений американской дипломатии, деятельность США в регионе объективно способствует стабильности в Центральной Азии, урегулированию межэтнических противоречий, а это не может не отвечать интересам России. Нельзя, видимо, сбрасывать со счетов и очевидную возможность использования американского присутствия в регионе для сдерживания экспансии Китая в Центральную Азию.

Следовало бы, как представляется, искать с США некий *modus operandi*, открывающий перспективу двум державам мирно сосуществовать на центральноазиатском геополитическом пространстве, договариваться о совместных проектах, создавать в этих целях совместные координирующие органы и проводить скоординированную политику стабилизации региона.

Zemskov V.N. The U.S. strategy in Central Asia.

Summary: *The article considers the questions connected with the strategy of the U.S. in Central Asia, which has long-term character. In this connection, the author notes that successive governments of the USA, the American political and expert community, business circles traditionally in the last twenty years pay particular attention to this region, bringing to secure the U.S. presence in the region the concept of "Big Central Asia".*

Ключевые слова

Центральная Азия, США, стратегия, администрация, концепция, Большая Центральная Азия.

Keywords

Central Asia, the U.S.A., strategy, government, concept, "Big Central Asia".

Трансатлантизм и БРИКС: перспективы стратегического сосуществования

Е.Р. Воронин

В статье анализируются возможности выстраивания долговременных отношений между западными межправительственными организациями, прежде всего НАТО и Евросоюзом, и БРИКС, рассматриваются перспективы стратегического сосуществования между ними. Учитывая приверженность стран БРИКС нормам и принципам международного права, автор считает, что центральное место в повестке дня их отношений с США и Западом в целом может занять задача расширения договорно-правовой основы взаимоотношений между ними, дальнейшее развитие практики решения международных проблем исключительно на правовой основе.

Мodus vivendi в современном состоянии отсутствия формальных отношений между НАТО и Евросоюзом, как трансатлантическим и европейским явлениями, составляющими в совокупном виде интегрированный Запад, с одной стороны, и БРИКС, в статусе глобального сообщества на стадии институционализации, с другой, остается неопределенным и непредсказуемым. Сложившееся положение не содержит ныне перспективы взаимодействия или тем более партнерства. Взаимное умолчание и дипломатическая меланхолия с обеих сторон сохраняется. Ни Запад, ни БРИКС баланс последствий такой ситуации не просчитывается. Их наблюдения за действиями друг друга объяснимы, тем более обоюдные впечатления уже сформированы, отношения на межгосударственном уровне, за отдельными исключениями, стабильны. Интеграционная идеология (атлантизм Запада, коалиционный глобализм БРИКС) учитывается, но определяющего влияния на двустороннее политическое взаимодействие и реальное экономическое партнерство не оказывает.

Позиция интегрированного Запада в отношении БРИКС- сообщества в роли новой, нарождающейся глобальной структуры не сводится

к привычному прагматическому картезианскому выжиданию. Полагать, что незавершенность институционального процесса БРИКС дает трансатлантистам в лице США и НАТО преимущества в зреющей конкуренции, особенно в деле международной безопасности, судя по динамике развития событий, преждевременно.

Линия трансатлантического сообщества на утверждение исключительного характера и центральную роль НАТО в обеспечении международной безопасности и урегулировании региональных конфликтов, согласно Лиссабонской стратегической концепции и решениям Чикагского саммита альянса, остается неизменной. Это относится прежде всего к спонсированию ситуаций «независимости косовского формата» или последним пароксизмам западной «маниакальной демократизации» в ливийском и сирийском случаях. Метод «фиктивных национальных самоопределений», по чичеринскому выражению¹, будет, видимо, задействоваться атлантистами и впредь. Противодействия этому не просматривается. Существующая международно-правовая нормативная система не способна противостоять неправовым решениям Запада.

Воронин Евгений Ростиславович – в.н.с. Центра евро-атлантической безопасности ИМИ МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

■ Международные отношения

Атлантическое военно-стратегическое мышление не допускает полицентрического, конкурентного подхода в обеспечении миропорядка, оставляя потенциальных «соперников» *am Katsentisch*, то есть за унизительным «кошкиным столом», без шансов на равноправное взаимодействие.

Линейная политика защиты западных интересов сохранит глобальный характер и будет опираться на реализацию мирового лидерства США, их военно-технологический потенциал. Согласно «программному» заявлению генсекретаря НАТО А. Фог Расмуссена в лондонском Chatham House в июле 2012 г., «трансатлантическое сообщество станет основным носителем безопасности в XXI в.». Для оборонительного партнерства Запада «нет периферии», интересы безопасности неделимы, они требуют вовлечения в Европе, по периметру евроатлантического пространства и по всему миру². Адаптация западных механизмов к меняющейся стратегической картографии поставлена во главу угла.

В «откровениях» в Chatham House А. Фог Расмуссена современный мир расценивается как «непредсказуемо расширяющийся вследствие глубоких перемен». «Мы являемся свидетелями появления новых держав... в экономическом, политическом и военном отношениях»³. Новая стратегия США в АТР отвечает интересам всего трансатлантического альянса и поддерживается им, учитывая именно растущую роль в мире «восходящих держав». Эта поддержка «связана не с тем, что западные союзники видят в новых державах врагов, но потому, что основываются на «нашем опыте в Европе»⁴.

Российские эксперты, однако, обратили внимание на то, что БРИКС «чаще всего воспринимается как некий глобальный противовес «большому Западу»⁵, хотя Хайнаньский саммит подтвердил, что «сотрудничество этой группы не направлено против какой-либо третьей стороны»⁶. Запад, утверждает руководство НАТО, не может согласиться с расхожими утверждениями о «совершенном упадке». В нынешние «времена неопределенности» трансатлантическое сообщество позиционирует себя источником доверия, способным ответить на фундаментальные вопросы современной безопасности. «Послание» Запада в условиях финансового кризиса и формирования новой мировой экономической реальности однозначно: за НАТО «останутся» ключевые ответы на глобальные риски и угрозы. Приверженность двойным стандартам, присущим западному сознанию и политическому стереотипу мышления, продолжает вносить недоразумения в политические декларации и в западные медийные акции.

На Брюссельском форуме Фонда Маршалла 23 марта 2012 г. было заявлено о «необходимости для Европы усилить свою глобальную ответственность наряду с США»⁷. В ходе лондонской встречи с общественными экспертами А. Фог Расмуссен отрицал намерения Североатлантического альянса рассматривать «удаленных союзников» (Австралия, Япония, Новая Зеландия, Южная Корея) в качестве «проводников» трансатлантических интересов в

АТР. Новая трактовка подобной линии заключается ныне в том, что альянс стремится «не к глобальной ответственности, а к глобальной перспективе взаимодействия «единым концертом» с партнерами в различных частях мира»⁸. Заместитель генсекретаря НАТО А. Вершбоу назвал натовскую доктрину сотрудничества с «незападными», в частности арабскими партнерами, «золотым стандартом кооперативной безопасности»⁹. «*Tengrenage*», то есть система зубчатых колес, «двигающих» миропорядок, приписывается западному механизму, не требующему вмешательства или наладки со стороны «посторонних».

Геостратегические подходы БРИКС анализируются западными экспертами в сдержанно-осторожных или субверсивных формулах. Преобладают рассуждения, согласно которым «в глобальной проекции позиции, занимаемые странами БРИКС, являют собой полный набор рычагов собственной мощи, от искушенной дипломатии до внушительного военного потенциала, постоянно «наращиваемого динамикой экономического роста»¹⁰. Основная линия международного поведения «пятерки БРИКС» воспринимается как соблюдение «серой зоны» между конфронтацией и компромиссами с Вашингтоном и имеет целью избежать «фронтальных столкновений в сферах влияния и национальных интересов»¹¹. Вероятным последствием такого развития ожидается изменение соотношения сил в полицентрической игре в различных частях мира.

Западные прогностические выводы в отношении реального политического влияния «форума БРИКС» и растущих военных потенциалов каждого участника «пятерки» носят неоднозначный характер. Не подвергается сомнению, что их перманентный финансово-экономический рост создал устойчивые предпосылки для новой глобальной роли БРИКС и соответствующих перспектив в области региональной безопасности. Наряду с признанием их определяющего воздействия на мировую экономику в натовских анализах присутствует «установка» на мистификацию оценки БРИКС как виртуальной политической структуры. Скептическое восприятие самостоятельного влияния «коллективной структуры» на международную безопасность и регулирование региональных конфликтов распространено не только среди западных, но и среди ряда отечественных научных экспертов, утверждающих, что «там нет полноценного партнерства и о перспективах БРИКС не может быть речи»¹². Прослеживается точка зрения, что БРИКС является «фикцией, широко раскрыченной на слуху». Среди аргументов выделяется тот, что «бриксы» далеко не единодушны не только в нюансах, но и по существу своей реакции на ряд международных проблем, хотя и близки в подходах к изменению «механизмов глобального управления»¹³.

Проявляемая Западом озабоченность вокруг глобальной роли БРИКС связана во многом с «претензией на запрос» о реальной способности группы позитивно влиять на стабильность, а не выступать

источником региональных дестабилизаций. Риск «непредсказуемого развития» геополитических интересов Китая и Индии связывается с их долгосрочными программами военно-технологической модернизации. Признавая, что опасения возникновения гонки вооружений в духе времен «холодной войны» излишне преувеличены», Запад, однако, настроен настаивать на том, что суммарные военные расходы БРИКС «раскачивают» геополитическую стабильность, являющуюся условием «устойчивого развития самих этих держав»¹⁴.

Соперничество «внутри» БРИКС по мере институционализации сообщества и усиления его роли и влияния на международное развитие называется в числе реальных рисков. Вместе с тем исследования в области военных расходов БРИКС, если сравнивать с военным бюджетом США, содержат в целом сбалансированные, не вызывающие беспокойства оценки. Отмечается, что показатели военных затрат остаются довольно скромными в сравнении с экономическим и демографическим потенциалами, геополитической ролью БРИКС. Военный бюджет Китая составил в 2009 г. всего 2,2% от ВВП (в 1997 г. – 1,7%) против 4,8% бюджета Пентагона от американского ВВП. Расходы на оборону Индии и Бразилии оставались в период 1997 – 2009 гг. практически неизменными и составляли соответственно 2,8 и 1,6% от ВВП. ЮАР даже понизила уровень военных расходов с 1,6% в 1997 г. до 1,3% в 2009 г. Ненамного повышала оборонные расходы Россия – 4,3% в 2009 г. против 4,1% в 1997 г.

Новая динамика военных бюджетов и технологической модернизации вооруженных сил держав БРИКС («не считая гонку вооружений в форматах Индия–Пакистан или стремления Китая сравняться с США») анализируется в западных исследовательских центрах по четырем измерениям¹⁵:

- державы БРИКС приступили к военной модернизации и замене устаревшей техники. Закупки вооружений носят не линейный, а циклический характер, обусловленный временными фазами их эксплуатации и сроками годности. Цикличность сроков – 20 – 25 лет. Военная политика «бриксов» близка практике НАТО (натовская модернизация предусматривает замену вооружений 1980-х гг.);

- «эффект финансово-экономического превосходства БРИКС». «Пятерка» в сравнении с переживающими финансовый кризис партнерами из НАТО обладает на данном «пиковом этапе» военно-инвестиционного цикла «превосходящим резервным потенциалом». Это позволяет приобретать вооружения и оборудование наиболее высокого качества. Партнеры БРИКС становятся, за исключением России, одного из ведущих экспортеров мира, основными импортерами вооружений;

- повышение военных расходов БРИКС, считают трансатлантические аналитики, отражает не столько возрастающую угрозу с их стороны, напоминающую гонку вооружений, сколько стремление подтвердить свой статус восходящих мировых держав. В числе «престижных проектов»

рассматриваются приобретение Индией авианосца или ядерных подводных лодок Бразилией;

- модернизация ВС «бриксов» и соответствующие расходы требуют от них реальной «стратегической автономии», которая предполагает развитую оборонную индустрию. Зависимость от импорта вооружений на фоне их экономического роста становится анахронизмом. Без инвестиций в высокотехнологический военно-промышленный комплекс свобода международного поведения и решающих действий БРИКС невозможна.

«Технологическая слабость» БРИКС в сравнении с высокими технологиями самодостаточного Запада, по мнению западной аналитики, представляет существенную проблему. Это основная препона для политического и военно-технического равноправия «бриксов» с трансатлантическим сообществом. Из ведущей тройки БРИКС – Китай, Россия, Индия – последняя оказывается наиболее уязвимой. Ее статусу великой экономической державы не адекватны ни масштаб оборонного потенциала, ни уровень безопасности. Это сближает специфику «индийского фактора» с «плюсом» объединенной Европы, автономная роль которой в области безопасности (без США) не на высоте¹⁶.

В прогнозах становления БРИКС как полноценной партнерской структуры междивилизационного профиля натовская политология особо выделяет несовпадение интересов держав-участниц. Признавая формальное единство «пятерки» по основному пакету финансово-экономических вызовов и рисков, атлантисты в целом пессимистично оценивают их консолидацию в вопросах геополитического влияния. Способность «пятерки» с единых позиций содействовать в близкой перспективе преодолению кризисного состояния механизмов геостратегического регулирования оценивается по причине внутренних противоречий невысоко. В числе фундаментальных «причин неадекватности» называются цивилизационные ценности, различия политических режимов и подходов к партнерству с трансатлантическими державами.

Долговременные китайско-индийские противоречия сохраняются, перспектива их урегулирования отсутствует. «Дозированная напряженность» в отношениях двух ключевых партнеров БРИКС поддерживается не в последнюю очередь из-за «не исключаемой в Китае возможности присоединения Индии к американской стратегии обеспечения стабильности и предотвращения конфликтов на азиатском континенте»¹⁷. Опасения Пекина связаны с «гипотетической возможностью» образования «балансирующего альянса» по южному периметру китайских границ с США, играющими в нем центральную роль. В Вашингтоне и Брюсселе учитывают в своих оценках, что индийское недоверие к соседу-партнеру по БРИКС питается сохраняющимся дисбалансом их военных потенциалов и китайским фактором поддержки Пакистана.

■ Международные отношения

Широкому консенсусу «восходящей пятерки» препятствует и неприемлемость в перспективе статуса КНР в качестве ведущего партнера и новой супердержавы в мире. Препятствует шансу БРИКС «говорить одним языком» и возросшая реактивность китайской внешнеполитической стратегии. На фоне заявлений США о возвращении в Азию Пекин избрал стратегию применения асимметричного противодействия, целью которого является существенное повышение для США «цены их вовлеченности в азиатские дела»¹⁸.

Прогностические оценки «мирного сосуществования, перспектив взаимодействия и реальности взаимопонимания Трансатлантического мира и пространства БРИКС» во многом ориентированы на зависимость от будущего отношений США – Китай. Возрождение американского лидерства через поиск «полицентрических подходов» (вне рамок натовской солидарности), способных блокировать риски конфронтации, прежде всего с новым центром силы – Китаем, могло бы явиться моделью «кооперативной безопасности». Очевидно, что подобный проект ныне вряд ли возможен. Время диктует иные рекомендации. По мнению ряда экспертов, исходящих из того, что КНР отказалась от своей 30-летней прагматичной геополитической сдержанности в пользу «великоханьского шовинизма», нынешний уровень «недружественных» отношений в формате Пекин – Вашингтон вряд ли позволит начать диалог между Западом и БРИКС. В американских аналитических материалах тема новой тихоокеанской доктрины Б. Обамы поэтому трактуется как ответ на вызовы Китая и других «восходящих держав». В этом, видимо, главная причина американского «военно-миссионерского похода» в Азию, а не какая-то каузальная атрибуция или, иными словами, «приписывание причины».

Обобщенный вывод, во многом определяющий поведение БРИКС в международных делах, сводится, по западным оценкам, к следующему. Стиль позиционирования БРИКС в современной полицентрической игре призван не доводить кризисные ситуации до вооруженных конфликтов, ограничиваясь «модуляциями, дублирующими реальные риски». Оправданность подобного стиля на Западе видят, вероятно, в том, что, рассматривая БРИКС как «мнимую величину коллективной безопасности», каждая из держав-участниц объективно является одним из «гарантов» региональной и международной стабильности. Конфронтационные инциденты по периметру китайских границ являются, как полагают в евроатлантических научных центрах, рефлексией ныне присущей Пекину «дипломатии несовершенного шарнира», являющейся следствием внутренней полемики в КНР вокруг новой мировой роли собственного могущества¹⁹. Как просчет «китайских калькуляций», объясняемый озабоченностями руководства страны из-за изменений в «партийной иерархии» и в целом внутренней «невнятности, неопределенности», подается «вера в упадок США без точки возврата»²⁰. Расчет на долгосрочное использование Китаем и партнерами по БРИКС в своих интересах глобального финансового кризиса

может оказаться, считают западноевропейцы, неоправданным.

Финансово-экономический потенциал БРИКС оценивается как неоспоримое (в отличие модальностей политического и военно-технологического конкурентного превосходства «пятерки») геополитическое преимущество. Это – несущая основа неизбежного экономического мирового доминирования формата БРИКС²¹, выстроенного на основе неприятия существующей финансово-экономической системы²². Наряду с объективными оценками в западных исследовательских выводах присутствует немало скептицизма. Проект создания «банка БРИКС» в целях финансирования программ развития представляется «весьма ненадежным». Способность «нового банка» стать конкурентом Всемирного банка (индийские займы – 42 млрд долл.) всерьез не рассматривается. Хотя президент Всемирного банка Р. Зеллик «дипломатично» приветствовал финансовый проект БРИКС как «конкурентный» и оценил его как антимонополистический²³. К разряду «несовершенств» финансово-экономической стратегии БРИКС отнесено и то, что странам-участницам все еще «не удастся добиться заключения самого обычного соглашения о свободной торговле»²⁴.

Относительно сосуществования пассионарной идеологии БРИКС и западного мышления в духе трансатлантической гегемонии можно отметить следующее. Как представляется, БРИКС в перспективе способен потенциально сыграть особую роль. Переговорный многосторонний формат БРИКС – США и НАТО мог бы явиться более эффективным механизмом, чем традиционные двусторонние переговоры. Многосторонняя переговорная площадка БРИКС – трансатлантический альянс потенциально могла бы содействовать тому, чтобы были сдвинуты с мертвой точки процессы в сфере контроля над вооружениями, возможно в плане подключения к российско-американским усилиям в сфере ограничения ядерных вооружений других обладателей подобного оружия. Учитывая приверженность БРИКС принципам и нормам международного права, центральное место в повестке дня отношений с США могли бы занять задачи расширения договорно-правовой основы взаимоотношений, дальнейшего развития практики решения международных проблем исключительно на правовых началах.

Voronin E.R. Transatlantic links and BRICS: prospects of strategic co-existence.

Summary: The article analyzes the possibilities of building long-term relations between the Western intergovernmental organizations, first of all, NATO and the European Union, and BRICS, considers the prospects for the strategic co-existence between them. Considering the commitment of the countries of the BRICS the norms and principles of international law, the author believes that the central place in the agenda of their relations with the United States and the West in general can take the task of expanding the legal framework of relations between them, the further development of the practice of the decision of the international problems solely on a legal basis.

Ключевые слова

БРИКС, НАТО, Европейский союз, США, стратегическое сосуществование, международные проблемы, правовая основа.

Keywords

BRICS, NATO, European Union, United States, strategic co-existence, international problems, legal basis.

Примечания

1. Чичерин Г.В. Статьи и речи. М., 1961. С. 64.
2. Fogh Rasmussen A. NATO – Delivering Security in the XXI Century. Chatem House, London. 04.07.2012.
3. Ibid.
4. Ibid.
5. Орлов А.А. БРИКС – новая реальность XXI века. Сборник научных трудов ИМИ МГИМО(У). М., 2012. С. 42.
6. Там же. С. 43.
7. Fogh Rasmussen A. NATO 2020 – Shared Leadership for a Shared Future. Brussel 23.03.2012.
8. Ibid.
9. Vershbow A. NATO in the New Global Security Era. NATO-Jordan Public Diplomacy Conference in Amman, Jordan. 21.06. 2012.
10. Faujas A. La fausse unite des BRICS. Le Monde, 04.04.2012.
11. Ibid.
12. Хенкин С. М. Перспективы БРИКС: точки зрения. Сборник научных докладов ИМИ МГИМО (У). М., 2012. С. 77, 79.
13. Faujas A. La fausse unite des BRICS. Le Monde, 04.04.2012.
14. Bellais R. Le rearmement des BRICS est le reflet de leur poids economique. Le Monde.Fr. ISAD. 29.02.2012.
15. Ibid.
16. Hassner P. Seule sage parmi les fous? Le Monde fr. 29.02.2012.
17. Wolf M. Does the BRICS Group Matter? Foreign Affairs. March 30, 2012.
18. Niquet V. L'attitude agresive de la Chine correspond a un sentiment d'incertitude du regime. Le Monde fr.29.02.2012.
19. Chinese Foreign Policy. The Economist. Jan 13th 2011.
20. Ibid.
21. Ibid.
22. Астахов Е.М. Перспективы БРИКС. Сборник научных трудов ИМИ МГИМО(У). М., 2012. С.72.
23. Faujas A. La fausse unite des BRICS. Le Monde. 04.04.2012.
24. Van Agtmael A. Think Again: DRICS. Foreign Policy. November 2012.

Племенная структура ливийского общества и ее влияние на политические процессы в стране

Ю.Н. Зинин

В статье рассматривается влияние племенной структуры ливийского общества на политические процессы в стране в годы правления М. Каддафи и в период после победы ливийской оппозиции, высказываются оценки о возможном развитии событий в дальнейшем. В частности, автор не исключает перспективу федерализации Ливии.

На протяжении всей истории Ливии ее пустынные и полупустынные территории были открыты для миграционных потоков различных племен, прибывавших в страну или пересекавших ее в разных направлениях. 85 % нынешнего населения Ливии ассоциируют свое происхождение с племенами. Данные о числе племен в Ливии разнятся. По заявлению, сделанному в свое время М. Каддафи, их – 420 (видимо, с учетом родов и кланов). По мнению большинства экспертов, наиболее значимых и имеющих вес племен, в стране насчитывается 40–50, практически большинство из них – арабоязычные. И только отдельные – туареги и тубу – принадлежат к берберской и нило-сахарской языковой семье. Но и те, и другие исповедуют ислам.

Обычно племя во главе с шейхом состоит из нескольких родов или кланов, связанных общим прародителем. Внутренним цементирующим стержнем племени является «асабия» – дух и психология его исключительности и превосходства над другими. В связи с упадком кочевого хозяй-

ства, быстрой урбанизацией и модернизацией жизни, социальным расслоением, распространением межплеменных браков узы кровного родства, влияние «асабии» и племенных ценностей подорвано или ослабло.

Сегодня более трех четвертей ливийцев проживают в городских агломерациях. Массовое переселение в них представителей самых разных племен привело к дроблению племен, особенно крупных, на фракции и кланы, к утере ими прежней монолитной или пирамидальной структуры. Но соплеменники, живя рассеянно, в «чересполосице», стараются концентрироваться в одном квартале или местности, образуя группы по кровному родству во главе с шейхами. Эти узы коллективной общности людей по месту жительства в городе, регионе часто сильнее привязанности к титульному племени. Тем не менее влияние племенного фактора остается большим в силу живучести традиционной взаимной поддержки соплеменников, прежде всего на бытовом уровне и морально-психологического авторитета их старейшин.

Зинин Юрий Николаевич – с.н.с. Центра партнерства цивилизаций ИМИ МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

Племена и Каддафи

До прихода к власти М. Каддафи во времена правления короля при назначении на высокие посты и должности власти опирались на племенные квоты. Полковник отверг этот принцип. Введенная им система власти в виде избираемых ревкомов провозглашала «прямую демократию». Эти комитеты пронизывали все сферы государства и другие структуры и были опорой режима. Они отвечали задаче постепенного нивелирования регионально-местнических различий и прививания жителям чувства гражданственности.

Каддафи принадлежал к племени *каддадфа*, которое было не самым крупным и сильным, но его родовая территория находится в центре страны, в районе Сирта, на стратегическом стыке востока и запада государства. Самое крупное племя современной Ливии – *варфалла*. По некоторым данным, оно насчитывает около миллиона человек из 6 млн жителей страны. Племенная цитадель – г. Бени-Валид. Представители варфаллы живут практически по всей территории страны – от запада до Бенгази. Среди других влиятельных племен выделяются тархуна, магарха, варшифана и т.д.

Официально Каддафи прославлял племенную демократию и равенство как компоненты национального наследия, демонстрировал уважение к старинным обычаям, принимал людей в своем шатре и т.д. Он не вмешивался во внутриплеменные уклады, оставляя их на откуп вождям и старейшинам. Однако ливийский лидер постоянно держал руку на племенном пульсе, отслеживал баланс межплеменных отношений, учитывая роль «асабии», из-за которой в бедуинской среде часто бывали распри и вендетта. Каддафи то приближал, то отдалял верхушку племен, в зависимости от их лояльности, инкорпорировал их представителей в высшие властные структуры: армию, безопасность, стимулируя материально и разными льготами верных сторонников.

Нужно отметить, что преданные Каддафи элитные спецподразделения в основном рекрутировались из племен запада, центра и юга: это – каддадфа и магарха, однако очевидно, что ни одно из племен не обладало монополией во властных структурах.

Племенной фактор в ходе антикаддафистского восстания

С начала антикаддафистского восстания племенной и особенно региональный фактор играли важную роль. В середине февраля 2011 года в г. Бенгази, центре Киренаики, вспыхнули антиправительственные демонстрации, переросшие в столкновения с силами правопорядка. Киренаика – одна из трех исторически сложившихся областей Ливии: Триполитании (запад), Феззана (юг, юго-запад) и Киренаики (восток). Она имеет определенные этногеографические особенности, отделена от Триполи большими пустынными просторами, у местного населения есть заметные культурно-языковые отличия, а ряд племен больше тяготеет к Египту, чем к Арабскому Магрибу.

На востоке Ливии также значительно влияние суфийского исламского братства сенусситов с их оплотом в г. Бейда. Главой этого ордена был последний ливийский король Идрис I, свергнутый Каддафи. Следует отметить укоренившуюся у большинства населения Киренаики убежденность в том, что режим Каддафи предоставлял все привилегии гражданам Запада, а их ущемлял, при том, что на территории области сосредоточено до 75 % всех нефтяных богатств страны и находится ряд портов по вывозу углеводородов и НПЗ.

Совокупность этих факторов подстегивала дух регионализма племен востока, консолидировала их недовольство режимом. Именно Бенгази сыграл роль детонатора антиправительственного мятежа и стал ядром штаба восставших в лице Национального переходного совета, объявившего себя единственным законным органом власти в стране. Восток довольно быстро перешел в руки восставших, большинство военных и полиции игнорировали приказы из Триполи, фактически бездействовали или разошлись по домам. С самого начала событий было очевидным, что противостоящие группировки были заинтересованы в привлечении на свою сторону племен. Каддафи и его ближайшее окружение запугивали ливийцев тем, что Ливии грозит гражданская война по племенному признаку и расчленение страны.

В ответ оппозиция выдвинула контролзунг «Ливия – одно племя». В конце апреля 2011 г. в г. Бенгази состоялась сходка 61 племени Ливии (по источникам мятежников), которые в своем заявлении солидаризировались с действиями оппозиции и высказались за «единую Ливию без Каддафи». Триполи в начале мая 2012 г. провел свой «Общенациональный конгресс племен Ливии», в котором участвовали 2000 представителей племен. В своем заключительном документе этот форум назвал повстанцев «предателями» и обратился к племенам, живущим поблизости от городов и деревень, захваченных НВФ, провести мирные шествия с целью «их освобождения и разоружения мятежников».

Ход восстания против Каддафи показал, что основные племена, проживающие на западе страны, фактически не выступили против власти. Видный деятель антикаддафистской оппозиции, прошедший в эмиграции более 30 лет и ставший в августе 2012 г. спикером Народного конгресса Мухаммед Магриф, в ходе войны заявил, что позиция западных племен была мотивирована исторически сложившимися договоренностями с племенем каддадфа и тем, что верхушка этих племен была интегрирована во властные структуры режима.

В центральных, западных и южных районах, кроме городов Мисурата и Зинтан, было мало признаков мятежа. Город Бени-Валид с Сиртом был бастионом сопротивления правительственных сил в ходе войны и последним населенным пунктом, захваченным антикаддафистами. Мисурата – третий по размерам город в стране – стал твердым орешком для правительственных сил. Этот город выставил значительные силы боевиков, по некоторым данным, около 12 тыс. человек, которые

■ Международные отношения

сражались против войск при поддержке НАТО, а затем стали «освобождать» и другие области и города. В ходе осады Мисураты правительственные войска в значительной мере состояли из выходцев из соседнего г. Таварга. По словам повстанцев, от рук солдат из Таварги погибли 1300 мисуратцев, им приписали грабежи и жестокости против мирного населения и другие подобные преступления.

После того как повстанцы из Мисураты расправились с Каддафи и захватили г. Таварга, они изгнали всех его 25 тыс. жителей. Население этого города до сих пор живет в лагерях для беженцев. Племя зинтан выставило группу боевиков в количестве 3 тыс. человек. Они сыграли главную координирующую роль в мобилизации антикаддафистских сил в районе Джебель Нефус. Эти силы дошли до Триполи, в то время как другие племена занимали пассивную или выжидательную позицию. Они же захватили сына Каддафи Сейфа Аль-Ислама в плен и до сих пор удерживают его в г. Зинтан.

По мнению ряда ливийских и иностранных экспертов, хотя некоторые племена долгое время поддерживали Каддафи, как видно, ничто не остается вечным в заветах и обычаях бедуинов. Прагматизм и групповые интересы возобладали над традициями и кодексом чести. В ходе событий одновременно слышались заявления от одних и тех племен о поддержке и правительства, и оппозиции. Одним из объяснений этого феномена может быть то, что представители разных родов и кланов, придерживавшиеся разных позиций, выступали от имени одного племени.

Ситуация после свержения Каддафи

После свержения Каддафи, развала Джамахирии произошел коллапс общенациональных структур и институтов, прежде всего армии и сил безопасности, и фактически была потеряна управляемость разными районами и городами страны из единого центра. Налицо был вакуум центральной власти, нарушение ранее существовавших хозяйственных связей, господство правового нигилизма, раздраз в области безопасности, засилье криминальных элементов. Этот вакуум заполнили различные военные советы, правившие на местах и опиравшиеся на местные или пришлые формирования из бывших боевиков. В стране в настоящее время, по данным Организации ветеранов Ливии, насчитывается 1700 вооруженных группировок разной численностью, часть которых создана «по сугубо племенному принципу». Эти группировки дислоцируются в бывших армейских казармах, госучреждениях, школах, помещениях, конфискованных у сторонников Каддафи. Они входят в состав передвижных патрулей, несут охрану разных объектов, дежурят на КПП на дорогах, на важнейших перекрестках путей.

В ноябре 2011 г. новые власти объявили курс на интеграцию боевиков или, как их стали называть, «революционеров» в новую армию и полицейские силы. При этом новые лидеры поставили во главе новых структур людей из тех местностей и племен, которые внести решающий вклад в свержение Кад-

дафи. Так, министром обороны был назначен Осам Аль-Джувеили – бывший командир Военного совета г. Зинтана, а министром внутренних дел – выходец из Мисураты Фаузи Абдель Аль. Процесс демилитаризации страны буксовал с самого начала. Часть вооруженных милиций присоединилась к правительственным силам, другие – сделали это фиктивно, войдя в новые структуры коллективно под командованием старых командиров, что чревато дезинтеграцией сил правопорядка. К примеру, военная группировка под названием Ливийский щит создана милициями с востока, Зинтана и Мисураты

Огромная проблема – наличие большого числа бесхозного оружия, в том числе тяжелого (не менее 4 млн единиц), а также реальная численность «революционеров». Большинство западных экспертов сходятся во мнении, что общее число вооруженных людей, действительно воевавших против сил Каддафи, не превышало 25 тыс. человек. По заявлению НПС, в стране через два с половиной месяца после свержения режима Каддафи насчитывалось 120 тыс. вооруженных лиц, которых нужно было как-то устроить. Когда же новое правительство объявило о программе выплаты компенсаций участникам боевых действий, то их ряды уже насчитывали четверть миллиона человек. С начала действия этой программы по середине апреля 2012 г. власти выплатили 1,8 млрд динар (1,4 млрд долл.) более чем 450 тысячам «революционеров» в качестве наград, компенсаций и разных поощрений.

В этих условиях в стране не прекращаются боевые столкновения. Так, с декабря прошлого года льется кровь в межплеменных разборках с применением тяжелого оружия в горной области Джебель Нефуса, в 170 км к юго-западу от Триполи, у гг. Зинтан, Шакика и Мезда. Эпицентры боевых столкновений – г. Зуvara (100 км к западу от Триполи), Бени-Валид, Гадамес – на юге, на границе с Тунисом, Себха – в центре Сахары и Куфра – на границе с Чадом и Суданом. В июле 2012 г. представители племен магарха и машашаши призвали все племена, живущие на побережье Средиземного моря, вооружаться для того, чтобы обеспечить безопасность дорог вокруг г. Бени-Валида и ответить на «преступления мисуратцев» против вышеупомянутых племен.

В сентябре в Триполи выходцы из г. Мисурата и некоторых районов столицы потребовали от властей принять меры для освобождения заложников из этих городов, которых захватили и удерживают люди из Бени-Валида. Однако другие наблюдатели, ряд местных блогеров приводили другие версии. По их словам, милиции из Мисураты удерживают в своих тюрьмах и лагерях выходцев из Бени-Валида, Триполи и других городов, и их положение хуже, чем во времена Каддафи. В феврале 2012 г. вспыхнул вооруженный конфликт племени тубу с племенем завия в г. аль-Куфра, который был притушен, но его рецидивы повторились позже в – апреле и в июне.

Глава племени тубу Исса Мансур обвинил власти в стремлении превратить межплеменной конфликт в расовый (против африканцев с

черной кожей). В свое время И. Мансур сражался в рядах Фронта тубу спасения Ливии на стороне сепаратистов, боровшихся против прежнего режима на юге страны, на границе с Чадом и Нигером. Затем, после свержения Каддафи, Фронт был распущен, но после начала стычек, в феврале и марте–апреле 2012 г., с арабским племенем завия в районе Себхи и Куфре Мансур заявил о реактивации Фронта и призвал мировое сообщество оказать ему помощь.

Туарегские племена Ливии потребовали, чтобы в ее новой конституции было оговорено их право на изучение и использования своего языка. Представители Всемирного конгресса амазигов устроили перед зданием ООН в США демонстрацию, чтобы привлечь внимание к их правам. Они напомнили, что среди лозунгов Революции 17 февраля было требование признать их язык и защитить его от исчезновения. Новые лидеры неохотно признают факты межплеменных столкновений, сваливая ответственность за них на окопавшихся сторонников Каддафи, на козни и подстрекательство «контрреволюционных сил» либо объясняя их стычками на бытовой почве.

Однако речь идет, скорее всего, о последствиях нарушенного баланса сил и интересов между различными племенами, который поддерживался при авторитарном режиме Каддафи, о сведении счетов после кровавой гражданской междоусобицы. Ряд экспертов видят подтекст стычек племен, особенно в приграничных районах, в соперничестве за контроль над путями контрабанды оружия, оставшегося после войны в Ливии, и других товаров, в частности спиртных напитков.

В контексте региональных проблем Ливии нужно рассматривать открытый выход на арену политики сторонников федеративного устройства государства. В начале марта 2012 г. в Бенгази 3 тыс. делегатов от племенной знати, политической элиты и вооруженной милиции с востока страны провозгласили свой регион, Киренаику (по-арабски – Барка), автономным, связанным с западом узами федерации. Участники ассамблеи опирались в своих действиях на первую конституцию независимой Ливии от 1951 г., по которой страна представляла федерацию из трех провинций – Киренаики, Триполитании и Феззана. Согласно их декларации, район, занимающий почти половину территории Ливии, обзаведется своим парламентом, полицией, судами и столицей в г. Бенгази. Внешняя политика, оборона останутся прерогативой центрального правительства.

Председателем так называемого Совета региона Барки был избран шейх Ахмед Ас-Сенусси – племянник последнего ливийского короля, свергнутого М. Каддафи в 1969 г. Апологеты федерации призвали покончить с «атавизмом Каддафи: доминированием запада над востоком». Высшие власти нынешней Ливии резко негативно отреагировали на декларацию Бенгази. Сценарий развития

по тропе федерализма, отметили они, может привести к пагубным последствиям. Административные границы между тремя провинциями Ливии в современный период развития страны не были точно установлены и с 1951 по 2007 г. менялись 8 раз. Ввиду малочисленности населения и огромных пространств части федерации могут со временем оказаться в вассальной зависимости от соседей.

Бывший глава НПС А. Джалиль пригрозил применить силу против «попыток расчленения страны и подрыва ее территориального единства». А. Ас-Сенусси – глава Совета региона Барки – в свою очередь не раз подтверждал, что провозглашение автономии «необратимо». В Ливии, где еще не завершён процесс консолидации населения в единую нацию, где еще сильны межплеменные и межрегиональные противоречия и психология «самостийности», насильственное свержение с участием внешнего фактора режима Каддафи при всех его недостатках обострило внутривременные отношения. На местах резко оживились регионально-племенные и партикуляристские настроения и напряженность, несущие дезинтеграционный эффект для всей страны. В верхах сегодня нет недостатка в заявлениях, осуждающих трайбализм и призывающих к примирению между сторонами в гражданской междоусобице.

Но оказалось, что всеобщей ненависти к Каддафи, которая объединяла всех его оппозиционеров и врагов на этапе разрушения режима, совсем недостаточно для того, чтобы строить новую Ливию. Пришедшие к власти силы, где отсутствуют влиятельные харизматические лидеры, не в состоянии предложить какую-то идею консолидации. Во время вооруженных стычек между племенами и местностями правительство действует лишь как экстренная пожарная команда, не имея продуманной концепции да и эффективных инструментов по разрешению этих проблем.

По многим показателям, в особенности критериям безопасности как для граждан страны, так и иностранцев (об этом свидетельствует недавнее убийство посла США в Бенгази), Ливия откатилась далеко назад. Самое опасное, как считают некоторые эксперты, что в Ливии установилась атмосфера взаимной подозрительности, неприязни и ненависти, которые при массовом вооружении людей в любой момент и в любом месте могут породить очередную вспышку насилия.

Zinin Y.N. Tribal Structure of the Libyan Society and its Influence on the Political Processes in the Country.

Summary: The article examines the impact of tribal structure of the Libyan society to the political processes in the country in the years of Muammar Gaddafi and in the period after the victory of the Libyan opposition, expressed opinions about the possible development of events in the future. In particular, the author does not exclude the prospect of federalization of Libya.

Ключевые слова

Ливия, племенная структура, Каддафи, федерализация, оппозиция, политический процесс.

Keywords

Libya, tribal structure, Muammar Gaddafi, federalization, opposition, political processes.

Ассоциация «Братья-мусульмане» и перспективы политических процессов в современном Египте

М.З. Ражбадинов

Статья посвящена роли движения «Братьев-мусульман» в текущих внутриполитических процессах в Египте. В ней отмечается, что партия «Свобода и справедливость» (ПСС), принадлежащая к Ассоциации «Братья-мусульмане» (АБМ), пришла к власти в постреволюционном Египте в силу объективных причин, в том числе в связи с потерей доверия населения к партиям светской ориентации. Образовавшийся вакуум заполнила АБМ. В то же время «Братья-мусульмане» – это умеренное движение политического ислама, нацеленное на проведение демократических реформ в Египте на основе принципов исламской этики.

Сегодня движение политического ислама в Ближневосточном регионе невозможно представить без возникшей в Египте в конце 20-х гг. прошлого века старейшей исламской умеренной организации «Ассоциация «Братья-мусульмане». Ее идеология и политическая философия оказала большое влияние на развитие современного исламизма. Несмотря на то что сегодня исламские течения в различных странах действуют самостоятельно и расходятся с традициями «Братьев-мусульман», именно в Египте исламское движение имеет наиболее многовариантные подходы в отношениях со светскими политическими силами и государственными структурами.

Несомненную актуальность анализируемой «Братьев-мусульман» придает факт их прихода к власти в такой ключевой стране арабского мира, как Египет. В определенной мере политический кризис, разразившийся в Египте в январе–феврале 2011 г., стал неожиданным для «Братьев-мусульман». Максимум, на что рассчитывали исламисты, – использовать общественные протесты и провалить требование о

пересмотре итогов сфальсифицированных властями парламентских выборов, прошедших в ноябре–декабре 2010 г. Последующая повестка требований АБМ формировалась по ходу стремительного развития событий. После захвата молодыми манифестантами площади Тахрир и ввода в Каир военных сил руководство движения занимало усредненную позицию. С одной стороны, «Братство» двигалось в общем потоке революционных событий, поддерживая требования молодежи и либеральной оппозиции (отставка Мубарака, роспуск парламента, отмена чрезвычайного положения), с другой – в позиции некоторых представителей движения чувствовалась неуверенность, желание выждать исхода событий. При этом многие активисты молодежного крыла АБМ практически действовали самостоятельно в координации с молодежными светскими группами.

Когда стало очевидным, что ситуация необратимо развивается в сторону свержения режима в условиях растущего хаоса и массовых общественных выступлений, Ассоциация сделала

Ражбадинов Марат Заурович – к.и.н., второй секретарь Департамента Ближнего Востока и Северной Африки МИД России, внештатный эксперт Центра партнерства цивилизаций ИМИ. E-mail: nol2001@mail.ru

окончательный выбор в пользу поддержки требований отставки Х. Мубарака. АБМ практически взяла на себя инициативу начиная со 2 февраля 2011 г. и массового нападения сторонников Х. Мубарака на манифестантов на Тахрире АБМ фактически взяла на себя лидерство в антиправительственных выступлениях. Движение организовало оборону и подвоз продовольствия на площадь, была объявлена полная мобилизация всех людских и материальных ресурсов Ассоциации, что окончательно переломило ситуацию в пользу демонстрантов. И если на начальном этапе революции присутствие АБМ в ней было достаточно ограниченным (некоторые наблюдатели свидетельствуют о 20–25% участия членов Ассоциации), то на завершающем этапе в победе революции важнейшую роль сыграли именно исламистские силы.

Победа партии АБМ «Свобода и справедливость» (ПСС) в ходе последовавших затем парламентских и президентских выборов вполне закономерна. Прежний режим не оставил на политическом поле ни одного серьезного конкурента, целенаправленно маргинализовав все светские силы. Для определенной части политически активного населения исламизм оставался единственным каналом самореализации. «Братьям-мусульманам» удавалось выжить благодаря опыту длительного исторического сосуществования с режимами различной окраски (монархическом при короле Фаруке, авторитарно-республиканском при Г.А. Насере, полудемократическом при А. Садате и Х. Мубараке), а также масштабной социальной работе в различных слоях населения.

Со своей стороны армия сыграла ключевую стабилизирующую роль в первые месяцы революции, не допустив полного развала ситуации в стране, сделав выбор в пользу уступки египетской «улице» и ухода Х. Мубарака с политической авансцены. Во время передачи власти от военных к гражданскому руководству в середине 2012 г. у генералитета, по сути, не было альтернативы. С одной стороны, они видели в стране организованное движение умеренного политического ислама с большим историческим опытом общественной деятельности, а с другой – слабый и разрозненный светский лагерь. Очевидно, что для светской оппозиции требовался определенный лимит времени для укрепления своих позиций в новых условиях. Военные вполне резонно сомневались в способностях либеральных сил удержать страну от полного политического развала. Идеи левого спектра и либеральные концепции, как, впрочем, и все светские политические альтернативы, существенно девальвировались в глазах населения при режиме Х. Мубарака, в том числе и из-за откровенного конформизма и неконструктивной позиции лидеров данных партий.

«Братья-мусульмане» были главным объектом жестоких репрессий режима Х. Мубарака, соответственно до сих пор несут ореол главной жертвы тиранической системы и борцов с ее произволом. Однако необходимо отметить, что светские силы в настоящее время находятся в процессе активного восстановления. Есть признаки консолидации либерального лагеря вокруг

набирающих популярность Мухаммеда Барадея, Усамы Газали Харба (лидер партии «Демократический фронт»), Аймана Нура (в прошлом глава партии «Завтра»), всегда выступавших с четкой либеральной платформой. В качестве центристского политика все больше позиционирует себя Амр Муса, в прошлом генеральный секретарь Лиги арабских государств.

В условиях сложной социально-экономической ситуации появляются перспективы у левых сил и насеристов, которые имеют достаточно популярных политиков – Хамдин Сибахи (лидер насеристской партии «Карам»), Абу Эзз аль-Харири (бывший член руководства левой партии «Тагамму»), Джордж Исхак (в прошлом один из руководителей протестного движения «Кифая»), – способных объединить различные силы левой светской ориентации. Три упомянутых человека имеют безупречную репутацию честных идейных политиков, не склонявшихся при прежнем режиме ни перед угрозами и шантажом, ни перед попытками подкупа. Всем упомянутым деятелям предстоит вернуть доверие населения к светским политическим ценностям. Впрочем, не исключено, что в ближайшее время на египетской политической арене могут появиться новые молодые политики, выдвинувшиеся на гребне революционных событий.

На ближайшую перспективу динамика дальнейшей внутривнутриполитической ситуации в стране будет зависеть от взаимоотношений «Братьев-мусульман» как с военными, так и со светским политическим спектром. Очевидно, что генералитет в определенной степени рассчитывает на то, что АБМ сможет стабилизировать сложную ситуацию в стране, при этом сохранив интересы военных в экономической сфере. Скорей всего «Братья-мусульмане» постараются соблюсти баланс между военными и давлением светских сил. Главная задача исламистов – вывести Египет из политической турбулентности и экономического застоя. В то же время политическая стратегия АБМ также будет зависеть от внутренней ситуации в движении, хода дискуссии между «консерваторами» и «реформаторами», контуров заявленного курса на внутреннюю реформу Ассоциации в новых условиях, поиска компромиссных вариантов сочетания исламизации с демократизацией. Принципы демократии и гражданского общества для «Братьев-мусульман» являются вполне привычной аксиомой. Движение имеет большой опыт работы со светскими политическими силами, так же как и в нахождении внутреннего консенсуса.

Двойственная природа АБМ, о которой сейчас все чаще говорят наблюдатели, отражает историческую природу Ассоциации, возникшей в качестве культурного явления современного ислама и одновременно как политическая сила. Прагматичное политическое руководство Ассоциации традиционно пыталось включить в движение весь исламский спектр Египта, как традиционалистов, так и радикалов, или аккумулировать интересы консервативной части египетского общества в категории, приемлемые для современного светского сообщества. Главную

■ Международные отношения

роль в такой мягкой адаптации играла именно консервативная часть руководства АБМ, в состав которого входили богословы и теологи. Соответственно диалог между консерваторами и прагматиками будет в движении всегда, главное то, что за 60 лет своего существования «Братья-мусульмане» выработали способность находить компромиссы и приспосабливаться под новые условия жизни.

Это вовсе не исключает того, что те или иные деятели движения могут использовать радикальную риторику для расширения своего влияния в среде наиболее консервативных исламских течений, с тем чтобы со временем добиться от них согласия с генеральным курсом «Братьев-мусульман», направленным на адаптацию исламского права или его реформирование сообразно условиям нового времени. Еще один важный момент – реформация внутри ислама, начатая еще в XIX в., не прекращавшаяся все последнее время и, скорей всего, только усиливающаяся в ближайшем будущем. В результате событий «арабской весны» исламская реформация только активизируется, так как складываются благоприятные для этого процесса факторы. В этой связи не совсем правомерным выглядит утверждение о том, что «арабская весна» – не более чем реванш консервативных исламистских сил, профинансированных монархиями Персидского залива.

«Арабская весна» есть результат отражения сложного трансформационного процесса внутри исламской цивилизации, попыток адаптировать исламскую культуру к современной глобализации, сочетать консервативное начало с модернистским. За такими процессами не стоит усматривать исключительную угрозу сплошной исламизации. Речь идет о новой попытке переосмыслить вестернизацию на исламский лад. «Братья-мусульмане» не выступают против модернизации как таковой, они лишь предлагают отказаться от форсированных или агрессивных попыток модернизации исламского мира и двигаться по пути реформ осторожно, соблюдая середину между консервативным и модернистским началом, традицией и прогрессом. В такой постановке тезиса «Братья-мусульмане» выражают интересы той части консервативно мыслящего среднего класса и интеллигенции, которая ориентируется на умеренную демократизацию мусульманских обществ, проведение постепенных политических и социальных реформ на основе религиозных ценностей.

Мы являемся свидетелями того, как сегодня политический арабский ислам впервые входит в фазу легального существования. Прежде в большинстве арабских стран исламские умеренные течения находились под перманентным прессингом государства. Практически полная закрытость системы для исламистских организаций и очевидные нарушения в ее функционировании по отношению к легальной оппозиции, разрыв между реальными потенциалом и влиянием умеренного политического ислама и способностью или желанием институциональной системы интегрировать эти силы сдерживали «ползучую» либерализацию политического исламизма. В

качестве ответной реакции они усиливали в исламизме консервативное содержание.

Политическое руководство «Братьев-мусульман» в последнее время делает акцент на общенациональном характере своей миссии по выводу страны из политического и экономического кризиса, подчеркивая, что партия открыта для конструктивного диалога со всеми светскими силами. Современные идеологи движения считают, что исламское государство должно быть гарантом гражданских прав и свобод. Отходя от крайнего индивидуализма Запада и восточного коллективизма, исламская система, по мнению идеологов АБМ, предлагает соблюдать баланс прав отдельной личности и всего общества. Политические концепции Ассоциации отвергают теократию, так как она в доктринальном плане несовместима с принципами суннизма.

Базовые теоретические выводы «Братьев-мусульман» по вопросу исламского государства предусматривают политическое участие населения, подотчетность правителя парламенту, верховенство права и равенство всех граждан перед законом. Все эти аспекты входят в число основных демократических ценностей. Все большее хождение получает концепция «исламская демократия» в интерпретации различных теоретиков АБМ. При этом перед ПСС маячит перспектива возрастающей конкуренции со стороны альтернативных исламских движений как салафитской направленности, так и либеральной¹.

В то же время в стране сохраняется достаточно высокий уровень конфликтного потенциала между светскими и происламскими силами, который будет периодически обостряться до разной степени нагрева в силу остроты политической борьбы или зависеть от успеха реформ по демократизации Египта. Между АБМ и либералами существуют достаточно серьезные разногласия по формам переходного этапа, скорости реформ и демократизации, месте ислама в современном египетском обществе, приоритетах социально-экономических преобразований. В принципе все политические силы декларируют одну цель – строительство демократического Египта, но представления о «путях» к этой цели разные.

Кроме того, в светском лагере присутствуют опасения того, что в случае преобладания в руководстве «Братьев-мусульман» консервативных установок Египту угрожает новая и более опасная диктатура под религиозными лозунгами. Однако часть светских политиков не разделяют таких страхов, выражают заинтересованность в сотрудничестве с «Братьями-мусульманами», исходя из того, что они лучше радикальных салафитов, которые вообще не видят смысла в каком-либо диалоге со светскими партиями. Как полагает профессор политологии Каирского университета Хасан Нафиа, если бы не было рациональных «Братьев-мусульман», тогда везде бы господствовали радикальные идеи Сеида Кутба и Ибн Теймийи². Некоторые не исключают того, что АБМ, оказавшись у власти, неизбежно сделает крен в сторону большего политического прагматизма.

В такой ситуации многое зависит от способности «Братьев-мусульман» к компромиссам, если надо

будет идти на уступки. К поиску взаимных развязок между конструктивными светскими и умеренными исламскими силами может подталкивать и объективное стремление избежать обвала ситуации, в чем не заинтересованы и международные партнеры, финансовые доноры и инвесторы Египта. При этом в стране конструктивные политические силы четко осознают, что в случае усугубления в египетском обществе внутренних противоречий и сползания страны к дестабилизации к власти могут прийти ультраконсервативные религиозные группы, произойдет реставрация прежнего режима либо на авансцену выйдет военная хунта. Тогда уже точно никто не увидит «света демократии». Свидетельством такого понимания стали президентские выборы в июле 2012 г., когда в ходе второго тура светский политический спектр поддержал кандидата «Братьев-мусульман» от ПСС Мухаммеда Мурси, выступив против его основного конкурента в лице Ахмеда Шафика, олицетворявшего прежний режим.

Нынешняя политическая обстановка в Египте, характеризующаяся достаточно большим уровнем демократических свобод, впредь будет сопровождаться постоянным прессингом оппозиции в отношении любой правящей силы. Светские партии будут использовать в своих интересах любые политические или экономические просчеты «Братьев-мусульман», вынуждая их соотносить границы исламизации с декларируемым курсом на демократизацию египетской государственности. В то же время конфликтный потенциал заложен и в амбициях определенных кругов и слоев – бывшей бюрократии и бизнес-кругов, связанных со свергнутым режимом, партийной номенклатуры НДП, некоторых партий политической оппозиции. Недовольными остались и обездоленные социальные слои, безработная молодежь, наивно полагавшие, что стоит рухнуть режиму – и в стране настанет социальное благополучие.

В Египте сохраняет свое важное значение и фактор «уличного» давления. Для некоторых молодежных движений, в том числе новообразованных, «революция продолжается», и она будет продолжаться до тех пор, пока ее цели, в их понимании, не будут достигнуты. Главный метод активности подобного рода групп – это «уличная демократия» в форме уличных манифестаций и протестов против любого не понравившегося им шага новых властей. Существуют и откровенные демагоги и популисты, которые будут любыми средствами добиваться власти, используя лозунги исламистской угрозы либо, наоборот, «заговора» либералов и Запада против Египта.

Важным аспектом является и вопрос способности «Братьями-мусульманами» решить салафитскую проблему. Салафитское сложное наследие досталось «Братьям-мусульманам» от прежних режимов. Очаговая исламизация в салафитском контексте в различных сельских районах или городских кварталах уже давно стала неотъемлемой частью ряда арабских стран (Иордания, Египет, Алжир, Йемен). Но салафизм как социальное явление оставался и останется религией

активного меньшинства. Присутствие салафитов отчасти объяснялось и терпимым отношением к ним со стороны прежних режимов, рассчитывавших противопоставить их влиянию умеренных исламистов. В принципе «Братья-мусульмане» и иные исламские партии сегодня действуют в уже предельно исламизированном арабском социуме, инициированного «сверху» прежними режимами националистической ориентации.

Достаточно вспомнить, что не «Братья-мусульмане», а светский националист Анвар Садат в 1970-х гг. ввел в конституцию Египта положение о том, что шариат – главный источник законодательства страны. Сейчас проблема заключается в том, как в новых политических условиях встроить салафитский фактор в общее цивилизованное правовое поле по схеме «можешь быть салафитом, если тебе этого так хочется, но нарушать конституционные рамки никто не позволит». Такая модель де-факто существовала десять лет в ряде арабских стран. При этом режимы опирались в основном на тактику репрессивного устрашения. Естественно, что сейчас она может быть скорректирована с учетом новых условий, когда приоритет отдается не силе, а диалогу. В такой плоскости основной вопрос заключается в том, чтобы упомянутые салафитские анклавы не начали ползучее распространение и не превратились в благоприятные зоны для оседания идей «Аль-Каиды» (угроза такого сценария прежде всего существует в Ливии).

В Египте «Братьям-мусульманам» пока что удастся сдерживать салафитов в рамках альянсов или перманентно ведущегося диалога. Это отчасти может объясняться и более высоким уровнем организованности египетских салафитов, где умеренное течение легализовалось в партию, взяв под относительный контроль различные салафитские школы. В то же время в Египте нет той проблемы, с которой сейчас вынужден сталкиваться Тунис. Серьезным радикализирующим фактором для тунисских салафитов продолжает оставаться непустое региональное положение Туниса, в частности прозрачные границы с постконфликтной Ливией, прилегающая нестабильная Сахаро-сахельская зона, сложная ситуация в Мали. Во всех этих узловых точках наблюдается активизация джихадистских группировок, разделяющих идеи «Аль-Каиды в исламском Магрибе». Существует эвентуальная угроза «перелива» террористической активности из данных зон в Тунис. Очевидный трансграничный характер этой проблемы предопределяет необходимость коллективных усилий по ее решению в форме укрепления сотрудничества в этой сфере всех заинтересованных сопредельных стран Северо-Африканского региона с опорой на всестороннюю помощь международного сообщества.

В то же время в условиях «постреволюционной демократии» новые арабские элиты пока что склонны к дифференцированному подходу к салафитской проблеме, принимая во внимание наличие в салафитском лагере как радикальных, так и вполне умеренных компонентов. Решение вопроса противодействия деятельности непримиримых

■ Международные отношения

экстремистских групп лежит в плоскости не диалога, а принятия адекватных мер по обеспечению соответствующего уровня безопасности в стране, укрепления профессионализма правоохранительных органов нового Египта. Сила будет применяться в отношении лишь крайних экстремистов, в остальных случаях инициируется серьезный политический и богословский диалог или выстраивание системы балансов и сдержек.

Можно даже сказать, что «Братья-мусульмане» и «родственные» им партии в целом успешно сдержали первую волну возможной салафитизации «арабской весны». Во время политического кризиса и хаоса в Египте существовала определенная вероятность прихода к власти салафитских сил, зарегистрировавших на скорую руку свои партии, получив солидную финансовую помощь извне. Скорей всего фактор «Братьев-мусульман» на переходный период будет оставаться единственным серьезным идеологическим заслоном на пути следующих попыток возможной радикализации региона, в то время пока основные светские политические силы только начинают укрепляться.

На ближайшую перспективу ПСС предстоит непростая задача по выстраиванию диалога со всеми крупными политическими силами страны на основе новых правил политической борьбы в условиях демократии. Ключевые задачи переходного этапа: а) выработка законодательной базы реформ; б) определение политической модели Египта; в) определение места ислама в новом государстве, армии в будущем Египта; г) уточнение роли президента и парламента, судебных органов и СМИ в политической и государственной системах страны; решение сложных социально-экономических проблем³, борьбы с коррупцией. В отличие от Туниса, где армия после революции сразу ушла в казармы и добровольно отказалась от какой-либо роли в политике, в Египте военные традиционно выполняли функцию важного национального института. В этом плане Египет, возможно, только сейчас начинает двигаться по тому пути, который проделала Турция несколько десятилетий назад.

По прошествии 60 лет правления в Египте «военных лидеров» президентом страны впервые стал гражданский политик. В мае – июле 2012 г. в стране прошли первые после июльской революции 1952 г. свободные и альтернативные выборы президента. В отличие от Ливии, которая в

буквальном смысле начинает свое государственное строительство с нуля, не имея опыта жизни в рамках демократических структур, в Египте гражданские институты (парламент, партии, профсоюзы, свободная пресса, сильный судебный корпус) в деформированном виде существовали всегда: и в период «парламентской монархии» короля Фарука, и авторитарного правления Насера, и «управляемой демократии» Садата. В целом традиции политического плюрализма и терпимости в Египте более развиты, чем в большинстве других стран региона. Здесь исламское движение имеет долгий и богатый опыт взаимодействия с государством и другими политическими силами, что позволит всем сторонам несколько «притереться» друг к другу.

Таким образом, с учетом данных аспектов переход к новой государственности в Египте будет нелегким, и он может занять достаточно много времени. Очевидно, что в чистом виде западная модель демократии вряд ли применима к «египетской почве». Страна будет ориентироваться на строительство демократической государственности с учетом собственной культурно-цивилизационной специфики. Позицию «Братьев-мусульман» по этому вопросу достаточно четко сформулировал известный в Египте общественный деятель Фахми Хувейди, подчеркнувший, что признание ценностей демократии не означает слепое копирование всех западных институтов, посредством которых реализуются те или иные гражданские права. Историческая специфика мусульманских сообществ диктует необходимость выработки собственных моделей демократического развития.

Razhbadinov M.Z. «The Muslim Brotherhood» and prospects of the political process in contemporary Egypt.

Summary: The article focuses on the role of the moderate islamists movement «The Muslim Brotherhood» in current political situation in Egypt. «The Muslim Brotherhood» is the most organized and powerful force in contemporary Egypt. The author deals with ideology and strategy of the movement, the relationship with other political forces, internal differences and opportunities in power. He concludes that the «Cairo effect» caused long overdue tectonic shift in the Arab region. Egypt has begun its move to build up a democratic state but with their own specifics. The future situation in the country will depend on the relationship «The Muslim Brotherhood» with the army and political secular powers. The country has just started to move in the way that Turkey did a few decades ago.

Ключевые слова

«Братья мусульмане», умеренный исламизм, ситуация в постреволюционном Египте, политические реформы, движение салафитов.

Keywords

«The Muslim Brotherhood», the moderate islamists movement, situation in the Egypt in the postrevolutionary period, political reforms, the Salafi movement.

Примечания

1. Процесс политической эволюции необратимо развивается и в исламистской среде, где стали появляться различные силы неоллиберальной направленности, в том числе отошедшие от АБМ, которые открыты для широкого диалога со светскими партиями.
2. Концепции средневекового богослова Ибн Теймийи активно используют современные салафиты. Некоторые радикальные воззрения Сеида Кутба взяты на вооружение различными экстремистскими группировками.
3. В феврале – мае 2011 года в результате политической нестабильности рост экономики замедлился и опустился до 1 %, убытки промышленных секторов составили 10–20 млрд ег.ф., доходы от туристического сектора упали на 80%, полностью прекратился приток иностранных инвестиций, золотовалютные запасы Египта сократились с 36 млрд долл. до 28 млрд.

Оппозиционные группы: влияние на мировую политику

И.С. Борзова

В статье рассматривается вопрос о влиянии оппозиционных групп на мировую политику. Автором дается краткий историографический обзор важнейших работ, посвященных взаимодействию власти и оппозиции, приводятся основные классификации оппозиционных групп, анализируются их основные функции. На примере оппозиционных групп в Польше и Белоруссии раскрываются особенности, проблемы и противоречия развития оппозиции в условиях демократического и недемократического режимов.

Плодотворное функционирование оппозиционных групп является залогом стабильного развития режима, устойчивости политической системы и сменяемости власти в ходе свободных выборов. Поэтому формирование оппозиции действующему режиму власти является важным процессом для любого государства. Без нормального функционирования института оппозиции невозможно развитие демократии, обеспечение политической стабильности и консолидация гражданского общества в стране. Основная задача оппозиционных групп – обеспечивать баланс политических сил, отражая интересы и мнения различных социальных слоев, оказывать воздействие на политику правящей группы, отмечая ее недостатки и предлагая возможные альтернативы внутренней и внешней политики.

Существует большое количество определений оппозиции, суммировав которые, можно получить следующее определение оппозиционной группы: оппозиционная группа – это актор мировой политики, основной целью которого является разработка альтернативных сценариев внутренней и

внешней политики государства, а также критика власти, политических элит или режима в целом. Тематика развития оппозиционных групп на мировой арене в целом и в отдельных государствах давно находится в фокусе внимания ученых всего мира. С течением времени сложились разные научные школы, по-разному трактующие цели и задачи оппозиционных групп и видящие их влияние на мировую политику и политику отдельных стран.

Одним из первых, кто начал изучать оппозицию как отдельного актора мировой политики, был Роберт Даль. В своих работах «Политические оппозиции в западных демократиях» (1966), «Полиархия: участие и оппозиция» (1971) автор сконцентрировался на анализе функций оппозиции в демократических режимах и на формах, которые оппозиция может принимать. Весомый вклад в развитие данного научного направления внесли также Гита Ионеску и Изабель де Мадарьяга, которые в 1968 г. опубликовали книгу «Оппозиция: прошлое и настоящее политического института». Затем по инициативе Ионеску Лондонская школа экономических и политических наук стала

Борзова Ирина Сергеевна – к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет». E-mail: irafor@yandex.ru

Статья подготовлена при выполнении НИР по теме «Трансформация мира: негосударственные акторы мировой политики», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (Соглашение № 8813 от 15 ноября 2012 г.).

выпускать журнал «Правительство и оппозиция», ставший центром научных дискуссий по данной тематике.

Работы Даля, Ионеску и де Мадарьяга критиковались из-за их слишком либеральной направленности. В качестве критиков выступали, например, приверженцы теории демократического транзита, которые предлагали изучать альтернативные формы оппозиции в странах, не относящихся к западному миру. В рамках теории демократического транзита анализировались условия и предпосылки перехода к демократии, его движущие силы, различные модели перехода к демократии. Среди исследований по транзитологии наиболее важными являются работы Хуана Линца¹, Гильермо О'Донелла², Адама Пшеворски³, Сэмюэля Хантингтона⁴. Схожим является направление по изучению деятельности оппозиции в условиях недемократических режимов и анализу их влияния на процесс демократизации. К этой группе исследований можно отнести работы Леонарда Шапиро «Политическая оппозиция в однопартийных государствах» (1972) и Альфреда Степана «Демократическая оппозиция и теория демократизации»⁵ (1997). Со временем данное направление исследований распространилось и на «российскую почву».

Общий анализ работ позволяет сделать вывод о том, что на протяжении десятилетий оппозиция рассматривалась как второстепенный субъект – через призму исследований о власти в целом, о правительстве, парламенте, партиях. При этом мало внимания уделялось изучению непосредственно самих оппозиционных групп как акторов мировой политики. В ряде стран оппозиция приняла форму партий и стала развиваться преимущественно в их рамках. Поэтому зачастую можно встретить суждение о том, что оппозиция и оппозиционная партия – это идентичные понятия. Но все же более правильным мы считаем подход, который не сводит оппозицию только лишь к партийным структурам. Партия всегда – лишь элемент общей оппозиционной структуры. Поэтому отсутствие функционирующих оппозиционных партий не означает отсутствие оппозиции вообще.

Существует большое количество классификаций оппозиционных групп и партий, которые необходимо учитывать при анализе вопроса о функционировании оппозиции в мировой политике. В классической типологии Роберта Даля оппозиция разделена на структурную и внеструктурную. Уже на базе этой классификации сложилось разделение на оппозицию лояльную и нелояльную, системную и внесистемную, парламентскую и внепарламентскую, активную и пассивную. Принципиальное отличие между этими двумя типами оппозиционных групп состоит в том, что системная оппозиция имеет целью изменить или предотвратить изменения в политике властей, при этом в целом соглашаясь с проводимым курсом и ориентируясь в большей степени на внутреннюю политику государства. Системная оппозиция, как правило, представлена в парламенте и признает общие правила политической игры.

Внесистемная оппозиция нацелена на слом существующего режима. Эти силы исключены из официальной политики, но хотят в ней участвовать, акцентируя внимание на внешнеполитических вопросах и изыскивая возможности для получения поддержки из-за рубежа. При этом иностранная поддержка оппозиции может ее усилить, а может и ослабить. Внесистемная оппозиция, в свою очередь, может быть разделена на оппозицию, действующую насильственными методами (радикальную, революционную) и оппозицию, ориентированную на реформы.

В классификации оппозиционных групп также встречается их разделение на парламентские и внепарламентские. Оппозиционная группа может быть системной, конституционной и легальной, но существовать вне парламента. Это может происходить потому, что такая оппозиционная группа: а) слишком слаба, чтобы пройти в парламент; б) она не верит в эффективность работы парламента; в) она организована таким образом, что не может войти в состав парламента. Внепарламентские оппозиционные группы в мировой политике могут функционировать, например, как политические партии, не представленные в парламенте, как СМИ, социальные движения, неправительственные организации, а также как группировки, использующие насильственные или террористические методы.

Интересным является разделение оппозиционных групп в мировой политике на активные и пассивные. Активная оппозиция нацелена на изменение существующей внутренней или внешнеполитической линии, в то время как пассивная оппозиция, признавая такую политику неверной, не предпринимает действий по ее изменению. Пассивная оппозиция может принимать формы эмиграции, неповиновения, диссидентства и др. Говоря о функциях оппозиционных групп в мировой политике, можно отметить следующие наиболее значимые из них:

– во-первых, это представление на мировой арене интересов определенных групп населения государств, существующих в мировой политике (хотя бы формально). Те, чьи интересы не представлены или не могут быть представлены в законодательных органах, могут отстаивать свои интересы через оппозиционные группы, движения, организации и пр.;

– во-вторых, еще одна формальная функция оппозиции – это критическая функция, основной составляющей которой является представление альтернативных вариантов внешней и внутренней политики и поддержка этих вариантов действующими акторами мировой политики;

– в-третьих, оппозиционные группы выполняют функцию политической коммуникации. Роль конструктивной оппозиции здесь – выявить противоречия и недовольства в обществе и обеспечить как правительство и общество своей страны, так и правительства и общественность заинтересованных государств, мировую общественность информацией, которая бы способствовала изменениям в политике. Функция политической коммуникации

не является односторонней, поскольку наряду с направлением «от оппозиции к власти» можно выделить направление «от оппозиции к обществу», так как оппозиционные группы не только воздействуют на власть, но и обеспечивают общество, в том числе и за границами своего государства, альтернативными источниками информации;

– в-четвертых, оппозиционные группы помогают в процессе сдерживания конфликтующих интересов в обществе и одновременно служат каналом для вымещения недовольства и фрустрации, которые накапливаются в обществе.

Эти четыре «классические» функции свойственны системной конструктивной оппозиции, существующей в демократических режимах. Если речь идет о радикальной внесистемной оппозиции или о деятельности оппозиции в рамках недемократического режима, то функции оппозиционных групп будут другими. Главными функциями оппозиционных групп в таком случае будут разрушение существующего режима, захват власти или формирование нового правительства со своим участием.

Важным аспектом в изучении оппозиционных групп в мирополитическом контексте является вопрос о соотношениях оппозиции и демократии. Этот вопрос имеет два измерения. Первое: действительно ли существование демократии обязательно означает существование легальной оппозиции? Второе: действительно ли существование легальной оппозиции означает, что такая система является демократической? На оба эти вопроса, на наш взгляд, следует ответить отрицательно:

– потому что демократические режимы не являются однотипными и различаются между собой. Только в случае с либеральной демократией можно говорить о существовании легальной оппозиции;

– потому что существование в стране оппозиции необязательно означает, что политический режим является истинно демократическим, поскольку оппозиционные группы существуют и в недемократических режимах. Просто в отличие от оппозиции в демократических режимах они выполняют другие функции и им отведена иная роль.

Примеров для иллюстрации развития оппозиционных групп в отдельных странах мира может быть большое количество. Случаи Великобритании и США являются классическими и изучались неоднократно. Менее изученными являются оппозиционные группы стран Восточной Европы, где оппозиция стала зарождаться и развиваться относительно недавно. В качестве примера возьмем близкие к России страны – Польшу и Белоруссию. Краткий анализ оппозиционных движений в этих двух странах дает представление о том, какие трудности, проблемы и противоречия встречает оппозиция в случае с недемократическим режимом (Белоруссия), и о том, как развивается оппозиция в демократическом режиме (Польша).

Случай с развитием оппозиции в Белоруссии является совершенно особым. Белоруссия, находясь в непосредственной близости от Европы, могла бы быстрее и лучше других перенять и реализовать на практике западные демократические ценности,

но в этой стране сложилась своя специфика политического развития и Белоруссия не продолжила череду «цветных революций» на постсоветском пространстве. В этой стране полноценный переход к демократии не состоялся, а президент Александр Лукашенко создал совершенно уникальный для небольшой восточноевропейской страны политический режим, имеющий схожие черты с «делегативной демократией» (согласно трактовке Гильермо О’Доннелла). Как отмечает О’Доннелл, «делегативные демократии основываются на предпосылке, что победа на президентских выборах дает победителю право управлять страной по своему усмотрению, при этом он ограничен лишь обстоятельствами существующих властных отношений и определенным Конституцией сроком пребывания у власти»⁶.

В независимой Белоруссии сегодня происходит процесс становления и развития оппозиции, которая пытается противостоять жесткой системе власти, выстроенной Александром Лукашенко. В начале 1990-х гг. белорусская оппозиция имела в своем распоряжении весомые и эффективные рычаги влияния на власть, участвуя в разработке внутривнутриполитического и внешнеполитического курсов страны. Но после прихода к власти президента Александра Лукашенко в стране наметились явные тенденции вытеснения оппозиции из политического пространства, снижения ее роли в общественно-политической жизни страны. Это привело к определенному кризису легитимности оппозиционных партий и движений и снижению влияния оппозиции на политическую ситуацию в стране.

Формально политическая система в стране является демократической, и по Конституции Республика Беларусь – унитарное демократическое социальное правовое государство⁷. В реальности за годы независимости политическая система Белоруссии претерпела существенные трансформации. Страна перешла от парламентской республики с большим количеством действующих институтов и широкой палитрой политических партий (в том числе оппозиционных) к суперпрезидентской республике с практически полным сосредоточением власти в руках главы государства. В условиях функционирования подобной политической системы развитие оппозиционного движения в Белоруссии является весьма проблематичным.

1990-е гг. стали первым этапом в развитии оппозиции в независимой Белоруссии, когда начался процесс оппозиционного строительства, формирования первых оппозиционных политических партий. Противоречия в оппозиционных рядах, недостаточная структурированность белорусского общества, слабость белорусского национального самосознания привели к тому, что в стране не сложилась полноценная основа для поддержки оппозиционного движения. Свой эволюционный путь оппозиционное движение в независимой Белоруссии начало с рубежа 1980 – 1990-х гг., когда на политическом горизонте появилась первая весомая оппозиционная партия – Белорусский народный фронт (БНФ). Возглавляемый Зеноном Позняком,

он на протяжении нескольких лет оставался единственной реальной и структурированной оппозиционной партией в Белоруссии.

В начале XXI в. белорусское оппозиционное движение претерпело определенную трансформацию. Оппозиционеры, осознавая свои слабые стороны и понимая, что малочисленные партии не могут набрать достаточного политического веса, приступили к объединению политических усилий. Результатом объединительного процесса стало выдвижение на президентских выборах 2001 г. единого кандидата от оппозиции и создание оппозиционной коалиции на парламентских выборах 2004 г. Выборы 2006 г. стали важным этапом в развитии белорусской оппозиции. Эти выборы должны были, по расчетам оппозиционеров, стать очередной «цветной революцией» на постсоветском пространстве. Однако демократический транзит в Белоруссии не состоялся, поскольку в стране не сложился комплекс предпосылок для перехода к демократии «европейского образца». Белорусское общество оказалось не готово к демократическим преобразованиям по сценариям, предлагавшимся оппозиционными кандидатами – Александром Милинкевичем и Александром Козулиным.

После президентских выборов 2006 г. белорусская оппозиция оказалась вновь раздробленной, ее поддержка в обществе оказалась достаточно низкой. Нынешняя ситуация в Белоруссии оставляет открытым вопрос о тенденциях дальнейшего политического развития страны. Многое будет зависеть от того, какие интересы и ценностные ориентиры станут доминировать в политическом сознании новых поколений белорусских граждан, выросших уже после распада СССР: будут ли они склоняться к тем политическим моделям, которые уже утвердились в Восточной Европе? Или же правление президента Александра Лукашенко оставит такие плоды, которые значительно затруднят становление демократии европейского образца в Белоруссии?

В Польше, в отличие от Белоруссии, демократический транзит был более успешным. Деятельность оппозиционных групп в Польше имела значительно более устойчивые результаты. Институционализованная антисистемная оппозиция в Польше начала формироваться со второй половины 1970-х гг. Еще в 1976 г. был создан Комитет защиты рабочих, который потом был преобразован в постоянно действующий Комитет общественной самообороны. Активизация деятельности оппозиционных групп началась в 1989 г. с так называемых переговоров круглого стола оппозиционных групп с представителями коммунистической партии. Итогом работы круглого стола стала договоренность власти и оппозиции о проведении через 4 года свободных конкурентных выборов с возможностью участия в них различных политических партий и последующим введением поста президента. Этот процесс положил начало созданию современного демократического режима в Польше.

Оппозиция в Польше объединилась под знаменами профсоюза «Солидарность». Этот профсоюз стал актором с большим политическим весом

и высоким мобилизационным потенциалом для притяжения оппозиционных сил. Но уже в начале 1990-х гг. в лагере оппозиционеров стало заметным нарастание противоречий. В стране начался процесс дробления и возникновения малых оппозиционных партий и групп. Эти процессы привели в итоге к расколу «Солидарности» на два блока. Соглашение «Центр» возглавил Лех Валенса, а «Демократический Союз» стал действовать под руководством премьер-министра Тадеуша Мазовецкого.

После очередных парламентских выборов 1993 г. начался новый этап в деятельности польской оппозиции. В Польше произошло изменение связанных с деятельностью оппозиционных групп электорального законодательства и законов, с тем чтобы облегчить процесс укрупнения политических партий и получить гарантии создания стабильного правительства. Важным моментом в развитии оппозиции в Польше стало противостояние «левого» президента Александра Квасьневского и «правого» правительства. Это привело к формированию после выборов в парламент 1997 г. партийной системы, основным предметом споров внутри которой стала целесообразность вступления Польши в ЕС.

В Польше действует правило «парламент или смерть», по которому оппозиционные партии, не прошедшие в парламент, фактически прекращают свою деятельность и перестают существовать, что связано с особенностями финансирования политических партий. Основным источником финансирования польских политических партий являются государственные субсидии. Их могут получать политические партии, которые на последних выборах в парламент набрали более 3% голосов избирателей, если они выступали на выборах самостоятельно, и 6%, если входили в состав коалиции⁸.

Существование большого количества разнообразных оппозиционных партий, согласно опросам общественного мнения, не вызывает доверия у населения в Польше. Опросы польского электората в 2000-х гг. показали, что большая часть населения выступает за классическую двухпартийную систему, позволяющую формировать устойчивое правительство. Выборы в парламент 2005 г. стали олицетворением такой системы. Между собой конкурировали две крупных партии: христианско-демократическая партия «Право и справедливость» братьев Качинских и либеральная проевропейская «Гражданская платформа» Дональда Туска.

Польские оппозиционные партии и группы включаются в деятельность международных сетевых политических структур. Так, например, в Польше функционируют такие сетевые транснациональные группы, как «Зеленые-2000», Польская партия пиратов, Польская партия женщин. Они являются членами соответствующих международных сетевых структур, которые открывают свои «филиалы» в разных странах мира. В ближайшей перспективе, по нашему мнению, политическую систему Польши ожидает стабилизация. Основные решения, требующие политической и электоральной мобилизации, уже приняты. Польша является

полноправным членом ЕС и НАТО. Страна также постепенно оправляется после трагического крушения самолета польского президента под Смоленском в 2010 г. Эволюционная модернизация польской политической системы будет продолжена, с тем чтобы не терять «марку» носителя стандартов демократизации в Восточной Европе.

Проанализировав историю развития, различные классификации, функции оппозиционных групп в мировой политике, основные варианты взаимодействия оппозиции и власти, можно сделать вывод о том, что оппозиционные группы являются значимым актором в мировой политике. Существуют примеры сетевых транснациональных оппозиционных групп («зеленые»), которые имеют свои представительства в различных странах мира. Есть также примеры оппозиционных организаций террористической направленности, деятельность которых затрагивает мировое сообщество в целом («Аль-Каида»).

Однако в большинстве случаев оппозиционные группы являются значимым негосударственным актором для конкретных стран мира.

Это вполне логично, так как оппозиционные группы в основном существуют в виде партий, борющихся за места в конкретном парламенте и за власть в конкретной стране. Именно политическая партия, по нашему мнению, в перспективе останется основной формой существования оппозиции, поскольку существование в виде партий позволяет оппозиционным группам наиболее продуктивно отстаивать свои интересы и реализовывать намеченные цели.

Borzova I.S. Opposition Groups and their Influence on World Politics.

Summary: *The question of influence of opposition groups on world politics is studied in the article. The author gives short historiographical review of main works dedicated to the interaction between authority and opposition, lists basic classifications of oppositional groups and analyzes their main functions. The peculiarities, problems and contradictions of opposition development are shown by the examples of opposition groups in Poland and Belorussia.*

Ключевые слова

Оппозиция, оппозиционная группа, мировая политика, актор, политическая партия, системная оппозиция, внесистемная оппозиция, польская оппозиция, белорусская оппозиция.

Keywords

Opposition, opposition group, world politics, actor, political party, system opposition, anti-system opposition, Polish opposition, Belorussian opposition.

Примечания

1. Linz J. The perils of presidentialism // Journal of Democracy. 1990. Winter [Электронный ресурс]. URL: http://www1.american.edu/ia/cdem/pdfs/linz_perils_presidentialism.pdf (дата обращения: 07.11.2012).
2. O'Donnell G. Delegative democracy? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kellogg.nd.edu/publications/workingpapers/WPS/172.pdf> (дата обращения: 06.11.2012).
3. Пшеворски А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: РОССПЭН, 2000.
4. Хантингтон С. Третья волна: демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003.
5. Stepan A. Democratic opposition and democratization theory [Электронный ресурс]. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1477-7053.1997.tb00452.x/abstract> (дата обращения: 07.11.2012).
6. O'Donnell G. Delegative Democracy? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kellogg.nd.edu/publications/workingpapers/WPS/172.pdf> (дата обращения: 06.11.2012).
7. Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tamby.info/zakon/konstitutsiya.htm> (дата обращения: 05.11.2012).
8. Жуковский И.И. Становление партийной системы Республики Польша. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010.

Логистические компании мира и их влияние на мировую политику

А.С. Бурнасов

В статье рассматриваются история и современные факторы, обеспечивающие успешность логистических компаний. Особо рассмотрены вопросы их участия в современной системе международных отношений и мировой политике. Приводятся основные тенденции, сформировавшие международные логистические компании, изучены ключевые факторы их влияния на участников международных отношений. Дана оценка взаимодействию государства и логистических компаний.

Процессы, инициированные глобализацией, способствовали изменению позиций старых акторов международных отношений, а также формированию новых. Рожденные в условиях конкурентной борьбы между предприятиями промышленности за рынки национальных государств, логистические компании стали весомым негосударственным актором международных отношений. Их услугами пользуются практически все жители мира. Их названия знакомы каждому: TNT, UPS, DHL, FM-Logistic, Kuehne & Nagel, Schenker, STS Logistics и др. На основе успехов от их деятельности рассчитываются индексы глобализации. Например, индекс доступности логистических услуг (Logistics Performance Index)¹, где первые места занимают Сингапур, Финляндия и Нидерланды, а Россия – лишь на 95-м месте.

Понять, кем являются логистические компании, невозможно без понимания логистики как вида экономической деятельности. Совет логистического менеджмента США (CLM), один из ведущих международных институтов, занима-

ющихся разработкой и формулированием терминологии в логистике, дает такое определение этому виду деятельности: «Логистика – процесс планирования, выполнения и контроля эффективного с точки зрения снижения затрат потока запасов сырья, материалов, незавершенного производства, готовой продукции, сервиса и связанной информации от точки его зарождения до точки потребления (включая импорт, экспорт, внутренние и внешние перемещения) для полного удовлетворения требований потребителей².

Логистическая компания – это организация, способная решать задачи логистической направленности для своих клиентов: от выполнения отдельных операций в сфере логистики до предоставления комплексных услуг и интегрированного управления логистическими цепочками клиента. Фактически логистические компании работают на рынке аутсорсинга. Основными клиентами являются коммерческие предприятия различных форм собственности и размеров. Среди преимуществ услуг логистических операторов можно отметить следующие:

Бурнасов Александр Сергеевич – доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета. E-mail: burnasov@mail.ru

Статья подготовлена при выполнении НИР по теме «Трансформация мира: негосударственные акторы мировой политики», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (Соглашение № 8813 от 15 ноября 2012 г.).

– во-первых, значительная экономия времени при создании и трансформации логистической системы предприятия. Компания-покупатель логистических услуг может сконцентрироваться на своей ключевой компетенции, например производстве или обслуживании потребителя;

– во-вторых, разделение ответственности за управление товарными, информационными и финансовыми потоками. Компания-покупатель в условиях мировой экономики часто не имеет средств и иных возможностей качественно организовать отдельные этапы логистической цепочки обслуживания конечного потребителя самостоятельно. Логистические компании могут выполнить эту задачу с требуемым уровнем качества;

– в-третьих оперативная и оптимальная настройка логистической системы. В условиях изменяющегося спроса у производителя возникают сложности при изменении отдельных элементов логистической системы, например при снижении объемов хранения продукции, сокращения количества используемого автотранспорта. С этими задачами логистической компании справиться гораздо проще, грамотно перераспределяя инфраструктуру между несколькими клиентами;

– и, наконец, в-четвертых, это передача непрофильных функций профессионалам. Логистические компании не стремятся выполнять все операции самостоятельно. Они управляют цепочками профессионалов в узких сферах деятельности, используя опыт, специализацию и ресурсы прямых участников цепочки поставок, применяя их ноу-хау и специфические технологии, в результате получая высокое качество и низкую себестоимость.

Услугами логистических операторов являются перевозки различными видами транспорта, хранение товаров на складах, управление логистической инфраструктурой, таможенное оформление товаров, комплексное управление логистической системой предприятий, управление внешним документооборотом компаний, экспресс-доставка, почтовые услуги, финансовый контроль сделок, инкассация, охрана товара и многое другое.

Ключевыми задачами логистических компаний являются увеличение оборота, сокращение издержек при улучшении организации и контроля логистической системы, оптимизация бизнес-процессов, операций и функций в целях сокращения затрат, учет и контроль товаров в цепи поставок. В настоящее время логистические компании в цепочке поставок товаров занимают промежуточную позицию между производителем и рынком, а также между сырьем и производителем. Логистические компании напрямую влияют на стоимость конечного товара. Чем выше конкуренция между логистическими компаниями на локальном рынке, тем ниже стоимость их услуг. Международные логистические компании фактически получают процент от прибыли и напрямую заинтересованы в увеличении товарооборота.

Логистические компании являются одним из видов ТНК. Их развитие в международном плане напрямую связано с процессом глобализации.

Отметим несколько причин, которые привели к появлению и развитию логистических компаний. Первой причиной стал глобальный рост в 70-х гг. XX в. стоимости топлива и последующий рост стоимости транспортных услуг. Перевозки товаров на автомобилях с большим объемом потребления топлива приводили к значительному росту цен. В тот период времени малотоннажные автомобили городской дистрибуции потребляли 30–40 литров на 100 км против 7–15 литров в настоящее время. Мгновенно изменить объем потребления топлива нескольких тысяч автомобилей было невозможно. Практически единственным разумным выходом стал пересмотр стратегий транспортных компаний и разработка более рациональных маршрутов движения транспорта.

Второй причиной послужило достижение высокой эффективности производств. На производстве во многом были устранены недостатки конвейерной сборки. На 1980–1990-е гг. приходится закрытие производственных подразделений и цехов, прежде занимавшихся устранением недостатков сборки конвейера. Как следствие, эффективность производства достигла максимума. В это же время системы снабжения предприятия ресурсами и распределения товаров характеризовались значительным числом издержек.

Третьей составляющей стало изменение пропорций хранения продукции у участников рынка. Если в прежней пропорции хранения готового к продаже товара доля розничных торговцев составляла 50 и 50% у оптовиков и производителей, то в конце XX в. у розничных торговцев находилось лишь 10% товаров и 90% – у производителей и оптовиков. В результате возросла роль транспортных компаний в качестве обслуживания потребителя. От своевременности поставок стало зависеть наличие товара на полках магазинов.

Четвертой причиной стало значительное расширение ассортимента предлагаемых товаров. Производитель был вынужден не только предлагать разные варианты товара для различных целевых групп, но и специализировать номенклатурные линейки по международным рынкам сбыта продукции. В итоге номенклатурный ряд большого количества производственных предприятий перешел за тысячу.

Пятой причиной появления международных логистических компаний стало развитие информационных технологий и телекоммуникаций. Появилась возможность собирать, хранить и анализировать большие массивы данных о товаре, потребителях, поставщиках, параметрах логистической системы в целом. Благодаря компьютерам появилась возможность систематически изучать качество логистического сервиса и определять уровень логистического обслуживания. Логистическая деятельность стала прозрачной. Создаются системы контроля вплоть до каждой конкретной операции, выполняемой отдельным грузчиком.

Шестой причиной стало влияние глобальных проблем. Одной из ключевых проблем, оказавших значительное влияние на логистику, стала пробле-

■ Мировая политика

ма защиты окружающей среды. Широкое использование больших объемов упаковочных материалов потребовало создания системы возврата и эффективной переработки отходов. Седьмой причиной, способствовавшей развитию логистики было создание международных розничных сетей с очень сложными логистическими системами, например Wal-Mart³.

Логистические компании не относятся к числу традиционных акторов международных отношений. Тем не менее, оформившись фактически только в конце XX в., они оказывают существенное влияние на международные отношения. Обозначим ключевые факторы влияния на участников международных отношений:

– первым из них можно назвать стоимость конечных товаров. Устанавливая наценку за доставку и переработку товара, логистические компании определяют его конечную цену и саму возможность поставок. В случае высокого уровня конкуренции среди логистических компаний или наличия товаров-заменителей подобное влияние в значительной степени ограничивается. Однако не все рынки мира могут характеризоваться свободой конкуренции. Так, например, логистическая компания ОАО «Газпром», занимающаяся поставками газа в Европу, контролирует значительную часть рынка. Влияние этой компании настолько сильно, что некоторые исследователи называют эту компанию вторым, после ядерного, геополитическим оружием России в Европе;

– второй фактор влияния связан с инвестиционной составляющей логистических систем. Невозможно доставлять товар без создания логистической, транспортной и складской инфраструктуры. Создание транспортного узла и строительство дорог к нему приводит к созданию значительного числа рабочих мест в сфере логистики, приводит иностранные инвестиции в труднодоступные регионы мира. Конкурентоспособность современного Китая – это не только дешевое производство, но низкая себестоимость морской доставки. Большинство экспортных производств Китая тяготеет именно к приморской зоне. Без американских и европейских морских компаний достичь китайских результатов было практически невозможно. Даже в Россию значительная часть товаров из Китая поступает морским путем через Сингапур, Суэцкий канал, европейское побережье и порты прибалтийских стран, Санкт-Петербург. Стоимость доставки в два раза ниже, чем по Транссибирской железнодорожной магистрали. В этой связи Россия находится в зависимости не только от производителей Китая, но и иностранных логистических компаний, доставляющих товары в страну;

– третий фактор связан с долговременным характером взаимоотношений в логистической цепи. Эти сроки могут варьироваться от 3 до 10 лет. Более длительные сроки отношений связаны с удешевлением администрирования и, как следствие, снижением цены товара. Разрабатывая собственную стратегию деятельности, логистические компании определяют конкурентоспособность отдельных

стран. От их планов во многом зависят показатели товарооборота страны, рост ВВП. Логистические компании определяют перспективность рынков, наличие товаров в той или иной стране или регионе страны, качество жизни жителей стран мира;

– четвертый фактор характеризуется разрушением традиционных границ государств. Заинтересованность в поставках товаров государств разрушает прежние запреты и формирует условия свободного перемещения товаров. Например, ассоциации логистических компаний выдают сопроводительные документы на товар, который может следовать без досмотра через территорию государства. Ассоциация международных автоперевозчиков выдает разрешения на перевозку груза и оформляет книжку МДП на груз. Товар с этими документами может быть проверен только на таможенных складах отправки и доставки, перевезен через всю Европу и ни разу не досмотрен. Другой пример связан с интернет-торговлей. Российские граждане могут ежемесячно закупать товары в зарубежных магазинах на сумму не более 1000 евро и не уплачивать таможенные пошлины. В итоге, например, экономия только на таможенных пошлинах составляет до 40%, и цена товара становится крайне привлекательной. Третий пример связан с содержательным аспектом межрегионального сотрудничества регионов. Фактор низкой стоимости товаров может приводить к поездкам за товарами на территорию другого государства. Например, финские супермаркеты создали с помощью логистических компаний режим наибольшего благоприятствования для покупателей из России (г. Санкт-Петербург). В итоге добраться до финского супермаркета по хорошим дорогам можно быстрее, чем по городским пробкам. Стоимость товаров ниже за счет отсутствия НДС и более льготных условий продажи иностранным гражданам. Логистические компании помогают обходить национальные законы и увеличивать продажи отдельных видов товаров. В той же Финляндии запрещен вывоз необработанной рыбы. Местные логистические компании-партнеры супермаркетов ее слегка солят, и в таком виде она продается российскому потребителю. Понимая выгоды от такой торговли, логистические компании и ритейлеры организовали возможность покупки в магазинах Финляндии за российскую валюту. В настоящее время развернулась дискуссия об изменении второго официального языка в прироссийских регионах со шведского на русский;

– пятый фактор формирует процессы кооперации, формирования союзов и различных объединений. Иностранные логистические компании на правах равных входят в национальные ассоциации и могут являться инициаторами изменений в законодательстве. Так, с принятием в РФ Закона об иностранных агентах под его действие попал даже Союз российских промышленников и предпринимателей, членами которого являлись иностранные логистические компании. В США при обсуждении в Конгрессе

отмены поправки Джейсона–Вэника принимали активное участие лоббисты американских логистических компаний;

– шестой фактор связан с ростом ценности услуг логистических компаний для потребителей при снижении цен, доступности в родном городе широкой номенклатуры товаров со всего мира. Сегодня практически все автомобили на территории России изготавливаются с использованием иностранных комплектующих. Создание современного сборочного производства в другой стране невозможно без логистической компании. Логистические компании определяют, из каких компонентов нужно изготавливать конечный автомобиль и как доставить эти комплектующие с минимальной ценой. Высокая концентрация сборочных производств в одном регионе может стать системообразующим и поддерживающим фактором экономически слабого региона. Например, сборочные производства Калужской области обслуживают такие логистические компании, как Gefco, Schenker, Rhenus, Fesco, Vehnet, BSH Logistics, Таском, РЖД, РейлТрансАвто и др.⁴;

– седьмой фактор связан с ростом компетентности логистических компаний и смещением от владения активами к владению информацией. Детальное знание конкретного рынка и конкретного потребителя усиливает позиции логистических компаний. Компании в оперативном режиме отслеживают динамику рынков на основе статистики продаж, имеют собственную внутреннюю статистику за все время взаимодействия с рынком. Все эти факторы неизбежно влияют на стоимость услуг компаний. На основе стоимости перевозок формируются международные финансовые индикаторы, характеризующие состояние глобального рынка и позволяют прогнозировать кризисные явления. Например, Baltic Dry Index (BDI)⁵ ежедневно рассчитывается Балтийской биржей. Индекс отражает стоимость перевозок сухого груза (уголь, руда, зерно и т.п.) морем по двадцати основным торговым маршрутам и охватывает перевозки, производимые сухогрузами классов Handymax, Panamax и Capesize.

Индекс является одним из самых объективных индикаторов экономической активности, поскольку измеряет спрос на сырье в реальном времени, в то время как другие экономические показатели, например данные по потребительским расходам или индекс потребительских цен, рассматривают то, что уже произошло. Поскольку сухие грузы – это преимущественно то, что служит для создания промежуточной или готовой продукции (например, бетона, электричества или стали), индекс BDI также рассматривается как эффективный индикатор будущего экономического роста и производства. В отличие от рынка акций и рынка сырья, BDI полностью лишен спекулятивных игроков. Когда BDI растет, только владельцы судов, перевозящих грузы, получают дополнительную прибыль, в то время как владельцы груза увеличивают свои издержки на транспортировку, вследствие чего, для покрытия этих издержек, поднимают цену на

продукцию, изготовленную из этого сырья. Когда индекс снижается, выигрывают и производители, и потребители, потому что снижаются издержки, а следовательно, и цены для конечного потребителя. Однако существует обратная сторона: долгое и сильное снижение BDI означает, что спрос на перевозки сырья падает, что свидетельствует о сокращении производства в целом⁶. Логистические компании, обладая уникальной информацией и являясь посредником, могут ключевым образом оказывать влияние на международные общественные процессы.

Существенно влияя на экономику, логистические компании постепенно увеличивают свое влияние на государство. В современных условиях без дополнительных поставок город с миллионом жителей израсходует значительную часть продовольственных товаров, хранящихся на складах розничных и оптовых компаний, за две-три недели. В неурожайный год без иностранных поставок стоимость сельскохозяйственных товаров вырастает в разы. К схожим проблемам приводит активная покупка и последующий экспорт товаров логистическими компаниями в иностранные государства. В этих условиях национальное правительство будет вынуждено вводить «ручное» управление экономикой. Логистические компании напрямую влияют на безопасность городов, регионов и государств.

Стоит отметить важную часть сотрудничества государства и логистических компаний в виде частно-государственного партнерства. Наиболее яркими примерами сотрудничества в последнее время являются проекты строительства высокоскоростных железнодорожных магистралей, автомобильных дорог с национальным и международным статусом, строительство и модернизация аэропортов, морских и речных портов, строительство инфраструктуры для добычи и транспортировки сырья. В России уже реализованы два проекта строительства платных дорог: Западный скоростной диаметр (г. Санкт-Петербург), участок трассы «Дон».

Российские логистические компании с государственным участием (ОАО «Газпром», ОАО «АК «Транснефть» и др.) формируют из своих налоговых и таможенных отчислений бюджет Российской Федерации, а также таких регионов-доноров, как Москва, Санкт-Петербург, ХМАО, ЯНАО. Основная доля доходов формируется за счет логистических услуг – транспортировки и хранения сырья, при этом доля производства и переработки крайне мала в России. В то же время значительные отчисления за транспортировку сырья поступают в бюджеты Украины, Белоруссии, Польши и др. Значительное влияние на экономику отдельных стран было продемонстрировано в период так называемого «газового конфликта» с Украиной. Экономика отдельных стран мира базируется на доходах от логистической инфраструктуры, например Египта (Суэцкий канал), Панамы (Панамский канал). Ежегодные отчисления от доходов канала регламентируются Конституцией Панамы и Законом об управлении Панамским каналом⁷.

■ Мировая политика

Логистические компании активно сотрудничают с другими негосударственными акторами, прежде всего в сфере экономики: банками, кредитными организациями, страховыми компаниями. Компании становятся участниками крупных интеграционных объединений с целью создания логистических цепочек. Происходит обмен уставным капиталом. Особой сферой сотрудничества является кооперация в рамках МТК. При организации международной транспортировки товаров логистические компании сотрудничают:

- с банками, оформляя паспорта внешнеэкономических сделок;
- со страховыми компаниями, страхуя груз на всем пути следования от различных рисков;
- с другими логистическими компаниями, формируя условия для мультимодальных и интермодальных перевозок;
- с международными неправительственными организациями в целях унификации стандартов работы и ослабления законодательной регламентации международной перевозки.

Таким образом, влияние логистических компаний на международные отношения будет только возрастать. Активно формируя и изменяя международные экономические отношения, логистические компании предопределяют внешнюю и внутреннюю политику городов, регионов и государств. Их влияние во многом зависит от развития и уровня конкуренции на конкретном рынке. Их влияние на международные отношения возрастает во многом за счет монополии на отдельных рынках.

Burnasov A.S. Logistic Companies and their Influence on World Politics.

Summary: *In article the history and the modern factors providing success of the logistic companies is considered. Questions of their participation in modern system of the international relations and world politics are especially considered. The main tendencies which have created the international logistic companies are given, key factors of their influence on participants of the international relations are studied. The assessment is given to interaction of the state and the logistic companies.*

Ключевые слова

Логистика, логистическая компания, ТНК.

Keywords

Logistics, Logistic Service Provider, Multinational corporation.

Примечания

1. Logistics Performance Index URL: http://siteresources.worldbank.org/TRADE/Resources/239070-1336654966193/LPI_2012_rankings.pdf
2. Дыбская В.В., Зайцев Е.И., Сергеев В.И., Стерлигова А.Н. Логистика. М.: Эксмо, 2008. С. 27.
3. История Wal-Mart. URL: <http://corporate.walmart.com/our-story/heritage>
4. Кластерная политика Калужской области URL: http://forum.economy.samregion.ru/sites/default/files/materials/Shereikin_kaluzhskaya_oblast.pdf
5. Baltic Dry Index Url: <http://www.bloomberg.com/quote/BDIY:IND>
6. Baltic Dry Index URL: <http://stockinfocus.ru/2012/07/29/chto-takoe-baltic-dry-index/>
7. Панамский канал URL: <http://panama.ru/content/news/index.php?news=4730>

Молодежные организации: их влияние на мировую политику

А.В. Вовенда

В данной статье представлена характеристика молодежных организаций как современных акторов мировой политики, выявлены их ключевые особенности и специфика деятельности, определены основные проблемы и противоречия, возникающие в процессе их функционирования, а также рассмотрены основные перспективы их развития. В статье дан анализ специфики взаимодействия молодежных организаций с иными акторами мировой политики, а также степени влияния политических и финансовых элит на молодежную политику в целом. Также рассмотрены наиболее крупные и динамично функционирующие на сегодняшний день молодежные организации.

На современном этапе развития международных отношений молодежные организации являются важной общественно-политической силой на национальных и на межгосударственных уровнях. Это объясняется не только объективным усилением политической активности молодежи в условиях развития современных процессов глобализации, демократизации и интеграции в мире, но и заинтересованностью политических элит в привлечении молодежи как серьезной общественно-политической силы для продвижения и поддержки своих интересов.

Определение правового статуса молодежи в современном государстве является одной из приоритетных задач, поскольку именно молодежь выступает в качестве ключевого социально-общественного индикатора и во многом определяет будущее прогрессивное и инновационное развитие общества и государства. На рубеже XX–XXI вв. молодежная политика стала

активно развиваться и на международном уровне. Это объясняется тем, что ранее неучитываемый политический потенциал данной общественно-политической силы в мировой политике на фоне успешного опыта на национальном уровне является значимым, а главное, эффективным политическим инструментом.

Главная особенность данной общественно-политической силы заключается в его субъекте, то есть в молодежи. В настоящее время под термином «молодежь» понимается не только группа населения в возрасте в среднем от 15 до 25 лет, но и обладающая важным интеллектуальным, инновационным и социальным потенциалом. В условиях современных мировых политических, экономических и социальных процессов молодежь становится стратегическим ресурсом, определяющим развитие не только государства, но и в целом международных отношений в долгосрочной перспективе.

Вовенда А.В. – преподаватель кафедры международных отношений ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Северо-Западный институт управления». E-mail: vovenda-1c@mail.ru
Статья подготовлена при выполнении НИР по теме «Трансформация мира: негосударственные акторы мировой политики», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (Соглашение № 8813 от 15 ноября 2012 г.).

■ Мировая политика

Молодежная политика становится важным элементом в процессе реализации политического курса государства и в развитии механизмов функционирования международных институтов. Это утверждение объясняется не только усилением внимания со стороны руководящих элит к развитию молодежной политики и привлечению молодых кадров в политические институты государства и международных организаций, но также появлением и активным развитием целого ряда молодежных общественно-политических организаций.

В свою очередь, сложный и динамично развивающийся характер субъекта молодежной политики определяет и разнообразие форм и направлений деятельности международных молодежных организаций, как основного инструмента ее реализации. В качестве основной задачи деятельности молодежных организаций, «обладающих достаточными ресурсами и эффективными механизмами реализации молодежной политики на внутристрановом и межстрановом уровнях, выступает создание необходимых условий для самореализации молодежи в современном мире».

На сегодняшний день молодежные организации охватывают в своей деятельности практически все сферы развития и функционирования современных международных отношений. Более того, наблюдается тенденция к универсализации характера современных молодежных организаций, превращающихся в акторов мировой политики со сложной и комплексной структурой.

Однако статус молодежных организаций как акторов мировой политики сформировался лишь во второй половине XX в. Тем не менее в историческом ракурсе молодежные организации имеют достаточно богатую историю. С середины XIX в. в странах Европы и США стали возникать молодежные конфессиональные организации или союзы. В качестве примера можно привести Всемирный альянс молодых христиан, созданный в Париже в 1894 г., Всемирную федерацию студентов-христиан (1895 г., Швеция). Впоследствии стали активно развиваться трудовые молодежные союзы:

- «Молодая гвардия» (1886 г., Бельгия);
- Социалистический интернационал молодежи (СИМ, 1907 г., Германия);
- Коммунистический интернационал молодежи (1919 г., Германия).

После Второй мировой войны впервые стали активно развиваться международные молодежные организации. В 1945–1946 гг. были созданы Всемирная федерация демократической молодежи (Лондон) и Международный союз студентов (Прага). Однако следует подчеркнуть, что на ранних этапах своего становления международные молодежные организации были сильно подвержены влиянию как мировых, так и внутригосударственных политических процессов. Это объясняет тот факт, что в годы холодной войны наблюдалось явно выраженное противоборство между молодежью Запада и Востока.

В период окончания холодной войны, на рубеже 1980–1990-х гг., под влиянием процессов

демократизации и гласности в особенности, в странах социалистического лагеря, стало появляться множество общественных молодежных организаций, динамичное сотрудничество которых привело к оформлению данных организаций как существенной общественно-политической силы и как акторов мировой политики. На современном этапе развития (XXI в.) отличительной чертой многих молодежных организаций, выступающих в качестве акторов мировой политики, является их принадлежность, а во многом и зависимость от крупных международных организаций. Молодежные организации выступают либо под эгидой, либо в качестве составной части политического механизма международных организаций, являясь инструментом, защищающим интересы этих организаций на мировой арене.

Молодежные организации превращаются в новых акторов международных отношений с достаточным потенциалом для дальнейшего укрепления своих позиций на мировой арене, однако со склонностью к зависимости от иных крупных политических и экономических сил. Во многих государствах молодежная политика воспринимается как важный институт политического механизма, а молодежные организации в свою очередь выступают как ключевой инструмент реализации этой политики, отвечающей национальным интересам государства. Данная логика объясняет повышенное внимание политической элиты к молодежным организациям, а также наличие различных подходов и стратегий развития взаимодействия между государством и молодежными объединениями.

В настоящее время существуют различные подходы к разработке и реализации молодежной политики в Европейском союзе, США, Китае, Турции, государствах Ближнего Востока, Латинской Америки. Основным критерием, определяющим различие этих подходов, является степень вмешательства государства в молодежную политику. С одной стороны, это жесткое регламентирование государством деятельности молодежных организаций, с другой – ограничение роли государства в процессе развития молодежной политики как активной общественно-политической силы. Так, основа взаимодействия североамериканских молодежных организаций с государством построена на принципе минимизации вмешательства органов власти в процесс реализации молодежной политики. Ключевая роль здесь отводится коммерческим и общественным, благотворительным, частным организациям, чьи финансовые возможности помогают в реализации программ и проектов в рамках развития молодежной политики. Внимание уделяется и развитию студенческого самоуправления, цель которого заключается в создании оптимальной среды для формирования как личностных, так и профессиональных качеств.

Европейский подход подразумевает четкую ответственность государства за процесс интеграции молодежи в общество, повышении их конкурентоспособности на рынке труда, основанный на обеспечении правовой и социальной

поддержки развитию молодежных организаций, как «платформ в жизнь» для молодых людей. Особое внимание уделяется обеспечению трудоустройства молодежи, борьбе с безработицей и развитию молодежных бизнес проектов. В качестве правовой поддержки выступает целый свод нормативных документов, принятых в Европейском союзе и Совете Европы. Например, в ЕС: Белая книга «Новые стимулы для молодежи Европы», Европейское соглашение в сфере молодежной политики. В Совете Европы: Европейская хартия участия молодежи в муниципальной и региональной жизни, План действий Совета Европы в отношении будущего молодежной политики на период до 2020 г.¹. Нормативно-правовая база регламентирует деятельность системы институтов, регламентирующих функционирование европейской молодежной политики. Так, в Совете Европы это Директорат по делам молодежи и спорта, Объединенный совет по вопросам молодежи, Европейский руководящий комитет по делам молодежи, Европейский молодежный фонд и т.д.

Особенностью китайского подхода во взаимодействии молодежных организаций и государства является жесткая регламентация государством реализации молодежной политики на принципах и идеалах Коммунистической партии КНР. В основе деятельности молодежных организаций Китая лежат принципы трудовой этики, а главной задачей является вовлечение молодежи в активную экономико-трудовую деятельность.

Турецкий подход был выбран потому, что является ярким примером диверсифицированного подхода к развитию взаимодействия между молодежными организациями и государством. Суть данного подхода заключается в создании разветвленной системы государственных институтов, отвечающих за реализацию молодежной политики. Так, в Турции существуют 14 отраслевых министерств и ведомств, в чью компетенцию входят вопросы молодежной политики. Помимо государственных институтов, помощь в организации деятельности молодежных организаций оказывают информационные центры, консультативные бюро и юридические агентства.

В арабских странах Ближнего Востока молодежная политика выступает в качестве одной из ключевых общественно-политических сил. Это связано с демографической, политической, экономической, социальной обстановкой в регионе. Молодежные организации являются важнейшим инструментом борьбы политической и религиозной элиты, которая зачастую разделена на несколько противоборствующих групп, в вопросах продвижения своих интересов и идеалов как на национальном, так и на региональном и международном уровнях.

Латинская модель развития отношений между молодежными организациями и государственными институтами подразумевает комплексный подход к развитию взаимодействия между государством

и молодежными объединениями. Особенностью данной модели является тот факт, что в странах Латинской Америки молодежь действует в качестве главной силы, выступающей за развитие демократии и либерализации принципов политической власти, часто идя на прямую конфронтацию с действующей властью. Это связано, в первую очередь, со спецификой существующих политических систем данных стран, особенностями государственного устройства. Данная модель может породить серьезные противоречия между молодежными организациями и политическими элитами, выражающиеся в столкновениях и уличных демонстрациях.

Российский опыт взаимодействия власти и молодежных организаций предполагает, с одной стороны, политическую поддержку наиболее крупным и влиятельным молодежным организациям, с другой – не препятствует появлению молодежных организаций разного толка и направленности, не противоречащим моральным и культурным ценностям нашего общества. Это, в свою очередь, привело к появлению комплекса молодежных организаций на национальном и региональном уровнях, имеющих разнонаправленный и мультикультуральный характер².

Однако молодежные организации на современном этапе своего развития взаимодействуют не только с государственными институтами. Рассмотренные государственные подходы к реализации молодежной политики подразумевают минимум четыре основные группы негосударственных акторов, с которыми взаимодействуют молодежные организации:

- во-первых, это неправительственные международные организации, которые содействуют развитию молодежной политики и защите интересов молодежи по различным аспектам, а также выступают в качестве спонсора ряда молодежных организаций. Более того, представительство молодых людей в таких организациях, как правило, довольно значительно;

- во-вторых, это общественные организации, которые как на государственном, так и на международном уровнях выступают в поддержку тех или иных молодежных организаций. Как правило, общественные организации выступают в поддержку молодежной политики с целью использования ее потенциала и ресурсов для достижения своих интересов и целей, поскольку их финансовая база не всегда позволяет им напрямую лоббировать свои интересы в политической сфере;

- в-третьих, это крупные транснациональные корпорации, особенно те, чья продукция ориентирована на сферу высоких технологий и инноваций, например Apple, Microsoft, Samsung, Nokia и т.д., которые на современном этапе развития международных экономических отношений используют молодежные организации в процессе продвижения своих товаров на рынке, путем проведения пиар-кампаний и создания молодежных исследовательских групп;

■ Мировая политика

– в-четвертых, это образовательные центры и учреждения. В условиях развития международных интеграционных образовательных процессов, например Болонского процесса, вузы заинтересованы в помощи от молодежных организаций для повышения эффективности внедрения новых образовательных стандартов и программ в молодежную среду. В качестве таких образовательных программ следует выделить Erasmus Mundus и Tempus. Так, например, в рамках программы Erasmus Mundus студенты, имеющие диплом о высшем образовании государственного образца, могут подать заявку на дальнейшее обучение в Европе и получение степени магистра европейских университетов.

В настоящее время существуют три консорциума российских и европейских вузов в рамках Erasmus Mundus Partnership. Первый возглавляет Университет Гогенгейма (Германия) и включает в себя около 15 российских вузов из разных регионов страны. Второй консорциум также возглавляет немецкий вуз – Университет Дрездена. В данный консорциум входят также примерно 15 российских вузов. В третий консорциум входят около 10 российских вузов, возглавляет его Университет Турку (Финляндия). Еще одной успешной европейской образовательной программой является программа Tempus. Она также направлена на налаживание более тесного сотрудничества не только на межгосударственном уровне, но и на уровне молодежных студенческих структур³. Главной целью данной программы является стимулирование так называемой академической мобильности студентов. Это подразумевает модернизацию и гармонизацию программ университетов–партнеров для того, чтобы студенты могли мобильно и с меньшими трудностями принимать участие в той или иной образовательной программе.

Рассмотренные связи молодежных организаций как с государственными, так и негосударственными акторами международных отношений формируют ряд преимуществ развития молодежной политики в современных условиях. К ним можно отнести разносторонний характер деятельности молодежных организаций, способность защищать интересы молодежи на государственном и на международном уровне, возможность для последующего карьерного роста молодых людей. Как современные акторы мировой политики, молодежные организации занимают удобную позицию в международных отношениях, поскольку, имея достаточно разносторонний и либеральный характер деятельности, могут сотрудничать с различными акторами, продвигать свои интересы и позиции.

Однако, несмотря на ряд вышеперечисленных преимуществ, молодежные организации сталкиваются в своей деятельности с рядом проблем и противоречий, вызываемых как объективными, так и субъективными причинами. Укрепление позиций молодежных организаций как современных акторов мировой политики ведет к смене стратегии развития, трансформации их институциональной структуры, эволюции нормативно–правовой базы,

появлению новых перспективных направлений деятельности. Молодежные организации превращаются в сложные структуры, с несколькими уровнями управления, с наличием региональных или национальных представительств или отделений, с четко определенными целями и задачами развития, с серьезной поддержкой иных акторов мировой политики, то есть суверенных государств, международных организаций, транснациональных корпораций и т.д. Молодежная политика становится неотъемлемой частью политического механизма современного государства или интеграционного объединения, поскольку обладает достаточными ресурсами для того, чтобы отстаивать интересы молодежи, важнейшего элемента современного общества, как на национальном, так и на международном уровне.

В этих условиях молодежные организации испытывают всестороннее и постоянное влияние со стороны правящей элиты, различных правительственных и неправительственных организаций, бизнес-сообществ, общества в целом. Многие молодежные организации оказываются не готовыми к такому воздействию и входят в стадию кризиса и стагнации. Помимо внешнего влияния, молодежные организации испытывают и ряд внутренних противоречий. Изменения характера деятельности молодежных организаций, превращение их в акторов мировой политики повышают ответственность их руководителей за принимаемые решения и требуют от них психологической устойчивости в процессе принятия политических решений, опыта в управленческой деятельности. Поскольку в большинстве случаев руководителями таких организаций являются молодые люди, они зачастую не всегда справляются со своими обязанностями, что, в свою очередь, нарушает целостность структуры молодежных объединений. Амбициозность молодых руководителей часто мешает им в полной мере объективно оценивать политическую обстановку, чем умело пользуются иные акторы мировой политики, используя молодежные организации, как инструмент для продвижения своих целей и интересов. Проблема, связанная с характером кадрового состава молодежных организаций является одной из актуальных проблем их развития на современном этапе.

Не менее важной проблемой функционирования деятельности молодежных организаций является вопрос финансирования. Нельзя сказать, что молодежные организации имеют слабую экономическую основу, проблема заключается в усилении их зависимости от источников финансирования. С помощью капитала крупные акторы лоббируют свои интересы в молодежных организациях, поэтому говорить о независимом и объективном характере молодежной политики иногда просто невозможно. Вопрос финансирования логично связан с общей проблемой зависимости. Как уже отмечалось ранее, помимо экономической зависимости, молодежные организации часто попадают под

влияние политических сил как правящей элиты, так и оппозиционных групп. Несмотря на то что молодежные организации на современном этапе стали полноправными акторами мировой политики, говорить об объективности принимаемых ими решений преждевременно.

Тем не менее существующие проблемы и противоречия не являются ключевыми аспектами, влияющими на развитие молодежных организаций как акторов мировой политики. Более того, существующая зависимость молодежных организаций от иных акторов мировой политики как в политическом, так и в экономическом плане позволяет им в полной мере оформляться в качестве современных игроков на мировой арене. Это объясняется тем, что, используя ресурсы иных акторов, международные организации получают возможность на современном этапе развивать свой собственный потенциал, что в долгосрочной перспективе может привести к оформлению молодежных организаций уже в полноценных и независимых акторов мировой политики.

На сегодняшний день существует ряд крупных международных молодежных организаций, которые уже сформировались как новый современный политический институт, имеющий наряду с серьезной политической и экономической внешней поддержкой собственный потенциал и стратегию для становления в качестве полноправного актора мировой политики. Среди них следует выделить:

– AIESEC – международная молодежная организация, объединяющая активную молодежь из 107 стран мира;

– SIFE – международная молодежная организация, которая объединяет студентов из 1500 университетов более чем из 40 стран мира;

– Youth For Understanding – крупнейшая международная общественная организация по обмену школьников и студентов;

– Junior Chamber International – Международная молодежная палата, социально-ответственная организация, деятельность которой направлена на формирование лидерских взглядов у молодых людей. Международная молодежная палата объединяет 132 страны мира и представляет

от имени более чем 8 тысяч молодежных организаций;

– Европейская ассоциация студентов права (ELSA) – объединяет студентов-правников и молодых юристов;

– Международное молодежное правозащитное движение;

– Всемирная федерация демократической молодежи – международная молодежная организация, выступающая в защиту политических, социальных и экономических прав и интересов молодежи⁴.

Вышеперечисленные организации представляют лишь малую часть существующих на сегодняшний день молодежных организаций, имеющих международный характер. В настоящее время молодежные организации функционируют как на глобальном, региональном, так и на национальном уровнях. Современные международные организации в своем большинстве имеют комплексный характер и охватывают многие сферы развития международных отношений. Несмотря на существующую сегодня как политическую, так и экономическую зависимость молодежных организаций от государств, международных правительственных и неправительственных организаций, транснациональных корпораций, можно утверждать, что молодежные объединения превращаются в независимых акторов мировой политики. В долгосрочной перспективе они займут свою нишу в системе современных международных отношений.

Vovenda A. V. Youth organizations and their role in the world politics.

Summary: This paper introduces the characteristics of youth organizations as contemporary actors of the world politics, identified their key features and specific activities, the main issues and conflicts which are involved in their operation processes, and the key perspectives of their development. The paper analyzed the specifics of cooperation between youth organizations and other actors of the world politics, and also the influence of the political and financial elites on the youth policy in general. Also considered the largest and the most dynamic recent youth organizations.

Ключевые слова

Молодежная политика, молодежные организации, студенческие объединения, мировая политика, общественно-политические силы, транснациональные корпорации.

Keywords

Youth politics, youth organizations, students associations, world politics, social and political forces, multinational corporations.

Примечания

1. Перфильева О.В. Программа Европейского сообщества «Молодежь» как инструмент реализации политики социальной сплоченности регионов // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2007. № 5 (13). С. 17–33. Соколов А.В. Современные институты молодежной политики в Европе: история становления и развития // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2009. № 1 (23). С.84 – 99.
2. Международное молодежное сотрудничество / Национальный Совет молодежных и детских объединений России; Федеральное агентство по образованию. М., 2007.
3. Официальный сайт «Национального офиса «Tempus» в Российской Федерации» [электронный ресурс] // URL: <http://www.tempus-russia.ru/> (дата обращения: 08.11.2012).
4. Международные молодежные и студенческие организации [электронный ресурс] // URL: <http://1-rs.com/sites/category/13167> http://iori.hse.ru/publications/herald/material/1_09/Youth_Policy.pdf (дата обращения: 08.11.2012).

Офшоры как негосударственные акторы мировой политики

И.В. Красавин

В статье рассматриваются формы влияния негосударственных финансовых организаций на государства и мировую политику. Показано устройство существующих международных финансовых систем и объяснена специфика их влияния на реальный сектор экономики и политику государств. Особое внимание уделено роли офшоров в финансовой системе и мировой политике.

С исчезновением Бреттон-Вудской межгосударственной финансовой системы в начале 1970-х гг. и до сего дня растет международное влияние частных и корпоративных финансовых организаций – банков, хедж-фондов, инвестиционных и страховых компаний и т.д. Это влияние, в частности, выразилось в создании офшорных юрисдикций внутри национальных государств, с помощью которых мировая финансовая система не только получила множественное частное управление, не зависящее от государств, но и приобрела фактически экстерриториальный статус. Присутствие офшоров позволило финансовым организациям осуществлять операции с ликвидностью, обходя государственный контроль. Роль банков возросла с расширением мирового финансового рынка, в несколько раз превзошедшего объем мировой торговли и производства. В то же время национальные государства оказываются в зависимости от международных финансовых организаций, с чьей помощью они привлекают аккумулируемый банками частный капитал.

Прекращение действия золотовалютной Бреттон-Вудской финансовой системы было вызвано перенакоплением капитала и сниже-

нием прибылей американских корпораций при одновременном росте мирового рынка, который предъявлял спрос на доллары в гораздо большем объеме, нежели США могли накопить золотых резервов. Целью изменений был контроль вырабатываемой мировой ликвидности и управление с его помощью мировой политикой¹. В 1950 – 1960-х гг. международная финансовая система была межгосударственной; в 1970 – 1980-х гг. международные финансы посредством вненациональных офшорных юрисдикций были переданы из государственных тенет в частное управление. Одновременная либерализация международных финансов и денежное стимулирование экономики в 1970-х гг. имели своим следствием создание евродолларового рынка заимствований, находившегося практически вне какой-либо национальной юрисдикции. Офшоры позволяли деловым организациям и частным лицам уходить от регулирования, налогов и надзора, не нарушая буквы закона. Эти действия наложили ограничения на все сообщества и национальные государства, вначале повысив цену функционирования экономики сообществ², а затем под угрозой банкротства поставили

Красавин Игорь Вячеславович – к.филос.н., доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина. E-mail: krasavin.i@gmail.com

Статья подготовлена при выполнении НИР по теме «Трансформация мира: негосударственные акторы мировой политики», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. (Соглашение No. 8813 от 15 ноября 2012 г.).

исполнение все большей части социально-экономических функций государства в зависимость от их финансовой прибыльности в пользу частных инвесторов.

С этой зависимостью связана прогрессирующая финансиализация национальных экономик, начало которой было положено реформами Р. Рейгана в США и М. Тэтчер в Великобритании в 1980-х гг. и продолжено в ходе глобализации 1990-х гг. Суть неолиберальной реформы заключалась в том, чтобы расширить пространство вложения инвестиций и извлечения прибылей. Эффективное манипулирование ФРС своей учетной ставкой – в 1981 – 1982 гг. она дошла до 20% – схлопнуло пузырь евродолларовой ликвидности и позволило управлять ею в глобальном масштабе. Государство в свою очередь отказывалось от содержания и оплаты инфраструктуры, предприятий, «социальной сферы», выставляя их на продажу. После приватизации работа этих сфер была дифференцирована в зависимости от платежеспособности клиентов.

В 1990-х гг. схожий набор мер в отношении бедных и развивающихся стран был сформулирован в виде «Вашингтонского консенсуса»³. Политика «консенсуса» состояла в том, чтобы при посредничестве международных организаций – Всемирного банка и Международного валютного фонда – либерализовать и приватизировать национальные экономики бедных и развивающихся стран. Политическая функция переговоров и лоббирования здесь осуществлялась государствами, тогда как экономическая – функциями крупными американскими и европейскими банками.

Теория монетарного управления свободным рынком, маргинальная в 1950–1960-х гг., стала пользоваться усиленным вниманием среди менеджмента корпораций, университетских экономистов и деловой прессы, взывавшей к интересам инвесторов⁴. Банковская сфера подвергается дерегуляции, особенно с 1999 г., когда в США был отменен закон Гласа–Стиголла, совмещающий принятие вкладов населения и проведение рискованных инвестиционных операций. Частные и корпоративные деловые организации в связи с возрастанием влияния финансового элемента осуществили практику международного аутсорсинга, что привело к фактическому разделению торгово-производственной и финансовой функций между аутсорсерами в развивающихся и владельцами роялти в развитых странах.

Одновременно интенсифицируются инвестиции в информационные, биологические и прочие технологии (прежде разрабатываемые в военных целях). Такое разделение привело к деиндустриализации развитых стран и началу «третьей индустриальной революции» в сфере ИТ, биотехнологий и т.д., а в странах Восточной Азии – к индустриализации с использованием массового ручного и машинного труда. Крупные корпорации теперь заинтересованы не в обычной собственности на производство и товары, а в интеллектуальной собственности

на права, патенты, бренды и прочие формы роялти, которые приносят основные прибыли⁵. Из развивающихся стран извлекается дешевый труд, а из развитых – высокая стоимость и объемы продаж.

Другим показателем влияния финансовых организаций стала организация параллельных международных финансовых систем, а именно системы евро, которая была создана при непосредственном участии крупнейших европейских банков и помогла институционализации Европейского союза. Европейская интеграция стала плодом союза крупных компаний, частных евродолларовых финансов и государственных правительств, соединивших в этом объединении устойчивость роста и развития с получением прибыли. Государства страдали от скачков конъюнктуры и опасались стремительных перемещений частных финансовых капиталов, могущих обанкротить любое правительство.

Крупные компании нуждались в увеличении рынков и снижении издержек, связанных с разницей в курсах валют, таможенными барьерами и разными правилами регуляции. Наконец, рынок евродолларов в непосредственной близости к банкам европейских стран давал возможности неограниченного финансирования государств и компаний. Институциональные изменения затрагивали стандартизацию экономики: торговую, монетарную политику, правила конкуренции, валютный союз и постепенную передачу все больших функций по управлению национальными юрисдикциями наднациональной организации.

Поскольку внутренние экономики, налоги и бюджеты оставались национальными, основные меры поддержания стабильности экономики ЕС имели монетарный характер: ЕЦБ все время повышал ставку рефинансирования для сдерживания инфляции, а стабильность валюты поддерживала финансовые операции. Введение общей валюты – евро помогло сделать государственные заимствования у финансовых корпораций основным инструментом поддержания доходов граждан, особенно в небогатых странах типа Португалии, Греции, но также в Испании, Ирландии, Италии, Франции и Австрии: в них зарплата, пенсия и субсидии финансировались с государственных облигаций⁶.

Напротив, Люксембург, Бельгия, Германия, Нидерланды и Финляндия сами предоставляли капитал для частных и государственных кредитов. Политика финансовых заимствований подкреплялась бумом в дорожающей недвижимости, что способствовало росту расходов. Расцвет западных стран в 1995 – 2005 гг. был основан на концентрации значительных финансовых средств и создании сервисной (постиндустриальной) экономики. Ее узость, однако, поставила крупные финансовые организации перед необходимостью постоянного поиска выгодных объектов для инвестирования вследствие перманентного перенакопления капитала. После «кра-

■ Мировая политика

ха доткомов» ФРС для поддержки банковской системы снизила стоимость денег до минимума, и с 2001 г. основными объектами финансовых инвестиций стали нефтяные фьючерсы и операции с недвижимостью.

Крупные американские и европейские банки выступили основным источником ликвидности для рынков сырья и недвижимости, что вызвало в 2000 – 2008 гг. строительный бум во многих странах мира, а также увеличение доходов стран-экспортеров нефти, металлов и продовольствия. Доходы бедных и развивающихся стран, по сути, оказались переменной финансовых операций крупнейших банков, страховых компаний, пенсионных и хедж-фондов, чьи вложения во фьючерсы и другие инструменты вызвали рост цен на сырье. Концентрация значительных масс капитала вызвала волны слияний и поглощений среди корпораций, а крупные банки стали со-владельцами друг друга.

Зависимость внешней и внутренней политики государств от финансового сектора и работающих на нем организаций стала явной с учащением финансовых кризисов (1997 – 1998 гг. – азиатский финансовый кризис; 2001 г. – «крах доткомов» в США; 2007 – 2009 гг. – мировой финансовый кризис). В ходе этих кризисов национальные экономики испытывали резкий отток ликвидности и были вынуждены проводить болезненные реформы, выстраивая свою экономическую политику в зависимости от предпочтений частных инвесторов и необходимости получения прибылей из максимального спектра социально-экономической сферы, следствием чего стала резкая поляризация населения. Назревающий финансовый кризис в Европе 2012 – 2013 гг. непосредственно связан с моделью европейской интеграции, проводником которой выступают банки развитых стран, кредитующие потребление государств Южной Европы и производство государств Северной и Центральной Европы.

С начала 2000-х гг., то есть с введением евро и унификацией торговой политики, южные страны систематически теряли свою производительную, кредитную и покупательную способность, тогда как более богатые страны Центральной Европы, Бенилюкса и Скандинавии, наоборот, их приобретали. В 2010-х гг. торговый и платежный балансы Германии и стран Северной Европы были положительными, а балансы южных государств Евросоюза – отрицательными⁷. Все это время рост в Восточной и Южной Европе зиждился на инвестициях стран Запада и Севера. Их банки и корпорации выступили главными бенефициарами интеграции, на периферии финансируя спрос, а в центре – предложение.

Этот перекокс возмещался государственными займами стран периферии, которые в итоге и сделали их банкротами, когда поток частных прибылей иссяк. После того как в 2010 – 2011 гг. страны Южной Европы (Греция, Португалия, Италия, Испания) оказались неспособными к возврату кредитов, единственным способом

разрешения ситуации была названа приватизация государственных активов в пользу кредиторов – частных и корпоративных финансовых организаций. Статус представителей частного сектора стал сопоставимым со статусом национального государства, организация институтов которого ограничивается в пользу частных лиц.

Целенаправленное ограничение власти государств над частными лицами и их доходами прослеживается на примере офшоров. Государства не смогли ни препятствовать, ни изменить ситуацию, в которой владение основными корпоративными и частными активами привязано к офшорным юрисдикциям, большая часть которых находится внутри национальных государств. Что бы ни происходило в мире, финансовые поступления, проходящие через офшоры, как правило, только растут, что видно из неуклонного роста их ВВП на душу населения⁸. К сожалению, публично отследить персональную принадлежность этих активов весьма затруднительно, а следовательно, невозможно определить и степень частного индивидуального и коллективного богатства элит богатых и бедных стран, пределы их влияния на конкретные организации.

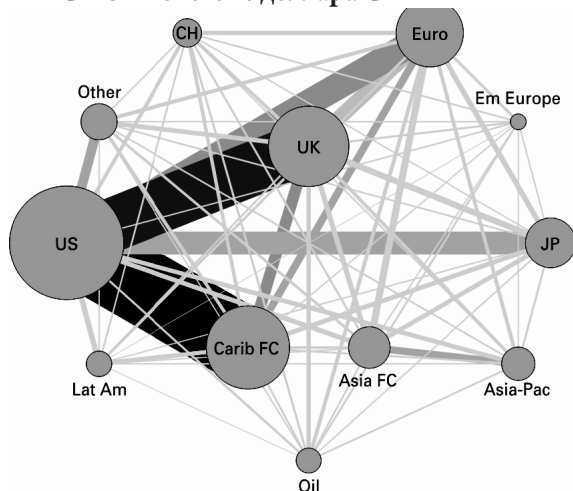
Более или менее приближенные оценки объема офшорных накоплений к 2012 г. составляют от 21 до 32 триллионов долларов⁹, являясь, таким образом, самым крупным совокупным частным активом, составляющим примерно от половины до трети ВВП Земли¹⁰. Частный интерес является лучшей гарантией нейтралитета и фактической независимости офшоров. Они – «привод» глобальной экономики, через них сообщаются частные, корпоративные и государственные финансы сообществ, даже если те ведут между собой автономную или антагонистическую политику¹¹.

Схемы финансовых связей в международной банковской системе показывают, насколько существенную ее часть составляют офшоры. Согласно выводам Банка международных расчетов, основной поток ликвидности в долларовой системе, как показано на схеме 1, идет от банков в юрисдикции США к офшорным финансовым центрам на Карибских островах и обратно. Второй по значимости поток создан связями между Великобританией и США, и здесь нужно учитывать, что Лондон как финансовый центр сам является аналогом офшора. Большинство финансовых операций банков лондонского Сити проходят через британские офшоры (Джерси, Гернси, Мэн, Британские Виргинские Острова). Швейцария, Гонконг, Макао и Сингапур так же, как и Британия, являются неполными офшорами. Некоторое исключение составляют связи с системой евро, но и в ней значительные позиции принадлежат офшорам – Люксембургу и Лихтенштейну. Что касается связей в системе евро (схема 2), то на ней крупнейший поток ликвидности образован отношениями между зоной евро и Великобританией, которая фактически является воротами в глобальный офшоринг.

Связи в международной банковской системе на конец 2010 г.

Схема 1

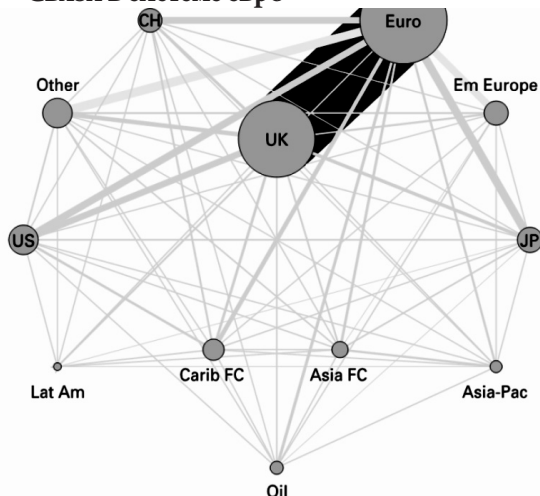
Связи в системе доллара США

США – Кариб. ФЦ: \$3.8 трлн;
США – Британия: \$2.7 трлн;
США – Евро: \$1.1 трлн.

Схема 2

Связи в системе евро

Евро – Британия: 3.6 трлн;
Евро – растущая Европа: \$0.4 трлн;
Евро – США: \$0.3 трлн;

Asia FC = азиатские финансовые центры (Гонконг, Макао и Сингапур);

Asia-Pac = Китай, Тайвань, Индия, Индонезия, Корея, Малайзия, Пакистан, Филиппины и Таиланд;

Кариб. ФЦ = Карибские финансовые центры (Аруба, Багамы, Бермуда, Каймановы острова, Кюрасао и Панама);

CH = Швейцария; Раст. Европа = растущая Европа (Болгария, Хорватия, Кипр, Чешская Республика, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Турция и Украина);

Евро = еврозона, исключая Кипр, Мальту, Словакию и Словению;

JP = Япония;

Lat Am = Аргентина, Бразилия, Чили, Колумбия, Мексика, Перу и Венесуэла;

Oil = государства-члены ОПЕК и Россия;

Other = Австралия, Канада, Дания, Новая Зеландия, Норвегия и Швеция;

UK = Великобритания;

US = США.

Размер каждого круга пропорционален объему трансграничных требований и обязательств банков, расположенных в данном географическом регионе. Толщина линий между регионами А и Б пропорциональна сумме требований банков А всем резидентам Б, обязательствам банков А перед не-банками Б, требованиям банков Б всем резидентам А и обязательствам банков Б перед не-банками А.

Нужно отметить, что только развитые, богатые страны имеют международные финансовые системы. Все остальные страны не в состоянии создать свои региональные финансовые системы, поскольку их экономики для этого слишком бедны и неустойчивы. Их население не предъявляет высокого спроса и не обладает необходимыми доходами. Деловые предприятия и национальные экономики бедных и развивающихся стран специализированы на отдельных отраслях мирового рынка и от финансовых центров в системах доллара и евро зависят больше, нежели от своих соседей, что характерно для стран Латинской Америки, исламских государств и постсоветских стран.

В то же время они активно участвуют в пополнении ликвидностью существующих финансовых систем, используя офшоры для движения капитала. По разным подсчетам, нелегальный отток капитала из развивающихся стран в 2000-х гг. через офшоры сопоставим с государственными накоплениями. Значительная доля нелегальных капиталов принадлежит элитам развивающихся стран, лицам и организациям, их обслуживающим, а их денежные накопления управляются банками богатых развитых стран. Отсюда неизбежно следует политическое влияние государств-центров систем доллара и евро на развивающиеся и бедные страны посредством контроля частных состояний периферийных элит. Из развивающихся стран лишь КНР и Саудовская Аравия обладают золотовалютными резервами, превосходящими объем нелегального оттока капитала, тогда как все остальные проигрывают частной офшорной инициативе¹².

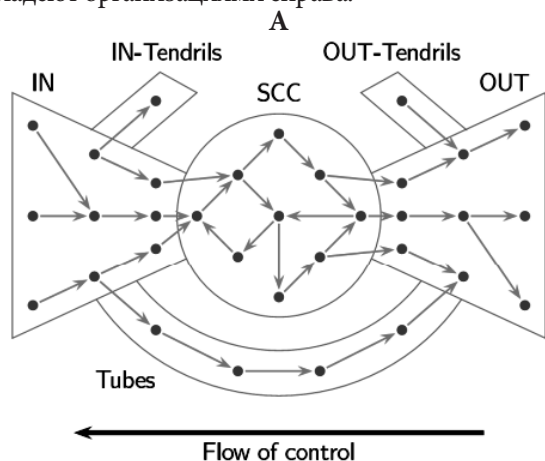
Государственные золотовалютные резервы, млрд долл. США	Страна	Величина нелегальных капиталов, млрд долл. США
3 500	КНР	1 190 – 2 500
541	Саудовская Аравия	302 – 380
500	РФ	500 – 798
357	Бразилия	520
320	Южная Корея	779
150	Мексика	417 – 500
133	Малайзия	120 – 350
53	ОАЭ	268 – 296
26	Кувейт	242 – 271
30	Венесуэла	152 – 179

■ Мировая политика

В 2005 г. крупнейшие 50 банков совокупно управляли 5,4 трлн долларов трансгранично инвестированных средств частных клиентов, включая их трасты и фонды. На конец 2010 г. объем средств составлял более, чем 12,1 трлн долларов, что показывает ежегодный темп роста в 16%. Основной частью офшорных средств управляют три крупнейших банка: UBS, Credit Suisse и Goldman Sachs¹³.

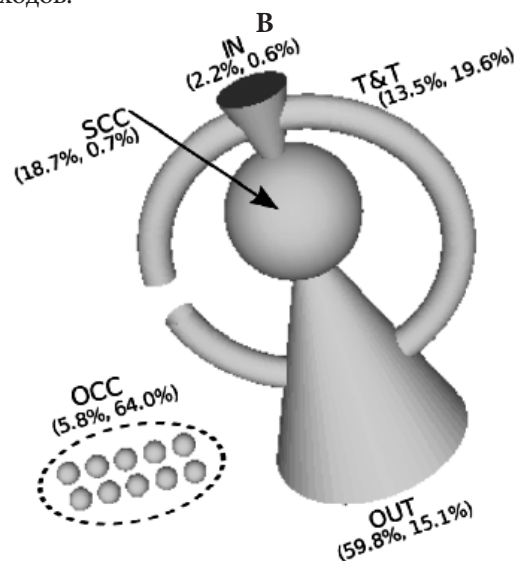
Исключительная роль финансовых организаций характерны для всего корпоративного сектора в целом. 90% корпоративных доходов глобальной экономики через различные формы собственности принадлежит нескольким сотням корпораций. Крупнейшие финансовые организации, в свою очередь, получают 60% дохода реального сектора, а по суммарной капитализации сам финансовый рынок превосходит все остальные виды производства и услуг. Деловые организации образуют экстерриториальную структуру отношений; в каждом сообществе и регионе их связи центрируются вокруг крупнейших участников, образуя локальные центры, и самый крупный из них находится в юрисдикциях западных государств. Он состоит из 49 финансовых компаний (Barclays, JP Morgan Chase, UBS, Deutsche Bank, Credit Suisse, Goldman Sachs и т.д.), которые взаимно полностью владеют друг другом и контролируют 40% всех остальных корпораций¹⁴.

На рис. А, В, С, D показана топологическая структура распределения связей корпоративного контроля, обнаруженная в ходе исследования, выполненного учеными из Цюрихского университета С. Витали, Д. Глатфельдером и С. Баттистоном. Общее распределение связей напоминает форму бабочки (А). Связи идут слева направо, сообразно распределению отношений собственности: организации слева владеют организациями справа.

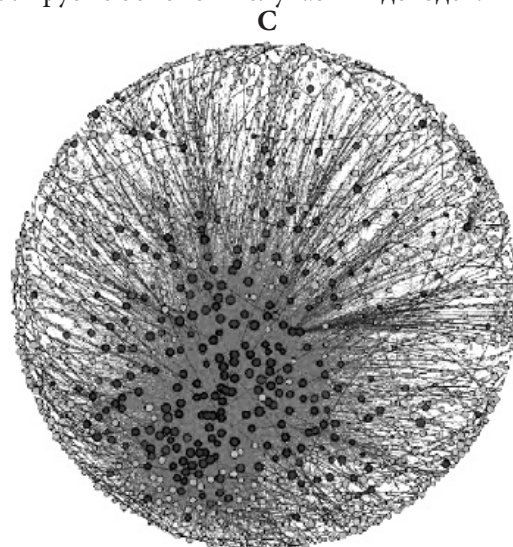

Организации, находящиеся в левой части бабочки (В), владеют небольшими долями в акционерном капитале тех компаний, которые находятся в других частях бабочки (in-section, IN). Эти компании, в свою очередь, полностью владеют друг другом, являясь крупнейшими международными банками (strongly connected component, SCC). От них же идут связи в компании реального сектора, в правой части, которые принадлежат компаниям центральной части (out-

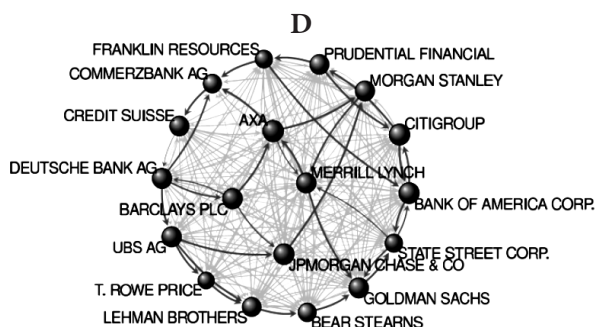
section, OUT). Размер каждой части соответствует получаемой ею доле доходов корпоративного сектора. В скобках указан объем получаемого дохода, в процентах, в сравнении со всем корпоративным сектором и количество организаций, в сравнении с остальными корпорациями, в процентах. На левую часть приходится 2,2% всех доходов корпораций, на центр—18,7%, на правую часть (принадлежащую центру)—59,8%. При этом компании в левой части количественно составляют всего 0,6% от общего числа корпораций, компании центра 0,7% и компании правой части 15,1%. Для сравнения: большая часть всего корпоративного сектора, не связанная с финансовым центром (other connected component, OCC), составляет 64% от общего числа корпораций и получает всего 5,8% их совокупных доходов.

Как видно из рис. С, крупнейшие финансовые организации образуют не метафорический, а вполне реальный центр, агрегирующий самую значительную часть доходов и собственности корпоративного сектора. Желтым цветом обозначены компании, которые принадлежат организациям, помеченным красным цветом. Толщина линий коррелирует с объемом получаемых доходов.

На рис. D показано, как выглядели отношения собственности организаций центральной части (до банкротства Lehman Brothers и санирования Bear Stearns и Merrill Lynch).

Здесь также нужно учесть, что в использованную статистику не попали офшорные трасты, действующие в интересах частных лиц и не представляющие практически никакой отчетности об управляемой собственности, иначе роль левой части бабочки была бы существенно скорректирована.

Финансовые организации играют значительную роль в существующей международной системе и являются основным инструментом проведения политики по преодолению последствий мирового кризиса, вызвавшего экономический спад в развитых странах. Без участия финансовых инвесторов, которыми являются крупнейшие банки, невозможно развитие национальных экономик, и государства вынуждены соразмерять свою внутреннюю и внешнюю политику с интересами финансовых ор-

ганизаций. Несмотря на призывы к ужесточению государственного контроля глобальной финансовой системы, очевидно, что ее контроль без участия самих финансовых организаций невозможен. Все это указывает на значительную роль финансового элемента среди негосударственных акторов мировой политики и требует адекватного социально-экономического и политического анализа.

В ряде самых существенных вопросов государственной самостоятельности и суверенитета негосударственные акторы – финансовые организации и частные лица, – представляющие верхушку корпоративного менеджмента и государственной бюрократии, превзошли власть государства. Оно используется как один из видов институциональной организации, устройство и влияние которого может изменяться в зависимости от прибыльности политического управления мировой экономикой. Следовательно, анализ действий финансовых организаций неизбежно включает политические аспекты и требует адекватных концептуальных рамок определения отношений негосударственных акторов и государств.

Krasavin I.V. Offshore companies as non-state actors of World Politics.

Summary: Different types of non-governmental financial organizations influence onto states and world politics is being investigated in the article. Structure of contemporary international financial systems is shown and specificity of their influence onto real sector and state policy is explained. Special attention is aimed at offshore role in financial system and world politics.

Ключевые слова

Офшоры, банки, финансовая система, доллар, евро, неолиберализм, экономика, доходы, долги, накопления, корпорации, контроль.

Keywords

Offshore, banks, financial system, dollar, euro, neoliberalism, economics, revenue, debts, accumulations, corporations, control.

Примечания

1. Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего, 2006. С. 390 – 400.
2. Имеется в виду инфляция доллара США в 1970-х гг.; 12-кратный рост цен на нефть в 1973 – 1979 гг.; резкое повышение учетной ставки ФРС США в 1981 – 1983 гг., следствием которой стало повышение ставки ЛИБОР на рынке евродолларов, вызвавшее рост задолженности периферийных стран, кредитовавшихся в банках евродолларового рынка в 1970 – 1980-х гг.
3. Williamson J. What Washington Means by Policy Reform. URL: <http://www.iie.com/publications/papers/paper.cfm?researchid=486>
4. Фридман М. Капитализм и свобода. М.: Новое издательство, 2006; Фридман М., Фридман Р. Свобода выбирать: наша позиция. М.: Новое издательство, 2007.
5. Горц А. Знание, стоимость и капитал. К критике экономики знаний// Логос. 2007№4 (61).
6. В связи с этим половина стран Европейского союза нарушала Пакт о росте и стабильности, запрещающий уровень госдолга выше 60% от ВВП.
7. Eurostat. Net international investment position in % of GDP, 2001 – 2011, URL: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/refreshTableAction.do?tab=table&plugin=1&pcode=tipsii10&language=en>; Current account balance in % of GDP, 2001 – 2011, URL: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/table.do?tab=table&init=1&plugin=1&language=en&pcode=tipsbp10&tableSelection=1>; General government gross debt (Maastricht debt) in % of GDP, 2001 – 2011, URL: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/table.do?tab=table&init=1&plugin=1&language=en&pcode=tipsgo10&tableSelection=1>
8. Jersey, Guernsey, Isle of Man, Bermuda, Cayman Islands, Luxembourg, Liechtenstein, – соответствующую статистику смотрите на: <http://www.indexmundi.com>.
9. Tax Justice Network. Estimating the Price of Offshore, report 2012. URL: http://www.taxjustice.net/cms/front_content.php?idcat=148
10. World Bank database, URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD/countries/1W?display=graph>
11. Bank for International Settlement, 81st Annual Report. Basel, 2010 – 2011. P. 43.
12. Global Financial Integrity Report 2011. Illicit Financial Flows from Developing Countries Over the Decade Ending 2009, URL: <http://iffdec2011.gfintegrity.org/>; Tax Justice Network report, 2012, URL: http://www.taxjustice.net/cms/upload/pdf/The_Price_of_Offshore_Revisited_Presser_120722.pdf
13. Tax Justice Network report, 2012.
14. Vital S., Glattfelder J.B., Battiston S. The network of global corporate control. URL: arXiv:1107.5728v2 [q-fin.GN] 19 Sep 2011.

Университет в сетевых связях современного мира

И.И. Жуковский

Современное пространство мировой политики требует особого внимания с точки зрения соотношения эффективности использования традиционных инструментов дипломатии и «новых инструментов» реализации национальных интересов. Университеты и их сетевое международное сотрудничество играют важную роль в вопросах поддержки внешнеполитических инициатив на глобальном и региональном уровнях.

Современное пространство мировой политики требует особого внимания к соотношению эффективности использования традиционных инструментов дипломатии и «новых инструментов» реализации национальных интересов: «прямое» и «направленное» использование некоммерческих акторов и бизнес-структур, инструментов культурной, общественной и образовательной дипломатии, других инструментов непрямого влияния. Облик современной мировой политики часто сравнивают с сетью, причем сетью запутавшейся (но сохранившей сетевые связи), без надежды снова увидеть структурированное рациональное пространство с понятным и предсказуемым расположением ячеек. В этих сетях причудливым образом переплелись нити официальных, неофициальных и полуофициальных взаимодействий всех известных акторов мировой политики, среди которых особое место занимают узлы генерирования нового знания, узлы сохранения коллективной исторической памяти, узлы креативного преобразования мира – университеты.

Нет сомнений в том, что университеты с самого момента своего появления стали частью мира политики, превратившись не только в элемент национальной гордости, но и в инструмент реализации внешнеполитических задач. В частности, тех из них, что связаны:

а) с расширением научно-образовательного присутствия в ключевых с точки зрения международных интересов той или иной страны регионах;

б) с расширением экспорта образовательных услуг в зоны стратегических интересов акторов международных отношений.

Примером понимания политического и геополитического значения университета в эпохи, давно минувшие, может стать история создания первого университета на территории современной России – Кенигсбергского университета (бывший Кенигсберг – современный российский эксклав в Европейском союзе). После формального открытия герцогом Альбрехтом Гогенцоллерном университета 17 августа 1544 г. информация о появлении университета была по официальным каналам разослана соседним государствам (Дании, Швеции, Польше, немецким союзам городов). Миссией университета считалось распространение гуманистического знания, немецкой культуры и протестантизма на колонизованных прибалтийских землях, что обусловило приглашение как в качестве преподавателей, так и в качестве студентов жителей пограничных государств. Не правда ли, трактовка миссии вполне отвечает современным представлениям о возможности и желательности использовать университеты как источник «мягкой силы»?

Жуковский Игорь Игоревич – к.полит.н., проректор по международным связям Балтийского федерального университета им. И. Канта. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Статья подготовлена при выполнении НИР по теме «Трансформация мира: негосударственные акторы мировой политики», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. (Соглашение № 8813 от 15 ноября 2012 г.).

Университеты меняются очень быстро. Многие университеты, и российские в том числе, ставят перед собой амбициозные задачи повышения своей глобальной конкурентоспособности, что означает превращение университетов в ресурс внешнеполитический, ресурс имиджевый, ресурс формирования лояльности иностранных элит и в целом обществ. Дискуссия о необходимости расширения российского научно-образовательного присутствия в мире активно идет последние несколько лет. Важные аспекты этого обсуждения представлены на портале Российского совета по международным делам. Ряд политических заявлений в этой связи были сделаны Президентом страны¹, руководителями Министерства образования и науки РФ².

В целях интенсификации процесса выхода на глобальные научно-образовательные рынки подготовлено распоряжение Правительства РФ (Распоряжение от 29 октября 2012 г. №2006-р «Об утверждении плана мероприятий по развитию и повышению конкурентоспособности ведущих университетов России среди мировых научно-образовательных центров»). Свои взгляды представили и ректоры университетов, имеющих международные амбиции и активно привлекающих иностранных студентов, преподавателей, ученых³.

Основная мысль, которую разделяет большинство высказывающихся о необходимости глобального присутствия российских университетов, заключается в том, что престижные и могущественные университеты – не только большое благо для решения задач внутреннего развития, но и они способны обеспечивать участие в формировании мировой повестки дня жизни всего человечества. Удачным примером переплетения внешнеполитического интереса акторов и сетевого взаимодействия между университетами является регион Балтийского моря – один из ключевых политических макрорегионов европейского континента и региона взаимодействия России и Европейского союза. Страны региона Балтийского моря активно используют возможности сетевого университетского сотрудничества для реализации и поддержки своих внешнеполитических интересов. В связи с геополитическими сдвигами конца XX в. в этом регионе появились новые амбициозные игроки, активно закрепляющие свои международные позиции с помощью всех доступных инструментов, в том числе и с использованием ресурсов межуниверситетского взаимодействия.

К примеру, Совет государств Балтийского моря (www.cbss.org) – региональный форум межправительственного сотрудничества, в состав которого входят 11 стран региона и представитель Европейской Комиссии, – одним из приоритетов своей деятельности обозначил образование и культурное наследие, считая именно университеты субъектами реализации и внедрения соответствующих проектов. В регионе Балтийского моря действует один из наиболее успешных сетевых проектов межуниверситетского сотрудничества с центром в г. Уппсала – Программа «Балтийский Университет». Она появилась как ответ на запрос сближения обществ некогда враждебных блоков под флагом распространения

принципов устойчивого развития путем создания практически с нуля институциональных связей между университетами в начале 1990-х гг. На сегодняшний день партнерская сеть – 225 университетов, среди которых 63 польских, 23 российских, 19 шведских. Возникнув как шведская инициатива, проект превратился в удобный форум обсуждения политических инициатив в регионе Балтийского моря на неполитическом, экспертном уровне. Для многих университетов (особенно недавно созданных) стран бывшего социалистического лагеря работа в рамках проекта стала первым значимым опытом интернационализации и реального присутствия в международном научно-образовательном и политическом пространстве.

Важным практическим результатом стал и опыт, полученный университетскими администраторами международного сотрудничества в первых общерегиональных проектах начала 90-х гг. прошлого столетия. Более того, накопленный опыт международного сотрудничества университетских управленцев оказался востребован на уровне как местного, так и государственного управления: в странах, где по итогам политических изменений в стране прошел пересмотр принципов и формата международного сотрудничества, произошел и массовый рекрутинг в международные службы местного и государственного уровня именно представителей университетской корпорации.

Внешнеполитические интересы и университеты: случай Польши

В амбициозного регионального игрока на современном этапе выросла Республика Польша, в различных вариантах исторических реинкарнаций (будь то Королевство Польское или Первая Республика, Польская Народная Республика) присутствовавшая в «балтийском» геополитическом пространстве. Основные геополитические интересы этой страны включали приобретение (либо сохранение – в зависимости от исторического периода) контроля над торговыми путями (морскими, речными и сухопутными) и расширение своего присутствия на побережье Юго-Восточной Балтики.

Новообразованная по итогам Первой мировой войны Республика Польша (известная как «Вторая Республика») лишилась значительной части Балтийского побережья, в разные периоды входившего в состав польского государства. Соответственно и «балтийская» политика межвоенного периода во многом сосредоточилась на реализации идей Юзефа Пилсудского о создании сферы польского влияния на восточных рубежах страны путем создания федерации, включавшей в себя национальные осколки бывшей Российской империи – Финляндию, Прибалтийских государств и др.⁴.

После Второй мировой войны Польская Народная Республика, перешедшая в орбиту интересов СССР, в рамках исключительно оборонной концепции присутствия на Балтике готовилась к защите своего Балтийского побережья и – одновременно – к высадке десанта в районе Датских проливов с целью обеспечить совместными усилиями стран ОВД выход

■ Мировая политика

основной группировки Объединенного Балтийского флота⁵ на оперативный простор⁶.

Поскольку определять степень самостоятельности польской внешней политики периода ПНР в целом и в Балтийском регионе в частности является занятием малоперспективным, то необходимо лишь зафиксировать активизировавшееся с конца 80-х гг. прошлого века участие как официальных представителей Польской Народной Республики, так и неофициальных делегатов от польской антикоммунистической оппозиции в работе многочисленных международных организаций и объединений региона Балтийского моря, преимущественно экологического и социально-гуманитарного характера. Параллельно университеты и частные фонды скандинавских стран предоставляли довольно широкие возможности получения образования и продолжения научной карьеры для граждан ПНР.

После событий рубежа 1980 – 1990-х гг. прошлого века, связанных с крушением биполярной геополитической картины мира, Польская Народная Республика прекратила свое существование, а польское государство пережило еще одну историческую реинкарнацию, появившись на политической карте мира в виде Республики Польша (известной как «Третья Республика»).

Новое польское государство провозгласило стремление максимального включения в процесс евроатлантической интеграции, конечной целью которого являлось членство Польши в структурах НАТО и Европейских сообществах (после 1993 г. – Европейском союзе). Соответственно и «балтийское» направление внешней политики было подчинено декларируемым целям в рамках всестороннего развития сотрудничества с балтийскими членами НАТО и ЕС.

Анализируя программные документы польского министерства иностранных дел, выступления министра иностранных дел перед Сеймом, можно определить ключевые направления по расширению польского внешнеполитического присутствия и формированию пояса дружественно настроенных государств (или элит в целевых государствах)⁷. Перечень принципиальных для польской внешней политики регионов обусловлен географическими, политическими (союзнические обязательства в рамках НАТО – Иран, Ирак) и экономическими (ресурсными) причинами: восточное пограничье – Украина, Беларусь, затем – Южный Кавказ и азиатские страны, которые могут стать источниками углеводородного сырья, страны севера Африки, Юго-Восточная Азия.

На начало 2012 г. в Польше действовали 11 лотов программы Эразмус Мундус, представляющей собой финансовый инструмент для осуществления академического обмена между странами-членами ЕС и «третьими странами». По сути дела, это программа содействия формированию международных университетских сетей не только путем подготовки студентов и магистрантов, но и путем обмена управленцами, преподавателями, научными работниками.

Таблица 1

Лоты и участники программы Эразмус Мундус в Республике Польша

№	Лот	Польские университеты, участники лота
1.	Лот 1: Марокко, Алжир, Тунис (3 консорциума)	Люблинский политехнический университет
2.	Лот 2: Египет, Ливан (3 консорциума)	Варшавская школа экономики, Университет имени Адама Мицкевича
3.	Лот 5: Сирия, Иордания (2 консорциума)	Варшавский университет, Варшавский политехнический университет
4.	Лот 6: Россия (3 консорциума)	Вроцлавский политехнический университет, Вроцлавский университет, Пултуская гуманитарная академия, Ягеллонский университет
5.	Лот 7: Грузия, Армения, Азербайджан	Варшавский университет живых систем
6.	Лот 8: Украина, Молдова, Беларусь (4 консорциума)	Ягеллонский университет, Пултуская гуманитарная академия
7.	Лот 9: Йемен, Иран, Ирак	Варшавский университет
8.	Лот 10: Казахстан, Киргизстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан (5 консорциумов)	Варшавский университет живых систем, Университет имени Адама Мицкевича, Варшавский политехнический университет
9.	Лот 12: Регионы Азии 1 (5 консорциумов)	Варшавский университет
10.	Лот 13: Регионы Азии 2 (5 консорциумов)	Люблинский технологический университет, Варшавская школа экономики
11.	Лот 16 В: Аргентина	Ягеллонский университет

Источник: данные министерства науки и высшего образования Польши (www.mnsw.gov.pl).

Для понимания масштабов программы: только польская часть (предназначенная для оплаты мобильности из Польши в целевые страны) бюджета программы составила: в 2007/2008 академическом году – 31 902 911 евро, 2008/2009 году – 35 413 000 евро, 2009/2010 году – 37 505 000 евро.

Об изменении количества участников программы в эти же годы можно судить по данным, представленным в табл. 2.

Таблица 2

Динамика изменения количества участников программы Эразмус Мундус в Республике Польша

Участники	2007/2008	2008/2009	2009/2010
Приезжающие в РП	4446	4923	6070
Уезжающие из РП	12854	13402	14021

Источник: данные министерства науки и высшего образования Польши (www.mnsw.gov.pl).

Отдельным вопросом в программных документах МИД прописан вопрос переориентации миграционных потоков и привлечения в страну мигрантов, имеющих польские корни. По сути дела, это была политика содействия возвращению польских мигрантов и их потомков (с этим, кстати, связана политика льготного предоставления польского гражданства потомкам польских мигрантов, обладающих паспортами ЕС). С 2008 г. начинается отсчет работы польской государственной программы по привлечению рабочей силы из стран бывшего СССР, где основной упор делается на Украину, Беларусь и

Россию. Была разработана программа поддержки переселения граждан бывшего СССР, имеющих польское происхождение. Данная программа, получившая неофициальное название «Карта Поляка», была разработана на основе подобных программ немецкого федерального правительства, была подписана польским президентом Лехом Качиньским в марте 2008 г. Разработчики этой программы предполагают, что смогут «перенаправить» миграционные потоки из стран бывшего СССР в свою пользу.

Важнейшим инструментом привлечения мигрантов, имеющих польские корни, стали программы субсидирования получения высшего образования и научных степеней. Студенты из стран бывшего СССР, обучавшихся и обучающихся в университетах Польши, по экспертным оценкам, составляют примерно 50% от общего числа иностранных студентов. Некоторые польские университеты предоставляют стипендии ректора, стипендии ученого совета либо фондов развития университетов иностранным гражданам за особые заслуги в науке, культуре, искусстве, спорте. Группа университетов получила от правительства Польши средства на организацию бесплатных (или условно бесплатных) курсов для тех иностранцев, которые не знают польский язык, но собираются получать образование в польских университетах. Целевые стипендии долгое время (вплоть до 2010 г.) были доступны иностранным гражданам польского происхождения. Их обучение в государственных университетах Польши финансировалось в рамках правительственной программы по сотрудничеству с иностранцами польского происхождения и поляками, проживающими за границей.

Сравнивая региональные приоритеты, обозначенные в программных документах МИД, перечень лотов самой большой программы сетевого междууниверситетского сотрудничества, финанси-

руемой из средств Европейского союза, и данные о целевом субсидировании польским государством образовательных услуг иностранных граждан, можно обнаружить фактическое совпадение регионов действия упомянутых выше программ и регионов, «интересных» с точки зрения внешнеполитического присутствия. То есть можно сделать вывод о высокой степени интегрированности и координации программ и проектов междууниверситетского сетевого сотрудничества и приоритетов внешней политики.

Чтобы определить наиболее оптимальную траекторию успешного вхождения России в сети международного научного и образовательного сотрудничества, необходимо изучить и переосмыслить опыт других стран, в том числе и стран бывшего социалистического лагеря, которые, преодолевая схожие системные, инфраструктурные и кадровые проблемы, активно используют возможности европейских и глобальных сетей для своего развития.

Хочется верить, что и наша российская университетская корпорация превратится в:

- университет, работающий синхронно с глобальными интересами Российской Федерации;
- университет, отвечающий вызовам современного мира;
- университет, создающий глобальные стандарты научного превосходства и формирующий изменения мировой политики;
- университет, создающий новые сети и потребляющий блага из уже существующих.

Zhukovskiy I.I. World Politics: University in Networks of Contemporary World.

Summary: World politics of a present-day demands a very specific combination of usage of the traditional foreign policy's instruments as well as "new ones". Universities as well as international science & education networks play an important role in providing support of the foreign policy's initiatives of the global or regional dimension.

Ключевые слова

Национальный интерес, международное сотрудничество университетов, влияние в мировой политике.

Keywords

National interest, international university's networks, influence in world politics.

Примечания

1. Путин В. Россия и меняющийся мир // Российская газета. 2012. 27 февраля. URL: <http://www.rg.ru/2012/02/27/putin-politika.html>
2. См.: выступление И.И. Федюкина, заместителя министра образования и науки РФ в рамках Балтийского образовательного форума URL: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=49692
3. См.: ректор МГИМО (У) МИД РФ Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО - Университета 2012. №4(25). С. 85-93; ректор БФУ им. И. Канта Клемешев А.П. Комфорт дороже денег // Наука и технологии в России URL: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=49907; ректор Дальневосточного федерального университета Иванец С.В. Образование не должно замыкаться в рамках одного вуза и одной страны // аналитический портал РСМД. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=992#top
4. См. подробное анализ политики создания «пропольской» федерации в статье Симонова Т.М. «Прометеизм» во внешней политике Польши 1919-1924 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 47-63.
5. В состав группировки Объединенного Балтийского флота, которая формировалась в случае боевых действий, входили объединенные флота ГДР, ПНР и СССР под оперативным руководством командующего Балтийским флотом СССР.
6. Отработке сценария высадки десанта Войска Польского в район Датского пролива были посвящены несколько оперативно-стратегических командно-штабных учений ОВД, в том числе и «Запад-77». О возможном характере боевых действий на Балтике см.: Ю.А. Галкин. Возможный характер боевых действий ВМС НАТО в Северном и Балтийском морях // Зарубежное военное обозрение. 1990. № 3.
7. См.: Priorytety polskiej polityki zagranicznej 2012 – 2016. Warszawa, 2012.

Проблемы классификации кибероружия

В.В. Каберник

В статье поднимается проблема классификации существующих и перспективных видов кибероружия по нескольким основным типам. Предлагается базовый комплекс признаков кибероружия, описываются основные признаки, определяющие различие его типов с указанием примеров из спектра известных образцов. Определяются признаки, отличающие кибероружие от информационного, выделены ниши использования кибероружия различных типов. Предлагается также базис для отделения вредоносного программного обеспечения от разведывательных, криминальных и боевых систем.

Публикации последнего времени пестрят использованием терминов «кибервойна», «боевые действия в киберпространстве», «киберугрозы» и им подобными. Это происходит в основном из-за того, что журналисты быстро подхватили не самый удачный термин, используя его в отрыве от контекста. В результате кибервойной с равной вероятностью могут называться пропагандистские операции в информационном пространстве Интернета, попытки взлома банковских систем, операции по выведению из строя критической информационной инфраструктуры, а также любые действия, которые прямо или косвенно связываются с Интернетом, компьютерами и т.п. Точно так же размыто и понятие «киберугроза»: под него зачастую бездумно подводятся опасности, такие, как распространение определенных видов информации в сети, вопросы обеспечения безопасности информационных систем, противостояния вредоносному программному обеспечению (далее по тексту – ПО) и многое другое.

Настоящая статья ставит своей целью классификацию различных видов кибероружия и информационных воздействий, которые нередко ошибочно обозначаются различными терминами с модной приставкой «кибер». Разберемся сначала в терминологии. Термин «кибернетика»

появился еще в 1830 г. в философских трудах Андре-Мари Ампера¹, который более известен как один из пионеров электродинамики. Кибернетика определялась Ампером как наука о рациональном управлении государством. В 1948 г. понятие «кибернетика» было использовано Норбертом Винером как наименование науки о закономерностях процессов управления и передачи информации в машинах, живых организмах и в обществе². Объектом исследования кибернетики являются все без исключения управляемые системы, которым присуща обратная связь³.

Иными словами, кибернетика вовсе не ограничена исследованиями современных информационных систем, алгоритмов и протоколов. Будучи междисциплинарной наукой, она охватывает системы электрических цепей, технологические процессы, логистику, эволюционную биологию, психологию личности, социологию, синергетику и т.п. Особо отметим то, что кибернетика, как наука об управлении, уделяет самое пристальное внимание методам управления государством и обществом⁴. Именно эта область внимания кибернетики и стала причиной ее критики в СССР с последующим объявлением «реакционной лженаукой» в 1950-х гг.

Кибернетика, как тогда казалось, претендовала на разработку научно обоснованного ап-

парата управления государством, стремилась «отбросить современную научную мысль, основанную на материалистической диалектике»⁵. Между тем наиболее интересные исследования кибернетиков относились именно к исследованиям политики, общества и способов административного управления. В области исследований информационных систем на смену «общей» кибернетике был создан специализированный высокоэффективный математический аппарат, опирающийся на хорошо разработанные теории систем, управления, автоматов, алгоритмов и т.п. В практическом решении прикладных задач, связанных с информационными технологиями, как правило, используется именно этот аппарат, а не «общая» кибернетика.

К определению кибероружия

Под термином «кибероружие» в настоящее время понимаются самые разнообразные технические и программные средства, чаще всего направленные на эксплуатацию уязвимостей в системах передачи и обработки информации или программотехнических системах. Так, под определением кибероружия подводят общедоступные утилиты работы с сетевой инфраструктурой и нагрузочного тестирования сетей на основании того, что их используют хакеры. Опираясь на масштабность воздействия, к кибероружию причисляют вирусы типа Flame⁶ или зомби-сети, используемые для рассылки спама и организации распределенных атак, которые направлены на перегрузку информационных систем и следующий из нее отказ в обслуживании (DOS и ddOS-атаки)⁷.

Эта ошибка стала столь расхожей, что назрела необходимость хотя бы минимально формализовать набор признаков, который делает отрывок программного кода оружием. И почему, собственно, именно программного кода? Ошибка, которая ведет к путанице в определениях, заключается в том, что авторы публикаций на тему кибервойн и других агрессий в киберпространстве постоянно смешивают понятия «оружие» и «орудие». Орудием является, например, мотыга. Можно ли ее использовать в качестве оружия? Несомненно, целый спектр видов холодного оружия древности ведет свое происхождение именно от сельскохозяйственных инструментов. Так «милитаризованная» мотыга превращается в клевец или чекан. Это уже оружие: устройство, которое конструктивно предназначено для поражения живой или иной цели, подачи сигналов⁸ либо поражения объектов инфраструктуры противника.

Использование не предназначенных для нанесения ущерба орудий с разрушительными целями в агрессивных действиях (войнах) настолько же древнее, насколько старо и само человечество. Крестьянские армии и ополчение с успехом использовали привычные им серпы, мотыги, лопаты и вилы. Современные кибервоины, не обладающие высокой квалификацией и

доступом к специализированным разработкам, точно так же используют доступное им несложное программное обеспечение, созданное вовсе не с какими-то разрушительными целями – начиная с имеющейся в каждой современной операционной системе утилиты ping. Принцип остается тем же самым: слабо подготовленное войнство, вооруженное подручными средствами, вполне способно одержать победу за счет своей массовости. Является ли утилита ping кибероружием? Сама по себе, безусловно, нет. Что не мешает ей оставаться примитивным средством (орудием) ведения кибервойны.

Попробуем формализовать признаки кибероружия. Начнем со второй типичной ошибки при использовании термина – прочной ассоциации кибероружия с программным кодом. Это в корне неверно: кибероружие воздействует на систему, которая совершенно необязательно является компьютером. Объектом воздействия кибероружия может являться любая система с обратной связью, например автомат. Необходимым условием при этом является управляемость объекта воздействия, предсказуемость его реакций. Компьютеры отвечают этому требованию. Но не только они.

Кибероружие первого типа: избирательная система

Рассмотрим пример воздействия на систему с обратной связью. На протяжении многих лет существуют самонаводящиеся ракеты с инфракрасным наведением. Не вдаваясь в тонкости конструкции системы наведения, такую ракету можно считать автоматом, функцией которого является наведение на источник ИК-излучения и его последующее поражение. Одним из способов противодействия ракетам с определенным типом системы самонаведения является использование устройства, генерирующего периодические или стохастические сигналы в ИК-спектре. В предельном упрощении это устройство является мигающей лампочкой. Создавая ложные сигналы для системы сопровождения цели, устройство вмешивается в систему обратной связи автомата. Нарушение нормального функционирования петли обратной связи (вызванное сбоем ожидаемой периодичности повторения импульсов) приводит к срыву наведения.

Обратим внимание на то, что и рассмотренная (ныне устаревшая) схема самонаведения, и устройство для создания помех являются аналоговыми. В них не использовались цифровые системы, компьютеры или программное обеспечение; они являются электронно-механическими приборами. В то же время воздействие помехи является однозначно информационным, происходит внутри некоторой замкнутой управляемой системы, функционирующей по предопределенным законам. Таким образом, задача срыва наведения автомата-ракеты является задачей кибернетики (с натяжкой ее можно считать нештатным способом программирования

■ Воздушно-космическая оборона

этого автомата). Можно ли считать ситуацию, описанную в данном примере, применением кибероружия (мигающей лампочки)?

Как ни парадоксально это звучит, да. Несмотря на простоту помехопостановщика, мы имеем дело с устройством, специально предназначенным для нейтрализации технического средства противника. Это оборонительная система, действующая в пространстве решения кибернетической задачи нарушения функционирования некоторого конкретного автомата. И уже на этом примере мы можем выделить некоторые характерные черты первого типа кибероружия:

1. Воздействие на систему является информационным, отсутствует физическое вмешательство.

2. Воздействие происходит на строго определенную систему или на тип систем с эксплуатацией их уязвимостей.

3. Результатом воздействия является предсказанный и повторяемый результат.

4. Воздействие необязательно разрушительно, целью является прежде всего нарушение нормального функционирования.

Рассмотрим другой пример: использование широкополосной помехи для нарушения функционирования радиосвязи в некотором пространстве. Такое воздействие тоже является информационным и не нацелено на производство каких-либо разрушений. Возмозно, нарушение радиосвязи приведет к нарушению управления войсками противника – тогда такое воздействие можно считать воздействием на кибернетическую систему в ее высокоуровневом рассмотрении. Но и в этом случае оно будет: а– нецелевым; б– опосредованным и в– непредсказуемым по конкретно достигаемым результатам. Не выполняется признак №3: точное предсказание результата воздействия невозможно. При детальном рассмотрении можно констатировать, что нарушается также и признак №2: воздействие не имеет конкретной цели. То есть предпринимается попытка нарушить функционирование всех радиосистем, включая собственные, вне зависимости от их типа. В зависимости от используемых способов передачи информации некоторые конкретные образцы могут оказаться слабо уязвимыми для такого ненаправленного воздействия.

В этом примере мы имеем дело с оружием информационным, но не кибернетическим⁹. Оно применяется как бы наобум, в расчете на какое-то заранее неизвестное негативное воздействие с заранее неизвестными последствиями. Именно к информационному оружию следует относить вредоносное программное обеспечение (в том числе известные вирусы и черви). Хотя и в этом случае причисление их к классу оружия является спорным. Предлагаемый комплекс признаков является на первый взгляд достаточным для определения кибероружия, но в то же время противоречит уже (к несчастью) сложившейся терминологии. Действительно,

отделение информационного воздействия в пространстве решений кибернетической задачи от абстрактного информационного воздействия для неспециалиста является очень сложным.

Кроме того, в зависимости от уровня рассмотрения системы может меняться и классификация воздействия. Например, точно рассчитанное информационное воздействие может перейти в сферу кибернетики при рассмотрении последствий его влияния на более высокоуровневые схемы управления. Это относится к упомянутому выше срыву управления войсковыми структурами, нарушениям принятия стратегических решений, вопросам реакции масс и т.п. На достаточно высоком уровне рассмотрения любое информационное воздействие можно считать задачей общей кибернетики, но такое рассмотрение не имеет практической ценности. В примере со срывом наведения автомата-ракеты уже обозначено поле взаимодействия: замкнутая управляемая система, функционирующая по предопределенным законам.

Ограниченность этого поля порождает следующие уточняющие признаки кибероружия первого типа:

1. Воздействие кибероружия происходит внутри ограниченных систем.

2. Целью кибероружия являются системы и комплексы, действующие по однозначно установленным законам и алгоритмам.

С этими уточнениями комплекс признаков кибероружия приобретает необходимую сфокусированность. Обратим внимание на то, что под описанные признаки попадают не только программотехнические системы (которые принято выделять в современной практике), но и любые автоматы, функционирующие по известным законам. Казалось бы, этим мы избыточно расширяем спектр рассматриваемых систем. Тем не менее такое расширение является преднамеренным и обоснованным. Сравним два примера:

- в одном целью воздействия абстрактного кибероружия является программный комплекс управления атомным реактором, не подключенный к исполнительным устройствам, тестовый стенд;

- в другом целью воздействия является такой же комплекс, управляющий действующим реактором.

Результатом нарушения функционирования этого комплекса в первом случае будут сравнительно безобидные программные сбои. Во втором же случае результаты будут сильно варьировать в зависимости от спектра, схемы управления и способов функционирования подключенных к системе исполнительных устройств. В хорошо спроектированной отказоустойчивой системе программные сбои могут эффективно парироваться на уровне конечных управляемых автоматов, которые имеют дополнительные (например, чисто механические) подсистемы обеспечения безопасности. Поэтому для целенаправленного

воздействия при его планировании необходимо также учитывать особенности работы этих конечных автоматов, возможные способы отключения предохранительных систем, изъяны конструкции, проектирования и т.п.

Из приведенного выше сравнения следует вывод о том, что для создания кибероружия первого типа необходимо глубокое знание и понимание способов функционирования объекта воздействия (системы). Исследование уязвимостей только программного кода может оказаться недостаточным: нарушение функционирования управляющей программы необязательно приведет к фатальным сбоям. Восстановление системы при отсутствии фатальных повреждений в этом случае может быть достигнуто простой переустановкой программного обеспечения. Еще более устойчивы распределенные системы, где необходимый уровень нарушения функционирования может быть достигнут только согласованным воздействием на несколько подсистем одновременно.

Отметим еще одну особенность. Кибероружие первого типа эксплуатирует известные уязвимости системы, которые могут быть устранены ее разработчиками при наличии информации о самом факте существования такого оружия. Нет сомнений, что эти уязвимости будут устранены в обязательном порядке при зарегистрированном факте применения оружия. Таким образом, кибероружие первого типа имеет практическую ценность только в том случае, если обеспечена секретность его разработки; сокрыт факт его наличия и внезапность его применения. Иными словами, кибероружие первого типа является едва ли не одноразовым. Если факт его использования или сам факт наличия известен противнику, он приложит все усилия для ликвидации уязвимостей систем, которые являются целью этого оружия. Такая характеристика позволяет говорить о том, что кибероружие первого типа чаще всего является наступательным, ориентированным на нанесение эффективного первого удара.

Примером кибероружия первого типа является ныне широко известный компьютерный червь Stuxnet. Обратим внимание на то, что его целью являлась совершенно конкретная система с известными уязвимостями, в том числе и на уровне конечных исполнительных устройств. Воздействие крайне избирательно: червь практически безвреден для других систем, используя их только как медиатор для распространения, а точнее, как способ доставки к заданной цели. Но попробуем рассмотреть и некоторые следствия прецедента Stuxnet¹⁰. Исследование уязвимостей цели воздействия не могло не требовать глубокого знания принципов ее функционирования. Из этого следует, что создание данного конкретного образца вредоносного ПО стало возможным только благодаря масштабной разведывательной операции одновременно с нарушением основных

принципов построения системы безопасности на объекте, который стал целью воздействия. Сам же образец Stuxnet является в этом контексте лишь вершиной айсберга: специальным средством, разработанным в единичном экземпляре и использованным однократно для осуществления конкретной диверсии. Иными словами, Stuxnet следует сравнивать с заказными разработками разведывательного сообщества; это оружие никогда не предназначалось для массового использования.

Такие черты не могут быть признаны характерными для всех возможных образцов кибероружия первого типа, но их следует признать довольно типичными. Высокая стоимость разработки и предварительных НИОКР, однократность применения, беспрецедентная избирательность поражения и необходимость обеспечения секретности разработки и доставки делают подобные образцы кибероружия непрактичными для реального войскового применения. Они переходят в разряд специальных средств, арсенала спецслужб.

Кроме того, отдельные образцы (существование которых с высокой долей вероятности можно предположить, хотя оно никак не разглашается в открытых источниках) кибероружия первого типа могут быть использованы для нейтрализации критической инфраструктуры противника в целях повышения эффективности первого удара либо ослабления способностей противника противостоять ему. Фактически это те же диверсионные операции, предшествующие началу полномасштабных боевых действий. Интересно отметить, что способы массированного применения таких образцов сходны со структурой первого обезоруживающего ядерного удара, что в некоторых вариантах рассмотрения позволяет причислить такие (описанные абстрактно) разработки к стратегическим наступательным вооружениям. Однако, в отличие от СНВ, кибероружие первого типа не имеет никакого потенциала сдерживания. Практически мгновенное воздействие, отсутствие предупреждения при применении и необходимость обеспечения секретности разработки (и самого факта наличия) выводят такое оружие за рамки действующих соглашений.

Кибероружие первого типа, вероятно, едва ли окажет влияние на способы ведения боевых действий. Ниша такого оружия – диверсии, включая диверсии стратегического уровня. Для армейских формирований использование такого кибероружия непрактично: оно требует высокой квалификации персонала, излишне избирательно, не может применяться на тактическом уровне, крайне дорого во владении и в разработке. Оно войдет в арсенал спецподразделений, причем нередко это будут единичные образцы, создаваемые специально для выполнения конкретных задач. Для задач, решаемых классическими вооруженными силами, более приспособлены другие виды кибероружия.

Второй тип: адаптивные системы с внешним управлением

Выделенный выше признак № 2 характерен для несложных автономных систем. Запрограммированность действий не позволяет применять их против целей, которые значительно отличаются по структуре построения подсистем безопасности. В то же время, если мы рассматриваем модульную систему, этот признак необязательно должен выполняться. Абстрактно такой комплекс кибероружия может быть описан как информационная система, состоящая из четырех блоков: проникновения; сбора информации; связи и управления; мутации (модернизации). Схема воздействия такого кибероружия на целевую систему описывается в следующей последовательности:

1. Используя модуль проникновения, вредоносная часть оружия внедряется в систему.
2. Используя модуль связи и управления, червь предоставляет операторам дополнительную информацию.
3. Пользуясь полученной информацией, операторы выбирают оптимальные способы воздействия на эту конкретную цель.
4. Используя модуль мутации, вредоносное ПО модифицирует себя, приобретая новые свойства.

В описанной последовательности пункты 3 и 4 могут повторяться произвольное число раз. Таким образом, внутри целевой системы червь может проходить последовательную модернизацию, эффективно обходя вновь возникающие способы защиты. Описанная модульная система, очевидно, нацелена прежде всего на выполнение задач шпионажа на длительном отрезке времени. Однако принципы, использованные в ее построении, пригодны также для создания долгоживущей «закладки» в информационной системе противника. В то время как шпионский вариант такого оружия может выдать себя, как минимум, регулярно отсылаемой информацией, адаптивная «закладка» после проникновения в целевую систему может вообще не выдавать себя. Более того, пользуясь своей системой мутаций, она способна, к примеру, избавиться от ненужного уже модуля проникновения, который нередко является характерным признаком, по которому производится поиск вредоносного ПО.

Применение адаптивных систем с внешним управлением в разведывательных целях наблюдалось для червей Flame и комплекса Red October¹¹. Технология создания таких комплексов – в упрощенном или, напротив, усложненном варианте – в настоящее время совершенствуется очень активно. Однако рассмотрение разведывательных операций выходит за рамки классификации кибероружия, поэтому мы отметим в первую очередь потенциал использования технологии для создания адаптивных долгоживущих «закладок» в критических информационных системах. Добавление вредоносного кода (изначально либо в уязвимый период по не-

обходимости) позволяет нарушить функционирование критической инфраструктуры противника по команде оператора. Таким образом, разведывательная технология превращается в эффективное оружие.

Тем не менее второму типу кибероружия присущ существенный недостаток: потребность в действующем канале связи. Это не только позволяет обнаружить присутствие «закладок», но и резко снижает ценность такой системы для проведения атак на цели, изолированные от общедоступных связных каналов (например, не имеющие выхода в Интернет, что характерно для практически всех армейских систем). Поэтому перспективы использования адаптивных систем с внешним управлением в качестве кибероружия ограничены. Дополнительно его масштабное использование осложнено необходимостью иметь квалифицированных операторов.

Но при этом нельзя не отметить важное преимущество систем второго типа: сравнительно низкую стоимость разработки и владения таким оружием. В отличие от автономных систем, система с внешним управлением требует для своей разработки вложений лишь в эффективный модуль проникновения и отчасти в модуль мутаций. Дополнительные вредоносные модули могут разрабатываться и внедряться по мере необходимости. Не исключено, что целевая система позволит ограничиться сравнительно простыми решениями, что будет выявлено на стадии ее анализа. Большая часть работы по фактическому взлому и управлению перекладывается на оператора, что избавляет от необходимости создавать сложный программный код. Человек может реагировать на ситуацию более гибко, и это несомненное преимущество перед заранее запрограммированным спектром реакций. Показательно то, что кибероружие второго типа наиболее часто ассоциируется с китайскими разработками, в то время как США и другие страны Запада больше полагаются на сложные и дорогостоящие автономные системы.

Третий тип: автономная адаптивная система

Для определенных классов целей возможно создание полностью автономной адаптивной системы, которая, опираясь на базу знаний об уязвимостях целевой системы, сможет самостоятельно выбирать оптимальный вариант воздействия. Очевидно, что спектр таких вариантов будет ограничен и уровень адаптивности оружия третьего типа тоже уступает системам второго типа. Но при этом появляется важнейшее преимущество: независимость от связи с оператором. Кибероружие третьего типа уже начинает в высокой степени соответствовать требованиям к классическому оружию поля боя: не предъявляет высоких требований к квалификации оператора, сравнительно просто в применении необученным персоналом, процедура применения может быть предельно автоматизирована.

Кибероружие третьего типа, по сути, является экспертной системой, опирающейся на базу знаний об объекте воздействия, накопленную разведывательными службами классическими методами. В этом его сходство с оружием первого типа, и из этого следует, что создание кибероружия третьего типа также сопряжено со значительными затратами. От оружия второго типа третий тип наследует модульную схему построения, позволяющую комбинировать различные способы воздействия на целевую систему и при необходимости способность изменять себя в зависимости от внешних факторов. Но при этом кибероружие третьего типа является завершенным комплексом, что не позволяет использовать многостадийные алгоритмы внедрения и мутации. Из этого, в частности, следует, что кибероружие третьего типа едва ли может быть компактным, а это, в свою очередь, предьявляет определенные требования к пропускной способности канала внедрения. Кибероружие третьего типа допустимо рассматривать как «обойму» из различных систем первого типа с дополнительным модулем автоматического выбора оптимального способа воздействия.

Наилучшим образом под определение третьего типа кибероружия попадает разработка, проходящая под кодовым названием Suter¹². Это крайне продвинутая система радиоэлектронной борьбы, которая, предположительно, способна выбирать способ воздействия на системы ПВО противника без участия оператора, анализируя обстановку в реальном времени. Отметим, что описанная система не внедряется в инфраструктуру противника, то есть не является компьютерным червем, а воздействует на целевые системы в реальном времени, включаясь в механизмы обратной связи. Эта разработка засекречена, но, по косвенным данным, можно предположить наличие в ее составе сменных модулей (баз знаний), позволяющих использовать ее против различных классов целей. Накопление информации о способах воздействия, несомненно, требует значительного времени и ресурсов. Повторимся: кибероружие третьего типа является уже полноценным оружием поля боя, но крайне дорогостоящим. Его распространение и совершенствование пока остается практичным лишь в отдельных узких нишах высокотехнологичной войны, да и там еще очень ограничено. Тем не менее, по мере появления новых разработок и систематического накопления данных об уязвимостях информационных систем, используемых в военных целях, логично ожидать появления новых образцов кибероружия третьего типа в среднесрочной перспективе.

Четвертый тип: автономная самообучающаяся система

Четвертый тип кибероружия пока существует лишь как умозрительная конструкция. Абстрактно его можно описать как систему искусственного интеллекта, которая способна произвольным образом модифицировать себя для автономного проникновения в целевую систему, ее анализа

и последующего самостоятельного выбора оптимального способа воздействия, возможно вырабатываемого в реальном времени. Фактически такая абстрактная система является развитием вышеописанных второго и третьего типов, но не нуждается ни в операторе, ни в экспертной системе, поскольку способна вырабатывать решения самостоятельно.

С учетом довольно скромного прогресса в развитии систем искусственного интеллекта и высоких рисков разработки можно предположить, что в среднесрочной перспективе действующих образцов кибероружия четвертого типа создано не будет. Для разработчиков кибероружия еще довольно долго будет перспективнее совершенствовать системы третьего типа. Дополнительным сдерживающим фактором, ограничивающим разработку систем четвертого типа, является крайне узкая ниша их использования и непредсказуемое поведение автономной самообучающейся системы. В обозримом будущем не наблюдается таких задач, которые не могли бы быть решены с использованием других типов кибероружия.

Заключение

Объем статьи не позволяет подробнее рассмотреть подтипы внутри каждого из обозначенных типов кибероружия. Предложенная классификация является лишь базовой и не учитывает способов распространения, воздействия, модификаций, не рассматривает особенностей целевых систем и сред, в которых происходит воздействие. Это остается задачей для будущих исследований. Хотелось бы в то же время отметить крайне важную особенность всех без исключения типов кибероружия. Практически все созданные образцы предназначены для диверсий, обеспечения первого удара, превентивного нарушения связи и дезорганизации командования. Иными словами, мы рассматриваем оружие, являющееся наступательным, обладающее глобальной досягаемостью, практически мгновенным воздействием без какого-либо способа получить предупреждение о его применении. Такие характеристики позволяют приравнять его к стратегическим наступательным вооружениям. Но разработки и применение кибероружия никак не регламентированы международными соглашениями, что не может не вызывать обоснованных опасений. Хотелось бы верить, что такие соглашения будут выработаны раньше, чем новые образцы кибероружия будут испытаны в боевой обстановке.

Kabernik V.V. Approaches to cyber weapons classification problem.

Summary: Article focuses on the problem of classification of modern and prospective cyber weapons. Suggested complex of characteristics, based on analytical approach allows for type determination for existing and future cyber weapons. Current wider-known samples are classified and their respective niches are pointed out among different aims for cyber weapons application. Working criteria for differentiation between information warfare and practical cyber warfare is suggested for proper classification of malware, espionage toolkits, hacking tools and combat software.

■ Воздушно-космическая оборона

Ключевые слова

Безопасность, кибероружие, кибервойна, классификация, систематизация, информационная война, международные отношения, информационные технологии.

Keywords

Cyberwar, cyber weapons, international security, information technology, information warfare, classification, international relations.

Примечания

1. Amper A.M. (1834). Essai sur la philosophie des sciences. (Essay on philosophy of science.) Part II. Paris.
2. Wiener N. (1948). Cybernetics; or control and communication in the animal and the machine. New York: Wiley.
3. Понятие «обратной связи» введено А.П.Анохиным в 1935 г. для описания физиологических процессов в монографии «Проблемы центра и периферии в физиологии нервной деятельности».
4. См., например: WIENER, N., The Human Use of Human Beings: Cybernetics and Society: Houghton-Mifflin, 1950.
5. Цитируется по статье «Наука современных рабовладельцев». Наука и жизнь. Июнь 1953. С. 42.
6. Комплекс вредоносных программ, использовавшихся для осуществления шпионской деятельности на Ближнем Востоке. Подробнее см.: http://www.securelist.com/ru/blog/207764007/The_Roof_Is_on_Fire_otklyuchenie_komandnykh_serverov_Flame
7. Подробнее о классификации компьютерных атак см., например: Анализ типовых нарушений безопасности в сетях = Intrusion Signatures and Analysis. — New Riders Publishing (англ.). СПб.: Издательский дом «Вильямс» (русс.), 2001.
8. Определение дано согласно Федеральному закону РФ «Об оружии», ст.1.
9. В задачах практического радиоэлектронного подавления применяются, конечно, и более продвинутые системы. Без пристального рассмотрения принципов действия каждой из них нельзя однозначно причислить их к кибероружию. Некоторые из них могут считаться кибероружием (их будет характеризовать в первую очередь как раз высокая избирательность), в то время как многие другие средства радиоэлектронной борьбы под эту классификацию не подпадут.
10. Stuxnet—специализированный компьютерный червь, предназначенный для нарушения функционирования SCADA-систем, работающих под управлением ПО Siemens SIMATIC. Использован спецслужбами США и Израиля для нарушения функционирования иранских центров обогащения расщепляющихся материалов. Подробнее о Stuxnet см. http://www.symantec.com/content/en/us/enterprise/media/security_response/whitepapers/w32_stuxnet_dossier.pdf
11. Подробнее см., например: http://www.securelist.com/en/analysis/204792262/Red_October_Diplomatic_Cyber_Attacks_Investigation
12. David A. Fulghum, Michael A. Dornheim, and William B. Scott. Black Surprises // Aviation Week and Space Technology – 16.08.2004

Основные проблемы взаимной обусловленности взаимосвязей национального человеческого капитала, оборонно-промышленного комплекса и воздушно- космической обороны

Д.О. Салюков

Изменения, которые происходят в мире, беспрецедентны по своим масштабам и приведут к новой расстановке сил¹.

С. Лавров,
министр иностранных дел РФ

В статье дается обзор и аргументируется важность системы, состоящей из таких широких и ключевых для государства понятий, как национальный человеческий капитал (НЧК), оборонно-промышленный комплекс (ОПК) и воздушно-космическая оборона (ВКО). Анализируется взаимосвязь элементов этой системы и их безусловная необходимость для современного государства как обязательных атрибутов безопасности страны в современном мире. На примере России рассматриваются проблемы системы и влияние на нее «мягкой силы».

В современной мировой науке и политической практике выход человеческого капитала на авансцену мирового развития как решающего фактора влияния на судьбы человечества получил уже статус постулата. Если быть предельно лаконичным, то можно утверждать, что от развитости и качества национального человеческого капитала (НЧК) в конечном счете зависят:

– способность государства и нации противодействовать невоенному (экономическому, политическому, информационному, культурному) на-

силию, то есть невоенным факторам воздействия. Прежде всего, речь идет о возможностях противодействия «мягкой силе» в международных делах;

– темпы и качество экономического развития, уровень науки и технологий, структура экспорта и импорта, качество финансовой системы и т.д.;

– качество государственного и общественно-политического управления, эффективность государственных институтов, включая точность, своевременность принятия и выполнения решений (в том числе в военно-политической и военно-тех-

■ Воздушно-космическая оборона

нической областях), уровень доверия в обществе и масштабы коррупции;

– конкурентоспособность промышленности, прежде всего обрабатывающей, качество вооружений и военной техники (ВВТ) и способность своевременно и в соответствии с требованиями руководства проводить НИОКР и внедрять их в производство;

– качество руководства и личного состава Вооруженных сил РФ, его боеспособность и эффективность т.д.

НЧК и модернизация

От состояния НЧК зависит модернизация страны на современном этапе, имея в виду сложность информационного сетевого общества и его научную экономику. Можно утверждать, что в процессе национальной модернизации ключевая роль принадлежит двум важнейшим факторам:

– опережающему развитию человеческого капитала, измеряемому как количественно (демографически), так и качественно (индекс развития человеческого капитала)²;

– созданию и развитию государственных и общественных институтов НЧК, которые способны эффективно реализовывать национальный человеческий капитал³.

Важно подчеркнуть, что взаимосвязь между НЧК и обеспечением безопасности страны, ее суверенитета и способностью в обороне – не только прямая, но и самая важная. Логика взаимосвязи НЧК–ОПК–ВКО состоит в том, что ставка на военную силу в политике в любой ее форме неизбежно означает упор на военное превосходство, которое в XXI в. определяется не столько количеством ВВТ и личного состава, сколько качеством ВВТ и военнослужащих, а также лиц, принимающих военно-политические решения. В конечном счете именно качество НЧК в науке, промышленности и в вооруженных силах становится главным условием реализации силовой политики.

В настоящее время конфигурация сил в мире предопределяется соотношением (и количественным, и качественным) сил в области наступательных авиационно-космических и оборонительных ВВТ. Прежде всего, такое соотношение зависит от НЧК, сосредоточенных в соответствующих вооружениях и людях, управляющих ими. Отсюда – исключительная важность роли НЧК в ОПК. Неслучайно в январе 2013 г., отвечая на вопросы журнала *EuroNews*, 36. Бжезинский заметил: «Вы назвали Китай, Индию и Россию развивающимися странами. Если взглянуть повнимательнее, только одна из них развивается, две другие – нет. Одна борется с ностальгией по прошлому, у другой несколько преувеличенное мнение на свой счет, с учетом общей социально-экономической ситуации при большом потенциале и многообещающих перспективах. Страна, которая развивается – это Китай. И, конечно же, мы должны к нему внимательно присматриваться»⁴.

НЧК и ОПК

В третий президентский срок В.В. Путина роль оборонно-промышленного комплекса в российской экономике и внутренней политике стала приобретать очертания главной магистрали. Очевидно, что ставка на развитие оборонки видится В.В. Путину как способ модернизации всего промышленного потенциала России. Вполне возможно, что его предвыборное обещание «20 триллионов до 20-го года в ОПК» не будет выполнено, но уже сейчас реально в бюджете РФ растут оборонные расходы. По данным Минфина, бюджет по статье «Национальная оборона» в 2013 г. вырос на 25,8% по сравнению с предыдущим годом. Согласно докладу Стокгольмского международного института исследований проблем мира, уже в 2011 г. Россия вышла на третье место в мире по военным расходам и программам перевооружения. Российский военный бюджет в этом году составил 71,9 млрд долл., опередив британский (62,7 млрд долл.) и французский (62,5 млрд долл.), но в 10 раз уступив американскому и в 2 раза – китайскому⁵.

Возвращение России в тройку лидеров по расходам на оборону свидетельствует о том, что Российская армия и ОПК уже в ближайшие годы смогут реализовать самые значительные со времен распада СССР программы перевооружения. А это значит, что высококвалифицированные кадры сотен предприятий в сфере ОПК и в смежных отраслях, обновив промышленное оборудование, возглавят отечественную модернизацию. Причем здесь сохраняется полноценная возможность государственного контроля над инновационными процессами при одновременном доступе частного бизнеса в целый ряд сфер на стыке военного и гражданского производства. Кроме того, ОПК как отрасль наиболее технологична и по ряду направлений «тянет» за собой всю экономику. Наконец, ОПК, рождающий перспективный бизнес вооружений, одновременно способствует расширению круга союзников страны, что особенно важно для упрочения международных позиций России.

Военно-техническое сотрудничество (ВТС) между странами, как известно, предполагает не только куплю-продажу ВВТ, но и сервисное обслуживание, подготовку кадров и наличие высокого уровня политического доверия между странами. Все эти области НЧК, где пока что Россия находится более в выгодном, чем США, Китай и другие страны положении, в силу исторических и культурных связей, языка и истории ВТС в последнее столетие. Этот аспект ВТС нельзя недооценивать при создании Евразийской ВКО (ЕвразВКО) потому, что, по сути, он является одной из эффективных форм «мягкой силы» России на всем континенте. Причем не только по отношению к государствам-членам СНГ и ОДКБ, но и другим странам. Сегодня, например, ОАО «Концерн ПВО «Алмаз-Антей» реализует ВТС с более чем 50 странами.

Отдельная тема – возможность сотрудничества по проблеме Евразийской ВКО в Евразии и АТР,

где, с одной стороны, приходится говорить о слабости, даже утере позиций России, а с другой – о появившихся новых потенциальных возможностях. Редко говорят о том, что в основе многих глобальных процессов, например региональной интеграции, лежат военно-политические представления правящих элит о необходимой системе безопасности. Успех европейской интеграции объясняется не только и не столько экономической выгодой, сколько соображениями европейских государств о необходимости создания системы обеспечения европейской безопасности.

Понятно, что в век высокоточного оружия и систем ВКО безопасность обеспечивается, прежде всего, наличием этих средств. Но важно понимать и то, что еще эффективнее, когда эти системы создаются в рамках какой-то военно-политической коалиции. Что сегодня – приходится признать – является безусловным приоритетом США и их союзников по НАТО. Когда государства не могут (как Китай, Индия) самостоятельно создавать современные средства воздушно-космического нападения и защиты, то они вынуждены его покупать. Это относится к большинству государств, которые поставлены перед выбором приобретения таких средств у ограниченного числа государств – США, России, Франции, Германии, Израиля. Причем в комплексе средств противоракетной обороны (ПРО) – противовоздушной обороны (ПВО) такие услуги могут обеспечить сегодня только США и Россия. Даже быстрое развитие Китая, Кореи и Японии пока что не позволяет отнести их к числу государств-лидеров в этой области.

НЧК, ОПК и ВКО

Что касается ВКО России, то в связи с появлением новых поколений стратегических видов конвенционального и ядерного высокоточного оружия она становится сердцевинной всей системы безопасности страны. В этой связи можно констатировать, что основные проблемы ВКО во многом являются производными от более общих национальных проблем развития человеческого капитала и национальной модернизации. Эта зависимость – решающая. Она хорошо видна на примере формирования Военной доктрины страны, которая является продуктом размышлений, оценок и деятельности всей правящей элиты страны, а не только той ее части, которая принадлежит к Вооруженным силам России. Соответственно и концепция ВКО как производная от Военной доктрины по существу становится продуктом деятельности всей правящей элиты.

Концептуальные проблемы ВКО, таким образом, вытекают из нерешенности основополагающих национальных проблем, то есть того «доктринального вакуума», который образовался в этой сфере в конце 80-х гг. XX в. и до конца не преодолен по сегодняшний день. Действительно, прежде чем отвечать, какой НЧК, ВКО нам нужен и какие в связи с этим стоят проблемы, необходимо ответить на следующие вопросы:

– ВКО охватывает всю территорию страны и территории стран союзников, либо отдельные районы страны?

– ВКО обеспечивает безопасность союзников либо интегрируются системы ПВО СНГ?

– ВКО объединяет все системы ВВТ, ПРО, ПВО, космическую оборону (КО) и т.д. либо только их часть?

– ВКО с пространственной точки зрения отвечает за все высоты от 2 м до 300 км либо только за часть этих высот?

– Система управления ВКО интегрирована с точки зрения управления с системой управления стратегическими ядерными силами (СЯС)?

– Какие задачи в связи с этим стоят перед ОПК?

Вполне очевидно, что для ответов на эти вопросы, как и на дальнейшее реформирование ВКО, потребуется определенное время, хотя, как известно, трудно выбрать оптимальный путь движения, не имея четко сформулированной цели. Вот почему представляется, что ответ на доктринальные, общенациональные вопросы должны быть получены в максимально короткие сроки. От них в конечном счете зависит осознанность и эффективность движения.

Проблема первая. Опережающее развитие фундаментальной науки, НИОКР, культуры и образования. Совершенно необходимо отказаться от неверной концепции модернизации, основанной на заимствовании внешних технологий и признать банальную истину, которая стала бесспорной еще с начала 90-х гг. XX в., когда ООН признала в качестве ведущего фактора развития человеческий капитал. В условиях России этот приоритет дополняется национальной спецификой – геополитическими реалиями Евразии, территорией, запасами природных ресурсов, историей, духовным и культурным наследием нации. Эти факторы можно и нужно максимально использовать в качестве конкурентных преимуществ. И прежде всего образование, культуру и науку, которые в XXI в. будут определять уровень национального технологического развития и безопасности.

В последние десятилетия предпринимаются определенные усилия для исправления ситуации в научной области. Так, по оценке В.В. Путина, с 2002 по 2012 г. финансирование науки выросло с 31 млрд рублей до 328 млрд, то есть более чем в 10 раз. Рост, безусловно, впечатляющий. Но рациональнее было бы сравнивать необходимые для отечественной науки инвестиции не с уровнем 2002 г., а соотносить их с растущими темпами инвестиций в науку в ведущих странах современного мира⁶. В частности, академик Е.М. Примаков в этой связи приводит следующие данные: государственные и частные расходы на науку в США в расчете на одного исследователя составляли в 2010 г. 293 тыс. долл., в Японии – 264 тыс. долл., в Китае – 74 тыс. долл., в России – 39 тыс. долл. Примерно такая же безрадостная сравнительная картина возникает, если обратиться к инвестициям

■ Воздушно-космическая оборона

в образование. В расчете на душу населения США в 2010 г. тратили в этой сфере 3,6 тыс. долл., Япония – 1,5 тыс. долл., Бразилия – 550 долл., Россия – 400 долл.⁷.

Проблема вторая. Опережающее развитие обрабатывающих отраслей и внедрение новых технологий.

Разговоры об изменении структуры экономики страны в пользу обрабатывающих отраслей уже ведутся несколько лет, но остаются пока что только разговорами. Ни политические действия, ни экономические, ни финансовые шаги в реальности не предприняты, хотя, надо признать, на уровне деклараций приоритеты обозначены вполне конкретно. Другое дело, что очевидно отсутствие практического результата. Давно уже пора сконцентрироваться на реализации этих планов и на создании эффективных механизмов как в финансово-кредитной политике, так и на изменении реальных экономических пропорций в пользу наукоемких отраслей.

По большому счету, развитие ВКО является производным от возможностей всего ОПК и обрабатывающих, прежде всего высокотехнологических, отраслей промышленности, развитие которых, в свою очередь, предопределяется уровнем и темпами развития НЧК. «Вырвать» ОПК из этой взаимосвязи невозможно. Тем более невозможно успешно развивать отдельные отрасли, в том числе создающие ВВТ для ВКО. Сегодня же ситуация такова, что темпы развития НЧК в стране характеризуются стагнацией, что, естественно, негативно отражается на всех наукоемких отраслях промышленности⁸. При примерно 3% мирового ВВП России принадлежат только 0,3% в производстве наукоемкой продукции.

Проблема третья: эффективность и согласованность принимаемых военно-политических решений.

В области военной политики, стратегии и военного строительства, как может быть нигде еще, огромное значение имеет качество принимаемых специальных решений. Трудность в том, что для этого требуются специальные знания «на стыке» политики, международных отношений, экономики, военного искусства и военной техники. Причем недооценка какого-то одного фактора, например перспектив развития НИОКР в области космоса или неядерного высокоточного оружия, способов его использования, отражается на качестве внешней политики, дипломатии.

Для принятия качественных военно-политических решений нужен очень высокий экспертный потенциал, способный к стратегическому прогнозу, планированию и оценке текущих действий. Причем этот потенциал не может концентрироваться только в одном ведомстве, будь то Главное разведывательное управление (ГРУ) Генерального штаба, Служба внешней разведки (СВР), Академия наук либо Администрация или Аппарат Правительства. Нужен единый орган, куда

входили бы и представители министерств, и науки, и промышленности. Его рекомендации должны быть решающими аргументами как для ведения переговоров, так и для военного строительства.

Проблема четвертая: развитие национальных институтов социального потенциала.

Развитие НЧК и его институтов определяется множеством невоенных факторов: «подготовки элиты» и «развития институтов гражданского общества», «воспитания», «образования», «культуры» и «искусства». Речь идет о совершенствовании существующих, создании и развитии новых институтов НЧК – от РАН до ведомственных институтов, инженерных обществ, патриотических организаций, союзов и пр. К сожалению, когда говорят сегодня о развитии таких институтов, дискуссия и принимаемые решения сводятся только к политическим институтам и некоммерческим организациям.

На деле же ситуация должна быть иной: необходимо развивать и создавать такие институты, которые могут создавать, развивать и реализовывать НЧК. В том числе и в ОПК, и в ВКО. Пока что на протяжении десятков лет мы наблюдаем обратное: такого рода институты уничтожаются, деградируют, а новые создаются крайне редко.

Между тем главное сегодня – это стимулировать творческий потенциал нации, максимально полно его реализовать. Для этого нужны общественные организации, СМИ, фонды, финансовые и общественно-политические инструменты. Мы, очевидно, отстаем в этой области от развитых стран, где «креативный класс» производит уже основную часть прироста ВВП и является главной движущей силой развития науки, культуры, технологий.

Нередко развитие институтов социального потенциала имеет приоритетное значение. Суть проблемы заключается в том, что НЧК может быть эффективно использован только через его социальные институты, которые являются инструментами реализации НЧК⁹. В России, как известно, попытки внешнего влияния на политическую элиту встречают негативную реакцию. Тем не менее, например, в России существует организация, которая называется Московская школа политических исследований (МШПИ). С 1992 г. она занимается «гражданским просвещением региональных лидеров». Согласно отчету за 2009-й, на тот момент было проведено 1600 семинаров, в которых приняли участие более 8000 человек. Более 70 выпускников стали членами российского парламента, более 200 воспитанников школы были избраны в региональные, городские и районные органы власти. В списке влиятельных выпускников школы фигурируют несколько заместителей министров Правительства страны, несколько десятков губернаторов, вице-губернаторов, мэров городов и глав региональных законодательных собраний. Сам Джордж Сорос «впечатлен непрерывными усилиями школы по продвижению основ демократии», с гордостью сообщает на сайте организации¹⁰.

Надо отчетливо понимать, что роль таких институтов может стремительно возрастать, а их влияние становится решающим. В том числе и на военную политику. Если в обществе под влиянием чужих институтов сложится ошибочная система ценностей и представлений о национальных интересах, как это было в СССР и России в 80-е и 90-е гг. XX в., то никакие достижения ОПК и ВКО не помогут. Да их и не будет. Сначала на общественном, а затем на политическом уровне возобладают ложные идеи и концепции, которые не просто девальвируют понятие государственного суверенитета, но и разрушат основы самостоятельности такой страны в международных отношениях.

ВКО и «мягкая сила»

В последние годы очевиден рост влияния факторов «мягкой силы» (soft power) во внешней и внутренней политике государств. «Арабская весна» (а до этого – Ирак, Афганистан и Югославия) – пример того, как инструменты «мягкой силы» действовали в международных отношениях. Многие аналитики готовы преувеличивать ее влияние на мировую политику. Но нельзя забывать о том, что эффективность «мягкой силы» обеспечивается военно-политическими возможностями использования «жесткой силы» в прямой (военной) или косвенной (политической) форме. Более того, можно утверждать, что никакой эффективной «мягкой силы» не было бы вообще, если бы она не подкреплялась политическими, дипломатическими и военными возможностями государства (речь не идет, конечно, о большинстве государств, для которых нормальное информационно-культурное влияние не превращается в культурно-информационно-силовое).

Взаимосвязь между «мягкой силой» и другими силовыми инструментами внешней политики очень тесная, но далеко не всегда очевидная. Так, принятие Конгрессом США «закона Магнитского» было своего рода не только ответом США на активизацию внешней политики России, но и попыткой мобилизации общественного мнения страны в поддержку новых военно-экономических программ, в том числе в области СЯС и ПРО. Одновременно это также жест поддержки российской оппозиции, которая всегда выступает против увеличения оборонных расходов страны вообще и на ВКО в частности¹¹. В этом контексте отчетливо видны следы информационно-психологической войны против России с сильным привкусом русофобии, которую нередко «не замечают» отечественные либералы. Это позволяет им, например, легко возвращаться к излюбленной теме «милитаризации России, проводимой режимом В.В. Путина». Еще более неприятно, справедливо отмечает В. Юртаев, что многие талантливые соотечественники добровольно становятся проводниками русофобии на своей же Родине¹², противопоставляют творческую часть нации (ее НЧК) «консервативной».

Сказанное имеет прямое отношение к ВКО, ибо создание сильных позиций (а тем более превосходства) дает возможность эффективного использования Россией «мягкой силы», а когда этого становится недостаточно, то и политического давления и, наконец, прямого применения военной силы. Логическая цепочка такова: использование «мягкой силы» предпочтительно, но, когда этого недостаточно, наступает очередь давления (которое тем эффективнее, чем эффективнее военная сила) и наконец – использование военной силы.

Эта последняя форма «влияния» – «жесткая сила» (hard power) – сегодня во многом превратилась в применение высокоточных воздушно-космических средств ведения военных действий. Пример – проведенная Израилем военная операция «Облачный столб» и «Железный купол» в ноябре 2012 г. Она характерна как сценарий возможной будущей войны, где основные средства нападения и защиты – высокоточные неядерные вооружения.

Влияние этих, казалось бы, косвенных факторов НЧК и «мягкой силы» нельзя недооценивать. Ибо именно они формируют политический контекст развития ОПК, определяют степень и характер внешней угрозы и варианты ее нейтрализации. Так, во многом именно благодаря сознательному воздействию «рыночной идеологии» на протяжении многих лет в России разваливались фундаментальная наука и образование страны. Особенно разрушительной такая политика оказалась для гуманитарной области, в которой формируются идеи, образы, концепты и представления. Как признают ведущие российские ученые и специалисты в области образования, «из сферы общественного сознания постепенно, но последовательно вытесняется представление о культурообразующей роли гуманитарного знания»¹³. Неслучайно, например, что в 2012 г. на гуманитарные науки было выделено только 10% всех грантовых средств Минобрнауки РФ.

Такое отношение, естественно, не могло не сказаться на общем уровне гуманитарных знаний, включая военную науку и связанные с ней дисциплины. По сути дела, была разрушена система подготовки и обоснования военно-политических решений, что, конечно, не могло не отразиться на их качестве. Не только институты РАН и Министерства обороны, но и государственные университеты свернули подготовку кадров и исследования по этой тематике. Соответственно и уровень дискуссий в СМИ упал до предельно низкой отметки, когда «экспертами» стали выступать лица, не компетентные в военно-политической проблематике.

Между тем информационные возможности воздействия на аудиторию у США и их союзников постоянно возрастали. В особенности с появлением и распространением электронных СМИ и Интернета. Сегодня около 44% всех интернет-пользователей мира приходится на Азию, в Европе проживали порядка 23% пользователей, в США – 13%, а каждый десятый интернет-пользователь был жителем Латинской Америки. Сегодня в

■ Воздушно-космическая оборона

мире насчитывается свыше четырех миллиардов цифровых телекоммуникационных устройств, к которым подключено более 1,6 млрд пользователей. В этих условиях с Интернетом объективно связывается, с одной стороны, формирование и диверсификация многих социальных процессов. С другой стороны, особую актуальность приобретает собственно регулирование отношений в области Интернета, против чего категорически выступают США¹⁴.

Как следствие, общественное мнение в России оказалось чрезвычайно уязвимым не только для дезинформации и прямого обмана, но и в итоге для принятия военно-политических решений. Тезисы о России, как «Верхней Вольте с ракетами», «Континентальной державе, которой не нужен ВМФ», готовности «допустить расширение НАТО до Москвы» и т.д. не просто прочно вошли в обиход СМИ, но и часто звучали с трибун Государственной Думы, Совета Федерации, Правительства. Здесь справедливо звучат слова известного французского эксперта, профессора, генерала в отставке Жана-Бернара Пинателя: «Опытные политологи, которые основываются в своих размышлениях исключительно на фактах, избавляясь от идеологических установок и предвзятого отношения, могут предвидеть значительные изменения в системе международных отношений еще задолго до того, как они проявятся на деле»¹⁵. И наоборот. Идеологизированные либеральные политологи формировали (и, к сожалению, продолжают формировать) общественное мнение в России сознательно, не основываясь на фактах. Влияние этого мнения сказалось и на высшем политическом руководстве страны, которое многие годы проводило разрушительную внешнюю и военную политику, издержки и влияние которой ощущаются и сегодня.

Заключение

Таким образом, развитие ОПК и ВКО невозможно выделить из общего потока формирования НЧК и его институтов, а также взаимосвязанности этих процессов как в мире в целом, так и в России. Влияние развития НЧК в отдельных государствах, безусловно, сказывается на их ОПК и военно-техническом сотрудничестве. В послевоенные годы, например, когда усилия СССР были сконцентрированы на реализации двух суперпроектов – создании носителей ядерных боезарядов (С.П. Королев) и производстве ядерных боеприпасов (И.С. Курчатов), – казалось возможным вычленив ОПК из всего комплекса НЧК, но сегодня такая автономность ОПК уже невозможна – слишком сильно воздействие НЧК, определяемое в том числе и сугубо «гражданскими» факторами. Тем более если речь идет об интеграционных – политических и военных – процессах и военно-техническом сотрудничестве. Это же означает, что успешное развитие ВТС, в частности, в области ВКО возможно только при наличии программ развития НЧК и его институтов.

Между тем в мире идут не только процессы глобализации, но и обостряются региональные конфликты, численность и интенсивность которых уже превышает показатели XX в. Существует несколько тенденций, которые ведут к нарастанию военно-политического противоборства в Евразии. Эксперты по-разному их оценивают, не отрицая, однако, их общей направленности. Так, ряд экспертов Совета по внешней и оборонной политике (СВОП) отмечали в декабре 2012 г.: «...это и общий курс на ренационализацию международных отношений, дестабилизация огромных регионов мира, в первую очередь «расширенного Ближнего Востока», обострение борьбы за ресурсы и территории, углубление вакуума безопасности от Ближнего и Среднего Востока до Восточной Азии. Усугубление соперничества в этих регионах, вероятно, приведет к росту там конфликтности. Большая война или серия войн на Ближнем Востоке более чем возможны.

Медленно, но верно милитаризируется соперничество между двумя ведущими державами мира – США и КНР. Слабость Северной Кореи, которая рассматривает ядерное оружие в качестве единственного средства самозащиты, повышает опасность конфликта вокруг нее. Во все более сложной ситуации Япония, где по вполне понятным причинам все громче звучат голоса сторонников обретения ядерного статуса.

Наконец, опровергается и тезис о том, что с помощью применения вооруженных сил невозможно добиться политических целей. Хотя кампании в Ираке и Афганистане закончились поражениями инициаторов вторжений, в Югославии и Ливии Запад добился желаемого.

В наибольшей степени на ренессанс военной силы работает общая дестабилизация международных отношений, прогрессирующее ослабление институтов международного, надгосударственного управления, эрозия международного права, постановка под вопрос принципа суверенитета и территориальной целостности»¹⁶.

В этой связи обращает на себя внимание мысль Ж.-Б. Пинателя, чье авторитетное мнение, безусловно, заслуживает внимания: «...позиция Вашингтона в отношении России объясняется стратегическими представлениями американцев, основанными на геополитической теории. Как рассуждали создатели этого учения, поддержание напряженности с Москвой делает невозможным создание стратегического альянса между Европой и Россией. Подобная связка поставила бы под угрозу игру в «противника-партнера» с Китаем, став сама стратегическим игроком, обладающим равной, а то и превосходящей мощью»¹⁷.

Сотрудничество в области ВКО, безусловно, сможет стать политической и военно-технической основой не только для развития ВТС России в Азии, но и мощным толчком для экономического сотрудничества со странами региона, которое, в свою очередь, может привести к ускорению развития восточных регионов России. Причем не только к созданию транспортных коридоров и освоения сы-

рьевых ресурсов, но и новой волне научно-технического сотрудничества и новой индустриализации восточных регионов страны. Это объективно будет противодействовать политике США по отношению к Китаю, которая ведет к созданию «двухполюсного» мира и разделу Евразии между этими странами. «Китай стал основным «противником-партнером» США, – отмечает Пинатель. – Роль же России в восприятии американских стратегов ограничивается положением регионального возмутителя спокойствия, оправдывающего существование НАТО»¹⁸.

С точки зрения военно-стратегической США считают, что проблема безопасности в АТР становится для них задачей номер один. Новая американская стратегия исходит из необходимости продолжения наращивания в этом регионе военных расходов (с 2000 по 2011 г. они выросли с 300 млрд долл. до 700 млрд долл.), но оптимизирует их в зависимости от приоритетов. Прежде всего в области ВКО. По оценке экспертов МГИМО(У), «предполагается сосредоточение усилий на кибервойне и использовании беспилотных

летательных аппаратов (БЛА). США сократят свой ядерный арсенал, а также пересмотрят свою роль в стратегии обороны в целом», сделают его более эффективным и «используемым» инструментом внешней политики. В этих условиях создание ЕвразВКО становится объективно необходимым не только для государств-членов СНГ и ОДКБ, но и других евразийских государств.

Salyukov D.O. The main problems of interrelations' mutual conditionality of the national human capital, defense industry complex and aerospace defense.

Summary: The article gives the review and highlights the importance of the system consisting of such broad and key concepts for the government, as the national human capital, defense industry complex and aerospace defense. The article also gives the analysis of the correlation of elements of this system and their unconditional necessity in the modern state as obligatory attributes of safety of the country in the modern world. The problems of the system and the influence of "soft forces" are exemplified by the current situation in the Russia Federation.

Ключевые слова

воздушно-космическая оборона, национальный человеческий капитал, оборонно-промышленный комплекс, «мягкая сила», модернизация.

Keywords

aerospace defense, national human capital, defense industry complex, "soft power", modernization.

Примечания

1. Лавров С.В. Пресс-конференция, посвященная итогам 2012 года. Цит. по: Эл. ресурс «Военное обозрение». 2013. 23 января / <http://topwar.ru>
2. Подберезкин А.И. Роль национального человеческого капитала в период «фазового перехода» человечества. Т. I. Кн. 2. Национальный человеческий капитал. М.: МГИМО(У), 2012.
3. Подберезкин А.И. Креативный класс и идеология русского социализма. Т. 3. Кн. 3. Национальный человеческий капитал. М.: МГИМО(У), 2011.
4. Бжезинский Ж. Россия не развивается, Путин неэффективен. 21 января 2013 / <https://mail.google.com/mail/u/0/?shva=1#inbox>
5. Караваев А.В. Оборонная Россия: станут ли мечты реальностью? // Независимая газета. 29.01.2013.
6. Александров И. 328 миллиардов на науку // Российская газета. 2012. 1 ноября. С. 3.
7. Примаков Е.М. Россия-2012: вызовы и проблемы // Независимая газета. 16.01.2013.
8. Куликов С. Экономика России катится к стагнации // Независимая газета. 2012. 1 ноября. С. 4.
9. См. подробнее: Подберезкин А.И. Социальные институты реализации НЧК / Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал. М.: МГИМО(У), 2011. Т. 3. Кн. 2.
10. Чайковский А. НАТО уже в Ульяновске? / В кн.: НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 123.
11. Крашенинникова В. Двойной удар по России // Российская газета. 2012. 11 декабря. С. 8.
12. Юртаев В. Об уникальной живучести русофобии / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2013. 23 января / <http://topwar.ru>
13. Савицкая Н. Роковая ошибка министерства // Независимая газета. 2012. 4 декабря. С. 8.
14. Касенова М. Глобальное управление Интернетом в контексте современного международного права. Индекс безопасности. 2013. Весна. № 1 (104). Т. 19. С. 43.
15. Пинатель Ж.-Б. Россия – Европа: жизненно важный союз / перев. с франц. Д.Х. Халиллуллиной. М.: Книжный клуб 36.6, 2012. С.21.
16. Россия в мире силы XXI века – силы денег, оружия, идей, образов / Тезисы к конференции СВОП. 1–2 декабря 2012 г. С. 5.
17. Пинатель Ж.-Б. Указ. раб. С. 113–114.
18. Там же. С. 98.
19. Чайковский М.М., Казанцев А.А. Сравнение военных потенциалов США, КНР и некоторых стран АТР. Аналитическая записка. М.: МГИМО(У), 2012. Май. С. 22.

Сталинградская битва и проблема второго фронта

В.О. Печатнов

На основе малоизвестных документов британских и американских архивов в статье рассматривается влияние событий на советско-германском фронте во второй половине 1942 г. на военно-политические планы западных союзников в отношении открытия второго фронта. Показывается, как в результате разгрома немецких войск под Сталинградом произошёл радикальный поворот англо-американских военно-стратегических и разведывательных оценок соотношения сил на советско-германском фронте и перспектив дальнейшего хода войны.

Проблема второго фронта – одна из наиболее разработанных в отечественной и зарубежной литературе по дипломатической истории Второй мировой войны. Тем не менее и здесь есть некоторые лакуны, образовавшиеся в результате, с одной стороны, недостаточного знакомства российских исследователей с документами англо-американских архивов, а с другой – вследствие невольного замалчивания «неудобных» из них нашими западными коллегами, которые тяготеют к более приукрашенной версии дипломатической борьбы по этому вопросу. Настоящая статья призвана хотя бы отчасти восполнить один из таких пробелов на примере анализа влияния Сталинградской битвы на военно-политические планы союзников.

27 сентября 1942 г., когда ожесточенные бои шли уже на окраинах Сталинграда, в Кремле состоялся обед в честь важного американского гостя – лидера Республиканской партии Уэнделла Уилки. Один из спутников Уилки предложил тост за «безымянного рядового русского солдата, к которому сейчас прикованы глаза всего мира». Сталин добавил, что «русский рядовой солдат решает сейчас судьбу мира»¹. В личной беседе с Уилки он прямо сказал, что немцы «могут взять Сталинград»². Сталин, записав в своем отчете об этой беседе Уилки, «не делал никаких прогнозов

насчет способности России выстоять и со всей определенностью говорил о том, что ни любовь к Родине, ни храбрость солдат сами по себе не могут спасти Отечества, ибо исход сражений определяется числом, умением и техникой»³. Так что же решалось под Сталинградом не только для нашей страны, но и для всего мира? Для ответа на этот вопрос полезно сравнить огромные военные и политические последствия победы под Сталинградом (которые хорошо известны) с вероятными последствиями противоположного исхода великой битвы (о которых, как и о всяком несостоявшемся в истории, практически не говорится).

Здесь мы вступаем в область альтернативной истории. Неизвестно, были ли у советского командования планы на случай поражения под Сталинградом, но у американского командования, привыкшего просчитывать все варианты, такие планы, как показывают документы военных архивов США, были. Еще в конце июня президент Рузвельт и его главный помощник Гарри Гопкинс начали обсуждать вариант поражения СССР в ходе развернувшегося стратегического наступления вермахта. Материалы этого обсуждения не сохранились, но, возможно, именно оно дало толчок проработке этого вопроса военными, которые к началу августа подготовили для Комитета начальников штабов специальное исследование под названием

Печатнов Владимир Олегович – д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

«Стратегическая политика Объединенных Наций и Соединенных Штатов в случае разгрома России» (КНШ-85).

В нем рассматривался вариант разгрома или «критического ослабления» Красной армии. Под «критическим ослаблением» понимался развал Восточного фронта и высвобождение хотя бы половины сил вермахта на этом фронте. Любой из этих сценариев, делался вывод, приведет к фатальному геополитическому сдвигу в соотношении сил противоборствующих сторон – «падение России станет катастрофой», которая поставит США в «отчаянное положение». Континентальная Европа будет полностью потеряна для союзников, поскольку ликвидация советско-германского фронта исключит возможность открытия там второго фронта. Единственное, на что тогда могут надеяться союзники – это удержание Британских островов, но и там ожидалось резкое усиление прогерманских настроений в правящих кругах страны, падение кабинета Черчилля и возможное заключение сепаратного мира с Германией. Подчинив себе природные и экономические ресурсы СССР, последняя станет практически непобедимой в прямом военном противоборстве.

Крах СССР прогнозировалось в КНШ-85, отзовется по всему миру:

- движение Сопротивления сойдет на нет;
- Британская империя развалится (за исключением Канады, Австралии и Новой Зеландии);
- в Латинской Америке и на Ближнем Востоке поднимутся прогерманские настроения;
- соединение германских и японских армий на Ближнем Востоке (главный кошмар англо-американских планировщиков) отрежет союзников от нефтяных ресурсов региона;
- США окажутся запертыми в Западном полушарии и перейдут к глухой обороне.

В свете столь мрачных перспектив в докладе даже рассматривалась возможность заключения сепаратного мира с Германией или с обеими ведущими странами «оси». Однако такой вариант был отвергнут, поскольку в таком случае «Соединенные Штаты утратили бы свое положение ведущей державы и в дальнейшем оказались бы перед странами «оси» без союзников». Столь радикальная геополитическая изоляция США, подчеркивалось в докладе, окажет пагубное психологическое воздействие на американское общество. Поэтому для противодействия изоляционистским и пораженческим настроениям Объединенный комитет по психологической войне предлагал заранее подготовить комплекс мер, с тем чтобы «смягчить воздействие подобных испытаний на американскую общественность и подготовить ее к возможности такого поворота в ходе войны»⁴. Думается, что такой сценарий геополитических последствий развала советско-германского фронта был вполне реалистичен, тем более, что американские планировщики не были склонны вообще преувеличивать значение советско-германского фронта и роль СССР в войне. Доклад

был одобрен на заседании КНШ 8 сентября 1942 г. Но так как его члены комитета констатировали, что «крах России еще не представляется неминуемым», было решено положить его на полку, сохранив в тайне даже от ближайших союзников – англичан⁵.

У тех, впрочем, были свои, несколько более оптимистичные прогнозы развития ситуации на советско-германском фронте, но и они не исключали вероятности поражения Красной армии. «Мы считаем, что решительный успех одной из сторон вряд ли будет достигнут к августу, – говорилось в июньском докладе Объединенного комитета по разведке при Комитете начальников штабов (КНШ) под названием «Возможное развитие русской кампании и его последствия», – однако между августом и октябрём события могут достичь своей кульминации. Обе стороны понесут огромные потери... Германское Верховное главнокомандование к тому времени может оказаться перед выбором: ввести в бой свои последние резервы – даже ценой опасного оголения оккупированных стран в надежде добиться полного разгрома России до наступления зимы, или сохранить свои резервы для отражения растущей англо-американской угрозы на Западе. Грань между успехом и провалом может оказаться очень тонкой, и даже незначительные факторы могут определить, какой из двух противников рухнет первым». Руководство КНШ в целом согласилось с этой оценкой, но отметило ее «слишком радужный для России характер»⁶.

Возникает законный вопрос: почему при таких предельно высоких ставках судьбы советско-германского фронта летом–осенью 1942 г. западные союзники не предприняли более активных усилий, чтобы помочь предотвратить возможную катастрофу? Ведь и в упомянутом докладе британской разведки признавалось, что одним из факторов исхода летнего наступления вермахта будет то, «в какой степени немцам придется отвлекать силы (с восточного фронта. – В.П.) для отражения угрозы англо-американского наступления на Западе»⁷.

В мае Рузвельт и Черчилль на переговорах с Молотовым, как известно, пообещали (хотя и с оговорками со стороны Черчилля) открыть второй фронт в Европе (операция «Раундап»). Однако в июле на англо-американском совещании в Лондоне англичане решительно настаивали на отказе от этого плана и даже от операции «Кувалда» – высадки 6-10 дивизий на севере Франции осенью 1942 г. с целью отвлекать хотя бы часть сил вермахта с Восточного фронта. В полемике с англичанами и в отчете для Рузвельта делегация США продолжала отстаивать свою позицию. «Россия – важнейший на данном этапе фактор войны, и поэтому наши расчеты должны строиться в зависимости от исхода нынешней кампании в России, – говорилось в этом отчете. – Поражение русских армий заставит провести полный пересмотр союзной стратегии. Оно практически ликвидирует всякую возможность разгрома Германии в прямом столкновении и отбросит союзников к перманентной обороне по всей Европе».

■ История

В случае стабилизации советско-германского фронта операция «Кувалда», считали американские военные, получит хорошие шансы на успех – удержание плацдарма в Нормандии до большого вторжения в 1943 г. и отвлечение дополнительных германских сил с Восточного фронта. В случае же непосредственной угрозы поражения Красной армии риск принесения в жертву нескольких дивизий будет все равно оправданным по сравнению с гораздо большим риском. «На нас ляжет вина за огромный военный просчет, – предупреждали они президента, – если мы позволим Германии ликвидировать восьмимиллионную союзную армию в то время, когда удары с нашей стороны могли бы спасти ситуацию»⁸. Но верх взяла британская позиция, к которой присоединился и Рузвельт. Вместо «Кувалды» на осень того же года планировалась высадка союзников в Северной Африке – операция «Гимнаст» (переименованная в «Факел»). Командование США в своих внутренних оценках считало эту операцию чем-то вроде «булавочного укола», который «будет лишь распылять силы союзников, откладывая большое вторжение на европейский континент, и в то же время не окажет реальной помощи Советскому Союзу». Отмечалось, что даже в случае успеха эта операция «вероятно, не приведет к переброске с русского фронта ни единого немецкого солдата, танка или самолета»⁹.

Черчилль, который успокаивал Рузвельта тем, что «Факел» – это и «есть настоящий второй фронт в 1942 г.»¹⁰, в своем кругу тоже признавал, что эта операция никак не может заменить обещанного второго фронта: «Факел» – это только 13 дивизий, тогда как мы готовились двинуть против врага в 1943 г. 48 дивизий, – писал он руководству Генштаба 18 ноября 1942 г. – Мы дали понять Сталину, что в 1943 г. будет большое вторжение на континент, а теперь планируем использовать на 35 дивизий меньше, чем предполагали в апреле–июле, или немногим больше одной четверти. Нет смысла закрывать на это глаза или воображать, что эта разница не будет замечена»¹¹.

«Факел» не только не оказывал немедленной помощи Красной армии, но и создавал для нее дополнительные проблемы, хотя успех союзников в Северной Африке напрямую зависел от продолжения советского сопротивления. Из-за потребностей «Факела» были сокращены поставки в СССР по ленд-лизу. В июле к этому добавилось решение Лондона отменить 18-й северный конвой из-за больших потерь, понесенных предыдущим конвоем (печально известным PQ17). В сентябре, со следующего, 19-го каравана, без согласования с советской стороной была снята крупная партия истребителей «Аэрокобра», предназначенных для Сталинградского фронта, но затребованных американским командованием для нужд «Факела». Это вызвало понятное возмущение в Кремле с учетом отчаянной нужды именно в таких машинах.

20 сентября в телеграмме советскому послу в Лондоне И.М. Майскому Сталин писал: «Поведение англичан в вопросе об «Аэрокобрах» я считаю верхом

наглости. Англичане не имели никакого права переадресовывать наш груз на свой счет без нашего согласия. Ссылка англичан на то, что переадресовка произошла по распоряжению Америки, является иезуитством. Нетрудно понять, что Америка действовала по просьбе англичан»¹². Черчилль задним числом объяснил Сталину происхождение этого решения, но, судя по всему, тот так и не поверил в непричастность англичан. В Москве эти решения союзников были восприняты как двойной отказ – от снабжения СССР военными материалами по северному пути и от организации второго фронта в 1942 г. «Таким образом, – суммировал в телеграмме в НКВД смысл происходящего Майский, – в самый критический для нас момент мы оказались, по существу, брошенными на произвол судьбы нашими союзниками». Посол называл две основные причины бездействия союзников: «желание видеть взаимное истощение Германии и СССР» и «страх англо-американской верхушки перед военной мощью Германии»¹³.

Майский рекомендовал Сталину «крепко поставить перед Черчиллем вопрос о конвоях и втором фронте, подчеркнув, что наш народ не понимает пассивности Англии в такой грозный для нас час и что если второго фронта в 1942 г. не будет, то война может быть проиграна, или, как минимум, СССР настолько ослабнет, что в дальнейшем не сможет принимать особо активного участия в борьбе». Иными словами, Майский предлагал встряхнуть союзников предостережением о тех же двух вариантах «падения России», о которых шла речь в КНШ-85. Рекомендация посла была принята, хотя ответное послание Сталина, по мнению Майского, оказалось «несколько мягче, чем я предлагал»¹⁴, поскольку хозяин Кремля не стал угрожать союзникам своим поражением.

В послании говорилось: «... я никак не мог предположить, что Правительство Великобритании откажет нам в подвозе военных материалов именно теперь, когда Советский Союз особенно нуждается в подвозе военных материалов в момент серьезного напряжения на советско-германском фронте. ... Что касается вопроса об организации второго фронта в Европе, то я боюсь, что этот вопрос начинает принимать несерьезный характер. Исходя из создавшегося положения на советско-германском фронте, я должен заявить самым категорическим образом, что Советское Правительство не может примириться с откладыванием организации второго фронта в Европе на 1943 г.»¹⁵.

Текст этого послания Сталина был передан для сведения и послу СССР в США М.М. Литвинову в Вашингтон. В ответной телеграмме Молотову посол рекомендовал довести это послание и до Рузвельта для острастки обоих союзников: «Мне кажется, что без намека на угрозу не раскатать Черчилля и военщину. Американцы и англичане считают идеальным такое положение, когда немцы будут нас бить и оттеснять, лишь бы существовал где бы то ни было, хотя бы в Западной Сибири, какой-то фронт, приковывающий германские силы до тех пор, пока они через год или два, добившись значительного превосходства в

авиации, не смогут начать наступательные действия. Мы должны быть ослаблены настолько, чтобы не говорить слишком громко при заключении мира. Я поэтому в качестве следующего шага прямо пригрозил бы последствиями нынешней англо-американской стратегии и возложил бы на них ответственность за эти последствия»¹⁶.

Что и говорить, ветеран советской дипломатии хорошо ухватил главный смысл стратегии союзников, для которой действительно было важно не столько местоположение советско-германского фронта, сколько само его существование. Еще в июле 1941 г. Черчилль писал своему военно-морскому командованию: «Выгоды, которые мы получим, если Россия сможет удержаться и продолжать войну, по крайней мере, до наступления зимы, неисчислимы. ... Покуда они сражаются, не так уж важно, где проходит линия фронта»¹⁷.

Рекомендация Литвинова пойти еще дальше по пути угрожающих предупреждений в адрес Лондона и Вашингтона, по сути, вторила совету Майского. Любопытно, что в те же дни похожее предложение сделал и Гопкинс в разговоре с Майским 22 июля. Советский посол описывал это следующим образом: «Гопкинс в порядке «мыслей вслух» стал задавать такой вопрос: «Не следовало ли бы т. Сталину как раз сейчас, во время лондонских совещаний, отправить Рузвельту строго личное послание, характеризуя опасность создавшегося положения и подчеркивая важность немедленного создания второго фронта». Однако, когда я прямо спросил Гопкинса, надо ли понимать его слова в том смысле, что он считает отправку подобного послания желательным, Гопкинс развел руками и ответил: «И сам не знаю». Несмотря на всю эту игру, было видно, что Гопкинс считает отправку подобного послания желательным»¹⁸. Вполне возможно, что тем самым Гопкинс с помощью Сталина хотел подтолкнуть своего колеблющегося шефа к более активной поддержке операции «Кувалда». Ведь именно 22 июля англо-американские военные переговоры в Лондоне зашли в тупик из-за отказа англичан от этой операции. Однако Сталин не последовал советам Литвинова и Гопкинса, ограничившись выговором одному Черчиллю, в котором он не без основания видел главного виновника проволочек со вторым фронтом.

Но вернемся к мотивам западных союзников. Причины их пассивности в прямой схватке с вермахтом на том этапе войны в целом весьма очевидны. Сил, достаточных для массированного вторжения на европейский континент в 1942 г., у них еще не было. «Кувалда» вряд ли привела бы к отвлечению существенных немецких сил с Восточного фронта, хотя могла бы создать проблемы для вермахта в более долгосрочном плане. К тому же основная тяжесть этой операции падала на англичан, которые были категорически против такого самопожертвования и следовали своей стратегии изматывания противника путем бомбардировок и ударов по слабым местам, прежде всего – пресловутому «мягкому подбрюшью» стран «оси» в Средиземноморье.

Основы этой стратегии Великобритании были заложены еще в июле 1941 г. В докладе КНШ «Общая стратегия» говорилось: «Германская армия настолько сильна, что даже, если русские смогут удержать Восточный фронт, она будет в состоянии встретить нас на западе такими силами, которые при нынешнем состоянии немецкой боеготовности и морального духа мы не сможем одолеть. Сначала мы должны разрушить основания, на которых держится эта военная машина – снабжающую ее экономику, поддерживающий ее моральный дух, поставки, которые ее питают, и надежды на победу, которые ее вдохновляют. Только после этого мы сможем вернуться на континент, оккупировать и взять под контроль территорию противника и навязать ему свою волю»¹⁹. В дальнейшем британское командование во главе с Черчиллем неуклонно следовало этой стратегии.

Рузвельт стремился избежать англо-американского раскола по вопросам «большой стратегии» и не мог не считаться с позицией англичан. Однако в этих вопросах он позволял Черчиллю «вести себя на буксире» (по выражению Литвинова)²⁰ еще и потому, что и сам стремился избежать больших потерь, связанных со вторым фронтом. Такие потери в наземных операциях без гарантии их полного успеха были чреваты большими внутривнутриполитическими осложнениями и грозили подорвать ту сравнительно щадящую модель военной мобилизации, которая лежала в основе подхода администрации к ведению войны. Согласно планам военного производства («Программа победы»), скорректированным в начале 1942 г., уже в том году Америка должна была произвести 45 тыс. самолетов, 45 тыс. танков и 20 тыс. зенитных орудий.

Только после этого планировалось массированное вступление США в боевые действия на главном – Европейском театре. «В таком случае, – подчеркивалось в «Общей стратегической концепции» армейских планировщиков, – не потребуются нарушать экономическую жизнь нашей страны путем резкого вывода рабочей силы из промышленности, транспорта, сельского хозяйства и т.п. Вместо этого мы сосредоточим главные усилия на создании военно-воздушных, военно-морских и десантных сил, которые не потребуют немедленной мобилизации огромного количества людей»²¹. Вместо 215 дивизий, намеченных американским командованием в «Программе Победы» как необходимого уровня для разгрома Германии, США в итоге обошлись менее чем сотней дивизий.

В тотальной мобилизации не было необходимости, покуда (как писал Рузвельт Черчиллю в 1942 г.) «русские убивают больше немцев и уничтожают больше военной техники, чем мы с вами, вместе взятые»²². Неслучайно, советник посольства СССР в США А.А. Громыко в своем письме в НКВД о позиции Белого дома по второму фронту (август 1942 г.) отмечал, что Рузвельт «не проявляет решительности» в этом вопросе и что «заставить американцев начать вести практическую немедленную подготовку к открытию второго фронта можно было бы,

■ История

пожалуй, только в том случае, если бы англичане заняли решительную линию на открытие второго фронта в ближайшее же время»²³.

Что касается угрозы краха советско-германского фронта осенью 1942 г., то чутье подсказывало и Рузвельту, и Черчиллю, что Советский Союз выстоит. Этот психологический момент несколько недооценивается историками, хотя именно «настрой дня», тогдашнее восприятие текущего момента лидерами во многом определяли характер принимавшихся ими решений. «Я твердо уверен, что Россия продержится эту зиму», – писал президент премьеру в октябре²⁴. Черчилль еще в августе в ходе бесед со Сталиным (как он потом рассказывал Майскому) «не видел и не слышал ни одного слова, ни одного жеста, ни одного даже самого отдаленного намека на то, что Россия может не выдержать и выйти из войны. Железная сила и полная непримиримость к Германии».

Визит в Москву, писал Майский Сталину, еще больше укрепил веру Черчилля в то, что «СССР даже в самом худшем случае как-то «выдюжит», что спина у СССР крепкая»²⁵. Недаром Майский называл это веру «подосновой» всей политики Черчилля. (Такая непримиримость Кремля делал маловероятным еще один кошмарный для союзников сценарий – сепаратный мир между СССР и Германией наподобие Брестского мира 1919 г.). В сентябре Черчилль пришел к выводу, что «кампания Гитлера против России 1942 г. станет для него большим разочарованием»²⁶, а в ноябре поставил под вопрос предположение Генштаба о возможном «выходе России из войны»: «Какие есть основания полагать, что Россия выходит из войны?» сердито заметил он, добавив, что «военные эксперты Великобритании и Соединенных Штатов всегда ошибаются в отношении России»²⁷. Неудивительно, что для западных союзников риск собственных больших потерь представлялся более серьезным, чем пока еще гипотетический крах советско-германского фронта.

В этом понятном эгоизме, усиленном естественным для демократии стремлением к сбережению своего народа, в Москве видели нечто худшее: через призму повышенной идеологической подозрительности он воспринимался как сознательный курс на истощение и ослабление Советского Союза. Даже «западники» Майский и Литвинов, как показано, не были исключением из этого правила. Что уж говорить о Сталине, который в октябре 1942-го телеграфировал Майскому: «У нас у всех в Москве создается впечатление, что Черчилль держит курс на поражение СССР, чтобы потом сговориться с Германией Гитлера или Брюнинга за счет нашей страны»²⁸. Майский осмелился не согласиться с вождем, доказывая, что поражение СССР не в интересах Великобритании, хотя объективно оно может стать следствием ее политики. Сталин частично согласился с анализом искушенного дипломата, хотя остался при своем мнении о лицемерии британского лидера: «Черчилль принадлежит, видимо, к числу тех деятелей, которые легко

дают обещание, чтобы также легко забыть о нем или даже грубо нарушить его... Что же, впредь будем знать, с какими союзниками имеем дело»²⁹.

Сталин регулярно информировал союзников о положении под Сталинградом, причем часто делал это самолично, не доверяя своему главному соавтору по переписке Молотову. Так, например, 3 октября он писал Черчиллю об ухудшении ситуации, подчеркивая большое превосходство немцев в боевой технике и особенно в воздухе³⁰. 8 октября Черчилль сообщил Сталину о новой приостановке северных конвоев, на сей раз – до января 1943 г., объясняя это плохой погодой и нуждами операции «Факел». Обо всей серьезности принятия такого решения в тот момент, когда под Сталинградом шли решающие бои, Майский предупреждал Э.Идена еще 27 сентября³¹. Черчилль стремился сгладить эффект от прекращения конвоев рядом иных инициатив, направленных на оказание помощи СССР:

- повторное предложение о размещении англо-американских сил на Кавказе (операция «Вельвет»);

- частичное удовлетворение советской заявки об отправке дополнительных истребителей «Спитфайер»;

- реализации излюбленной идеи Черчилля об операции в Северной Норвегии («Юпитер»).

Однако все эти предложения не соответствовали советским требованиям второго фронта. Когда Литвинов на встрече с президентом Рузвельтом 7 октября напомнил ему об этом несоответствии, ответом было замечание президента, «что всеми будто бы признана невозможность высадки в Европе». «Я спросил, – продолжал в своем отчете Литвинов, – считает ли президент, что высадка вообще невозможна. Он ответил, что она станет возможной, когда будут ослаблены силы противника. Я указал, что в случае затишья на Восточном фронте Гитлер перебросит силы на запад и тогда высадка будет еще менее возможна, чем сейчас. Президент стал неубедительно говорить о том, что они делают то, что практически возможно и что Гитлер почувствует также намеченный удар с фланга»³².

Так же, как и Черчилль, Рузвельт стремился хотя бы отчасти компенсировать проволоочки со вторым фронтом дополнительными поставками военной техники, прежде всего истребителей. В своем послании Сталину от 11 октября президент обещал поставить дополнительно 300 самолетов, которые он с трудом выбил из своих военных. 13 октября Литвинов писал из Вашингтона: «В отношении снабжения у меня создалось впечатление, что президент хотел бы максимально удовлетворить наши требования и тем компенсировать нас за отсутствие второго фронта. Но и здесь он всецело в руках своих генералов и адмиралов, которые все больше и больше предъявляют требования для удовлетворения якобы собственных американских нужд»³³.

В октябре переписка Сталина с союзниками становится редкой и предельно лаконичной. Черчилля особенно обидел сталинский ответ от 13 октября на два его длинных послания от

8 октября: «Ваше послание получил. Благодарю». В Лондоне терялись в поисках объяснения этого загадочного ответа, не видя очевидного – критической ситуации под Сталинградом, не оставлявшей времени на другие дела. Именно в эти дни бои в районе сталинградских заводов разгорелись с невиданной силой, перерастая в рукопашные схватки, не затихавшие ни днем, ни ночью. Анализ сталинского архива показывает, что даже эти лапидарные отписки составлялись наспех, от руки Молотовым и лишь утверждались Сталиным³⁴.

Некоторая стабилизация ситуации под Сталинградом к середине ноября в сочетании с успешным началом операции «Факел» ослабили напряженность в союзных отношениях, усилившуюся в сентябре–октябре 1942 г. Сталин, до этого сомневавшийся в успехе «Факела», приветствовал его обнадеживающее начало. Тон его переписки с Черчиллем заметно потеплел. Премьер-министр со своей стороны также отвечал взаимностью. В черновике послания, датированном 22 ноября, он даже планировал поделиться имевшейся разведывательной информацией о результатах наступления советских войск под Сталинградом, полученной в ходе операции «Меджик», – расшифровки радиосвязи вермахта с помощью перехваченного германского секретного кода. Согласно этим данным, армия Паулюса получила приказ перейти к обороне и укрестить свой западный фланг³⁵. Британский КНШ посоветовал Черчиллю убрать данный параграф как утративший свою актуальность в связи с дальнейшим развитием событий на фронте, а также по причине особой секретности источника этой информации, «который Вы так ревностно оберегаете»³⁶. Послание осталось неотправленным.

Главное, на что оставалось уповать союзникам осенью 1942 г., было то, что советский солдат и Красная армия выдержат страшный натиск германской военной машины. «Масштабное наступление на оккупированную Германией Европу может быть предпринято не ранее 1943 г., – признавалось во внутреннем отчете американской военной делегации по итогам лондонских переговоров с англичанами. – Тем самым Россия останется практически один на один против всей мощи германской нации до тех пор, пока вновь не вмешается зима. В течение этого периода судьба всего остального союзного мира будет зависеть в основном от стойкости и боеспособности русской армии»³⁷.

Американским военным вторили их британские коллеги. «В настоящее время, – говорилось в докладе КНШ «Американо-британская стратегия» от 30 октября, – русская армия является единственной силой, способной разгромить или хотя бы сдержать германскую армию. Великобритания и Америка не могут рассчитывать бросить вызов основным силам «оси» на суше. («Надеюсь, что Сталин не увидит этого», – начертал на полях против этого абзаца премьер-министр³⁸). В случае краха России Великобритания и Америка будут не только неспособны начать новые зарубежные операции,

но и с большим трудом смогут выполнять уже существующие обязательства.

Совершенно очевидно, что именно война в России быстрее всего подтачивает германскую мощь. Иными словами, русская армия является не только главным средством разгрома вермахта на суше, но и главным фактором, способствующим изматыванию Германии. Поэтому крайне важно стимулировать российское сопротивление путем увеличения поставок, военных действий против Германии в воздухе и на море, возможно – путем вовлечения в войну Турции и операций на Кавказе (имелась в виду операция «Вельвет». – В.П.). Наши операции в 1943 году в Европе и на Тихом океане должны проводиться с учетом их вклада в продолжение русского сопротивления».

Что касается масштабной помощи этому сопротивлению, то планы британского командования по-прежнему исходили из стратегии изматывания: «Несмотря на то, что наибольшую помощь России оказало бы крупномасштабное вторжение в Европу, мы вынуждены заключить, что единственным вариантом для нас является подрыв германской военной мощи путем разрушения промышленности и экономики Германии до такого вторжения. Основным средством достижения этой цели, помимо русских сухопутных сил, будут тяжелые бомбардировщики в сочетании с жесткой блокадой и операциями, предназначенными для максимально возможного растяжения сил противника». Соответственно на 1943 г. планировались лишь ограниченные десантные операции в Сардинии и Сицилии, а возможность массированного десанта на севере Франции предусматривалась не ранее 1944 г.³⁹.

К счастью для всего «союзного мира», Красная армия не только устояла, но и перешла в решительное наступление под Сталинградом. Наметившийся перелом в этой гигантской битве сразу же отразился на оценках ситуации военно-политическим руководством союзников. Еще накануне советского контрнаступления Черчилль раскритиковал планы своих военных на 1943 г. как слишком негативные. Оставаясь в рамках стратегии «мягкого подбрюшья», он все же считал, что успешное начало «Факела» (8 ноября 1942 г.) позволит союзникам уже в 1943 г. произвести вторжение на основную территорию Италии или на юг Франции. Одной из основных причин необходимости активизации действий союзников премьер-министр называл русский фактор: «Вряд ли можно предполагать, что русские удовлетворятся нашим лежанием на боку в течение всего 1943 г. в то время, как Гитлер предпримет третью попытку их сокрушить»⁴⁰.

Однако военные стояли на своем, и 29 ноября – через десять дней после начала операции «Уран» – Черчилль высказался еще более категорично в ответ на новый доклад КНШ о будущей стратегии: «Ваш параграф 11 практически означает отказ от решительных усилий по открытию второго фронта в 1943 г. Я убежден, что мы должны планировать наступление на французском побережье в районе Канала или Бискайского залива и что в качестве

■ История

ориентировочного срока следует назначить июль 1943 г. Судя по обстановке на русском фронте, Гитлер вряд ли сможет перебросить значительные силы с востока на запад. К тому же теперь ему приходится следить и за южным флангом Франции. Сражения на русском фронте уже серьезно повлияли на обстановку и могут изменить ее радикально»⁴¹.

Наконец, в специальном меморандуме для военного командования от 2 декабря Черчилль дал развернутую оценку новой ситуации на Восточном фронте и ее последствий для планов союзников. «Последние крайне важные события изменили и продолжают менять исходные данные, на которых строилось наше мышление по обе стороны Атлантики. Русские не были разбиты или ослаблены в кампании 1942 г. Напротив, поражение потерпели Гитлер и германская армия, которая понесла тяжелейшие потери. ... Судьба великого сражения, продолжающегося под Сталинградом, еще не решена окончательно, но вполне вероятно, что русское наступление будет иметь далеко идущие последствия для германской мощи. Если окруженная под Сталинградом шестая немецкая армия будет уничтожена, наступление русских на южном фланге может достичь своей цели – освобождение Ростова-на-Дону. В таком случае положение трех германских армий, остающихся на Северном Кавказе и уже скованных русскими, может серьезно и даже непоправимо ухудшиться, что будет иметь неисчислимы последствия. Наступление русских в центральном секторе и их контратаки по всей линии фронта могут привести к отходу немцев на зимние позиции. Зима принесет ослабленным германским войскам новые огромные тяготы и лишения, несмотря на то, что сейчас они располагают лучшей системой железных дорог, чем прежде. К концу 1942 года мы сможем сделать один вполне определенный вывод – в 1943 году не произойдет никакой существенной переброски германских войск с Восточного на Западный театр военных действий (курсив в тексте. – В.П.). Это будет фактом первостепенного значения»⁴².

Черчилль, как видно, весьма точно предугадал дальнейшее развитие событий на советско-германском фронте. Действительно, великая победа под Сталинградом создавала благоприятные возможности для активизации военных действий союзников против Германии. Другое дело, как они воспользовались этими возможностями. Завершающий этап Сталинградской битвы совпал с проведением англо-американской конференции в Касабланке (12–24 января 1943 г.). Решения конференции отражали основные приоритеты стратегии Великобритании:

- упор на дальнейшие операции в Средиземноморье (операция «Хаски» по вторжению на Сицилию);
- наращивание сил на Британских островах для последующей высадки на европейский континент;
- усиление бомбардировок территории Германии;
- приоритетное значение Европейского театра военных действий по сравнению с Тихоокеанским.

Второй фронт в 1943 г. пока еще не отменялся, но, как хорошо понимали военные планировщики обеих стран, продолжение средиземноморской стратегии было вряд ли совместимо с масштабным вторжением на севере Франции. «Крылья «Балеро» (кодовое обозначение накопления сил на Британских островах для вторжения на континент. – В.П.) и «Раундап» уже опалились в пламени «Факела», – резюмировал итоги встречи начальник группы стратегического планирования США генерал А. Ведемейер. – Когда же в Касабланке было решено продолжать средиземноморские операции, я знал, что форсирование Канала в 1943 г. для решающего разгрома Германии ... больше не состоится»⁴³.

В феврале наступление союзников в Северной Африке захлебнулось, что грозило окончательно сорвать открытие второго фронта в 1943 г. «Все это пахнет плохо, – резюмировал в своем дневнике Майский. – Операции в Тунисе из-за последних поражений американцев затягиваются. Едва ли они закончатся раньше апреля. Значит, операции в Сред[иземном] море начнутся не раньше июня–июля. Операции нелегкие. Вероятно, они тоже затянутся, а главное, пойдут, надо думать, не гладко. Внимание англичан будет сконцентрировано на подброске подкреплений куда-нибудь в Сицилию или Додеканес. Тоннаж будет загружен отправкой снабжения за тысячи миль от Англии. С операцией через Ла-Манш брит(анское) пра(вительство) будет тянуть, примеряться, откладывать... Что же выйдет из второго фронта?»⁴⁴ Как известно, в 1943 г. из второго фронта действительно ничего не вышло; пришлось отказаться даже от высадки на юге Франции, предлагавшейся Черчиллем в конце 1942 г.

Разгром немцев под Сталинградом был отмечен горячими поздравлениями Рузвельта и Черчилля в адрес Сталина. «Черчилль в полном восторге и даже умилении от Красной армии, – сообщал Майский о своей беседе с премьер-министром 9 февраля после завершения операции «Уран». – Когда он говорит о ней, на глазах у него появляются слезы. Сравнивая Россию прошлой войны и Россию (то есть СССР) нынешней войны, Черчилль говорил: «С учетом всех факторов я считаю, что новая Россия в пять раз сильнее старой». Слегка поддразнивая Черчилля, я с полусмехом просил: «А как вы объясняете это явление?» Черчилль в таком же тоне мне ответил: «Если ваша система даст счастье народу, я за вашу систему. Впрочем, меня мало интересует, что будет после войны... Социализм, коммунизм, катаклизм... Лишь бы гунны были разбиты»⁴⁵.

Однако победа под Сталинградом вызывала на Западе не только умиление. Несмотря на отсутствие Сталина в Касабланке, «растущая советская мощь, воплощенная в Сталинградской победе, – по словам американского историка У. Кимбэлла, – была подобно призраку в подвале – скрытой от глаз, но у всех на уме». После Сталинграда, продолжает он, обозначилась перспектива разгрома основных сил вермахта одной Красной Армией без помощи союзников⁴⁶. Резонанс окончания гигантской

битвы на Волге был настолько оглушительным, что Объединенный комитет по разведке при КНШ дал следующую оценку новой ситуации на советско-германском фронте: «Каковы бы ни были намерения или планы Германии, мы считаем, что настало время признать, что поражение, нанесенное ей в России, возможно, является невосполнимым. Для своей кампании в России она создала самую большую и сложную военную машину из когда-либо существовавших. Эта машина была побита и повреждена до такой степени, что вряд ли может быть восстановлена... Мы считаем, что может возникнуть ситуация (и к ней нам следует быть готовыми), при которой Германия вообще окажется не в состоянии стабилизировать и удерживать линию фронта в России. Если это произойдет, то организованное немецкое сопротивление в России может рухнуть».

Далее в докладе прогнозировались геополитические последствия этого краха:

– Германия будет всеми силами сдерживать «вторжение с востока» и может открыть фронт на западе (вплоть до «приглашения» англо-американских войск) в надежде на сепаратный мир с США и Великобританией;

– европейские сателлиты Германии будут один за другим выходить из войны;

– Румыния и Болгария подпадут под контроль Москвы и т.д.

22 февраля 1943 г. КНШ согласился «в принципе» с основным содержанием доклада, но сделал оговорку о том, что он «возможно, рисует слишком оптимистическую картину. Пока еще преждевременно с уверенностью предсказывать ход дальнейших операций в России»⁴⁷. Действительно, эта оценка оказалась явно завышенной, но характерен сам факт радикального пересмотра прежних установок разведки союзников: всего за какие-то полгода ожидания «разгрома России» уступили место прогнозам краха германской военной машины. Таков был оптический эффект Сталинградской битвы. Вскоре дебаты в западных столицах на тему «выстоит ли Россия» сменялись спорами о том, как может распорядиться Советский Союз плодами своей предстоящей победы. Но это уже совсем иная история.

Pechatnov V.O. The Battle of Stalingrad and the Second Front Problem.

Summary: *Using less-known documents from American and British archives the article examines the impact of developments on Soviet-German front in late 1942 on military-political planning in U.S. and U.K. with a special emphasis on the second front problem. It is demonstrated how deeply the German defeat at Stalingrad affected Anglo-American military and intelligence estimates of situation at Soviet-German front and prospects of the war in general.*

Ключевые слова

Вторая мировая война, Сталинградская битва, советско-германский фронт, второй фронт, Сталин, Рузвельт, Черчилль.

Keywords

World War II, The Battle of Stalingrad, Soviet-German front, Second Front, Stalin, Roosevelt, Churchill.

Примечания

1. From Moscow to MILID, September 27, 1942 // United States Military Intelligence Reports. Vol.2. The Soviet Union, 1941-1944. Ed. by P.Kesaris. Bethesda, 1984-1985.
2. Запись беседы тов. И.В.Сталина с Уилки, 23 сентября 1942 г. // Сталинградская битва и ее геополитическое значение / под общ. ред. С.Е.Нарышкина, акад. А.В.Торкунова. М.: МГИМО Университет. 2013. С.370.
3. W.Willkie. One World. N.Y., 1943, P.36.
4. Strategic Policy of the United Nations and the United States on the Collapse of Russia, August 7, 1942 (JCS-85) // National Archives, College Park, Maryland (далее - NA), Record Group (далее - RG) 165, ABC 384, USSR (6-1-42); Measures in Event of Russian Collapse in 1942. Joint Psychological Warfare Committee, June 1, 1942 // NA, RG 218, Geographic File, 1942-1945, CCS 334 JPWC (3-18-42).
5. JCS 32nd Meeting, September 8, 1942 // NA, RG 165, ABC 384, USSR (6-1-42).
6. The Possible Course of the Russian Campaign and Its Implications, J.I.C. (42) 200 (Final), June 1, 1942, P.10; Hollis to Prime Minister, 5 June, 1942 // The National Archives, Kew Garden, Richmond (далее - TNA), The Prime Minister Office Papers (далее - PREM) 3/395/13.
7. The Possible Course of the Russian Campaign and Its Implications, P.10.
8. Offensive Operations in 1942-1943. Combined Chiefs of Staff Minutes of 28th Meeting, June 20, 1942 // NA, RG 218, Geographical File 1942-1945, CCS 334(5-26-42); Memorandum for the President, July 28, 1942 // NA, RG 165, Top Secret General Correspondence (Entry 15).
9. Memorandum for the President (n.d.) // NA, RG 165, ABC 381(9-25-41), Sec.VII; Notes on the Letter of the Prime Minister to the President of June 20, 1942 // Ibid.
10. Churchill & Roosevelt: The Complete Correspondence. Vol. 1-3. Edited by W.Kimball (далее - Churchill & Roosevelt), Princeton, 1984, Vol.I. P.520.
11. General Ismay, for C.O.S.Committee, 8.11.42. // Churchill Archive, Cambridge University (далее - CHAR), 20/67.

■ История

12. Сталин – Майскому, 20 сентября 1942 г. // Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Документы и материалы. М., 1983. Т.1. С.286.
 13. Майский - НКВД, 16 июля 1942 г. // Документы внешней политики СССР (далее – ДВП), Т.ХХV. Кн.2. Тула, 2010. С.58-59.
 14. И.М.Майский. Дневник дипломата. Лондон, 1934-1943, Кн.2, ч. 2: 22 июня 1941—1943 г. Сост. Ю.А. Никифоров, Л.В. Поздеева, О.А. Ржевский; отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2009. С.165.
 15. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (далее – Переписка). М., 1957. Т.1. С.54.
 16. Литвинов – Молотову, 23 июля 1942 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ), ф.059, оп.1, п.368, д.2568, л.110.
 17. Gilbert M. The Churchill War Papers. Vol.III. The Ever-Widening War 1941. London, 2000, P.921.
 18. Майский – НКВД, 22 июля 1942 г. // ДВП. Т.ХХV. Кн.2. С.75.
 19. General Strategy. Review by the British Chiefs of Staff. July 31, 1941 // Library of Congress, H.Arnold Papers, Military Subjects, Box 202; см. также: А.Данчев. Стратегия непрямых действий // Союзники в войне. 1941-1945. Отв. ред. А.О.Чубарьян, У.Кимбэлл, Д.Рейнольдс. М., 1995.
 20. АВП РФ, ф.06, оп.5, п.28, д.327, л.7.
 21. Broad Strategic Concept for Allied Nations (n.d.) // NA, RG 165, ABC 381 (9-25-41), Sec.VII.
 22. Churchill & Roosevelt, Vol.I. P.441.
 23. Громыко - НКВД, 14 августа 1942 г. // Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Документы и материалы. М., 1984.Т.1. С.229-230.
 24. Churchill & Roosevelt, Vol.I. P.643.
 25. Майский – Сталину, 23 октября 1942 г. // ДВП. Т.ХХV. Кн.2. С. 298.
 26. Churchill to Wavell, 7th October, 1942 // CHAR 20/81.
 27. Notes by the Prime Minister on C.O.S. (42) 345 (0) (Final) // TNA, PREM 3/499/6.
 28. Сталин – Майскому, 19 октября 1942 г. // Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т.1. С.294.
 29. Ржевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941-1945. М., 2004. С. 378.
 30. Переписка. Т.1. С.68.
 31. Eden to Kerr, 28th September, 1942 // TNA, Foreign Office 954/3A.
 32. АВП РФ, ф.059, оп.1, п.369, д.2509, л. 39.
 33. Литвинов – НКВД, 13 октября 1942 г. // Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т.1. С. 252-253.
 34. Российский государственный архив социально-политической истории, ф.558, оп.11, д.257, л.93.
 35. Prime Minister to Premier Stalin, 22nd November, 1942 // TNA, PREM 3/393/7.
 36. CIGS for Prime Minister, 23rd November, 1942 // Ibid.
 37. Memorandum for the President, July 28, 1942 // NA, RG 165, Top Secret General Correspondence (Entry 15).
 38. "American-British Strategy", 30 October, 1942 // TNA, PREM 3/499/6.
 39. Ibidem.
 40. General Ismay for C.O.S. Committee, 9.11.42 // Ibid.
 41. General Ismay for C.O.S. Committee, 29.11. 42 // Ibid.
 42. Note by the Minister of Defence, December 2, 1942 //TNA, PREM 3/499/7.
 43. Wedemeyer A. Wedemeyer Reports! N. Y., 1958. P.192.
 44. Майский И.М. Дневник дипломата. Лондон, 1934-1943, Кн.2, ч. 2. С.227-228.
 45. Майский в НКВД, 9 февраля 1943 г. // АВП РФ, 059а, оп.7, п.13, д.6, л.222, 224. Впервые опубликовано в: «Новые документы из Архива МИД России» // Международная жизнь, 2001. № 8. С.68-70.
 46. Kimball W. Forged in War. Roosevelt, Churchill, and the Second World War. Chicago, P.190.
 47. The German Military Situation. Report by the Joint Intelligence Sub-Committee, February 15, 1943; The German Military Situation. Report by the Chiefs of Staff, February 22, 1943//TNA, CAB 66/34.
-

Сталинградская битва в зеркале западной историографии

А.А. Падерин

Статья посвящена отражению Сталинградской битвы как начала коренного перелома в войне в западной историографии. Особое внимание обращено на противоречивые оценки битвы западными историками, исследованы формы, методы и средства фальсификации некоторыми из них как самого сражения, так и его значения в победоносном развитии мирового конфликта.

Минуло 70 лет после завершения Сталинградской битвы. Бег времени неумолим. Все меньше среди нас непосредственных участников этого грандиозного сражения. Тем большую ценность представляют их воспоминания и свидетельства, новые материалы о битве. К сожалению, недоступность ряда документов, долгое время существовавшая строгая засекреченность отдельных источников, субъективные и тенденциозно политизированные оценки некоторых событий сражения вкупе с замалчиванием или предвзятым освещением его отдельных сторон способствовали возникновению и тиражированию мифов и стереотипов, прочно внедрившихся в историческое сознание. А ведь народ-победитель вправе знать истинную правду о пережитой им тяжелейшей войне. И святой долг нас, историков, предоставить ему такую возможность.

Однако это легко сказать, но, как показал послевоенный опыт развития военно-исторической науки, непросто сделать. Так, при несомненном богатстве историографии Великой Отечественной войны, мы по сей день не можем дать соотечественникам четкие аргументированные ответы по всем связанным с ней проблемам. В том числе еще немало трудных вопросов и по истории Сталинградской битвы, хотя за минувшие десятилетия ей посвящены многие научные монографии, многочисленные статьи, а также материалы научных конференций. В них наряду с описанием ее кануна, хода и результатов определенное внимание уделяется анализу

того, как западные историки освещают эту грандиозную битву, наша победа в которой заложила прочный фундамент для достижения коренного перелома во всей Второй мировой войне. Это важно и в смысле объединения усилий по исследованию ее истории, и в плане устранения ошибочных взглядов и оценок. Данный вывод подтверждается, в частности, процессом зарождения и развития германской историографии Сталинградской битвы, протекавшим во взаимодействии с советскими (ныне – российскими) учеными, архивистами, музейными работниками. Об этом обстоятельно написал в своей статье «Германская историография Сталинградской битвы» профессор А.И. Борозняк¹.

Путь к постижению исторического смысла сталинградской трагедии оказался и для граждан Федеративной Республики Германия, и для ее историков трудным, длительным и противоречивым. В 1950 – 1970-х гг. обширная литература о поражении 6-й армии имела по преимуществу оправдательно-мифологический характер, общая направленность публикаций нередко отражалась в названиях книг: «Преданные битвы», «Утраченные победы» и т.д.

Тональность многочисленных мемуарных свидетельств генералов и офицеров вермахта о событиях под Сталинградом определялась, по оценке известного историка М. Керига (Фрайбург), «духом холодной войны и дискуссиями о перевооружении Западной Германии». Фельдмаршал Эрих фон Манштейн и другие авторы мемуаров стремились,

Падерин Александр Александрович – к.и.н., член-корреспондент РАЕН, полковник в отставке (г. Екатеринбург). E-mail: paderin41@mail.ru

■ История

перекладывая всю вину за гибель немецких солдат на Гитлера, оправдать собственные действия, отрицать свою ответственность за произошедшее. Неслучайно Фридрих Паулюс, прочитавший книгу Манштейна после возвращения из плена, отзывался о ее содержании «с горечью, возмущением и разочарованием»².

Объективные научные труды о битве на Волге были редким явлением. И все же перу авторов, представлявших «поколение Сталинграда», принадлежат честные, правдивые публикации о трагедии 6-й армии. В 1962 г. прошедший через окружение и плен бывший подполковник 6-й армии И. Видер опубликовал небольшим тиражом в малоизвестном мюнхенском издательстве книгу «Сталинград и ответственность солдата» (в русском переводе вышла в 1965 г. под названием «Катастрофа на Волге»). Тень русского города, убежден Видер, «нависла над всем немецким народом», настоятельно требуя от него «найти в себе силу и мужество тщательно исследовать мрачную и неприглядную главу истории», «взглянуть в глаза всей правде» вопреки «сытому равнодушию и тупому пренебрежению к моральным и духовным ценностям»³.

Тяжкий груз ответственности за бессмысленную гибель солдат, утверждал автор, лежит не только на Гитлере, его военном и политическом окружении, не только на генералах и офицерах, командовавших окруженными частями, но и на каждом военнослужащем вермахта, последовавшем за преступниками. «Наш поход на Волгу, – писал Видер, – предстал передо мной как ни с чем не сравнимое насилие над человеком и символ вырождения человеческой личности. Самого себя я увидел как бы заправленным в гигантский и бесчеловечный механизм, который функционирует с ужасающей точностью вплоть до саморазвала и уничтожения». Сталинградское побоище, по оценке Видера, было «расплатой за политические злодеяния, логическим результатом захватнической и несправедливой войны, развязанной Гитлером»⁴.

Забывтый труд Видера, умершего несколько лет назад в скромной должности провинциального библиотекаря, был возвращен в 1993 г. немецкому читателю усилиями ветерана Национального комитета «Свободная Германия», депутата бундестага ФРГ графа Г. фон Айнзиделя. Издатель именуется книгу Видера «самым основательным анализом трагедии, разыгравшейся на Волге 50 лет назад»⁵.

В феврале 1963 г., в разгар холодной войны, на страницах швейцарского военного журнала была опубликована статья Х.-А. Якобсена (Бонн), одного из самых авторитетных историков ФРГ, который дал бескомпромиссно жесткую характеристику тогдашних интерпретаций Сталинградской битвы, сводившихся зачастую к «оправданию собственных действий, бессмысленных жертв, преступного злоупотребления жизнями солдат». Широко распространенный вывод о единоличной вине Гитлера за катастрофу является, по мнению Якобсена, «чересчур дешевым и чересчур упрощенным». Полностью сохраняют свое значение суждения автора о проблеме ответственности представите-

лей нацистской военной и политической элиты за агонию 6-й армии: «Чем выше их чины, чем шире понимание общей ситуации, тем значительнее мера их ответственности». Сталинградскую трагедию нельзя понять, убежден автор, вне ее взаимосвязи с войной против СССР, вне ее характера и способов ведения. Во время этой войны (он именует ее «раковой опухолью режима») «речь шла с самого начала не о высоких, благородных задачах, о коих лгали нацистские властители, но – о необузданных, преступных целях». «Нельзя останавливаться на полпути, – указывал Якобсен, – надо набраться мужества для того, чтобы задавать нелегкие вопросы и получать нелегкие ответы»⁶.

Голоса Видера и Якобсена не были услышаны в тогдашней Западной Германии – ни историками, ни общественным мнением. Справедлив относящийся к 1984 г. диагноз лауреата Нобелевской премии Генриха Белля: «До сих пор большинство немцев так и не поняло, что их никто не звал под Сталинград, что как победители они были бесчеловечны и очеловечились лишь в роли побежденных»⁷. «Для профессиональных историков, – считает академик РАН, директор Института всеобщей истории РАН А.О. Чубарьян, – война продолжает оставаться предметом глубокого анализа, не прекращается поиск новых документов. Такая работа крайне важна: ведь именно в последние годы активизировались споры и дискуссии по истории минувшей войны. Идет сопоставление разных точек зрения в интерпретации тех или иных событий минувшей войны»⁸.

Поучительным примером использования новых документов, формулирования на их основе аргументированных точек зрения на анализируемые события Великой Отечественной войны вполне заслуженно можно назвать изданный к 70-летию юбилею Сталинградской битвы сборник статей «Сталинградская битва и ее геополитическое значение» под общей редакцией С.Е. Нарышкина и А.В. Торкунова⁹. В книге представлены материалы ряда ведущих российских ученых-историков о Сталинградской битве. Авторы анализируют сложившееся стратегическое положение перед началом сражения, непосредственно боевые действия под Сталинградом, а также то влияние, которое оказал разгром германских войск в Сталинградском котле на дальнейший ход войны. Особое внимание уделяется анализу международного значения победы советских войск под Сталинградом, изменению соотношения сил в мировой войне. В книге помещены рассекреченные архивные документы. В сборник вошли материалы, ранее опубликованные в многотомном продолжающемся издании «Великая Победа».

Значительное место в данном издании отведено статье старшего научного сотрудника Института всеобщей истории РАН Е.Н. Кулькова под названием «Зарубежные историки о Сталинградской битве»¹⁰. Автор в той или иной мере обстоятельно рассматривает более трех десятков публикаций западных историков. Особое внимание уделяет книгам, в которых

эта битва является предметом специального исследования. К ним относятся работы британских авторов: Дж. Джукса «Сталинград: поворотный пункт» (Нью-Йорк, 1968, на англ. яз.), А. Бивора «Сталинград» (Лондон, 1999, на англ. яз.; русское издание: Смоленск: Русич, 1999), Дж. Робертса «Победа под Сталинградом: Битва, которая изменила историю» (М., 2003, пер. с англ.), американских историков: У. Крейга «Враг у ворот: Битва за Сталинград» (Нью-Йорк, 1972, на англ. яз.), У. Керра «Тайна Сталинграда» (Дюссельдорф и Вена, 1977, на нем. яз.), немецких историков из ФРГ – М. Керига «Сталинград: Анализ и документация битвы» (Штутгарт, 1974, на нем. яз.), Я. Пикалькевича «Сталинград: анатомия одной битвы» (Мюнхен, 1977, на нем. яз.) и другие.

По мнению российского историка А.В. Исаева¹¹, этапным событием в зарубежной историографии Сталинградской битвы являлся выход в 1990 г. 6-го тома официальной немецкой истории войны «Третий Рейх и Вторая мировая война»¹². Как следует из подзаголовка, он посвящен расширению войны в 1941–1943 гг. до глобальных масштабов. По традиции западной послевоенной историографии в этом немецком издании официальной истории войны много внимания уделяется решениям, принятым персонально Гитлером в отношении планирования и ведения операций на сталинградском направлении. Акцентируется внимание на ряде внутри- и внешнеполитических соображений, заставивших Гитлера торопиться со взятием Сталинграда. Вместе с тем авторы тома указывают на более прозаичные причины, заставлявшие германское командование прилагать большие усилия к быстрейшему захвату города на Волге, в частности потому, что зимой «город, даже разрушенный, предлагал куда более широкие возможности укрытия и размещения, нежели открытая, практически безлюдная степь»¹³.

В описании событий, непосредственно предшествовавших советскому контрнаступлению, авторы 6-го тома дают объемную картину происходящего. Отходя от клише о «некомпетентности Гитлера», они показывают, что именно германский диктатор выступал как последовательный алармист, еще с августа 1942 г. твердивший о возможности советской атаки через Дон в направлении Ростова. В связи с этим Гитлер требовал, чтобы фронт на Дону был «насколько возможно серьезно укреплен и минирован»¹⁴. Кроме того, оценки Гитлера оказывались более пессимистичными и тревожными, нежели оценки его генералов, в первую очередь двух начальников генерального штаба сухопутных войск – Гальдера и Цейцлера. Оба достаточно скептически оценивали вероятность крупного советского наступления. Столь же серьезной ошибкой являлась недооценка возможностей Красной армии немецкой разведкой – отделом изучения армий востока (ОКН/ФНО).

Р. Гелен, занимавший в те годы пост начальника отдела «Иностранные армии Востока Генерального штаба сухопутных войск», в своих

мемуарах утверждает, что о «замыслах Советов», направлении главных ударов и силе советских наступательных операций его отделу было известно еще задолго до начала контрнаступления Красной армии под Сталинградом. При этом Гелен приводит обширный перечень сведений, якобы поступивших в отдел с конца октября до середины ноября 1942 г. Всю ответственность за недооценку полученных разведданных Р. Гелен возлагает на высшее военно-политическое руководство Германии и лично на Гитлера¹⁵.

В своем капитальном исследовании «Фальсификация, воспевание и правда о Гитлере и Сталине» германский историк консервативного направления В. Мазер раскрывает несостоятельность суждений Р. Гелена и некоторых других немецких военачальников, стремящихся возложить всю ответственность за сталинградское поражение на Гитлера. В. Мазер утверждает, что сведения, поступавшие от Гелена, носили несистематический, отрывочный и расплывчатый характер. В них указывался не конкретный район возможного решающего советского контрнаступления зимой 1942/43 г., а назывались по крайней мере семь участков Восточного фронта от Ленинграда до Сталинграда, где было вероятным решительное наступление Красной армии¹⁶.

Разумеется, советская разведка делала все возможное, чтобы минимизировать утечку информации, направить немецкую разведку по ложному следу. И хотя многое из запланированного удалось выполнить, кое-какие сведения, правда, в значительной мере противоречивого характера, оказались известны немецкой стороне. Она смогла получить некоторую информацию о планах советского командования на рубеже 1942 – 1943 гг., в том числе о сосредоточении советских войск на флангах немецкой группировки. Германская разведка, ее фронтовые и армейские подразделения уже с конца октября 1942 г. прослеживали передвижения советских войск и их сосредоточение в районе реки Дон и Сталинграда.

Таким образом, имеющиеся сегодня источники уже не позволяют с полной уверенностью утверждать о стопроцентной секретности подготовки советского контрнаступления под Сталинградом. Правда, массирование советских сил и средств в районе Сталинграда, их высокая мобильность затрудняли противнику возможность точно определить время и численность советских войск на главных направлениях готовящегося контрудара. Представляемые разведкой противоречивые данные удерживали командование 6-й армии от каких-либо практических шагов без указаний высшего военного руководства Германии, проявившего определенный скептицизм в оценке поступающей разведывательной информации.

Однако Гитлер неусыпно следил за развитием ситуации на Дону в полосе 3-й румынской армии. В начале ноября 1942 г. он приказывает бомбить переправы через Дон, возможные районы сосредоточения советских войск. Он приказывает перебросить на восток из Франции одну танковую и две пехотные дивизии для усиления 3-й

■ История

румынской армии. Но в целом замысел операции «Уран» остался нераспознанным противником: никто даже не задумался о возможности удара по сходящимся направлениям с целью окружения 6-й армии. Осознание этой угрозы пришло лишь после начала советского контрнаступления.

Описывая судьбу 6-й армии, оказавшейся в окружении, авторы 6-го тома дают главе красноречивое название: «Прорыв или высвобождение?». Действительно, одним из спорных вопросов являлся выбор плана дальнейших действий. В итоге 6-й армии было приказано занять круговую оборону и ждать деблокирующего удара. Здесь в описании событий на первый план вновь выдвигается личная роль Гитлера. Подчеркивается его высокий авторитет в войсках, что «сужало военную ответственность до простого подчинения». По предположению авторов, Паулюс и начальник штаба армии Шмидт отклонили предложение командира корпуса генерала Зейдлица о прорыве именно из-за непререкаемого авторитета фюрера даже в рядах офицеров, далеких от национал-социализма. В дальнейшем, подводя итоги последних боев 6-й армии, авторы тома прямо заявляют: «ошибки и упущения Гитлера слишком многочисленны для их обзора»¹⁷.

На наш взгляд, весьма существенным приобретением не только западной, но и отечественной историографии Сталинградской битвы является издание сборника статей «Сталинград: Событие. Воздействие. Символ» (М., 1995, пер. с нем.). В нем взгляды на историю Сталинградской битвы и ее воздействие на различные стороны жизни воевавших и нейтральных государств излагаются историками Германии, России, США, Великобритании и других стран. Кстати, после выхода в свет данного издания прошло уже почти два десятилетия. К сожалению, этот полезный опыт пока не получил достаточно широкого распространения.

Вполне естественно, что отношение зарубежных исследователей к Сталинградской битве было изначально и поныне неодинаково и неоднозначно. Большинство из них основное внимание уделяют действиям немецкой стороны, пытаясь прежде всего выяснить, почему вермахт потерпел эту ужасающую катастрофу на Волге. Другие же историки сосредотачиваются в основном на анализе действий советской стороны, отражая в своих работах героизм и военное искусство Вооруженных сил СССР, проявленные как в обороне, так и в наступлении. Но такие исследователи составляют, к сожалению, явное меньшинство.

К этому меньшинству вот уже несколько десятилетий принадлежит, например, английский историк Д. Джукс. В своей книге «Сталинград: поворотный пункт» он отмечает «прочность советской обороны, смелость плана контрнаступления» и на этом основании делает вывод о том, что победить Красной армии помогло «именно превосходство полководческого мастерства, а не соотношение сил определило исход битвы»¹⁸.

Соотечественник и, можно сказать, многолетний единомышленник Джукса в вопросе об исторической роли Сталинградской битвы историк Б. Питт в одной из своих книг о Второй мировой войне высоко отозвался о сражении на Волге. Он считает, что «под Сталинградом решающей зимой 1942–1943 гг. полководцы Красной армии показали правильное понимание военной обстановки и способность извлекать уроки из прошлого, что должно быть примером для каждого... Подкрепление сил защитников в самом городе носило характер минимальной необходимости вместо максимальной возможности, а накопленные таким образом сила и мощь были использованы для осуществления великолепного маневра на окружение, который затянул петлю на шее 6-й армии Паулюса. Сталинград стал символом великой победы, завоеванной разумной ценой»¹⁹.

Нельзя не вспомнить с искренней благодарностью и следующий факт. Накануне 40-летнего юбилея Сталинградской битвы известный французский военный историк армейский генерал Ф. Гамбьез в статье «Сталинград – величайшая битва всех времен» писал: «Прежде всего следует подчеркнуть тот факт, что фюрер и его генералы во многом недооценивали умение советского командования, смелость, упорство и патриотизм бойцов Красной армии, стойкость, готовность к самопожертвованию и боевой дух граждан, оставшихся в Сталинграде, которые продолжали работать, несмотря на бомбежки и обстрелы, а в случае надобности принимали участие в боевых действиях... Советская победа – это победа ума, хладнокровия и инициативности советских генералов во всех звеньях... Кроме того, нельзя не учесть того, что в умах людей постоянно жил девиз защитников Сталинграда – «За Волгой для нас земли нет!» Высеченный на стенах, предваряющих монументальный ансамбль, воздвигнутый в Волгограде, этот девиз позволяет судить о крепком патриотическом воспитании солдат Красной армии, о любви советских людей к своей многострадальной земле, о высоком боевом духе масс»²⁰.

Читая эти строки, вновь задумываешься над тем, насколько чрезвычайно важно нам сегодня помнить об этом духовном источнике нашей победы в Сталинградской битве! Особенно ценно также для нас, сегодняшних россиян, наследников поколений военного лихолетья, что высокие оценки действий защитников Сталинграда исходят от исследователей, представляющих страну, народ, которой оказался заложником безумной фашистской авантюры Гитлера и его приспешников. Невозможно без чувства гордости читать следующие строки в книге немецкого историка М. Фройнда «Германская история»: «Сталинград показал прежде всего силу сопротивления советских солдат... Ни один немецкий город не боролся так, как Сталинград. Сталинград был почти уничтожен, но руины фабрик и военных заводов продолжали служить укрытием для советских бойцов. Это была жертва до последней капли крови, какой не видели почти никогда на Западе»²¹.

Еще один германский историк М. Кериг в своем исследовании «Сталинград. Анализ и документация битвы» отметил, что со времен Иены и Ауэрштадта Германия не переживала столь глубокого поражения, как в Сталинградской битве. «Для немецкой стороны эта битва, – пишет он, – превратилась в военное поражение величайшего масштаба, а для советской – в классическую операцию на окружение, в символ решительной обороны в трудное время»²². Подобные доброжелательные, по сути, несомненно, справедливые отзывы можно встретить в ряде других публикаций западных историков. Правда, наводит на раздумья то, что приведенные выше отзывы содержатся в книгах, изданных довольно давно: в далекие 70-е гг. прошлого века...

В оценке исторической роли Сталинградской битвы среди западных историков и мемуаристов наблюдаются большие расхождения. Часть из них признает ее выдающееся значение для всего последующего хода и исхода Второй мировой войны²³. Так, германский историк К. Центнер считает, что «с именем Сталинграда начался поворот во Второй мировой войне»²⁴. Известный французский историк А. Мишель признает, что российские историки «справедливо видят в разгроме немецких войск под Сталинградом решающую победу, ознаменовавшую поворот во Второй мировой войне»²⁵. Английский историк А. Аксель в книге «Война Сталина глазами его командиров» подчеркивает, что «поражение и сдача в плен массы германских войск и захват германского фельдмаршала подняли престиж Красной армии; и мир впервые увидел в России грандиозную силу союзников. Сталинград коренным образом изменил мировую военно-политическую ситуацию»²⁶. В подтверждение этому он приводит оценку Ф.Д. Рузвельтом победы советских войск под Сталинградом как «поворотного пункта» Второй мировой войны и другие примеры того, что именно так в военные годы она оценивалась в Англии и Китае.

Однако более многочисленная «армия» западных исследователей испытала на себе недоброе дыхание наступившей вскоре после победы над фашистской коалицией холодной войны, начало которой было положено речью У. Черчилля в Фултоне в марте 1946 г. О Сталинградской битве «писать начали тогда, когда пушки, стрелявшие с обеих сторон, еще не остыли от залпов. И что поразительно, уже тогда победа советских войск под Сталинградом стала принижаться на Западе, а ее значение в истории Второй мировой войны стало уравниваться со значением весьма скромных по военным и политическим меркам операций союзников»²⁷.

Между тем реально мыслящим исследователям было изначально понятно, что ни по своей длительности и количеству участвовавших войск, ни по размаху и ожесточенности вооруженной борьбы, ни по потерям фашистского блока ни одна из называемых западными историками операций англо-американских войск в 1942 – 1943 гг. не может быть приравнена к великой Сталинградской битве.

В том числе это касается и часто упоминаемого некоторыми западными историками сражения под Эль-Аламейном (23 октября – 4 ноября 1942 г.). О сравнительной статистике этих двух событий уже много написано. Но, как говорится, повторение – мать учения!..

В итало-немецкой танковой армии «Африка» было всего около 80 тыс. человек, а под Сталинградом в 6-й армии – свыше миллиона. Под Эль-Аламейном германские и итальянские войска потеряли 55 тыс. человек, более 300 танков, около тысячи орудий. Под Сталинградом же только в ходе контрнаступления Красной армии с 19 ноября 1942 г. по 2 февраля 1943 г. потери немецких войск составили 800 тыс. солдат и офицеров, около 2 тыс. танков и штурмовых орудий и много другой боевой техники. Эти цифры говорят сами за себя. Операция английских войск под Эль-Аламейном ни по масштабам, ни по результатам не могла оказать серьезного влияния на общий ход войны. Это была победа местного значения, оказавшая воздействие лишь на обстановку в Северной Африке, где был задействован ограниченный контингент вооруженных сил фашистского блока. Не на этом театре, а на советско-германском фронте решалась судьба всей войны.

Пресловутая версия о «равноценности» сражения под Эль-Аламейном и Сталинградской битвы настолько резко противоречит здравому взгляду на события, что встречает отпор даже со стороны отдельных западных авторов. Так, западногерманский генерал Ф. Уле-Веттлер неслучайно счел нужным отметить, что «поражение немцев под Эль-Аламейном в сравнении с масштабом их разгрома под Сталинградом не имело почти никакого значения»²⁸.

В военное время это отлично сознавали в странах антигитлеровской коалиции. «Армия русских, – писал, в частности, английский журналист Р. Сквайрс, – ее железное упорство, ее боевой дух и непреклонная воля уже давно вызывали восхищение и энтузиазм у наших солдат, а узнав о победе на Волге, мы испытали также и чувство колоссального облегчения. Незадолго до того наши войска основательно побили Роммеля под Эль-Аламейном. Но эта победа была одержана в далеком Египте, вдали от тех районов, где сражались главные германские вооруженные силы. Весть о Сталинграде была первой вестью, знаменующей решительную победу над фашистской Германией. Мы понимали, что герои Сталинграда борются не только за Россию, но и за всю Европу, стонущую под игом нацизма, и за нас, англичан»²⁹.

Такое «просоветское» заявление журналиста из Великобритании свидетельствует об отсутствии в этой стране жесткой зависимости от идеологических установок в самый разгар холодной войны не только историков, но и сотрудников средств массовой информации. Кстати, припомню для сравнения: автору этих строк на одном из мероприятий в честь нынешнего Дня защитников Отечества довелось поговорить с немецкой журналисткой средних лет, по имени Андреа, из Кельна. Спросил

■ История

ее между прочим, рассказывали или нет на уроках истории в западногерманских школах, в бытность ее ученицей, о войне с Советским Союзом, о Московской, Сталинградской, Курской и других битвах. Она ответила, что ничего такого им не сообщали.

Данный ответ наводит на мысль о том, что немецкие историки, в том числе школьные учителя, видимо, так или иначе оказывались под влиянием политических клише. Так что нет ничего неожиданного в том, что нередко даже в общем-то толковых научных трудах по истории Второй мировой войны прослеживается влияние атмосферы холодной войны.

Как известно, с середины сентября 1942 г. ожесточенные, кровопролитные бои развернулись в самом Сталинграде, практически полностью разрушенном. Характер военных действий за овладение им изменился. Вместо маневренной войны части вермахта вынуждены были втянуться в позиционную войну в полуразрушенных домах и развалинах. Промышленность города фактически была выведена из строя. Как транспортный узел он также прекратил свое существование. Поэтому применительно к сложившимся тогда условиям у нынешних немецких историков возникли на первый взгляд естественные сомнения в том, что Сталинград сохранял для вермахта стратегическое значение и развернувшиеся непрерывные бои за овладение разрушенным городом были оправданными. По этим вопросам в германской исторической литературе состоялась дискуссия. Большинство ее участников пришли к выводу, что в тех условиях Сталинград утратил свое бывшее военно-стратегическое значение. И в дальнейшем развертывании боевых действий за овладение городом якобы доминировали исключительно политические мотивы. В связи с этим некоторые немецкие историки уравнивают политические цели Гитлера и Сталина. «В Сталинграде речь шла о престиже Гитлера и Сталина, – отмечает, в частности, известный германский военный историк Ю. Ферстер. – Один диктатор публично сделал ставку на овладение этим большевистским городом-символом, другой же – не хотел отдавать его в руки фашистов»³⁰.

Думается, что Ферстер, как весьма опытный исследователь, вполне способен был понять примитивность своей версии. Однако по инерции логики холодной войны не устоял перед искушением в очередной раз поставить Сталина в один ряд с безумцем Гитлером. А что касается сомнения в целесообразности дальнейшей борьбы за Сталинград, то оно, к сожалению, высказывалось и в отечественной исторической литературе³¹. В связи с этим уместно вспомнить бытующее в нашем просторечии выражение «не от большого ума».

В самом деле, не надо быть большим умником, чтобы понять огромное значение Сталинграда в тот исторический момент и в политическом, и в стратегическом отношении. Для советского народа Сталинград был не только городом-символом, олицетворением успешного созидательного труда целого поколения. Вместе с тем он в связи с его ге-

ографическим положением оставался важнейшим связующим звеном между центром страны и ее южными европейскими и среднеазиатскими районами. И что тогда было особенно важно — его успешная оборона открывала благоприятные возможности для подготовки и нанесения массированного контрудара Красной армии по войскам вермахта, занявшим крайне неблагоприятные и уязвимые позиции на южном участке советско-германского фронта. Справедливость такого понимания ситуации и значения города подтвердила сама жизнь.

Другим популярным направлением фальсификации истории Сталинградской битвы в западной литературе, сформировавшимся фактически сразу после завершения Второй мировой войны, является продолжающаяся до сих пор пропаганда выдвинутой гитлеровскими генералами версии, согласно которой победа Красной армии в битве на Волге была обусловлена «роковыми» ошибками Гитлера. «После войны, – отмечал известный английский историк Дж. Робертс, – любимым занятием немецких генералов стало обвинять фюрера в некомпетентном вмешательстве в сугубо военные вопросы. По их мнению, он совершил тогда множество ошибок тактического и стратегического характера, из-за которых и была окружена 6-я армия Паулюса»³².

Фрайбургский ученый Б. Вегнер (итоги его многолетних разысканий по Сталинградской тематике опубликованы в 6-м томе коллективного труда «Германский рейх и Вторая мировая война») именует авантюрой весь замысел наступления 1942 г. на Волгу и на Кавказ. Автор считает, что из-за действий немецкого верховного командования армия Паулюса «уже за несколько недель до ее окружения была армией, сражавшейся без надежды на успех»³³.

Воспоминания о Сталинградской битве бывших генералов вермахта, а также описание ее историками порой беспощадно изобличали фюрера. Так, генерал-фельдмаршал Э. Манштейн в своей книге «Утраченные победы» утверждал, что Гитлер якобы сам заявлял: «За Сталинград я один несу ответственность»³⁴. «Поражение немецких войск под Сталинградом, – пишет американский историк Э. Зимке, – явилось в большей степени следствием ошибок Гитлера, нежели результатом советского военного искусства»³⁵. А германский историк О. Церер пошел еще дальше, заявив, что на Волге «немецкая армия погибла из-за предательства Гитлера»³⁶.

Кстати, тема предательства затрагивалась не только Церером. Зажатая в кольцо окружения, 6-я армия погибала в бессмысленном сопротивлении, от голода, холода и болезней. А Гитлер продолжал заверять, что все делается для того, чтобы выручить их. В эти критические для 6-й армии дни, 13 января 1943 г., Паулюс специальным самолетом направил своего офицера-порученца капитана В. Бера (начальника оперативного отдела штаба армии) в ставку Гитлера, в Берлин. Это была последняя попытка командующего 6-й армией раскрыть глаза фюреру на истинное положение его солдат

и офицеров на берегу Волги. С большим трудом, используя свои родственные связи в штаб-квартире Гитлера, Беру удалось пробиться на доклад к фюреру. Атмосфера, в которой проходил прием Гитлером представителя офицерского корпуса 6-й армии, произвела на Бера удручающее впечатление. Боевой офицер вермахта увидел Гитлера, утратившего всякую связь с реальностью. После аудиенции у фюрера Бер пришел к выводу о том, что немцы неизбежно проиграют войну. Через 60 лет, вспоминая свою встречу с Гитлером в январе 1943 г., Бер признавался, что уже тогда понял, что Гитлер инициировал гибель 6-й армии³⁷. Правда, это обвинение, на наш взгляд, очень трудно убедительно обосновать.

Самый роковой просчет Гитлера немецкий военный историк Б. Вегнер, американский историк У. Керр и другие усматривают в том, что Гитлер не двинул на Сталинград силы двух групп армий «А» и «Б», которые вели наступление на южном крыле советско-германского фронта. Вместо этого он 23 июля 1941 г. в директиве № 45 приказал группе армий «Б», находившейся тогда в 120 км от Сталинграда, захватить этот город, а группе армий «А», уже захватившей в тот день Ростов-на-Дону, продолжить наступление на кавказском направлении. В этом исследователи увидели нарушение принципа массирования сил на главном направлении удара, их распыление на двух расходящихся направлениях, что подорвало наступательные возможности войск вермахта, сделало их чувствительными к контрударам противника и т.д.³⁸.

Английский историк Дж. Робертс тоже считает, что директива Гитлера № 45 «стала фатальной ошибкой»: если бы «германские войска быстро сконцентрировали силы только на сталинградском направлении, то смогли бы захватить город». Но вместе с тем он в своей книге показал, что это была «фатальная ошибка» не только Гитлера, а всего высшего командования вермахта, которое еще при планировании наступления на южном крыле Восточного фронта недооценило важности стратегического положения Сталинграда и не отнесло его захват к числу наиболее важных задач³⁹.

Правда, отношение историков к версии с директивой Гитлера № 45 неоднозначно. Так, германский историк Г.-А. Якобсен в принципе соглашается, что заложенный в этой директиве замысел одновременного наступления по расходящимся направлениям к Волге и Кавказу стал «главной причиной позднейшей гибели 6-й армии», однако подчеркивает, что этот замысел явился реакцией германского командования на провал его попыток уничтожить противостоявшие ему советские войска еще до выхода вермахта к Дону. Он пишет: «Советы научились на опыте первого года войны: ловким маневром они сумели вывести главные силы на своем южном фланге из создававшегося немецкого котла и отвести их на восток. Это положило начало роковому для немцев ходу событий»⁴⁰.

А вот английский историк М. Арнольд-Форстер придерживается вообще иной точки зрения. Он

считает, что еще более грубой ошибкой Гитлера, «изменившей ход истории», явился его приказ от 31 июля 1942 г. о переброске с кавказского направления из группы армий «А» в группу армий «Б» 4-й танковой армии. Это, по его мнению, привело к срыву достижения главной стратегической цели Германии в 1942 г., заключающейся в захвате месторождений кавказской нефти⁴¹. Эта неудача, по мнению германского историка Б. Вегнера, сказалась на «судьбе всей войны»⁴².

В связи с оценками ситуации вышеназванными историками обращает на себя следующее. Констатируя столь печальные для вермахта факты, они оба умалчивают о главной причине того, что не сбылись расчеты Гитлера и его генералов (вполне в духе логики периода холодной войны!) Что ж, мы сделаем это сами: причиной неудач гитлеровцев послужило прежде всего то, что и под Сталинградом, и в предгорьях Кавказа советские войска, проявив непревзойденное мужество и воинское мастерство как в оборонительных, так и наступательных боевых действиях, сорвали замысел агрессора.

И еще подчеркнем: летом и осенью 1942 г. немецкое командование вступило в сражение, к которому оказалось явно не готово, причем в районе, где его не ожидало. А именно под Сталинградом, ставшим эпицентром вооруженной борьбы на советско-германском фронте. Советское же командование быстро и правильно оценило нависающее положение города над флангом и тылом основных сил противника, нацелившихся на захват Кавказа. В публикациях ряда бывших генералов вермахта и западных историков излагается и такая версия. По их мнению, «роковым решением», по сути «смертным приговором» немецким войскам явились запрет Гитлера на организацию прорыва 6-й армии из окружения и содержащееся в его приказе от 24 ноября 1942 г. требование любой ценой удерживать позиции под Сталинградом.

Между тем нереальность осуществления прорыва 6-й армии из окружения, на наш взгляд, очень убедительно обосновал германский историк М. Кериг. В книге о Сталинграде он показывает, что еще до начала контрнаступления советских войск 6-я немецкая армия была настолько обескровлена, что не могла вести активные наступательные действия. События последних недель борьбы в районе Сталинграда перед переходом Красной армии в контрнаступление, по его мнению, «своей жесточечностью и отчаянием положили начало гибели 6-й армии»⁴³. Далее он приводит факты, свидетельствующие о том, что контрнаступление советских войск застало врасплох командование группы армий «Б». Поэтому у него не оказалось ни готовых людских резервов, ни запаса горючего, которые были необходимы 6-й армии даже для парирования ударов противника. Положение со снабжением этой армии стало критическим уже 21 ноября, когда железная дорога, по которой осуществлялась ее связь с тылами группы армий «Б», оказалась в руках советских войск⁴⁴.

Не удалась и попытка деблокировать окруженную 6-ю армию. Описывая это событие,

■ История

американский историк У. Крейг выдвигает версию, будто бы выполнить данную задачу группе армий «Дон» помешала погода. По его словам, в начале наступления немцы «встретили неожиданно слабое русское сопротивление», выразившееся лишь в случайных выстрелах. Самые большие трудности наступавшим причиняли «обледеневшие дороги, на которых танки не могли тормозить». Так что, несмотря на превосходство немецких войск в мастерстве, наступление все же провалилось. Якобы из-за непрерывных штурмов, мешавших использовать авиацию, а также из-за недостаточного запаса боеприпасов для продолжения борьбы против «неисчерпаемых сил» Красной армии⁴⁵. Здесь мы вновь сталкиваемся с попыткой объяснить неудачу войск вермахта на поле боя плохой погодой и еще чем-либо, но только не умелыми и активными действиями противоборствующей стороны.

Объективную оценку этих событий, не пытаясь обелить соотечественников, в отличие от американца У. Крейга, дает немецкий историк М. Кериг. Он отмечает мастерство командования 51-й советской армии при отражении ударов противника. «Армия боролась упорно и маневренно. Для обороны с фронта она использовала свои стрелковые дивизии, в то время как ее оба механизированные корпуса (4-й и 13-й) непрерывно наносили удары по флангам противника». Кериг констатирует, что срыв попытки немецкого командования деблокировать окруженную группировку в Сталинграде явился также следствием эффективной поддержки действий советских войск авиацией и успешного осуществления начавшейся 16 декабря 1942 г. операции «Сатурн» – наступления Юго-Западного фронта против 8-й итальянской армии, которое вынудило Манштейна распылить силы, предназначавшиеся для организации нового наступления на Сталинград⁴⁶.

Рассмотрим еще одно направление фальсификации истории Сталинградской битвы в западной литературе. Оно заключается в приуменьшении боеспособности Красной армии, якобы самостоятельно, без взаимодействия с союзниками, не достигавшей побед над противником. Так, историк из ФРГ Г. Шретер утверждает, что в период Сталинградской битвы германское командование было вынуждено «держаться в бездействии громадные армии на Западе»⁴⁷.

Другой фальсификатор – американский историк Дж. Стоксбери совершенно бездоказательно заявляет, что русские якобы специально откладывали контрнаступление под Сталинградом до ноября. Они будто бы ждали, когда «союзные армии, как и предполагалось, скуют германские резервы в Западной Европе»⁴⁸. Интересно было бы спросить у этого «исследователя», как он представляет себе организацию крупных стратегических операций, связанных с необходимостью сосредоточения огромных масс войск и боевой техники. Причем здесь принципиальное значение имеет фактор времени: не должно быть промедления, какой-либо задержки при подготовке операции, чтобы противник

не смог разгадать ее замысел, намеченные сроки и т.д. Если такое случится, то он предпримет ответные шаги по сосредоточению своих сил и средств. И тогда операция будет обречена на провал. Так что если ждать, «скуют или нет твои союзники резервы противника где-то за тысячи километров», то можно упустить удобный для проведения контрнаступления момент, диктуемый ситуацией на своем участке фронта. Словом, в данном случае мы имеем дело с фальсификатором – дилетантом в военном деле, сочиняющим небывлицы!

В связи с этим ему полезно для начала прочесть книгу своего английского коллеги Дж. Грига «Победа, которой никогда не было». В ней автор аргументированно опровергает домыслы о том, что якобы высадка союзных войск в Северной Африке в ноябре 1942 г. и угроза их высадки во Франции во время Сталинградской битвы «сковали германские резервы в Западной Европе». Он убедительно доказывает, что за время контрнаступления советских войск под Сталинградом только из Западной Европы на советско-германский фронт было переброшено 17 немецких дивизий. «Более того, – пишет г-н Григ, – последующая высадка в Сицилии убедила германское военное командование в том, что наверняка в 1943 году не состоится никакой акции по форсированию Ла-Манша»⁴⁹.

Думается, что с книгой Дж. Грига «Победа, которой никогда не было» (1980 г.) нелишне было бы давно познакомиться и его соотечественнику – известному историку Энтони Бивору. Может быть, тогда бы он не стал в своей книге «Сталинград»⁵⁰, вышедшей в свет в 1998 г. (через 18 лет после книги Дж. Грига), использовать непроверенные факты. Например, о том, что Гитлер из-за недооценки потенциала советских войск после подписания директивы № 45 распорядился отправить «назад во Францию» моторизованную дивизию «Великая Германия» и моторизованную дивизию СС «Адольф Гитлер»⁵¹. Как выяснилось, подобные заявления не подтверждаются фактами.

Во-первых, не соответствует действительности информация о том, что в период Сталинградской битвы на Западном фронте находились «громадные силы вермахта». По немецким данным, численность немецких войск на Западе в то время составляла 520 тыс. человек и была почти в шесть раз меньше численности немецких войск на советско-германском фронте – 2997 тыс. На Западном фронте был всего один немецкий воздушный флот, а на Восточном фронте – четыре⁵².

Во-вторых, значительную часть войск на Западе составляли так называемые «стационарные» дивизии, которые были плохо вооружены и не имели собственных транспортных средств, а также ослабленные соединения или их остатки, направлявшиеся туда на отдых и пополнение после участия в ожесточенных боях на советско-германском фронте.

Так называемая «перекачка» полноценных немецких дивизий велась не с Востока на Запад, а наоборот: с Запада на Восток. Только с ноября 1942 г. по апрель 1943 г. из Германии, Франции и других

стран Западной Европы на советско-германский фронт прибыло 35 новых дивизий⁵³. В-третьих, утверждение о переброске с Востока на Запад дивизии «Великая Германия» является вымыслом. В дневнике Гальдера, на который ссылается Крейг, говорится, что она в этот период действовала на сталинградском направлении⁵⁴. Это подтверждают и другие немецкие документальные источники. Дивизия «Великая Германия» прибыла с Запада на Восточный фронт в мае 1942 г. и оставалась там до конца войны⁵⁵. Что касается дивизии СС «Адольф Гитлер», то она находилась на Восточном фронте с самого начала войны Германии против СССР. В июле 1942 г. из-за больших потерь, понесенных в боях, она была направлена на переформирование во Францию, а затем в феврале 1943 г. снова прибыла на советско-германский фронт, где в составе группы армий «Юг» участвовала в битве на Курской дуге⁵⁶.

Книга Э. Бивора «Сталинград: роковая осада 1942–1943» написана с привлечением советских источников, преимущественно мемуарного характера. Сообразно традиции, большое внимание в ней уделяется сражению собственно за город Сталинград, уличным боям. К сожалению, в ней немало того, что можно назвать наследием холодной войны и идеологического противостояния двух систем. Подробно описываются «жестокости советского государства», чаще всего в преувеличенном виде. Уделяется внимание ГУЛАГу и Катыни. Автор в самых мрачных тонах описывает судьбу немецких военнопленных. «Русские доктора не вели историй болезни и не записывали имен своих пациентов, – пишет он. – К людям, которых они призваны были лечить, врачи относились хуже, чем к скоту»⁵⁷. Бивор прямо обвиняет советское руководство в том, что пленных морили голодом, а советских солдат – в повальном мародерстве и расстрелах пленных. Все это вызывает острое неприятие. В книге намного больше публицистики, чем истории. Словом, это издание новейшего времени, переведенное на русский язык, – яркий «образец» оголтелого антисоветизма, воспринимающийся как проявление неугасающей ностальгии по взглядам и традициям периода холодной войны.

Впрочем, такой агрессивный настрой историка понятен. Причина, очевидно, в том, что для него, как и для большинства немцев военного и послевоенных поколений, катастрофа вермахта на берегу великой русской реки — это обнаженный нерв массового исторического сознания, острый сюжет национальной историографии. Поэтому устремление к поиску достоверного освещения сражения под Сталинградом является компонентом сложного, неоднозначного, мучительного процесса «преодоления прошлого», извлечения уроков из трагедии третьего рейха. «Этот город, – писала 30–31 января 1993 г. газета «Die Welt», – не оставляет равнодушным ни одного немца. Никто из нас не может вычеркнуть его из собственной истории»⁵⁸.

В конце 1992 г. – начале 1993 г., когда отмечалось 50-летие битвы на Волге, Сталинград, по оценке геттингенского профессора А. Людтке, стал «центральной темой печатных и электронных средств массовой информации»⁵⁹. Память о Сталинграде многосложно сплелась с проблемами общественной жизни сегодняшней Германии. Значительный резонанс вызвали коллективные труды, авторы которых, несмотря на различие отдельных подходов, едины в оценке войны против Советского Союза как криминальной, противоправной акции, убеждены в том, что поражение 6-й армии стало предвестником закономерного краха нацистской системы. Речь идет о следующих изданиях: «Сталинград. Мифы и реалии одного сражения» (под ред. В. Ветте и Г. Юбершера – сотрудников Военно-исторического ведомства ФРГ), «Сталинград. Событие. Воздействие. Символ» (под ред. Ю. Ферстера, также работающего в том же ведомстве), «Сталинград – немецкая легенда» (под ред. берлинского исследователя Й. Эберта)⁶⁰. В основе этих сборников – полидисциплинарная методология реконструкции прошлого, синтез усилий военных историков, психологов, педагогов, медиков, литературоведов. Солидное участие в деятельности авторских коллективов, в розыске и публикации новых документальных свидетельств Сталинградской битвы приняли российские ученые, архивисты, музейные работники.

Показателем наступавшего поворота в научном освещении и массовом осознании уроков великого сражения Второй мировой войны стала вышедшая в 1987 г. книга В.Р. Байера – известного философа, исследователя творчества Гегеля, президента Международного Гегелевского общества «Сталинград. Внизу, где жизнь была конкретна». Эта книга – сгусток личных впечатлений солдата Байера, пережившего трагедию окружения, тяжело раненного и вывезенного из котла одним из последних самолетов. Это и эссе о современном значении философии Гегеля (подзаголовок книги воспроизводит, чуть видоизменив, формулу великого мыслителя из его «Философии права»). Это и квалифицированный, острый критический обзор вышедшей в ФРГ литературы о катастрофе 6-й армии. Содержание книги находится как бы на рубеже двух сознаний: сознания солдата – одного из многих, брошенных на гибель своими командирами, и сознания умудренного годами человека, обреченного, по его словам, «тащить на себе в течение всей своей жизни груз выстраданной истории»⁶¹.

Правдивая история – это прежде всего истинно научная история, базирующаяся на действенной научной методологии, исключающей так называемые запретные темы и стыдливые умолчания, на солидном информационном обеспечении, широком использовании архивных документов, на надежной и достоверной статистике⁶².

■ История

Современный этап развития военно-исторической науки, характеризующийся переосмыслением событий прошлого, расширением источниковой базы, включением в научный оборот новых, ранее не известных документов и материалов, столкновением и даже противоборством мнений, концепций, теорий, предъявляет высокие требования к определению форм, методов и средств разоблачения фальсификаций военной истории. Это особенно важно, ибо общий механизм фальсификации военной истории становится все изощреннее, сочетает в себе как открытую ложь в освещении событий, фактов военной истории, так и замаскированные попытки «подправить», исказить содержание военно-исторических процессов.

Методика разоблачения фальсификаций военной истории представляет собой неотъемлемую часть методологии, своего рода инструментарий для воплощения в жизнь научных принципов критики противников. Важнейшими аспектами методики выявления фальсификации военной истории являются: глубокое знание «механизма» фальсификации военной истории, в особенности средств, приемов и методов фальсификации; разоблачение научной и фактической несостоятельности пропаганды фальсифицированной военной истории; совершенствование собственных форм и методов, приемов и средств разоблачения фальсификаций.

Главным средством фальсификации является ложь. Ложь, как средство фальсификации, может быть открытой, явной, прямой или в форме полуправды, недомолвки, замалчивания, клеветы, обмана. Сами фальсификаторы истории признаются в том, что прибегают ко лжи в своих «исторических исследованиях». «Человеческий разум, – откровенничает американский историк М. Чукас, – должен быть нейтрализован или поставлен в условия бездействия путем сокрытия относящихся к делу фактов, должен быть введен в заблуждение и дезориентирован путем искаженного изображения действительности»⁶³.

В наше время наиболее распространенными методами извращения событий и фактов военной истории являются: «барраж» («постановка заграждения», «затуманивание»); «ред херринг» («копченая селедка»); «тестимониал» («лжесвидетельство, подлог»); «кард стокинг» («подставка карт»); «глиттеринг дженерелити» («лакировка, представление в розовом свете»); «нейм коллинг» («наешивание ярлыков, кличек»); «персонафикация» и другие⁶⁴. Их необходимо уметь различать и противопоставлять им свои эффективные методы. Прежде всего – опровергать их измышления на основе неопровержимых документов.

Борьба с фальсификациями военной истории предполагает систему взаимосвязанных функциональных аспектов: критический

(разоблачающий), утверждающий (пропагандирующий) и упреждающий. Иными словами, тщетно призывать кого-либо к соблюдению научных принципов в области военной истории, если не разоблачать их фальсификации, не утверждать всемерно историческую правду и не упреждать возможные идеологические диверсии.

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что на данный момент характерной особенностью западной историографии Сталинградской битвы остается крен в сторону немецких источников. Они доступнее для западных исследователей, и языковой барьер здесь играет менее существенную роль. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что на Западе российские военно-исторические труды читают и изучают. Поэтому определенным залогом объективного освещения западными историками событий на советско-германском фронте является наличие в российской историографии Великой Отечественной войны, а в связи с рассматриваемой в данной статье темой – и Сталинградской битвы, научных трудов, опирающихся на неопровержимые документы.

Необходимо учитывать, что холодная война наложила глубокий, весьма живучий отпечаток на работы многих историков США, Великобритании и других стран. Они рассматривали и рассматривают до сих пор Сталинградскую битву как событие, оказавшее влияние лишь на ход войны СССР с Германией, предпринимают попытки приуменьшить ее историческое значение, приравнять достигнутый блестящий успех Красной армии к менее значительным военным успехам англо-американских войск на других театрах военных действий.

Правда, в некоторых публикациях, на наш взгляд, все же правильно отмечается, что битва на Волге стала Великой Победой Советского Союза, пунктом, от которого начался отсчет времени существования третьего рейха. С другой стороны, встречаются оценки, которые указывают, что Сталинградская битва и ее итоги в значительной мере способствовали укреплению международных позиций Советского Союза. В частности, английский историк Дж. Эрикссон писал об этом так: «Если победа под Полтавой в 1709 г. вывела Россию в число европейских держав, то победа под Сталинградом показала, что СССР становится ведущей мировой державой»⁶⁵.

В заключение подчеркнем: как бы не изощрялись некоторые западные историки, пытаясь приуменьшить значение Сталинградской битвы, было и остается неопровержимым фактом, что она явилась важнейшим историческим рубежом на пути к победе в Великой Отечественной и всей Второй мировой войне. Победа, одержанная в ней Красной армией, окончательно перечеркнула планы нацистского руководства Германии

сокрушить Советский Союз, захватить его земли, превратить его народы в рабов германских хозяев. После Сталинграда германский вермахт и армии фашистских союзников утратили стратегическую инициативу. Уже не они, а Красная армия до победоносного завершения войны определяла ход и результаты вооруженной борьбы на советско-германском фронте. Вместе с тем сокрушительный разгром войск блока агрессоров под Сталинградом явился решающим вкладом в изменение стратегической обстановки

в пользу антигитлеровской коалиции на всех других фронтах Второй мировой войны.

Paderin A.A. *The Battle of Stalingrad in the focus of western historiography.*

Summary: *This article is about: The Battle of Stalingrad is drastic turning point in World War II. The Battle of Stalingrad is discussed by western historians in markedly different ways. Methods and techniques of perversion the historical significance of the Battle of Stalingrad. Different ways to expose misrepresentation of crucial events and results of the Battle of Stalingrad.*

Ключевые слова

Сталинградская битва как начало коренного перелома в войне; противоречивые оценки битвы западными историками; формы, методы и средства фальсификации истории и роли битвы; методика разоблачения попыток исказить суть событий и итоги битвы.

Keywords

The Battle of Stalingrad is drastic turning point in World War II. The Battle of Stalingrad is discussed by western historians in markedly different ways. Methods and techniques of perversion the historical significance of the Battle of Stalingrad. Different ways to expose misrepresentation of crucial events and results of the Battle of Stalingrad.

Примечания

1. См.: Борозняк А.И. Германская историография Сталинградской битвы // Вопросы истории. 1996. №10. С. 154 – 163.
2. См.: Manstein E. f. *Verlorene Siege*. Frankfurt a. M. 1955; *Stalingrad. Mythos...* S. 207, 210.
3. Wieder J. *Stalingrad und die Verantwortung des Soldaten*. Munchen. 1962. Русское издание: Видер И. Катастрофа на Волге. М. 1965, с. 160, 326 – 327.
4. Там же. С. 147, 218.
5. Wieder J. *Stalingrad und die Verantwortung des Soldaten*. Munchen. 1993. S. 8.
6. Jacobsen H.-A. *Zur Schlacht von Stalingrad – 20 Jahre danach* // *Allgemeine Schweizerische Militarzeitschrift*, 1963, Hf. 2, S. 63 — 69.
7. Белья Г. Способность скорбеть // *Новое время*, 1988. № 24. С. 37.
8. Чубарьян А.О. Вступительное слово // Международная научная конференция «Война. Народ. Победа», посвященная 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. М., 2005. 15–16 марта. С.5.
9. Сталинградская битва и её геополитическое значение / под общ. ред. С.Е. Нарышкина, акад. А.В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России М.: МГИМО Университета, 2013. 480 с.
10. Там же. С. 213 – 243.
11. Исаев А.В. История Сталинградской битвы в новейшей западной историографии // Материалы научной конференции «70 лет контрнаступлению под Сталинградом 19 ноября 1942 г. и начала коренного перелома в войне». М., 2012, 19 ноября.
12. Boog H. Rahn W. Stumpf R. Wegner B. *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Der globale Krieg – Die Ausweitung zum Weltkrieg und der Wechsel der Initiative 1941 bis 1943*, Deutsche Verlags-Anstalt, Stuttgart 1990.
13. Цит. по: Boog H. Rahn W. Stumpf R. Wegner B. *Germany and the Second World War: Volume VI: The Global War*. Oxford University Press, USA, 2001. P.1090.
14. *Op.cit.* P.1117.
15. Гелен Р. Война разведок. Тайные операции спецслужб Германии. 1942–1971. М., 2003. С. 64–76.
16. Maser W. *Falchung, Dichtung und Wahrheit uber Hitler und Stalin*. Munchen, 2005. S. 280-283.
17. *Op.cit.* P.1169.
18. Jluks G. *Stalingrad: The Turning Point*. New-York. 1968. С. 154.
19. *The History of the Second World War*. London. 1968. Vol. 3. %15 (cover); *Great Battles of the 20" Century*. (Ed. B. Pitt) London, 1977. P. 209.
20. *Le Figaro*. 1972. 28 aout
21. Freund M. *Deutsche Geschichte*. Gutersloh. 1973. S. 1401.
22. Kehrig M. *Stalingrad: Analyse und Dokumentation einer Schlacht*. Stuttgart. 1974. S. 11.
23. См.: Кульков Е. Н., Ржешевский О. А., Чельшев И. А. *Правда и ложь о второй мировой войне/ Е. Н. Кульков, О. А. Ржешевский, И. А. Чельшев; Под ред. О. А. Ржешевского. 2-е изд., доп.* М.: Воениздат, 1988. С. 127–128.
24. Zentner K. *Illustrierte Geschichte des Zweiten Weltkrieges*. Munchen, 1973, S. 439.
25. Michel H. *1a Seconde guerre mondiale*, Paris, 1977, E 1, p. 467.
26. Axell A. *Stalin War through the Eyes of his Commanders*. L., 1997. P. 89.

■ История

27. Сталинградская битва и её геополитическое значение / под общ. ред. С.Е. Нарышкина, акад. А.В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. М.: МГИМО–Университет, 2013. С. 344.
 28. Uhlir F. Hohe und Wendepunkte deutscher Militargeschichte. Mainz, 1984, S. 340.
 29. Сквайрс Р. Дорога войны: Записки английского офицера: Пер. с нем. М., 1952. С. 13.
 30. Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. М., 1995. С. 11.
 31. См.: Сталинград: забытое сражение. М., 2005. С. 120–121.
 32. Робертс Дж. Победа под Сталинградом: Битва, которая изменила историю: Пер. с англ. М., 2003. С. 30.
 33. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 6. Stuttgart. 1990; Сталинград. Событие. С. 21, 33.
 34. Manstein E. Verlorene Siege. Bonn, 1955. S. 395.
 35. Ziemke E. Stalingrad to Berlin: The German Defeat in the East. Washington, 1968. P. 80.
 36. Zierer O. Deutschland: Kleine Geschichte Grosser Nation. Gutersloh, 1976. S. 115.
 37. Der Spiegel, 16.XII.2002, N 51. S. 73-74.
 38. Сталинград: Событие. Воздействие. Символ: Пер. с нем. М., 1995. С. 27; Kerr W. Das Geheimnis Stalingrad. Dusseldorf und Wien, 1977. S. 107 – 108.
 39. Робертс Дж. Указ. соч. С. 63, 28, 57.
 40. Вторая мировая война. Взгляд из Германии: сб. статей. Пер. с нем. М., 2005. С. 190.
 41. Arnold-Forster M. The World at War. London, 1974. P. 138.
 42. Сталинград: Событие. Воздействие. Символ: Пер. с нем. М., 1995. С. 28.
 43. Kehrig M. Op. cit. S. 37.
 44. Kehrig M. Op. cit. S. 43, 52, 88-89, 136-137, 141.
 45. Craig W. Op. cit. P. 218-228.
 46. Kehrig M. Op. cit. S. 371.
 47. Der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1979. Bd. 2. S. 285.
 48. Stokesbury J.A. A Short history of World War II. New York, 1980. P. 239.
 49. Grigg J. 1943: The Victory That Never Was. New York, 1980. P. 93.
 50. Beevor A. Stalingrad: The Fateful Siege 1942 - 43. Penguin Books. 1998; Beevor A. Stalingrad: The Fateful Siege: 1942-1943. New York: Viking, 1998. Русское издание: Сталинград- Смоленск: Русич, 1999.
 51. Beevor A. Op. cit. P. 81.
 52. Forster G. und andere. Der Zweite Weltkrieg. Berlin, 1972. S. 173, 195-197.
 53. См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1965. Т. 6. С. 30.
 54. См.: Гальдер Ф. Военный дневник. Пер. с нем. М., 1971. Т. 3. Кн. 2. С. 351.
 55. См.: Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933-1945: Пер. с нем. М., 1976. Т. 3. С. 280, 395.
 56. Там же. С. 277, 285, 409.
 57. Цит. по: Бивор Э. Сталинград – Смоленск.: Русич, 1999. С. 418.
 58. См.: Борозняк А.И. Указ. соч. С. 154.
 59. SOWI (Sozialwissenschaftliche Informationen), 1993, Hf. 1, S. 2.
 60. Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. Frankfurt a. M. 1992; Stalingrad. Ereignis. Wirkung. Symbol. Munchen. 1992. Русский перевод: Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. М. 1994; Stalingrad — eine deutsche Legende. Reinbek. 1992.
 61. Beyer W.R. Stalingrad. Unten, wo das Leben konkret war. Frankfurt a. M. 1987, S. 59.
 62. Современные методологические проблемы военной истории в системе военного образования: Монография / Под общ. ред. генерал-майора С.А. Тюшкевича и генерал-лейтенанта Р.Л. Тимошева. М.: Военный университет, 2008. С. 199 – 212.
 63. Цит. по: Военная история как объект идеологической борьбы. М., 1991. С. 33.
 64. Там же.
 65. Erickson G. The Road to Berlin. London., 1983. P. 47.
-

Межконфессиональные противоречия в Саудовской Аравии: «шиитский вопрос»

А.В. Федорченко

Статья посвящена анализу так называемой шиитской проблемы в Королевстве Саудовская Аравия. С этой целью рассматриваются такие вопросы, как положение шиитов в КСА, проблемы их участия в общественной жизни королевства, нарастание протестного движения в этой общине, оцениваются перспективы урегулирования межконфессионального противоречия между суннитами и шиитами в королевстве.

Королевство Саудовская Аравия (КСА) наряду с другими аравийскими монархиями (за исключением Бахрейна) пока остается вне зоны арабской «оттепели». Властям этой страны удалось сохранить политическую и социальную стабильность, в основе которой многие годы было сочетание трех факторов:

- во-первых, доходы от экспорта нефти давали возможность устранять реальные и потенциальные очаги социального протеста;
- во-вторых, режим поддерживал союзнические отношения с консервативными религиозными кругами и лидерами племенных кланов;
- в-третьих, гарантировалась национальная безопасность западными державами, в первую очередь США.

В то же время за кажущимся спокойствием в стране скрываются обострившиеся в последнее время внутриполитические и социальные противоречия, экономические проблемы. Образ процветающего и богатого аравийского государства не вполне соответствует действительности. В начале XXI в. экономическая и социально-политическая обстановка в Саудовской Аравии существенно обострилась. Долгосрочные программы диверсификации экономики не уменьшили зависимость страны от экспорта нефти. Удельный вес добыва-

ющей промышленности в ВВП составил в 2007 г. 56,1%, обрабатывающей индустрии – 9,3%, услуг – 31,6%¹. В то же время в результате стабильного роста внутреннего потребления энергоносителей (в среднем на 7% в год) доля производства, остающаяся для внешнего рынка, сократилась с 76% в 2000 г. до 65% в 2011 г. Показатель ВВП на душу населения в КСА – самый низкий среди стран ССАГПЗ. В период с 2000 по 2011 г. он почти не изменился и составлял около 20 тыс. долл.

Среднегодовые темпы роста численности населения Саудовской Аравии в течение последних четырех десятилетий являлись одними из самых высоких в мире и составляли 4%. В результате высоких темпов роста населения, которое увеличилось с 20,0 млн в 2000 г. до 27,4 млн в 2010 г.², а также недостаточной диверсификации экономики рынок труда не в состоянии абсорбировать дополнительную рабочую силу. Возможности госсектора по трудоустройству в основном исчерпаны, а в частном секторе на мигрантов приходится до 90% рабочей силы. Безработица превышает 20% трудоспособного населения. По официальным данным, 670 тыс. семей (около 3 млн человек) живут ниже черты бедности³.

Прогнозируется, что, несмотря на наметившуюся в последние годы тенденцию к снижению

■ Политология

рождаемости, к 2050 г. число ее жителей увеличится до 45 млн чел. Это означает, что руководству королевства предстоит обеспечить рабочие места растущему числу молодых саудовцев (как мужчин, так и женщин), а работающим гражданам – достойное существование в старости. Даже для Саудовской Аравии с ее огромными нефтяными ресурсами это непростая задача⁴.

Блок внутренних противоречий имеет и конфессиональную основу. КСА в этом отношении не является исключением на Арабском Востоке. Религиозная принадлежность здесь, как правило, определяет характер общественной структуры государств, их политических систем, взаимоотношений по линии «государственное руководство – население». Основу официального религиозного института в КСА составляют улемы, придерживающиеся ханбалитского толка в его ваххабитской интерпретации. Представители других толков и течений в исламе участия в выработке и принятии политических решений не принимают.

Шиитская община является одной из составных частей оппозиционного потенциала королевства. Внутренние конфликты и расколы в стране происходят по двум линиям: политический истеблишмент – внесистемная оппозиция, консерваторы – либералы. Оппозиция представлена радикальными ваххабитами, представителями организаций шиитского меньшинства. На деятельность исламской оппозиции заметное влияние оказывают различного рода религиозные разногласия: между суннитами и шиитами в Восточной провинции, трения между традиционалистами в приморских городах и консервативными ваххабитами в Неджде, между шафиитами и шиитами в Хиджазе. Таким образом, в стране сохраняется сложная конфессиональная ситуация, хотя власти и пытаются это отрицать⁵.

Положение шиитов в КСА

Точные сведения о численности шиитов в Саудовской Аравии не публикуются. По оценкам, шиитская община насчитывает от 1 млн до 1,4 млн человек, что составляет 4–5% от всего населения страны. Большинство шиитов проживает в Восточной провинции, где они оставляют примерно 60% местного населения. По другим данным, в КСА проживают примерно 3 млн шиитов. Шииты составляют почти половину населения таких крупных городов Восточной провинции, как Даммам, Аль-Захран, Аль-Хуфuf, Аль-Катыф. Кроме того, около 250 тыс. последователей этой конфессии населяют юго-восточные и западные районы страны. В столице КСА – Эр-Рияде проживают около 30 тыс. шиитов. По этническому составу эта община крайне разнородна – помимо собственно арабской составляющей (саудовские арабы) часть шиитов происходит из Ирана, Йемена, Индии и Пакистана. Почти все они являются сторонниками имамитской и исмаилитской религиозно-правовых систем шиизма.

Для наглядного представления о географическом размещении шиитской общины ниже при-

ведены данные об административном делении Саудовской Аравии.

Схема расположения провинций КСА.

№	Провинция	Административный центр	Площадь, км ²	Население, (2010) чел.	Плотность, чел./км ²
	Всего		2 149 690	27 136 977	12,62
1	Эль-Баха	Эль-Баха	9 921	411 888	41,52
2	Эль-Худуд эш-Шамалийя	Арар	111 797	320 524	2,87
3	Эль-Джауф	Эль-Джауф	100 212	440 009	4,39
4	Эль-Медина	Медина	151 990	1 777 933	11,70
5	Эль-Касим	Бурайда	58 046	1 215 858	20,95
6	Эр-Рияд	Эр-Рияд	404 240	6 777 146	16,77
7	Восточная	Даммам	672 522	4 105 780	6,11
8	Асир	Абха	76 693	1 913 392	24,95
9	Хаиль	Хаиль	103 887	597 144	5,75
10	Джизан	Джизан	11 671	1 365 110	116,97
11	Мекка	Мекка	153 128	6 915 006	45,16
12	Наджран	Наджран	149 511	505 652	3,38
13	Табук	Табук	146 072	791 535	5,42

Источник: www.wikipedia.org/wiki/Провинции_Саудовской_Аравии.

Исследователи обращают внимание на неясность и противоречивость статуса шиитов в КСА⁶. Сама теология шиизма определяет политизированность и повышенную социальную активность шиитов. В других странах с многочисленной шиитской общиной эта активность выплеснулась в последние годы в форме протестного движения (Бахрейн) или даже привела к разгоранию гражданской войны (в первую очередь в Ираке). В Саудовской Аравии этого не произошло – шииты остаются дискриминированным меньшинством, политическая активность которого жестко подавляется правящим режимом.

Суннитское руководство страны относится к шиитам как к группе риска, «пятой колонне», способной дестабилизировать государственность королевства. Негласная дискриминация шиитов проявляется в фактическом запрете их трудоустройства в органах государственного управления, элитных частях вооруженных сил и органах безопасности. Средства массовой

информации королевства полностью игнорируют наличие шиитской проблемы. На официальном уровне эта проблема также почти никогда не затрагивается. В то же время в ваххабитской среде активно обсуждаются вопросы о том, насколько шииты лояльны саудовским властям. Религиозные экстремисты называют шиитов «звеном в глобальной борьбе между мусульманами и неверными», «пятой колонной евреев и американцев». Их цель якобы – участие в осуществлении планов раздела КСА на три государства (государство шиитов на востоке страны с захватом нефтяных богатств королевства, Хиджаз на западе и государство Неджд в центральной части)⁷.

Хронология конфликта

Первый в современный период заметный подъем оппозиционных настроений в шиитской общине произошел после исламской революции в Иране в 1979 г. В ноябре в Восточной провинции прошли стихийные мирные демонстрации, на разгон которых правительство направило отряды национальной гвардии. Демонстранты выступили с требованиями улучшения качества жизни шиитов, обеспечения их культурно-религиозных прав и свобод, развития инфраструктуры в местах их компактного проживания и пр. По некоторым данным, в ходе этих событий возникло ядро шиитской «Организации исламской революции за освобождение Аравийского полуострова» (ОИР). Лидеры ОИР, часть из которых находится в эмиграции, пытаются компенсировать ее узкую социальную базу, организационную слабость и конфессиональную изолированность призывами к единству шиитов и суннитов, а также тесными связями с Ираном.

Одно из наиболее ожесточенных столкновений с шиитами произошло в 1987 г., когда группой паломников-иранцев в Мекке была организована несанкционированная антиамериканская и антиизраильская демонстрация, к которой подключилось значительное количество саудовских шиитов. Пытаясь разогнать митингующих, саудовские власти применили силу, что привело тогда к гибели около 400 паломников. Опасаясь за свою жизнь, большая часть шиитской интеллигенции эмигрировала за пределы Саудовской Аравии, откуда начала вести целенаправленную антирежимную пропаганду о притеснениях и гонениях, которым подвергаются саудовские шииты внутри королевства⁸.

Относительного перемирия в отношениях с шиитами королевская семья добилась лишь в 1993 г. В обмен на обещание не заниматься подрывной деятельностью на территории КСА оппозиционным лидерам была предоставлена возможность вернуться в страну. Три шиитских лидера вошли в состав Меджлис аш-Шура⁹, шииты стали привлекаться к работе в СМИ. Однако фактически негативное отношение к шиитам продолжало сохраняться в КСА на всех уровнях. В 1996 г. шииты восточных провинций КСА снова попадают в немилость

со стороны семьи Аль-Сауд после того, как их обвинили в организации взрывов на американской военной базе в городе Хобар, повлекших за собой гибель 19 американских военнослужащих. Несмотря на то что многие из задержанных спустя некоторое время были оправданы, часть из них продолжает находиться в местах лишения свободы без вынесения им каких-либо официальных обвинений¹⁰.

Летом 2006 г. в восточных провинциях королевства саудовские шииты устроили народные гуляния по случаю, как они говорили, поражения израильской армии во второй израильско-ливанской войне против сил шиитской группировки «Хизбалла». Известны случаи, когда представители саудовских правоохранительных органов без суда и следствия арестовывали всех, кто был прямо или косвенно уличен в симпатии к лидеру движения «Хизбалла» Хасану Насралле или его группировке¹¹. В 2003 г. власти пошли на проведение первого внутрисаудовского межконфессионального форума. На состоявшейся в 2004 г. в Мекке второй встрече под названием «Национальный диалог» один из шиитских лидеров, шейх Хашим Сальман, отметил возрастающую дискриминацию шиитского меньшинства в саудовском обществе¹².

В 2005 г. саудовские власти сняли многие ограничения на празднование шиитских религиозных праздников, таких, как Ашура или Каркеан. В том же году были впервые разрешены выборы в местные муниципальные собрания, в Аль-Катыфе все шесть вакантных депутатских должностей достались шиитам, в то время как в Аль-Ахсаа шииты получили 5 из 6 вынесенных на голосование депутатских мандатов.

Волнения среди местного населения в Восточной провинции возобновились в феврале 2011 г., но были жестоко подавлены¹³. 10 марта того же года в Аль-Катыфе полиция открыла огонь по митинговавшим шиитам, которые требовали выпустить из тюрем их единоверцев. Три человека получили ранения во время беспорядков. Митинги в Саудовской Аравии были запрещены министерством внутренних дел с начала марта 2011 г. на том основании, что манифестации и шествия противоречат шариату. Тогда же полиция получила право применять любые средства для пресечения незаконных собраний¹⁴. В марте 2011 г. Саудовская Аравия ввела войска в Бахрейн, тем самым положив конец массовым выступлениям шиитов против правящей суннитской династии Аль-Халифа.

4 октября 2011 г. произошли новые волнения в Восточной провинции. Саудовские власти заявили, что напряженность нагнетается из-за рубежа, в основном Ираном. 9 июля 2012 г. в Саудовской Аравии в столкновениях полиции с шиитами погибли 2 и ранены по меньшей мере 20 чел. Демонстрации протеста в Аль-Катыфе начались после того, как оппозиционно настроенный священнослужитель-шиит Нимр аль-Нимр был ранен и арестован силами правопорядка. Официальные саудовские СМИ сообщили, что Н. аль-Нимр был арестован, так как он и его сторонники устроили перестрелку с представителями сил правопорядка и врезались

в полицейский автомобиль. Н. аль-Нимр получил известность как критик суннитских властей Саудовской Аравии. В 2009 г. он предложил создать сепаратистское движение, если шииты не получат равных прав с суннитами. Очевидцы сообщили, что во время столкновений демонстрантов и сил правопорядка 2 чел. были убиты, не менее 20 чел. получили ранения. Выступления в Аль-Катыфе в июле стали крупнейшими с момента массовых протестов осенью 2011 г.

Растущие антимонархические настроения на востоке страны нельзя недооценивать. В том случае, если демонстрации продолжатся и люди будут гибнуть, саудовской армии придется бросить всю свою мощь на подавление этих выступлений. Следовательно, меньше внимания будет уделено проблематичной ситуации на границе с Йеменом, где пару лет назад уже шла война с племенами хути. Брешью в саудовской системе безопасности также не преминут воспользоваться и суннитские противники режима – активисты «Братьев-мусульман», с одной стороны, и ветераны «Всемирного Джихада» – с другой¹⁵.

Протесты раздаются и в другой саудовской провинции – Наджран. В отличие от шиитов Восточной провинции двенадцатников или иснаашаритов, в основном коренное население Наджрана принадлежит к особой ветви «крайних» шиитов – к так называемым «умеренным» исмаилитам – мусталитам. В настоящее время саудовские и йеменские мусталиты входят в единое исмаилитское сообщество «Сулеймани Бохра» (Sulaimani Bohra), которое имеет своих приверженцев также в Индии и Пакистане. В отличие от шиитов Восточной провинции, религиозная структура исмаилитской общины построена на племенной организации. Точное число последователей исмаилизма в Саудовской Аравии учесть практически невозможно (по оценкам, от 400 тыс. до 1 млн), так как, являясь более закрытой и эзотерической сектой по сравнению с иснаашаритами, они скрывают свою религиозную принадлежность, применяя на практике один из главных принципов своей веры – ат-такиья (благоразумное скрывание).

Положение саудовских исмаилитов Наджрана, в отличие от шиитов Восточной провинции, не слишком часто становилось предметом внимания международных СМИ и правозащитных организаций. Тем не менее эта внутренняя проблема в КСА реально существует и в последние годы стала особо актуальна, хотя пока рано говорить о сложившихся сепаратистских тенденциях в Наджране, в отличие от Восточной провинции. Сложно также делать выводы о формировании системной политической исмаилитской оппозиции в королевстве, хотя такие предпосылки, безусловно, есть. По всей видимости, на данном этапе это касается только местной интеллигенции, пытающейся создавать такие структуры, которые могли бы стать при определенных условиях неформальными политическими партиями, подобно «Аль-Исляхийи» в Восточной провинции¹⁶.

В целом политическая активизация шиитских общин была одной из ведущих тенденций на Ближнем Востоке в последние тридцать лет, но усилия саудовского руководства по поддержанию монолитности общества свели к минимуму участие шиитского населения КСА в религиозном и политическом возрождении этой конфессиональной группы. Саудовские шииты ежедневно сталкиваются со значительными препятствиями, связанными с ограниченными возможностями карьерного роста, сложностью поступить на воинскую службу. До последнего времени шииты не имели права служить в военно-воздушных войсках, быть пилотами гражданских самолетов, занимать должности судей в судах административной юрисдикции, выступать в качестве свидетелей и т.д. Многие шиитские правозащитники сетуют также на полное отсутствие шиитских кладбищ, а также весьма ограниченное количество мечетей для шиитов, в особенности на востоке королевства.

В высших эшелонах саудовской власти нет ни одного представителя шиитского меньшинства. Их также нет ни среди министров, ни среди высокопоставленных чиновников дипломатической службы страны. Многие саудовские шииты с большой долей критики воспринимают нынешнюю религиозную политику центральной власти королевства, время от времени напоминая семье Аль-Сауд об обещании, данном основателем Саудовской Аравии шейхом Абдель Азизом ибн Саудом в 1913 г. о том, что род Аль-Сауд будет делать все для того, чтобы гарантировать свободу и безопасность шиитов¹⁷.

В изменившейся ситуации в регионе в ходе усиления шиитско-суннитского противостояния во время «арабской весны» саудовские шииты также не смогли создать реальную угрозу королевской семье и ассоциированным с ней кланам. Сказалась слабая организованность протестного процесса и политическая разобщенность саудовских шиитов. Следует учитывать ограниченность свободы для политической консолидации в стране. Политическая оппозиция как формализованное движение, противостоящее власти, пока еще отсутствует. Значительная часть оппозиционеров вынуждена проживать и работать за рубежом – в Западной Европе, США и некоторых арабских государствах. Наиболее радикальной неформальной шиитской группировкой считается местная «Хизбалла» (до 1000 активистов). Более умеренным является «Аль-Исляхийя» – «Шиитское движение за реформы».

Суть современной государственной политики королевства по отношению к шиитскому меньшинству состоит в сочетании формального предоставления новых прав шиитам и ужесточения фактического контроля над деятельностью формальных и неформальных объединений внутри общины. Большую роль в умиротворении шиитской и иной оппозиции играет перераспределение нефтяных доходов. Направляя дополнительные финансовые ресурсы (а это миллиарды долларов) на решение социальных проблем, саудовское государство снижает степень

недовольства в обществе, существенно нивелирует влияние «арабской весны» на своих граждан.

Последние тому подтверждения – законодательные акты начала 2011 г. и государственный бюджет на 2012 г. В феврале 2011 г., когда события «арабской весны» были в разгаре, вышли указы о выделении на нужды социального обеспечения, повышение студенческих стипендий, развитие профессиональной подготовки женщин, жилищное строительство 121 млрд риалов (более 35 млрд долл.). Это был «королевский дар» подданным саудовского монарха, призванным не допустить возможности возникновения в королевстве ситуации, идентичной той, которая складывалась в окружающем Саудовскую Аравию региональном пространстве¹⁸.

Бюджет 2012 г. свидетельствовал о продолжении такой политики, он был призван «поддерживать последовательное развитие страны», создать «новые рабочие места для граждан», обеспечить «пропорциональное развитие отраслей экономики и регионов государства». Из 690 млрд риалов (184 млрд долл.) бюджетных расходов 168 млрд выделялось на нужды бесплатного образования всех уровней, 86,5 млрд риалов – на нужды бесплатного здравоохранения и социального развития (что на 26% превышает соответствующие расходы 2011 г.), 29 млрд риалов на муниципальное развитие¹⁹. Таким образом, в сумме 41% расходов бюджета выделялось на образование, здравоохранение и муниципальные нужды.

Выводы

Для России политическая ситуация в районе Персидского залива имеет принципиальное значение вследствие размеров его ресурсного потенциала, значительной роли в мировой энергетике, географической близости, влияния аравийских стран на мусульманское население нашей страны. Относительная политическая стабильность и экономический вес аравийских монархий служат основой нового, аравийского вектора ближневосточной политики России. В регионе растет влияние монархий зоны Персидского залива, в первую очередь Королевства Саудовская Аравия.

В условиях современной политической и социальной турбулентности в арабском мире одной из главных задач саудовского руководства является поддержание стабильности режима на основе сохранения баланса сил между различными слоями общества, подавления сепаратистских движений. Результативность такой политики будет определяться, во-первых, готовностью режима к трансформации в направлении частичной либерализации внутривнутриполитической жизни, во-вторых, степенью консолидированности оппозиции, в том числе внутри шиитской общины. Внешнее давление на саудовское руководство с целью ускорения начала реформирования, а также поддержка оппозиционных групп со стороны зарубежных государств будут носить деструктивный характер.

Уязвимость правящей элиты связана, помимо прочего, и с тем, что Саудовское Королевство было насильно «сшито» его основателем из разнородных территорий. Нынешние правители осознают потенциальную возможность раскола страны на восточную (шиитскую) часть, северо-западную часть, исторически тяготеющую к Иордании, и южные районы, имеющие давние связи с Йеменом. Сепаратистские настроения сохраняются в Хиджазе. Кроме того, многие племена не забыли насилия Саудидов в прежние времена²⁰.

Прогнозирование решения шиитской проблемы в КСА затруднено недостаточной предсказуемостью развития ситуации в регионе в целом. Но из существующих сценариев трансформации напряженных отношений между суннитами и шиитами, которая затронет интересы саудовских шиитов, возможными представляются следующие:

- в ходе нарастающего ирано-саудовского соперничества за доминирование в регионе Большого Ближнего Востока и в мусульманском мире в целом суннитские движения перехватывают политическую инициативу, и при поддержке внешних сил (аравийские монархии или Турция) образуется надгосударственный «новый халифат» в составе Египта, Сирии и кого-то из названных государств-инициаторов такого объединения. Позиции саудовских шиитов при этом сильно ослабнут;

- «оманский сценарий», так называемый мирный вариант, предполагает шиитско-суннитский диалог на основе сплочения либеральной суннитской оппозиции и конструктивно настроенных шиитов. Если такой альянс одержит верх над суннитскими консерваторами, появятся шансы на переустройство саудовского общества на принципах большей, чем ранее, социальной справедливости и демократизации политической системы. Все это будет способствовать возрождению саудовской шиитской общины. За образец может быть взят опыт соседней аравийской монархии – Омана, где власти, придерживаясь либеральных политических подходов, избегают «острых углов» в вопросах межконфессионального общения. В отличие от Саудовской Аравии или Бахрейна, положение шиитов в Омане кардинальным образом отличается от положения их единоверцев в соседних государствах ССАГПЗ. Невзирая на свою малочисленность (около 100 тыс. чел.), оманские шииты издавна занимали важную нишу в торговых связях Омана с зарубежными государствами. Среди оманских шиитов существует большое количество видных бизнесменов, курирующих реализацию ряда национальных инфраструктурных проектов. Местные шииты никогда не испытывали дискриминационного отношения в вопросах карьерного роста²¹;

- наиболее благоприятный для шиитов вариант – начало «арабской весны» на Аравийском полуострове и создание своего рода союза шиитских государств (территорий) по обе стороны Персидского залива²².

■ Политология

При том, что все эти три сценария трудно реализуемы в ближайшее время, последний из них, очевидно, является наименее вероятным по крайней мере в среднесрочной перспективе.

Россия заинтересована в дальнейшем сближении с Саудовской Аравией как по экономическим причинам (необходимость координации действий на мировом энергетическом рынке, перспективность двусторонних инвестиционных и торговых отношений), так и в силу особого места королевства в исламском мире. Хотя внутривнутриполитическая стабильность и территориальная целостность КСА объективно будут способствовать этому сближению, внутренняя политика саудовского руководства, в том числе по отношению к шиитскому меньшинству, вполне закономерно остается вне поля двусторонних межгосударственных отношений. Политика невмешатель-

ства во внутренние дела королевства, сохранение сбалансированного подхода к проблемам международных отношений на Ближнем Востоке позволят сделать безосновательными попытки определенных сил на Западе и в арабском мире исказить реальную позицию России и представить ее однобокой, прошиитской.

Fedorchenko A.V. Sectarian conflict in Saudi Arabia, "Shiite question".

Summary: *The article deals with the the problems of Shiites community in Saudi Arabia. To this end, issues such as the position of the Shiites in the KSA, the problem of their participation in the public life of the kingdom, the growing protest movement in this community are analyzed. The author assess the prospects for the settlement of inter-confessional conflict between Sunnis and Shiites in the kingdom.*

Ключевые слова

Саудовская Аравия, шииты, межконфессиональные противоречия, внутренняя политика Королевства Саудовская Аравия, прогнозы.

Keywords

Saudi Arabia, Shiites, sectarian conflicts, internal policy of the Kingdom of Saudi Arabia, forecasts.

Примечания

1. World Development Indicators 2012. World Bank.
2. OPEC Annual Statistical Bulletin 2010/2011.
3. Fakhro E. The Kingdom Divided. <http://carnegieendowment.org/sada/2012/03/08>
4. <http://www.ru.journal-neo.com/node/118054>
5. Донцов В.Е. Религиозно-политические движения шиитов в Саудовской Аравии // Ближний Восток и современность. №21. М., 2004. С. 98.
6. См.: Логинов И.В. О статусе шиитской общины в Саудовской Аравии // Ближний Восток и современность. № 17. М., 2003. С. 105.
7. Донцов В.Е. Религиозно-политические движения шиитов в Саудовской Аравии // Ближний Восток и современность. № 21. М., 2004. С. 103.
8. Субх М.А. О преследовании представителей оппозиции в некоторых странах ССАГПЗ. <http://www.iimes.ru/?p=15136>
9. Действующий с 1993 г. Консультативный совет при короле, состоящий из членов королевской семьи и влиятельных граждан страны. Совет является законосовещательным органом, представляет законопроекты совету министров и непосредственно королю, который принимает окончательное решение.
10. Субх М.А. О преследовании представителей оппозиции в некоторых странах ССАГПЗ. <http://www.iimes.ru/?p=15136>
11. Там же.
12. Политические системы современных государств. М., 2012. Т. 2. С. 425.
13. Подробнее см.: <http://www.inosmi.ru/world/20120803/195999039.html#ixzz2DSAuZ6Ew>
14. <http://www.vesti.ru/doc.html?id=435367&cid=9>
15. <http://www.ZMAN.com>
16. Железнов А.А. Саудовская Аравия: поиск решения «исмаилитского вопроса» в Наджране. <http://www.iimes.ru/?p=15531>
17. Субх М.А. О преследовании представителей оппозиции в некоторых странах ССАГПЗ. <http://www.iimes.ru/?p=15136>
18. Косач Г.Г. Саудовская Аравия: новый бюджет королевства. <http://www.journal-neo.com/node/12054>
19. Там же.
20. Донцов В.Е. Религиозно-политические движения шиитов в Саудовской Аравии // Ближний Восток и современность. № 21. 2004.
21. Субх М.А. О преследовании представителей оппозиции в некоторых странах ССАГПЗ. <http://www.iimes.ru/?p=15136>
22. См.: Кузнецов А.А. Шиитское возрождение захлебывается арабской весной // «НГ-религии». 16.05.2012.

Особенности демократических реформ в Иордании

А.В. Крылов

В статье анализируется положение палестинской общины в Иордании, которая стала важным фактором политической системы королевства после начала арабо-израильского конфликта и израильской оккупации Западного берега. Исследование показывает, что проводившиеся в стране в последние десятилетия социально-экономические реформы не привели к улучшению положения палестинцев, проживающих в десяти лагерях. Они, в отличие от коренного населения (бедуинское население и общины выходцев с Кавказа), по-прежнему не имеют доступа к государственным структурам власти. Для них был закрыт доступ к конкурентоспособному образованию, на них распространяются многочисленные ограничения в бизнесе – единственной сфере, где они могли преуспеть. Палестинцы и их потомки, составляющие в настоящее время в Иордании не менее двух третей населения, поддерживают в основной своей массе движение ХАМАС и другие радикальные исламистские движения, по-прежнему остаются серьезным фактором, способным дестабилизировать внутреннюю обстановку в Хашимитском Королевстве. Нынешняя неблагоприятная экономическая конъюнктура и крайне нестабильная обстановка на границах Иордании с Сирией, Ираком и зоной палестино-израильского противостояния будут объективно способствовать росту активности исламистов, сторонников свержения Хашимитской монархии. В этой связи не исключена вероятность массовых протестных выступлений антимонархического характера. Вместе с тем монархический двор хорошо осознает зависимость своего существования от развития общей ситуации на Ближнем Востоке, а также финансовой и военной поддержки влиятельных западных стран и нефтедобывающих монархий Аравийского полуострова. Иорданские власти ради сохранения существующего статус-кво будут намеренно ставить страну в зависимое положение от политических интересов США и Саудовской Аравии в регионе, получая взамен всевозможные преференции, военную помощь в случае возникновения угрозы безопасности королевства.

Для правильного понимания сути современных демократических реформ в Иордании в контексте палестинского фактора, оказывающего существенное влияние на все стороны жизни иорданского общества, необходимо учитывать то, что Хашимитское Королевство Иордания является государством, которое было образовано на территории Палестины в период, когда она находилась под британским мандатным управлением. Более того, почти год нынешняя территория Иордании входила в состав подмандатной Палестины, пока в октябре 1922 г.

по решению Лиги Наций не была разделена по естественному руслу реки Иордан на две части. В результате восточная часть исторической Палестины, названная Трансиорданией, была исключена из сферы действия параграфов мандата о создании «еврейского национального очага» и на нее был утвержден отдельный британский мандат.

Подданными королевства Трансиордания, 90% которого занимают пустыни, были в основном бедуины. Немногочисленное население городов и селений, расположенных в основном в долине на восточном берегу р. Иордан, идентифицировало

себя как арабы-мусульмане суннитского толка, как, собственно, и подавляющее большинство арабоязычного населения Западной Палестины. Около 5% населения Трансиордании составляли христиане и переселенцы с Кавказа – адыги («черкесы»), абазыны, абхазы, чеченцы, армяне.

В соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 181/II от 29 ноября 1947 г. о разделе подмандатной Палестины, под создание Государства Израиль предусматривалась площадь, равная 14,1 тыс. кв. км; под арабское Палестинское государство – 11,1 тыс. кв. км. В ходе первой Арабо-израильской войны Израиль аннексировал 6,7 тыс. кв. км, отведенных ООН под Палестинское государство, и до начала войны 1967 г. распространил свой суверенитет на площадь, равную 20,8 тыс. кв. км. Трансиордания, получившая в 1946 г. независимость, оккупировала почти весь Западный берег р. Иордан и восточную часть Иерусалима.

В апреле 1950 г. переименованное в Иорданию королевство объявило оккупированную часть Западного берега своей территорией, а ее жителей – своими подданными. В период с 20 декабря 1949 г. по 16 февраля 1954 г. каждый этнический араб, проживавший на аннексированной в ходе войны территории, имел право получить иорданское гражданство. По данным Ближневосточного агентства ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР), более полумиллиона арабов, проживавших в западной части исторической Палестины, стали гражданами Иордании. По закону королевства они имели право на возвращение в свои дома и получение компенсации за утраченное имущество после создания Государства Палестина¹.

Однако, несмотря на получение палестинскими беженцами первой волны иорданского гражданства, как отмечает известный палестинский политолог М. Зархан, «они остались в Иордании без своего политического представительства, не имели доступа к государственным структурам власти, для них был закрыт доступ к конкурентоспособному образованию, на них распространялись многочисленные ограничения в бизнесе – единственной сфере, где они могли преуспеть»².

Вторая волна палестинских беженцев была вызвана «шестидневной» войной 1967 г. Дать точные данные о количестве палестинцев, вынужденно перемещенных в Иорданию в результате оккупации Израилем Западного берега, сектора Газа, Голан и Синая, не представляется возможным. Иорданские власти первоначально отказались регистрировать беженцев, так как посчитали, что эти палестинцы в силу вынужденных обстоятельств перебрались из одной части Иордании в другую. В ходе переписи беженцев, проведенной в Иордании в 1970 г., было выявлено 240 тыс. палестинцев, однако 177 тыс. их них были зарегистрированы ранее в качестве беженцев 1948–1949 гг., которые осели в четырех лагерях БАПОР на территории Иордании (лагеря Амман, Ирбид, Джебель аль-Хусейн и Зарка). Для беженцев новой волны были созданы в 1967–1968 гг.

еще шесть лагерей – Бекаа, Хуш, Джераш, Суф, Марка и Тальбие, причем два последних – специально для переселенцев из Газы³.

В отличие от палестинцев, которые получили гражданство по Закону об иорданском подданстве от 14 мая 1948 г., беженцы и перемещенные лица, осевшие в Иордании в 1967 г., имеют статус лиц, временно проживающих на территории Иордании⁴. Эти палестинцы обязаны постоянно продлевать свои временные паспорта. Официальная позиция иорданских властей предполагает репатриацию этой категории палестинских беженцев на территорию будущего Палестинского государства⁵. Такая позиция позволяет существенно ограничивать обладателей временных паспортов в правах и свободах.

Достоверных данных о палестинском населении в современной Иордании не существует. Государственный статистический департамент Иордании не дает сведений о национальной или этнической принадлежности граждан страны. В своей книге «Наш последний наилучший шанс», датированной 2011 г., король Абдалла II утверждает, что сейчас в Иордании проживает не более 43 % палестинцев-выходцев из Газы и Западного берега⁶. Но этот показатель почти соответствует числу палестинских беженцев, зарегистрированных в различных учреждениях БАПОР, действующих на территории Иордании.

По данным Госдепартамента США, в Иордании более половины населения – палестинцы⁷. Есть и серьезные исследования, в которых доказывается, что палестинские беженцы и их потомки составляют не менее двух третей Хашимитского Королевства⁸. Трудности подсчета палестинцев в Иордании связаны еще и с тем, что десятки тысяч иорданских граждан (это преимущественно палестинцы) в течение длительного периода времени живут и работают за рубежом страны. Только в Саудовской Аравии было зарегистрировано около 100 тыс. палестинцев, имеющих разные виды гражданского статуса Иордании. Многие арабы, проживающие в Восточном Иерусалиме (около 250 тыс. чел.), имеют иорданские паспорта. После оккупации Кувейта во время войны в Персидском заливе в 1990–1991 гг. 350 тыс. палестинцев вернулись в Иорданию⁹.

Напомним, что политика Хашимитского Королевства после войны 1967 г. носила противоречивый характер. Первоначально иорданские власти поддержали ООП и отряды палестинского движения Соппротивления (ПДС), в том числе на военном и дипломатическом направлениях. Однако уже к 1968 г. обозначились серьезные трения между иорданской и палестинской сторонами. Они были вызваны чрезмерной самостоятельностью ООП и ее нежеланием координировать свою деятельность с официальным Амманом. Палестинские вооруженные группы фактически полностью контролировали иорданскую территорию на восточном берегу р. Иордан и предпринимали активные попытки распространить свое влияние на население палестинских лагерей беженцев.

Некоторые радикальные группировки, включая входившие в Народный фронт освобождения Палестины (НФОП) Дж.Хабаша, Демократический фронт освобождения Палестины Н. Хаватмы, ас-Саика и др., вступили в союз с запрещенными в Иордании партиями националистов (Арабское национальное движение), баасистов и коммунистов и стали пропагандировать провокационные лозунги, призывавшие к свержению короля Хусейна (правил с 1952 по 1999 г.) и образованию арабского демократического государства на восточном берегу Иордана. В июне 1970 г. противостояние иорданских властей с палестинцами и попытки разоружить палестинских боевиков переросли в вооруженный конфликт. В ходе столкновений, известных как события «Черного сентября», регулярные части иорданской армии уничтожили около 3,5 тыс. «фидайнов»; всего было убито около 20 тыс. палестинцев, более 120 тыс. участников ПДС были выдворены из страны¹⁰. Штаб-квартира ООП была эвакуирована в Ливан.

После «Черного сентября» 1970 г. палестинцы рассматриваются традиционным руководством Иордании в качестве дестабилизирующего фактора. Процесс натурализации палестинского населения был приостановлен. За последние сорок лет были отмечены лишь единичные случаи предоставления полноценного иорданского гражданства представителям палестинской диаспоры. Этим статусом по состоянию на 2007 г. обладали 676 тыс. человек¹¹. В основном это – переселенцы с Западного берега времен Арабо-израильской войны 1948–1949 гг. и их потомки.

Постепенно официальный Амман стал дистанцироваться от прежних политических установок, касавшихся иорданских притязаний на Западный берег и лидерства Иордании на выражение интересов палестинского народа на международной арене. Еще до подписания соглашений «Осло-1»¹² и «Осло-2»¹³, то есть до создания Палестинской национальной администрации (ПНА), иорданские власти в 1988 г. объявили о ликвидации министерства по делам оккупированных территорий и Высшего комитета по делам Западного берега. Одновременно с этим король Хусейн подписал указ о разрыве юридических и административных связей с Западным берегом.

С этого времени было прекращено предоставление гражданства жителям Западного берега, а переселенцы второй волны в Иордании лишались избирательного права; им также запрещалось служить в иорданской армии. В 1989 г. король утвердил поправки к Закону о выборах от 1986 г., в соответствии с которыми лагеря палестинских беженцев рассматривались как округа Западного берега и могли выдвигать в иорданский парламент только одного депутата. Также было ограничено количество депутатов от тех районов Иордании, где преобладает палестинское население (Амман, Ирбид, Зарка). Одновременно с этим сохранились и расширялись права и привилегии меньшинств бедуинов, христиан и выходцев с Кавказа.

Мирный договор, подписанный между Израилем и Иорданией в 1994 г., закреплял отказ Хашимитского Королевства от территориальных претензий на Западный берег. Проблема палестинских беженцев была выведена за рамки вопросов, обсуждавшихся в ходе переговоров, предшествовавших подписанию иордано-израильского мирного договора. Израиль лишь признал за Иорданией «историческую и культурную роль» в сохранении мусульманских святынь. В 9-м пункте мирного договора особо оговаривалось значение Хашимитского Королевства как опекуна и хранителя мусульманских религиозных ценностей в Святом Городе. До сих пор, как и в годы иорданской аннексии Восточного Иерусалима и Западного берега, управление вакфом на Храмовой Горе контролируется Иорданией. Верховный муфтий Иерусалима М. Хусейн и имам мечети Аль-Акса И. Сабри являются подданными Иордании. Именно Иордания по сей день финансирует всю деятельность, связанную с содержанием и реставрацией святынь. Во многом это обусловлено тем, что шериф Мекки Хусейн (1854–1931) и его сын Абдалла I (1882–1951), основатель иорданской королевской династии, почитаются в мусульманском мире как хранители мусульманских святынь Иерусалима. Оба, кстати, похоронены в Святом Городе.

Преемника короля Хусейна I и потомка пророка Мухаммеда в 43-м поколении Абдаллу II в Иордании часто называют «иностранцем» по причине того, что он был рожден матерью -англичанкой и долгое время жил и учился в Великобритании и США (окончил Королевскую военную академию Сандхерст и имеет степень магистра Джорджтаунского университета). С первых дней правления новый монарх проявил себя приверженцем либерального социально-экономического реформирования страны и активного развития прогрессивных технологий и образования. Политические реформы не затрагивали основ традиционной системы правления, обеспечивающей особый статус короля во всех структурах государственной власти.

При проведении политических реформ, проходивших в рамках лозунга «Иордания превыше всего», акцент был сделан на активизации процессов, содействующих консолидации общества. В рамках этой концепции допускалась деятельность разнообразных светских партий, финансируемых исключительно из внутренних источников (в настоящее время насчитывается около тридцати в основном относящихся лояльно к существующему режиму партий), которые служат противовесом в отношении заметно окрепших исламистов в лице «Братьев-мусульман», имеющих в Иордании свое политическое ответвление – Фронт исламского действия (ФИД). Санкционированные властями послабления в ходе проведения массовой приватизации и различные меры стимулирования частного предпринимательства в итоге способствовали некоторому сокращению безработицы в лагерях палестинских беженцев,

формированию в палестинской среде слоя преуспевающих бизнесменов и соответственно повышению уровня лояльности части палестинского населения к властям.

Во внешней политике Абдалла II продолжал действовать в рамках мирного договора с Израилем и дальнейшего развития партнерских отношений с США, ЕС и нефтедобывающими странами Аравийского п-ова. Придя к власти, молодой монарх сразу выдворил за пределы королевства представителей ХАМАС, что, несомненно, позволило Иордании стать первой арабской страной, подписавшей в 2000 г. с США договор о свободной торговле. Вместе с тем озвученная королем демократизация политической системы и модернизация социально-экономических отношений объективно тормозились скудостью внутренних ресурсов и зависимостью страны от ситуации в соседних странах, которая отличается крайней нестабильностью, особенно в Ираке, Сирии, а также территориях, контролируемых ПНА.

Платежный баланс Иордании характеризуется хроническим отрицательным сальдо ввиду превышения стоимости импорта над экспортом. Безработица составляет 30 %. Пятая часть ВВП формируется за счет поступления финансовых средств из-за рубежа¹⁴. По-прежнему финансовая и военная помощь из США, ведущих стран Евросоюза и Саудовской Аравии имеет приоритетное значение для экономической жизнеспособности королевства. Иордания занимает третье, после Израиля и Египта, место среди всех стран – получателей американской помощи, которая составляет около 800 млн долл. ежегодно. Без всесторонней поддержки БАПОР и других структур ООН Иордания самостоятельно не способна обеспечить содержание лагерей палестинских беженцев. В июле 2012 г. США выделили Иордании 100 млн долл. только для оказания помощи беженцам из Сирии¹⁵.

Реформы также тормозятся из-за противостояния им государственной элиты и армии госслужащих, а это – преимущественно восточноиорданцы, которые объективно не заинтересованы в усилении переселенцев с Западного берега Иордана. Их более чем устраивает прежняя распределительная система, гарантирующая всевозможные льготы и привилегии. Сейчас коренные жители страны имеют 85 % мест в парламенте и обладают 23 из 30 министерских портфелей; армейская элита на сто процентов состоит из восточноиорданцев. Кстати, на содержание госчиновников и племенных административных учреждений до сих пор уходит почти 60 % правительственных расходов.

Частые перетряски кабинета министров и парламента также не способствовали продвижению реформ. Последний раз Абдалла II привел к присяге новый кабинет министров во главе с Файезом Тарауни в марте 2012 г. Последний, кстати, уже занимал это кресло в 1998–1999 гг. и был отправлен в отставку из-за неспособности обеспечить успех модернизации и преобразований. Уже в октябре 2012 г. новый премьер по просьбе короля объявил

о роспуске парламента и проведении выборов, которые должны состояться в начале 2013 г.

В действительности кабинет министров – это своеобразный громоотвод, принимающий на себя все удары, которые, как правило, наносятся либо недовольными палестинцами, либо восточноиорданцами чаще всего в периоды обострения экономического положения или вследствие изменения внешнеполитической обстановки. За тринадцать лет правления Абдалла II отправил в отставку восемь кабинетов министров, принося их в жертву протестующим палестинцам или коренным иорданцам. Причем если первые требуют дальнейшего продвижения либеральных реформ, то последние – свертывания приватизации и увеличения расходов в государственном секторе.

У местных бедуинских вождей и потомков выходцев с Кавказа, составляющих социальную опору Хашимитской монархии, есть еще один серьезный повод для недовольства Абдаллой II и его окружением. И дело не только в том, что мать монарха – иностранка, а в том, что он женился на Рании Фейсал аль-Ясин – представительнице одного из самых влиятельных и богатых палестинских кланов, причем как на Западном берегу, так и в самой Иордании. Их старший сын Хусейн 1994 г. рождения является законным престолонаследником. Понятно, что местная восточноиорданская элита не может быть довольна таким раскладом хотя бы потому, что основатель иорданской Хашимитской династии Абдалла I и прадед ныне правящего короля был убит в результате теракта, организованного палестинскими боевиками в 1951 г.

Когда старший сын Абдаллы II и Рании стал совершеннолетним, по всей Иордании поползли слухи, что королева активно занимается скупкой земли и предоставлением гражданства десяткам тысяч палестинцев. В феврале 2011 г. старейшины 36 бедуинских племен и кланов направили Абдалле II петицию, в которой раскритиковали его супругу, выразили недовольство ее палестинским происхождением и призвали «отобрать находящиеся в распоряжении семьи Ясин земли и передать их иорданскому народу»¹⁶.

Авторы обращения подчеркнули, что игнорирование их предупреждений может привести к повторению в Иордании тунисских и египетских событий. На фоне событий «арабской весны», приведших к отстранению от власти в Египте основного внешнеполитического союзника Иордании президента Х. Мубарака и перерастанию конфликта в Сирии в полномасштабную гражданскую войну, внутрииорданский инцидент стал отправной точкой для изменения политики королевства в сторону отказа от продолжения реформ. Неслучайно поэтому Амман выступил против введения санкций Лиги арабских государств в отношении Сирии, а также ответил отказом на обращение Саудовской Аравии и Катара о размещении на территории Иордании базы так называемых миротворческих сил ЛАГ. Безусловно, проникновение вооруженных отрядов противников режима Б. Асада продолжает идти

через прозрачную сирийско-иорданскую границу. Однако иорданские власти скорее стремятся противодействовать этому.

Так, 21 октября 2012 г. спецслужбы Иордании заявили о раскрытии заговора, организованного «Аль-Каидой». По информации иорданских властей, в ходе спецоперации были арестованы 11 человек, которые, по данным следствия, готовили террористические атаки на посольства иностранных государств и общественные места в столице Иордании. Иорданские спецслужбы отмечали, что взрывчатку и боеприпасы террористы получили из соседней Сирии. Ранее иорданские власти закрыли иордано-сирийскую границу, заявив, что уже размещенные в лагерях беженцев на территории Иордании 125 тыс. сирийцев не получат иорданского гражданства.

Таким образом, официальный Амман дал ясно понять, что он не заинтересован в дестабилизации положения в Сирии и поддержке радикальной сирийской оппозиции, которая объективно солидаризируется с иорданскими исламистами, а те в свою очередь не скрывают своей ненависти к Абдалле II и его реформаторской деятельности. Один из лидеров Исламского фронта действия Немер аль-Ассаф открыто заявил в преддверии предстоящих парламентских выборов, что исламисты будут их бойкотировать. «Эти реформы не имеют никакого значения, – подчеркнул иорданский оппозиционер. – По моему мнению, они лишены смысла. Если бы мы смогли избавиться от монархии, то это было бы только на пользу народу, я так считаю. Политики должны понимать это, мне кажется. Это самое главное. Мы не принимаем монархию, ни сейчас, ни в будущем»¹⁷.

С момента образования Хашимитского Королевства и вплоть до 1990-х гг. иорданские власти успешно использовали местное отделение «Братьев-мусульман» в качестве противовеса левому, преимущественно пропалестинскому лагерю политических сил. Сформированный в 1992 г. Фронт исламского действия (ФИД), который объединил под эгидой «Братьев-мусульман» большую часть иорданских исламистских группировок, рассматривался вначале как проправительственное движение, выступающее за распространение положений шариата на все сферы иорданского государства при доминирующей роли Хашимитской монархии. Ситуация изменилась после подписания Иордано-Израильского мирного договора.

В 1994 г. ФИД обрушился с резкой критикой на короля Хусейна и с этого времени постоянно проводит различные акции, направленные на отмену договора и Норвежских соглашений, «узаконивших сионистскую оккупацию арабских земель». Кроме того, исламисты обвинили короля Хусейна в создании системы фальсификаций на выборах 1993 г., позволившей властям существенно снизить представительство ФИД в парламенте. По этой причине Фронт отказался участвовать в выборах 1997 г. Твердая антиизраильская позиция ФИД привлекла в его ряды

значительную часть палестинской радикально настроенной молодежи, особенно после начала «интифады-2000».

Явно из-за возросшей угрозы исламизации и «палестинизации» законодательной власти Абдалла II отменил выборы в Национальную ассамблею в 2001 г. Осуществленные с благословения короля манипуляции с Законом о выборах не позволили ФИД в 2003 г. расширить свое представительство: как и десять лет назад Фронт получил 17 мест в нижней палате парламента. После успеха «Братьев-мусульман» на парламентских выборах в Египте в декабре 2005 г. и победы ХАМАС на парламентских выборах в ПНА в январе 2006 г. в ФИД заметно усилилось влияние пропалестинского крыла радикальных исламистов – сторонников ХАМАС, «Хизбаллы» и даже «Аль-Каиды». Уровень поддержки «Хизбаллы» в Иордании – 55% (даже в Ливане этот показатель составляет 52%); ХАМАС поддерживают 60% респондентов (на Западном берегу – около 50% палестинцев; в Египте – 49%), а «Аль-Каиду» – 34% (в Египте – 20%)¹⁸.

В 2007 г. пропалестинские радикалы призвали к бойкоту выборов, и ФИД, поддержанный умеренными исламистами, получил лишь 6 мест в Национальной ассамблее. Бойкотировал ФИД и последние выборы, состоявшиеся 9 ноября 2010 г. Накануне голосования власти вновь внесли изменения в Закон о выборах, которые предоставили дополнительные преимущества тем мухафазам (губернаторствам), где проживают в основном коренные иорданцы. Лишь один член Фронта, зарегистрированный как независимый кандидат, прошел в нижнюю палату парламента. Представительство палестинцев в Национальной ассамблее сократилось с 20 до 10%. По объективной оценке российского эксперта А.В. Демченко, «новый парламент стал традиционно лояльным королю и даже безынициативным, так как основную часть депутатов составили представители восточноиорданских племен и кланов»¹⁹.

Очевидно, что в конкретной ситуации сегодняшнего дня, когда вызванная «арабской весной» волна протестных выступлений достигла непосредственно до границ Иордании, Абдалла II не допустит никаких демократических послаблений в законодательстве, которые устраивали бы исламистов. Под влиянием событий в Тунисе, Египте, Ливии, Йемене с января 2011 г. в различных районах Иордании прошли массовые антиправительственные митинги и демонстрации. Примечательно, что протестное движение охватило не только места концентрации палестинского населения (Амман, Ирбид, Зарка), но и населенные пункты, где проживают преимущественно коренные иорданцы (Маан, Аджлун, Дибан, Керак, Салт). Акции протеста были вызваны ухудшением экономического положения, прежде всего резким ростом цен на бензин и продукты питания.

Власти незамедлительно отреагировали в традиционной манере: 0.5 млрд долл. было

выделено на зарплаты госслужащим и регулирование цен на топливо и товары первой необходимости (значительная часть денег была оперативно предоставлена США и Евросоюзом; в 2011 г. Иордания также получила помощь в размере 1,6 млрд долл. от Саудовской Аравии и других нефтедобывающих стран Аравийского п-ова)²⁰, непопулярное правительство Самира Рифаи было отправлено в отставку. Очередным премьер-министром был назначен генерал Маруф Бахит – выходец из влиятельного восточнорданского клана аль-Аббади. Исламистам было предложено войти в состав нового правительства, но они ответили отказом. Пока этих мер оказалось вполне достаточно для противодействия опасности развития тех сценариев, которые уже привели к падению режимов в некоторых арабских странах.

Палестинцы – выходцы с территорий Западного берега р. Иордан и сектора Газа, поддерживающие в основной своей массе движение ХАМАС, по-прежнему остаются серьезным фактором, способным дестабилизировать внутреннюю обстановку в Иордании. Лагерь палестинских беженцев, породившие целое поколение нищих и безработных палестинцев, стали благодатной средой для распространения наиболее экстремистских и радикальных исламистских идей, особенно в молодежной среде. Именно здесь различные фундаменталистские военизированные группировки вербуют боевиков для подрывной деятельности, причем не только на территории Иордании. Как показывает действительность, любое обострение обстановки в районе палестино-израильского противостояния тотчас же провоцирует массовые выступления палестинского населения королевства.

Несмотря на то что монархический двор и его политическое окружение окончательно отказались от притязаний на Западный берег, подавляющее большинство иорданских палестинцев убеждено, что восточный и западный берег Иордана – едины. По их мнению, искусственный раздел Палестины на Хашимитское Королевство и Западный берег, осуществленный Великобританией в 1922 г., не имеет под собой никаких исторических и юридических оснований. Территориальные претензии, открыто выражаемые некоторыми палестинскими лидерами, наряду с реально существующей дискриминацией палестинцев в иорданском обществе, не раз становились причиной серьезных столкновений между иорданскими властями и палестинскими радикалами. Постоянно предлагаемые израильскими политиками самого высокого ранга планы «трансфера» 2,5 тыс. палестинцев Западного берега на территорию Иордании также оказывают деструктивное влияние на отношение коренных жителей страны к вынужденным переселенцам времен арабо-израильских войн.

В настоящее время неблагоприятная экономическая конъюнктура и крайне нестабильная обстановка на границах Иордании с Сирией,

Ираком и зоной палестино-израильского противостояния будут объективно способствовать росту активности исламистов, в том числе сторонников исламского экстремизма, выступающих с призывами к свержению Хашимитской монархии. В этой связи не исключена вероятность массовых протестных выступлений антимонархического характера.

Вместе с тем монархический двор хорошо осознает зависимость своего существования от развития общей ситуации на Ближнем Востоке, а также финансовой и военной поддержки влиятельных западных стран и нефтедобывающих монархий Аравийского полуострова. Иорданские власти ради сохранения существующего статус-кво будут намеренно ставить страну в зависимое положение от политических интересов США и Саудовской Аравии в регионе, получая взамен всевозможные преференции, в том числе военную помощь в случае возникновения угрозы безопасности королевства.

Krillov A. V. Features of democratic reforms in Jordan.

Summary: The article presents the analysis of the political, demographic and other aspects of the Palestinian community in Jordan, which has become a major factor in the Jordanian political life since the beginning of Arab-Israeli conflict and Israel's occupation of the West Bank. The results of the research show that political and social-economic reforms of Jordanian King Abdullah II haven't improve the status of the Palestinians, especially the status of the Palestinian refugee camps residents in Jordan. In contrast to the indigenous population (Bedouin population and some Caucases or Circassian communities) they have no political representation, no access to power, no competitive education and business activity is under restrictions. Today the Palestinians and their descendants make up in Jordan at least two thirds of the population and most of them support the Hamas and other radical Islamic groups. Since the aftermath of the Black September Civil War (1970-1971) they continue to be the main factor that can destabilize the internal situation in the Hashemite Kingdom. Current unfavorable economic conditions and the extremely volatile situation on the borders of Jordan with Syria, Iraq and the area of the Palestinian-Israeli conflict are most likely to the growth of Islamist activity, including Islamic extremists calling for the overthrow of the Hashemite monarchy. In this context the possibility of mass anti-monarchy protests can't be excluded.

At the same time King Abdullah and his political proponents are well aware of this challenge and the dependence on the development of the situation in the Middle East, as well as financial and military support of powerful Western States and the Gulf oil-producing monarchies. In seeking to preserve the existing status quo Jordanian authorities would deliberately put the country in a state of dependency on the political interests of the U.S. and Saudi Arabia, in return for all kinds of preferences, including military aid if a threat to the security of the Kingdom is expected.

Ключевые слова

Иордания, Ближний Восток, арабо-израильский конфликт, палестинская проблема, палестинские беженцы, «арабская весна».

Keywords

Jordan, Middle East, Arab-Israeli conflict, Palestinian problem, Palestinian refugees, "The Arab spring".

Примечания

1. Tannous Izzat. The Palestinians: A Detailed Documented Eyewitness History of Palestine Under British Mandate, New York: IGT Co. 1988. P. 666.
2. Zahran Mudar. Jordan Is Palestinian. Middle East Quarterly, Winter 2012. P. 4.
3. По данным ООН, в 2012 г. в Иордании насчитывалось 1 979 580 палестинских беженцев; из них 346 тысяч человек проживали в лагерях БАПОР. [Электронный ресурс UNRWA]. – Режим доступа: <http://www.unrwa.org/etemplate.php?id=66>; по результатам последней переписи населения (2004 г.) все население Иордании составляло 5 103 639 человек. Согласно последним оценочным данным, сейчас численность населения страны равна приблизительно 6 млн. человек (Иордания // Политические системы современных государств. Энциклопедический справочник. М.: МГИМО-МИД России. 2012. Т. 2. С. 128).
4. Oroub Al Abed. Palestinian refugees in Jordan. University of Oxford, FMO, February 2004, PP. 10-11.
5. Абилов К.А. Позиция Иордании по вопросу правового статуса палестинцев. Востоковедный сборник. Выпуск 8. М.: Институт Ближнего Востока, 2007. С. 38.
6. Abdullah II bin al-Hussein. Our Last Best Chance: The Pursuit of Peace in a Time of Peril, New York City: Viking Adult, 2011.
7. Jordan: Country Reports on Human Rights Practices, 2001," Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor, U.S. Department of State, Mar. 4, 2002.
8. Аганин А.Р., Соловьева З.А. Современная Иордания. Справочник. М., 2003. С.30; The Report: Emerging Jordan 2007. Oxford Business Group, London, Apr. 2007.
9. Ziad Swaidan, Mihai Nica. The 1991 Gulf War and Jordan's Economy. - Middle East Review of International Affairs, Vol. 6, No. 2, June 2002. P. 74.
10. Valls A. Ethics in international affairs: theories and cases. — Rowman & Littlefield, Boston, 2000. P. 102; The Non-Aligned Countries. - Harney & Jones. London, July 1982. P. 356.
11. Аганин А.Р., Соловьева З.А. Указ. соч. С. 30.
12. Декларация принципов о временных мерах по самоуправлению от 13 сентября 1993 г. Документ СБ ООН S/26560 от 11 октября 1993 г.
13. Израильско-палестинское Временное соглашение по Западному берегу и сектору Газа от 28 сентября 1995 г. Документ СБ ООН S/1997/357 от 5 мая 1997 г. Соглашение было одобрено и подписано лично королем Хусейном.
14. Иордания // Политические системы современных государств... Т. 2, С. 131, 136.
15. «The Jordan Times», 22.07.2012.
16. Reuters, 08.02.2011.
17. MIGnews, 20.08.2012.
18. Мирзаян Г. Реформатор не к месту и времени. «Арабская весна» уже похоронила надежды иорданского руководства на возможность либерализации страны // Эксперт. №30-31 (813). 2012.
19. Демченко А.В. Иордания между реформами и стабильностью. [Электронный ресурс Фонда исторической перспективы]. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/oykumena/vostok/iordanija_mezhdu_reformami_i_stabilnostju_2011-04-01.htm
20. Литвина Е.П., Рыбалкин Р.С., Успенский Е.Э. Экономика нефтебедных арабских стран во втором квартале 2012 г.: аккумуляция напряженности. [Электронный ресурс Института Ближнего Востока]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=15300&print=1>

Дилемма макроэкономической политики в условиях открытой экономики

А.В. Холопов

В статье анализируются проблемы проведения макроэкономической политики в странах с открытой экономикой при наличии значительного внешнего долга и дефицита платежного баланса по текущим операциям.

Экономические проблемы, с которыми столкнулся сегодня ряд стран, и прежде всего страны еврозоны, хорошо известны: значительный государственный долг, превышающий размеры ВВП, и фактическая неспособность этих стран обслуживать свою задолженность, что ставит их на грань дефолта и последующего выхода из Европейского валютного союза (зоны евро). Причины этих проблем в целом понятны: значительный бюджетный дефицит, отсутствие при проведении правительством экономической политики должной финансовой дисциплины и ответственности, что привело к неоправданному раздуванию государственных расходов.

Пути выхода из этой кризисной ситуации также на первый взгляд очевидны. С одной стороны, чтобы не стать банкротом, нужно срочно получить финансовую помощь от других стран (прежде всего от партнеров по еврозоне) и МВФ. С другой стороны, правительствам стран-должников необходимо одновременно переходить к политике жесткой бюджетной экономии. В этом направлении сегодня и развиваются события. Ни для кого не секрет, что реализация этих мер дело крайне непростое. И средства требуются огромные, что чревато возник-

новением новых проблем уже для стран-доноров. И резкое сокращение государственных расходов в странах-должниках неизбежно затронет социально чувствительные статьи бюджета, что не может не вызвать существенного роста социальной и, следовательно, политической напряженности в стране.

Однако решение долговой проблемы на практике оказывается даже более трудной задачей, если учесть особенности экономического положения, в котором оказались страны-должники. Рассмотрим этот вопрос на примере двух стран еврозоны – Греции и Португалии, которые за последнее время привлекли к себе особое внимание¹.

Таблица 1
Размеры государственного долга. (в % от ВВП)

	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Греция	98,9	101,2	107,3	107,4	112,6	129,0	144,5	165,4	170,7
Португалия	57,5	62,5	63,7	68,3	71,6	83,1	93,3	107,8	119,1

Источник: International Monetary Fund. Fiscal Monitor. October, 2012. (www.imf.org/external/pubs/ft/fm/2012/02)

Данные, приведенные в табл. 1, свидетельствуют о том, что проблема государственного долга у Греции и Португалии серьезно обострилась после

Холопов Анатолий Васильевич – д.э.н., профессор, декан факультета международных экономических отношений МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. И это вполне естественно, ибо государственный долг представляет собой накопленный бюджетный дефицит, так как в условиях кризиса и снижения уровня совокупного дохода соответственно сокращаются и налоговые поступления в казну. А это, в свою очередь, автоматически приводит к увеличению дефицита и, следовательно, долга.

Однако здесь легко попасть в известную логическую ловушку: “Post hoc ergo propter hoc” (“После этого – значит по причине этого”). Очевидно, что кризис способствовал обострению долговой проблемы, но ее причины надо искать глубже. Достаточно посмотреть на размеры структурного дефицита государственного бюджета указанных стран (см. табл. 2), при расчете которого устраняется влияние циклических колебаний экономики, то есть оценивается вероятное состояние бюджета при условии, что в экономике достигнута полная занятость и величина ВВП соответствует своему потенциальному значению.

Таблица 2

Структурный дефицит государственного бюджета (в % от потенциального ВВП)

	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Греция	-8,5	-6,7	-8,7	-10,6	-13,9	-18,6	-12,1	-8,3	-4,5
Португалия	-5,8	-6,1	-3,8	-4,1	-5,3	-9,3	-9,0	-6,6	-4,1

Источник: International Monetary Fund. World Economic Outlook. October, 2012. Statistical Appendix. (www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2012/02)

Мы видим, что разбалансированность государственных финансов у рассматриваемых стран имеет место в течение длительного периода времени и уже давно эти страны нарушают Маастрихтские критерии, согласно которым для вступления страны в еврозону дефицит бюджета у нее не должен превышать 3% ВВП, а государственный долг должен быть менее 60% ВВП. Наличие существенного и, что самое главное, ставшего хроническим структурного дефицита свидетельствует о том, что в этих странах накопились структурные проблемы и нарушилось внутреннее макроэкономическое равновесие.

Состояние внутреннего равновесия определяется как такое желаемое состояние экономики, когда полностью используются имеющиеся ресурсы и, соответственно, достигнута полная занятость. Однако сегодня, несмотря на то что острая фаза финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. уже пройдена и мировая экономика хотя и медленно, но все же выходит из рецессии, а в большинстве развитых стран уровень безработицы постепенно снижается, в рассматриваемых странах этот показатель не только крайне высок, но и продолжает расти (см. табл. 3).

Очевидно, что в этих условиях проведение политики сокращения государственных расходов и повышения налогов, необходимой для уменьшения дефицита государственного бюджета, приведет к дальнейшему сжатию внутреннего

спроса и росту безработицы, то есть усугубит внутреннее неравновесие. Решать проблему государственного долга станет еще труднее и экономически, и политически.

Таблица 3

Уровень безработицы (в %)

	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Греция	10,5	9,9	8,9	8,3	7,7	9,4	12,5	17,3	23,8
Португалия	6,7	7,6	7,7	8,0	7,6	9,5	10,8	12,7	15,5
Развитые страны	6,5	6,3	5,8	5,5	5,8	8,0	8,5	7,9	8,0

Источник: International Monetary Fund. World Economic Outlook. October, 2012. Statistical Appendix. (www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2012/02)

Однако, чтобы понять всю сложность решения этой проблемы, необходимо обратить внимание, что речь идет об открытых экономиках, активно включенных в систему мирохозяйственных связей. В открытой экономической системе нормальное (сбалансированное) развитие внешнеэкономических связей является необходимым условием нормального (эффективного) функционирования национальной экономики. Если же рассматривать открытость экономики с точки зрения модификации задач, стоящих перед государственной экономической политикой, то важнейшей характеристикой открытой экономической системы является наличие при проведении такой политики значительных внешнеэкономических ограничений. Это означает, что проблема внутреннего равновесия вообще и государственного долга в частности не может быть эффективно решена без учета проблемы внешнего экономического равновесия.

В отличие от внутреннего равновесия внешнее макроэкономическое равновесие неоднозначно определяется в современной экономической науке, хотя всегда связывается с определенным состоянием платежного баланса страны в целом и особенно счета текущих операций. В зависимости от конкретных проблем, стоящих перед экономикой, желательным (и в этом смысле равновесным) может быть наличие как дефицита, так и активного сальдо баланса текущих операций.

В частности, если приоритетной задачей государственной политики является обеспечение экономического роста, то неизбежным следствием такой политики становится увеличение внутреннего спроса, рост физических объемов импорта и, как правило, ухудшение баланса текущих операций. Такой дефицит по счету текущих операций можно рассматривать как внешнее равновесие, поскольку состояние платежного баланса соответствует целям экономического развития. Однако равновесное состояние в данном случае должно предполагать, что уровень дефицита по текущим операциям поддерживается в определенных пределах, при которых финансирование дефицита (включая финансирование за счет валютных резервов)

будет как осуществимым (в том плане, что его можно будет реально обеспечить), так и устойчивым.

Когда речь идет об устойчивости финансирования, имеется в виду, что наличие хронического дефицита по текущим операциям может привести к такому накоплению внешнего долга, что его обслуживание превратится в самостоятельную проблему с кумулятивным эффектом. В этом случае дальнейшее финансирование дефицита по текущим операциям становится затруднительным или даже невозможным, поскольку, с одной стороны, сокращаются возможности получения новых кредитов, а с другой – большая часть новых заимствований идет на погашение задолженности по ранее полученным кредитам.

Аналогично, если у страны значительные размеры внешней задолженности, желательным (и в этом смысле равновесным) становится наличие положительного сальдо по текущим операциям. Счет текущих операций показывает, насколько в целом увеличиваются чистые внешние активы страны или сокращается внешний долг. Если совокупные внутренние расходы страны меньше совокупного дохода и счет текущих операций имеет положительно сальдо, увеличиваются ее ликвидные требования к внешнему миру, что позволяет решать проблему внешнего долга.

До тех пор пока у страны имеется дефицит счета текущих операций, национальные сбережения оказываются меньше валовых внутренних инвестиций, и поэтому данная страна фактически является заемщиком и ее внешний долг нарастает. Из этого следует, что решение проблемы внешнего неравновесия, то есть хронического отрицательного сальдо счета текущих операций платежного баланса, является важной составной частью решения общей долговой проблемы страны наряду с устранением дефицита государственного бюджета. Иными словами, решению проблемы государственного долга Греции и Португалии могло бы помочь наличие у них положительного сальдо баланса текущих операций. Однако применительно к рассматриваемым странам мы имеем дело с ситуацией так называемого двойного дефицита (*twin deficit*), когда хронический дефицит государственного бюджета сопровождается столь же хроническим дефицитом счета текущих операций платежного баланса (см. табл. 4).

Таблица 4

**Сальдо счета текущих операций
платежного баланса (в % от ВВП)**

	2000	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Греция	-6,8	-5,8	-7,6	-11,4	-14,6	-14,9	-11,1	-10,1	-9,8
Португалия	-10,2	-8,3	-10,3	-10,7	-10,1	-12,6	-10,9	-10,0	-6,4

Источник: International Monetary Fund. World Economic Outlook. October, 2012. P. 207.

Итак, мы видим, что в рассматриваемых странах накопился целый букет серьезных макроэкономических проблем. Наличие

огромного государственного долга сопровождается нарушением как внутреннего, так и внешнего макроэкономического равновесия. В этих условиях требуется соответствующая координация мер внутренней и внешней экономической политики. Задачей такой политики должно быть изменение соотношения между основными макроэкономическими показателями, в частности разницы между совокупными доходами и расходами, основными компонентами платежного баланса, а также бюджетными расходами и поступлениями.

Арсенал мер макроэкономической корректировки может включать в себя прежде всего политику, направленную на регулирование величины и структуры совокупного спроса: кредитно-денежную и бюджетно-налоговую политику, а также внешнеторговую политику и политику валютного курса. Однако одновременное использование этих инструментов макроэкономического регулирования может давать неоднозначные и даже противоречивые результаты с точки зрения воздействия на внутреннее и внешнее экономическое равновесие, в том числе с учетом последствий для развития экономики в среднесрочном и долгосрочном периодах.

Рассмотрим теоретические аспекты решения проблемы согласования внутреннего и внешнего равновесия. Для правильного выбора адекватных средств достижения поставленных целей важным является концептуальное разделение экономики на отрасли, производящие товары, реализуемые на внешнем рынке, и отрасли, продукция которых в сферу внешнеторгового оборота не поступает². Товары, являющиеся объектом международной торговли, в свою очередь, подразделяются на экспортируемые и импортируемые. Обратим внимание, что экспортируемые товары включают в себя не только продукцию текущего экспорта, но и ее близкие субституты, которые продаются на внутреннем рынке. Аналогично импортируемые товары включают в себя текущий импорт, а также продукцию отечественной промышленности, конкурирующую с импортом. Если абстрагироваться от транспортных издержек, то в современных условиях все большего снижения внешнеторговых барьеров внутренние цены на товары, являющиеся объектом международной торговли, не должны существенно отклоняться от мировых цен. С этой точки зрения важное отличие товаров, не реализуемых на внешнем рынке, состоит в том, что их цены определяются соотношением спроса и предложения на внутреннем рынке³.

Величина экспорта страны определяется избыточным предложением экспортируемых товаров по сравнению с внутренним спросом на них, а величина импорта определяется избыточным спросом на импортируемые товары по сравнению с их производством отечественными производителями. Из этого следует, что счет текущих операций будет

сбалансирован, если внутренний избыточный спрос на экспортируемые и импортируемые товары будет равен нулю. Если же избыточный спрос на товары, реализуемые на внешнем рынке, больше нуля, то счет текущих операций сводится с дефицитом. Предполагая, что на рынке товаров, не являющихся объектом международной торговли, существует примерное равновесие (то есть спрос на эти товары равен предложению), можно сделать вывод, что при дефиците счета текущих операций в экономике наблюдается общий избыток внутреннего спроса: совокупные внутренние расходы превышают величину совокупного дохода.

Таким образом, поскольку сальдо счета текущих операций представляет собой разницу между совокупным доходом (валовым национальным располагаемым доходом) и совокупными внутренними расходами, то это в значительной мере определяет направления государственной макроэкономической политики при наличии внешнего неравновесия. Если перед экономикой стоит задача сокращения отрицательного сальдо счета текущих операций, то необходимо либо сократить внутренние расходы, либо увеличить объемы производства.

Обычно уменьшить внутренние расходы легче, чем увеличить производство. По этой причине политика, проводимая в отношении внутренних расходов, используется государством как средство краткосрочной корректировки, когда быстрое уменьшение размеров дефицита баланса текущих операций становится настоятельно необходимым. Очевидный путь решения этой проблемы – сокращение внутреннего спроса путем проведения ограничительной денежно-кредитной или бюджетно-налоговой политики.

Во многих случаях источником чрезмерного спроса на внутреннем рынке служит государственный или, в более широком плане, общественный сектор. Сочетание сокращения расходов общественного сектора с увеличением доходов государства (сокращение дефицита государственного бюджета) является, по-видимому, самым коротким путем для сокращения внутреннего спроса. Кроме того, путем повышения налогов могут быть сокращены потребление домашних хозяйств и частные инвестиции. В качестве альтернативы бюджетно-налоговым инструментам политика сокращения размеров спроса может использовать методы воздействия на денежные агрегаты – к примеру, повышение процентной ставки.

В этом случае, с одной стороны, внутренний спрос на импортируемые товары сократится, и размеры импорта уменьшатся. С другой стороны, сократится внутренний спрос и на экспортируемые товары, что может создать стимулы для увеличения экспорта. Излишний внутренний спрос на товары, реализуемые на внешнем рынке, таким образом, уменьшится, то есть чистый экспорт будет увеличиваться, и внешнее равновесие начнет восстанавливаться. Одновременно

при сокращении государственных расходов или увеличении налогов уменьшается дефицит государственного бюджета. Казалось бы, долговая проблема начинает успешно решаться.

Обратим, однако, внимание, что такая политика управления спросом одновременно оказывает мощное воздействие и на внутреннее равновесие: сократится также спрос на товары, не являющиеся объектом международной торговли. Это неприятный, но неизбежный побочный результат проведения такой макроэкономической политики. Каковы последствия сокращения внутреннего спроса? Величина совокупного спроса, как известно, влияет и на уровень цен, и на реальные объемы производства. Однако следует иметь в виду, что в современных условиях цены на многие товары весьма неэластичны в сторону понижения, по крайней мере в краткосрочном периоде⁴.

Поэтому вполне правомерным будет предположить, что сокращение внутреннего спроса приведет не к падению цен на товары, не являющиеся объектом международной торговли, а к возникновению их избыточного предложения, увеличению товарно-материальных запасов и, как следствие, к сокращению объемов их производства и увеличению безработицы в соответствующих отраслях. Она же, как мы уже видели, в рассматриваемых странах и так находится на критически высоком уровне. Другими словами, попытки восстановления внешнего равновесия путем воздействия на величину совокупных расходов с большой долей вероятности могут привести к еще большему нарушению внутреннего равновесия.

Различные способы сокращения внутренних расходов, кроме того, имеют свои негативные последствия, которые правительство должно учитывать при принятии решения о восстановлении внешнего равновесия. Сокращение государственных расходов означает свертывание ряда государственных программ, а значит, и отказ от достижения целей, которые стояли перед этими программами. Увеличение налогов или урезание субсидий, как уже было сказано выше, может нанести ущерб уровню жизни населения и спровоцировать социальную и политическую напряженность в обществе. Ограничительная денежно-кредитная политика приведет к повышению процента и сокращению частных инвестиций, что негативно скажется на долгосрочных тенденциях экономического роста.

Обратим внимание еще на один важный аспект рассматриваемой проблемы: нельзя решить две макроэкономические задачи – восстановление и внутреннего, и внешнего равновесия, используя лишь один инструмент макроэкономической политики⁵. Причем вопрос заключается не только в количестве используемых инструментов, но и в их характеристиках. Нельзя одновременно добиться внешнего и внутреннего равновесия

без использования по крайней мере двух разных по характеру воздействий на экономику инструментов политики: одного, направленного на изменение величины внутренних расходов, другого – на изменение их структуры с точки зрения распределения спроса между товарами, являющимися объектом международной торговли, и товарами, реализуемыми только на внутреннем рынке. Иначе, как уже было показано, сокращение внутреннего спроса, улучшая состояние платежного баланса, одновременно обостряет проблему безработицы.

В такого рода ситуациях наряду с политикой сокращения расходов (*expenditure-reducing policy*) необходимо использовать политику, способную увеличить спрос (как внутренний, так и внешний) на отечественные товары и услуги, не увеличивая при этом совокупные внутренние расходы на все товары и услуги (как отечественные, так и импортные). Подобный результат может быть достигнут путем проведения так называемой политики переключения расходов (*expenditure-switching policy*), нацеленной на изменение относительных цен иностранных и отечественных товаров как для резидентов, так и для нерезидентов. Это политика, которая увеличивает внутреннюю цену экспортируемых и импортируемых товаров относительно цен товаров, реализуемых только на внутреннем рынке. Возникает "эффект переключения" спроса. Принципиальное различие между политикой сокращения расходов и политикой переключения расходов состоит в том, что в первом случае улучшение счета текущих операций происходит путем снижения уровня совокупного дохода и занятости, тогда как во втором случае восстановление внешнего равновесия сопровождается ростом дохода и занятости.

Политика переключения расходов может осуществляться путем использования целого ряда инструментов, включая прежде всего те, которые используются для корректировки обменного курса (девальвация, валютные интервенции, валютные ограничения). Также могут использоваться меры внешнеторговой политики (таможенные тарифы на импорт, нетарифные торговые ограничения, экспортные субсидии), которые позволяют исправить существующие ценовые искажения, создающие излишние стимулы для потребления импортных товаров.

В результате использования политики переключения расходов происходят изменения в структуре производства и внутренних расходов. В сфере производства ресурсы начнут перемещаться в отрасли, производящие экспортируемые товары и товары, конкурирующие с импортом. Это будет способствовать сокращению избыточного предложения товаров, реализуемых только на внутреннем рынке, и восстановлению внутреннего равновесия. Одновременно предложение экспортируемых и импортируемых товаров будет увеличиваться, уменьшая избыточный спрос на них и улучшая счет текущих

операций. Что касается структуры внутренних расходов, то изменение относительных цен приведет к увеличению спроса на товары внутреннего потребления, что будет способствовать сокращению их избыточного предложения, а также избыточного спроса на экспортируемые и импортируемые товары.

Таким образом, политика переключения расходов может погасить негативные последствия политики сокращения расходов. Уменьшение совокупных внутренних расходов привело к избыточному предложению товаров, реализуемых только на внутреннем рынке, а политика переключения расходов восстановила равновесие в этом секторе экономики. В то же время и уменьшение внутренних расходов, и политика переключения расходов сократили избыточный спрос на экспортируемые и импортируемые товары и, следовательно, улучшили состояние счета текущих операций.

Обратим внимание, что политика переключения расходов сама по себе также недостаточна, поскольку не приведет к улучшению счета текущих операций. Как уже было показано, в результате проведения такой политики первоначально повышаются относительные цены товаров, реализуемых на внешнем рынке. Спрос на них понизится, а их предложение увеличится, и счет текущих операций начнет улучшаться. Однако все это окажет негативное воздействие на рынок товаров, не являющихся объектом международной торговли. На этом рынке возникнет избыточный спрос (как результат эффекта переключения), и в то же время ресурсы из этих отраслей начнут переходить туда, где цены стали выше. Учитывая то, что цены могут быть достаточно эластичными в сторону повышения, все это приведет к росту цен. В результате относительная цена товаров, реализуемых только на внутреннем рынке, возрастет, и счет текущих операций снова ухудшится.

Инфляция, нежелательная сама по себе, кроме того, подрывает процесс восстановления внешнего равновесия. Повышение внутренних цен приводит к росту реального обменного курса национальной валюты, и это сводит на нет результаты политики переключения расходов. Поэтому, чтобы быть действенной с точки зрения поставленных целей, политика переключения расходов должна сочетаться с политикой сокращения расходов.

Необходимо обратить внимание, что политика переключения расходов в сочетании с политикой сокращения расходов может снизить дефицит по текущим операциям и способствовать сокращению внешней задолженности не только потому, что изменяется величина и структура спроса. Важнейшим результатом становится перемещение ресурсов между производством различного типа отечественных товаров и услуг, т.е. начинают происходить позитивные структурные сдвиги в экономике. Другими словами, политика переключения расходов

воздействует на среднесрочные и долгосрочные тенденции развития экономики. В частности, снижение курса национальной валюты вызывает рост стимулов к производству товаров на экспорт или способных конкурировать с импортными.

В странах, где производство находится ниже своего потенциального уровня из-за высокой безработицы и неэффективного размещения ресурсов, политика переключения расходов может одновременно повлиять на увеличение производства, улучшая его структуру. Поэтому такая политика в состоянии оказать благотворное воздействие на рост экономики. Казалось бы, вот он, рецепт лечения тяжелых экономических недугов, поразивших Грецию и Португалию, а также все другие страны, оказавшиеся в аналогичном положении, – разумное сочетание политики сокращения расходов и политики переключения бюджета, увеличить экспорт, сократить импорт, улучшить состояние платежного баланса и таким образом снизить как внутренний, так и внешний долг.

Более того, одновременно начинают решаться структурные проблемы экономики, и, следовательно, создается фундамент для нормального развития экономики в будущем. Но, как говорится, гладко было на бумаге... Проблема в том, что эти страны входят в еврозону, а значит, проводить самостоятельную валютную политику и изменять курс евро они не могут. Более того, и Греция, и Португалия являются членами ВТО, и проведение активной протекционистской внешнеторговой политики, направленной на ограничение импорта и стимулирование экспорта, неизбежно вступит в противоречие с нормами и правилами этой организации. Получается, что в современных условиях для стран еврозоны проведение политики переключения расходов крайне затруднено.

Есть ли выход из этой сложной ситуации? Очевидно, есть, если вспомнить, что состояние счета текущих операций платежного баланса и особенно объемы экспорта и импорта товаров и услуг зависят не от номинального, а от реального валютного курса. Другими словами, для того чтобы осуществить необходимую политику переключения расходов, надо понизить реальный валютный курс. Как обстоит сегодня дело с этим важнейшим макроэкономическим показателем в рассматриваемых нами странах?

Таблица 5

Изменение реального эффективного валютного курса (2005 г. – 100 %)

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Греция	100	103,1	105,5	104,2	104,5	103,2	103,7
Португалия	100	101,7	101,2	100,7	98,1	99,3	100,4

Источник: International Monetary Fund. World Economic Outlook. October, 2012. Statistical Appendix. (www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2012/02)

Мы видим, что и в Греции, и в Португалии реальный эффективный валютный курс не только не снижается, но даже немного растет, а

значит, пока этот фактор также работает против решения долговой проблемы. Можно ли понизить реальный валютный курс? Приведенные в табл. 5 данные о реальном эффективном валютном курсе рассчитаны как отношение измеренных в одной валюте с помощью номинального валютного курса затрат труда на единицу продукции (unit labor costs) в обрабатывающей промышленности в данной стране и в странах-торговых партнерах. Поскольку номинальный валютный курс (курс евро), как уже было сказано, рассматриваемые страны понизить не могут, значит, для понижения реального валютного курса надо уменьшать затраты труда на единицу продукции, то есть повышать эффективность производства.

Конечно, если бы целью макроэкономической политики были краткосрочное улучшение состояния платежного баланса или краткосрочная стабилизация внутреннего равновесия, то политика воздействия на совокупный спрос (путем изменения его величины или структуры) в большинстве случаев являлась бы вполне достаточной. Но если наличие значительного государственного долга является результатом серьезного нарушения внутреннего и внешнего равновесия, то программы макроэкономической стабилизации должны ставить перед собой и более широкие цели, включая полное и эффективное использование имеющихся производственных мощностей, достижение устойчивости платежного баланса в среднесрочной перспективе, а также улучшение показателей среднесрочного и долгосрочного роста экономики.

Другими словами, достижение макроэкономической сбалансированности и решение долговой проблемы тесно связаны с необходимостью решения среднесрочных и долгосрочных экономических проблем путем проведения политики стимулирования предложения. Повышение эффективности работы экономики, структурные преобразования, ускорение темпов роста представляют собой лучший способ решения проблем внешней задолженности и платежного баланса, позволяющий избежать принятия жестких стабилизационных мер по сокращению внутреннего спроса, которые могут быть неприемлемыми для правительства по политическим или социальным причинам.

Каков же общий вывод? Он, очевидно, заключается в том, что быстрого решения у долговой проблемы нет, особенно в условиях участия страны в валютном союзе. Конечно, придется существенно сокращать государственные расходы и повышать налоги, то есть идти на крайне непопулярные меры, что ряд стран уже вынуждены делать. Но даже если в условиях неизбежных протестов со стороны широких слоев населения и острой критики со стороны политической оппозиции правительствам этих стран удастся выдержать выбранный курс и реализовать политику жесткой экономии, все равно надежное решение долговой проблемы требует серьезных мер по повышению эффективности и конку-

■ Экономика

рентоспособности национальной экономики. Это задача долгосрочная, а значит, даже если еврозоне удастся сохранить целостность, в ней в обозримом будущем останутся слабые звенья, которые могут провоцировать возникновение новых кризисных потрясений.

Kholopov A.V. Macroeconomic Policy Dilemma in an Open Economy.

Summary: *The article analyses the problems of macroeconomic policy implementation in an open economy with substantial external debt and current account deficit.*

Ключевые слова

Макроэкономическая политика, государственный долг, дефицит бюджета, внутреннее равновесие, внешнее равновесие, платежный баланс, счет текущих операций, политика сокращения расходов, политика переключения расходов.

Keywords

Macroeconomic policy, government debt, budget deficit, internal balance, external balance, balance of payments, current account, expenditure-reducing policy, expenditure-switching policy.

Примечания

1. Следует подчеркнуть, однако, что аналогичные проблемы обостряются и в целом ряде других стран еврозоны (Испании, Италии, Ирландии, Кипре, Словакии).
2. В англоязычной экономической литературе для обозначения этих двух групп товаров используются общепринятые термины "traded goods" (или "tradables") и "non-traded goods" (или "non-tradables"). В русскоязычной экономической литературе устоявшегося перевода этих терминов пока нет.
3. К отраслям, производящим продукцию, не являющуюся объектом международной торговли, относятся, прежде всего, сфера услуг, а также отрасли, продукция которых не подлежит сколько-нибудь продолжительному хранению (например, свежий хлеб). Следует отметить, что четкую границу между этими двумя категориями продуктов провести бывает сложно, поскольку возможность вовлечения того или иного товара в сферу внешнеторгового оборота зачастую зависит от величины транспортных издержек.
4. Причины такой односторонней эластичности цен представляют собой отдельную, важную и до сих пор весьма дискуссионную проблему, анализ которой выходит за рамки данной статьи. Здесь мы можем лишь отметить, что одной из важнейших причин такой односторонней эластичности цен является возрастающее несовершенство рынков – как товаров и услуг, так и факторов производства.
5. Этот принцип был первоначально сформулирован в виде концепции "две цели – два инструмента", которая была предложена видным английским экономистом, лауреатом Нобелевской премии по экономике Дж. Мидом (J.E. Meade. The Balance of Payments. – London: Oxford University Press, 1951). Более полное обоснование и эконометрическое доказательство этот принцип получил в трудах другого Нобелевского лауреата – голландского экономиста Я. Тинбергена, который показал, что количество инструментов макроэкономической политики должно быть не меньше числа целей политики, для достижения которых эти инструменты используются (J. Tinbergen. On the Theory of Economic Policy. – Amsterdam: North Holland, 1952).

Страны БРИКС в международных инвестиционных процессах

А.Н. Вергун

Данная статья посвящена анализу инвестиционной деятельности стран БРИКС, роль которых на мировой политической и экономической арене растет быстрыми темпами. Автор рассматривает тенденции оттока и притока прямых иностранных инвестиций, дает характеристику географической и отраслевой направленности инвестиционных процессов, исследует основные формы привлечения и экспорта инвестиций странами БРИКС, а также анализирует инвестиционную привлекательность каждой из стран. Большое внимание уделяется ведущим транснациональным компаниям данных государств, поскольку именно они являются движущей силой потоков капитала.

События первого десятилетия XXI в. свидетельствуют в пользу прогнозов тех, кто полагает, что к середине текущего столетия в глобальной расстановке сил произойдут сдвиги, в результате которых впервые за последние 500 лет западные державы перестанут доминировать. Одной из существующих черт происходящей трансформации мирового порядка является меняющаяся роль так называемых восходящих держав. Она затрагивает проблему статусности государств и определения их места в неформальной иерархии международных экономических и политических отношений. В таких условиях меняющегося глобального порядка все большее внимание привлекает к себе термин «БРИКС». Существуют разные взгляды на перспективы этого неформального клуба как в мировой политике, так и в экономике¹. В то же время однозначно признается, что вес его участников в мире заметно повышается.

Наверняка 2010 г. войдет в историю мировой экономики, поскольку впервые на развивающиеся страны и государства с переходной экономикой пришлось более половины притока глобальных капиталовложений. Хотя свыше

двух третей трансграничных сделок по слиянию и поглощению (mergers and acquisitions – M&A) по-прежнему совершаются с участием развитых стран, удельный вес указанной группы государств как принимающих сторон в этих сделках возрос с 26% в 2007 г. до 31% в 2009 г.². Постоянно рос и их удельный вес в международной инвестиционной сфере: за последние 10–15 лет по объему накопленных прямых иностранных инвестиций (ПИИ) фактически удвоился, а по масштабам экспорта – возрос в 5 раз.

Движущей силой инвестиционных потоков являются инвестиции ведущих транснациональных корпораций (ТНК). В начале XXI в. на мировую арену вышло новое поколение транснациональных корпораций, основу которых составляют ведущие компании из стран БРИКС³. Появление этих ТНК обусловлено спецификой экономического роста в данной группе государств, связанного с эволюцией крупных и сверхкрупных национальных компаний. Последние выполняют роль не только основного источника капиталовложений, но также являются движущими силами технического прогресса в своих странах⁴.

Вергун Алла Николаевна – специалист Института дополнительного профессионального образования, аспирант кафедры международных экономических отношений и внешнеэкономических связей МГИМО(У) МИД России. E-mail: alla_vergun@mail.ru

Экспорт прямых инвестиций из стран БРИКС

	Накопленные прямые инвестиции за рубежом						Экспорт прямых инвестиций в 2010 г.		
	на конец 1995 г.			на конец 2010 г.					
	млрд долл.	доля в мире, %	место в мире	млрд долл.	доля в мире, %	место в мире	млрд долл.	доля в мире, %	место в мире
БРИКС,	89,4	2,5		1085,7	5,3		146,3	11,1	
в том числе:									
Россия	3,3	0,1	35	433,7	2,1	13	51,7	3,9	8
Китай	17,8	0,5	21	297,6	1,5	18	68,0	5,1	5
Бразилия	44,5	1,2	14	180,9	0,9	22	11,5	0,9	25
Индия	0,5	0,0	57	92,4	0,5	29	14,6	1,1	21
ЮАР	23,3	0,6	19	81,1	0,4	31	0,5	0,0	...

Источник: составлено на основе World Investment Report 2011. Web table 2, table 4.

Транснациональные корпорации из стран БРИКС с каждым годом все активнее участвуют в международном движении капиталов. Так, за период с 2000 по 2010 г. удельный вес этой группы стран в мировом экспорте ПИИ возрос с 1 до 11%. Корпорации из государств БРИКС заключили за этот период более 2,5 тыс. сделок по приобретению зарубежных активов⁵. Более того, за последние годы возрос показатель притока ПИИ в страны БРИКС. В 2010 г. в эти государства было инвестировано около 18% средств, вложенных различными странами за пределами национальных территорий⁶.

Страны БРИКС еще в докризисный период занимали заметное место в международном инвестиционном процессе. Так, уже к концу 2007 г. около 7 тыс. китайских компаний основали более 10 тыс. зарубежных представительств в 173 странах мира. Капиталовложения российских корпораций росли ускоренными темпами, и уже в 2005 г. Россия заняла 2-е место по масштабам экспорта ПИИ среди формирующихся экономик. Абсолютным лидером по количеству приобретенных зарубежных активов, в том числе в развитых государствах, в последние годы стала Индия. По данным международных рейтингов, крупнейшие компании Бразилии имели лучшие показатели оперативной и финансовой деятельности среди ТНК из стран БРИКС. Максимальный суммарный показатель экспорта ПИИ из стран БРИКС был достигнут в 2008 г. – 147 млрд долл. США (2010 г. – 146 млрд долл. США). В 2010 г. по данному показателю Россия и КНР входили в десятку крупнейших экспортеров ПИИ в мире⁷.

Так, в 2010 г. (в текущих ценах и уровне обменного курса) доля этой группы достигла 5,3% (по сравнению с 2,5% в 2005 г. и 1,7% в 2000 г.). В том числе на Россию приходилось 2,1% накопленных глобальных ПИИ (433,7 млрд долл.), на Китай – 1,5% (297,6 млрд долл.), на Бразилию – 0,9% (181 млрд долл.), на Индию – больше 0,4% (92,4 млрд долл.) и на ЮАР – около 0,4% (81,1 млрд долл.)⁸. Как видно, удельный вес государств БРИКС в накопленных глобальных инвестициях еще не столь велик по сравнению с их потенциалом, поскольку активный вывоз капитала их компаниями начался сравнительно недавно. Но, по прогнозам многих специалистов, он существенно возрастет уже в среднесрочной перспективе.

У транснациональных корпораций из стран БРИКС есть ряд схожих черт:

- реализуя конкурентные преимущества, накопленные на внутренних рынках, они успешно продвигаются на мировой рынок инвестиций, расширяя свою транснациональную деятельность;
- компании из этой группы государств, как правило, предпочитают инвестировать в сделки по слияниям и поглощениям (M&A), нежели в новые проекты («гринфилд»).

По оценке ЮНКТАД, за период 2000–2010 гг. индийские компании заключили 951 сделку в сфере M&A, китайские – 598, российские – 299 и бразильские – 226⁹. Проекты «гринфилд» как способ зарубежных капиталовложений используются компаниями из стран БРИКС менее активно. По оценкам ЮНКТАД, за период 2005–2010 гг. в среднем ежегодно регистрировалось 725 таких проектов (5,5% от общего их числа в мире) на сумму порядка 70 млрд долл. Несмотря на то что вкладывать средства в проекты «гринфилд» оказывается менее затратным, чем сделки в M&A, все же ТНК из стран БРИКС предпочитают этот вариант, так как он позволяет компаниям экономить время на получение ожидаемого результата (доступ к ресурсам и технологиям и т.д.). Данный выигрыш во времени позволяет им в конкурентной борьбе быстрее догнать соперников.

Примечательно, что изначально инвесторы из стран БРИКС вкладывали средства в экономики соседних государств. Но со временем они продвинулись в другие регионы мира в поисках новых рынков сбыта и недостающих ресурсов. Учитывая специфику экспорта инвестиций из стран БРИКС (стремление приобретать активы зарубежных компаний, обладающих передовыми технологиями, современным опытом управления и высококвалифицированными кадрами), основным местом приложения их капитала становятся преимущественно развитые страны.

Также тенденцией последних лет является стремление компаний из стран БРИКС инвестировать за рубеж не из желания быстро получить прибыль, а из стратегических соображений. Эта тенденция отражает роль государственных корпораций, реализующих в этом процессе общенациональные задачи. Например, большинство китайских компаний, ведущих предпринимательскую

Таблица 2

Ведущие нефинансовые ТНК БРИКС по величине зарубежных активов в 2009 г.

№	№*	Компания	Страна	Отрасль	Активы, млрд долл.	
					зарубежные	всего
1	2	CITIC	Китай	Диверсифицированная	48,14	315,43
2	4	Vale	Бразилия	Горнодобывающая	34,93	100,90
3	7	China Ocean Shipping Co.	Китай	Транспорт	28,09	36,29
4	10	ЛУКОЙЛ	Россия	Нефтегазовая	28,04	79,02
5	-	Газпром	Россия	Нефтегазовая	19,42	276,65
6	17	Petrobras	Бразилия	Нефтегазовая	15,94	198,41
7	14	Tata Steel	Индия	Черная металлургия	15,61	24,42
8	18	MTN Group	ЮАР	Телекоммуникации	14,42	21,17
9	21	Gerdau	Бразилия	Черная металлургия	13,92	25,59
10	23	CNPC	Китай	Нефтегазовая	11,59	325,33
11	25	Tata Motors	Индия	Автомобилестроение	11,29	20,23
12	30	ONGC	Индия	Нефтегазовая	10,44	37,22
13	31	Евраз	Россия	Черная металлургия	10,36	23,42
14	27	Северсталь	Россия	Черная металлургия	9,91	19,64
15	33	Hindalco Industries	Индия	Диверсифицированная	9,37	15,41
16	41	Sinochem	Китай	Нефтехимическая	8,12	25,13
17	-	Votorantim	Бразилия	Конгломерат	7,81	35,14
18	46	Sasol	ЮАР	Нефтегазовая, химическая	6,68	18,98
19	47	CNOOC	Китай	Нефтегазовая	6,65	75,91
20	-	JBS-Friboi	Бразилия	Сельское хозяйство	5,29	24,39
21	55	Naspers	ЮАР	Медиабизнес	5,19	7,81
22	57	Мечел	Россия	Черная металлургия	5,16	13,18
23	59	Steinhoff International	ЮАР	Розничная торговля, мебельное производство		
24	61	Netcare	ЮАР	Здравоохранение	5,02	6,18
25	65	Gold Fields	ЮАР	Цветная металлургия	4,84	8,49
26	66	Sappi Ltd.	ЮАР	Деревоперерабатывающая	4,79	7,29
27	67	Suzlon Energy	Индия	Диверсифицированная	4,65	6,49
28	68	Medi-Clinic Corp.	ЮАР	Потребительские услуги	4,43	5,22
29	69	Tata Consultancy Service	Индия	Консультационные услуги	4,36	6,11
30	72	Reliance Communications	Индия	Телекоммуникации	4,26	20,77
31	73	Lenovo Group	Китай	Электрическое и электронное оборудование	3,59	18,44
32	74	Русал	Россия	Цветная металлургия	3,80	23,89
33	77	CRCC	Китай	Строительство	3,58	41,44
34	79	Норильский никель	Россия	Цветная металлургия	3,41	22,76
35	82	MTC	Россия	Телекоммуникации	3,24	15,78

*Позиция в рейтинге Top-100 нефинансовых из развивающихся стран и государств с переходной экономикой по размерам зарубежных активов 2009 // World Investment Report 2011 // UNCTAD // www.unctad.com // Table 30.

Источники: по российским и бразильским ТНК – международный проект Emerging Market Global Players (www.vcc.columbia.edu), по остальным ТНК – World Investment Report 2011. Web table 30.

деятельность за рубежом, принадлежат государству или непосредственно им контролируются. То же касается и России (Газпром), Бразилии (Petrobras) и Индии (Oil and Natural Gas Corporation). Исключением в блоке БРИКС по этому критерию является Южно-Африканская Республика, где частные компании доминируют в сфере экспорта ПИИ, поскольку госкорпорации этой страны преимущественно задействованы в неторгуемых секторах национального хозяйства или инфраструктурных проектах соседних стран Африки.

Следует отметить, что, несмотря на то что роль БРИКС в глобальных инвестиционных потоках еще не столь велика, в региональных потоках ПИИ эти страны играют значительную роль. У ЮАР, которая занимает пятое, последнее место в блоке БРИКС по экспорту капитала, на Африку приходится свыше 20% накопленных прямых инвестиций, тогда как в целом африканский континент привлекает меньше чем 3% глобальных ПИИ¹⁰. В то же время эффект «соседства» в географии прямых инвестиций характерен не только для государств БРИКС, но и для развитых стран.

Однако по мере формирования в отраслях специализации стран БРИКС глобальных ТНК их инвестиции смогут в будущем играть роль не только в соседних странах, но и в территориально удаленных государствах. Так, например, доля капиталовложений российских ТНК в общем объеме накопленных на конец 2009 г. прямых иностранных инвестиций уже превышает 10% не только в ряде стран СНГ и культурно близкой России Черногории, но и в Ботсване, Буркина-Фасо и Гвинее. В африканских странах инвесторами выступали соответственно «Норильский никель», «Северсталь» и ОК «РУСАЛ»¹¹.

Как видно из табл. 2, в числе ведущих ТНК стран БРИКС больше всего компаний топливно-энергетического комплекса, прежде всего нефтедобывающих. Однако они уступают по масштабам экспансии крупнейшим корпорациям из США и Европы (таким, как Shell, BP, ExxonMobil, Total, Chevron и др.). Вторым по значению для экспорта инвестиций БРИКС стал металлургический комплекс. Важно, что ряд горнодобывающих и сталелитейных компаний входят в число мировых лидеров. В целом ТНК из стран БРИКС охватывают широкий спектр отраслей – от сельского хозяйства до медиабизнеса.

Особенности экспорта капитала из стран БРИКС:

Бразилия. Экспорт капитала из этого государства начался еще более 30 лет назад. Но даже к концу 1990-х гг. XX в. доля Бразилии в мировых накопленных глобальных инвестициях не превышала 1%. С начала XXI в. бразильские компании, в частности, компании, действующие в горнометаллургическом секторе, стали наращивать свои обороты и присутствовать на рынках других государств. По итогам 2010 г. горнодобывающая компания Vale, нефтеперерабатывающая Petrobras и металлургическая Metalurgica Gerdau занимали соответственно 4, 17 и 21-е места в рейтинге ведущих нефинансовых ТНК из развивающихся стран по величине зарубежных активов (табл. 2)¹².

Россия. Рост экспорта российских инвестиций прослеживается с конца 90-х гг. XX в., однако удельный вес России в мировых исходящих инвестициях, хотя и резко увеличился с 0,3% в 2000 г. до 3,9% в 2010 г., остается на низком уровне¹³. Среди предпосылок для расширения экспорта ПИИ из России в другие страны можно отметить общую благоприятную экономическую ситуацию в стране в целом (до кризисного 2008 г.), способствовавшую становлению и оздоровлению российских корпораций. Также повлияло принятие ряда законов в РФ, в частности по либерализации валютного регулирования и экспорта инвестиций. В конце 2010 г. отраслевая структура активов российских компаний за рубежом была следующей: нефтегазовый сектор – свыше 50%, горнометаллургическая промышленность – около 30%, телекоммуникации – более 10%, транспортные перевозки – менее 5% и прочие секторы – машиностроение, химия, ритейл – примерно 5%¹⁴.

Что касается географического распределения российских инвестиций, то следует отметить, что в последнее время намечена тенденция на снижение потоков капиталов из России в страны СНГ и увеличение инвестиций в страны Европы и Америки. Так, доля стран СНГ в экспорте ПИИ из России в 2007–2009 гг. составляла примерно 7,5%. В то же время удельный вес государств Европы в зарубежных активах отечественных компаний превысил 50%, а стран Северной Америки – 17%. Также прослеживается тенденция к расширению экспансии отечественного бизнеса на другие континенты (Африка – 8%, Азия – 4%, Австралия – 1%)¹⁵.

По размерам имеющихся иностранных активов в Топ-100 в 2010 г. были включены 9 частных российских компаний, а крупнейшие из них – ЛУКОЙЛ, Северсталь, Евраз и Мечел – заняли соответственно, 10, 27, 31 и 57-е места (табл. 2), хотя в целом они ухудшили свои позиции по сравнению с предкризисным периодом. Так, в 2008 г. в этом рейтинге ЛУКОЙЛ и Евраз занимали 8-е и 23-е место соответственно¹⁶. Газпром в рейтинг ЮНКТАД не включен ввиду отсутствия достоверных данных о зарубежной деятельности концерна, хотя по масштабам иностранных активов газовый монополист, по оценкам экспертов, уступает только ЛУКОЙЛУ (таб. 2).

В отраслевом разрезе в этом списке доминируют компании сырьевого сектора России: шесть металлургических холдингов, два телекоммуникационных и один нефтегазовый, в то время как в других странах БРИКС деятельность ТНК более диверсифицирована и они представлены в сфере телекоммуникаций, строительства, потребительских услуг, транспорта и т.д.;

Индия. Индийские компании начали вывоз капитала еще в 60-х гг. XX в. Характерным было то, что объем таких инвестиций был небольшим и направлялись они в основном в страны Юго-Восточной Азии и Африки, где имелись крупные индийские общины, что облегчало развитие совместного предпринимательства в принимающих государствах¹⁷. До середины предыдущего десятилетия экспорт капитала из Индии был небольшим по сравнению с другими странами БРИКС, но когда индийское правительство приняло решение о либерализации этой сферы экономики, местные компании тут же форсировали экспорт капитала¹⁸.

Основная часть инвестиций индийских компаний направляется в США, Великобританию, Францию, Германию, Бельгию, Россию и Бразилию, где они размещаются в нефтегазовом секторе, добыче полезных ископаемых, металлургии, фармацевтике, телекоммуникациях и в производстве химических товаров¹⁹. В настоящее время зарубежные инвестиции Индии сфокусированы на сфере услуг и наукоемких отраслях (программное обеспечение, информационно-коммуникационные технологии). Также стала заметной тенденция роста ПИИ из Индии в страны Западной Европы, США, а также Австралию, Японию. Так, если в середине 90-х гг. XX в. на долю стран Юго-Восточной Азии приходилось до 75%

индийских капиталовложений, то к 2008 г. их доля сократилась до 40%²⁰.

В списке Топ-100 крупнейших нефинансовых ТНК из развивающихся стран в 2010 г. было 7 компаний из Индии (табл. 2): Tats Steel, 14-е место (черная металлургия); Tata Motors, 25-е место (автомобилестроение); ONGC, 30-е место (нефтегазовая отрасль); Hindalco, 33-е место (цветная металлургия); Sulzon, 67-е место (энергетика); Tata Consultancy Services, 69-е место (консультационные услуги); Reliance Communications, 72-е место (телекоммуникационные услуги).

Китай. Рост экспорта китайских инвестиций начался в середине 90-х гг. XX в., однако в 2000 г. удельный вес КНР в объеме мировых исходящих инвестиций находился всего лишь на уровне 0,1%. Но уже к 2008 г. этот показатель составил почти 3%, а в 2010 г. – превысил 5%. В 2009 г. Китай вышел на 1-е место в мире по масштабам размещения финансового капитала (включая облигации, акции и другие ценные бумаги) преимущественно в развитых странах²¹. Изначально китайские компании были нацелены на вложения своих средств в сырьевой сектор государств Африки, Центральной Азии и Латинской Америки. Однако сегодня четко прослеживается тенденция к увеличению инвестиций из Китая в наукоемкие отрасли и финансовые активы преимущественно развитых стран. Данной переориентации способствует действенная система государственных институтов поддержки инвестиционно-предпринимательской деятельности китайских компаний за рубежом.

Объем ПИИ из Китая в другие страны в период 2006–2010 гг. составил 220 млрд долл. США при среднегодовом росте 30%, что позволило стране выйти на 5-е место в мире по данному показателю. В целом накопленные зарубежные инвестиции за 2000–2010 гг. увеличились в 10,7 раза. Основной поток китайских ПИИ идет в Гонконг, Австралию, на Каймановы и Британские Виргинские острова, а также в Швецию, США, Канаду, Россию и Бразилию²².

Следует отметить, что в планах правительства КНР на 12-ю пятилетку (2011–2015 гг.) предусмотрено увеличить экспорт инвестиций из КНР в 2 раза – до 100 млрд долл. США в год. Также в перспективах перед китайскими компаниями поставлена цель увеличения экспорта национальных технологий и стандартов²³. Более того, данная задача уже выполняется. Так, по масштабам зарубежных активов финансовый холдинг CITIC Group занял в 2010 г. 60-е место в Топ-100 крупнейших корпораций мира. Также по оценке ЮНКТАД, 9 китайских компаний были включены в список Топ-100 крупнейших нефинансовых ТНК из развивающихся стран (табл. 2).

Южно-Африканская Республика. Количественные показатели участия ЮАР в процессах трансграничного вывоза ПИИ на сегодня являются наименьшими в группе БРИКС. Вместе с тем экспорт капиталов в соседние страны Африки осуществлялся местными компаниями еще в период режима апартеида, в том числе как способ обхода и минимизации последствий международных экономических санкций (эмбарго)²⁴. С 90-х гг. XX в. в

ЮАР поэтапно происходила политика либерализации в области экспорта прямых инвестиций из страны. Уже в 2004 г. было принято решение полного отказа от лимитирования экспорта ПИИ. С этого момента ЮАР постепенно стала закрепляться в качестве лидера экспорта капитала на африканском континенте.

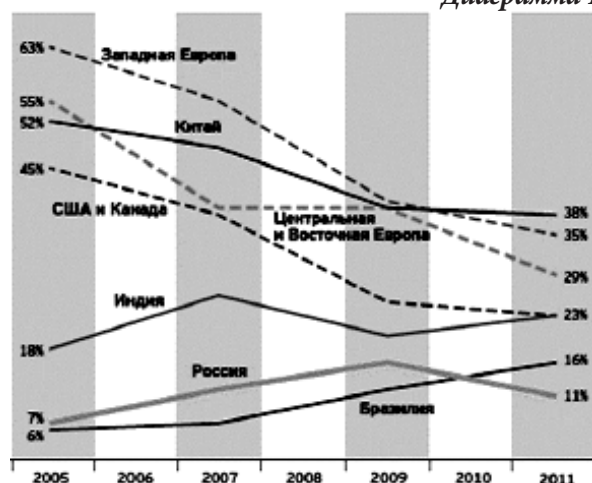
Объем накопленных инвестиций за рубежом за 2000–2007 гг. в ЮАР удвоился и составил 67 млрд долл. США (7-е место среди развивающихся стран). Прежде всего это было обусловлено капиталовложениями крупнейших госкомпаний – Eskom, PetroSA, Transnet, которые занимаются реализацией крупных инфраструктурных проектов на африканском континенте в рамках международной программы «Новое партнерство для развития Африки»²⁵. В 2010 г. в список Топ-100 крупнейших нефинансовых ТНК из развивающихся стран попали 8 компаний из ЮАР, представляющие различные секторы экономики, причем 5 из них – из сферы предоставления потребительских услуг (табл. 2): MTN, 18-е место (телекоммуникации); Sasol, 46-е место (нефтехимия); Naspers, 55-е место (потребительские услуги); Steinhoff International Holdings, 59-е место (потребительские товары); Netcare, 61-е место (продовольственные товары); Gold Field, 65-е место (горнодобыча и цветная металлургия); Sappi, 66-е место (деревообработка и производство бумаги); Medi-Clinic Corp, 68-е место (медицинские услуги).

Мировой кризис снизил инвестиционную привлекательность стран БРИКС в целом, однако на общем фоне данные государства заметно выделялись своими позитивными результатами. Бразилия, Россия и Индия в период 2005–2011 гг. повысили свою инвестиционную привлекательность (диаграмма 1). Данный показатель по Китаю в целом ухудшился, однако КНР вышла на первое место благодаря тому, что опережавшие его в прошлом европейские страны испытали снижение данного показателя в существенно большей степени. Привлекательность Южно-Африканской Республики оказалась скромнее, но все же значительной с региональной точки зрения, то есть в масштабах Африки.

С учетом сложившихся тенденций можно прогнозировать на ближайшие несколько лет положительную динамику инвестиционной привлекательности стран БРИКС. Вместе с тем не следует преувеличивать благоприятность инвестиционного климата в странах БРИКС. Есть определенные проблемы, которые оказывают сдерживающее влияние на приток и отчасти стимулируют отток ПИИ. Одной из таких проблем являются условия ведения бизнеса в соответствующих странах. В рейтинге легкости ведения бизнеса, рассчитываемом ежегодно Мировым банком и Международной финансовой корпорацией, с 2012 г. кроме ЮАР, которая занимает довольно высокое общее 35-е место и даже является мировым лидером по доступности кредитов, позиции остальных стран БРИКС не выглядят впечатляющими. Китай расположился в середине

рейтинга 183 стран, Россия, Бразилия и Индия разместились заметно ниже (табл. 3).

Диаграмма 1

*Респондентам было предложено три варианта ответа (на графике показаны варианты ответов, начиная с 2005 г.). Общее количество респондентов: 812.

Источник: Bank of Israel Information and Data. URL: Исследование инвестиционной привлекательности европейских стран, Ernst&Young, 2011 г. (Ernst&Young's 2011 European attractiveness survey).

Таблица 3

Место стран БРИКС в рейтинге легкости ведения бизнеса

Оцениваемая сфера	Бразилия	Россия	Индия	Китай	ЮАР
Легкость ведения бизнеса (общий рейтинг)	126	120	132	91	35
Регистрация предприятий	120	111	166	151	44
Получение разрешений на строительство	127	178	181	179	31
Присоединение к электрическим сетям	51	183	98	115	124
Регистрация собственности	114	45	97	40	76
Кредитование	98	98	40	67	1
Защита инвесторов	79	111	46	97	10
Налогообложение	150	105	147	122	44
Международная торговля	121	160	109	60	144
Обеспечение исполнения контрактов	118	13	182	16	81
Разрешение неплатежеспособности	136	60	128	75	77

Источник: Doing Business 2012: Doing business in a more transparent world (A copublication of The World Bank and the International Finance Corporation) // russian.doingbusiness.org

Приведенные выше данные говорят о том, что условия ведения бизнеса для малых и средних предприятий в странах альянса не являются особо благоприятными. За шестилетний период с 2005 по 2010 г. общий мировой поток ПИИ превысил 8,5 трлн долл. Из этого объема в страны БРИКС поступило 14% инвестиций, в то время как из стран БРИКС в другие страны было направлено 7% ПИИ. Следовательно, пятерка названных государств в большей степени играет

роль принимающей инвестиции стороны, нежели их источника. Лидером по притоку в БРИКС выступает Китай, на который приходится 6% мирового притока ПИИ или половина притока в БРИКС (табл. 4).

Таблица 4

Приток ПИИ в страны БРИКС, млрд долл. США

	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Всего в мире	983	1462	1971	1744	1185	1244
БРИКС, в т.ч.	115	141	205	280	198	222
Бразилия	15	19	35	45	26	48
Россия	13	30	55	75	37	41
Индия	8	20	25	43	35	25
Китай	72	73	84	108	95	106
ЮАР	7	-1	6	9	5	2

Источник: составлено на основе World Investment Report 2011. Web table 2, table 4.

Если говорить о притоке ПИИ в страны БРИКС, то ситуация в каждой из двух основных отраслей ПИИ – трансграничных слияниях и поглощениях (M&A) и инвестициях в новые проекты (greenfield investments) – отличается от оттока ПИИ из этих стран. Приток ПИИ в сфере слияний и поглощений в странах БРИКС заметно уступает по доле в мировом итоге притоку инвестиций в новые проекты. Так, доля альянса в мировом объеме чистых продаж M&A (чистые продажи характеризуют приток ПИИ в M&A) за 2005–2010 гг. составила 4,9%, в то время как доля притока инвестиций в новые проекты составила 23,8% от мирового итога по притоку «greenfield investments». Как было рассмотрено ранее, совсем другая картина по оттоку: здесь страны БРИКС в мировом объеме чистых покупок M&A имеют долю 9,3%, а в мировом оттоке инвестиций в новые проекты – 8,2%.

Если рассматривать объемы накопленных иностранных инвестиций в экономики государств БРИКС по основным странам-экспортерам на 2010 г., то результаты будут следующие:

- в Бразилии лидируют США (около 24% всего объема накопленных инвестиций), Голландия (11%), Испания (12%), а также Франция (10%), Португалия (9%) и Германия (6%)²⁶;

- в России лидируют Кипр (20,7% всего объема накопленных инвестиций), Нидерланды (13,5%), Люксембург (11,7%), Китай (9,3%), Германия (9,3%), Великобритания (7,2%)²⁷;

- в Индии лидируют Маврикий, Сингапур, США, Великобритания, Нидерланды, Япония;

- в Китае лидируют Гонконг, офшорные центры (Виргинские, Каймановы острова), Сингапур, Япония, Республика Корея;

- в ЮАР лидируют США, Великобритания, Германия, Индия, Австралия.

В заключение статьи необходимо констатировать, что в последние годы инвестиционная привлекательность стран БРИКС растет абсолютно (Бразилия, Индия, в меньшей степени Россия) или относительно (Китай). Это

связано как с меньшей вовлеченностью этих стран в кризисные явления мировой экономики, так и наличием у них важных факторов экономического роста, которые остаются привлекательными для многих инвесторов. Важнейшие из этих факторов – крупные внутренние рынки, квалифицированная и недорогая рабочая сила, богатые природные ресурсы.

Вместе с тем в странах альянса есть определенные проблемы бизнес-среды. В рейтинге легкости ведения бизнеса позиции БРИКС (кроме ЮАР) более чем скромные. Препятствия в области ведения бизнеса касаются мелких и средних компаний. В ситуации, когда объективно потребуется гибкость и оперативность бизнеса, например при структурной перестройке экономики, роль мелкого и среднего бизнеса будет возрастать. Следовательно, сильнее будут сказываться и барьеры в области условий ведения бизнеса.

Страны БРИКС в целом являются нетто-получателями ПИИ, хотя и объем их собственных прямых зарубежных инвестиций довольно значителен. В некоторых случаях приток почти равен оттоку (Россия). В области слияний и поглощений пять рассматриваемых стран более ориентированы на отток. Это связано с тем, что они стремятся приобретать за рубежом стратегически важные и дорогие активы, в то время как собственные национальные предприятия продаются значительно дешевле.

Из анализа распределения привлеченных ПИИ по секторам можно сделать вывод, что приток инвестиционных проектов в Китай и Россию больше носит индустриальный характер, а в Индию, Бразилию и ЮАР – постиндустриальный. Конечно, данный вывод лишь приблизительно характеризует секторные различия притока проектов ПИИ в названные страны, но сами эти различия отчетливо прослеживаются из соответствующих статистических данных. Иная ситуация в оттоке инвестиций. В Китае секторная структура оттока инвестиций резко отличается от структуры притока. Доминирует сфера услуг и отчасти добывающая промышленность, доля же обрабатывающей промышленности весьма невелика.

В Индии структура экспорта инвестиций не столь сильно отличается от структуры их им-

порта, хотя различия, конечно, есть. Основная из них – относительно высокая доля обрабатывающей промышленности в экспорте капитала. Вероятно, индийские компании более акцентированно стремятся получить за рубежом не только доступ к рынкам, но и к технологиям и брендам.

Россия имеет в экспорте капитала узкий набор секторов с полным доминированием оптовой торговли, добычи топливно-энергетических полезных ископаемых и производства кокса и нефтепродуктов. Сырьевой характер специализации страны выражен сильно, и маловероятно, что в ближайшем будущем он изменится.

Географическая направленность импорта и экспорта инвестиций стран БРИКС характеризуется двумя особенностями. Во-первых, страны альянса уделяют достаточно много внимания своим соседям по региону, чья доля в потоках инвестиций обычно высока. Кроме того, в этих потоках очень значительную роль играют офшорные центры. В этих центрах происходит мобилизация ресурсов, оптимизация условий ведения бизнеса, определяются маршруты и стратегии дальнейшего распределения инвестиций в конечные пункты их производительного использования. Здесь страны БРИКС действуют в целом по одному сценарию, а иногда и в одних и тех же офшорных центрах. Офшорные центры превратились в необходимую часть системы международного движения инвестиций, и страны альянса довольно успешно используют их возможности.

Vergun A.N. BRICS countries in international investment processes.

Summary: *The article deals with investment activity of BRICS countries as their role in global political and economical processes is growing at a quick rate. The author analyses the main trends of export and import of foreign direct investments, defines geographical and branch directions of investment processes, explores the main forms of inflow and outflow of BRICS investments and highlights investment attractiveness of every country. The author draws special attention to the transnational companies of BRICS countries – the driving force of investment flows.*

Ключевые слова

БРИКС, Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР, инвестиционные процессы, прямые иностранные инвестиции, инвестиционная привлекательность, экспорт капитала, импорт капитала, транснациональные корпорации, трансграничные слияния и поглощения.

Keywords

BRICS, Brazil, Russia, India, China, Republic of South Africa, investment processes, foreign direct investments, investment attractiveness, capital outflows, capital inflows, transnational corporations, transnational mergers and acquisitions, M&A.

Примечания

1. Давыдов В. Пробуждающиеся гиганты БРИК // Свободная мысль. 2008. №5. С. 131–142; БРИК как новая концепция многовекторной дипломатии (круглый стол) // Вестник МГИМО. 2010. № 1. С. 38-65; Хейфец Б. БРИК: миф или реальность? // МЭ и МО. 2010. № 9. С. 72-80.
2. World Investment Report 2010 // UNCTAD// www.unctad.org. - 2011. - P. 5-7.
3. Пак С. Обзор исследования «Глобальная экспансия транснациональных корпораций России и Китая: адаптация в условиях кризиса» // МШУ Сколково. 2009. С. 2.
4. Корпоративные гиганты и экономический рост: случай Китая и России // Институт развития быстроразвивающихся рынков (SIEMS). 2010. С. 2.
5. World Investment Report 2010 // UNCTAD // www.unctad.org. - 2011. - P. 5-7.
6. UNCTAD Global Investment Trends Monitor. - P. 4.
7. World Investment Report 2011 // UNCTAD // www.unctad.org. P. 4.
8. Рассчитано автором по: World Investment Report 2011. - P. 191 - 194.
9. Ibid. - P. - 200 - 202.
10. South African Reserve Bank Quarterly Bulletin. - June 2011. - P. 94-95.
11. Кузнецов А. Транснациональные корпорации стран БРИКС // Мировая экономика и международные отношения. 2012. №3. С. 5.
12. World Investment Report 2011// UNCTAD // www.unctad.org. - 2011. - Table 30.
13. World Investment Report 2011 // UNCTAD // www.unctad.org. - 2011.
14. Пахомов А.А. Страны БРИКС в мировом «клубе инвесторов» // Азия и Африка сегодня. 2012. №4. С. 18.
15. Investment from Russia stabilizes after the global crisis. // IMEMO. - July 2011. - P. 22.
16. World Investment Report 2010 // UNCTAD // www.unctad.org. - 2010. - P. 18-19.
17. Пахомов А.А. Предпринимательская деятельность индийских монополий в странах АСЕАН // Юго-Восточная Азия на рубеже 70-80-х гг.: тенденции и перспективы развития. 1984. С. 45-51.
18. International: BRIC's outward FDI is the side // Oxford Analitica. - March 2011. - P 1-3.
19. Пахомов А.А. Страны БРИКС в мировом «клубе инвесторов» // Азия и Африка сегодня. 2012. №4. С. 19.
20. Там же.
21. Пахомов А.А. Страны БРИКС в мировом «клубе инвесторов» // Азия и Африка сегодня. 2012. №4. С. 19-20.
22. Агентство «Синьхуа». 26 января 2011 г.
23. Пахомов А.А. Страны БРИКС в мировом «клубе инвесторов» // Азия и Африка сегодня. 2012. №4. С. 20-21.
24. Артюхин А., Пахомов А. Экономическое положение ЮАР и ее торгово-экономические связи со странами Африки // БИКИ. - 29 ноября 1989.
25. Пахомов А.А. Страны БРИКС в мировом «клубе инвесторов» // Азия и Африка сегодня. 2012. №4. С. 20-21.
26. UN ECLAC. Foreign Investment in Latin America and the Caribbean. - Santiago de Chile. – 2009. - Table I-A-3. - P. 74.
27. Федеральная служба государственной статистики // www.gks.ru.

Меры по оптимизации российско-индийского торгово-экономического сотрудничества

А.Д. Бондаренко

Статья описывает текущий этап российско-индийского торгово-экономического сотрудничества. Автор анализирует проблемы, с которыми приходится сталкиваться бизнесу при выходе на рынки России и Индии. Особое внимание уделено мерам по оптимизации сотрудничества.

В течение нескольких десятилетий объективной предпосылкой и прочной основой для установления дружественных и стабильных отношений сотрудничества, а затем и стратегического партнерства между Россией и Индией были общность национальных интересов, близкие или совпадающие позиции по актуальным международным вопросам. Советский Союз был, пожалуй, самым серьезным технологическим партнером Индии на протяжении всей второй половины XX в. Благодаря помощи Москвы здесь появились целые отрасли экономики, такие, как металлургия, фармацевтика, микроэлектроника, атомная энергетика. После распада Советского Союза отношения потеряли былую динамику и вновь начали набирать силу в начале XXI в.

Если в XX в. компании из нашей страны могли рассчитывать на официальный или негласный режим наибольшего благоприятствования и поддержки, в веке XXI им пришлось столкнуться с новым поколением индийской бюрократии, а также серьезными конкурентами, как национальными, так и пришедшими из-за рубежа. Многие оказались не готовы к новым правилам игры на

индийском поле. В некоторых случаях проблемы возникают из-за невнятной или не до конца сформированной политики государства.

В начале 2006 г. Министерство экономического развития России и Министерство коммерции и торговли Индии подписали совместный меморандум о сотрудничестве, в котором была отражена цель – увеличить товарооборот между странами с 3 млрд долл. США до 10 млрд долл. США к 2010 г. В целях реализации договоренностей, отраженных в данном документе, была учреждена российско-индийская рабочая группа. Результатом ее работы стала Программа по совершенствованию торгово-экономического сотрудничества между Россией и Индией, в которую вошли инвестиционное сотрудничество, а также ряд шагов по развитию торговли товарами и услугами.

Данные мероприятия стали основой для преодоления отрицательной динамики российско-индийского товарооборота в 2004 и 2005 гг. В 2006 г. прирост товарооборота составил 27%, в 2007 г. – 37%, 2008 г. – 31%, а в кризисном 2009 г. – 7,5%.

Бондаренко Александр Дмитриевич – аспирант кафедры международных экономических отношений и внешнеэкономических связей МГИМО(У) МИД России. E-mail: bondonly@yandex.ru

Таблица 1
Товарооборот России с Индией в 2002 – 2007 гг., млрд долл.

	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
ОБОРОТ	2,2	3,1	3,2	3,1	3,9	5,3
темпы роста в %	128,8	142,4	101,9	98,3	125,8	136,5
ЭКСПОРТ	1,7	2,5	2,5	2,3	2,9	4,0
темпы роста в %	145,0	151,5	99,8	92,5	126,4	137,1
ИМПОРТ	0,5	0,6	0,6	0,8	1,0	1,3
темпы роста в %	94,8	113,2	111,0	120,8	124,1	134,6
САЛЬДО	1,1	1,9	1,9	1,5	2,0	2,7

Источник: Рассчитано по данным Федеральной таможенной службы Российской Федерации¹.

Как видно из табл.1, товарооборот между нашими странами увеличился с 2,2 млрд долл. до 5,3 млрд долл. за 2002–2007 гг., в том числе экспорт с 1,7 млрд долл. до 4,0 млрд долл. и импорт с 0,5 млрд долл. до 1,3 млрд долл. соответственно. Сальдо торгового баланса положительное для России.

В 2010 г. статус российско-индийского торгово-экономического сотрудничества был повышен до особо привилегированного партнерства. Ожидается, что в скором времени (к 2015 г.) уровень двустороннего товарооборота достигнет рекордных 20 млрд долл. США. К сожалению, статистические данные последних двух лет свидетельствуют об обратном. Данный внешнеторговый показатель либо остается на уровне 2010 г., либо снижается. В 2011 г. данный показатель едва дотянул до 9 млрд долл. Торгово-экономические отношения наших стран переживают новый этап, который пока не принес положительного эффекта ни одной из сторон.

По данным ФТС России, в январе–июне 2012 г. российско-индийский товарооборот увеличился по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года на 53,4 % и составил 5735,8 млн долл. США, в том числе российский экспорт – 4335,9 млн долл. США (рост на 74,9 %), импорт – 1399,9 млн долл. США (рост на 11,2 %) (более подробно см. табл.2).

Таблица 2
Товарооборот между Россией с Индией в 2007–2012 гг., млрд долл.

	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	январь–июнь 2012 г.
ОБОРОТ	5,3	6,9	7,5	8,5	8,9	5,7
динамика в %	136,5	130,4	107,6	114,4	104,2	153,4
ЭКСПОРТ	4,0	5,2	5,9	6,3	6,1	4,3
динамика в %	137,1	130,4	113,5	107,7	95,3	174,9
ИМПОРТ	1,3	1,7	1,5	2,1	2,8	1,4
динамика в %	134,6	130,3	89,3	140,5	130,6	111,2
САЛЬДО	2,7	3,5	4,4	4,2	3,3	2,9

Источник: Рассчитано по данным Федеральной таможенной службы Российской Федерации².

Основную позицию в структуре экспорта из России в Индию за первые шесть месяцев 2012 г. заняла машинно-техническая продукция – 50,1% (2171,2 млн долл.), следом за ней идут удобрения – 14,3% (618,2 млн долл.), третья строчка у необработанных алмазов – 9,2% (400,3 млн долл.), экспорт оружия и боеприпасов на четвертом месте – 7,4% (321,7 млн долл.), на пятом – черные металлы и изделия из них – 6,7% (291,0 млн долл.). В общей сложности на обозначенные группы товаров приходится 87,7% объема российского экспорта в Индию.

По сравнению с аналогичным периодом 2011 г. максимальный прирост экспорта в Индию из России в стоимостном выражении зафиксирован в отнесенных далее группах товаров: 89 (суда, лодки и плавучие конструкции) – на 1286,4 млн долл. (в 30 раз), 31 (удобрения) – на 334,9 млн долл. (в 2,2 раза), 93 (оружие и боеприпасы) – на 239,1 млн долл. (в 3,9 раза), 72 (черные металлы) – на 118,6 млн долл. (84%), 90 (инструменты и аппараты) – на 88,2 млн долл. (в 3,2 раза), 71 (алмазы) – на 58,8 млн долл. (17,2%), 84 (реакторы ядерные, котлы, оборудование) – на 50,3 млн долл. (27,9%), 07 (овощи) – на 28,2 млн долл. (более чем в 104 раза), 75 (никель и изделия из него) – на 28,0 млн долл. (в 16,7 раза), 81 (прочие недрагоценные металлы) – на 15,0 млн долл. (в 2,2 раза).

Отдельно стоит отметить, что за аналогичный период (первое полугодие 2012 г.) сильно сократился объем экспорта из России в следующих группах: 88 (летательные аппараты и их части) – на 176,2 млн долл., или на 38,6%, 27 (топливо минеральное, нефть) – 146,4 млн долл. (66,0%), 85 (электрические машины и оборудование, их части) – 79,3 млн долл. (32,2%), 87 (средства наземного транспорта) – 37,9 млн долл. (40,5%).

Таблица 3
10 основных товаров российского экспорта в Индию в первом полугодии 2012 г.

№№	Код ТН ВЭД	Наименование товарной группы	млн долл.	в %
Всего в т.ч.			4335,9	100,0
1.	89	Суда, лодки и плавучие конструкции	1330,9	30,7
2.	31	Удобрения	618,2	14,3
3.	71	Алмазы	400,3	9,2
4.	93	Оружие и боеприпасы; их части и принадлежности	321,7	7,4
5.	88	Летательные аппараты и их части	280,9	6,5
6.	72	Черные металлы	258,9	6,0
7.	84	Энергетическое оборудование	230,6	5,3
8.	85	Электрические машины и оборудование, их части	166,3	3,8
9.	90	Инструменты и аппараты	128,9	3,0
10.	27	Топливо минеральное, нефть	75,4	1,7

Источник: Рассчитано по данным Федеральной таможенной службы Российской Федерации³.

Основу российского импорта из Индии в аналогичном временном промежутке составили машины, оборудование, транспортные средства и инструменты 23,9% (333,7 млн долл., фармацевтическая продукция – 23,4% (327,8 млн долл.), сельскохозяйственные и продовольственные товары – 16,3% (225,9 млн долл.), текстильные изделия и материалы, готовая одежда – 9,0% (126,7 млн долл.). В общей сложности доля этих товарных групп составила 72,6% в общем объеме импорта из Индии в Россию.

За первые шесть месяцев 2012 г. следующие товарные группы продемонстрировали наибольший прирост импорта из Республики Индии в Российскую Федерацию в стоимостном выражении: 85 (электрические машины и оборудование, их части) – на 45,7 млн долл. (27,5%), 87 (средства наземного транспорта) – на 25,9 млн долл. (в 3 раза), 84 (энергетическое оборудование) – на 24,3 млн долл. (49,9%), 72 (черные металлы) – на 17,0 млн долл. (38,7%), 29 (органические химические соединения) – на 10,1 млн долл. (31,7%), 08 (фрукты и орехи) – на 11,6 млн долл. (в 2,6 раза), 13 (шеллак природный неочищенный) – на 8,4 млн долл. (в 2,1 раза), 12 (масличные семена и плоды) – на 7,4 млн долл. (49,7%), 73 (изделия из черных металлов) – на 4,3 млн долл. (40,0%).

Существенное снижение в доле российского импорта из Индии в первой половине 2012 г. продемонстрировали следующие товарные группы: 07 (овощи) – на 16,5 млн долл. (34,4%), 26 (руды, шлак и зола) – на 8,1 млн долл. (85,0%), 09 (кофе, чай) – на 5,2 млн долл. (9,2%), 21 (различные пищевые продукты) – на 5,0 млн долл. (9,1%), 24 (табак) – на 3,8 млн долл. (9,3%).

Таблица 4
10 основных товаров российского импорта из Индии в первом полугодии 2012 г.

№№	Код ТН ВЭД	Наименование товарной группы	млн долл.	в % к итогу
Всего в т.ч.			1399,9	100,0
1.	30	Фармацевтическая продукция	327,8	23,4
2.	85	Электрические машины и оборудование, их части	212,2	15,2
3.	84	Энергооборудование и механические устройства	72,8	5,2
4.	62	Предметы одежды, кроме трикотажных	71,8	5,1
5.	09	Кофе, чай, пряности	64,1	4,6
6.	72	Черные металлы	61,0	4,4
7.	24	Табак	50,9	3,6
8.	21	Различные пищевые продукты	50,5	3,6
9.	61	Предметы одежды трикотажные	42,3	3,0
10.	29	Органические химические соединения	41,9	3,0

Источник: Рассчитано по данным Росстата Российской Федерации⁴.

Военно-техническое сотрудничество

Основная область взаимодействия в денежном выражении на данный момент – военно-техническое сотрудничество, которое основывается на наработках советско-индийских отношений. В настоящее время и оно сильно пошатнулось, пример – проигрыш в тендерах на поставку самолетов и другой военной техники.

Пожалуй, стоит провести анализ того, почему наши связи резко поменяли полярность. Одной из основных причин является отношение нынешних руководителей оборонных предприятий и объединений к индийцам как к старым друзьям, которые готовы приобретать все, что им предлагается. Стиль работы и уровень квалификации индийских военных сильно изменился, стали гораздо более серьезными потребности и требования. Помимо того, конкуренты из США и стран ЕС не дремлют, предлагая свои продукты и решения, часто на базе советской военной техники, но на более выгодных условиях. Стоит также отметить, что дополнительной статьей дохода российских компаний на этом рынке, а как следствие и увеличение товарооборота, могло бы стать послепродажное обслуживание российской техники. В настоящий момент в этом сегменте активно работают и зарабатывают компании из СНГ.

Данной отрасли также не хватает достойного информационного обеспечения деятельности. Иногда кажется, что данная статья расходов просто не закладывается в бюджет многомиллиардных проектов. Ярким примером служит проигранный тендер на поставку 146 истребителей для индийских ВВС. На Международном авиасалоне Бангалор – 2011 среди шести участников данного тендера были представлены пять, все, кроме российского истребителя. Его отказались привозить для показательных полетов с формулировкой «он уже демонстрировался на данном мероприятии два года назад».

Несмотря на целый комплекс проблем в сфере военно-технического сотрудничества России и Индии, существует ряд необходимых мер для их решения. Во-первых, максимальное информационное обеспечение и содействие деятельности российских компаний в Индии, включающее в себя пресс-туры в Россию для журналистов и ознакомительные поездки чиновников. Во-вторых, обязательное приглашение индийских делегаций на все профильные мероприятия в России (МАКС, НАВИТЕХ и т.д.). В-третьих, необходимо привлекать индийских военных специалистов на программы повышения квалификации, переподготовки кадров, совершенствования навыков в РФ.

Проблематика российского и индийского бизнеса

Взаимодействие бизнес-сообщества представляет выход крупных российских компаний на привлекательный индийский рынок, а также скромные по своим объемам экспортно-импортные операции индийского бизнеса. Однако

в последние годы ситуация меняется, в Индию приходят небольшие российские компании, обладающие технологическими ноу-хау. При этом, выходя на индийский рынок, российские предприниматели сталкиваются с целым рядом проблем. У многих отсутствует четкое понимание рынка, часто они сталкиваются с отсутствием или ограниченным объемом информации о возможных направлениях сотрудничества. Налоговые и административные барьеры также являются серьезным препятствием на пути российско-индийского бизнеса. Помимо вышеописанных причин отсутствует четко выраженная позиция нашего государства о порядке взаимодействия с отечественным бизнесом за рубежом.

Данные проблемы могут быть решены через формирование околосударственных структур, таких, как деловые советы, отраслевые торгово-промышленные палаты. Необходимо также проводить массированное информационное обеспечение деятельности такого рода организаций, а также освещать успехи российского бизнеса на территории Индии. Дополнительным импульсом развития торгово-экономических связей должно стать межрегиональное взаимодействие. Обязательны к проведению на территории обеих стран мероприятия формата «Дни Москвы в Дели» или «Дни Мумбаи в Санкт-Петербурге». В одном из своих выступлений Д.А. Медведев отметил, что в настоящий момент разрабатывается коэффициент эффективности работы губернаторов, своего рода зачетная книжка чиновника. В том случае, если данный эксперимент будет успешен, необходимо включить в структуры оценок работы руководителей регионов обязательное взаимодействие с индийскими городами-побратимами. Возможно также разработать план российско-индийских мероприятий, однако это будет эффективно только при условии жесткого контроля над исполнением такого рода поручений. Необходимо также активизировать взаимодействие с индийскими профильными организациями, аналогами ТПП, которые в настоящее время работают только перед официальными визитами, в остальное время являются никому не нужными «обществами дружбы».

Нельзя сказать, что индийские бизнесмены не испытывают проблем в России. Стоит отметить, что в большинстве своем индийский бизнес представлен небольшими компаниями или частными предпринимателями, занимающимися оптовой или розничной торговлей товаров народного потребления, основанных на традиционных индийских ремеслах. Исключения составляют Sun Group, ставшая одним из серьезных игроков российско-индийского товарооборота, а также индийская нефтяная государственная корпорация ONGC.

Можно отметить ряд факторов, влияющих на объем инвестиций со стороны Индии в российскую экономику, такие, как бюрократические барьеры, боязнь неправового воздействия на бизнес, отсутствие желания выхода в РФ крупных игроков.

Меры по оптимизации торгово-экономического сотрудничества

Возможными шагами для привлечения представителей индийского бизнес-сообщества могут стать активная пропаганда российского бизнес-климата отечественными государственными учреждениями: посольство, генеральные консульства, торговые представительства, которые в настоящий момент выполняют функции статистических органов. Также необходимо серьезное информационное освещение возможностей, открывающихся перед потенциальными инвесторами и предпринимателями. Следует привлекать индийский бизнес в особые экономические зоны, предоставлять налоговые и фискальные послабления. В свете последних заявлений руководства страны, следует привлекать иностранцев в инновационные отрасли и проекты по модернизации российской экономики, выдвигать предложения совместного инвестирования в регионы Сибири и Дальнего Востока. Необходимо проводить выставки «Бизнес в России» на территории Индии, проводить роуд-шоу российских регионов и предприятий.

Представителям руководства обеих стран необходимо разработать и принять программы активного взаимодействия с четкими временными рамками. В 2012 г. на территории Республики Индии сразу несколько российских компаний стали испытывать серьезные трудности, появившиеся по вине местных властей. В связи с этим следует выдвинуть требования к индийскому правительству – принять активное участие в разрешении текущих проблем российских предприятий и компаний в Индии (Sistema Shyam Teleservices Ltd, KAMAZ India, Титановый проект).

Следует разработать новую концепцию взаимодействия, когда на уровне открытых межгосударственных документов определяется характер двусторонних экономических взаимоотношений как стратегический и необходимый обеим сторонам. Данная концепция должна стать документом, в котором максимально детально описываются все текущие проекты, государственные и частные, реализуемые в рамках российско-индийских ТЭС. Данные документы «неофициально» существуют у США в отношениях с различными странами мира. Придание статуса публичного данному документу позволит максимально четко отслеживать программы взаимодействия, понимать слабые и сильные стороны, поможет «надавить» там, где требуется.

Возможна также разработка Концепции кластеров взаимодействия по отраслям под эгидой деловых или отраслевых советов, что позволит контролировать рост товарооборота в каждой конкретной отрасли, понять проблематику, выявить пути решения. Возможные кластеры: IT и новейшие технологии, навигационные технологии, фармацевтика и медицина, нефтегаз, нефтехимия, сталь, розничная торговля, банковская деятельность, инфраструктура, туризм, авиастроение, автомобилестроение, образование.

Стоит отдельно отметить, что в настоящий момент практически полностью разрушена система взаимодействия молодежи двух стран, вследствие этого торгово-экономические связи основываются, как правило, на «старых контактах». Следует воссоздать практику приглашения индийских студентов в Россию на новые образовательные площадки: Сколково, Дальневосточный университет, Северокавказский университет, новые магистерские программы МГИМО, ВШЭ, МГУ. Необходимо создать «Клуб молодых предпринимателей России и Индии». Привлекать его участников в качестве партнеров, субподрядчиков для крупных проектов. Таким образом, в течение 3–5 лет будет создано серьезное «комьюнити», ориентированное на

развитие бизнеса между двумя странами, что позволит развивать торгово-экономические связи в будущем, достигать новых «горизонтов» товарооборота. В противном случае к 2015 г. уровень взаимоотношений может скатиться к минимуму, и в дальнейшем российским властям придется платить слишком высокую цену для вхождения на рынок Индии.

Bondarenko A.D. Actions for the Optimization of Russian – Indian Trade Cooperation.

Summary: *The article describes current stage of the Russian-Indian trade-economic cooperation. The Author analyses the issues which business have to face approaching the markets of Russia and India. Special emphasis is laid on the measures for the optimization of cooperation.*

Ключевые слова

Россия, Индия, двусторонние отношения, экономика, инновации, стратегическое развитие, «дорожная карта», кластеры взаимодействия.

Keywords

Russia, India, bilateral relations, economics, innovations, strategic development, road map, interaction clusters.

Примечания

1. http://www.torgpredstvo.ru/torg_pred.php?id_land=29&stat=1
2. http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/f7ca27004d2036fda605a797ef93df73/tes_india.doc?MOD=AJPERES&CACHEID=f7ca27004d2036fda605a797ef93df73
3. http://www.ved.gov.ru/exportcountries/in/in_ru_relations/in_ru_trade/
4. http://www.ved.gov.ru/exportcountries/in/in_ru_relations/in_ru_trade/

Офшоры – с точки зрения их российских участников

К.Г. Татулов

В настоящей статье публикуются результаты авторского исследования деятельности российских инвесторов в офшорах, выполненного в форме опроса бизнесменов и консультантов из этой сферы бизнеса, произведен анализ полученных данных.

Офшоры занимают заметное место в финансовой системе мира, по различным данным, с ними связаны от 10 до 15% мировых финансов. Для стран с относительно развитым финансовым сектором этот показатель еще выше. В частности, от половины до трех четвертей международных финансовых операций России связаны в офшорами. За последние 20 лет из России в офшоры было тем или иным способом вывезено до 830 млрд долл. Тем не менее исследование офшоров часто затруднено в связи с отсутствием достоверной информации и ограниченными статистическими данными.

Автором настоящей статьи была предпринята попытка получить информацию об использовании офшоров россиянами путем интервьюирования людей, непосредственно работающих или работавших с офшорами. Целью исследования было выявить отрасли, которые наиболее часто связаны с выводом капитала в офшоры, выяснить типичные объемы инвестиций для входа в офшорный бизнес, цели владения офшорными компаниями, активность их использования и прочие аспекты, которые невозможно узнать из официальной статистики.

Респонденты:

– респондент А. – юрист, консультант по созданию офшорных компаний с 25-летним стажем, владеет юридической компанией в Западной Европе;

– респондент Б. – консультант в крупном банке. Специализируется на клиентах из России и СНГ;

– респондент В. – консультант в одном из крупнейших банков, специализируется на клиентах из России и СНГ;

– респондент Г. – начальник департамента по СНГ в банке, имеющем репутацию одного из самых надежных в мире;

– респондент Д. – очень крупный бизнесмен из Западной Европы, работает с Россией;

– респонденты Е., Ж., З. – крупные бизнесмены из России.

Отличительной особенностью консультантов является то, что они видят более общую картину и отвечают за большое количество компаний, нежели непосредственно бизнесмены, выводящие за рубеж свои средства.

Респондентам задавались следующие вопросы:

1. Зависит ли стремление людей вывести деньги в офшоры от отрасли, в которой они заняты?

2. Зависит ли стремление людей вывести деньги в офшоры от размера их бизнеса?

3. Как используются офшорные компании? То есть только для хранения денег и инвестиций или для постоянной «прокачки» денежных средств и оптимизации налогообложения?

4. Какова активность клиентов в контроле офшоров?

Татулов Константин Георгиевич – соискатель кафедры мировой экономики МГИМО(У) МИД России, заместитель генерального директора по экономике ООО «Строительная фирма СМУ-10». E-mail: Tatulov.k@mail.ru

Респондент	Какие отрасли активнее пользуются офшорами?	Размер собственного бизнеса, связанного с офшорами, и объем средств, с которого начинается вывод в офшоры?	Офшоры используются скорее для хранения денег или для налоговой оптимизации?	Какова активность владельцев офшоров в работе со своей офшорной компанией (компаниями)?	Какие офшоры используются чаще («классические», «респектабельные»)?	Часто ли используются офшорные банки?	Сколько средств возвращаются в страну происхождения?	Какая часть собственных средств выводится в офшоры?
А. (консультант)	Все	От среднего бизнеса	В зависимости от страны происхождения	Различная активность	Классические, иногда респектабельные	Очень редко	-	-
Б. (консультант)	Все, учитывая, что должны быть достаточные обороты	От среднего бизнеса, от 500 тыс.долл.	В зависимости от страны происхождения	Средняя активность, с исключениями в большую и меньшую сторону	Классические	Очень редко	35-40%	-
В. (консультант)	Все, учитывая, что должны быть достаточные обороты	От среднего бизнеса, от 500 тыс.долл.	В зависимости от страны происхождения	Средняя активность, с исключениями в большую и меньшую сторону	Классические	Очень редко	35-40%	-
Г. (консультант)	Все, кроме связанных с госструктурами, по меньшей мере официально	От среднего бизнеса, от 500 тыс.долл.	В зависимости от страны происхождения	Средняя активность, с исключениями в большую и меньшую сторону	Классические	Очень редко	0%	-
Д. (бизнесмен)	Финансы	Крупный бизнес	Диверсификация и защита прав собственности	Низкая активность	Респектабельные	Не используются	-	30%
Е. (бизнесмен)	Недвижимость	Крупный бизнес	Диверсификация и защита прав собственности	Средняя активность	Классические	Редко	50%	30%
Ж. (бизнесмен)	Нефть и газ	Средний бизнес	Диверсификация и защита прав собственности	Средняя активность	Классические	Редко	70%	20%
З (бизнесмен)	Финансы	Средний бизнес	Диверсификация и защита прав собственности	Средняя активность	Классические	Только под специфические операции	80%	20%

5. Какие офшоры используются чаще? «Классические», «средние» или «респектабельные»?

6. Часто ли используются и организовываются офшорные банки?

7. Часто ли возвращаются вывезенные средства в Россию?

8. Какая часть собственных средств выводится в офшоры?

На вопрос о зависимости активности и целесообразности использования офшоров от отрасли, в которой находится основная компания, респонденты единогласно ответили о ее отсутствии. Так, респондент А. обращает внимание на использование офшоров всеми видами бизнеса, в частности финансовыми, строительными, юридическими, торговыми и всеми прочими компаниями. Респонденты Б. и Г. обращают внимание на необходимость наличия достаточных начальных средств для работы в офшорном бизнесе («входной билет»). Респондент В. говорит об отстраненности от офшорного бизнеса политических и властных структур, которые, по меньшей мере официально, не могут работать через офшоры, и для них есть существенные ограничения. В соответствии с международными нормами и мерами против коррупции за деятельностью чиновников устанавливается особый контроль. Автор статьи предполагает,

что существует много способов обойти данное ограничение, однако респондент В. ответил, что эти способы либо не вполне законны, либо рискованны. Респонденты Д., Е., Ж., З. относятся к совершенно различным отраслям и активно используют офшоры. При этом для них это абсолютно законный бизнес, и скрытность в использовании офшоров обусловлена скорее обычной осторожностью и фактической возможностью создания условий анонимности и закрытости, нежели вероятностью каких-либо реальных санкций. Все законно, но на всякий случай ставится дополнительная степень защиты.

На вопрос о размере бизнеса, который использует офшоры, респондент А. ответил, что в зависимости от целей размер бизнеса, связанного с офшорами, может быть любым, начиная от среднего. Поскольку классическая офшорная компания достаточно дешева в обслуживании, ее может себе позволить практически любой бизнесмен. Для достижения экономической целесообразности использования офшоров за рубежом должно выводиться несколько сотен тысяч долларов. В целом размеры офшорной части бизнеса зависят только от желания клиентов. Респонденты Б., В., Г. ответили, что серьезная работа начинается от 500 тыс. долл. Автору известны случаи использования офшоров в

масштабах от 200 тыс. долл. в год до миллиардов долларов. Респонденты Д., Е., Ж., З. при оборотах бизнеса от 20 до 1000 млн долл. в год пересылают в офшоры (оценочно) от 500 тыс. до 5 млн долл. в год. В данном случае речь идет о выводе средств на постоянное место дислокации.

Следует заметить, что, как и предполагалось, активность использования офшоров зависит скорее не от отраслевой принадлежности предприятий, а от стран происхождения средств. Причем есть две закономерности: чем больше в стране богатых людей, тем чаще они пользуются офшорами, и чем комфортнее в стране условия (ниже уровень коррупции, ниже налоги, либеральнее законодательство), тем меньше они используют офшоры. По личным ощущениям респондентов А., Б., В., Г., россияне используют офшоры почти так же часто, как и другие европейцы, однако цели использования офшоров россиянами и резидентами ЕС могут быть различными.

На вопрос о целях использования офшорных компаний респондент А. ответил, что по большей части россияне, как и другие европейцы, стараются просто вывести свои средства, причем, по его мнению, европейцы оптимизируют налогообложение инвестиционной деятельности, а россияне уходят от политических рисков, при этом и те и другие создают запас ликвидности. О тривиальных целях использования офшоров (минимизация налогообложения и смена «порта приписки» активов), по его словам, свидетельствуют выбираемые юрисдикции. Тем не менее некоторые клиенты выстраивают сложные финансовые схемы. Респонденты Б. и В. отмечают, что для использования финансовых схем (имеются в виду сложные схемы оптимизации налогообложения) в респектабельных банках требуется большой пакет документов (каждая сделка должна иметь основание, банк имеет право запросить любые документы для подтверждения, что сделка законна, иначе следует сообщение в контрольные органы) либо нужно быть очень крупным клиентом, чтобы иметь привилегии.

В целом финансовый контроль всегда присутствует, и офшорные юрисдикции также не любят нести финансовые и политические риски. Проблема использования офшоров в налоговых схемах заключается в том, что все расчеты в долларах отражаются (пусть и в анонимном виде) на корсчетах в банках в США, а они активно борются с офшорами и, значит, могут заблокировать расчеты. Конкретные операции с корсчета не видны, однако в случае появления сведений, что банк с корсчетом в США проводит офшорные операции, власти США могут закрыть этому банку доступ к расчету долларами, что в реалиях сегодняшнего дня для международных банков равносильно остановке работы. Респондент Г. говорит, что основные цели европейских клиентов – оптимизация налогообложения, российских – сохранение

средств. Респонденты Д., Е., Ж., З. используют офшоры исключительно в целях диверсификации рисков и защиты прав собственности. Оптимизация налогообложения с помощью офшоров ими не производится.

На вопрос о выборе юрисдикций респондент А. ответил, что это зависит от цены сопровождения, целей клиента, его юридической грамотности и личных предпочтений. Россияне традиционно предпочитают Кипр. Чуть реже – БВО. Клиенты не любят усложнять схемы. Респонденты Б. и В. отмечают, что в прежние годы часто использовались «респектабельные» юрисдикции, в частности Люксембург, однако из-за высоких цен и политического давления респектабельные офшоры фактически перестали быть офшорами, уменьшилось количество услуг и процедуры усложнились, поэтому чаще всего используют Британские Виргинские Острова и Кипр. Хотя некоторые предпочитают «экзотические юрисдикции» по личным причинам (связи, особенности бизнеса и т.д.). Респондент Г. подтверждает более частое использование «классических» офшоров. Из бизнесменов, участвовавших в опросе, только респондент Д. использует респектабельные офшоры.

На вопрос об активности в контроле собственных компаний респондент А. отвечает, что активность совершенно различная. Респондент Б. отмечает, что в 3% случаев клиенты вообще не следят за деньгами на офшорных счетах. Респондент В. информирует о том, что 40% средств россиян лежит в виде ликвидных активов (валюта, максимум – инструменты денежного рынка). Если у клиента проинвестировано в офшоры свыше 15 млн долл., то он, как правило, ничего, кроме гособлигаций, не покупает, а еще чаще держит в виде валютных счетов. Однако есть и исключения – активные клиенты. Респондент Г. говорит о невысокой активности клиентов и их желании скорее сохранить деньги. Респонденты Д., Е., Ж., З. проявляют невысокую активность в управлении своими средствами, причем чем больше средств выведено, тем меньше активность.

Вопрос о частоте использования офшорных банков (владения офшорными банками) вызвал трудности у всех респондентов (только слышали о том, что такое случается), что может свидетельствовать либо о нераспространенности такого явления и его специфичности, либо о том, что офшорными банками пользуются значительно более обеспеченные бизнесмены. Однако офшорные банки предоставляют большие возможности для заинтересованных лиц.

Использование офшорных банков инвесторами как клиентами, согласно единодушному мнению респондентов, невыгодно ввиду очень низкого качества обслуживания, надежности и инфраструктуры (неквалифицированный персонал, медленная работа, платеж может идти неделю, нет офисов и проч.), физической труднодоступности и

необоснованных ограничений на операции. В последние годы наметилась тенденция к уменьшению роли офшорных банков. К примеру, респонденты Е., Ж., З. резко ограничили использование кипрских счетов в связи с финансовыми проблемами Греции.

На вопрос о частоте реинвестиций капитала в российскую экономику респонденты Б. и В. ответили, что это явление частое, возвращается 35–40% в виде займов и покупки долговых ценных бумаг. Вход в капитал происходит намного реже (большие риски). Респондент Г. ответил, что не наблюдает такого явления, респонденты Е., Ж., З. возвращают 50–80% капитала. При этом возврат средств мотивируется высокой нормой прибыли в России и высокими ставками. Также в последние три года количество возвращающихся средств растет в связи с уменьшением кризисных опасений и очень низкой доходностью западных инструментов.

Вопрос о доле собственных средств, выводимых в офшоры, выявил относительно схожие мнения бизнесменов: в офшорах хранится от 20

до 30% капитала. Объясняют это респонденты тем, что для них офшоры – это в первую очередь диверсификация активов.

Несмотря на комплексность такого явления как офшорный бизнес и сложность оценки масштабов его использования, активность использования офшоров российскими резидентами подтверждается большим количеством данных как из российских официальных источников, так и данных международных организаций. Помимо того, представители бизнеса, связанные с офшорами, в целом подтверждают статистические данные и предположения о целях вывода средств и возврате капитала из офшоров в Россию.

Tatulov K.G. Offshore from the Point of View of their Russian Participants.

Summary: In this article the author publishes the results of his survey of Russian investors' offshore activity made in the form of an interview of businessmen and consultants from offshore business. The analysis of the collected data is carried out.

Ключевые слова

Офшоры, инвестиции, бегство капитала, налоговая оптимизация, отмывание денег.

Keywords

Offshore, investments, capital flight, tax optimization, money laundering.

К вопросу о религиозном и юридическом значении консуммации брака

К.В. Карпенко

Статья посвящена такому мало изученному вопросу в современном семейном праве как консуммация брака. Автор анализирует роль и значение данного юридического феномена в различных религиозных и правовых системах, начиная с древнеарийских Вед и заканчивая действующим законодательством ряда современных государств. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что консуммация брака не утратила своей актуальности в современном семейном праве и по-прежнему выступает в качестве юридического факта, порождающего важные последствия для супружеских отношений.

Для юриста одним из самых важных является вопрос о возникновении того или иного правоотношения. Применительно к браку этот вопрос означает определение того момента, с которого супружеские права и обязанности начинают свое безусловное течение. Ведь совершенно очевидно, что брак не является единовременной сделкой и не предполагает однократных действий заинтересованных лиц. Брак – это процесс как в стадии его заключения, так и в стадии его дальнейшего развития. Неслучайно основатель семейного права, римский юрист Герений Модестин, еще в III в. по Р. Х. определил, что *"брак есть союз мужа и жены, общность всей жизни, единение божественного и человеческого права"*¹. Таким моментом, с которого супружеский союз может считаться состоявшимся, является момент консуммации брака.

Термин «консуммация» сам по себе означает завершенность, законченность какого-либо процесса, его полное и безусловное исполнение². Когда мы говорим о консуммации брака, то мы подразумеваем обретение им всех его качеств как в религиозном, так и в юридическом смысле. Сразу, правда,

оговоримся. Современное светское семейное право не придает консуммации того всеобъемлющего значения, которое у нее было раньше, да и по сей день сохраняется в религиозной традиции. Право эпохи модерна вообще мимикрирует, превращаясь в банальный инструмент оправдания абсурдных запретов и не менее абсурдных же дозволений, и мало интересуется сущностной мотивацией человеческого поведения. Оно (право) стало похоже на розгу, один вид которой призван утешить человека. Ярче всего такое извращенное понимание права мы можем наблюдать в англосаксонской правовой семье, когда поводом для обращения в суд может стать случайно произнесенное слово или даже косой взгляд. Нетрудно заметить, что причиной подобного "правосознания" является предельное духовное обнищание человека, его неспособность самостоятельно разрешить самые простые жизненные ситуации. И это, безусловно, прямое следствие модерна, вернее, его закономерного итога – постмодернизма.

Право модерна и тем более постмодерна давно отказалось от той великой цели воспитания нравственной добродетели, каковая была ему (праву) присуща на всем протяжении его развития,

и если сегодня мы еще и упоминаем об этой цели на страницах учебников, то это, скорее, дань традиции или же инерция мышления. Напротив, право эпохи до модерна стремилось либо уберечь человека от пагубного влияния его же собственных страстей и неистинных потребностей (как это было в Древних Греции и Риме, а в еще большей степени – на Древнем Востоке), либо же оно указывало путь морального совершенствования (как это было в Средние века). Поэтому проблема консуммации брака в то время представляла насущный интерес для религиозного и юридического регулирования.

Однако мы погрешили бы против истины, если бы стали утверждать, что рассматриваемое явление полностью вытравлено из современного законодательства рационалистическим мышлением. Как раз наоборот! Феномен консуммации присутствует и сегодня в нормативном регулировании семейных отношений и, более того, выступает в ряде случаев основанием для вполне светских юридических процедур. Модерн, утвердившийся на развалинах традиционного общества, не сумел полностью отказаться от его наследия. Отрекшись от теологического мировоззрения (хотя и сохранив внешние, технические атрибуты поклонения Богу), модерн утратил уверенность в собственных силах и, подобно хрому, принужден был опереться на некоторые устои и принципы отрицаемого им общества традиции. Не сумев разрушить их полностью, модерн возродил их и сделал своим фундаментом. Одним из таких древних устоев, оказавшихся востребованными в мире модерна, был брак, семья со всеми их элементами и свойствами. Поэтому мы сегодня можем отыскать консуммацию брака в семейном законодательстве современных государств, где она занимает вполне достойное место.

Консуммация брака – это первое совокупление мужа и жены, после которого брак следует полагать совершившимся фактом. Посредством этого действия мужчина и женщина в прямом смысле слова становятся "*едина плоть*", восполняя природную ущербность друг друга. Последняя обусловлена различием между ними как во внешних, физиологических признаках, так и во внутренних, психологических свойствах каждого. Поэтому единение супругов на брачном ложе не рассматривается нами исключительно в контексте плотского удовольствия. *Copula carnalis* (плотская связь) выступает лишь необходимой внешней формой такого соединения, в то время как содержание этого действия всецело зависит от естественного стремления супругов к взаимному дополнению. Отметим мимоходом, что в этом и состоит, если сказать кратко, исторический смысл и значение брака.

Будучи первым законным и полноценным актом соединения супругов, консуммация, по нашему мнению, обладает двойственным значением. Она есть одновременно акт религиозный и акт юридический. С одной стороны, консуммация объективирует клятву верности, которую дают друг другу новобрачные, и вместе с тем придает самому браку совершенный характер. С другой стороны, она завершает бракозаключительный

процесс, порождает брачное правоотношение и обуславливает выполнение супругами их взаимных обязанностей.

Брак на самом раннем этапе человеческой истории испытывает на себе значительное влияние религии. Сам факт нахождения в браке, многочисленные и разнообразные действия, предшествующие его заключению, равно как и его прекращение, становятся одним из главных объектов регулирования религиозных предписаний. Вполне естественно, что и консуммация, будучи существенным элементом брачных процедур, не избежала такой участи.

Вообще, пристальное внимание религии к браку можно объяснить только заключенной в нем удивительной и неизъяснимой тайной, проникновение в которую вряд ли доступно человеческому сознанию. Речь идет об общении двух существ, намеренно разделенных Создателем, дабы стремились они к обоюдному восполнению. Эта тайна уходит своими корнями в непроглядную даль минувших столетий. Человек всегда стремился постичь ее, раскрыть ее мистический смысл, и почти у всех древних народов мы находим обоснование брака в требованиях религии.

Наивысшим достижением на этом пути, как нам кажется, следует признать христианское учение о браке как о таинстве. Апостол Павел уподоблял единение в браке единению Христа и Церкви³, что придавало браку характер божественного установления. Тем самым христианство признало загадочную природу супружеского союза непостижимой для человеческого сознания и, более того, не требующей такого постижения. На наш взгляд, отсутствие в современном законодательстве четкого и ясного определения брака является прямым следствием его божественной природы, о чем нынешнее общество лицемерно не вспоминает.

Не следует забывать и то, что брак является основой семьи, а последняя всегда считалась залогом крепкого и надежного общественного устройства. Правители всех времен, озабоченные жизнеспособностью своего государства, видели в семье неиссякаемый источник гражданской доблести. Без нее государственно-правовой быт был бы слишком зыбким. Впрочем, в наше время подобный взгляд на семью подвергается тем большей эрозии, чем менее общество склонно признавать свою государственную организацию незыблемой.

Консуммация брака в древности представляла собой магический обряд, призванный подтвердить угодность супружеской связи богам. Поэтому роль жрецов всегда была определяющей: они как посредники между Небом и Землей могли толковать волю богов и сообщать ее людям. Древние тексты оставили нам немало указаний на то, как люди в те времена смотрели на первую брачную ночь. Одно из первых довольно подробных описаний брачных обрядов мы находим в Древней Индии, где юридические предписания тесно переплелись с религиозными. Уже в эпоху Вед древние арии смотрели на брак как на обязанность, уклонение от которой грозило не только сакральными санкциями, но и

могло существенно ущемить социальный и правовой статус человека. Так, например, в Законах Ману мы читаем следующее предписание: *"Изучив в должном порядке Веды... без нарушения обета ученика, пусть живет в ашраме домохозяина"*⁴. Под ашрамами древние арии понимали периоды жизни, и, как мы видим, вслед за периодом обучения должен следовать период самостоятельной жизни в качестве мужа и отца. Человек, не выполнивший эту обязанность, подвергался общественному порицанию.

Ведическая литература придавала браку чрезвычайное большое значение. Супружеский союз, будучи обязанностью для человека, по своей природе являлся жертвоприношением⁵. Такой взгляд на мир был вообще характерен для древних ариев. По смыслу Ригведы, человек видел себя не просто частью окружающего мира, но и его соавтором, со-творцом наряду с богами. Отсюда возникло убеждение, что человек должен поддерживать этот мир, бороться против хаоса, за торжество порядка и гармонии. Этим же делом заняты и боги, но в иной форме. Человеку же надлежит сохранять мир с помощью своих действий, прежде всего сакральных. Причем характер этих действий первичен, а сами поступки вторичны⁶. Поэтому древние арии рассматривали любые человеческие действия как жертвоприношения, направленные на удержание вселенной в равновесии. Совершение жертвенных действий выступало основой арийского мироздания и служило важнейшим элементом этнической самоидентификации. Таким образом, в ведическом мироздании у человека есть активная задача – миссия – сохранять вселенную с помощью своих действий.

Описание обряда консуммации мы находим в Атхарваведе: *"Поднимись, вступи на это брачное ложе в радостном настроении. Здесь родишь ты детей этому человеку, твоему мужу"*⁷ (перевод мой. – Авт.). Слова гимна обращены к женщине и призывают ее исполнить свое предназначение и достичь цели брака – продолжения рода. Непосредственно перед консуммацией произносятся два заклинания, свидетельствующие о ее сакральном значении, а именно о значении клятвы верности, которую супруги приносят друг другу: *"Наши глаза сияют как мед, наше чело умащено благоговениями. Помести меня в свое сердце; пусть станет единым наш дух"*. И второе заклинание: *"Я окутываю тебя своим одеянием, сотворенным Ману, с тем, чтобы ты был моим единственным и даже не рассуждал о других женщинах"*⁸ (перевод мой. – Авт.).

Первое из этих заклинаний произносится обоими новобрачными, второе произносит женщина. Упоминание меда символизирует ощущение приятности, сладости общения, которое испытывают жених и невеста. Обоюдная привязанность выступает здесь основой любви и преданности. Этим подчеркивается, что брак покоится прежде всего на чувстве, а не на расчете. По мнению М. Блумфельда, присутствие меда как символа взаимного чувства характерно для самых древних времен. Мужчина сравни-

вает себя и свои речи с медом, подчеркивая его исключительную сладость. Тем самым мужчина как бы приобретает свойства меда. Он становится неповторимым для этой женщины. Поэтому клятва верности дается одному-единственному человеку – будущему мужу. По всей видимости, в те далекие времена мед считался самым ценным приобретением, своеобразным аналогом золота в современном мире⁹. Сравнение любовных уз с медом лишней раз показывает, какое огромное значение придавали арии браку и семье.

Данная клятва связывает мужчину и женщину на вечные времена. Она нерасторжима, и нарушение ее влечет за собой наказание¹⁰. В Законах Ману читаем: *"Взаимную верность надо сохранять до смерти. Это должно считать высшей дхармой мужа и жены"*¹¹. Важно отметить, что символическое принесение клятвы должно было сопровождаться конкретным действием. Мужчина и женщина должны подтвердить свои слова делом. Это очень характерно для древних цивилизаций и для древнего права в целом: конкретность предписаний и конкретность поведения человека становились залогом полноценной реализации юридических и религиозных норм.

Консуммация как религиозный обряд совершалась при всех восьми формах брака, известных арийской правовой традиции. Однако при браке *гандхарва* сожителство мужчины и женщины могло наступить до формального заключения супружеского союза. В этом случае для узаконения брачных уз право требовало организации свадебной церемонии постфактум. Форма брака *гандхарва* предписывалась для варны кшатриев, бывших, по всей видимости, наиболее свободными и самостоятельными членами древнеиндийского общества. Смысл такой формы состоял в том, что женщина сама решала вопрос о будущей совместной жизни, не учитывая мнение родителей. Законы Ману определяют этот брак как *"добровольный союз девушки и жениха, любовно-страстный, происходящий их желания..."*¹². Как мы видим, жених и невеста, подверженные чувственному влечению, соединялись на основе любви и преданности. Символическое принесение клятвы верности и здесь присутствует вполне отчетливо – такой брак не расторгался за недействительностью, он лишь требовал ритуальной санкции для своего продолжения.

Религиозное значение консуммации в еще большей степени, нежели в ведической традиции, проявилось в средневековой Европе в эпоху христианства. Ранее каноническое представление о браке покоится в основном на декрете Грациана¹³. Именно в этом документе мы можем найти первые нормативные упоминания о консуммации. Согласно Грациану, *"заклучение брака начинается с помолвки и заканчивается соитием"*¹⁴. Совершенно очевидно, что бракозаключительный процесс предстает как совокупность действий. Этим Грациан хочет подчеркнуть, что подготовка к браку должна занимать известное время, поскольку и сам брак предполагается длительным, более того, нерасторжимым. Жених и невеста должны пройти

своеобразный испытательный срок, состоящий из нескольких обрядов, чтобы в итоге достичь полного соединения в форме *copula carnalis*. При этом важно отметить, что каноническое право следует за римским в определении основания брака. Как указывает Грациан, "*побудительной причиной для брака*" является воля, а не соитие. Речь идет об *affectus maritalis*, то есть о желании жить вместе, нераздельно как муж и жена. Это желание проявляется в чувствах по отношению друг к другу. Однако, по словам Грациана, который ссылается на папу Николая I, такое чувство должно обрести форму волеизъявления вовне, то есть требуется согласие мужчины и женщины: "... в соответствии с законами достаточно одного их согласия, на основании которого совершается соединение"¹⁵.

Отсутствие согласия, даже при наличии консуммации, означает отсутствие брака. Это требование придает каноническому браку обязательственный характер, хотя и не позволяет утверждать, что супружеский союз есть не более чем договор. *Affectus maritalis* предполагает не только общность жизни, но и общность ложа. Грациан поясняет это словами Аврелия Августина: "*Нераздельный же образ жизни заключается в том, чтобы отдавать себя во всем мужу и наоборот*"¹⁶.

Таким образом, канонический брак содержит в себе два основных элемента, которые мы, вслед за G. Lind'om, можем назвать существенными¹⁷. Однако соотношение между ними далеко не одинаковое. Элемент духовный, *conjunctio spiritualis*, превалирует над элементом плотским, *conjunctio corporalis*. Тем самым каноническая доктрина выстраивает иерархию внутри брачных отношений, отдавая приоритет внутреннему стремлению двух людей к взаимному общению. В то же время цельность христианского мировоззрения требует и от брачующихся полноты и завершенности их взаимоотношений, следовательно, явно выраженное намерение жить вместе надо еще укрепить осязаемым совокуплением¹⁸. *Copula carnalis* позволяет мужчине и женщине исполнить свое предназначение и соединиться в "*единую плоть*". Это и есть, как было указано выше, великое таинство брака, сознание христианством. Посредством консуммации супружеская связь становится нерасторжимой и обретает качества совершенства.

Строго юридическое значение консуммации как начального момента для возникновения супружеского союза мы можем встретить прежде всего в законах вавилонского царя Хаммурапи, XVIII в. до Р.Х. Статья 176 гласит: "*А если раб дворца... возьмет замуж дочь человека и... впоследствии после того, как они поселятся вместе, создадут дом и приобретут движимое имущество, впоследствии... раб дворца... уйдет к судьбе, то дочь человека должна получить свое приданое, а все, что муж ее и она сама приобрели с тех пор, как поселились вместе, должно разделить на две части, и половину должен получить господин раба, половину должна получить дочь человека для своих детей*"¹⁹ (выделено мной. – Авт.).

Из первой части данной статьи отчетливо явствует, что начало совместного проживания супругов происходит до полноценного обустройства семейного очага. Следовательно, законодателю было совершенно ясно, что речь идет о нескольких самостоятельных юридически значимых действиях. По нашему мнению, выражение "*поселиться вместе*" следует понимать в смысле общности стола и ложа (*communionem in mensa et lecto*), то есть не простое пребывание под одной крышей, а полноценное сожительство. На такое толкование наводит и дальнейшее содержание этой статьи. Выражение "*поселиться вместе*" упоминается в ней еще несколько раз, знаменуя собой отправную точку супружеского союза, тогда как "*создание дома*" и "*приобретение имущества*" более не встречаются. Следовательно, факт совместного проживания первичен и порождает все прочие последствия. Отсюда далее нетрудно заметить, что, по смыслу вышеуказанной нормы, выражение "*поселиться вместе*" играет роль условия, необходимого и для определения правового режима имущества, – только совместно нажитое будет делиться поровну. Таким образом, момент начала супружеских отношений, то есть консуммация брака приводит к совершенно определенным правовым последствиям.

В тексте Законов Хаммурапи есть и другие косвенные признаки консуммации брака. Статьи 155 и 156 устанавливают ответственность за прелюбодеяние, совершенное отцом жениха с невестой сына. В первом случае санкцией выступает смертная казнь, поскольку преступление было совершено после того, как "*его сын познает ее*". Во втором же случае наказание ограничивается квалифицированным денежным взысканием, так как свекор был схвачен до того, как его сын "*познал*" свою невесту²⁰. "*Познание*" женщины (невесты, жены) как раз и означает здесь первую брачную ночь, то есть консуммацию супружеской связи.

Мы видим, что прелюбодеяние, совершенное до консуммации, рассматривалось как менее тяжкое преступление, поскольку бракозаклочительный процесс еще не был завершен и супружеский союз не превратился в полноценное правовое отношение. Невеста пока еще не стала женой и, следовательно, не находилась под властью мужа и не несла брачных обязательств. После же "*познания*" невесты жених становился мужем, и любое насилие по отношению к его жене считалось посягательством на его брачное право. Таким образом, консуммация брака, согласно Законам Хаммурапи, очевидно выполняла роль юридического факта, порождающего супружеский союз во всей полноте его личных и имущественных отношений.

Юридическое значение консуммации встречается не только на Древнем Востоке, но и на Древнем Западе. В этой связи римское право представляет существенный интерес ввиду того всеобъемлющего влияния, которым оно обладало в эпоху античности. При этом вопрос о консуммации брака у квиристов является дискуссионным. Поэтому мы позволим себе лишь высказать

гипотезу по данной проблеме в ожидании ее более глубокого и всестороннего изучения.

Итак, отношение к браку в Древнем Риме, как пишет Д. Азаревич, определялось политическим назначением рода²¹. В древние времена римское государство в основе своей было государством семейственным в том смысле, что род, а позже и семья выступали теми автономными единицами, из которых складывался политический союз. Отсюда следовало, что семья своим существованием призвана была служить целям и интересам государства. Из такого назначения семьи и брака естественным образом вытекала и роль женщины, жены. Последняя полностью поступала под власть мужа (*matrimonium cum manu*), и ее правовое положение не отличалось от статуса детей. Жена была *filiae loco*, и в этом качестве она утрачивала почти все свои личные и имущественные права²².

Роль жены в семье сводилась к обязанности способствовать размножению мужниного рода и тем самым пополнять ряды римских граждан. Как указывает Д. Азаревич, "признаком настоящего супружеского соединения было не общее сожитие мужа с женой, но распложение семьи путем данного сожития"²³. При заключении брака такая цель прямо постулировалась произнесением торжественной клятвы – *liberorum procreandorum causa*. Консуммация брака, как первый шаг на пути к вышеозначенной цели, имел таким образом для римлян первостепенное значение. Неслучайно, что римские законы времен Августа, Тиберия и Траяна, с одной стороны, ущемляли права холостяков (штрафы, обязанность жениться на вдовах, обязанность взять конкубину), а с другой – ограничивали верхний возрастной предел вступления в брак²⁴.

Важно отметить, что римляне не делали различия между физической неспособностью к браку и неспособностью к деторождению. Поскольку для них брак автоматически означал продолжение рода, они одинаково квалифицировали импотенцию и бесплодие. Оба физических состояния могли быть препятствиями к вступлению в брак либо явиться основаниями для развода. Как видно, консуммация в Риме носила не столько юридический, сколько политический характер. В известном смысле способность к консуммации определяла статус человека как гражданина, в полной мере участвующего в жизни общины. Квирит, производя потомство, пополнял состав граждан и тем самым исполнял свой долг перед государством.

Но консуммация брака имела, по-видимому, и частноправовое значение. Скудость источников не позволяет нам утверждать это с полной очевидностью, однако некоторые соображения в этой связи представляются вполне уместными. Итак, общим местом для всех исследователей римского семейного права является утверждение о необходимости взаимного согласия лиц, вступающих в брак. Это мнение основывается на ясном нормативном материале Дигест²⁵, а также находит свое подтверждение в доктрине римских юристов²⁶. На первый взгляд консуммация не

находит себе решительно никакого места в правовом регулировании супружеского союза. Однако подробный анализ заставляет усомниться в истинности первого впечатления.

Римское право знало три формы заключения брака: *confarreatio*, *coemptio* и *usus*. Если с первыми двумя все более или менее ясно, то последняя и в современной науке продолжает вызывать разноречивые мнения. Как гласят Законы XII Таблиц, брак в форме *usus* возникает, если мужчина и женщина прожили один год под одной крышей, *matrimonii causa* (то есть с целью вступления в брак), фактически являясь мужем и женой. По прошествии года между ними возникает, таким образом, законное брачное отношение, такое же, как и при двух других формах, то есть *matrimonium cum manu mariti* (брак с мужниной властью). *Usus*, таким образом, является юридическим фактом, могущим породить полноценный супружеский союз. При этом закон предоставлял женщине право прервать течение давности, покинув своего сожителя сроком на три ночи. Правда, по мнению Сцеволы, такое отсутствие женщины должно совершаться *usurpandi causa*, то есть с намерением прервать срок, а не по банальной причине навестить родственников.

Оставим в стороне кажущуюся бессмысленность подобного поведения (ведь женщина может, следовательно, вечно сожительствовать с избранным мужчиной, каждый год прерывая срок давности и при этом все еще иметь намерение вступить в брак) и зададимся двумя вопросами: с какого момента следует отсчитывать годичный срок и в каком юридическом отношении находятся мужчина и женщина в течение этого срока?

По мнению Квинта Муция Сцеволы, годичный срок давности начинает течь с того дня, когда женщина "*apud virum matrimonii causa esse coepisset*", то есть "*начинает быть с этим мужчиной с целью создания брака*"²⁷. Поскольку правовой институт *usus* пришел в семейное право квиристов из вещного права, то логично предположить, что все признаки давностного владения применяются здесь без изъятий. Иными словами, наличие брака в форме *usus* следует квалифицировать по тем же основаниям, что и правовой институт *usucapio* в вещном праве. Отсюда получаем, что, так как для обретения полной собственности объект давностного владения должен находиться в обладании лица, то и женщина должна действительно непосредственным образом жить с избранным мужчиной.

Указание Сцеволы следует, по нашему мнению, понимать буквально как начало фактического сожительства. Мы возьмем на себя смелость и скажем, что моментом начала такого сожительства вполне естественно считать первое совокупление. Этим действием мужчина и женщина проявляют свою волю к совместной жизни. Главным аргументом нашего утверждения служит обязательность осуществления господства над вещью, требование овладеть ею, что и является основанием давностного приобретения.

Таким образом, мы видим, что консуммация брака присутствует и в римском праве в

качестве основания для возникновения одной из форм брака. Здесь она не порождает супружеское правоотношение и не является частью бракозаключительного процесса, но она обуславливает наступление юридически значимых последствий. По нашему мнению, в консуммации объективируется *affectus maritalis*, то есть желание жить как муж и жена. В этом состоит ее юридическое значение в римском праве.

По поводу статуса мужчины и женщины в период срока *usus* исследователи высказывали разные точки зрения²⁸. Все их можно объединить в две группы. Одни ученые считают, что мужчина и женщина находятся в состоянии сожителства, то есть формально они не являются мужем и женой. Другие полагают, что в течение этого года они были уже женаты, но брак *sint manu* наступал лишь после этого срока. Следуя последнему взгляду, придется предположить наличие в римском обществе брака *sine manu* уже в эпоху XII Таблиц. Нам представляется, что это чересчур смелое заявление. По нашему мнению, первая точка зрения более отвечает общему духу римского права. В самом деле, приобретение чего-либо по давности означает, что лицо, претендующее на вещь, сможет стать ее собственником лишь по прошествии известного срока. Значит, точно также, как обладатель вещи не является ее собственником в период владения, так и мужчина в течение срока *usus* не мог считать себя полноправным мужем, а женщина – женой. Они являлись лишь сожителями. Однако это не конкубинат, так как *usus* требовал непрерывного сожителства с целью вступления в брак (*concubinatus matrimonii causa*)²⁹. Выход из этого затруднения мы видим в определении брака *usus* как переходного состояния от конкубината к полноценному супружескому союзу. Вполне возможно, что он возник в глубокой древности из практики умыкания девиц³⁰ и был необходим для демонстрации мужчиной-завоевателем своего *animus* по отношению к женщине.

Юридическое значение консуммации брака наиболее ярко проявилось в каноническом праве средневековой Европы. Выше мы уже имели возможность указать на ее религиозное значение, теперь же рассмотрим те правовые последствия, которые она порождала. Согласно декрету Грациана, "между женихом и невестой существует брак начатый (*initiatum*), между совокупившимися брак является окончательным (*ratum*)"³¹. Иными словами, существует как бы два брака, последовательно сменяющие друг друга. Смысл такого различия состоит в неодинаковых последствиях для сторон. *Matrimonium initiatum* не является браком в прямом смысле слова. Это скорее презумпция будущего супружеского союза. Такой предполагаемый брак может быть расторгнут, что и имеет в виду Грациан, говоря: "... *та не является супругой, которой разрешено при живом женихе выйти за другого*"³². Однако не все христианские богословы времен Грациана разделяли его точку зрения. Так, например, П. Ломбард считал, что консуммация не является необходимым условием для завершения

бракозаключительного процесса. По его мнению, достаточно было простого согласия обеих сторон на брак³³. В то же время предложенное им разграничение между обручением ради будущего брака и обручением ради немедленного брака оказало непосредственное влияние на юридическое значение консуммации. Начиная с XIII в., если после *sponsalia de futuro* происходила консуммация, то это автоматически предполагало наличие *sponsalia de praesenti*³⁴. То есть консуммация порождала презумпцию желания немедленного вступления в брак. Такая презумпция рассматривалась как неопровержимая, и брак признавался существующим и завершенным. Тем самым консуммация приобрела значение существенного элемента бракозаключительного процесса, хотя и косвенно; мужчина и женщина, заключившие договор обручения ради будущего брака, становились мужем и женой, коль скоро за таким обручением следовала консуммация. Отсюда ясно, что брак в этом случае считался заключенным с момента совокупления. Равно и все правовые последствия заключения брака наступали с этого же момента. Вполне естественно, что при этом прежний брак (если он существовал на момент дачи *sponsalia de futuro*) объявлялся ничтожным.

Такая конструкция очевидным образом была направлена на укрепление нравственных качеств, поскольку обязывала человека, давшего обещание вступить в брак, сдержать свое слово. Ведь на самом деле *sponsalia de futuro* никогда в канонической практике не налагало на человека обязательств, а после Тридентского Собора 1545 г. данная форма обручения вообще была устранена. Поэтому закрепление презумпции обещания немедленного брака в декретах пап Иннокентия III и Григория IX способствовало введению супружеского союза в жесткие рамки церковных представлений об обязанностях мужа и жены. Одновременно Церковь боролась таким способом с неофициальными браками, незаконным сожителством и прочими проявлениями блуда.

Существенной сложностью при применении данной презумпции в духовном суде являлась необходимость доказывания факта консуммации. Если мужчина и женщина сами не утверждали при свидетелях, что таковая имела место, то установить факт совокупления можно было лишь косвенно, путем установления факта совместного проживания. Последнее же, как известно, предполагает не только совместное ведение хозяйства, но и общность стола и ложа. Возникала удивительная ситуация: юридическим фактом в прямом смысле являлось совместное проживание; если оно подтверждается (показаниями свидетелей, молвой, репутацией), то консуммация презюмируется; и уже затем презюмируемая консуммация порождала другую презумпцию, а именно наличие *sponsalia de praesenti*. В средневековых церковных судах этот сложный путь поиска истины свидетельствует о растущем стремлении общества утвердить брак на прочных началах законности и правопорядка. Излагавшиеся на процессе факты совместной жизни тесно увязывались с нормативными предписаниями,

что приводило в итоге к вынесению наиболее правильного с точки зрения закона решения. И, как правило, суд признавал факт консуммации достоверным и доказанным, о чем ясно говорят дошедшие до нашего времени известия о брачных процессах Средневековья³⁵.

Согласно нормам канонического права, консуммация могла даже узаконить брак по необходимости. Если после заключения такого брака происходила добровольная *copula carnalis*, то супружеский союз не мог быть объявлен ничтожным. Факт интимной близости рассматривался как дача согласия на брак. Духовный судья, однако, мог постановить, чтобы женщина (жена) была помещена на некоторое время в общество "людей честных и не заинтересованных" для того, чтобы она могла свободно рассказать о своих чувствах³⁶.

Факт консуммации в каноническом праве прямую связь с возможным разводом супругов. Если совокупление между мужем и женой состоялось, то брак не подлежит расторжению ни при каких обстоятельствах, при изначальном отсутствии препятствий для его заключения. Неконсуммированный брак может быть расторгнут при наличии некоторых оснований. Одним из таковых, характерных для Средневековья, выступало желание мужа стать священником или монахом. При отсутствии близости между супругами согласие жены на развод в этом случае не требовалось, и она не могла никаким образом воспрепятствовать расставанию. Однако существенной проблемой всегда оставалось доказательство отсутствия плотской связи. Полнота и неоспоримость такого доказательства обуславливали вступление женщины в новый брак после ухода мужа. Если же брак был консуммирован, то принятие монастырского пострига было возможно по обоюдному согласию супругов, когда они оба отказываются от мирской жизни³⁷.

В ныне действующем Кодексе канонического права полноценным супружеским союзом объявляется брак "одобренный и заверченный" ("*ratum et consummatum*"). Моментом завершения брака выступает супружеский акт, совершенный "по-человечески" ("*humano modo*") и предназначенный самой своей природой к порождению потомства³⁸. Такой брак не может быть расторгнут никем и никогда³⁹. Брак же заключенный, но не консуммированный может быть расторгнут по решению Римского Папы и при наличии справедливой причины⁴⁰. Инициаторами развода могут быть как оба супруга, так и один из них⁴¹. Бессилие (импотенция) как мужчины, так и женщины, будучи препятствием для консуммации, запрещает вступать в брак, а если таковой уже заключен, то расторгает его⁴². В то же время наличие бесплодия (как мужниного, так и жениного) не запрещает и не расторгает брак⁴³.

Приняв различие этих двух физических состояний, современное каноническое право, в отличие от римского, пошло по пути дальнейшей конкретизации брачных предписаний, что не могло не сказаться благотворно на общем регулировании супружеских отношений. Следует обратить внимание на выделение импотенции, а не бесплодия, как

абсолютного препятствия для заключения брака. По нашему мнению, это свидетельствует о стремлении современных каноников обеспечить прежде всего законность брачных уз, а не их фактическую реализацию. Иными словами, составители Кодекса были озабочены скорее вопросами права, чем факта: способность завершить бракозаключительный процесс, безусловно, первична, а осязаемая цель брака (способность родить детей) обладает вторичным значением. Подобный правовой формализм может служить лишь к чести канонического законодательства, являющего нам пример столь редкой в наше время строгости юридического мышления. Это тем более отрадно на фоне современного светского права, которое, к прискорбию, все более проникается бесплодными фантазиями произвольного релятивизма.

Консуммация супружеской связи также имеет важное значение для мусульманского права. Согласно Корану и Сунне Пророка, брак является религиозной обязанностью для всякого правоверного, поскольку он способствует повышению нравственных качеств как мужчины, так и женщины; он также направлен на производство потомства. Требование состоять в браке закреплено в 32-м аяте 24-й суры Священной книги мусульман: "*И сочетайте браком тех из вас, кто одиноки, а также годных из числа рабов и рабынь*"⁴⁴. Но это не единственное указание на супружеский союз в Коране.

Брак обладает божественной природой, более того, он есть одно из творений Аллаха. На это прямо указывает 21-й аят 30-й суры: "*И к числу знамений Его относится то, что сотворил Он пары для вас из вашего числа, дабы могли вы обрести покой душевный, и поместил Он меж вами любовь и сострадание*". По мнению мусульманских богословов, в этом стихе отражен исламский идеал супружеского союза. Последний служит не только размножению, но и духовному развитию мужчины и женщины: только в браке они обретают покой и уверенность в своей жизни.

Поскольку брак в исламе обязателен и поскольку его целью является рождение детей, то консуммация представляет собой непереносимое условие действительности брака. Как и в каноническом праве, ею завершается бракозаключительный процесс, и супружеский союз становится осязаемым. Важно отметить, что консуммация в исламе относится к числу так называемых тайных обычаев, и поэтому она урегулирована преимущественно в хадисах. Сунна Пророка подробно описывает процесс заключения брака, который начинается с объявления обоюдного согласия сторон и завершается отводом невесты в дом жениха. Вслед за этим совершается ряд ритуальных действий, направленных на подготовку первой брачной ночи. Непосредственно перед консуммацией муж произносит молитву, испрашивая благословения Аллаха на рождение детей: "*Если перед совершением полового сношения со своей женой любой скажет: 'С именем Аллаха, о Аллах, удали шайтана от меня и удали шайтана от того, чем Ты наделил нас! И*

если им было суждено иметь ребенка, то шайтан уже никогда не сможет повредить ему"⁴⁵. Если супруга является девицей, то, по словам Пророка, мужу следует провести с ней семь дней, если же она уже была ранее замужем, то только три"⁴⁶. Этот рассказ лишний раз подчеркивает, что к первому половому сношению мусульмане относятся со всем необходимым вниманием, учитывая естественные сложности межличностных отношений в начале совместной жизни.

Еще одно доказательство конститутивного значения консуммации в исламе мы находим в хадисе 1789, где читаем: *"Передают со слов Аиши..., что (однажды) к посланнику Аллаха... пришла жена Рифа'а аль-Курази и сказала (ему): «О посланник Аллаха, поистине, Рифа'а окончательно развелся со мной, и после этого я вышла замуж за Абд ар-Рахмана бин аз-Зубайра аль-Курази, однако оказалось, что он бессилен».* (На это) посланник Аллаха, сказал ей: *«Может быть, ты хочешь вернуться к Рифа'а? Нет (ты не можешь сделать этого), пока не вступишь (с Абд ар-Рахманом) в половую связь!»*"⁴⁷. Этот рассказ связан с аятом 230-й суры "Корова", в котором запрещается восстановление брака после трехкратного объявления о разводе. Как гласит Коран, повторное соединение прежних супругов возможно лишь после нового брака разведенной женщины с другим мужчиной и следующего за ним же нового развода. Вышеприведенный хадис как раз и разрешает ситуацию, при которой новый брак разведенной женщины не был заключен полностью (то есть она не вступила в сожителство с новым мужем) и в глазах Пророка она не является в данный момент полноценной женой. По смыслу хадиса женщине следует все-таки вступить в половую связь с новым мужем (бессилие которого, вероятно, временное), после чего развестись и только затем вернуться к прежнему мужу. Тем самым консуммации брака придается самостоятельное юридическое значение.

В тексте Корана консуммация упоминается дважды, но уже в качестве юридического факта. Мы можем найти ее в двух аятах второй суры ("Корова")⁴⁸. Оба стиха регулируют вопрос материального обеспечения жен при разводе и предписывают выделить им определенную часть приданого либо в соответствии с обычаем, либо *"половину установленной доли"*. При этом речь идет о разводе, даваемом до начала супружеского сожития. В 236-м аяте прямо сказано: *"... если развелись вы с женщиной, еще не коснувшись ее..."*; в 237-м: *"... если разводитеесь вы с ними прежде, чем коснулись их..."*. Здесь термин *"коснуться"* означает плотскую связь между мужем и женой. Консуммация, таким образом, оказывает влияние на имущественные отношения мужа и жены, даже при условии, что брак еще не состоялся. Если же интимная близость супругов уже имела место, то приданое выдается жене в полном объеме.

Однако в исламе консуммация выступает не только конечным моментом бракозаключительного процесса, она также обуславливает исполнение супружеского долга на всем протяжении совместной жизни. Муж обязан регулярно делить с женой

супружеское ложе, за исключением менструальных периодов. Эта обязанность носит религиозный характер и закреплена в Коране: *"Ваши жены – пашия для вас, и идите на пашию вашу, когда хотите... И выполняйте долг свой перед Аллахом и знайте, что встретите его"*⁴⁹. Коран также позволяет правоверным иметь сношения с женами во время поста, о чем прямо говорится в Священном тексте: *"Законно для вас входить к женам вашим в ночь поста. Они – одеяние для вас, а вы – одеяние для них"*⁵⁰.

Невыполнение обязанности сожителства в принципе приводит к расторжению брачного союза. Однако, как известно, ислам отрицательно относится к разводу, хотя и признает и допускает его. Поэтому, прежде чем развести мужа с женой на основании невыполнения супружеского долга, первому предоставляется известный срок для доказательства своей мужской способности. Как правило, такой срок составляет один год. Если по истечении этого срока жена по-прежнему остается девственной, то бессилие считается установленным фактом, и брак расторгается. Такой порядок применяется в том случае, когда бессилие возникло случайно и может со временем восстановиться (например, несчастный случай или излечимая болезнь). Если же неспособность мужа к супружеской жизни является необратимой и, более того, возникла до брака, то жена имеет право требовать развода (разумеется, при том условии, что она не знала об этом на момент заключения брака).

Основанием такого требования будет как раз невозможность достижения главной цели брака – рождение детей. Более того, представители маликитского мазхаба полагают, что жена в этом случае обязана потребовать развода⁵¹. Она не может освободить мужа от выполнения супружеского долга. По нашему мнению, это можно рассматривать как своеобразный *actio redhibitoria* – иск, направленный на расторжение договора, при обнаружении неустранимого дефекта⁵². Влияние римского права, на наш взгляд, проявляется здесь со всей ясностью. Кроме того, важно отметить, что мусульманское право, как и римское, не делает различия между бессилием и бесплодием. Любое из этих состояний способно привести к прекращению брака. Расторжение брака по вышеуказанному основанию закреплено в законодательстве современных арабских государств, например в Марокко и Алжире⁵³.

Вышеописанное значение консуммации в исламе приводит нас к еще одному любопытному выводу. Когда брак прекращается из-за отсутствия сожителства, речь ведь идет, прежде всего, о невыполнении предписаний религии. Однако при этом развод есть вполне светский правовой институт. Иными словами, в исламе высшие ценности религии получают осязаемую юридическую защиту. Мы склонны усмотреть в этом соотношении ту же вертикальную, аксиологическую систему добродетелей, которая присутствовала в христианской Европе в Средние века. Право и здесь, и там выступает средством

для поддержания и защиты высших духовных приоритетов.

Современное светское семейное право также отводит консуммации брака известную роль в процессе регулирования супружеских отношений. Консуммация сегодня более не обладает религиозной силой, но при этом она составляет существенную основу семейной жизни. Во-первых, она обуславливает обязанность выполнения супружеского долга, который падает как на мужа, так и на жену. Последние обязаны жить совместной жизнью. А во-вторых, отсутствие консуммации делает брак оспоримым, что в свою очередь может привести к его расторжению.

Выполнение супругами обязанности сожителства закрепляется в семейном законодательстве многих современных государств. При этом такая обязанность может быть сформулирована прямо, а может и подразумеваться. Так, например, гражданское право Франции использует термин *"communauté de vie"* ("общность жизни" или "совместная жизнь"), понимая под ним всю совокупность взаимных прав и обязанностей супругов⁵⁴. Статья 215 ФГК гласит: *"Les époux s'obligent mutuellement à une communauté de vie"* ("супруги взаимно обязываются вести совместную жизнь") (перевод мой. – Авт.). По мнению французских юристов, "общность жизни" включает в себя три элемента: *"communauté de toit"*, *"communauté d'affection"* и *"communauté de lit"* ("общность места жительства", "общность чувств" и "общность ложа").

Первый элемент означает проживание в одном месте (дословно "под одной крышей"), хотя закон не запрещает супругам проживать в разных местах и даже вдали друг от друга по причинам профессионального порядка. Чтобы раздельное проживание не стало основанием для развода, оно должно быть вынужденным, а сами супруги должны периодически встречаться, проводить время вместе. Второй элемент ("общность чувств") предполагает построение совместной жизни на началах любви, уважения и духовного родства. Иными словами, воля супругов проявляется в желании жить вместе. И, наконец, третий элемент ("общность ложа") наполняет брачные отношения необходимой интимной близостью. Именно этот элемент интересует нас в первую очередь.

Конституционный совет Франции в своем решении от 9 ноября 1999 г. указал, что "понятие совместной жизни охватывает не только общность интересов и не ограничивается лишь простым сожительством... Совместная жизнь предполагает жизнь супружеской четы..."⁵⁵. Это означает, что совместное проживание непосредственно связано с наличием плотских взаимоотношений, с удовлетворением сексуальной потребности. А коль скоро речь идет именно о супругах, а не о сожителях, то *copula carnalis* (плотская связь) обретает значение *debitum conjugale* (супружеский долг).

Обязанность совместной жизни во Франции является императивным требованием закона и составляет саму сущность брака. Супруги, следова-

тельно, не могут по собственной воле ограничить или отменить выполнение ими этой обязанности, даже в силу какого-либо формального соглашения. Любой подобный договор будет признан судом ничтожным. В то же время суд не вправе принудить супругов или одного из них к совместной жизни во всех ее вышеуказанных проявлениях. Однако это не означает, что требование совместной жизни лишено юридической защиты. В случае его невыполнения супруги имеют право требовать расторжения брака по одному из указанных в ФГК оснований. Так, если совместная жизнь прекратилась не менее чем за два года до подачи иска о разводе, то суд может принять решение о неправомерном распаде брака (*"altération définitive du lien conjugal"*)⁵⁶. В этом случае вина супругов отсутствует.

Если же дальнейшая совместная жизнь невозможна по причине грубого нарушения супружеских обязанностей, то основанием развода будет виновное поведение одного из супругов (*"divorce pour faute"*)⁵⁷. В последнем случае речь чаще всего идет об отказе одного из супругов от половых отношений или же о непотребном поведении во время оных. Это основание приобрело сугубую актуальность с 2006 г., когда в Уголовный кодекс Франции была внесена специальная норма о супружеском изнасиловании⁵⁸. Вполне очевидно, что все предъявляемые претензии подлежат доказыванию, поскольку именно суду надлежит дать им правовую оценку и выявить их обоснованность. Как показывает французская судебная практика, развод по причине невыполнения *debitum conjugale* является не редкостью.

Семейное право современной Великобритании также содержит нормы, касающиеся консуммации брака. Действующий закон о бракоразводных делах от 1973 г. устанавливает, что брак может быть признан оспоримым (voidable), помимо прочего, по следующим двум основаниям: физическая неспособность любой из сторон к сожительству; добровольный отказ ответчика от консуммации супружеской связи⁵⁹. Оспоримость брака означает, что он является вполне законным и презюмируется существующим в действительности до тех пор, пока какая-либо из сторон не заявит иска о разводе. Как мы видим, речь идет об опровержимой презумпции. Иными словами, выполнение супружеского долга здесь также является мужниной и жениной обязанностью, но применение санкции зависит от воли сторон; если и муж и жена взаимно удовлетворены состоянием своих отношений, то такой брак будет существовать сколь угодно долго.

В случае расторжения оспоримого брака правовые последствия наступают с момента вступления в силу судебного решения. До этого, как гласит закон, супружеский союз должен считаться существовавшим⁶⁰. Здесь возникает очень важная проблема порока воли, когда, например, неспособность к консуммации возникла до заключения брака и одна из сторон была введена в заблуждение. Прецедентное право выработало за многие века своего развития ряд принципов, которые позволяют и сегодня

разрешать подобные конфликты на основе законности, справедливости и здравого смысла.

Прежде всего, английская судебная практика, держащаяся старинного римского принципа "*ei incumbit probatio, qui dicit, non qui negat*", требует четких и ясных доказательств выдвигаемых претензий. Отсюда следует, что простой констатации факта невыполнения супружеских обязанностей недостаточно для расторжения брака. Истец должен предоставить неоспоримые свидетельства отсутствия конsummации. Это может быть, например, состояние *virgo intacta* (девственница) для жены и/или *impotentiae insanabilis* (неизлечимое бессилие) для мужа. В обоих случаях необходимо подтверждение медицинской экспертизы, которую проводят, как правило, три врача (два терапевта и один хирург). Временная утрата сексуальной способности, разумеется, не может быть поводом для развода. При невозможности или нежелании подвергнуться экспертизе, а также когда бессилие не является явным, суд вправе назначить известный срок для супругов, в течение которого они должны проявить свою способность к плотскому сожителству. Такой срок составляет обычно три года, и по его истечении супружеский союз расторгается, если он по-прежнему не конsumмирован.

Далее, введение в заблуждение, по общему правилу, ущемляет права виновной стороны. Следовательно, если мужчина знал о своей неспособности к соитию до заключения брака, то он теряет право требовать развода по этому основанию, а женщина, напротив, приобретает таковое, если она об этом не знала. В то же время добровольное и сознательное вступление в брак с заведомо бессильным партнером исключает возможность расторжения супружеского союза по причине импотенции. Конsummация, таким образом, становится существенным элементом брачных отношений, и ее правовая порочность способна их прекратить.

Английское семейное законодательство не устанавливает срока исковой давности для расторжения брака по причине отсутствия или нежелания конsummации, однако судебная практика обычно исходит из представления о разумности такового. Чаще всего он составляет три года с момента заключения брака, но даже многолетнее откладывание подачи иска не может само по себе послужить основанием для отказа в принятии

дела к рассмотрению. Более того, истица вправе рассчитывать на известную снисходительность суда, поскольку присущая женщинам природная скромность вполне способна оправдать ее промедление в таком деле. Вообще для английских судов не является редкостью рассмотрение подобных бракоразводных дел через 10 и даже 15 лет после свадьбы⁶¹. Единственная опасность, грозящая истцу (или истице), состоит в том, что суд не удовлетворит жалобу и не расторгнет брак по причине необоснованно длительного неиспользования своего права. Суд тогда может применить принцип "*cur tamdiu tacuit*" и истолковать пассивность истца как обычай – этакое молчаливое примирение со сложившимся положением. В конечном счете последнее слово в английском (и англосаксонском) праве всегда остается за судебной властью.

Подводя итог нашему краткому исследованию, мы хотим подчеркнуть, что правовой институт конsummации брака и сегодня играет важную роль в брачных отношениях. При этом ее религиозное значение, безусловно, ниже, чем юридическое. Возникнув в древности из стремления придать спонтанному чувственному влечению двух людей характер образцового супружеского союза, конsummация постепенно превратилась в средство обеспечения их взаимных прав и обязанностей. Как мы показали, именно конsummация продолжает обуславливать выполнение супружеского долга, что отражено в брачном законодательстве и доктрине современных государств. Мы можем лишь пожалеть, что российское семейное право отнюдь не отличается столь глубокой и всесторонней разработанностью. Остается надеяться на его дальнейшее качественное развитие.

Karpenko K.V. On the Religious and Legal Significance of the Consummation of Marriage.

Summary: The article is devoted to this little-studied problem in modern family law as the consummation of marriage. The author analyzes the role and importance of this legal phenomenon in the various religious and legal systems, starting from old Aryan Vedas and ending with the current legislation of several contemporary states. The author arrives to the conclusion that the consummation of marriage has not lost its relevance in the modern family law and still serves as a legal fact, which generates important consequences for the marital relationship.

Ключевые слова

Брак, семейное право, конsummация брака, *copula carnalis* (плотская связь), каноническое право, юридический факт, ислам, Коран, общность стола и ложа, супружеский долг.

Keywords

Marriage, family law, consummation of marriage, *copula carnalis*, Canon law, legal fact, Islam, Quran, community of bed and board, conjugal duty.

Примечания

1. Дигесты Юстиниана. D. 23. 2. 1.
2. В современном экономическом лексиконе это понятие означает потребление, т.е. опять таки полноценное использование предмета, окончательное извлечение из него полезных свойств.
3. Еф. 5, 32-33. "Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви. Так каждый из вас да любит свою жену, как самого

- себя; а жена да боится своего мужа"
4. Манавадхармашастра, гл. 3, шл. 2. Цит. по: Законы Ману. М., 2002 г.
5. Атхарваведа, кн. VI, гимн 78. Цит. по: Griffith, R.T.H. Hymns of the Atharva-Veda, 1895.
6. На первичность жертвы указывают многие шлоки Законов Ману. См., например, гл. I, 22; гл. II, 23. Цит. по: Законы Ману. М., 2002 г.
7. Атхарваведа, кн. XIV, гимн 2, стих 31. Цит. по: Griffith, R.T.H. Hymns of the Atharva-Veda, 1895.
8. Атхарваведа, кн. VII, гимн 36, 37. Цит. по: The sacred books of the East. Vol. XLII // Bloomfield M. Hymns of the Atharva-Veda. Oxford. 1897.
9. The sacred books of the East. Vol. XLII // Bloomfield M. Hymns of the Atharva-Veda. Oxford. 1897, p. 277.
10. Наказание в большей степени касается женщины, однако и для мужчины прелюбодеяние есть грех, караемый религиозными санкциями.
11. Манавадхармашастра, гл. 9, шл. 101. Цит. по: Законы Ману. М., 2002.
12. Манавадхармашастра, гл. 3, шл. 32. Цит. по: Законы Ману. М., 2002.
13. Декрет Грациана - важнейший источник канонического права, составленный магистром богословия из Болоньи Иоанном Грацианом в начале XII в. и названный им "Согласование несогласованных канонов". Этот труд лёг в основу Свода канонического права, который появился в XVI в. и являлся официальным собранием нормативных предписаний католической Церкви. В 1917 г. этот Свод (*Corpus iuris canonici*) был заменён на Кодекс канонического права (*Codex iuris canonici*), который действует и сегодня в редакции 1983 г.
14. Декрет Грациана. Дело XXVII, вопрос 2, гл. VI // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. М., 1999. Т. 2, С. 265.
15. Там же, гл. II // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. М., 1999. Т. 2, С. 264.
16. Там же, гл. III // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. М., 1999. Т. 2, С. 264.
17. Lind G. Common law marriage. New York, 2008, p. 102.
18. Осознание и понимание иерархии ценностей вообще свойственно средневековому традиционному мироощущению. В ту эпоху вся материальная вселенная строилась на твёрдых основаниях власти и подчинения: наверху Бог, ниже ангелы, потом люди и наконец звери. В свою очередь и духовный мир человека представлялся в абсолютных измерениях добра и зла. Для средневекового человека совершенно естественно было существование иерархии добродетелей и иерархии преступлений. В том же Декрете Грациана мы можем отыскать классификацию грехов, от более тяжких к менее тяжким. См.: Декрет Грациана. Дело XXIX, вопрос 6, глава V // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. М., 1999. Т. 2, С. 269.
19. Цит. по Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства / Пер. и комментарии И. М. Дьяконова // Вестник древней истории. 1952. № 3. С. 309—311.
20. Там же.
21. Азаревич Дм. Брачные элементы и их значение. Ярославль. 1879. С. 5-6.
22. Более того, по свидетельству Валерия Максима и Катона Старшего, муж в древнейшую эпоху располагал и жизнью своей жены. Он мог казнить её в случае пьянства и неверности.
23. Азаревич Дм. Указ. соч., С. 8.
24. Мужчины должны были быть не старше 60 лет, а женщины не старше 50. Аналогичные ограничения, рецепированные каноническим правом, действовали и в Средние века, а также нашли своё отражение и в русском праве имперского периода.
25. D. 50. 17. 30. "Nuptias non concubitus, sed consensus facit".
26. См., например: Domitii Ulpiani. Fragmenta, Titulus V "De his qui in potestate sunt". В серии "Памятники римского права" - Юлий Павел. Пять книг сентенций к сыну. Фрагменты Домиция Ульпиана. М., 1998. С. 167-169.
27. Авл Геллий. Аттические ночи. Кн. I-X. СПб., 2007, кн. III, гл. 2, пар. 12.
28. Подробный обзор этих взглядов см., например: у Lind G. Common law marriage. New York, 2008, p. 46-48.
29. По мнению Юлия Павла "Concubinam ex sola animi destinatione aestimari oportet." ("Является ли женщиной конкубиной - этот вопрос разрешается лишь на основании направления воли") - D. 25. 7. 4.
30. Миф о похищении сабинянок многие учёные считают отголоском этого способа.
31. Декрет Грациана. Дело XXVII, вопрос 2, часть III // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. М., 1999. Т. 2, с. 265.
32. Там же.
33. Пьер Ломбард - парижский епископ и богослов (1096-1164 г.) Разрабатывая проблематику канонического брака, он ввёл в доктрину разделение между *sponsalia de praesenti* и *sponsalia de futuro* (обручение ради немедленного брака и обручение ради будущего брака). Первое он считал единственным основанием для возникновения полноценного супружеского союза, а нерасторжимость одного объяснял исключительно духовным таинством, возникающим между мужем и женой. - Подробнее об этом и других взглядах см.: Lind G. Common law marriage. New York, 2008, p. 104-108.
34. Lind G. Common law marriage. New York, 2008, p. 109.
35. См., например: Charageat M. Copula carnal: la preuve de mariage dans les procès à Saragosse aux XV-XVI siècles // Mélanges de la Casa de Velazquez, Nouvelle série, 2003 t.33-1, p. 47-63.
36. Hericourt, Louis de. Les loix ecclésiastiques de France dans leur ordre naturel et une analyse des livres du droit canonique conféré avec les usages de l'Eglise gallicane. Paris, 1743 // Des Décrétales, livre IV, p. 133.

37. Там же, troisième partie, p. 101.
38. Кодекс канонического права. М., 2007, кан. 1061.
39. Там же, кан. 1141.
40. Такими причинами могут быть злонамеренное или вынужденное оставление одним супругом другого; бессилие или иной недуг, наступившие уже в браке, и соответственно препятствующие выполнению супружеского долга; продолжительный отказ от сожителства; глубокие разногласия между супругами. См.: Durieux Ch. P. Le mariage en droit canonique. P., 1928, p. 140-141.
41. Там же, кан. 1142.
42. Там же, кан. 1084, §1.
43. Там же, кан. 1084, §3.
44. Священный Коран / Пер. и комментарии Мауляны Мухаммада Али. Колумбус (США), 1997.
45. Хадис 1768. Сахих Аль-Бухари (сборник хадисов). М., 2003.
46. Хадис 1777. Сахих Аль-Бухари (сборник хадисов). М., 2003.
47. Хадис 1789. Сахих Аль-Бухари (сборник хадисов). М., 2003.
48. Священный Коран. Сура Корова, аяты 236, 237 // Священный Коран / Пер. и комментарии Мауляны Мухаммада Али. Колумбус (США), 1997.
49. Священный Коран. Сура Корова, аят 223 // Священный Коран / Пер. и комментарии Мауляны Мухаммада Али. Колумбус (США), 1997.
50. Священный Коран. Сура Корова, аят 187 // Священный Коран / Пер. и комментарии Мауляны Мухаммада Али. Колумбус (США), 1997.
51. Milliot L., Blanc F-P. Introduction à l'étude du droit musulman. Paris, 2001, p. 321.
52. actio redhibitoria - в римском праве иск, посредством которого можно было требовать уничтожения договора купли-продажи, если выяснялось, что приобретённая вещь заведомо имела недостатки, препятствовавшие её целевому использованию; это право создавалось эдиктом курульного эдила и позволяло возвратить купленную вещь продавцу и потребовать назад уплаченную сумму с процентами.
53. См., например, Moudawana (Code de la famille), 2005, art. 107-111.
54. Французский Гражданский кодекс 1804г. (с изменениями на 2 июня 2012.)
55. Решение КС № 99-412 от 9.11.1999. - www.legifrance.gouv.fr
56. Французский Гражданский кодекс 1804 г. (с изменениями на 2 июня 2012.), ст. 238.
57. Там же. С. 242.
58. Уголовный кодекс Франции 1992 г., ст. 222-22.
59. Matrimonial Causes Act 1973, art. 12.
60. Там же, art. 16.
61. Prentiss J. Commentaries on the law of marriage and divorce. Vol. II. Boston, 1864, §582-583.

Злоупотребление правами налогоплательщика: сравнительно-правовые аспекты

А.А. Малиновский

В статье анализируется понятие «злоупотребление правами налогоплательщика». Исследуются зарубежные юридические доктрины о злоупотреблении правами налогоплательщика, иностранное законодательство и судебная практика.

Вопрос о сущности и формах злоупотреблений правами налогоплательщика в отечественной и зарубежной юридической литературе достаточно долгое время является дискуссионным¹. Казалось бы, в этом нет ничего необычного, а тем более отрицательного. Любой более или менее серьезный теоретический вопрос, имеющий важное практическое значение, может и должен обстоятельно обсуждаться. С точки зрения академической юриспруденции это действительно так. Однако запаздывание в решении теоретического вопроса, необоснованно долгое его обсуждение опасно тем, что научная дискуссия перенесется в зал суда. И тогда суд, не имея четкой доктринальной основы и законодательных предписаний, сам берется за разработку судебных доктрин, пытаясь найти универсальное решение часто возникающих в практике налоговых споров.

Основные трудности обсуждаемой проблемы заключаются как в теоретическом осмыслении феномена злоупотребления правами налогоплательщика, так и в его практическом воплощении в законодательстве и в правоприменении. Палитра мнений в отношении сущности злоупотребления правами налогоплательщика достаточно разнообразна. Имеются теории, как признающие необ-

ходимость наличия данного правового института, так и прямо противоположные мнения². Дискуссионность анализируемой проблемы на практике порождает вполне очевидные трудности:

- во-первых, создается ситуация правовой неопределенности, когда налогоплательщик не знает, какие конкретно его действия, например по налоговой оптимизации, являются противоправными, а какие – нет. Не будем забывать, что в данном случае нарушается фундаментальный принцип права: «нет правонарушения, нет наказания, не указанного в законе»;

- во-вторых, в вышеописанной ситуации возможно как незаконное привлечение налогоплательщика к юридической (в том числе и к уголовной) ответственности, так и необоснованное освобождение от нее. Как следствие, имеет место и разноречивость в правоприменительной практике, поскольку налоговыми и правоохранительными органами злоупотребление правами налогоплательщика может в одних случаях квалифицироваться как способ уклонения от уплаты налогов, а в других – нет;

- в-третьих, вполне очевидно, что массовые злоупотребления правами налогоплательщика, которые выражаются в обходе предписаний налогового закона или в недобросовестных действиях

Малиновский Алексей Александрович – д.ю.н., профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

налогоплательщика, приводят к непоступлению довольно значительных сумм в бюджет;

– в-четвертых, отсутствие четкой теоретической базы приводит к тому, что законодатель и правоприменитель пытаются решить возникшую проблему ненадлежащими (с точки зрения юридической техники) правовыми средствами. Такой подход приводит к неэффективному регулированию общественных отношений в налоговой сфере.

Попытаемся разобраться, что представляет собой анализируемый феномен с точки зрения юридической доктрины. В обобщенном виде под злоупотреблением правом следует понимать такой способ осуществления права в противоречии с его назначением, посредством которого общественным отношениям причиняется вред. Поскольку право налогоплательщика используется «во зло», именно поэтому данное явление и именуется как злоупотребление правом. Вредоносное осуществление права есть первый признак злоупотребления. Под злом с точки зрения юриспруденции в данном случае следует понимать причиняемый общественным отношениям вред, который может выражаться:

- в неуплате налогов;
- в нарушении принципа равенства субъектов предпринимательской деятельности, когда один из субъектов получает необоснованные экономические преимущества перед другими (в виде большей прибыли) вследствие использования схем оптимизации налогообложения;
- в нарушении правопорядка в налоговой сфере, когда юридически урегулированные налоговые отношения не совпадают с фактически создавшимися отношениями.

Второй признак злоупотребления – осуществление права в противоречии с его назначением. В данном случае происходит не только расхождение между правом идеальным и реальным, но и коллизия между объективным правом (законом) и субъективным правом (конкретным правовым поведением). Образно выражаясь, «дух права приходит в противоречие с его буквой». Основным назначением прав налогоплательщика является формальная определенность и государственная гарантированность возможности налогоплательщика удовлетворить свои экономические интересы установленным в законе способом или способом, не противоречащим закону.

Сфера налогообложения относится к сфере публичного права, где достаточно четко прописаны права и обязанности налогоплательщика. Тем не менее у налогоплательщика имеется возможность по своему усмотрению осуществить некоторые из своих прав (например, право использовать налоговые льготы, право на отсрочку или рассрочку налоговых платежей и др.). Наличие свободы усмотрения налогоплательщика по выбору способа осуществления своего права и предопределяет возможность злоупотреблений. Именно поэтому основным инструментом борьбы со злоупотреблениями является совершенствование налогового законодательства в части более детальной регла-

ментации порядка и способа осуществления прав налогоплательщика.

Очень часто налогоплательщик с целью минимизации налогов как бы «переходит» в сферу частного права и использует вопреки целям и смыслу налогового законодательства диспозитивные начала гражданского права, принцип свободы договора и возможность осуществлять свое субъективное право в своем интересе и по своему усмотрению. В таких ситуациях суду бывает сложно разобраться в вопросе: «Действовало ли лицо как предприниматель (то есть как субъект гражданских правоотношений), заключая, к примеру, притворную или мнимую сделку, или как потенциальный налогоплательщик (то есть как субъект налоговых правоотношений), злоупотребляющий свободой заключения договора с целью получения в дальнейшем необоснованной налоговой выгоды?»

Осуществление права налогоплательщика в противоречии с его назначением имеет место в случаях:

- когда налогоплательщик удовлетворяет свой экономический интерес, удовлетворение которого гарантировано в рамках конкретного субъективного права, посредством осуществления другого субъективного права;
- когда налогоплательщик удовлетворяет свой экономический интерес без учета гарантированных правом экономических интересов общества и государства;
- когда права налогоплательщика осуществляются в противоречии с целями налогообложения;
- когда налогоплательщик, осуществляя свое право, поступает вопреки общеправовым и отраслевым принципам права;
- когда налогоплательщик, осуществляя свое право, поступает вопреки управомочивающей норме права, не соотносит свое поведение с целью данной нормы;
- когда налогоплательщик, осуществляя свое право, не исполняет корреспондирующую данному праву юридическую обязанность;
- когда налогоплательщик осуществляет свое право ненадлежащим способом.

К дискуссионным также относится вопрос о формах злоупотребления правом. Представляется, что с точки зрения общей теории права необходимо различать как правомерные, так и противоправные злоупотребления правом³. Правомерность злоупотреблений правом обусловлена формально-юридическими причинами, которые характерны для общедозволительного типа правового регулирования общественных отношений, а именно: любые законодательно не запрещенные действия являются правомерными. Для налогоплательщика «все, что прямо не запрещено законом, то разрешено». Логически продолжая данное рассуждение, можно прийти к следующему выводу.

Если в управомочивающей норме не уточнена цель (назначение субъективного права), то субъект, действуя в пределах субъективного права, вправе также поступить и вопреки не прописанной в законе цели правовой нормы (в противоречии с

назначением субъективного права). Разумеется, назначение любого субъективного права с формально-юридической точки зрения детерминируется общими и отраслевыми принципами права, однако прямо указывается в норме не всегда. В тех случаях, когда цель не установлена в правовой норме (а таких случаев большинство), «нецелевое» осуществление конкретного субъективного права не является противоправным. Здесь мы как раз и сталкиваемся с правомерными злоупотреблениями правом.

С общетеоретической точки зрения правомерное злоупотребление правом характеризуется следующими признаками:

- поведение субъекта соответствует норме права, включая случаи, когда оно абстрактно разрешено либо прямо не запрещено;
- поведение субъекта не соответствует целям управомочивающих правовых норм, назначению предоставленного ему законом субъективного права;
- поведение субъекта причиняет вред общественным отношениям;
- за совершение такого рода деяний на субъекта не налагаются меры юридической ответственности, поскольку он поступает правомерно.

Противоправное злоупотребление субъективным правом проявляется в двух разновидностях: как правонарушение и как законодательно запрещенное деяние. Для злоупотребления правом как правонарушения свойственны все признаки, характеризующие правонарушение (общественная вредность, противоправность, виновность и наказуемость), которые применимы и к данной форме злоупотребления правом. Противоправное злоупотребление правом отличается от обычного правонарушения тем, что субъект в данном случае совершает противоправное деяние посредством осуществления своего субъективного права.

Противоправное злоупотребление правом характеризуется следующими признаками:

- субъект, реализовавший предоставленное ему субъективное право, нарушает предписания действующего законодательства;
- реализацией субъективного права в противоречии с его назначением причиняется вред охраняемым законом общественным отношениям;
- наличествует причинно-следственная связь между противоправным деянием и социально вредными последствиями;
- к субъекту, совершившему противоправное злоупотребление правом, можно применить меры правового воздействия и юридической ответственности.

Злоупотребление правом как законодательно запрещенное деяние характеризуется всеми признаками правонарушения (общественная вредность, противоправность, виновность) за исключением наказуемости. Именно отсутствие признака наказуемости, а конкретно – отсутствие санкции, применяемой к субъекту, злоупотребившему правом, не позволяет квалифицировать данное деяние как правонарушение.

В настоящее время в Российской Федерации с формально-юридической точки зрения все злоупотребления правами налогоплательщика (исходя из предложенной концепции) являются правомерными. Действующее законодательство не устанавливает противоправность и наказуемость этих деяний. По данному вопросу учеными-юристами и практиками высказываются и другие мнения⁴. Концепция злоупотребления правами налогоплательщика в зарубежных странах имеет определенную специфику, а многие вопросы также носят дискуссионный характер⁵.

Параграф 42 Закона ФРГ о налогах и сборах предписывает: «Налоговое законодательство не может быть обойдено посредством злоупотреблений с использованием различных правовых конструкций. В случае злоупотребления возникает то налоговое последствие, которое возникло бы при совершении сделки, отвечающей экономическим (деловым) целям сторон». Данная норма распространяется на все виды налогов, взимаемых в Германии. Сфера ее применения, пишет А. Лесова, ограничивается только случаями злоупотребления, то есть случаями такого поведения налогоплательщика, когда налогоплательщик злоупотребляет принадлежащими ему правами, в том числе свободой выбора заключаемых договоров, с целью снижения налогов.

При этом использованный термин «злоупотребление» не имеет легального определения. Поэтому его правовое содержание выработано судебной практикой: злоупотребление с использованием различных правовых конструкций имеет место тогда, когда выбранное сторонами юридическое оформление отношений, оцененное с учетом целей сторон, не соответствует достигнутой цели, служит только снижению налоговых платежей и не может быть оправдано экономической или иной неналоговой необходимостью.

Под правовыми конструкциями понимается использование норм права любых отраслей – гражданского, торгового, публичного, в том числе и налогового права. Если факт злоупотребления установлен, налогообложение производится на основании предположения о поведении, которое соответствует истинным экономическим (или деловым) целям сторон, то есть заключенные договоры, принятые решения, наличие промежуточных компаний и т.д. для целей налогообложения игнорируются, а в основу налогообложения ложится формализованный результат всех совершенных налогоплательщиком (налогоплательщиками) действий. Господствующее правовое учение в Германии называет выявленный объект налогообложения фиктивным – в отличие от того реального, который был искусственно создан в результате злоупотребления и по смыслу параграфа 42 Закона ФРГ о налогах и сборах должен быть проигнорирован⁶.

Статья L64 Свода фискальных правил Франции предписывает, что действия, скрывающие истинную природу договора или соглашений с помощью оговорок, прикрывающих получение или передачу прибылей, не могут препятствовать

осуществлению полномочий налоговой администрации. В этом случае администрация вправе установить истинную цель договора. Однако для переквалификации сделки налоговый орган обязан доказать наличие злоупотребления правом. Для этого необходимо соблюдение следующих условий:

- оспариваемая налоговым органом сделка должна заключаться в письменной форме. Устное соглашение, не подтверждаемое документально, не подпадает под концепцию злоупотребления правом (Решение Государственного совета от 31 января 1973 г.);

- единственная цель операции – избежание налогообложения;

- наличие последствий, на которые был направлен умысел, то есть сокращение налоговых платежей, избежание налогооблагаемых прибылей или операций.

Налоговое право Франции, как свидетельствуют об этом О.С. Петросян и Ю.А. Артемьева, устанавливает два вида злоупотребления: "симуляции" (*simulation*) и "обход закона" (*fraude à la loi*)⁷. Под симуляцией понимается совершение сделки, скрывающей истинную цель соглашения, прикрывающую получение или передачу прибыли⁸, то есть получение налоговых льгот с помощью мошенничества. Большинство авторов, анализируя судебную практику, выделяют три вида симуляции:

- симуляция посредством мнимой сделки (*actefictif*);

- симуляция посредством притворной сделки (*actede guise*);

- симуляция посредством "подмены действительного выгодоприобретателя" (*interposition de personne*)⁹.

В отличие от "симуляции" "обход закона" подразумевает безусловное следование букве закона, однако целью этих действий является намеренное уклонение от уплаты налогов. Выделение "обхода закона" как формы злоупотребления правом неоднозначно воспринималось учеными и практиками. Д. Лекомт считает, что нет необходимости разделения "злоупотребления правом" на две формы, по сути, одно включает в себя другое и представляет собой намерение достичь незаконной налоговой выгоды¹⁰. Поэтому решением Государственного совета 10 июня 1981 г. «обход закона» фактически был приравнен к «симуляции». Процедура пресечения злоупотреблением правом в виде "симуляции" была распространена и на "обход закона"¹¹.

Весьма интересным представляется итальянский опыт. В соответствии с п. 1. ст. 10 Закона № 408 от 29 декабря 1990 г. (с изменениями, внесенными ст. 28 Закона № 724 от 23 декабря 1994 г. и ст. 3 Закона № 662 от 23 декабря 1996 г.) «финансовая администрация вправе не признавать налоговые преимущества, полученные посредством операций объединения, преобразования, выделения, уступки предприятия, уменьшения капитала, ликвидации, оценки стоимости юридических лиц, уступки кредитов или уступки либо оценки стоимости движимого имущества, если такие операции осуществлены без действительных экономических

причин и с исключительной целью достижения налоговой экономии обманным путем»¹².

Выводы Кассационного суда Италии по поводу злоупотребления правом налогоплательщика, как указывает А.М. Гусев, были консолидированы в решении от 25 мая 2009 г. № 10981¹³. Согласно данному решению, запрет злоупотребления правом является общим принципом. Он предписывает налогоплательщику воздерживаться от достижения налоговых преимуществ посредством неправильного использования (хотя и не противоречащего никакому предписанию закона) соответствующих юридических средств для получения льготы или достижения налоговой экономии при отсутствии экономически значимых причин, которые могли бы оправдать операцию и которые отличались бы от простого ожидания налоговой выгоды.

Многочисленные споры в итальянской правовой доктрине, как пишет А.М. Гусев, вызвал вопрос о наказуемости злоупотребления правом налогоплательщиком. Так, по мнению Э. Дзанетти, наказуемым должно являться не только прямое уклонение от налогов, но и злоупотребление правом налогоплательщика. В противовес ему Р. Лупи и Л. Кардаша отвергают необходимость применения санкций в отношении налогоплательщика, злоупотребившего правом, полагая, что санкцией является само по себе возвращение данного лица в режим налогообложения, вытекающее из непризнания налоговых последствий его поведения, которым лицо с формально-юридической точки зрения не нарушает никакого предписания закона. В целом в доктрине налогового права Италии превалирует вторая точка зрения. Кассационный суд Италии выразил отрицательное отношение к применению санкций в отношении налогоплательщика за злоупотребление правом, указав на отсутствие соответствующих ясно выраженных законодательных предписаний (решение № 12042 от 25 мая 2009 г.), а также на то обстоятельство, что противодействие злоупотреблению правом имеет своей целью не осуждение налогоплательщика, но возвращение в налоговый режим операций, которые недолжным образом из данного режима исчезли (решение № 22294 от 12 ноября 2010 г.)¹⁴.

Перейдем к анализу опыта Суда ЕС. Как указывается в Заключительном акте Целевой группы CFE ECJ о концепции злоупотребления в европейском праве, на основании решений Европейского суда в области налогового права (документ представлен Европейской конфедерацией налоговых консультантов Совету ЕС, Еврокомиссии и Европарламенту в 2007 г.) злоупотребление возникает, когда, несмотря на формальное соблюдение условий, предписанных налоговым правом, налогоплательщик, по существу, пользуется льготой, конфликтующей с целью налогового положения. Суд ЕС устанавливает, что такая ситуация может рассматриваться с точки зрения объективных элементов, которые доказывают, что основной целью сделки было получение такой налоговой льготы: этого не происходит, когда

осуществленная экономическая деятельность может иметь какое-то иное объяснение, помимо получения налоговых льгот¹⁵.

Вопросы злоупотребления правом рассматривались Судом ЕС в целом ряде дел (Halifax plc, Leeds Permanent Development Services Ltd и др.)¹⁶. При этом были сформулированы основные критерии злоупотребления налогоплательщиком материальным правом:

- формальное соответствие осуществляемых налогоплательщиком действий, направленных на получение налоговых выгод, положениям Европейского налогового и национального законодательства;

- предоставление налогоплательщику налоговых выгод противоречит целям, установленным в Европейском и национальном налоговом законодательстве;

- наличие объективных фактов, явно свидетельствующих о том, что основной целью действий налогоплательщика является получение налоговой выгоды.

Европейский суд, как правило, рассматривает вопросы злоупотребления правом через призму судебных доктрин (среди которых – доктрина деловой цели, доктрина сделки по шагам), а также используя категорию «добросовестности налогоплательщика» (и целый ряд смежных категорий – «недобросовестная налоговая практика» и др.). «Недобросовестная практика», к примеру, имеет место, если одновременно выполнены два условия:

- сделки приводят к получению налоговой выгоды, предоставление которой противоречит целям налогового законодательства;

- рядом объективных факторов подтверждается, что существенной целью сделок является получение налоговой выгоды.

Чрезвычайно важным, по мнению юристов компании Roche & Duffay, анализировавших судебную практику, представляется еще одно заключение Европейского суда: «Следует также иметь в виду, что признание практики недобросовестной не должно вести к наказанию (penalty), для которого была бы необходима ясная и недвусмысленная правовая основа, а лишь к обязательству выплаты (суммы ранее представленного к вычету НДС. – Авт.), просто как следствие такого признания, делающего не подлежащим вычету, полностью или частично, входящий НДС». Таким образом, для решения вопроса о допустимости применения налоговой схемы Европейский суд использовал собственный вариант «доктрины деловой цели». Однако по заключению суда данная доктрина не может использоваться для назначения наказания (то есть взыскания штрафа или тем более уголовного наказания), так как для этого требуется более четкая правовая основа¹⁷.

В российском законодательстве понятие «злоупотребление правами налогоплательщика», «недобросовестность налогоплательщика», «обход налогового закона» отсутствуют. Доктринально

они также разработаны недостаточно детально¹⁸. Отчасти имеющийся пробел преодолевается Постановлением Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 12 октября 2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды».

В Постановлении, в частности, указывается, что судебная практика разрешения налоговых споров исходит из презумпции добросовестности налогоплательщиков. В связи с этим предполагается, что действия налогоплательщика, имеющие своим результатом получение налоговой выгоды, экономически оправданы, а сведения, содержащиеся в налоговой декларации и бухгалтерской отчетности, достоверны. Под налоговой выгодой понимается уменьшение размера налоговой обязанности вследствие уменьшения налоговой базы, получения налогового вычета, налоговой льготы, применения более низкой налоговой ставки, а также получение права на возврат (зачет) или возмещение налога из бюджета.

Налоговая выгода может быть признана необоснованной, в частности, в случаях, если для целей налогообложения учтены операции не в соответствии с их действительным экономическим смыслом или учтены операции, не обусловленные разумными экономическими или иными причинами (целями делового характера). Налоговая выгода не может быть признана обоснованной, если получена налогоплательщиком вне связи с осуществлением реальной предпринимательской или иной экономической деятельности. О необоснованности налоговой выгоды могут также свидетельствовать подтвержденные доказательствами доводы налогового органа о наличии следующих обстоятельств:

- невозможность реального осуществления налогоплательщиком указанных операций с учетом времени, места нахождения имущества или объема материальных ресурсов, экономически необходимых для производства товаров, выполнения работ или оказания услуг;

- отсутствие необходимых условий для достижения результатов соответствующей экономической деятельности в силу отсутствия управленческого или технического персонала, основных средств, производственных активов, складских помещений, транспортных средств;

- учет для целей налогообложения только тех хозяйственных операций, которые непосредственно связаны с возникновением налоговой выгоды, если для данного вида деятельности также требуется совершение и учет иных хозяйственных операций;

- совершение операций с товаром, который не производился или не мог быть произведен в объеме, указанном налогоплательщиком в документах бухгалтерского учета.

В случае наличия особых форм расчетов и сроков платежей, свидетельствующих о групповой согласованности операций, суду необходимо исследовать, обусловлены ли они разумными экономическими или иными причинами (деловыми целями). Если суд на основании

оценки представленных налоговым органом и налогоплательщиком доказательств придет к выводу о том, что налогоплательщик для целей налогообложения учел операции не в соответствии с их действительным экономическим смыслом, суд определяет объем прав и обязанностей налогоплательщика, исходя из подлинного экономического содержания соответствующей операции.

Важным этапом в развитии обсуждаемого вопроса явилось принятие Постановления Конституционного суда РФ от 27.05.2003 г. №9-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации». Пункт 3 данного Постановления предписывает, что недопустимо установление ответственности за такие действия налогоплательщика, которые, хотя и имеют своим следствием неуплату налога либо уменьшение его суммы, но заключаются в использовании предоставленных налогоплательщику законом прав, связанных с освобождением на законном основании от уплаты налога или с выбором наиболее выгодных для него форм предпринимательской деятельности и соответственно – оптимального вида платежа. Таким образом, Конституционный суд РФ фактически признал право налогоплательщика на налоговую оптимизацию.

Разумеется, любые судебные доктрины и иные акты судебных органов в романо-германской правовой системе (к которой относится и Россия) не являются формальными источниками права, которые могут установить противоправность и наказуемость злоупотреблений правами налогоплательщика. Судебные акты, констатирующие факты недобросовестности налогоплательщика, обход им предписаний закона, злоупотребления своими правами являются, строго говоря, не надлежащими правовыми актами, а доктринальной оценкой суда конкретной спорной ситуации. Вполне очевидно, что такая практика в условиях отсутствия законодательной регламентации противоправности злоупотреблений

правами налогоплательщика является порочной. Попутно отметим, что даже Конгресс США кодифицировал судебную доктрину экономической сущности и теперь она является законодательным инструментом борьбы со сделками, направленными на уход от уплаты налогов¹⁹.

В настоящее время необходимо дополнить НК РФ предписаниями следующего содержания, указав, что злоупотребление правами налогоплательщика в виде недобросовестного осуществления своих прав или обхода предписаний налогового законодательства не допускается. Под недобросовестным осуществлением налогоплательщиком своих прав понимается использование налогоплательщиком пробелов и противоречий действующего законодательства либо ненадлежащее исполнение налоговых обязанностей с целью получения необоснованной налоговой выгоды.

Под обходом предписаний действующего законодательства следует понимать осуществление налогоплательщиком своих прав в противоречии с их назначением, а именно вопреки экономической необходимости и целесообразности конкретной предпринимательской деятельности, исключительно с целью получения необоснованной налоговой выгоды. Для уточнения этих дефиниций представляется необходимым использовать опыт зарубежных стран и Суда ЕС в данной сфере.

Безусловно, сформулированные предложения следует воспринимать не как менторское указание законодателю, а как рекомендацию продолжить дискуссию по вопросу злоупотребления правами налогоплательщика, но уже не на докризальном, а на протворческом уровне.

Malinovsky A.A. Abuse of the Rights of a Taxpayer: Comparative Law Aspect.

Summary: The term “misuse of the rights of a taxpayer” is analyzed in this article. Foreign law doctrines on misuse of the rights of a taxpayer are examined, foreign legislation and court practice.

Ключевые слова

Права налогоплательщика, злоупотребление правами налогоплательщика, уклонение от налогов, добросовестность налогоплательщика.

Keywords

Rights of a taxpayer, misuse of the right, good faith taxpayer, avoidance of law, tax evasion.

Примечания

1. См. подробнее: Винницкий Д.В. Принцип добросовестности и злоупотребление правом в сфере налогообложения // Право и экономика. 2003. № 1; Савсерис С.В. Понятие недобросовестности и злоупотребления правом неприменимы к налоговым отношениям // Налоговед. 2005. № 6; Сафронов О. Злоупотребление правом. ЭЖ-Юрист. 2011. № 41.
2. Белов В.А. Злоупотребление правом в налоговой сфере // Арбитражная практика. 2002. № 1. С. 33-40. Гаджиев Г.А. От правоприменения до злоупотребления // ЭЖ-Юрист. 2004. № 42. С. 10-11; Белов В.А. Злоупотребление правом в налоговой сфере // Арбитражная практика. 2002. № 1. С. 33-40.
3. Общая теория государства и права. Академический курс в 3-х томах / Отв. ред. М.Н. Марченко. Том 3. М., 2007. С. 584-588. Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). М., 2010.
4. См.: Смирнов Г. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов, сопряженное со злоупотреблением правом налогоплательщика (СПС «Консультант Плюс»).

■ Право

5. См. подробнее: Петросян О.Ш., Артемьева Ю.А. Судебные доктрины налоговой оптимизации в зарубежных странах // Налоги. 2008. № 5.
 6. См. подробнее: Лесова А. Немецкая доктрина злоупотребления правом /Корпоративный юрист. 2006. № 5. С. 3; Лесова А.М., Безбородов Н.Ю. Злоупотребление правом в налоговой сфере: опыт Германии // Налоговед. 2006. № 6.
 7. См. подробнее: Петросян О.Ш., Артемьева Ю.А. Указ. раб.
 8. См.: Livre des procedures fiscales. 1982.
 9. См.: Cozian M. Les grands principes de la fiscalite des entreprises. 4^{ed}. Paris: LITEC, 1999.
 10. См.: Лекомт Д. Злоупотребление налогоплательщиков своими правами в налоговом пространстве Евросоюза. Доклад на международной конференции в рамках программы "Tempus". Май 2005 г.
 11. См.: Arrêt du CE du 10 juin 1981 // Droit Fiscal. 1981. № 48, 49. Com. 2187.
 12. Об эволюции законодательного подхода к проблеме злоупотребления правами налогоплательщика в Италии см. подробнее: Гусев А.М. Злоупотребление правом налогоплательщика в праве Италии (законодательство, судебная практика и доктрина) и проблемы его правового регулирования в России (www.legis.ru).
 13. См.: <SUPREMA CORTE DI CASSAZIONE SEZIONE QUINTA SENTENZA 25-05-2009, n. 10981> // http://www.cortedicassazione.it/Documenti/11130_05_09.pdf
 14. См. подробнее: Гусев А.М. Злоупотребление правом налогоплательщика в праве Италии (законодательство, судебная практика и доктрина) и проблемы его правового регулирования в России (www.legis.ru).
 15. <http://www.nalog-forum.ru/attachfiles/CFE-doc2007.doc> Заключение Целевой группы CFE ECJ о концепции злоупотребления в европейском праве на основании решений Европейского суда в области налогового права (Документ представлен Европейской конфедерацией налоговых консультантов (Confédération Fiscale Européenne) Совету ЕС, Еврокомиссии и Европарламенту в 2007 г.).
 16. <http://europa.eu.int/cj/index.htm>
 17. См. подробнее: <http://www.roche-duffay.ru/index.html> (Статья «Обоснована ли налоговая выгода?»).
 18. См. подробнее: Суворов Е.Д. Обход закона. Сделка, оформляющая обход закона. М., 2008.
 19. См.: Дэвид Ларо. Актуальные налоговые споры в США // Налоговед. 2012. № 6. С. 71-79.
-

Национально-культурная обусловленность не прямой коммуникации

Т.М. Гуревич

В статье рассматриваются характерные для современного стиля общения на японском языке моменты не прямой коммуникации, речевого и неречевого поведения японцев.

В условиях, когда язык как средство общения оказался скован этикетом, японцы преуспели в умении понимать друг друга без слов.
Всеволод Овчинников

Преподавателей и политиков, бизнесменов и журналистов – всех, чья деятельность связана с общением и передачей информации, – не могут не интересовать вопросы о путях и способах привлечения внимания людей и воздействия на их сознание. Уже ни у кого не вызывает сомнения то, что человек реагирует не только на произнесенные собеседником слова, но и на целый комплекс моментов, сопутствующих высказыванию. Исследователи пользуются различными подходами для изучения коммуникации, выделяя различные области изучения, исходя из идеи взаимосвязи языка и культуры, полагая, что именно культурные различия играют доминирующую роль в любом коммуникативном акте.

На почве японской культуры под воздействием определенных исторических событий сформировался весьма характерный тип не прямой коммуникации. Под не прямой коммуникацией мы понимаем «содержательно осложненную коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата»¹. Японская культура традиционно является культурой домысливания и

бесстрастной коммуникации. Склонность к неговорению, «затушевыванию темы», которые весьма раздражающе действуют на западного человека и вызывают его упреки в скрытности и коварстве Востока, вполне дают основание называть Японию обществом не прямой коммуникации. Специфика японской коммуникации имеет вполне объяснимые культурологические резоны.

Высококонтекстность культуры Японии стала причиной, по которой японцы так часто и естественно прибегают к не прямой коммуникации. В общении японцев основной смысл передается не столько за счет его вербализации, сколько благодаря имеющимся сведениям о партнере по коммуникации и различным нюансам беседы, в которых роль контекста выполняют также интонация, голосовые модуляции, паузы, выражение лица и позы говорящих. В японском дискурсе, так же как и в поэзии или живописи, важным является не столько творческий акт создателя произведения, то есть говорящего, его самореализация, сколько посыл к внутренней работе воспринимающего произведения (в диалоге – реплику).

Несмотря на существенные различия культур разных стран Дальневосточного региона с культу-

Гуревич Татьяна Михайловна – доктор культурологии, к.филол.н., профессор кафедры японского, корейского, монгольского и индонезийского языков МГИМО(У) МИД России. E-mail: tmgur@mail.ru

рологической точки зрения в религиозно-философской традиции этого региона особое значение придается категории «ничто» («пустоты», «незаполненного пространства»). Именно это повышает нагрузку на подтекст, который часто бывает многозначным, что наносит несомненный ущерб собственному тексту. Человеку, воспринимающему мир вовсе не в японских традициях, трудно согласиться с японским лингвистом, который говорит: «Красноречие заключается в том, чтобы не называть вещи своими именами, именно из этого рождаются недосказанность, полутени, сообщение становится интересным»². Или утверждает, что «восточный человек, чем он более велик, тем он менее красноречив»³.

Как в японской классической монохромной живописи оставляются не тронутые кистью *yochi* – «свободные пространства», играющие роль средства более выразительного, чем линия или пятно, так и в японском тексте, как устном, так и письменном, принято оставлять «семантическое пространство» недосказанности, призванное пробудить творческие потенции слушателя или читателя. Немецкий философ и социолог Юрген Хабермас⁴ определяет коммуникационное действие как «взаимодействие минимум двух способных говорить и действовать субъектов», которые «ищут взаимопонимания относительно ситуации действия с целью взаимосогласованного координирования своих планов действия, а следовательно, и своих действий»⁵. Люди в ситуации коммуникационного действия используют «язык в качестве посредника для достижения полного взаимопонимания», отдавая тем самым языку главную роль в достижении цели коммуникации.

Э. Холл⁶, признавая язык важнейшим средством общения, тем не менее утверждает, что 90% всей информации передается невербально. Японцы же, согласно их собственным исследованиям, вступая в контакт с человеком, лишь 7% информации, играющей роль для успешного продолжения общения, получают из его слов⁷. Исследованием вопросов, связанных с непрямой коммуникацией, занимается паралингвистика. Она изучает факторы, сопровождающие речевое общение и участвующие в передаче информации. Средства, которые принято называть паралингвистическими, могут придать смыслу высказывания самые различные оттенки, вплоть до прямо антонимичного, смыслу, передаваемому вербально.

К паралингвизмам относят такие фонационные свойства, как громкость и темп речи, высокий или низкий тон звучания, паузы, мелодику, силу, тембр и обертоны человеческого голоса. Например, простое русское «спасибо» в зависимости от интонационного оформления может передавать целую гамму чувств – от искренней благодарности до презрительного негодования. В этом случае мы наблюдаем действие фонационных параметров, таких, как изменение высоты тона, громкости, темпа произнесения и других характеристик звучания голоса.

Сохраняющееся и поныне своеобразие статуса женщины в японском обществе находит свое яркое отражение в женском речевом поведении. Специфике речевого поведения японских женщин следует посвятить специальное исследование, поскольку различия женской речи, связанные с их родом занятий и социальным статусом, весьма разнообразны и индивидуальны. Здесь же можно лишь отметить, что фонационно женская речь характеризуется большими интонационными модуляциями и более ускоренным темпом, нежели речь мужчин. Женщины обладают высоким мелодическим уровнем голоса, но в целом их диапазон уже, чем у мужчин.

Интонация и другие фонационные параметры отражают не только гендерную характеристику человека, общественный статус, эмоции и отношение к предмету высказывания, но также и его национальную принадлежность. Уже давно как аксиома воспринимается утверждение о том, что вербальное и невербальное поведение людей обусловлено их национальной культурой и воспитанием в условиях определенного социума. Для успеха общения всегда, и уж тем более для общения с представителем другой культуры, необходимо выработать правильную стратегию речевого поведения, что невозможно без правильной социальной, возрастной и психофизической идентификации собеседника.

При разговоре с японцами следует не забывать о том, что они высоко ценят умение говорящего позволить своему оппоненту сохранить лицо. Думается, что отсутствие такого умения у наших бизнесменов, стремящихся во что бы то ни стало загнать собеседника в угол, было причиной многих коммуникативных сбоев во время переговоров с восточными партнерами. Такая манера вести дискуссию, родившаяся еще в университетских диспутах средневековой Европы, абсолютно неприемлема при общении с японцами. Обсуждение проблемы в японском стиле – это *座談会 dzadankai*. Буквальное толкование этого слова точнее всего передается на русском языке как «посиделки», в ходе которых общающиеся, излагая свою точку зрения, стремятся дать возможность собеседнику «не потерять лицо». Недаром у японцев не нашлось родного слова для определения процедуры обсуждения всевозможных проблем и вопросов, например, в ходе конференции, как это принято сейчас в «глобализованном» мире. Для обозначения западного стиля обсуждения японский язык использует заимствование – *パネル・ディスカッション paneru・deisukashon* (от англ. panel discussion).

Практически все, что говорит Хабермас, положительно оценивая коммуникативную компетентность европейца, является в японской культуре признаком коммуникационной незрелости, более того – асоциального поведения. Дискурс европейцев характеризуется «притязанием на значимость», то есть общающиеся «взаимно выдвигают притязания на значимость, которые могут быть приняты и оспорены»⁸. Задачей говорящего является побудить партнера к

рационально мотивированному высказыванию своей точки зрения. «Притязание на значимость» распадается на три другие значимые составляющие: «на истинность высказываний или пресуппозиций существования, на правильность легитимно регулируемых действий и их нормативного контекста и на правдивость изъяснения субъективных переживаний»⁹.

В японской культуре общения, где, как говорилось выше, основным является обоюдное стремление к созданию условий для сохранения лица беседующих, притязанию на значимость противостоит самоумаление говорящего, рациональному высказыванию – принципиальная недосказанность, неконкретность, оставляющая возможность для отступления от неудобного собеседнику мнения без потери лица для обоих; объективности – контекстуальность, правдивости – *социально приемлемое мнение* 建て前 *tatemaе*. Единственным совпадением в данном случае являются легитимность и нормативность – для японцев, возможно, гораздо более значимые, чем для европейцев. Для правильного понимания японцев необходимо обязательно учитывать контекст высказывания, а также то, как (интонационно и в каком невербальном сопровождении) нечто было произнесено. Помимо этих моментов немаловажную роль имеет и то, что не было произнесено, и возможность наличия в речи эвфемизмов, моментов манипуляции или речевой игры.

Поддержание и успех общения во многом зависит от способности общающихся установить ритмичный обмен сигналами передачи, приема и реакции на информацию. Такими сигналами помимо контактоподдерживающих словечек 相づち *aiizuchi*¹⁰ обычно служат направление взгляда, кивки головой, улыбки, движения губ, бровей и другая мимика. Эти кинесические средства являются паралингвистическими. К ним относятся:

- коммуникативные жесты, заменяющие в речи вербальные элементы, например, жесты, означающие просьбу подойти, уйти, замолчать и пр.;
- модальные жесты и мимика, выражающие отношение говорящего и его оценку предметам и явлениям;
- жесты и мимика, выражающие различные чувства и эмоции.

Языку японских жестов, который весьма отличается от того, к которому привыкли мы, посвящены специальные исследования отечественных японоведов Т.Б. Резниковой¹¹ и П.С. Тумаркина¹². В специфике эмоциональных проявлений и использовании тех или иных кинесических средств находят свое выражение традиции и особенности психоэмоционального склада народа. Безусловно, все кинесические средства, наряду с другими паралингвистическими проявлениями, относятся к числу наиболее ярких примеров национально-культурной обусловленности речевого поведения человека.

Они могут не просто дублировать то, что передается словами, порой подчеркивая или, наоборот, умаляя смысл высказывания, но замещать пропу-

щенный вербальный элемент или вносить дополнительную информацию, иногда противоречащую смыслу того, что прозвучало. Многие кинесические средства, прежде всего поклоны и улыбки, служат для гармонизации атмосферы общения.

В современной Японии по сравнению с прошлым этикетные церемонии весьма упростились, приблизились к общепринятому мировому стандарту. Однако не следует полагать, что любой японец уже привык к тому, что надо ответить рукопожатием на соответствующий жест европейца или правильно воспримет помахивание рукой, обращенное к нему в тот момент, когда он поклонился в знак приветствия. Оставляя в стороне легкий поклон – покачивание головы или тела взад-вперед как знак внимания и согласия с собеседником, о «правильном» японском поклоне надо сказать подробнее. Во всех многочисленных японских изданиях, посвященных правилам поведения, обязательно есть отдельный раздел, в котором читателю напоминает (этому учили еще в школе и в детском саду) угол поклона, на который надо согнуться в той или иной ситуации. Так, например, если простой поклон, обязательный при приветствии или произнесении слов благодарности, определяется как наклон тела в 30 градусов, то, извиняясь или приветствуя вышестоящего, полагается согнуться на 45 градусов¹³. Разумеется, иностранцам можно и не соблюдать эти правила, но знание соответствующих норм поведения поможет выстроить правильную стратегию общения с японскими партнерами.

Важными элементами не прямой коммуникации на японском языке являются улыбка, движение глаз, общее выражение лица. В Японии традиционно высоко ценится самоконтроль, самурайская этика культивировала идеал бесстрастного лица в любых ситуациях. Концентрированное внимание при внешней невозмутимости, молчаливость, учтивость и вежливое поведение, сжатые губы, пронизательный взгляд – и сегодня обязательные портретные характеристики сильного и достойного героя любогоходящего на экран японского фильма.

Человек, не сведущий в соответствующих правилах японского этикета, бесстрастность при разговоре может воспринимать как холодность или отсутствие интереса, тогда как в коммуникативном культурном коде этой страны такая бесстрастность является признаком достоинства и серьезности. В свою очередь японцы обычно реагируют на нашу активную мимику в лучшем случае с непониманием, а то и с недоверием, считая это проявлением пантомимических навыков, а не искренним выражением чувств говорящего. Неправильное естественный ход общения: так, нахмуренные брови партнера по переговорам, означающие для нас серьезное отношение к содержанию беседы, японцами воспринимаются в лучшем случае как свидетельство непонимания со стороны собеседника, в худшем – как гнев или неодобрение. В Японии полагается при разговоре, не проявляя эмоций, сохранять приветливое и невозмутимое выражение лица.

■ Культурология

Основа коммуникации для японцев – это улыбка. Помимо того, что это просто признак вежливого и корректного человека, демонстрирующего свое положительное отношение к собеседнику, люди часто улыбаются для того, чтобы не показать своего смущения и разрядить обстановку. Поэтому так часто улыбаются японцы, разговаривая на иностранном языке или просто с иностранцем, – они пытаются улыбкой компенсировать вполне возможное недопонимание своей речи со стороны представителя другой культуры.

Одним из моментов, обращающих на себя внимание при общении с японцами, является их смех в самых различных вариациях – от хихиканья и лстивого смеха до сдавленного смешка, от подавленного смешка до открытого почти хохота фальцетом. Вначале, особенно в женском исполнении, это выглядит очаровательно, но затем серьезность речи, непрерывно пересыпаемой хихиканьем, начинает вызывать сомнение, которое постепенно может перерасти в антипатию к говорящему. Японский собеседник ведет себя таким образом вовсе не из стремления показаться легкомысленным болтуном.

Для японской манеры общения смех вместе с улыбкой является необходимой приятной составляющей любой беседы, как неформальной, так и весьма формальной. Смех соединяет собеседников в специфическом нелингвистическом плане, плане создания гармоничной атмосферы беседы, которая так высоко ценится в японской культуре общения, где отнюдь не вся информация передается словами. К тому же смех является важным моментом для снятия напряжения деловой беседы, ведущейся в рамках жестких ограничений формул вежливости, которые он как бы смягчает.

О феномене неговорения в японском дискурсе говорится уже давно. Молчание, точнее, неговорение, является характерным знаком японской коммуникации¹⁴. Порой слова для японцев вообще бывают не нужны. Они прекрасно преуспели в искусстве непрямой коммуникации и, похоже, часто следуют совету Станислава Ежи Леца: «Иногда

полезно помолчать, чтобы тебя услышали». В рамках данной статьи напомним лишь о том, что в разговоре японцев смысл определяется отнюдь не благодаря значению слов, которое можно узнать в словаре. Большое значение для правильного понимания имеет контекст высказывания, понимаемый в самом широком смысле, и то, как нечто было сказано.

Культурно-национальные стереотипы как вербальной, так и невербальной коммуникации связаны с этикетными нормами общения, со всей совокупностью правил поведения, касающихся отношений между людьми. В известном своей четкой иерархической структурированностью японском обществе имеют место вполне определенные правила обхождения с людьми, манеры поведения, формы приветствий и способы предъявления себя в различных коммуникативных ситуациях. В современной Японии по сравнению с прошлым этикетные церемонии весьма упростились, наблюдается сознательное стремление японцев приобщиться к общепринятым мировым стандартам поведения и общения. Следует отметить, что и сейчас сильно различается манера поведения японцев, которые по роду своей деятельности часто контактируют с зарубежными партнерами, и тех, кто работает только в японской среде, жителей крупных мегаполисов и представителей глубинки. Впрочем, можно с уверенностью утверждать, что мы еще долго будем сталкиваться с отмеченными выше присущими японцам национально-культурными особенностями непрямой коммуникации, независимо от того, с представителем какого слоя японского общества будем общаться.

Gurevich T.M. National and cultural conditionality of indirect communication.

Summary: Research issues related to indirect communication engaged paralinguistics studying the factors that accompany speech communication and engaged in the transfer of information. The funds, which are called paralinguistic can give meaning to a variety of shades of expression, including direct antonymous sense, transmitted verbally.

Ключевые слова

Непрямая коммуникация, передача информации, контекст, дискурс, паралингвистика, фоновые характеристики, кинесика, мимика, неговорение.

Keywords

Indirect Communication, Verbal and Nonverbal Signals, Context, Discourse, Paralinguistics, Phonatory Parameters, Gestures, Mimics, Language Gaps, Silent.

Примечания

1. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. С. 5.
2. Хага Я. Нихондзин но хё:гэн синригаку (лингвопсихология японцев). Токио, 1976 (на японском языке).
3. Танидзаки Д. Понемногу о многом. // «Мать Сигэмото». М.: Наука, 1984. С. 263.
4. Хабермас Ю. Расколотый Запад. М., 2008.
5. Там же: С.11.
6. Hall E. The Silent Language. - New York, London, 1990.
7. Найто К. Дэкиру хито но бидзинэсу мана: (манеры в деловом общении успешных людей). Токио, 2009 (на японском языке).
8. Хабермас, Ю. Расколотый Запад. М.: Весь мир, 2008, С.23.
9. Там же.
10. См.: Горохова Т.Н. Контактподдерживающие слова в японском бытовом диалоге: Автореф. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.
11. Резникова Т.Б. Межкультурные кинесические лакуны в коммуникации русских и японцев: Автореф. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
12. Тумаркин П.С. Лексика, фразеология, жест в японской разговорной речи. М.: Восток-Запад, 2004.
13. См.: Манаа то дзё:сика дзитэн (энциклопедия этикета и основных знаний). Токио, 2007 (на японском языке).
14. Гуревич Т.М. Неговорение в японском дискурсе // Восток и Запад. Альманах 2003–2004. Под ред. акад. В.С. Мясникова. М., 2005. С. 299–306.

К вопросу понимания ментальной репрезентации

Е.А. Лукьянченко

В статье рассматриваются исторически сложившиеся подходы к познавательной деятельности человека в свете ключевых философско-культурных и лингвокультурологических идей, а также современные представления о природе ментальной репрезентации.

Репрезентация – широкое философское понятие, наиболее общее определение которого философские словари дают как «представление одного в другом и посредством другого»¹. Понятие «репрезентация» используется во многих науках, включая психологию, социологию и лингвистику. Согласно Стэнфордской лингвистической энциклопедии, «базовое понятие о ментальной репрезентации связано с компьютерной теорией сознания, предполагающей, что природа когнитивных процессов в получении, хранении и переработке информационных структур того или иного типа. Тем не менее в широком смысле ментальная репрезентация может пониматься как ментальный объект с семантическими свойствами»².

Для лингвистики характерно представление о репрезентации как о «конститутивной функции знака, которая задает знак и сама предстает как знаковый феномен»³. Существует понятие о вторичности репрезентации относительно присутствия, так как репрезентация – это нечто подобное замещению сущности, наше представление о ней. Ментальная репрезентация, согласно Е.С. Кубряковой, – «ключевое понятие когнитивной науки, относящееся как к процессу представления ... мира в голове человека, так и к единице подобного представления, стоящей вместо чего-то в реальном или вымышленном мире и потому замещающей это что-то в мыслительных процессах»⁴.

То есть можно сказать, что человеческий мозг использует для концептуализации мира прием,

похожий на моделирование, то есть создает упрощенную «копию» окружающего мира, чтобы обеспечить себе возможность его изучения.

Ранее господствовало мнение, что основой познавательных процессов человека является отражение. До сих пор существовало представление, основанное на учении о познании Дж. Локка (XVII в.). То же положение долгое время являлось фундаментальным положением отечественной гносеологии. Оно гласит: «познание есть отражение» и понимается главным образом с позиций материалистического сенсуализма. Ныне такая постановка проблемы сознания считается неточной, так как то, что мы воспринимаем, являлось по этой логике эквивалентом, копией действительности. Таким образом, делался вывод о том, что картина мира в нашем сознании полностью идентична самому окружающему нас миру.

Здесь возникает несколько противоречий:

– во-первых, встает вопрос о принципиальной познаваемости мира. Может ли человек, обладая теми чувствами, которыми он наделен от Бога (или от природы), и никакими более, воспринимать действительность такой, какая она есть на самом деле. Это очевидно из простого примера: человек, родившийся с дальтонизмом, не может различать некоторые цвета в пределах известного нам спектра, а человек, лишенный возможности слуха, никогда не узнает, как звучит музыка в нашем понимании этого слова. Некоторым людям не хватает определенных органов чувств или рецепторов, наличие которых в корне изменило бы их представление о мире;

■ Культурология

– во-вторых, если взять языковую картину мира, то, как принято считать в культурологии и лингводидактике, она культурно обусловлена, то есть различна в деталях в разных культурах. Более того, существует такое понятие, как «индивидуальная картина мира»⁵.

Из этого следует, что «зеркальная метафора» в применении к репрезентации неточна, так как нельзя отрицать в том числе и «творчески-созидательные, гипотетически-проблемные подходы, основанные на продуктивном воображении, социокультурных предпосылках, индивидуальном и коллективном опыте»⁶, модифицирующие познавательные процессы человеческого мозга.

Более того, если следовать философии восприятия Вартофского, «человеческое восприятие, имея универсальные предпосылки – биологически эволюционировавшую сенсорную систему, – вместе с тем является исторически обусловленным процессом»⁷. Д.З. Мусин в статье «Роль репрезентации в процессе восприятия в концепции М. Вартофского» пишет: «Вартофский полагает, что реальность существует независимо от восприятия, в то же время она воспринимается нами посредством ... репрезентации. Репрезентации выступают в роли опосредующих «реалий», перцептивных артефактов, которые мы не воспринимаем, но посредством которых мы воспринимаем реальные объекты и процессы»⁸.

Согласно Е.М. Поздняковой, при изучении лингвокультурных феноменов «в настоящее время в рамках когнитивного подхода репрезентации – это не только отношение "реальный мир–язык", но и отношение "реальный мир–сознание"»⁹. Таким образом, современная лингвистика также считает очень важным решение проблемы ментальной репрезентации.

Современное представление о познавательных процессах у ученых разных стран несколько различно. «Отечественная версия когнитивизма (когнитивно-дискурсивная парадигма, впитавшая в себя все наиболее существенные достижения гуманитарных наук второй половины XX в. в нашей стране, а также прогрессивные идеи западных когнитологов первого и второго поколения, идеи функциональной лингвистики, текстового и дискурсивного анализа) имеет достаточно позиций по ряду вопросов методологического характера, отличающихся от установок когнитивного подхода за рубежом. Западным когнитивистам свойственно преувеличение субъективизма ментальных репрезентаций (в том смысле, что отражение в голове человека индивидуально), а также придание языку роли носителя индивидуальных значений и смыслов ведет к принципиальной оторванности человеческой когниции от реального мира, вследствие чего получается, что в результате "конструирования мира" язык – это зеркало субъективных когнитивных процессов человека, а реальный мир существует как бы сам по себе»¹⁰, – утверждает Е.М. Позднякова.

Все сказанное выше не означает, что современное понимание репрезентации лишает познава-

тельный процесс его универсальности: он по-прежнему дает нам возможность знакомства с миром на определенном уровне понимания, доступном человеку. Новый взгляд на определение репрезентации показывает, что в мышлении человека существуют сложные, еще не до конца изученные механизмы, позволяющие ему адаптировать информацию, получаемую им об окружающем мире, к своему сознанию, систематизировать и использовать эту информацию для жизни. Когнитивная наука, изучая этот феномен, работает в тесной вязи с нейрофизиологией, медициной и математикой и таким образом делает еще один шаг в будущее, когда будут изучены механизмы человеческого сознания и появятся предпосылки для создания нового типа искусственного интеллекта, наиболее приближенного к человеческому.

Стоит подчеркнуть, что вопросы когнитивной лингвистики, столь подробно рассмотренные выше на специфическом словарном и учебном материале, отнюдь не являются спонтанным проявлением «смены парадигм». Еще в начале XX в. острые дискуссии развернулись как раз по проблемам соотношения «воспринимаемого» и «воспринимающего». Крайность, предложенная эмпириокритицизмом, – считать, что мир – это лишь «данность», «опыт», и больше ничего, – встретила сопротивление сразу с двух сторон:

– во-первых, это работы психологов, показавших в работе психики наличие устойчивых механизмов, наподобие автоматов, воспроизводящих определенные схемы «восприятий» (и тем самым выходящие за пределы восприятия как такового);

– во-вторых, значительный прорыв представляли собой труды логиков, стремившихся показать зависимость познания (прежде всего познания, в строгом смысле слова, науки) от логических схем, инкорпорированных в психику и организующих с неумолимой последовательностью ее материал.

Интересно, что и тема «философии языка», – допустим, в трудах раннего М. Хайдеггера¹¹, – представлена как критика психологизма и вместе с тем крайнего логицизма. Язык, согласно этой точке зрения, открывает человеку и через человека «другой мир», не сводимый ни к «холодному царству разума», ни к «автоматике» психических реакций¹². Современная лингвокультурология продолжает эту линию интерпретации языковой действительности. Опираясь на критику наивного натурализма, она не склонна полностью отождествлять язык ни с логическими, ни даже с логико-грамматическими формами. При этом, разумеется, именно через языковые средства, то есть прежде всего средства лексические и логико-грамматические, язык раскрывает свое богатое содержание. Оно несводимо, очевидно, и к семиотическим конвенциям.

Вопрос о том, что же стоит за языковым выражением, современная теория познания предлагает решать, отталкиваясь от гипотезы языковой относительности Сепира – Уорфа. Полностью принять такую «соблазнительную» для профессионального преподавателя иностранного языка версию, однако, не представляется

возможным: если язык репрезентирует только картину мира, то он представляет сам себя. Сознание человека настойчиво сообщает, что «за» познанием, репрезентацией, языковыми выражениями «стоит» нечто, не сводимое к сознанию человека (и даже народа как носителя – или создателя? – данной лингвокультуры)¹³. Ментальная репрезентация, таким образом, по-прежнему остается одной из самых интересных тем для философии культуры. Ее раскрытие на материале сравнительной лингвокультурологии

способствует лучшему пониманию границ и перспектив современного «знания о знании» как «знания о человеке».

Lukjanchenko E.A. Towards an understanding of mental representation.

Summary: The article deals with traditional ways of understanding human cognitive processes in terms of key ideas of philosophical, cultural, and linguistic sciences, as well as modern ideas concerning the nature of mental representation.

Ключевые слова

Межкультурная коммуникация, философия культуры, лингвокультурология, ментальная репрезентация, картина мира.

Keywords

Intercultural communication, philosophy of culture, cultural linguistics, mental representation, view of the world.

Примечания

1. Репрезентация. Философский словарь онлайн, открытый доступ: http://dic.academic.ru/dic.nsf/history_of_philosophy/430/РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ.
2. Mental Representation, Stanford Encyclopedia of Philosophy, открытый доступ: <http://plato.stanford.edu/entries/mental-representation/>.
3. Репрезентация. Философский словарь онлайн, открытый доступ: http://dic.academic.ru/dic.nsf/history_of_philosophy/430/РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ.
4. Ментальная репрезентация. Краткий словарь когнитивных терминов, Кубрякова Е.С. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.
5. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: Учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. 5-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 536 с.
6. Микешина Л.А. Философия науки. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2006. С. 88.
7. Там же. С. 92.
8. Мусин Д.З. Роль репрезентации в процессе восприятия в концепции М. Вартофского. Вестник ОГУ. №11 (105)/ ноябрь 2009. С. 124-132.
9. Позднякова Е.М. К вопросу о методологии репрезентационализма // Вопросы когнитивной лингвистики №4. 2007. С. 67–70.
10. Там же.
11. См.: Бибихин В.В. Ранний Хайдеггер. Материалы к семинару. М.: Институт философии. Теологии и истории св. Фомы, 2009. С.35–113.
12. Там же. С.69.
13. Силантьева М.В. Методология изучения реконструкции коммуникативного стереотипа в условиях непрямого диалога культур: лингвокультурологический анализ // Коммуникативистика. №2 (3). 2013. С. 4-8.

Аспирантура в национальных академических системах (опыт Германии и США)

С.А. Душина, Н.А. Ащеулова

В статье анализируются системы подготовки аспирантов в Германии и США, выявляются институциональные особенности аспирантских программ, их связь с академическими системами в целом. На основании документов, немецких статистических баз данных, представлены социально-демографические характеристики докторантов (promovierende), в том числе по исследованиям в предметных областях, по типу трудовой занятости, по финансированию проектов. В статье даются особенности мобильных процессов в рамках национальных аспирантур. Авторы констатируют, что ключевым моментом в организации научных исследований является общественное признание науки и социальный статус ученого.

В настоящее время российский образовательный менеджмент энергично внедряет новые формы организации научной деятельности, отмеченные печатью глобализации. Очередная классификация вузов на глобальные, отраслевые и региональные, создание лабораторий под руководством ведущих зарубежных исследователей, стремление войти во что бы то ни стало в мировые рейтинги и даже выделение грантов для этой цели наиболее амбициозным университетам – следствие этой стратегии. Подобного рода трансформации вызывают исследовательский интерес к организации национальных академических систем, критериям их эффективности, о чем свидетельствует поток отечественных и зарубежных публикаций.

Структурные изменения, наметившиеся в российской научно-образовательной среде, касаются всех институций, в том числе и аспирантуры, во-

круг которой давно ведутся серьезные дискуссии: увеличивать или сокращать число аспирантов, сколько лет обучать, на какую модель ориентироваться? Эти вопросы заставляют обратиться к опыту организации аспирантуры в других странах, прежде всего Германии и США как наиболее конкурентоспособным академическим системам. Государственная научная политика этих стран рассматривает сегодня получение степени не просто как бескорыстное стремление к знанию, а генерация новых знаний становится важнейшим стратегическим ресурсом в инновационной экономике.

Институциональная структура последиplomного образования (индивидуальная модель versus структурированная модель)

Достижение академических заслуг в России во многом несло в себе черты традиционной немецкой академической системы: 5-летнее

Душина Светлана Александровна – к.филос. н., научный сотрудник Центра социолого-наукоеведческих исследований СПбФ ИИЕТ РАН. E-mail: sadushina@yandex.ru

Ащеулова Надежда Алексеевна – к. соц. н., руководитель Центра социолого-наукоеведческих исследований СПбФ ИИЕТ РАН. E-mail: simar@bk.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ «"Бо́льшая" аспирантура и пути ее модернизации в России», проект № 11-03-00700а.

обучение в университете, аспирантура и получение кандидатской степени, затем публикация монографии и защита докторской диссертации. В Германии до вхождения в Болонский процесс академическая карьера также предполагала прохождение трех точек академического коридора. По завершении 5-летнего обучения студенты получали диплом, который назывался вариативно в зависимости от области знания: *Diplom-Studium* (естественные науки), *Diplom-Ingenieur* (инженерные науки), *Lehramt-Studium* (преподаватели), *Magister-Studium* (гуманитарные науки) – М.А. (*Magister/Magistra Artium*). Затем – защита диссертации (*Dissertation*) с присвоением научной степени доктора (*Doktor*), заключительным аккордом становилась публикация монографии (*Habilitation, Habilitations-Schrift*) как условие для получения статуса профессора (*Professor*). В связи с вхождением в Болонский процесс и требованием унификации образовательных стандартов ситуация меняется: Германия, как и Россия, перешла на двухуровневую систему подготовки кадров – бакалавриат и магистратуру. Вместо 5-летнего обучения студенты занимаются 3 года в рамках бакалавриата и 2 года в магистратуре, получая квалификацию *Bachelor/Master of Science* или *Bachelor/Master of Education* (преподаватели). Структура последипломного академического продвижения, предполагающая диссертацию и *Habilitation*, сохраняется. Наиболее проторенной академической тропой, ведущей к степени доктора, следует считать аспирантуру (*Promovieren*), прежде всего ее традиционную форму – индивидуальные аспирантские программы. Но при этом определенное распространение получают структурированные аспирантские программы, напоминающие англосаксонскую модель докторантуры.

В рамках традиционной немецкой модели аспиранты (*Promovierende*) должны сами искать научного руководителя (*Doktorvater* или *Doktormutter*) из профессорско-преподавательского состава вуза и под его кураторством самостоятельно (отдельно или в группе с другими учеными) работать над диссертацией. Германская индивидуальная *Promovieren* в этом отношении схожа с российской аспирантурой – ее ядром являются отношения аспиранта и научного руководителя. Многие аспиранты в области гуманитарных и социальных наук работают в основном самостоятельно дома, «исключительно номинально контактируя с профессором, которому когда-нибудь может быть представлена диссертация»¹. Продолжительность обучения зависит от самостоятельного планирования времени или от срока предоставления места в аспирантуре и, как правило, длится от трех до пяти лет. Аспирант сам выбирает и учреждение, в котором намерен вести исследовательскую работу, – университет, внеуниверситетское научно-исследовательское учреждение или промышленное предприятие.

В Германии существует разветвленная сеть исследовательских институтов (подобие академических институтов РАН) общества Макса Планка (MPG), Гельмгольца (Helmholtz-

Gemeinschaft), Лейбница (WGL) и Фраунгофера (*Fraunhofer-Gesellschaft (FhG)*), которые сотрудничают с университетами, с тем чтобы иметь право присуждать докторские степени. Исследовательские организации предлагают аспирантам стипендии или срочные трудовые договоры (или их комбинацию). Помимо того, в Германии, как известно, мощно развита корпоративная наука. Промышленные компании сотрудничают с университетами и научными структурами, создавая собственные исследовательские институты, где аспиранты под руководством профессоров также могут заниматься докторскими проектами, получая финансирование от работодателя, который заключает с ними неполные временные контракты. И научно-исследовательские институты, и промышленные компании публикуют вакансии на своих сайтах и в интернет-порталах.

В отличие от индивидуальной программы, основанной на свободе, гибкости обучения и ответственности аспиранта, структурированные программы включают учебный план с обязательным посещением лекций или семинаров, с промежуточной аттестацией (*credit points*). Они, как правило, направлены на формирование академических навыков, например освоение презентационных техник, на развитие способности к продвижению технологических достижений в профессиональной среде и т.д.². При этом аспирант получает стипендию от университета (определенное время), его курирует исследовательская команда, имеющая сильную международную ориентацию. Систематическое и интенсивное руководство в рамках этих программ, как правило, позволяет защитить докторскую диссертацию в течение трех, а не десяти лет, написать не пятьсот страниц текста, а двести. Исходя из этого понятно, что структурированная аспирантура в большей степени нацелена на результат – защиту диссертации – и позволяет избежать некоторых слабых мест индивидуальной формы, в том числе неэффективного руководства со стороны научного руководителя.

Различие индивидуальных и структурированных программ опосредованно связано с дифференциацией академических систем. Немецкий гумбольдтовский университет – это модель тесной связи исследования и образования. Американские университеты импортировали в свою образовательную систему этот образец и довели его до совершенства, можно сказать, что «копия» превзошла «оригинал». Но есть определенное различие в рамках этих национальных систем: немецкие университеты ориентированы на специализированное образование, это тем более относится к аспирантуре, в то время как американские университеты – на широкую подготовку, что сказывается и на структурированных докторских программах.

Однако даже при самом поверхностном рассмотрении очевидно, что обе модели практически ориентированы и стремятся создать молодым ученым-докторантам, как

замечает Л. Ориоль, «благоприятный режим выхода на рынок труда»³. Вот что говорит об этом в социальных сетях наш соотечественник, обучающийся в аспирантуре Ольденбургского университета (Германия): *«Образование здесь «практикоориентированное. Одна моя русская знакомая учится по обмену в Fachhochschule (аналог нашего технического института) на строительной специальности. Здесь на семинарах они разбирают проекты застройки, которые сейчас планируют внедрять. В московском вузе, где она училась ранее, преподаватели читают сухую и скучную теорию, не относящуюся к реальной жизни. Студенты – биологи и химики во время практики и работы над курсовыми в Германии получают опыт работы на современных приборах и знают последние научные методы. Поэтому здесь меньше разрыв между образованием и практикой»*⁴.

По сути, аспирантура в Германии является институтом, где пересекаются образование, наука и бизнес, где создаются инновации и начинается профессиональная карьера молодого специалиста. Важно обратить внимание на еще одно обстоятельство – прозрачность немецкого академического рынка: всю необходимую информацию об аспирантуре, научных руководителях, вакансиях, научно-исследовательских учреждениях, фондах можно найти на сайтах, там же можно заполнить онлайн-формы, задать вопрос и т.д. Целевая аудитория – глобальная.

Это в полной мере относится и к американской аспирантуре (докторантуре), правила приема в которую предельно объективированы, носят публичный характер. При этом и факультеты, и учащиеся состязаются за позиции, исходя из формализованных оценок качества. Оценки, полученные учащимися за GRE (Graduate Record Examination), общенациональный стандартизированный тест, являются основой для решения факультета о зачислении. Документооборот при этом идет по e-mail и почте, требования и даты доступны онлайн. Понятно, американская система аспирантуры также ориентирована на мировой рынок: рекрутировать талантливых выпускников вузов отовсюду. Нам неизвестны случаи подобной организации аспирантуры в России. Результат очевиден, мы теряем талантливых специалистов. Захочет ли обладатель PhD вернуться в Россию, на «локальный рынок» с непрозрачными правилами?

Система германской аспирантуры (Promovieren) устроена так, что стипендия (тем более работа по контракту) позволяет заниматься научными исследованиями. Главное – найти возможность ее получить. Вот как эту ситуацию комментирует один Promovierender: *«Я как аспирант сконцентрирован полностью на науке. У меня большая стипендия – 1460 евро в месяц, на них можно спокойно жить: снимать жилье, питаться, одеваться и развлекаться. Не нужно подрабатывать. Я могу ездить на конференции,*

*все расходы оплачиваются лабораторией. Имею возможность работать с нужным оборудованием, несмотря на его высокую стоимость. К примеру, если тебе необходим специальный микроскоп, даже если он дорогой, его покупают. Хотя, конечно, к сверхдорогому оборудованию доступ обильный у нескольких лабораторий»*⁵.

Это обстоятельство невольно наводит на сравнение с организацией российской науки. Согласно данным социологического опроса, проведенного в 2012 году Центром социолого-наукоедческих исследований СПбФ ИИЕТ РАН, подавляющее большинство молодых научных сотрудников на вопрос анкеты: «Что в наибольшей степени отвлекает вас от собственно научной деятельности?» – выбрало позицию: «бытовая неустроенность, отсутствие собственного жилья».

Конечно, идеальных форм подготовки аспирантов не существует. С тех пор как образование стало массовым, связь между выпускниками и рынками труда ослабла. Каналы обучения принимают значительно больше людей, чем требуют академические рынки. В этой связи Бертон Р. Кларк пишет: «Историческая перспектива четкой, элитарной занятости исчезла. Просто стало слишком много людей»⁶. Это в полной мере относится и к немецкой аспирантуре.

Аспиранты – «early career researchers»

Двухуровневые системы высшего образования, как правило, сочетают в себе открытый и ограниченный доступ: на первый (низший) – бакалавриат – могут принимать всех (или почти всех), на второй уровень – магистратуру – доступ селективен, что обусловлено прежде всего лимитированными возможностями рынка. Б.Р. Кларк, анализируя академические системы, замечает по этому поводу: «Низший уровень занимается отсевом для более высоких уровней, точно так же, как средняя школа занимается отсевом для высшего образования...»⁷. Иерархия образовательных уровней позволяет отсеивать при переходе с одной ступени на другую. Это означает, что в многоуровневых системах существует не столько проблема «входа», сколько проблема «выхода» студента на разных этапах обучения. В определенной степени это относится к организации аспирантуры в Германии и в США.

По данным Федерального статистического управления (Германия) (Statistisches Bundesamt, 2012), число аспирантов в Германии (Promovierende) на зимний семестр 2010 – 2011 гг. достигло 200 400 человек. Гендерный состав аспирантов в Германии: 118 700 – мужчин, 81 700 – женщин. Женщины доминируют в филологических и культурологических науках, искусствоведении, медицинских науках.

В России в 2010 г. насчитывалось 157 437 аспирантов и 4418 докторантов⁸. На тысячу жителей в Германии приходится 2,45 аспиранта, в то время как на тысячу жителей в России – 1,09

аспиранта⁹. В среднем на одного профессора в Германии приходится 9 Promovierende¹⁰. В рамках индивидуальной аспирантуры на внутренних программах (Interne Promoution) обучается подавляющее число аспирантов – 134 700, на внешних программах (Externe Promoution) – 49 100, в структурированной аспирантуре – 16 600 человек.

Различие внутренних и внешних аспирантских программ обусловлено тем, привлечен ли аспирант к исследованию/преподаванию в университете. Внутренняя аспирантская программа означает, что аспирант преподает в университете или работает в проекте, что обеспечивает тесную профессиональную коммуникацию с профессором и открывает блестящие возможности научной карьеры. В такие проекты привлекают лучших, подающих большие надежды молодых исследователей. Это классический путь для настоящих ученых. Внешняя программа указывает на то, что аспирант не работает в университете, не занят проектом. Он связан только с руководителем, то есть может время от времени видаться с ним или общаться по электронной почте (как часто происходит и в российской аспирантуре). В этом случае он может получать стипендию (в Германии существует множество фондов), может параллельно работать (учителем/юристом/бизнесменом) или даже быть домохозяйкой. Однако все эти пути жестко не отделены друг от друга, допускается переход с одной формы обучения в другую, все подвижно, flexible, – академическая свобода.

Подавляющее число аспирантов состояли в трудовых отношениях с работодателем – 156 600 (83 %), из которых 126 000 человек (76%) работали в высшей школе, прежде всего в области естественных и инженерных наук, 12 400 аспирантов (8%) были заняты во внеуниверситетских исследовательских учреждениях, а оставшиеся 16% – в промышленности. Такого рода практики трудоустройства в соответствии с научными исследованиями дают возможность уйти от вторичной занятости и не отвлекаться на поиски средств на науку и текущие нужды. К тому же значительная часть аспирантов – 52 300 человек (26% от общего числа) финансировались за счет государственных фондов. Из них большая группа – 20 500 (39%) – получила поддержку от DFG, 7500 (14%) – от министерства науки Земли, 4800 (9%) спонсированы фондом, финансирующим таланты, наконец, 2700 аспирантов (5%) – DAAD.

Жестких фильтров (специальных экзаменов) при приеме в аспирантуру в Германии нет, как нет и соперничества между университетами за отбор лучших студентов, в отличие от США или Англии. Стать аспирантом в Германии может каждый, кто найдет средства к выживанию и профессора, который согласится на научное кураторство. Однако путь молодого исследователя тернист: как правило, на защиту диссертации уходит куда больше времени, чем планируется при поступлении, так что в 2010 г. успешно защитили диссертации 25 600 Promovierende (для сравнения: в России в 2010 г. – 10 770). В Германии эта цифра остается примерно постоянной на протяжении последних 10 лет.

В США зачисление в аспирантуру (на докторские программы) также демократично, за исключением «статусных» университетов, но существует проблема «схождения с дистанции». Так, в университетах США обучение в аспирантуре зачастую предполагает два этапа. Первый этап длится, как правило, 2 года и заканчивается выдачей сертификата о специальных обучающих программах, направленных на формирование «социальных компетенций» (структурированная аспирантура). Второй этап посвящен исследовательской деятельности, он значительно дольше первого и нередко бывает незавершенным. Таким образом, организация современных аспирантских программ не столь избирательна на «входе», сколько селективна в процессе обучения и исследовательской практики.

Почему докторанты не завершают свои докторские исследования? Сама система аспирантуры предполагает (закладывает риски) схождения с дистанции. По некоторым оценкам, даже в США, в стране с традицией структурированной аспирантуры, от 40 до 50% докторантов не представляют к защите диссертации¹¹, а в гуманитарных науках этот процент еще выше. Б. Ловвитс и К. Нелсон в статье «Скрытый кризис высшего образования»¹² показывают, что «потери» отнюдь не связаны с отсеком худших докторантов, не обладающих определенными компетенциями. Существенной разницы в квалификационных показателях тех, кто получил докторскую степень, и тех, кто не получил, не выявлено. Причины кроются не только (и не столько) в личных мотивах (прежде всего финансовое положение), сколько в структуре аспирантуры, в когнитивной карте развития докторанта и в возможностях его интеграции. Неопределенность на различных этапах исследования (выбор темы и ее экспликация), изоляция, отсутствие взаимодействия и общения с профессором и группой аспирантов, туманность профессиональных перспектив не способствуют результативному завершению аспирантуры.

Большинство аспирантов в Германии ведут исследования в области естественных наук (Mathematik, Naturwissenschaften) – 58 400 чел. (29%); 44 500 аспирантов готовят диссертации по инженерным наукам (Ingenieurwissenschaften), что составляет 22% от общего числа; филологией и культурологией (Sprach- und Kulturwissenschaften) заняты 38 700 аспирантов (19%); в области социальных наук, экономики и права (Rechts-, Wirtschafts- und Sozialwissenschaften) – 35 900 аспирантов (18%); в сфере медицины и здоровья (Humanmedizin/Gesundheitswissenschaften) – 8300 молодых исследователей (4%); ветеринарной медицине – 2500 чел.; в области сельскохозяйственных наук (Agrar-, Forst- und Ernährungswissenschaften) исследования ведут 5600 аспирантов; в области искусства и искусствоведения (Kunst, Kunstwissenschaft) – 4000 чел., иное – 1400 (2500) (см. рис. 1).

Рис. 1

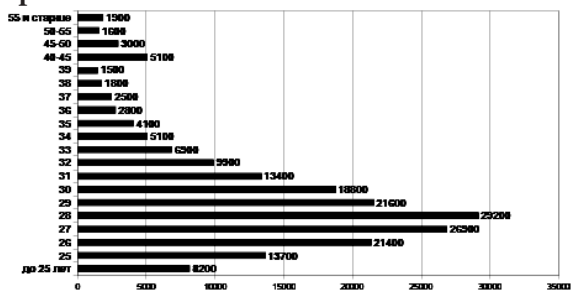
Источник: Statistisches Bundesamt. Promovierende in Deutschland, 2010. Statistisches Bundesamt, Wiesbaden 2012. URL: https://www.destatis.de/DE/Publikationen/Thematisch/BildungForschungKultur/Hochschulen/Promovierende5213104109004.pdf?__blob=publicationFile

Эта структура исследований характеризует развитые экономики с мощными медико-биологическими и информационными сегментами. В России больше всего аспирантов (да и докторантов) сосредоточены в области технических наук (38 694 чел.), аналогичная ситуация со специализацией складывается в Китае, государствах Центральной и Восточной Европы (Болгарии, Польше, Румынии, Словакии). Естественные науки преобладают среди PhD students в США, Дании, Бельгии, Австралии.

Студенты в европейских странах и США позже начинают обучение в вузах (гимназии заканчивают в 19–20 лет), затем 5 лет учатся в университете, после чего могут поступать в аспирантуру. В среднем процесс получения научной степени занимает 5–6 лет, в гуманитарных дисциплинах – немногим больше. Но никакой унификации здесь нет – над диссертацией можно работать и 10 лет – все зависит от университета, аспирантской программы, финансирования и т.д. В связи с этим возникает вопрос о социальном статусе аспиранта. Аспирантура – это не продолжение обучения, но начало профессиональной карьеры. Аспирант – молодой исследователь, начинающий академическую карьеру «early career researchers»¹³. Такую социальную позицию аспиранта на академических рынках лоббирует EuroDoc (The European Council of Doctoral Candidacies and Junior researchers <http://www.eurodoc.net/>). На рынок труда докторанты выходят чаще всего в возрасте 30–32 лет (см. рис. 2).

Рис. 2

Возрастная структура аспирантов в Германии

Источник: Statistisches Bundesamt. Promovierende in Deutschland, 2010. Statistisches Bundesamt, Wiesbaden 2012

«Открытый вход» в аспирантуру и высокий процент отсева, а также демографические характеристики аспирантов указывают на то, что научное поле в странах с развитыми экономиками плотное и конкурентное. Академическая карьера усложняется сокращением постоянных ставок, молодые исследователи до 40 лет работают, как правило, на временных позициях, до получения постоянной ставки им приходится менять два-три раза место работы. Учитывая перепроизводство «остепененных» специалистов, многие находят себе профессиональное применение за пределами академических рынков, в том числе и в бизнесе, где они конкурируют с бакалаврами и магистрами, получившими более широкую неспециализированную подготовку. Надо заметить, что устойчивые представления о занятости в европейской традиции претерпели серьезную эволюцию. До того, как образование стало массовым, «лучшие» выпускники вузов не должны были идти в промышленность или торговлю. «Университет не нуждался в поддержке бизнеса; в свою очередь, экономика не нуждалась в высшем образовании. Никаких «мостов» с бизнесом не было: выпускники знали, что работа в бизнесе – это последний выход, понижение статуса и жизненная неудача», – пишет по этому поводу Б. Р. Кларк¹⁴. В американской системе сложилась иная традиция: занятость в частном секторе была не только легитимной, но и предпочтительной.

Сегодня работодатели отмечают определенное несоответствие докторского образования потребностям рынка. М. Nerad¹⁵ обобщенно формулирует критические соображения следующим образом: слишком узкая подготовка, отсутствие ключевых профессиональных навыков, нехватка организационных и управленческих качеств, неумение эффективно работать в команде, плохая информированность о трудоустройстве вне науки, слишком долгий «переходный период» от завершения аспирантуры и получения степени к стабильной занятости. Поэтому модернизация докторских программ в Европе, «дрейф» в сторону структурированной аспирантуры в Германии, появление «doctoral schools» во Франции, следует рассматривать как «уступку» со стороны академического сообщества рынку. При всех сложностях академической карьеры поток аспирантов не истощается. По-видимому, это обстоятельство объясняется высоким социальным престижем профессорской деятельности. Профессор в Германии это – хорошо оплачиваемая должность и высокий социальный престиж, то есть работать в университетах, в научно-исследовательских институтах или в бизнесе с общественных позиций одинаково престижно. Выбор зависит от индивидуальной оценки.

Мобильные потоки: классический сценарий

Анализируя образовательную мобильность, следует исходить из трех соображений общего характера:

– во-первых, ее следует рассматривать как частный случай мобильности вообще, главная движущая сила которой заключается

в возможностях социальных агентов повысить жизненные шансы, в том числе реализовать профессиональные возможности;

– во-вторых, в инновационных экономиках разворачивается борьба за главный стратегический ресурс – «мозги»;

– в-третьих, в серии документов, разработанных и принятых в рамках Болонского процесса, мобильность поощряется и рассматривается как средство, способствующее получению всестороннего «европейского» образования по выбранному направлению и обеспечивающее доступ в признанные центры знаний, где традиционно формировались ведущие научные школы. В рамках Болонского процесса различают два вида академической мобильности: вертикальную и горизонтальную. Под вертикальной мобильностью подразумевают полное обучение студентов по программам магистратуры/аспирантуры и получение степени в зарубежном вузе, под горизонтальной — обучение в течение ограниченного периода (семестра, учебного года).

Как отмечают многие исследователи, вертикальная мобильность, в отличие от горизонтальной, получает широкое распространение в странах развитых экономик ввиду конкуренции за таланты. В Германии, согласно Федеральному статистическому управлению, в аспирантуре обучается 22 100 иностранцев (лиц, не имеющих гражданства Германии), что составляет 11% от общего числа, из Европы – 11 400 чел., из Азии – 7200, из Америки – 1700, из Африки – 1600. Наиболее детализированная статистика по международной мобильности, подготовленная Германской службой академического обмена (Der Deutsche Akademische Austauschdienst (DAAD) и Институтом исследований высшей школы (das Institut fuer Hochschulforschung (HIS-HF), содержится в ежегоднике «Wissenschaft weltoffen (Daten und Fakten zur Internationalität von Studium und Forschung in Deutschland)»¹⁶. Согласно этим данным, самое большое число иностранных ученых, работающих в Германии, являются выходцами из Китая, России, США и Индии. Эти же страны более всех поставляют и аспирантов в немецкие исследовательские учреждения (см. табл. 1).

Таблица 1

Количество иностранных аспирантов из топ-стран-доноров

Страна-донор	Год								
	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
	Количество (чел.)								
Китай	625	620	626	701	782	839	1007	1066	1020
Россия	781	784	736	854	915	858	802	844	826
Индия	540	609	637	692	712	668	669	750	793
США	293	337	386	468	538	562	543	555	434

Источник: Wissenschaft weltoffen 2012 (Daten und Fakten zur Internationalität von Studium und Forschung in Deutschland). 2012. S. 81 URL: http://www.wissenschaftweltoffen.de/publikation/wiwe_2012_mit_links.pdf

Подавляющее число аспирантов пребывает в Германии на программах от 7 месяцев до 3 лет.

Краткосрочные визиты (до полугода) практикуют немногие. Большинство (более 30%) работают над исследованиями в области естественных наук, затем следуют молодые ученые, занимающиеся инженерными науками, на третьем месте – докторанты в области социальных наук, экономики и права. Германия использует многочисленные возможности поддержки зарубежных аспирантов: самой крупной организацией, выдающей стипендии для зарубежных аспирантов, является Германская служба академических обменов (DAAD). Сеть Институтов немецкой культуры им. Гете по всему миру, многочисленные программы обмена и стипендиальная поддержка говорят о том, что Германия активно «выискивает» и «выкачивает» таланты по всему миру. «Случай Германии» очень хорошо вписывается в классические объяснительные конструкции мобильности «притяжение – отталкивание», «центр – периферия». Еще более показательны в этом отношении США: по данным Национального научного фонда, в 2009 г. доля иностранцев, получивших PhD в области S&E (естественных и инженерных наук), составила 57%, в области IT (computer science) – 54%, в области физических наук – 51%¹⁷. Здесь доминируют выходцы из Азии – Китая, Индии, Южной Кореи.

Немецкие ученые предпочитают для своей профессиональной реализации страны Западной Европы и Северной Америки. Здесь тоже все классически – между странами с развитыми экономиками устанавливается циркуляция интеллектуальных потоков, по сути конкуренция за «мозги». Регионы, наиболее предпочитаемые для исследований немецкими аспирантами: Западная Европа – 1102, Восточная Европа – 280, Северная Америка – 562, Восточная Азия – 219 (см. табл. 2).

Таблица 2

Количество немецких аспирантов в топ-странах-реципиентах

Страна-реципиент	Год								
	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
	Количество (чел.)								
США	526	775	644	681	814	691	736	677	526
Великобритания	472	352	370	368	412	358	407	361	373
Индия	540	609	637	692	712	668	669	750	793
Франция	177	178	178	191	205	146	157	160	178
Италия	155	119	121	135	136	142	118	125	166
Швейцария	84	111	115	119	114	106	134	99	128

Источник: Wissenschaft weltoffen 2012 (Daten und Fakten zur Internationalität von Studium und Forschung in Deutschland). 2012. S. 88 URL: http://www.wissenschaftweltoffen.de/publikation/wiwe_2012_mit_links.pdf

Обращает на себя внимание тот факт, что аспиранты из Германии в большинстве своем выезжают за рубеж не на длительный период, самая большая группа (чуть менее 40%) находится в стране пребывания от 7 месяцев до 1 года и около 45% – от 1 месяца до полугода

(это «горизонтальная мобильность», в терминах Болонских документов). Приоритетными направлениями исследований являются социальные науки, экономика, право, а также филология и культурология. Что же касается постдоков, то ситуация иная – более 70% постдоков находят себе проекты в области естественных наук, более 40% постдоков выезжают за рубеж по долгосрочным программам (до 2 лет). Возможно, это обстоятельство объясняется тем, что получить в Германии постоянную ставку сложнее, чем, например, в США, а уровень безработицы и незанятости среди докторов наук в Германии выше, чем в Америке. По некоторым данным, немецкая наука организована так, что в университетских центрах только 17% ставок представляют постоянные позиции, остальные – временные позиции, то есть значительно меньше, чем в университетах США, где их около 50%. Должность *tenure* – высшая награда для тех, кто предпочел академическую карьеру. Профессор *tenure* – это единственная привилегированная позиция в системе рабочих мест США, которая не позволяет уволить с работы и сохраняет независимость от администрации.

Post Scriptum

Институт аспирантуры «вмонтирован» в академическую систему, поэтому его невозможно модернизировать, не модернизируя науку в целом. Можно требовать увеличения числа защит в срок, можно расширять или сокращать прием аспирантов, создавать открытую информационную систему работы аспирантуры в университетах, но эти меры сами по себе – всего лишь паллиатив. Анализируя функционирование национальных аспирантур (которые все-таки сохраняют особенности при общем стремлении образовательного менеджмента к унификации), можно сделать некоторые обобщения.

Системы аспирантуры создают и поддерживают внутри себя плотное и конкурентное поле, которое обеспечивается притоком мотивированных и конкурентоспособных выпускников вузов. Общественное признание науки и социальный статус ученого высоки как в Германии, так и в США, сфера науки вполне конкурентоспособна с бизнесом, финансами. По этой причине в научные исследования идут не только те, кого интересует «познание ради самого познания», у кого доминируют когнитивные стимулы (или депривированные), но и те, кто не лишен иных амбиций (помимо когнитивных стимулов есть еще экономические и социальные). Аспирантура в Германии и США обеспечивает «массовый» приток аспирантов, создавая «фильтры» в процессе обучения.

В этом смысле примечателен один сюжет из истории конкурентоспособности американской науки, о котором вспоминает Б. Барбер: «Политическая и идеологическая среда в США полностью изменилась, конечно, после успешного

запуска русского спутника в 1957 г. Американское презрение русской науки было отброшено, и большие ресурсы потекли в университеты»¹⁸. Академик Г.Ф. Гаузе, вернувшись из США, где участвовал в конференции, рассказывал, что его как представителя советской науки «благодарили» американские ученые за запуск спутника – зарплата американских научных сотрудников, независимо от их ранга, увеличилась вдвое¹⁹.

Финансирование научных исследований, возможность привлечь аспиранта в научные проекты, на временные ставки в университеты, исследовательские институты, наличие множества фондов, оплачиваемые командировки, доступ к научному оборудованию – это те необходимые условия, которые формируют каналы интеллектуальных потоков в наукоемкие страны. Мобильность – способ существования молодого ученого в современной организации производства знания – обусловлена временными ставками постдока, а также «лишними людьми» на академических рынках, стремлением в конкурентной борьбе заполучить таланты. Мобильность имманентна организации европейской и американской науки.

Вокруг организации аспирантских программ ведутся серьезные дискуссии. Политика универсального менеджериализма, критерии научной продуктивности оказываются в поле критики профессуры и докторантов²⁰. Однако когда какую-либо структурную особенность в организации науки пытаются «анклавно» внедрить в российский контекст, не делая системных изменений (например, введение ставок постдоков), то это мало что меняет в действительности. Дело не только в копировании деталей организации исследований или «аксессуаров» научного знания, но и в понимании ключевой проблемы – общественного признания науки и интеллектуального капитала как важнейшего стратегического ресурса. До тех пор пока социальный престиж науки в обществе низкий, а отношение к ученому у государственных чиновников подозрительное, в немецких научных ежегодниках будут появляться подобные заголовки «Die meisten Wissenschaftler kommen aus China und Russland» (Wissenschaft weltoffen 2012, 80).

Dushina S.A., Ashcheulova N.A. Postgraduate study in national academic systems (experience of Germany and USA).

Summary: *This paper investigates the German and USA system of post-graduate training, with a special focus on the institutional features of the post-graduate courses. Based on the German statistical databases, it undertakes a detailed analysis of socio-demographic characteristics for doctoral students (promovierende), the types of employment, the financing of projects. This paper will also highlight the peculiarities of mobility processes in the framework of the national post-graduate courses. The authors take note that the key points for the organization of scientific research are the public recognition of science and social status of scientists.*

Ключевые слова

Аспирант, институциональная структура, академическая система, мобильность, социальный престиж.

Keywords

Post-graduate student, the institutional structure, the academic system, mobility, social prestige.

Примечания

1. Clark B.R. Places of Inquiry: Research and advanced Education in modern Universities. University of California Press, 1995. P. 44
2. Подробное описание компетенций для третьего цикла высшего образования см.: Лебедева М.М., Барабанов О.Н., Никитина Ю.А. при участии Касаткина П.И. Аспирантский уровень подготовки по международным отношениям // Вестник МГИМО – Университета. 2010. №3(12). С. 212
3. Ориоль Л. Доктора наук: карьера, востребованность, международная мобильность // Форсайт. 2010. Т.4, № 4. С. 27.
4. Doktorand или русский аспирант в Германии, 2008 [Электронный ресурс] URL: http://spb.rabota.ru/vesti/career/doktorand_ili_russkij_aspirant_v_germanii.html Дата обращения: 10 ноября 2012 г.
5. Doktorand или русский аспирант в Германии, 2008 [Электронный ресурс] URL: http://spb.rabota.ru/vesti/career/doktorand_ili_russkij_aspirant_v_germanii.html Дата обращения: 10 ноября 2012 г.
6. Кларк Б.Р. Система высшего образования: академическая организация в кросс-национальной перспективе. М.: ВШЭ, 2011. С. 71.
7. Кларк Б.Р. Система высшего образования: академическая организация в кросс-национальной перспективе. М.: ВШЭ, 2011. С. 70.
8. Наука, технологии, инновации в России / гл. ред. Л.Э. Мендели. М.: ИПРАН РАН, 2011. С. 11.
9. При всех сетованиях о чрезвычайно «раздутым» приеме в аспирантуру в России нам до Германии еще далеко. Однако дело не в простом сравнении цифр, речь идет о различных подходах и образовательных моделях.
10. Профессор Кристоф Вульф в интервью журналу «Социология и социальная антропология» сообщил, что руководит 35 аспирантами только по традиционной (старой немецкой) индивидуальной программе. Интервью с профессором Кристофом Вульфом. Антропология: призвание и профессия // Социология и социальная антропология. 2010. № 3. С. 8.
11. Mau S, Gottschal K. Strukturierte Promotionsprogramme in den Sozialwissenschaften // Soziologie, 2008, Jahrgang 37, Heft 1. P. 42
12. Lovvits B., Nelson K. The Hidden Crisis in Graduate Education: Attrition From Ph.D. Programs [Электронный ресурс] URL: <http://www.aaup.org/AAUP/pubsres/academe/2000/ND/Feat/lovi.htm> Дата обращения: 10 ноября 2012 г.
13. Kehm B.M. Doctoral education in Europe and North America: a comparative analysis 2006 [Электронный ресурс] URL: <http://www.portlandpress.com/pp/books/online/fyos/083/0067/0830067.pdf> Дата обращения: 10 ноября 2012 г.
14. Кларк Б.Р. Система высшего образования: академическая организация в кросс-национальной перспективе. М.:ВШЭ, 2011. С. 125.
15. Nerad M. The PhD in the US: criticism, facts, and remedies. Higher Education Policy, 2004, № 17. P. 187.
16. Wissenschaft weltoffen 2012 (Daten und Fakten zur Internationalität von Studium und Forschung in Deutschland) [Электронный ресурс] URL: http://www.wissenschaftweltoffen.de/publikation/wiwe_2012_mit_links.pdf. Дата обращения: 10 ноября 2012 года.
17. Science and Engineering Indicators 2012, 5 [Электронный ресурс] URL: <http://www.nsf.gov/statistics/seind12/pdf/c02.pdf> Дата обращения: 10 ноября 2012 г.
18. Barber B. Some patterns and processes in the development of a scientific sociology of science: notes from a sixty-year memoir // Science Studies, 1996, Volume 9, №1. P. 28.
19. Личное сообщение д. филос. н., главного научного сотрудника СПбФ ИИЕТ РАН Я.М. Галла.
20. Показателен в этом отношении новый Рейтинг оценки качества аспирантских программ, разработанный Национальным исследовательским советом США (NRC 2010). Его новые критерии сразу попали в прицел критики научного сообщества, например пренебрежение качеством журналов, в которых публикуются авторы или исключение монографий из общего массива публикаций в некоторых отраслях знаний; сам временной период оценки докторских программ (2005 г.).

Образование и развитие личности в информационно-коммуникационной деятельности

А.В. Гагарин, Л.К. Раицкая

В статье рассмотрены возможности перехода к личностно-ориентированной парадигме через включение личности в специально организованную информационно-коммуникационную деятельность в интернет-среде, определена сущность, особенности и функции указанной деятельности.

В современных условиях глобальной информатизации общества во всех областях жизнедеятельности человека получают распространение сложные и высокотехнологичные устройства, идет активное совершенствование и развитие соответствующих (информационно-коммуникационных) технологий и средств, применяемых в образовательном процессе на различных его этапах и уровнях¹. Очевидно, что при этом постоянно нарастает количество различных информационных продуктов в результате беспрецедентного увеличения скорости обмена информацией. Именно поэтому современное образование личности на разных этапах ее обучения и развития должно базироваться на качественно новых (в плане получения и осмысления информации, в том числе учебной) принципах ее подготовки к эффективной жизнедеятельности.

Традиционно образовательный процесс был направлен на трансляцию «готовых» знаний, которые могли способствовать более или менее успешной социализации личности, ее стабильной жизнедеятельности на различных

этапах личностного и профессионального становления (дошкольное воспитание, школа, вуз, послевузовская подготовка, повышение квалификации). Сегодня в активно развивающемся, изменяющемся информационном обществе личность должна быть готова к деятельности (учебной, профессиональной, практической и т.д.) в условиях непрерывно и быстро изменяющейся информационной среды.

И в этой связи на первый план выходит соответствующая подготовка личности:

- к эффективному самостоятельному взаимодействию с указанной средой;
- к продуктивному самостоятельному решению личностных и профессиональных задач, в том числе к самостоятельному прогнозированию «траектории» собственного развития;
- к эффективному межличностному и информационно-коммуникационному взаимодействию;
- к освоению и переработке информации, к деятельности в сложных, противоречивых, неопределенных и даже экстремальных жизненных ситуациях.

Гагарин Александр Валерьевич – д. пед. н., профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Раицкая Лилия Климентовна – к.э.н., доцент, заведующая кафедрой английского языка № 5 МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Именно поэтому на современном этапе реально важен и необходим активный переход от знаниевой парадигмы образования и развития личности к парадигме, в основе которой лежит подготовка личности к самообеспечению активной и продуктивной жизнедеятельности в глобальном информационном социуме. И в данном случае речь должна идти не о кардинальной «смене» парадигм, а прежде всего об интеграции традиционной российской (общественно-ориентированной, «деятельностной») и инновационной глобальной (индивидуально-ориентированной, «компетентностной»). В свою очередь, это предопределяет как специфику функционирования личности в современных условиях общего информационного пространства, так и соответствующую специфику ее образования и развития².

Сказанное требует выявления практических путей создания особой образовательной среды, в которой ее субъект, с одной стороны, мог бы получить образование, соответствующее и потребностям его личности, и реальной ситуации развития российского общества, и реалиям глобального информационного, а также мирового образовательного пространства; с другой – которая бы способствовала индивидуализации «образовательной траектории» и развитию способностей личности, ее самости, ее совершенствованию и саморазвитию. Такая среда должна представлять собой совокупность условий, факторов, возможностей для организации и развития максимально возможного количества и, несомненно, различного качества форм активности личности, и прежде всего ее самостоятельной деятельности в данной среде – информационной, коммуникационной, коммуникативной, непосредственно учебной, познавательной, практической. Такого рода активность призвана способствовать развитию готовности личности к нарастающим изменениям в различных сферах жизнедеятельности человека в современном информационном пространстве.

В современных условиях перечисленный комплекс возможностей в полной мере представлен в информационном пространстве Интернет. И значительная часть такой деятельности личности (прежде всего самостоятельной учебно-познавательной) осуществляется сегодня именно в сети Интернет. При этом она имеет специфические особенности и в силу ряда факторов представляется важнейшей формой познавательной деятельности вообще в современном информационном обществе. Речь прежде всего идет о том, что современное общество столкнулось с экспонентным ростом объемов информации, который преимущественно происходит в Интернете. Информация быстро устаревает, так же, как и знания. Именно Интернет представляет собой ключевую информационную среду современного общества.

Далее, подрастающее поколение воспринимает Интернет как параллельную, а зачастую –

ведущую среду обитания. Любая деятельность в Интернете воспринимается при этом человеком вообще (на разных возрастных этапах) с интересом, что повышает мотивацию данного вида деятельности. Интернет становится информационно-образовательной средой образования и самообразования. Интернет как информационная и информационно-образовательная среда имеет значительный, не до конца осознанный и не используемый в полной мере потенциал саморазвития человека. Наконец, Интернет в силу своих уникальных свойств (виртуальность, обратимость операций, множественность пространств и пр.) создает комфортную среду жизнедеятельности, дополняющую внутреннее и внешнее пространства личности и как пространство эксперимента.

И в данной связи феномен Интернет сам по себе может рассматриваться как образовательный и развивающий, как среда жизнедеятельности, обладающая значительным психоактивным потенциалом, условиями для организации и самоорганизации деятельности в целом и в частности ее конкретных видов (учебной, познавательной, информационной, коммуникативной, практической, досуговой, игровой и т.д.). «Естественно, что доступ к Интернету расширяет возможности человека, где бы он ни находился, его доступ к образованию. В связи с этим возникают мощнейшие образовательные сети, очень насыщенные, большие интернациональные программы образования³», – отмечает А.В. Торкунов.

Из вышесказанного следует, что изучение проблемы образования и развития личности в информационной среде Интернет может и должно носить междисциплинарный характер. В нашем представлении теоретическая и соответствующая практическая разработка указанных проблем может быть осуществлена на основе интеграции положений деятельностного, средового (эколого-психологического), акмеологического подходов к образованию и развитию личности на различных этапах ее становления. Так, применение деятельностного подхода к развитию личности (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, К.К. Платонов и др.) позволит изучить феномен активности (учебной, познавательной, информационной и др.) личности как психолого-педагогический, в частности определить сущностно-функциональные, процессуально-содержательные и типологические особенности различных видов деятельности в Интернет.

И в этой связи для исследования намеченной проблемы важны общие и специфические для психологии и педагогики теоретические позиции, раскрывающие сущность деятельности вообще и информационно-коммуникационной направленности в частности. Прежде всего, это позиции о том, что:

– категория деятельности в отечественной психологии используется в качестве объяснительного принципа психики при изучении

■ Педагогика

различных областей психической реальности (познавательные процессы, мотивация, воля, эмоции, личность, внутригрупповые процессы);

- в содержании деятельности можно выделить такие психологические компоненты, как познавательные (в том числе перцептивные, мнемические и мыслительные), эмоциональные и волевые; а с педагогических позиций содержание деятельности личности определяется ее функциями в образовательном процессе (обучающими, развивающими, воспитывающими);

- деятельность, осуществляемая ее субъектом, включает в себя цель, средство, процесс преобразования и его результат. В структуре деятельности с психологических позиций включены следующие составляющие: потребность – мотив – задача – средства (решения задачи) – действия – операции; задача включает единство целей и условий ее достижения, действие соответствует цели, операции – способам и условиям;

- виды деятельности, осуществляемые человеком, различаются между собой прежде всего предметным содержанием. Каждый вид деятельности имеет определенное содержание потребностей, мотивов, задач, средств, действий, операций;

- первичная форма деятельности – ее коллективное (совместное) выполнение; на основе совместной деятельности, имеющей коллективного субъекта, возникает индивидуальная деятельность многих субъектов; становление индивидуальной деятельности осуществляется в результате интериоризации и экстериоризации;

- от уровня развития и конкретных особенностей предметного содержания деятельности зависят состав и функционирование сознания, развитие способностей учащегося, его восприятия и воображения, мышления и памяти, чувств и воли, характер межличностных отношений, свойства личности.

Сущностные признаки информационно-коммуникационной деятельности отражают:

- ее направленность на использование информационно-коммуникационных технологий (прежде всего Интернет); такая деятельность осуществляется посредством указанных технологий, и никак иначе, в том числе в условиях специально для этого созданного информационно-виртуального окружения и в процессе непосредственного взаимодействия с его компонентами;

- объединение особенных видов деятельности, представляющих совокупность действий, вызываемых одним мотивом, например информационно-коммуникационная деятельность, учебная, познавательная, игровая, исследовательская и др.; при этом уровень таких деятельностей четко отделяется от уровня действий (мотив может удовлетворяться набором разных действий, а действие может побуждаться разными мотивами);

- непосредственную связь с деятельностью детской (на соответствующих возрастных этапах), которая предполагает активное взаимодействие обучающегося с информационно-виртуальным окружением, в ходе которого происходит онтогенетическое развитие психики;

- совместный характер в ее первичной форме, которая имеет коллективного субъекта (например, обучающиеся и педагоги), на ее основе возникает индивидуальная, самостоятельная деятельность многих субъектов, осуществляемая в результате интериоризации;

- непосредственную связь с творчеством (творческой деятельностью) – психическим процессом создания новых ценностей, то есть деятельность, в результате которой возможно создание новых материальных и духовных ценностей и в психологическом плане;

- а) предполагает наличие у ее субъектов способностей, мотивов, знаний и умений, благодаря которым создается продукт, отличающийся новизной, оригинальностью, уникальностью;

- б) способствует раскрытию и расширению созидательных возможностей ее субъектов через развитие творческого воображения, интуиции, неосознаваемые компоненты умственной активности, а также через предоставление условий для удовлетворения потребности личности в самореализации;

- непосредственную связь информационно-коммуникационной деятельности с процессами учения и усвоения, которая включает как компонент и результат процесс учения (прежде всего овладение соответствующими знаниями, умениями, навыками с последующим развитием информационно-коммуникационной компетентности, в целом – соответствующих качеств, свойств и способностей);

- специальную организацию, которая осуществляется не только и не столько стихийно, но и посредством специальной ее психолого-педагогической организации.

В рамках деятельностного подхода можно определить специальные функции информационно-коммуникационной деятельности, как минимум психологические и педагогические. Психологические отражают следующие аспекты:

- информационно-познавательный аспект («знаниевую» составляющую, возможность получить информацию и сформировать соответствующие представления в различных сферах);

- аффективно-оценочный аспект (эмоциональную составляющую, возможность определить эмоциональную роль взаимодействия с информационно-виртуальным окружением);

- ценностно-нравственный аспект (ценностную составляющую, возможность выявить личностно-развивающую ценность указанного окружения);

- коммуникативно-поведенческий аспект (возможность опосредованного межличностного взаимодействия); непосредственно развивающий (возможность для реализации личностного потенциала, его развития и саморазвития).

Педагогические отражают многообразие форм и методов организации информационно-коммуникационной деятельности. Наконец, в рамках данного подхода следует определить типологию информационно-коммуникационной деятельности личности, если речь, конечно, идет о специальной ее организации. Такая деятельность, несомненно, различается по целевой направленности, по видовой структуре, по условиям организации, по уровням организации, по формам организации.

Средовой (экопсихологический) подход (В.И. Панов, С.Д. Дерябо, В.А. Ясвин) к образованию и развитию личности позволит рассмотреть феномен образования и развития личности в Интернет как процесс, организуемый в специально созданной для этого развивающей образовательной среде соответственно возрастным и индивидуальным возможностям развития человека. Тогда Интернет может быть представлен как комплекс объективных условий, влияний и возможностей для индивидуализации обучения, оптимальных для данной конкретной личности с учетом специфики индивидуальных склонностей и особенностей для оптимального осуществления видов деятельности. Последние по содержанию определяются соответствующими составляющими Интернет как образовательной среды – специально- и высокоорганизованной, организация которой, собственно, и направлена на образование и развитие личности. Тогда такая среда есть комплекс условий, определяющих возможности для создания совокупности информационно-коммуникационных взаимодействий, определяемых различными видами информационно-коммуникационной деятельности.

Ключевыми взаимодействиями, имеющими важнейшее значение в образовании и развитии личности средствами Интернет, являются:

- взаимодействия в системе образовательной деятельности (в рамках непрерывного образования личности на разных этапах);
- взаимодействия в системе профессиональной деятельности;
- взаимодействия в системе самостоятельной (в данном случае определяемой собственными потребностями) игровой, информационной, досуговой, в том числе «стихийной», деятельности в Интернет. В этих взаимодействиях личность может выступать как в роли объекта, принимающего воздействия со стороны других, так и в роли субъекта своей активности (в частности, различных видов информационно-коммуникационной деятельности).

Совокупность информационно-коммуникационных взаимодействий личности выступает важнейшим фактором образования и развития личности в условиях Интернет. Причем данные взаимодействия в полной мере не могут быть реализованы, если данная среда не выступает как специально организованная образовательная, которая априори представляет собой конкретные и специально реализованные педаго-

гические, психологические, организационные, материальные и прочие условия продуктивности деятельности в данной среде. Очевидно, что значение тех или иных условий неравнозначно.

Наконец, акмеологический подход (Б.Г. Анянцев, А.А. Бодалев, А.В. Деркач, В.Г. Зазыкин, Н.В. Кузьмина, А.К. Маркова, Н.А. Рыбников) позволяет раскрыть возможности интернет-среды для продолжающегося развития личности в период зрелости: как субъекта деятельности; с позиций самореализации человеком собственного интеллектуального и творческого потенциала, непрерывного самосовершенствования и саморазвития на протяжении всей жизни, вплоть до достижения личностного, профессионального, а в идеале – духовного акме. Данный подход может служить научной основой для разработки соответствующих технологий, точнее, акмеологического содержания технологий информационно-коммуникационных.

Такое содержание отражает особенности технологий – возможность для сотрудничества и совместной деятельности, для репродуктивной и креативной учебной деятельности, многоформатность, сочетаемость, интерактивность, в профессионально-образовательной деятельности. Актуализация психолого-акмеологического потенциала информационно-коммуникационных технологий в практике развития информационно-коммуникационной компетентности сотрудников правоохранительных органов осуществляется с учетом соответствующих принципов:

- на уровне информационной среды – ее «избыточности»;
- ее структурированности;
- ее непрерывной обновляемости (в плане контента и ресурсов);
- межпредметности (в плане содержания);
- на уровне коммуникаций: диалогичности, интерактивности, многообразия обратных связей (в плане информационно-коммуникационных взаимодействий);
- их практической ориентации, репрезентативности, гибкости, взаимодополняемости;
- на уровне личности: актуализации субъективных целей;
- развития готовности к освоению информационно-коммуникационных технологий;
- соотношения различных возможностей для самоорганизации соответствующей деятельности⁴.

Наконец, в рамках рассматриваемого подхода может быть представлена акмеологическая система развития личности в системе информационно-коммуникационных взаимодействий, которые опосредованы: с одной стороны, реализацией акмеологического содержания информационно-коммуникационных технологий с другой – созданием специальной (лично развивающей) образовательной среды. Данная система характеризуется возможностью выбора личностью тех или иных информационно-коммуникационных технологий, и, следовательно, вида взаимодействия⁵.

■ Педагогика

Акмеологический подход к использованию указанных технологий позволяет также раскрыть специфику соответствующим образом организованного образовательного процесса, который может осуществляться самостоятельно, но его развивающий потенциал «включается» посредством реализации акмеологической системы, при этом на первый план выходит развитие самости личности.

Gagarin A.V., Raitskaya L.K. Education and Personality Development in Information and Communication Activities.

Summary: *The article considers the scope for the shift to personality-oriented paradigm through the personal inclusion into specially organized information and communication activities in the Internet environment; the authors also give the essence, specific features and functions of those activities.*

Ключевые слова

Информационно-коммуникационная деятельность, интернет-среда, личность.

Keywords

Information and communication activities, Internet environment, personality.

Примечания

1. Гагарин А.В., Раицкая Л.К. Развитие информационно-коммуникативной компетентности личности в самостоятельной учебно-познавательной деятельности // Акмеология. Специальный выпуск по материалам секции «Акмеология» V Съезда РПО. 16 февраля 2012 г. М.: Изд-во МААН, С. 39-42; Панов В.И. Психодидактика образовательных систем: теория и практика. СПб.: Питер, 2007.
2. Раицкая Л.К. Самостоятельная учебно-познавательная деятельность студентов в информационно-образовательной среде Интернет: дидактическая концепция / Под науч. ред. А.В. Гагарина: Монография. М.: МГОУ, 2012.
3. Торкунов А.В. Как университетам России добиться признания на глобальном рынке высшего образования // Портал МГИМО. [Электронный ресурс]: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document224126.phtml>.
4. Раицкая Л.К. Указ. раб.
5. Панов В.И. Указ. раб.

Историко-педагогические основы системы университетского образования Великобритании

О.О. Чертовских

В статье предлагается историко-педагогический анализ зарождения и становления системы высшего образования в Великобритании. Автор подчеркивает, что знание историко-культурных особенностей академической среды необходимо студентам и преподавателям, проходящим повышение квалификации в британских университетах в рамках академической мобильности.

В современном мире становится все более очевидной роль образования и наднациональная роль университетов: возможность получения высшего образования не ограничивается рамками одной страны и/или одного университета. Сегодня можно выбирать как форму, так и место обучения, причем образование в зарубежных университетах, благодаря системе грантов и стипендий, становится доступным все более широким слоям молодежи. Получившая широкое распространение международная академическая мобильность имеет различные формы – от полного цикла обучения студентов в зарубежных вузах до языковых стажировок¹. В связи с этим студентам, преподавателям и администрации российских университетов важно ясно представлять структуру университетского образования стран, с которыми они поддерживают контакты в рамках академической мобильности.

Одной из самых престижных стран с точки зрения высшего образования традиционно считается Великобритания, чьи университеты традиционно принимают на обучение, стажировку и

повышение квалификации студентов, магистрантов и преподавателей из России, в том числе из МГИМО. Их необходимо готовить к пониманию особенностей и адекватному восприятию британской культуры и университетской системы.

В условиях глобализации и расширения межкультурной коммуникации, при продолжающемся процессе сближения и взаимодействия различных стран и культур на различных уровнях для вступления в открытое информационное общество современный специалист, в особенности будущий международник, должен хорошо владеть иностранными языками, и прежде всего английским. Для этого необходимо не только изучить грамматику, фонетику и определенный набор лексики, но и разбираться в национально-культурных особенностях страны изучаемого языка. Общение на иностранном языке, особенно с носителями языка, неизбежно погружает человека в языковую картину мира, свойственную этому языку, заставляет воспринимать иную логику мировосприятия, иную систему ценностей².

Чертовских Ольга Олеговна – к.пед.н., доцент кафедры английского языка № 2 МГИМО(У) МИД России.
E-mail: olga_chertovskih@mail.ru

Академическая мобильность не только дает возможность студентам учиться в разных странах, изучать их язык и культуру, но и означает, что они должны быть готовы к восприятию инокультурного академического сообщества. В «переломные» моменты мировой истории обостряется внимание к межкультурной коммуникации, и это подтверждает мысль о том, что организация высшего образования напрямую зависит от современной ступени развития общества, а оно является результатом мирового исторического развития³. Современные университеты формируют своеобразное «космополитическое» поликультурное поколение, которое сыграет решающую роль в будущем развитии Европы. Для понимания специфики высшего образования Великобритании важно исследовать и проанализировать процесс становления очагов просвещения и науки – британских университетов. Это связано с тем, что университет как в Великобритании, так и во всем мире является местом зарождения и распространения культуры и духовных ценностей нации.

Университетское образование в Великобритании со времен возникновения первых университетов всегда находилось на вершине образовательной пирамиды. На университет возлагаются большие надежды в плане проведения социальных, экономических и национальных программ развития. В связи с этим университет и процесс обучения в нем находятся в центре внимания многих исследователей. С самого своего возникновения основное предназначение университетов состояло в распространении высокого уровня знания, в воспитании элиты общества, в развитии культуры мышления и деятельности, распространении культурных ценностей. Поскольку в человеке при рождении не заложена система ценностей, основанная на культурных особенностях и традициях как родной страны, так и зарубежных стран, то необходимо ее формировать в процессе развития. Это одна из образовательных проблем, с которыми университеты сталкивались и сталкиваются в разные периоды своего развития. Университетская проблематика, как правило, включает исторические исследования своего становления, а также сравнительные исследования университетского образования в разные периоды времени.

Для обоснования теоретического и исторического аспекта культурологических позиций университетов Великобритании необходимо исследовать проблему их эволюции с учетом национальных особенностей. Однако, прежде чем перейти к истории развития английских университетов, обратимся к самому понятию «университет». В таких изданиях, как Большая Советская Энциклопедия, Философский словарь, термин «университет» (от лат. *universitas* – совокупность, общность) определяется как высшее учебно-научное заведение, ведущее подготовку специалистов по совокупности дисциплин, составляющих основы научного знания⁴.

Первые университеты имели несколько названий: помимо «*universitas*», которое не сразу стало

главным, основным и единственным определением университета, их называли «*studium generale*». Первые университеты обучали ремеслу врачей, юристов и теологов, выполняя функции городских гильдий, и в этом они были подобны другим гильдиям, также обучавшим какому-либо ремеслу, например гильдии каменщиков. Отличие же университетов заключалось в том, что обучение ремеслу сводилось не только к передаче узкоспециальных, профессиональных знаний, которые можно было получить и в жизненной ситуации. Здесь давали массу дополнительных знаний на так называемом факультете свободных искусств. Студенты, окончившие этот факультет, учились далее на медицинском, правовом или теологическом факультете. Дополнительное образование, помимо специально-профессионального, определяло утверждение университета как учебного заведения (*studium universale*)⁵, а не только как гильдии (*universitas*).

Развитие интеллекта и обучение ремеслу предстало в университете как обучение интеллектуальной профессии, то есть искусству-ремеслу. Можно предположить, что суть университетского образования именно в этом – в обучении интеллектуальной профессии. Таким образом, до окончательного выяснения причин становления университета, имеющаяся историческая информация уже позволяет уловить смысл университетского образования: университет как ценность культуры гарантирует сохранение интеллектуальной профессии в человеческом сообществе. В нашем же понимании понятие «университет» рассматривается не только как высшее учебно-научное заведение, ведущее подготовку специалистов по совокупности дисциплин, составляющих основы научного знания, но и как связующее звено между различными культурами для установления тесного межкультурного контакта.

По мнению ученых, занимающихся исследованием проблемы возникновения университетов, университет в Великобритании, так же как и во всем мире, возник как институт европейской культуры, как продукт христианского Запада XII в., как уникальное явление Средневековья, не имеющее аналогов в предшествующем ему времени. Такого распространенного и устоявшегося мнения. Чтобы определить характер изменений и проследить образовательные особенности университетов Великобритании, рассмотрим историю их возникновения и их последующее развитие.

Ученые констатируют тот факт, что образование на Британских островах, как и повсюду в Европе, началось с желания познать библейскую истину, поэтому чтение и толкование Библии, церковные песнопения, понимание чина богослужения были единственными стимулами к открытию первых средневековых учебных заведений. Таким образом, знания и образование пришли на землю бриттов вместе с христианством. Еще во времена раннего Средневековья Британия была известна как «остров святых старцев и школяров». Этой древней славой Британия обязана монахам, которые основывали монастыри, а при них – школы⁶.

С конца VI в. святые отцы стали отправляться и за пределы островов, чтобы нести свет знания и божественной истины по всему западному миру.

Школы для подготовки священнослужителей были открыты в Великобритании уже в VI в. Позднее появились светские, так называемые «грамматические» школы, где мальчики изучали латинскую грамматику. Обучали в церковных школах повышенного образования по программе семи свободных искусств. Первые положения этой программы для средневековой Европы выработали философы-педагоги Марциан Капелла (410–427), Боэций (480–524), Кассиодор (487–578), Исидор Севильский (570–636), Алкуин (735–804). Учебники, написанные этими философами, пользовались популярностью вплоть до XIV в.⁷ Канон семи свободных искусств включал следующие дисциплины:

- грамматику (с элементами литературы);
- диалектику (философию);
- риторику (включая историю);
- географию (с элементами геометрии);
- астрономию (с элементами физики);
- музыку;
- арифметику.

Науки тривиума (грамматика, риторика, диалектика) считались низшими, высшими были науки квадривиума (арифметика, география, астрономия, музыка). Особенно основательно изучались дисциплины, являвшиеся базовыми для будущих священнослужителей, – грамматика и музыка. Известия об английских университетах до XIII столетия чрезвычайно скудны, поэтому невозможно составить ясного понятия о важнейших моментах зарождения и развития высших учебных заведений. Необходимо искать объяснение в других достоверных аналогичных источниках, которые имели тесные связи с английским университетом. Таковым был Парижский университет, по образцу которого строился старейший из английских университетов – Оксфордский.

В течение XI–XII столетий на западе христианской Европы – в Болонье, Париже, Салерно – возникли первые средневековые университеты. Они присуждали ученые степени, факт приобретения которых оценивался в духе ученичества и рыцарского воспитания. Порой выпускников, как рыцарей, венчали громкими титулами, например «граф права». В ученой степени «магистр» (англ. master) нетрудно угадать звание, которое получал ученик ремесленника. Профессора и студенты находились во взаимоотношениях мастеров и подмастерьев. Когда юноша 13–14 лет являлся в университет, ему надлежало записаться у профессора, который в дальнейшем был за него в ответе⁸. Так постепенно складывалась система тьюторства, существующая и в настоящее время и являющаяся продуктивной формой проведения занятий.

Студент занимался у профессора от трех до семи лет и, если учился успешно, получал степень бакалавра. Вначале степень бакалавра рассматривалась лишь как ступень к научной степени. Бакалавр посещал лекции других профессоров, помогал обучать вновь пришедших студентов, то

есть становился своеобразным подмастерьем. В итоге, подобно ремесленнику, он публично излагал научную работу, защищая ее перед уже имевшими степень членами факультета. После успешной защиты бакалавр получал ученую степень лиценциата, магистра или доктора. Следует отметить, что первые средневековые университеты долгое время составляли совершенно независимые сообщества в государстве, как бы *status in statu*. Университеты сами учреждали законы, правила и всю университетскую организацию, без участия не только городских, но и государственных и церковных властей.

Анализ источников по проблеме университетского образования в Европе свидетельствует о том, что в Парижском университете изначально было четыре факультета: теологии, медицины, канонического права и свободных искусств. Продолжительность обучения варьировалась, но в любом случае требовалось сначала пройти трехгодичный курс обучения на факультете свободных искусств, где преподавались дисциплины, необходимые для общего образования: грамматика, и философия Аристотеля. Далее студент (или, как тогда его называли, школяр), получивший степень лиценциата, мог закончить обучение или поступить на один из трех высших факультетов, где давались специальные знания. Самым продолжительным было обучение на факультете теологии – четырнадцать лет, но его выпускник мог сделать блестящую карьеру и претендовать на самый высокий церковный сан.

Парижский университет послужил вдохновляющим примером для создания университетов в Англии, с теми лишь изменениями, которые были обусловлены духом времени, местными потребностями и национальными особенностями. История английских университетов XII–XIX вв. по характеру различных перемен, совершавшихся при постепенном развитии, может быть разделена на несколько периодов⁹:

I период (V–XII вв.) – зарождение школ, из которых позже (в XII–XIII вв.) образовались Оксфордский и Кембриджский университеты. В Оксфорде обучение проводилось с 1096 г. Созданию в стране собственных университетов способствовала ссора Генриха II (1154–1189) с парижским архиепископом (1167). В гневе король запретил своим подданным учиться в Парижском университете. Англичанам пришлось полагаться на собственные ученые силы. В результате их усилий около 1189 г. в Оксфорде стали возникать структуры будущего университета. Среди ученых того времени, преподававших в Оксфордской школе, можно отметить парижского богослова (английского происхождения) Роберта Пуллена, Симеона Даремского, Иоанна Солсберийского. Вследствие смуты, произошедшей в Оксфорде в 1209 г., около трехсот школяров и магистров покинули Оксфорд и поселились в Кембридже, где стали продолжать занятия. Благодаря переселению и деятельности магистров и школяров примерно в 1229 г. Кембриджской школе было присвоено звание *studium generale*. Еще до середины двенадцатого столетия первые университеты имели все признаки

и условия средневекового университета как в отношении объема учебных предметов, так и в отношении преподавательского состава и помещения;

II период (XIII – первая половина XIV вв.). В этот период зафиксирован расцвет научной мысли. Характерными для него являются следующие черты:

- автономность университета, то есть его независимость как от государства, так и от церкви;
- доступность обучения для всех слоев населения.

В Оксфордском университете открываются первые колледжи (Balliol College – 1249, Merton College – 1264), в которых работают ученые Роберт Гроссетест, Роджер Бэкон, Майкл Скотт, Уильям Оккам и др.

III период (вторая половина XIV – XVI вв.) характеризовался устарелостью прежних форм обучения, вызванных рядом социально-экономических и политических причин. Академическая жизнь, обеспеченная недвижимой собственностью, получив важное материальное значение, не избежала того подавляющего влияния, которое оказывают материальные блага на духовную жизнь. Изменилась и внутренняя организация университетов, она приняла аристократическую форму. Университеты частично потеряли свою независимость от государства и церкви. Образование в университетах постепенно становится все более элитарным. В XV в. возникли первые шотландские университеты: Сент-Эндрюсский университет, Университет Глазго и Университет Абердина, в которых изучались гуманитарные науки (свободные искусства), теология и каноническое право. В отличие от английских университетов, которые являлись аристократическими учебными заведениями, тесно связанными с англиканской церковью, шотландские университеты были более демократичными.

IV период (XVI–XVII вв.). Университетское образование постепенно выходит из оцепенения, на смену «мертвым» предметам и наукам приходят новые, живые формы, распространяются гуманитарные науки. Подъем образования характеризуется появлением в университетах целой плеяды мыслителей-гуманистов, наиболее выдающиеся из которых – Томас Линакр, Уильям Гросин, Джон Колет, Томас Мор, Эразм Роттердамский (профессор Оксфордского университета), Френсис Бэкон и др. В стране появляется множество грамматических гимназий (Grammar schools) и школ для начального обучения. В середине XVI в. в Оксфорде и Кембридже окончательно оформилась система тьюторства. В XVII в. английский университет представлял собой аристократическую республику, которая принимала активное участие в политической жизни страны. После вступления на английский престол Якова I (Якова VI, короля Шотландии) английские университеты, вслед за шотландскими, получили представительство в парламенте. В XVII–XVIII вв. это же право получили университеты Ирландии.

Кроме того, Оксфордский и Кембриджский университеты считали своим долгом воспитание достойной смены для государственной и церковной

службы. Королевская власть постоянно использовала помощь университетских специалистов в таких делах, как подготовка документов, защита королевских интересов в папской курии, осуществление «черновой» работы посольств, взаимодействие с парламентом.

V период (XVIII – XIX вв.) характеризовался более усиливавшимся стремлением к радикальным реформам всей системы британского высшего образования. Оно было обусловлено потребностями общества. Плодом этого стремления явилось появление новых университетов и гимназических школ. В Оксфорде и Кембридже, наряду с традиционным обучением, развивалось новое направление – исследовательская работа студентов в лабораториях и семинарах. С другой стороны, бурное развитие промышленности в эпоху промышленного переворота потребовало создания новых, более практически ориентированных университетов, в которых меньше внимания уделялось классическим дисциплинам, за счет чего была усилена подготовка по естественным наукам. Университеты, возникшие в Бирмингеме, Бристоле, Ливерпуле, Манчестере, Лидсе, Шеффилде на базе колледжей, институтов и других образовательных центров (например, медицинской школы Лидса) вошли в историю как индустриальные университеты (civic universities) или «краснокирпичные университеты» (red brick universities).

В отличие от «старинных университетов», построенных из камня, в которых преобладало классическое богословское образование, целью новых образовательных учреждений была подготовка студентов к практической профессиональной деятельности. «Краснокирпичные университеты» получили университетские хартии только в начале XIX в., а в конце века они уже приобрели статус весьма респектабельных учебных заведений.

VI период (XX–XXI вв.) может быть охарактеризован как период продолжающихся реформ системы высшего образования страны. К концу 1980-х гг. в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии насчитывалось 45 университетов, из них 34 – в Англии, 1 – в Уэльсе, 8 – в Шотландии и 2 – в Северной Ирландии. Существуют определенные различия между:

- старыми университетами (ancient universities) и новыми (new universities), возникшими в XX в.;

- университетами, возникшими в 1960-х гг. (University of East Anglia, University of Warwick, University of Kent, Lancaster University, University of York и др.), и технологическими университетами, появившимися после реформы 1992 г. (Birmingham City University, University of Brighton, London Metropolitan University, Middlesex University и др.).

Новые университеты тесно связаны с торговлей и промышленностью и поэтому строят свои учебные программы с определенным учетом интересов предпринимателей, руководствуясь ситуацией на экономическом рынке¹⁰. Технологические университеты, сформировавшиеся на базе политехнических институтов и технологических колледжей, занимают в Великобритании менее

престижное место. Созданные по инициативе предпринимателей, они предлагают программы и курсы обучения в соответствии с интересами промышленности и бизнеса. Фактически их появление можно сравнить с появлением «краснокирпичных университетов», но только на другом витке исторического развития. Старые университеты стремятся укрепить свои связи с местными и национальными коммерческими кругами, однако в учебных программах уделяется много внимания таким классическим университетским дисциплинам, как философия, литература и естественные науки.

Исследование эволюции историко-педагогических основ зарождения университетов в Великобритании позволяет сделать следующие выводы:

– первые университеты, возникшие в XII–XIII вв., заложили институциональную структуру современной высшей школы;

– университетская мировая традиция исходит из ориентации на высокие моральные и интеллектуальные ценности. Британские университеты возникли на основе консолидации культур европейских народов. Идеология университетского образования – наследование лучших достижений общечеловеческой гуманистической культуры, не имеющей национальных границ, а лишь национальные особенности, стремление к интеллектуальному развитию личности, открытому диалогу и коммуникации в исследованиях и обучении;

– британский университет исторически являлся не только учебным заведением, но и политическим институтом. Это подтверждается фактом дарования высшему учебному заведению права иметь собственных представителей в парламенте;

– британские университеты в определенной мере являлись двигателем общественно-культурного прогресса, отражением меры цивилизо-

ванности нации; относительно высокий уровень научного знания, сформировавшиеся научные школы, обеспечивающие условия роста, передачи и воспроизводства знаний придали английским университетам национальное и международное значение и признание;

– базовые принципы университетского образования сводились к: а) идее академической свободы, то есть автономии; б) признанию приоритета обучения и исследовательской работы как сущности образования; в) активному включению в общественную жизнь, возрождению ее целостности, а также этическому обоснованию достоинства знания и учености;

– студенты британских университетов принимали и принимают активное участие в диалоге культур – главном факторе развития европейской цивилизации. Он реализуется через мобильность студентов и преподавателей, развитую систему переводов научной литературы на национальные языки европейских стран, свободный обмен научной информацией, многонациональный состав университетов. Такой диалог культур способствует культурному и духовному объединению Европы;

– знания исторических образовательных традиций и статуса высшего учебного заведения необходимы при выборе университета для обучения и стажировок в рамках академической мобильности.

Chertovskikh O.O. British University System: Historical and Pedagogic Aspects.

Summary: The article offers a historical survey of the British university system as part of the history of education. The author stresses the importance of the cultural aspect in preparing Russian university students and staff members for internship, language training and further education in British universities within the system of European academic mobility.

Ключевые слова

Академическая мобильность, межкультурная коммуникация, университетское образование, средневековый, автономия, реформы.

Keywords

Academic mobility, cross-cultural communication, university education, medieval, autonomy, reforms.

Примечания

1. Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России / А.В. Торкунов // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4. С. 87.
2. Воевода Е.В. Контактные языки как лингвокультурная доминанта на постсоветском пространстве / Е.В. Воевода // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 6. С. 172-173.
3. Костикова Л.П. Эмоционально-волевая регуляция личности в условиях межкультурной коммуникации / Л.П. Костикова // Современная коммуникативистика. 2012. № 1. С. 32.
4. Большая Советская Энциклопедия / URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-encycl-term-58074.htm>
5. Большой немецко-русский словарь. URL: http://dict.com.ua/bolshoy_nemetsko_russkiy_slovar/page/Studium_generale.140244
6. Перетяченко Е. Традиции и современность ирландского образования / Е. Перетяченко // Журнал «Где учиться?» URL: http://www.gde-uchitsa.ru/cgi-bin/show.pl?tpl=stat09_text&page_id=4611686018427388760&ses_id=8953356744585212
7. Ивановский В.Н. Народное образование и университеты в средние века // Книга для чтения по истории средних веков / Под ред. П.Г. Виноградова. М., 1898. Т. 4.
8. Латышева Д.И. История педагогики и образования. М.: Гардарики, 2007. С. 17–18.
9. Игнатович В. История английских университетов. С.– Петербург, 1861.
10. Wanger L. A thirty-year perspective : From the sixties to the nineties / L. Wanger // The changing university. Buckingham; Bristol, 1996. P. 15-24.

К итогам XIX Международного конгресса франкоязычных социологов: новые подходы к изучению неопределенности

Н.В. Литвак

В статье сделан обзор основных выступлений ведущих ученых на очередном Конгрессе крупнейшей ассоциации франкоязычных социологов. Проанализированы наиболее актуальные проблемы и процессы, описанные в ходе работы научного форума, посвященного новым подходам к изучению неопределенности практически во всех сферах жизнедеятельности человека, общества и государства.

Темой XIX Международного конгресса франкоязычных социологов было заявлено «Осмысление неопределенности» («penser l'incertain»). Сам конгресс Международной ассоциации франкоязычных социологов (Association internationale des sociologues de langue française – AISLF) прошел 2–6 июля 2012 г. в столице Королевства Марокко – Рабате. Из примерно 1800 членов ассоциации в работе конгресса участвовали около 1300 ученых из более чем 40 стран, а кроме того, многочисленные аспиранты и гости. Уже в самой теме была заложена проблема сложности определения происходящего как в мире, современном обществе, так и в социологической науке, занимающейся его изучением. Французское слово *incertain* имеет несколько близких по смыслу значений: неопределенный, неясный и т.п. В свою очередь русскому неопределенность точнее соответствует французское *indéterminé*.

Но эта (в целом свойственная любому переводу с языка на язык) многозначность, вариативность, зависимость от контекста и, в свою очередь, нео-

пределенность имеет в каждом языке значение и как таковая. Поэтому в ходе конгресса социологи постоянно возвращались к вопросу об определении неопределенности и ее проявлениях. Дежурной шуткой докладчиков стало употребление этого слова в самых различных ситуациях, в том числе практических, для описания неясности, неуверенности, переменчивости – от «было неопределенно, приеду ли я на конгресс» до «не ясно, будет ли еще работать микрофон» (когда он вдруг отключался). Вместе с тем основной задачей выступающих были попытки в теоретическом смысле осветить с различных сторон проблему неопределенности в современном усложняющемся социуме.

Отдавая дань такому остро протекающему процессу, как «арабская весна» (при том, что конгресс проходил как раз в Северной Африке), в начале своей работы конгресс большое внимание уделил выступлениям социологов из арабских стран, в первую очередь Туниса, Алжира, Марокко. Их сообщения о развитии ситуации и пленарное их обсуждение завершились выводом о том, что

Литвак Николай Витальевич – к.соц.н., ст. преподаватель кафедры философии МГИМО(У) МИД России.
E-mail: jourfr@mail.ru

происходящее сегодня в арабском мире оказалось непредсказуемым и имеет пока столь же непредсказуемые, неопределенные перспективы. Крупные пленарные доклады, а также многочисленные выступления в рамках 34 исследовательских комитетов и 23 исследовательских групп можно свести к двум основным направлениям, которые развивали участники конгресса:

- во-первых, в соответствии с заявленной темой, – выявление и обсуждение современных общественных и личностных реалий, характеризующихся ростом неопределенности;
- во-вторых, постановка проблемы позиции и ответственности – личной и коллективной – самих ученых.

По первому направлению тон дискуссии задавал французский социолог, профессор Робер Кастель из Центра изучения социальных движений Высшей школы социальных наук (EHESS-CNRS). В своем выступлении, на которое впоследствии ссылались большинство докладчиков, он отметил, что за несколько десятилетий неопределенность поменяла свой характер. Если раньше речь шла от природных, позднее – техногенных катастрофах, затем, в 1960–1970-х гг., росла неопределенность экологических рисков, порождаемых влиянием антропогенного фактора на природу, то в 1990-х гг. и в начале третьего тысячелетия наиболее значимыми быстро становятся социальные риски. К ним относились деградация возможностей и условий труда, рост безработицы, распад семейных связей, а также международный терроризм и даже угроза для демократии в Европе со стороны ультраправых.

По определению докладчика, социальные риски тем более существенны, что современные общества – это «зарплатные» общества, то есть такие, в которых подавляющее большинство работает за плату. Также, по его мнению, в последние годы сильное влияние на анализ и восприятие социальных процессов оказала концепция мирового общества риска У. Бека, сменившая его концепцию общества риска, созданную четверть века назад. После ее появления началась переоценка всего окружающего в новой системе отсчета – с точки зрения появления новых рисков. В результате в обществе стало развиваться ощущение небезопасности, а со временем произошла «инфляция риска» и даже появилась «рискофилия», то есть попытка описывать все и вся исключительно в терминах и концепциях, связанных с риском.

Р. Кастель считает, что, как следствие, в обществе появился избыточный пессимизм, в связи с чем сегодня необходимо выработать новую концепцию риска – более прагматичную, чтобы иметь возможность нормально жить, а не пребывать постоянно в неуверенности из-за того, что повсюду риск и непредсказуемость. Кроме того, необходимо предвидение и демократическое регулирование самых различных текущих процессов и рисков – как относительно возможного глобального потепления в связи с деятельностью человека, так и безработицы, что, однако, затруднительно в рамках общего кризиса современного капитализма.

Этот же тезис поддержал и бельгийский профессор Матео Алалиоф, отметивший доминирование в настоящее время неолиберальной концепции, согласно которой каждый работник, даже наемный, – это самостоятельное предприятие, важнейшими функциями которого является самоуправление своей деятельностью и продажа самого себя.

Профессор Жан-Луи Жена (Бельгия) также отметил, что неопределенность всегда существовала и существует, поскольку она начинается с того, что мы не знаем, что думает на самом деле любой другой из нас. Кроме того, как показал еще М. Вебер, в результате действий многих акторов результатом оказывается то, к чему никто из них не стремился и даже не предвидел. Более того, никто не контролирует те последствия, которые получаются в результате каких-либо действий, – они начинают развиваться самостоятельно. Отсюда и такая реакция, как феномен «рискофилии» Р. Кастеля, к которому, по мнению Жена, следует добавить также «филию» и «фобию» в отношении неопределенности. Среди сторонников первой – представители творческих профессий, любители игр и т.д. Все они видят в неопределенности потенциал развития. Среди них находятся те, кто склоняется ко второй – фобийной – оценке, например юристы и все остальные, пытающиеся установить нормы для всего. Однако, считает бельгийский социолог, к неопределенности стоит подходить диалектически: в ней есть и функциональность, и дисфункциональность.

Исследователь CHPC (CNRS) Клэр Бидар (Франция), заметив, что проблема неопределенности – это вовсе не уникальный феномен современности, обозначила необходимость выработки новой методологии исследований. Действующая сегодня была создана вследствие победы индустриальной революции, после которой у многих возникло впечатление, что мы контролируем все. Сегодня же в силу ускорения самых разных процессов и их нелинейности неопределенность усиливается. Оказалось также, что многие социальные процессы могут идти и в обратном направлении. В качестве основы для новой методологии она предложила разрабатывать комплексный подход, который учитывал бы сочетание большого количества факторов, в то время как в настоящее время исследования ведутся в достаточно узких рамках социологии семьи, труда и т.д.

Ярким и эмоциональным на тему методологии стало выступление профессора Алана Бурдана (Франция), указавшего, что, создав системы индексов, многие специалисты перестали заниматься реальностью: теперь они исследуют, а точнее, играют только с индексами, а также рейтингами и т.п., претендуя, что с их помощью можно не только все измерить, но и управлять реальностью. Среди современных проблем социологии он отметил:

- снижение доли критического анализа, в том числе в публикациях;
- слабость теории и методологии социологии, которые, развитые сто лет назад, сегодня не отвечают актуальным задачам;

– массовое упоминание теорий, которыми использующие их социологи на самом деле не владеют.

В результате, считает Бурдан, уже ничто не мешает тому, чтобы вокруг такой «социологии» появилась вера. По его образному выражению, современная социология похожа на «потухший вулкан», а ведущиеся исследования – на «пепел, рассыпанный вокруг кратера», в то время как надо «вернуться в кратер» – «изобрести новую методологию и предложить ее обществу».

Практически каждое второе выступление на конгрессе затрагивало различные аспекты проблемы роста миграции. Профессор Виктор Пише (Канада) отметил, что неопределенность становится инструментом многих современных политиков по контролю за миграционными процессами, особенно в том, что касается беженцев и нелегальных мигрантов. Государства также проявляют все более репрессивный характер. В том числе сегодня – через двадцать лет после разрушения Берлинской стены, препятствовавшей свободному перемещению людей, – двадцать стран уже возвели или возводят стены все с той же целью.

Его бельгийский коллега – профессор Матео Алалюф – отметил существенное влияние миграционных процессов на общества развитых стран. В частности, в рамках массового аутсорсинга появились уже целые «промышленные группы» без предприятий, которые передают подряды невесть откуда взявшимся фирмам, нанимающим в том числе нелегальных эмигрантов и тем самым не только дестабилизирующим профсоюзы, контроль за условиями и безопасностью труда и защиту трудящихся в целом, но и «денационализирующим социальные классы» (в пользу мигрантов).

Об этом же рассказал и профессор Фредерик Лезман (Канада), приведя данные о стремительном росте всего неформального, то есть неформальной «теневой» экономики, работы, жилья, торговли и т.д. А это не только уклонение от налогов, но и мощный источник коррупции. Причем он обратил внимание на то обстоятельство, что если традиционно в качестве характерных примеров в этой связи приводятся страны «Юга» (например, Мексика, где «теневой» сектор оценивается в 70% экономики), то в реальности такие же процессы идут и на «Севере». Здесь, по его данным, неформальный сектор составляет до 30% в Германии и 20% – в Канаде, что, учитывая размеры их экономик, представляет собой колоссальные объемы.

Попустительством заказчиков, при аутсорсинге не желающих ничего знать о фирмах-подрядчиках, в том числе эксплуатирующих нелегальных эмигрантов, пользуется и организованная преступность. Причину распространения неформального Лезман видит в воплощении ультралиберальных идей, причем не только в финансах и частном секторе в целом, но и в политике государств: появляется «просчитываемое, регулируемое неформальное»; даже право становится «гибким». Интересно, что профессор Жорж Вальтер (Аргентина) рассказал о прямо противоположном опыте миграции, которая, следовательно, может иметь разные формы

и последствия. Так, в последние десятилетия при строительстве компаниями из развитых стран суперсовременных заводов в странах развивающихся вместе с оборудованием они посылали туда своих сотрудников, которые внедряли соответствующую культуру производства, нормы безопасности, труда и здравоохранения и в конечном счете качественно новые социальные отношения. В результате во многих странах появились так называемые «антропотехнологические острова», которые постепенно через местных жителей, работавших на таких предприятиях, оказывали модернизирующее воздействие и на население в целом.

Говоря о факторах современной неопределенности, профессор Изабель Ласвернас (Канада) привела данные сравнительных исследований мотивов психических патологий за последние десятилетия, которые во многом связаны с неопределенностью. Оказалось, что, как и ранее, большие все также комплексуют из-за неудовлетворенных желаний, но поменялась природа их желаний: если в начале XX в. психопатология развивалась в основном в связи с ощущением недостатка свободы, то после Второй мировой войны люди стали считать, что наступила новая эпоха, смысл которой в потреблении, поиске и получении все новых наслаждений, из-за недостатка которых и возникали психозы. Сегодня же основной (и массовой молодежной) проблемой является невротизм из-за экзистенциальных проблем – личных неудач, комплексов по поводу своего тела и т.п. Во многом причиной такой ситуации является процесс разрушения социальных связей.

Профессор Ники Ле Февр (Швейцария) обобщила процессы в изучении гендерной проблематики. По ее оценке, в настоящее время доминируют два основных подхода: либо гендер, как социальное разделение на мужчин и женщин, превзойден, то есть такого разделения больше не существует, и общество все более состоит из индивидуализированных единиц – бесполой взрослых «граждан-работников» («adulte citoyen-travailleur sans genre»), либо гендерные отношения остаются, но изменяются. В первом случае отмечено, что когда женщины начинают вести себя также, как мужчины эпохи «второго модерна» («deuxième modernité»), или, точнее, независимо от пола, то они попадают точно в такую же ситуацию – полной неопределенности.

Что касается личного и коллективного неравнодушия к реалиям современности и ответственности ученых, то многие представители франкоязычной социологии в ходе конгресса неоднократно делали соответствующие заявления и призывы, занимали определенную позицию в отношении некоторых процессов и феноменов. Был поставлен и такой вопрос: стоит ли социологам самим участвовать в политике или только предоставлять обществу нейтральные результаты исследований?

Целый ряд выступавших обратил внимание коллег на необходимость активнее участвовать в информационных процессах – шире распространять за пределами научного сообщества результаты своих исследований, а также вырабатывать экс-

пертные предложения для политических кругов и общества в целом. В том числе и для регулирования, управления рисками, обеспечения безопасности важно, кто именно и как будет это делать. Не ясна также и сама природа отношений «наблюдатель–наблюдаемый». Кроме того, как заявила профессор Матильда Буррье (Швейцария), до сих пор остается без ответа вопрос: а кто контролирует контролеров? Имея в виду необходимость не только открытости, прозрачности такого рода деятельности, но и соответствующей компетенции. В своем докладе она выделила важность информационных аспектов в развитии современных социальных процессов и рисков и неопределенности, с ними связанных, приведя данные ретроспективного анализа как крупнейших техногенных катастроф последнего времени (Бхопал, Чернобыль, Челленджер, Фукусима и др.), так и массовых, статистических событий (например, смертности в американских больницах). Оказалось, что причиной большинства таких случаев является не просто человеческий фактор (в целом – это 60–70% случаев), а проблемы с передачей и пониманием информации, а также ее достаточностью.

Поэтому на конгрессе звучали и более радикальные призывы – включаться в непосредственную политическую и пропагандистскую борьбу, поскольку просто информирование легко игнорировать, что зачастую и делается, особенно правящими элитами. При этом возрастают угрозы не только обществу в целом, но и сообществу ученых в частности. Как отметил профессор Данило Мартукелли (Франция), даже сами знания производят неопределенность. Часто ученые знают, но не действуют, в том числе и потому, что знаний слишком много, они релятивны, и не получается сделать выбор в пользу чего-либо. Ученый видит выход в том, чтобы решать такие вопросы путем демократического выбора – общество должно решать, что возможно и что нужно делать. Кроме того, если научное сообщество останется пассивным в этих вопросах, то даже форма университета скоро окажется навязанной ему политиками и финансистами. В этой же связи многие выступавшие на конгрессе отмечали проблему роста религиозного фундаментализма и клерикализма, которые уже

представляют собой угрозу обществу.

Подчеркивая свою специфику, участники конгресса выразили поддержку исследованиям на французском языке. Причем, заявляя о необходимости укрепления франкоязычных социологических исследований как противовеса в первую очередь англоязычным, социологи отметили отступление французского языка не только в развитых странах, но и в развивающихся. В том числе в наиболее близком к франкофонии Магрибе, в отношении которого было прямо заявлено пожелание оставаться в лоне франкоязычия. И в этом случае обеспокоенность вызвана процессами арабизации в Северной Африке (а в Марокко – еще и берберизации), снижением там распространения и уровня преподавания французского языка.

Конгресс продемонстрировал:

- озабоченность большинства сообщества франкоязычных социологов процессами нарастания неопределенности, особенно в социальных отношениях, и неготовности социологической науки к эффективному анализу и прогнозированию развития событий;

- основную проблему сложившейся ситуации ученые склонны определять, с одной стороны, как результат победы идеологии крайнего либерализма, выразившейся в росте бесконтрольности в целом капитализма, так и во многих случаях – политических и финансовых властей;

- с другой стороны, была выражена обеспокоенность слабостью научного аппарата, отставанием развития методологии социологических исследований, которая была разработана для индустриального общества, но уже не работает в условиях нелинейно и ускоренно развивающегося социума.

Litvak N. V. The Results of the XIX International Congress of French sociologists: new approaches to the study of uncertainty.

Summary: The paper reviews the major speeches of leading scientists at the last Congress of the largest associations of French-speaking sociologists. Analyzed the most pressing problems and the processes described in the work of the scientific forum dedicated to new approaches to the study of uncertainty in almost all spheres of human life, society and the state.

Ключевые слова

Неопределенность, риск, миграция, гендер, клерикализм.

Keywords

Uncertainty, risk, migration, gender, clericalism.

Становление терроризма с наднациональным характером: фактор космополитизации

В.И. Долгий

В статье обозначены основные тенденции, ведущие к переходу современного терроризма с внутригосударственного на транснациональный уровень, в связи с чем показана глобальная роль процесса космополитизации. Дан сравнительный анализ двух типов терроризма, один из которых существует в эру индустриального модерна, другой соответствует современным обществам.

Современный терроризм претерпевает изменения, напрямую касающиеся его содержания, стратегических и тактических целей, применяемых методов и используемых средств. Эти трансформации совпадают с началом радикального модерна (в отличие от модерна индустриального), который Э. Гидденс характеризует как усложняющийся рефлексивный социум. Английский социолог отмечает, что в этот период глобальные проблемы приобретают в сознании людей не меньшую, а порой и большую значимость, чем локальные, а институциональное развитие порождает у них ощущение фрагментации и дисперсии (рассеивания) социальной реальности. Как показало развитие событий, по мере того как эти тенденции набирали силу, в мире произошло непредсказуемое и довольно стремительное становление исламистского или джихадистского террора, который, по существу, вышел на глобальный уровень.

До начала 1990-х гг., пока не исчерпали себя тенденции индустриального модерна, наиболее крупные и активные террористические организации имели иной облик, нежели нынешние. В большинстве своем они действовали локально – в какой-либо отдельно взятой стране,

а их противниками были политические режимы бывших метрополий либо соседние государства, в отношениях с которыми присутствовала давняя и, как казалось, непримиримая вражда. Идеологические ориентиры этих группировок неоднородны – от троцкизма до религиозного консерватизма, – но в практическом плане конечная цель большинства из них состояла в отстаивании интересов своей нации, в укреплении ее суверенитета или расширении культурной автономии в противовес тенденциям глобализации. Подпольная борьба, развернутая Ирландской республиканской армией (ИРА) велась, по сути, за воссоединение острова в границах единой страны, новые условия для ее самоопределения, достижение исторического реванша. Британский исследователь терроризма Дж. Бойз отмечает: «Ирландский национализм был не тем, чем был национализм немецкий или итальянский, делом, объединяющем «народ» вокруг его предназначения для политического триумфа. Напротив, он запомнился как история угнетения, поражения, унижения и упадка»¹.

Весьма схоже заявляет о себе ЭТА, появление которой происходит вследствие упразднения национальной автономии Страны Басков

и попыток франкистского Мадрида сделать Испанию в полной мере унитарным государством, а испанский язык – единственно имеющим хождение. «В начале 70-х гг., – пишет российский социолог Г.И. Волкова, – ЭТА воспринималась в Европе не как экстремистская, а как патриотическая организация. Это подтверждает, например, отказ французского правительства удовлетворить официальную просьбу Мадрида об экстрадиции этаровцев, подозреваемых в совершении покушения против Л. Карреро Бланко, со ссылкой на статью 3 франко-испанского соглашения об экстрадиции от 1877 г., согласно которой не подлежат выдаче лица, подозреваемые в совершении преступлений по политическим мотивам»².

С 1960-х гг. до середины 1990-х гг. вопрос о возвращении контроля над историческими территориями и о дальнейшем национальном самоопределении остается ключевым для «Акции за возрождение Корсики», «Тигров освобождения тамил и дама», кипрской ЭОКА-Б, «Рабочей партии Курдистана». Этот список дополняет палестинское сопротивление. Его хотя и представляют несколько движений, использующих методы диверсионного террора, – марксистский ФАТХ, исламистский Хамас, проиранская шиитская Хизболла, – каждое из них в конечном счете ведет борьбу за пересмотр израильских аннексий и возрождение независимого арабского государства.

Организации, составившие авангард террористического движения в 1960–1990-х гг., как и подпольные революционные ячейки конца XIX в., имеют ряд характерных черт:

- во-первых, будучи национально ориентированными, они и формируются по национальному признаку: основу личного, тем более руководящего состава, ЭОКА-Б составляют греки-киприоты, «Серых волков» – турки. Ближе к 1980-м гг. между некоторыми из группировок складываются узы сотрудничества, происходит обмен опытом, добровольцами, объединяются усилия для закупок оружия и боеприпасов, поиска каналов финансирования. Определенное развитие такие контакты получают между ИРА, ЭТА, палестинским сопротивлением. ФАТХ оказывает значительную поддержку Фракции Красной Армии Германии. Однако общая тенденция от этого не меняется: все эти организации продолжают действовать автономно, на национальном уровне, и сосредоточены на своих локальных целях и задачах, и, несмотря на наличие общих интересов, их слияние в единое скоординированное движение так и не происходит;

- во-вторых, подобранный по национальному критерию состав выстраивается в четко определенную структуру. Как правило, боевики законспирированы и поделены на малые группы, которые подчиняются исключительно одному представителю руководящего эшелона. Вся разветвленная сеть, все ее многочисленные звенья

собираются в соответствии с принципом централизованного контроля и единоначалия. Боевики не проводят акций без приказов, за терактами следуют скоординированные действия по оказанию давления на политические круги, а также по обработке общественного мнения. За внешне хаотичными всплесками террора в этот период просматриваются устойчивый порядок и тщательное планирование;

- в-третьих, черта организаций этого национального типа терроризма – претензия на легитимность. В большинстве своем они не только настаивают на том, что их требования законны, но и действуют как бы в том же правовом поле, что и их оппоненты. Так, ЭТА добивается гарантий безусловной экономической и культурной автономии. Уже на стадии зарождения этого движения приоритетными требованиями политического крыла Баскской национальной партии является «восстановление утраченных формальных льгот и прав»³.

ИРА опирается на успешный опыт выхода из-под власти Англии в начале XX в. и стремится к международно-правовому признанию несовместимости статуса Северной Ирландии с британским суверенитетом. Эти претензии на легитимность неслучайны, ибо конфликты, в результате которых разворачивается террористическое противоборство, имеют глубокие исторические корни. Для ирландцев речь идет о продолжении борьбы за независимость, начатой еще при Елизавете II. Баски также рассматривают свое подпольное движение в контексте традиционно сложных отношений с испанской короной, лозунг, выдвинутый их идейным лидером С. Араной: «Бог и старый закон». То же стремление ликвидировать историческую несправедливость движет курдами, армянами, греками-киприотами, палестинцами. Поэтому все они расценивают свои действия как своего рода неконвенционную войну и категорически отрицают обвинения в преступлениях;

- в-четвертых, в качестве идеологической платформы в тех или иных пропорциях используется сочетание национального фундаментализма и радикального марксизма. «Рабочая партия Курдистана» и палестинский ФАТХ изначально формируются как движения, ведущие национально-освободительную борьбу в целях построения «социализма». Ближе к 1990-м гг. левый крен начинает усиливаться в политических взглядах ИРА и ЭТА, налаживается их сотрудничество с итальянскими «Красными бригадами»;

- в-пятых, иерархическая структура этих террористических организаций, их национальный характер предполагают определенные методы борьбы с ними. Во многом решающим условием для рассеивания такого рода группировки является нейтрализация ее лидера, руководящего звена в целом. При этом

значительную роль в этот период играют и меры социально-экономического воздействия на среду распространения терроризма. Так, при поиске путей решения североирландского кризиса в Лондоне пытались проводить курс на «создание качественно новых подходов к решению проблем в экономике, занятости, расселения людей...»⁴.

Однако с середины 1990-х гг. социокультурная динамика в виде глобализационных процессов усложняется, ситуация начинает быстро и неуклонно меняться. К концу 2010 г. на пике террористической активности находятся организации уже иного, наднационального типа. Инициативу перехватывают сетевые объединения исламистского толка, авангардом которых является «Аль-Каида». Уже на этапе своего становления это движение не замыкается в границах отдельных государств, а складывается как космополитическая организация. По мере своего развития приоритет оно видит не в склонении на свою сторону отдельных политических режимов, но в воссоздании объединенного халифата от юга Испании (Андалузия) до Индонезии.

В результате стремительных трансформаций «Аль-Каида» приобретает гибкую и довольно мобильную структуру, отличную от иерархий армейского типа. Как констатируется в докладе, сделанном в 2010 г. ведущим советником Центра стратегических и международных исследований (США) Хуаном Зарате, «Аль-Каида» не является больше той организацией, с которой мы столкнулись 11 сентября 2001 г.»⁵.

Более того, к началу второй декады XXI столетия все большее внимание западных экспертов сосредоточено на возрастающей угрозе со стороны террористов-одиночек исламистской ориентации. Нередко это лица, имеющие американское или западноевропейское гражданство, которые, пройдя спецподготовку на базах исламистов либо просто контактируя с ними по Интернету, действуют на глобальном уровне. Значимость этой угрозы отражается не только статистикой предпринятых покушений, но и самим фактом того, что в социальной и культурной среде Запада формируются носители идей джихада. Случаи с Мохаммедом Мера во Франции, а также с Надалем Маликом Хасаном в США являются вполне убедительными тому подтверждениями.

Навязанное наднациональными террористическими организациями противостояние разворачивается не в границах отдельных государств и не в сфере интересов отдельных наций, оно приобретает глобальный характер. Если ранее террористические группы базировались в более или менее очерченных географических зонах – Северная Ирландия, Страна Басков, Кипр, Ливан и т.д., – то с наступлением перемен наиболее эффективные из них приобрели мобильность, стали регулярно менять страну дислокации. Испытав на себе силовое давление, руководство «Аль-Каиды» поэтапно отдает предпочтение то

Судану, то Ираку, то базируется на территории талибов, после чего «Аль-Каида» в Магрибе (АКИМ/AQIM) стремится найти безопасное укрытие южнее сахаро-сахельской зоны. Образованный в рамках Исламского движения Узбекистана Союз исламского джихада с 2007 г. действует за географическими границами своей «канонической территории» – в пакистанской провинции Вазиристан. Аль-Шабаб же прилагает значительные усилия для расширения своего контроля в регионе Африканского Рога.

В сфере идеологии национализм, как и национально ориентированный социализм, вытесняются космополитической версией ислама. Однако, по сути, речь идет не столько о мусульманском, сколько о масштабном наднациональном движении протеста, перешедшем стадию деструктивной агрессии. Легитимность, венчающая историческую справедливость, не является больше конечной целью террористов. Столкновение мира ислама и мира порока исключает юридические компромиссы. Вопрос в сложившейся ситуации стоит не о предоставлении суверенных прав, привилегий, территориальных уступок, а о пересмотре критериев выстраивания в мире социального порядка.

Одновременно исчерпывают себя прежние методы борьбы с террористическими организациями. Принцип нейтрализации их руководства перестал быть эффективным. Объявления США о ликвидации лидера «Аль-Каиды» в Ираке Заркауи, а затем самого основателя движения Усамы бен Ладена не только не остановили, но усложнили, а в чем-то и стимулировали процесс глобального распространения практики террора.

В целом с началом 2000-х гг., отмечает С.А. Эфиров, «терроризм стал, по существу, новым явлением, приобрел масштабы глобальной социальной проблемы – не только в географическом плане, но и в плане деструктивного социального потенциала, все больше оказываясь связанным с проблемой выживания. Именно в этом смысле можно говорить о новом формате проблемы, о том, что нынешний террористический феномен становится реальной угрозой перспективам социального согласия, которые в последнее десятилетие начали принимать реалистические очертания»⁶.

Наблюдаемый переход от распространения терроризма в границах отдельных государств к его растущему глобальному размаху совпадает с отмеченным немецким социологом Ульрихом Беком процессом космополитизации. В понимании ученого космополитизация есть нечто противоположное космополитизму как некоей социальной утопии, социально-философскому течению, зародившемуся в античности и получившему широкое распространение во взглядах эпохи Просвещения и далее – в обществах индустриального или первого модерна.

Единение человечества как высшая ценность, благодаря которой преодолеваются основные противоречия общества – абстракция, имеет весьма опосредованное и отдаленное отношение к реалиям. «На стадии, когда эра современности проходит в границах отдельных государств, – поясняет У. Бек, – космополитизм может быть постигнут только интеллектом, отложиться в головах, но он не может ощущаться как жизненный опыт»⁷. Причем состояние умов, о котором говорит немецкий социолог, характерно в основном для узких слоев элиты. Оно является результатом ее сознательного, в немалой степени произвольного, жизненного выбора и не имеет хождения среди широких масс. У. Бек приводит понимание этого феномена в философии И. Канта, согласно которому «космополитизм ... означает нечто активное, самоцель, нечто устанавливающее порядок в мире»⁸.

В случае же с космополитизацией речь идет непосредственно о реальности, которая меняется в результате смещения, а иногда и столкновения культур, когда открытость обществ ставит под вопрос состоятельность отдельных идентичностей и традиций и нередко приводит к острым и затяжным конфликтам. «Концепция космополитизации разработана с тем, чтобы привлечь внимание к тому факту, что, становясь космополитичной, реальность одновременно, и даже в первую очередь, складывается под воздействием принудительного выбора или побочного следствия неосознаваемых решений»⁹. Поэтому, согласно У. Беку, «космополитизация в этом смысле означает латентный космополитизм, подсознательный космополитизм, пассивный космополитизм, который формирует действительность, будучи сторонним следствием глобального товарообмена и глобальных угроз, таких, как изменение климата, терроризм и финансовые кризисы»¹⁰. Возникает ситуация, когда и отдельные люди, и сообщества вынуждены сосуществовать с представителями другой, часто непонятной им культуры, более того, становиться частью этой культуры.

В своем исследовании У. Бек приводит оценки, согласно которым национальные и расовые меньшинства в Соединенных Штатах считают, что у большинства их представителей нет достаточных возможностей для самореализации, так как политическая власть и национальное богатство сосредоточены в руках белых англосаксов протестантского вероисповедания. При этом сами белые англосаксы-протестанты убеждены, что они уже давно представляют собой этническое и конфессиональное меньшинство и не являются больше хозяевами в своей стране.

Посредством описания этой ситуации немецкий социолог дает достаточно емкое истолкование происхождению того потенциала социальной и политической напряженности, который несет в себе процесс космополитизации. Представители национальных, религиозных и

иных общностей приходят к осознанию, скорее даже ощущению того, что в их мир проникает чуждое, малопонятное и не поддающееся контролю явление. Им крайне трудно, а порой невозможно противостоять разрушению привычных жизненных устоев, которое несет с собой эта культурная интервенция, найти свое место в складывающемся социальном порядке.

Контуры этой проблемы, связанной с переходным периодом эры модерна, отмечались ранее и Ю. Хабермасом: «Разнообразные поводы для недовольства и протеста возникают там, где односторонняя рационализация, ориентированная на критерии экономической и административной рациональности, проникает в те жизненные сферы, которые центрированы на задачах передачи культурной традиции, социальной интеграции и воспитания, а потому опираются на другие критерии рациональности, а именно на критерии коммуникативной рациональности»¹¹. Нередко такого рода процессы приводят к росту нигилизма, находящего свое выражение в деструктивных, часто демонстративно агрессивных формах поведения, создавая таким образом условия для практик, связанных с террором.

При этом космополитизация, по Беку, отлична от глобализации, понимаемой преимущественно через призму все более интенсивного перемещения капиталов и трудно предсказуемой конъюнктуры взаимопроникающих рынков, в том числе рынков труда. При использовании термина «глобализация» имеется в виду в первую очередь совокупность макроэкономических процессов, которые, безусловно, имеют глубокую и прочную связь с такими явлениями, как политические катаклизмы, социальные революции и, в частности, возникновение очагов террора. Однако характер этой связи в заданном контексте неустойчив, он меняется в каждом конкретном случае. В этом смысле «космополитизация» означает более широкий спектр перемен, происходящих как в культурной среде в целом, так и в индивидуальных жизненных мирах в частности. С.А. Кравченко отмечает: «Очевидно, что при введении понятий «космополитизация» и «космополитический реализм» Беку потребовалось их развести с термином «глобализация», что осуществляется им, прежде всего, в контексте спецификации сфер, охватываемых ими»¹².

Таким образом, термин «космополитизация» в большей степени раскрывает значение социокультурного фактора в проблеме терроризма, позволяет обратиться к тем реалиям, которые не касаются напрямую вопросов получения и распределения богатства, но играют тем не менее существенную роль при жизненном выборе людей. Космополитизация обществ, их существование в условиях возрастающей неопределенности, осознаваемых и неосознаваемых рисков предполагает, что

■ Социология

террористические угрозы приобретают все более трудно предсказуемый, в какой-то степени все более спорадический характер. Те сложности, которые возникают с прогнозированием процесса перемещений террористических группировок из одного региона в другой, со сменой их целевых установок, с неконтролируемым процессом роста их популярности среди маргинальных элементов по всей планете, – все это, как представляется, предполагает ревизию теоретико-методологического инструментария, применяемого в настоящее время к изучению терроризма. Не исключено, что это только

начало сложного процесса появления новых вызовов и угроз.

Dolgy V.I. Terrorism formation with supranational character: kosmopolitization factor.

Summary: *The article indicates the general trends leading to the transformation of contemporary terrorism from national to transnational stage, above all the global role of the kosmopolitization. It contains a collative analyses of the two types of terrorism. One of them, existing at the age of industrial modernity, and another one corresponds to the contemporary societies.*

Ключевые слова

Терроризм, индустриальный модерн, радикальный модерн, космополитизация.

Keywords

Terrorism, industrial modernity, radical modernity, cosmopolitization.

Примечания

1. Boyce, D.J. A Gallous Story and Dirty Deed: Political Martyrdom in Ireland since 1867 // Ireland's Terrorist Dilemma Oxford. 1986. P. 9–10.
2. Волкова Г.И. Истоки и современные реальности баскского сепаратизма // Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 177.
3. Там же. С. 170.
4. Орлова М.Е. Ирландский терроризм и уроки борьбы с ним // Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 147.
5. Zarate, J.C. Al Qa'ida in 2010: How Should The U.S. Respond? // Center for Strategic and International Studies, January 27, 2010, Statement before the House Armed Services Committee. P.3 // <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CHRG-111hrg58293/pdf/CHRG-111hrg58293.pdf>
6. Эфиоров С.А. Терроризм и перспективы социального согласия: новый формат проблемы // Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 74–75.
7. Beck U. Cosmopolitan Vision. Cambrige: Politty Press, 2007. P. 19.
8. Beck U. Cosmopolitan Vision. P. 19.
9. Beck U. Cosmopolitan Vision. P. 20.
10. Beck U. Cosmopolitan Vision. P. 19.
11. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Политические работы. М.: Праксис, 2005. С. 16.
12. Кравченко С.А. У. Бек: социологическое воображение, адекватное рефлексивному модерну // Социс. 2011. № 8. С.19.

Методология социологических исследований сложного общества

А.Ю. Труфанов

В статье освещаются проблемы, возникающие при проведении социологических исследований, заказчиком которых выступают органы государственной власти субъектов Российской Федерации. Рассматриваются такие способы отбора участников размещения заказа, как аукцион в электронной форме, открытый конкурс, котировочные заявки. Статья содержит сравнительный анализ данных способов, рассматривает их преимущества и недостатки, касается практических вопросов, связанных с функционированием того или иного способа.

В соответствии с действующим федеральным законодательством в сфере размещения государственного заказа и закупок, организация и проведение социологических исследований может осуществляться органами государственной власти и управления либо собственными силами, что по ряду причин технологического характера представляется невозможным в необходимых масштабах, либо на основании конкурсных процедур. При этом необходимо учитывать, что результаты любого социологического исследования, проведенного органами государственной власти, имеют политический характер. На основе получаемых данных не только принимаются политические и управленческие решения на региональном уровне, но и предоставляется значительная часть показателей в соответствующие федеральные министерства и ведомства в качестве промежуточных итогов деятельности областных органов исполнительной власти.

Существующая система федерального законодательства предполагает участие любого

юридического либо физического лица на право участвовать в конкурсе на оказание услуг по проведению социологического исследования по предлагаемой органами государственной власти теме. В результате существующей законодательной правоприменительной практике в аспекте социологических исследований сложились следующие обстоятельства.

Согласно пункту 1 статьи 10 «Способы размещения заказа» Федерального закона № 94-ФЗ от 21 июля 2005 г. «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» (далее – ФЗ № 94) органы государственной и муниципальной власти размещают заказ путем проведения торгов, в форме конкурса, аукциона, в том числе аукциона в электронной форме или без проведения торгов (запрос котировок у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика), на товарных биржах)¹.

Пункт 1 статьи 8 «Участники размещения заказа» определяет, что участником размещения заказа может быть любое юридическое лицо

Труфанов Александр Юрьевич – к.и.н., с.н.с. Приволжского филиала Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института социологии Российской академии наук. E-mail: info@pf-is.ru
Статья подготовлена при выполнении НИР по теме «Новые теоретические подходы к исследованиям модернизации России в контексте усложняющегося социума», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (Соглашение № 8812 от 15 ноября 2012 г.).

независимо от организационно-правовой формы, формы собственности, места нахождения и места происхождения капитала или любое физическое лицо, в том числе индивидуальный предприниматель. Требования, предъявляемые к участнику размещения заказа, определяются статьей 11 ФЗ-94. Согласно им, при размещении заказа в отношении участника не должны проводиться процедура ликвидации, отсутствовать решение арбитражного суда о признании индивидуального предпринимателя банкротом и об открытии конкурсного производства, отсутствовать задолженность по начисленным налогам².

В случае объявления заказчиком торгов в форме запроса котировок участник размещения заказа предоставляет в уполномоченный орган подписанную котировочную заявку с указанием цены, за которую участник готов выполнить указанные работы. После окончания приема заявок, комиссией вскрываются конверты, а победителем признается участник, предложивший наименьшую сумму. Если заказчиком принято решение о проведении открытого аукциона, то к участникам предъявляются иные требования. Согласно статье 25 «Порядок подачи заявок на участие в конкурсе» ФЗ-94, участник размещения заказа подает заявку на участие в конкурсе в срок и по форме, которые установлены конкурсной документацией.

Заявка должна содержать сведения и документы об участнике, такие, как фирменное наименование, сведения об организационно-правовой форме, о месте нахождения, почтовый адрес, полученную не ранее чем за шесть месяцев выписку из Единого государственного реестра юридических лиц (или его нотариально заверенную копию), документ, подтверждающий полномочия лица на осуществление действий от имени участника размещения заказа, документы, подтверждающие квалификацию участника размещения заказа, копии учредительных документов, решение об одобрении или о совершении крупной сделки, предложение о функциональных характеристиках³. В случае если заказчиком установлено требование об обеспечении заявки, то документы или их копия, подтверждающие внесение денежных средств. Все требуемые документы нумеруются, прошиваются и передаются в уполномоченный орган.

При проведении открытого конкурса заказчик может устанавливать собственные требования при определении победителя. В данном случае предмет контракта состоит из трех составляющих: цена, наличие квалифицированных специалистов и опыт аналогичной работы, а также сроки выполнения работ. Заказчик самостоятельно устанавливает процентное распределение значимости. Например, при проведении открытого конкурса, организованного Департаментом внутренней политики Ямало-Ненецкого автономного округа, цена, предложенная участником размещения торгов, имеет значимость лишь на 35%, наличие квалифицированных кадров

и опыт работы – 20%, срок оказания услуг – 45%⁴. И напротив, при проведении открытого конкурса Правительством Нижегородской области цена контракта имеет значение на 55%, а наличие квалифицированных кадров и опыт работ – 45%⁵. При этом срок выполнения контракта устанавливается самим заказчиком и значимости в данном случае не имеет.

Как отмечалось выше, процедура выявления организации, которая будет проводить социологическое исследование, может проводиться тремя способами:

1. Открытый аукцион в электронной форме. Электронные торги представляют собой аукцион, проводимый на электронной торговой площадке (ЭТП) и в электронной форме. Местом же проведения выступает специальный портал в сети Интернет, а контроль за всем процессом осуществляет физическое или юридическое лицо – индивидуальный предприниматель. Торговые площадки позволяют в одном торговом и информационном пространстве объединять потребителей и поставщиков различных товаров и услуг, а также предоставлять им ряд сервисов, которые повышают эффективность их бизнеса. Также в отличие от стандартных аукционов электронные торги могут проводиться и на повышение, и на понижение стоимости лота. Что касается последнего, то заказчик выставляет максимальную цену, которую он готов отдать, и лишь затем в режиме онлайн к торгам могут подключаться потенциальные покупатели. Каждый из них назначает свою цену, причем подать заявку можно неограниченное число раз. Победителем, как правило, становится тот, кто предлагает свой товар или услугу по наименьшей цене. Электронные торги регулируются специальным регламентом:

1. Чтобы принять участие в торгах, сначала нужно зарегистрироваться на конкретной ЭТП, а затем непосредственно в день проведения аукциона, используя средства идентификации или электронную подпись (ЭП), зайти на страницу аукциона;

2. Торги проходят на понижение цены, но если она падает до нуля – на повышение.

3. В начале аукциона участники могут делать ценовые предложения в рамках текущего шага торга, которые не превышают начальную стоимость контракта.

4. Аукцион считается завершенным, если по истечении 10 минут с момента его начала или последнего ценового предложения не поступило новое предложение, предусматривающее более низкую цену.

5. В течение нескольких минут система автоматически составляет протокол, в котором указываются итоги торгов.

Положительным моментом в данном случае является отсутствие бумажного документооборота, необходимости сбора всей документации, касающейся деятельности организации, снижение уровня коррупции за счет сокращения

воздействия так называемого человеческого фактора и обеспечения максимальной прозрачности закупок, исключение возможности сговора участников: в основе электронного аукциона закладывается принцип конфиденциальности, анонимности участия и т.д.

В настоящее время на официальном сайте Российской Федерации для размещения информации о заказах существует пять площадок: «Единая электронная торговая площадка», «Система торгов Сбербанк-АСТ», «Система электронных торгов», RTS-tender и «Электронная торговая площадка Госзакупки». Рассматривая аукцион в электронной форме применительно к проведению социологических исследований, необходимо отметить, что в общей массе заказов на проведение исследований, аукционы в электронной форме занимают последнее место. С января по декабрь 2012 г. из 872 предложений по проведению социологических исследований лишь 42 проводятся на электронных площадках. Одной из причин ограниченного применения аукционов в электронной форме является необходимость получения ЭЦП. Несмотря на то что сама процедура не занимает много времени, большинство организаций, проводящих социологические исследования, не спешат с ее оформлением. Отчасти это можно объяснить тем обстоятельством, что большинство аукционов в электронной форме требуют обеспечения заявки в размере, который не превышает 5% суммы контракта, либо дополнительно необходимо обеспечить контракт. Учитывая то обстоятельство, что подавляющая часть аукционов в электронной форме оперирует с суммами около или свыше миллиона рублей, то становится понятно, что не каждая организация может себе позволить выплатить такую сумму.

2. Открытый конкурс. Как отмечалось выше, участником открытого конкурса может стать любое юридическое лицо, предоставившее необходимую документацию согласно ФЗ № 94. В отличие от аукциона, проводимого в электронной форме, данный способ отбора организаций для проведения социологического исследования, подразумевает под собой сбор всей необходимой документации: сведения об организации, выписка из Единого государственного реестра юридических лиц, копии дипломов и трудовых книжек. Дополнительно может предоставляться отзыв от предыдущих заказчиков. Открытый конкурс проводится в том случае, если цена контракта превышает пятьсот тысяч рублей и зачастую необходимо финансово обеспечивать заявку (составляющую не более пяти процентов от суммы контракта) и контракт. С одной стороны, это является своеобразным барьером для небольших организаций, не имеющих опыта проведения социологических исследований, однако если цена контракта составляет несколько миллионов, а то и десятков миллионов рублей, то не каждая организация сможет финансово обеспечить заявку и контракт.

Также в качестве недостатка данного способа отбора организаций является то, что вся документация предоставляется в структурное подразделение органа государственной власти, занимающееся организацией и проведением конкурсов. Таким образом, существует возможность влияния на результаты конкурса.

3. Запрос котировок – самый быстрый и простой способ провести закупку до 500 тысяч рублей. При сумме до 250 тыс. рублей срок окончания приема заявок (с момента публикации извещения) – от четырех рабочих дней. От 250 до 500 тыс. рублей – от семи рабочих дней. В числе публикуемой информации – извещение, содержащее существенные условия закупки, форма котировочной заявки, проект государственного контракта. Извещение содержит минимум требований: о предмете закупки, формах оплаты, доставки товара, оказании услуг. Заказчик также имеет право включить требование о ненахождении участника в Реестре недобросовестных поставщиков. Заявка, как правило, подается участником торгов без приложения каких-либо лицензий и сопутствующих документов и не требует конвертирования. Время приема заявок фиксируется в журнале регистрации котировочных заявок. Во время подачи заявки участник вправе потребовать расписку с указанием времени ее приема. Единственный критерий оценки котировочных заявок – цена.

По итогам запроса котировок в соответствии с ФЗ № 94 в срок от 7 до 20 дней после опубликования результатов (протокола рассмотрения и оценки котировочных заявок) на официальном сайте заключается государственный контракт с победителем. В случае уклонения победителя от заключения государственного контракта сведения о нем должны быть направлены в Реестр недобросовестных поставщиков, а контракт будет заключен со вторым участником. Главным преимуществом этой формы закупки является простота (не нужно разрабатывать конкурсную документацию и критерии оценки заявок) и скорость (от 4–7 рабочих дней на прием заявок, принятие решения на следующий день).

Однако в данном способе отбора организаций для проведения социологических исследований присутствуют существенные недостатки. Существует потенциальная возможность заинтересованных лиц влиять на исход закупок, так как все предложенные цены известны организаторам до приема заявок. Например, Главное управление внутренней политики и взаимодействия с органами местного самоуправления Московской области 11 октября 2012 г. размещает два заказа на оказание услуг по проведению социологического исследования в микрорайонах городского округа Химки западнее и восточнее Ленинградского шоссе с начальной ценой контрактов 250 000 рублей каждый. В техническом задании указано, что необходимо опросить 330 интервью среди жителей городского округа Химки в микрорайонах

восточнее Ленинградского шоссе⁶ и 330 человек городского округа Химки в микрорайонах западнее Ленинградского шоссе⁷. Вместе с тем в разделе срок поставки товара, выполнения работ, оказания услуг стоит один календарный день. То есть формально предлагается опросить 330 жителей из одного микрорайона, 330 жителей из другого, обработать данные, составить отчет за одни сутки. В итоге на конкурс подано три заявки, причем в один и тот же день с разницей в две минуты между участниками.

Второй пример. Департамент социальной защиты населения города Москвы 06 ноября 2012 г. запрашивает котировки на проведение анкетирования, социологических опросов и исследований для ГКУ ДДИ № 15 с начальной ценой контракта 450 000 рублей⁸. В результате разрыв между победителем и организацией, занявшей второе место, составил всего 150 рублей. При этом победитель, общество с ограниченной ответственностью «Антей», подало заявку самой последней. При этом основная деятельность фирмы заключается в предоставлении юридических услуг. Отсюда возникает следующая проблема. При запросе котировок у заказчика нет гарантии, что работа выполнена качественно и проводилась ли она. Любое юридическое и даже физическое лицо вправе подать котировочную заявку и иметь все шансы выиграть конкурс.

Аналогичную мысль высказывал и генеральный директор ВЦИОМ Валерий Федоров на научной сессии Отделения общественных наук РАН, посвященной дню социолога. В частности, он отмечал, что в настоящее время проведением социологических исследований может заниматься любая организация. При этом заказчика, в лице органа государственной власти, не смущает тот факт, что у организации отсутствует практический опыт проведения исследований, нет четко выработанной методологии исследований, нет квалифицированных кадров. Стоит отметить, что отчасти вышеуказанные обстоятельства учитываются органами государственной власти, благодаря чему географическую и половозрастную выборку, перечень вопросов для анкет готовятся структурными подразделениями органов государственной власти самостоятельно. Однако сотрудники данных подразделений не всегда квалифицированно подготовлены. Отсюда неизбежно возникают методологические проблемы, влекущие за собой искажение итогового результата. То есть возникает проблема получения адекватных, верифицируемых, валидных, подлежащих проверке данных, а также квалифицированной аналитики и рекомендаций, исходящих не из научных, а из практических потребностей системы принятия управленческих решений органами государственной власти.

Еще одной проблемой в аспекте проведения социологических исследований для органов государственной власти является однообразный подход к итогам исследования. В основном тех-

нические задания предполагают предоставление итогового отчета по результатам исследования. В результате большинство отчетов содержат лишь описательную часть, без выработки рекомендаций и прогнозов развития событий. Хотя тот же Валерий Федоров отмечал, что ВЦИОМ накоплен богатейший материал по социально-экономической тематике, собиравшийся на протяжении многих лет. При необходимости можно проследить все процессы в динамике, сделать прогноз развития событий. Однако, по словам В. Федорова, такой материал не находит заказчика.

Стоит отметить, что в подавляющем большинстве органы государственной власти используют лишь одну форму социологического исследования – регулярные опросы населения по тем или иным интересующим власть вопросам (в основном по социально-экономической и общественно-политической ситуации в регионе). При этом практически не используются такие методы, как, например, глубинные интервью или экспертные опросы.

Таким образом, можно отметить, что в настоящее время существует несколько проблем проведения социологических исследований для органов государственной власти. Первое, это выбор оптимального способа отбора организаций. Из существующих, предлагаемых ФЗ № 94 и рассматриваемых в аспекте коррупционной составляющей – наиболее оптимальными является проведение аукциона в электронной форме. Следующим способом можно отметить проведение открытого аукциона, замыкает тройку запрос котировок. Однако сразу возникает вопрос, который не решают вышеуказанные методы. Это проблема отбора организаций, предлагающих свои услуги по проведению социологических опросов. Отчасти проблема решается за счет установления необходимости обеспечить заявку и контракт. Это позволяет отсеять фирмы-однодневки, однако в то же время даже крупные социологические организации не всегда могут обеспечить многомиллионные контракты.

И, наконец, последней проблемой, возникающей при проведении социологических исследований для органов государственной власти, является то обстоятельство, что зачастую заказчика не интересует вопрос: «Что будет дальше?», а лишь ситуация «здесь и сейчас».

Trufanov A. Y. The Methodology of Sociological Research in the Composit Society.

Summary: The article highlights the problems encountered in sociological research, the customer is State authorities of subjects of the Russian Federation. Also the article discusses the methods of picking the participants of placing the order as an open electronic auction, open tender, quoted bid. The article contents comparative analysis of given methods, considers their benefits and limitations, touches on the practical questions associated with the functioning one or the other method.

Ключевые слова

Социологическое исследование; федеральный закон, аукцион в электронной форме, открытый аукцион, котировочная заявка.

Keywords

Sociological research, Federal Law, electronic auction, open tender, quoted bid.

Примечания

1. Федеральный закон от 21.07.2005 г. №94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации № 30 от 25 июля 2005 года. М., 2005. С. 247.
2. Там же. С. 234.
3. Там же. С. 268.
4. Официальный сайт Российской Федерации для размещения информации о размещении заказов [Электронный ресурс].- Режим доступа http://zakupki.gov.ru/pgz/public/action/orders/info/order_document_list_info/show?notificationId=4451779, свободный.
5. Там же. Режим доступа http://zakupki.gov.ru/pgz/public/action/orders/info/order_document_list_info/show?notificationId=4633631
6. Там же. Режим доступа http://zakupki.gov.ru/pgz/public/action/orders/info/common_info/show?notificationId=4506215
7. Там же. Режим доступа http://zakupki.gov.ru/pgz/public/action/orders/info/common_info/show?notificationId=4506214
8. Там же. Режим доступа http://zakupki.gov.ru/pgz/public/action/orders/info/common_info/show?notificationId=4704257
9. Там же. Режим доступа http://zakupki.gov.ru/pgz/public/action/orders/info/common_info/show?notificationId=4704257
10. Там же. Режим доступа http://zakupki.gov.ru/pgz/public/action/orders/info/common_info/show?notificationId=4704257
11. Там же. Режим доступа http://zakupki.gov.ru/pgz/public/action/orders/info/common_info/show?notificationId=4704257
12. Там же. Режим доступа http://zakupki.gov.ru/pgz/public/action/orders/info/common_info/show?notificationId=4704257

Адаптация к социальной сложности

М.С. Негрова

Современное общество как сложная динамично развивающаяся система подвержено влиянию непредвиденных флуктуаций. Недавнее по историческим меркам внедрение в научную картину мира нелинейного подхода поставило под вопрос классическое понимание пространства и времени. Соответственно возникла проблема адаптации человека и его картины мира к утверждающейся сложности социума.

Современное общество в интерпретациях социологов предстает как глобализирующееся, космополитичное, мировое общество риска. В социологическую лексику вошли такие понятия, как турбулентные времена, общество постмодерна, «текучая», «ускользающая» современность, сетевое общество, пространство потоков, рефлексивный модерн. За каждой из обозначенных концепций и метафор стоит в первую очередь факт усложнения социальных реалий. В связи с этим английский социолог Дж. Урри обобщал «поворот сложности»¹, а российский ученый В.П. Шалаев даже утверждает, что наступили времена «гиперсложного социума»².

Ускоряющееся развитие общества и науки ставит в повестку дня проблему адаптации человека к утверждающейся сложности социума, который характеризуется нелинейностью развития, многовариантностью, рискогенностью, самоорганизацией институциональных структур. В данной статье в качестве приоритетной задачи стоит рассмотрение адаптации человека к социальной сложности. Автор стоит на той позиции, что адаптация является не только обязательным условием для сохранения системы, но также лежит в основе сложности, является одним из условий эффективной самоорганизации и развития открытой системы.

У сложности есть глубокие культурно-исторические корни. Она поэтапно приходила в Россию, способствуя формированию определенных меха-

низмов адаптации. Ключевым периодом, требующим новых адаптаций, стал постсоветский период, трансформация общества вследствие перестройки, необходимость нового «рыночного» типа мышления, а также адаптации к мировому экономическому кризису и его последствиям, зачастую выраженные в снижении уровня притязаний. Среди социальных адаптаций существует определенный набор действий, приводящий к изменениям социальной среды и субъекта в ситуации двухстороннего процесса взаимовлияния и взаимодействия.

Российский социолог П.М. Козырева анализирует социальную адаптацию россиян в постсоветский период, апеллируя к эмпирической базе на основе таких критериев, как уровень материального благосостояния и социальное самочувствие граждан. Она приходит к выводу, что «значительная часть населения испытывает огромные трудности, теряя социальные позиции в рыночной среде, пребывая на низких ступенях адаптации или составляя контингент явных дезадаптантов». В то же время имеет место увеличение числа людей, рассматривающих возникающие трудности как ресурсную ситуацию. В качестве принципа адаптации она называет «форму активного отношения человека к окружающей действительности». Действия, поведение, составляющие трудовую, познавательную и иную деятельность, становятся способами адаптации в том случае, когда они способствуют реализации или укреплению адап-

тационных ресурсов. Соответственно основным способом адаптации являлось открытость человека, изменение себя, своего образа жизни, актуализация ресурсов. Конкретно это выражалось в смене работы с сохранением профессии (уход из профессии как менее эффективная мера адаптации, чем просто смена работы), дополнительной занятости, самообразовании. При этом наименее популярными в России адаптациями были «перепродажа товаров и продуктов, продажа продуктов домашнего изготовления, простейшие денежные операции, связанные с получением процентов от вкладов или приобретением ценных бумаг, сдача в наем жилья и другого имущества»³.

Приведя примеры социальной адаптации, характерные для российского общества, мы считаем возможным сформулировать вывод: если социальная адаптация является тактической составляющей процесса социального усложнения, то адаптация к социальной сложности – стратегической, функциональной. Известно, что современное российское общество уже является сложной системой. Необходимо сказать, что единого признанного понимания сложности в социологии не существует. «American Heritage Dictionary» предлагает следующее определение сложности: качество или условие того, чтобы быть сложным⁴. Достаточно емкая дефиниция, однако, сообщая о внешней и внутренней природе сложности, она не дает полного представления о ней.

В словаре новейшей социологической лексики С.А. Кравченко находим три варианта определения сложности. Первое из них по праву принадлежит И.Р. Пригожину, понимавшему под сложностью «черты материи и социума, проявляющиеся в «конце определенности», нелинейности, альтернативном развитии, точках бифуркации, когда создается новый порядок из хаоса, будущее относительно непредсказуемо и характеризуется различными возможностями»⁵. По его мнению, сложность может быть как результатом (качеством), так и тем, что, собственно, обеспечивает наличие сложности (ее функциональность, причина). Из этого определения также явствует, что сложность предстает как некий результат, возможный в разупорядоченном состоянии при появлении определенности, проявляется при выходе системы в аттрактор. Отмечается, что новый сложный порядок непредсказуем и многовариантен в своем развитии. Заметим, В.И. Аршинов раскрывает идеи Пригожина: квинт-эссенция переоткрытия времени Пригожина состоит в осмыслении паттерна стрелы времени (направленность времени, повышение энтропии) как единство, «процессуальный гештальт», для чего Пригожин и стремится преодолеть «разрыв двух времен: внутреннего (субъективного) времени А. Бергсона и внешнего (объективного) времени И. Ньютона». Аршинов указывает на самосогласованность концепции Пригожина, предполагающей, что и человек, и природа как открытые неравновесные диссипативные структуры включены в общий эволюционно-коммуникативный канал. Тем не менее разрешение проблемы соотносимости времен встречается с проблемой

«теперь» из длительности которого состоит вся жизнь человека⁶.

Дж. Урри, разработавший повороты сложности, мобильности и ресурсности, понимает сложность в тесной связи социального с природным. Он определяет ее как «эмерджентную структуру возникающую, как результат серии процессов:

- быстрые и неожиданные движения людей, капиталов, образов, информации в глобальном масштабе;
- рост коммуникационных технологий, ведущие к образованию компьютеризированных сетей по всему миру;
- появление глобальных микроструктур, действующих на принципах самоорганизации;
- увеличение гиперсложности товаров и технологий, включающих огромное количество компонентов;
- увеличение значимости гибридных систем, в которые включаются физические, биологические и социальные миры; возрастание роли эффекта бумеранга;
- нелинейные изменения в обществе, хозяйствовании, человеческих отношениях...»⁷.

Урри существенно переработал проблемное поле изучения социального сложного, изначально заложенный в работах И. Пригожина, И. Стенгерс, Э. Морена, К. Майнцера. Он вносит существенную поправку, указывает на турбулентный характер социальной сложности, как разупорядоченное движение людей, идей, образов, капиталов, информации. Также интересно отметить, что Ж.Т. Тощенко описывает и анализирует большой эмпирический материал о нелинейных изменениях в обществе, сочетании несочетаемого и непредвиденных линиях развития в пространстве российского социума⁸.

Так как сложность характеризует состояние системы в определенных условиях и является таким способом организации/самоорганизации материи, при котором становится возможным а) появление нового качества, не существовавшего в прежних условиях и б) сохранение системы за счет нового способа организации⁹, в связи с чем адаптация представляется наиболее адекватной реакцией на изменяющиеся условия, новой формой организации. Процесс адаптации лежит в основе рождения сложного для общественной системы и эволюции для биологических систем.

Возможность появления нового, непредполагаемого качества из имеющихся предпосылок отмечает также В.С. Степин, который рассматривает сложность с позиции эмерджентности и трактует ее как саморегулирующуюся систему, качества которой не сводятся к свойствам ее частей. Можно предположить, что эмерджентность системы лежит в основе механизма ее самоорганизации¹⁰. На наш взгляд, определение сложности Степина вписывается в закон Геделя о неполноте и постулат самореференции Н. Лумана. С.А. Кравченко обсуждает значимость моральной составляющей самоорганизующегося социума, выступает за нахождение оптимального соотношения между само-

организацией и организацией. Он обосновывает гуманистический поворот, ратует за интеграцию не только социологического и естественно-научного, но и гуманитарного знания. Это, по его мнению, способствовало бы углубленному пониманию сложности с учетом «социокультурной динамики, всевозможных парадоксов, дисперсий и турбулентностей социума, развивающегося в единстве с природой»¹¹.

Ю.Н. Москвич также пишет о необходимости выработки новой морали в контексте управления социальной турбулентностью¹². Он проводит аналогию между животными и птицами, приспособившимися к турбулентным воздушным и водным потокам, и людьми, живущими в усложняющемся турбулентном социуме. Москвич считает, что вновь сформированные ценности будут способствовать более легкой адаптации к разупорядоченности современных реалий. Ученые рассматривают выработку новой морали, ценностей, ее гуманизацию как адаптивный механизм. Идея гуманизации как идея адаптации, сохранения и развития обоснована в концепции ноосферы В.И. Вернадского¹³: «Ноосфера – сфера разума, сфера взаимодействия общества и природы, в границах которой разумная человеческая деятельность становится определяющим фактором развития, новая, высшая стадия эволюции биосферы, становление которой связано с развитием общества, оказывающего глубокое воздействие на природные процессы». Диалог человека и природы предстает как естественное и закономерное обращение человека к природе, как значимому другому, в ходе которого человек переоткрывает себя и становится соразмерным природе. Именно в диалогичном отношении к природе человек в полной мере может раскрыть и реализовать себя, обрести новые формы гуманизма. Мы видим здесь подход к решению проблемой аномии современного общества через формирование нового типа личности.

В.П. Шалаев описывает «массового человека»: эмоционального, подражающего, стремящегося удовлетворить свои телесные потребности, насытиться (иного, чем человек одухотворенный и аскетичный); создавшего и легитимизирующего глобализацию, как цивилизационную и культурную форму. Он отмечает, что «маленький массовый человек» уверен в своем доминировании «по своим ценностям, названным им демократическими»¹⁴. Миксированное (бифуркационное, эклектичное, кентавристичное, гибридное) сознание и аналогичная культура свидетельствуют о совершенно новой реальности – «жизни в пограничном, нестабильном мире». В таких условиях люди перестают осознавать себя в конкретной культурной форме, и «складывающаяся в сознании ситуация постмодерна необычным образом соответствует тому, что в современном обществознании и философии принято называть маргинальным типом личности»¹⁵.

Для общества, как изменяющегося, мобильного и текучего, характерной социальной нормой становится маргинальность. В интерпретации Р.Э. Парка, маргинальность – пограничное положение

индивида, находящегося на стыке конфликтующих культур, – позволяла определять адаптивность мигрантов в новой среде¹⁶. Маргинализация же, как отмечает А.И. Агоян, есть распад социальных связей, некий «рубеж, за которым начинается размывание тотальности всех базовых норм самого целого и размывание господства одного типа связей над всеми традиционно присущими этому целому»¹⁷. Маргинал, пребывающий в пограничном состоянии, обладает большей свободой для созидания новых норм и связей, являясь «включенным» в несколько пространств, он может дать отстраненную и более точную рефлексию. Маргинальность есть нейтральное потенциальное состояние, отражающее динамизм времени и социума. Каждый индивид включен в те или иные социальные поля, которые, подобно турбулентным потокам, выстраиваются в иерархическом каскаде взаимных влияний идей, информации, людей и капиталов.

Для сложного турбулентного общества характерным является усиление дифференциации на различных основаниях (культурных, материальных, социальных и т.д.). Обсуждение значимых и незначимых мест присутствия и отсутствия предполагает, что общество дифференцируется по принципу текучие, мобильные, значимые и тяжелые, пассивные, небытийствующие. Обсуждаемые реалии с позиции системного подхода выглядят как естественное состояние системы в условиях, требующих выживания. В условиях усложняющегося общества происходит массовая дифференциация и маргинализация. Индивид, находясь в пограничном положении постоянного принятия ответственности за себя, либо вырабатывает адекватные адаптации и имеет возможность влиять на свою жизнь, либо из пограничного, маргинального состояния переходит в состояние люмпенизированное. И здесь понимание люмпена шире, чем трактовалось прежде. Это состояние безвременья, «места без места» (М.Фуко).

Риски, страхи и ожидания современного общества свидетельствуют о массовом пребывании людей на границе динамичных и статичных пространств. К статичным могут быть отнесены пространства, в которых человек деиндивидуализирован, «макдональдизирован», пребывает в состоянии небытия, пустоты. Динамичное пространство, наоборот, требует постоянного подтверждения собственной самости, уверенности и активности, собирания и структурирования пространства. Члены общества дифференцируются по принципу мобильности, включения в различные потоки, составляющие суть социальной турбулентности.

В этом же ключе в качестве адаптивной модели возможно рассмотрение идеи «точки внеаходимости», высказанной М.М. Бахтиным, нахождение и обретение которой является необходимым условием «подлинного философствования» и рефлексии в «сошедшем с ума мире»¹⁸.

Точка внеаходимости как межструктурное маргинальное положение в пространстве разупорядоченного социального является тем

состоянием, из которого посредством рефлексии человек может адаптироваться к новым реалиям.

Э. Гидденс и З. Бауман отмечают, что в рискованном обществе человек должен постоянно сканировать умножающиеся риски и своим поведением препятствовать реализации неблагоприятного сценария. Однако они несколько по-разному смотрят на причины данного явления. По Гидденсу, в «ускользающем мире» сложность становится сложностью прежде всего для человека управляющего¹⁹. Иллюзия сравнительно легкой управляемости миром, возможности все спланировать и предугадать застигла человечество врасплох с появлением проблем глобального характера. Однако социолог достаточно оптимистично смотрит на проблему. «Ощущение бессилия» в обществе он видит не в собственной слабости людей, а в «недееспособности наших институтов».

В качестве альтернативы предлагается либо реформирование, либо создание новых институтов²⁰. Э. Гидденс также отмечает, что современное общество отходит от традиционного, в котором не было места риску. Жители таких великих цивилизаций, как Рим и Китай, жили в основном прошлом, а не будущим, в которое сейчас активно устремляется современность²¹. Попробую не согласиться с этим тезисом, так как полагаю, что Китай устремляется не в прошлое и будущее, он устремляется в настоящее и демонстрирует высокую адаптивность во включении в глобализацию.

Взгляды Баумана на современность носят более прагматичный характер. Изменение функциональности британский социолог видит как имманентное состояние. Если прежде нарушение порядка вело к созданию нового, то теперь данная функциональность (изменчивость) не несет в себе новый порядок в привычном понимании. Таким образом, теперь изменениям подвержены все элементы. Произошли существенные функциональные изменения, и то, что прежде способствовало изменению системы, теперь обеспечивает ее гомеостазис²². Как считает У. Бек, в свете постоянной изменчивости всего и отсутствия нормы, выраженной в необходимости «биографических решений системных противоречий»²³, перед человеком встает проблема выработки все новых и новых адаптаций, которым нет конца. В данных подходах мы видим, что самосохранение в условиях усложняющегося социума становится возможным лишь благодаря постоянному движению и поиску новых адаптивных возможностей.

Адаптация в современном обществе столь же нелинейна, как и сам нелинейный социум. Дж. Сорос предлагает рассматривать реальность как сложную систему, где мышление участников является основным тому «движителем». Сорос пишет, что «причинно-следственная связь не ведет напрямую от факта к факту, а проходит от факта к восприятию и от восприятия к факту». Он ссылается также на проблему невозможности человека выйти за рамки своих мыслей: «мысли человека являются частью того, о чем он размышляет; следовательно, человеку не хватает независимой точки отсчета, с которой

он мог бы произвести оценку, – ему не хватает объективности»²⁴.

Полагаем, определенный ответ на данную проблему дает теорема Геделя о неполноте: человек, включенный в систему, не может составить полного о ней представления, не выйдя за рамки системы. Положения данной теоремы существенно проясняют научную картину мира и, с нашей точки зрения, лежат в основе самой идеи развития. Налицо постоянное стремление открытой аутопоэтической системы выйти за свои границы и стать чем-то большим. Математическое выражение закона можно обозначить следующим образом: система = n ; для описания системы необходимо выражение $n = n + 1$. Так, системе для самоописания или самореференции необходимо расширение пространства и усложнение структуры благодаря открытости, постоянству потокового взаимодействия со средой и другими акторами социальных процессов, коммуникации, энергии и информации. В этом в том числе заключается механизм адаптации к социальной сложности.

Таким образом, сложность предстает как некая неокончательная реальность, возможная в результате нелинейного развития. Можно заключить, что значимым для изучения адаптации к сложности является закон тектологического акта, согласно которому всякое явление, процесс или вещь в ситуации необходимости ответа на вызовы противостоящей среды либо изменится и приобретет новые свойства и функции и станет сложнее, установившись на новом уровне взаимодействия со средой, либо останется неизменной или упростится, заняв более скромное место в иерархии. По сути, данный закон объясняет турбулентный характер социальной сложности, в которой мы живем и к которой вынуждены адаптироваться.

Адаптация к социальной сложности представляется наиболее адекватной реакцией на изменяющиеся условия, новой формой организации, предполагает появление нового качества: новых связей, одновременное усложнение адаптанта и среды (и других адаптантов), выстраивание иерархии потоков, самоорганизация и соорганизация. Адаптация, рождающая сложность социального, предполагает такие рядоположенные способы адаптации, как рефлексия, самореференция, ответ вызову, самопостроение, гуманизация, диалогичность с природой, соразмерность моральной организации, концентрация на «теперь» (здесь и сейчас), осознание и принятие изменчивости мира, принятие ответственности, обретение точки внеаходимости, коэволюция, нелинейное мышление, осознание сложности и открытость миру.

Negrova M.S. Adaptation to Social Complexity.

Summary: *Modern Society as a Complex Dynamic System is Affected by Unforeseen Fluctuations. By Historical Standards, the Recent Introduction of the Nonlinear Approach into the Scientific World Picture put the Classical Understanding of Space and Time to the Obstruction. Consequently, there Appeared the Problem of Human Adaptation and his Worldview to the Asserting Complexity of the Society.*

Ключевые слова

Адаптация, социальная сложность, способы адаптации.

Keywords

Adaptation, social complexity, ways of adaptation.

Примечания

1. См.: Urry, John The Complexity Turn // Theory, Culture and Society. London: Sage, 2005, № 22 (5)
2. См.: Шалаев В.П. Синергетика в пространстве философских проблем современности. Йошкар-Ола: Изд-во МАПГТУ, 2009.
3. См.: Козырева П.М. Социальная адаптация населения России в постсоветский период //URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/10/21/1267239988/Kozyreva.pdf>.
4. См.: The American Heritage Dictionary of the English Language, 4th edition, published by Houghton Mifflin Company URL: <http://www.answers.com/library/Dictionary-cid-17391>.
5. См.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
6. См.: Аршинов В.И. Синергетика встречается со сложностью // Синергетическая парадигма. «Синергетика инновационной сложности». М.: Прогресс-Традиция, 2011. С. 53-54.
7. Urry, John The Complexity Turn // Theory, Culture and Society. London: Sage, 2005, № 22 (5).
8. См.: Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа). М.: Новый хронограф, 2011.
9. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М.: Издательство «Прогресс», 1985. 432 с.; Майнцер К. Сложносистемное мышление: Материя, разум, человечество. Новый синтез. М.: Либроком, 2009; Морен Э. Метод. Природа природы. М., Прогресс-Традиция, 2005. 464 с.
10. См.: Стёпин В.С. О философских основаниях синергетики // Синергетика: Будущее мира и России. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 384 с.
11. Кравченко С.А. Переход к сложному, нелинейно развивающемуся социуму: вызовы для России / С.А. Кравченко // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 1. С. 211-220.
12. Москвич Ю.Н. Глобальная турбулентность и путь к «Человеку разумному». Интеллектуальный потенциал Сибири для развития России / Философия – Наука – Образование: сборник статей Второй Всероссийской научной конференции «Сибирский философский семинар». Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012. С. 147-149.
13. См.: Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // журнал "Успехи современной биологии". 1944. № 18, вып. 2.
14. Шалаев В.П. Глобализация, постмодерн, бифуркационный человек: современные контексты историософской судьбы человека и общества // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 469.
15. Там же. С. 471.
16. Park R.E. Human migration and the marginal man // American Journal of Sociology. Chicago, 1928. Vol. 33, № 6. P. 881-893.
17. Атоян А.И. Социальная маргиналистика. О предпосылках нового междисциплинарного и культурно-исторического синтеза // Полис (Политические исследования). 1993. № 6. С. 29-38.
18. Бахтин М.М. К философии поступка. М.: Лабиринт, 1996. С. 175.
19. См.: Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. С. 34-35.
20. Там же. С. 39.
21. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. С. 32.
22. Beck, U. Risk Society: Towards a New Modernity. New Delhi: Sage 1992. P. 137.
23. См.: Сорос Дж. Алхимия финансов. М.: Инфра-М, 1996. 416 с.
24. См.: Хофштадтер Д.Р. Гедель, эшер, бах: эта бесконечная гирлянда. Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2001.

Социокультурные особенности карьерного пространства Юга России

О.Ю. Посухова

В статье рассматривается карьерное пространство с позиций жителей Ростовской области. Анализируются представления о возможностях карьеры, о месте работы, о каналах трудоустройства и карьерного продвижения, предпочитаемых профессиональных сферах, о карьерном пределе и способах легитимации карьерных перемещений. Обосновывается, что перемещение в карьерном пространстве определяется не столько наличием профессиональных ресурсов, сколько «семейным капиталом», а отсутствие неформального капитала провоцирует быстрое наступление карьерного предела.

Для оптимального функционирования общества необходимо наличие эффективных каналов социальной мобильности. В условиях развития рыночных отношений в России значимым способом стабилизации общественной и социально-экономической жизни при колоссальном расслоении общества является поддержание высококвалифицированного и социально-ориентированного рынка труда, обеспечивающего профессиональную мобильность. При этом важным является выявление факторов детерминации профессиональной мобильности, к которым относится специфика карьерного пространства, задающего определенные рамки и векторы профессиональным перемещениям. В связи с этим актуальным представляется анализ представлений жителей Ростовской области о карьерном пространстве с целью выявления социокультурных факторов, определяющих профессиональную мобильность.

Сущность и специфика профессиональной карьеры исследуются в работах современных российских социологов Е.С. Балабановой, С.Б. Бондарева, И.Л. Добровольского, А.А. Зино-

вьева, Е.В. Охотского, В.Л. Романова, А.Г. Эффендиева и др.¹. В трудах этих ученых проводится:

- анализ профессиональных карьер выпускников вузов, государственных гражданских служащих;
- большое внимание уделяется факторам успешного развития индивидуальной карьеры;
- изучаются проблемы становления и развития личности в ходе профессионального роста; исследуются отклонения и аномалии карьерного продвижения.

Однако сегодня отсутствуют работы, посвященные анализу карьерного пространства и представлений о нем со стороны профессиональных акторов, в которых были бы отражены социокультурные особенности, детерминирующие карьеру и способы ее легитимации. Поэтому целью данной статьи является выявление представлений о карьерном пространстве на примере жителей Ростовской области. Эмпирической базой выступают совместные исследования Южнороссийского филиала Института социологии РАН и Института по переподготовке и повышению квалификации Южного федерального университета².

Посухова Оксана Юрьевна – к.соц.н., доцент кафедры теоретической и прикладной регионалистики Института по переподготовке и повышению квалификации Южного федерального университета.
E-mail: belloks@yandex.ru

В своей работе мы уйдем от общепринятого понимания в менеджменте и управлении персоналом карьерного пространства как относительно обособленной совокупности должностей в организационной структуре, задающей необходимые условия для реализации профессионального опыта специалиста³. К карьерному пространству в данных отраслях предъявляют следующие требования:

- относительной стабильности должностной структуры;
- простора для творческого, профессионального и должностного роста персонала;
- оптимального соотношения должностей, способствующего состоятельности в профессиональном развитии персонала⁴.

На наш взгляд, исследовательский потенциал данной формулировки ограничен ввиду узкого понимания карьеры и сужения границ до одной конкретной организационной структуры. В социологии под карьерой в широком смысле понимают последовательность профессиональных ролей, статусов и видов деятельности в жизни человека. Это существенно расширяет горизонты карьерного пространства, позволяя включать сюда не только успешное/неуспешное продвижение в профессиональной деятельности в рамках одной организационной структуры, но и включает в себя горизонтальные и вертикальные профессиональные перемещения из одной организации в другую.

Изменение профессионального статуса, перемена профессиональной роли предполагают определенные действия со стороны субъекта профессиональной деятельности. В их основе лежит не только субъективная оценка социальных действий актором, но и «ориентация на другого», то есть ожидание реакции со стороны других субъектов. Оценочный аспект карьеры позволяет ввести в анализ и такой компонент, как легитимацию профессиональной карьеры. Поэтому под карьерным пространством мы предлагаем понимать разновидность социального пространства, в основе которого лежит система взаимоотношений, социальных практик, социальных позиций и связей между акторами, характеризующееся также вертикальным и горизонтальным измерением, детерминированное «правилами игры», принятыми в социуме и влияющих на реализацию карьерных притязаний, замыслов и ожиданий профессионального актора.

Карьерное пространство детерминировано не только объективными социально-экономическими условиями, но и субъективными представлениями профессиональных акторов о нем. В свою очередь представления зависят от убеждений, ожиданий, мечтаний и знаний об особенностях процессов, протекающих в карьерном пространстве. Для более половины молодежи Ростовской области (53,7%) карьера – это одна из важных ценностей среди других (семья, дети, друзья и пр.); для 20,3% – карьера не является ценностью; 15,4% хотят сделать карьеру в первую очередь и готовы ради нее многим пожертвовать. Такое ранговое распределение характерно как для молодежи Ростовской области в целом, так и для дифференциации молодежи на

городскую и сельскую (табл. 1). Данное распределение ответов позволяет сделать вывод о том, что карьера занимает прочное место в ряду терминальных ценностей.

Таблица 1

Насколько для вас важна карьера?

Варианты ответов	Общее	Город	Село
1. Мне бы хотелось сделать карьеру в первую очередь, готов ради нее многим пожертвовать	15,4	13,9	17,1
2. Карьера – это одна из важных ценностей среди других (семья, дети, друзья и пр.)	53,7	54,6	48,0
3. Карьера не является для меня ценностью	20,3	18,9	25,0
4. Затрудняюсь ответить	10,5	12,5	9,9

Относительно представлений о карьерных ожиданиях и перспективах карьеры эмпирические данные фиксируют, что по значительной части молодежи (29%) карьерные ожидания у их сверстников завышены. Такая тенденция характерна и для городских жителей (26%) и для жителей сельских поселений (26,4%). Мнения о том, что молодежь реально оценивает свои знания и опыт, придерживаются 22,2% опрошенных. На третьей позиции 17,1% вариант ответа «затрудняюсь ответить» (а у городских жителей 22,4% и занимает второе место), что может говорить о том, что трудовой путь только начинается и карьерные установки сформированы не в полной мере. Для 16,6% опрошенных «современная молодежь неамбициозна, она больше нацелена на праздное времяпрепровождение, чем на построение карьеры», что ставит данный ответ на четвертое место. И 15% молодежи Ростовской области считают карьерные ожидания молодых заниженными.

Ввиду значимости карьеры в глазах молодежи интерес представляют результаты, связанные с выявлением приоритетных способов в ее построении. 38,4% молодых жителей Ростовской области не смогли дать однозначного ответа и точно сказать, что можно отнести к главным факторам успешной карьеры, но доминируют ответы о профессионализме и неприемлемости аморального поведения. Однако 29,9% молодежи уверены, что успешную карьеру не построить без взятки, а 24,3% без сексуальных отношений, 15,6% могут пойти на обман коллег ради успешной карьеры и 14,6% на нарушение закона. Таким образом, готовность пойти на противоправное и аморальное поведение ради достижения успешной карьеры является индикатором кризисного состояния моральной сферы российского общества и свидетельствует об общем падении морали у граждан.

В этом контексте несколько обнадеживающе выглядит распределение на вопрос «Сталкивались ли вы с коррупцией при устройстве на работу?»: 40,3% не сталкивались с проявлением коррупции при устройстве на работу, 26,5% затруднились ответить. С другой стороны, 20,1% ответили, что знакомые давали взятку, чтобы устроиться на работу; 9,4% знают, что коллеги давали взятку, чтобы

устроиться на работу, а 3,4% лично давали взятку при трудоустройстве. Это свидетельствует о том, что подобную информацию не считают необходимым скрывать или утаивать, нормой становится обсуждение данного вопроса на людях. Причем для сельских и городских жителей данная тенденция сохраняется.

Интересен факт, что в зависимости от возраста интерпретация факторов карьерного роста меняется. Результаты интервью показывают, что если по мнению молодежи «карьерный рост зависит от уровня профессионализма, интеллекта, умения совершенствовать навыки и умения, способности ставить и решать задачи любой сложности, умения нестандартно мыслить, целеустремленности», «карьерный рост зависит от личных качеств, профессиональных и коммуникативных навыков человека», то старшее поколение считает, что карьерный рост в большей степени детерминруется «семейной принадлежностью», «близостью к телу руководителя, особенно оказание сексуальных услуг», «родственными связями», «умением стучать и игнорировать», а также «везением» и в меньшей степени «профессионализмом», «знаниями», «навыками», «образованием» и «цветом диплома».

Говоря о карьерном росте, необходимо сказать о карьерных барьерах и карьерном пределе, которые детерминируют карьеру и соответственно и представления о карьерном пространстве. Ответы на вопрос о том, что может препятствовать карьере, показали, что карьерному пределу наряду с «естественными» факторами (образование, личностные качества, опыт работы) могут и «искусственные»:

- «желание отомстить, враги в коллективе (сделают все, чтобы не дать ходу)», «закрыть все двери» неугодившему человеку»;

- «стремление удержать человека на определенной позиции в силу «страха» конкуренции со стороны потенциально более компетентного соперника»;

- «ключевые позиции возможного карьерного роста уже «намечены» для других, а данный человек, несмотря на профессионализм, не входит в круг интересов»;

- «от силы и заинтересованности в тебе патрона»;

- «от отсутствия или, наоборот, присутствия неугодных родственных связей».

Следует сказать, что осознание искусственных факторов, препятствующих карьерному росту, присутствует как у старшего, так и у младшего поколения, и это свидетельствует о том, что молодежь уже на ранней стадии своей трудовой деятельности и построения карьеры снимает «розовые очки», понимая, что карьера – это постоянная борьба как с самим собой, так и со внешней средой.

В последнее время траекторию, скорость и дистанцию профессиональной мобильности определяют неформальные факторы социального продвижения. По результатам исследования ВЦИОМ², 24% россиян уверены, что успешную карьеру не построить без нужных связей. Особенно это очевидно в сфере бытовых услуг (52%), юриспруденции (49%) и медицины (49%). К связям люди при-

бегают в основном потому, что не имеют другого шанса на трудоустройство. Те же, кто не прибегал к знакомствам, признаются, что у них просто не было такой возможности. С другой стороны, использование неформальных каналов является нормой для России. В подавляющем большинстве случаев с помощью связей люди находят хорошую работу (68%), 9% получают повышение и 8% избегают увольнения. В понимании актуальностей «связей» при осуществлении перемещений в карьерном пространстве жители Ростовской области демонстрируют солидарность с общероссийским восприятием данного компонента. Важной особенностью карьерного пространства в представлениях жителей Ростовской области является существенное изменение системы критериев оценки успеха и нарастание тенденции распространения неинституционализированных каналов профессиональной мобильности. Вся система профессиональных перемещений приобрела выраженные примордиальные характеристики. Это связано в первую очередь с тем, что институционализированные каналы профессиональных перемещений неэффективно выполняют возложенное на них функциональное назначение, а также с кризисным состоянием рынка труда не только в Ростовской области, но и всей России.

Ростовская область находится на 45-м месте в стране по уровню безработицы, которая составляет 7,3%⁶. Работу по специальности через службы занятости подавляющее большинство безработных найти не может, в том числе молодежь и выпускники вузов. Это показывает исследование, проведенное ЮРФИС РАН осенью 2012 г.:

- более половины опрошенной молодежи Ростовской области обращались за помощью в трудоустройстве к знакомым и родственникам (59,6%);

- к помощи интернет-ресурсов (Head hunter, Superjob и т.д.) прибегало 38,7%;

- службу занятости отметили 30,5% респондентов;

- центры занятости при вузе практически не пользуются популярностью, к их помощи прибегало только 5,8% опрошенной молодежи.

Введение территориального критерия несколько изменяет структуру ответов. 59,3% городской молодежи обращались за помощью знакомых и родственников; на втором месте по обращению за помощью в трудоустройстве – интернет-ресурсы (32,2%), к службе занятости прибегали за помощью 28,1% горожан. У сельской молодежи лидирующую позицию также занимает помощь родственников и знакомых (54,1%), а вот служба занятости перемещается на второе место (40,7%) по обращению за помощью в трудоустройстве, в то время как популярные у горожан интернет-ресурсы перемещаются на третье место (30,5%). Это смещение позиций в распределении ответов можно объяснить как труднодоступностью услуг Интернета на сельских территориях, так и высоким порогом доверия к органам государственной власти и ее представителям.

Любые ожидания относительно места работы как начального этапа карьеры предполагают не просто обращение за помощью, но и выбор наиболее эффективного способа трудоустройства. По единодушному мнению и городской, и сельской молодежи Ростовской области, первое место отдано помощи знакомых и родственников (50,2 и 42,3% соответственно); на второй позиции по эффективности закрепилась служба занятости (23 и 29,4% соответственно); третье место отдано интернет-ресурсам (17,5% горожан и 17,7% селян) (см. табл. 2). Поэтому актуальным становится обращение к родственным и клановым связям при профессиональных и карьерных перемещениях. Выбор используемых каналов можно объяснить, исходя из теории рационального выбора. Среди всех возможных альтернатив действия человек выбирает то, что согласно его ожиданиям наилучшим образом соответствует его интересам при условии заданности его личных предпочтений и ограничений внешней среды⁷.

Таблица 2

Что, по вашему мнению, при устройстве на работу эффективнее?

Варианты ответов	Город	Село
1. Служба занятости	23,0	29,4
2. Интернет-ресурсы (Head hunter, Superjob и т.д.)	17,5	17,7
3. Помощь знакомых, родственников	50,2	42,3
4. Центры занятости при вузе	7,1	7,3
5. Другое	2,2	3,2

Будущую карьеру определяет как выбор профессии, так и место работы. В нашем случае интересно посмотреть, каким образом молодежь выбирает себе место работы и является ли этот выбор самостоятельным. Так, распределение ответов на вопрос: «Как вы выбрали (собираетесь выбрать) место работы?» – показало, что для большей половины опрошенных – 65,2% – характерна самостоятельность в данном решении, что позволяет говорить о наличии социально активной молодежи. 19% респондентов работают или будут работать там, куда их смогли устроить родители или знакомые. Наличие такого варианта на втором месте позволяет говорить о пассивных стратегиях адаптации молодежи в начале своего трудового пути, что может быть обусловлено и в некотором смысле неразвитостью регионального рынка труда для молодых специалистов, а также ограниченными возможностями имеющегося у молодежи личного (ни в коем случае не семейного) социального капитала. Такая тенденция не может не настораживать, так как данное пассивное поведение в некоторой степени может выступать основой для конформистского поведения. В связи с этим имеет смысл говорить также и о таком типе адаптации на рынке труда, как вынужденный, когда индивиду приходится жертвовать своими интересами, предпочтениями, ценностями, идеалами и целями. Для российских условий вынужденный тип адаптации характерен для многих россиян, в том числе молодых, которым

часто приходится самореализовываться не в рамках полученной специальности и любимой профессии с целью достижения материальной стабильности или благополучия, а просто для выживания. 10,1% опрошенной молодежи выбрали работу случайно.

Самостоятельная самореализация на рынке труда молодежи в процессе ее трудоустройства для значительной части оборачивается тем, что у молодежи отсутствуют работа с достойной оплатой труда и возможности карьеры в рамках выбранной профессии⁸, что и вынуждает ее обращаться к иным каналам поиска работы, уменьшающим ее самостоятельность как субъекта трудовых отношений. Апелляция к социальным связям родителей, родственников, знакомых и в целом к неформальным каналам поиска работы свидетельствует о том, что в современной России, в частности в Ростовской области, отсутствует эффективная система трудоустройства молодежи на государственном и региональном уровне, что и продуцирует рост несамостоятельности адаптационных практик и стратегий молодежи на рынке труда.

Восприятие карьерного пространства зависит от представлений об идеальной и реальной работе. Результаты проведенного социологического исследования позволяют утверждать о том, что идеальные мечты о работе жителей Ростовской области, так же как и у россиян в целом, достаточно однозначны и выражаются в ориентации на обретение интересной работы, которая даст возможность самореализации и повышения материального благосостояния (табл. 3).

Таблица 3

Отношение россиян и жителей Ростовской области к критериям предпочтения труда

Варианты ответов	Данные по Ростовской области	Данные по России
1 – Только на интересную работу можно потратить значительную часть жизни	77,6	58
2 – Главное в работе – это сколько за нее платят	22,4	42

Из представленных выше данных видно, что большая часть опрошенных как по России в целом, так и в Ростовской области готовы потратить значительную часть жизни только на интересную работу. При этом если разрыв между высказываниями по общероссийской выборке незначителен – 16%, то по Ростовской области составляет более 50%, что позволяет говорить о доминировании идеальных компонентов в субъективных представлениях жителей Ростовской области. Если же говорить о земных желаниях, то российская действительность и жизненные обстоятельства россиян и жителей Ростовской области вносят свои коррективы. Социально-экономические условия заставляют возвращаться с «небес на землю».

Анализ полученных результатов позволяет говорить о том, что и жители Ростовской области и остальные россияне едины во мнении о том, что идеальная работа должна быть хорошо оплачива-

емой – 70,8 и 82% соответственно. Это связано с тем, что как и для жителей области, так и для всех россиян именно работа и трудовая деятельность – это одно из немногих средств обеспечения достойного существования и удовлетворения насущных потребностей. Желание того, чтобы работа была интересной, характерно для 63,2% жителей Ростовской области и для 54% остальной России. А вот третья и четвертая позиция демонстрирует нам некоторые отличия. Так, для 39% россиян важна работа с хорошими условиями труда, в то время как для жителей Ростовской области более значима работа, обеспечивающая возможности профессионального роста (28,5%). Данное распределение ответов можно объяснить структурными особенностями современного отечественного рынка труда, в котором наблюдаются ограниченные возможности в трудоустройстве и поиске достойного рабочего места в ряде регионов России.

Карьерное пространство также детерминировано представлениями о предпочитаемой сфере деятельности. Анализ полученных ЮРФИС РАН данных позволяет утверждать о наличии существенных различий в области предпочтений профессиональных сфер между жителями области и Россией в целом⁹. Наибольшее предпочтение жители области отдали следующим профессиональным сферам: 31,9% мечтают работать в торговле, бытовом обслуживании, ЖКХ; в армии, правоохранительных органах, силовых структурах – 23,6% и в области информационных технологий и связи – 22,9%. В то же время 26% россиян мечтают работать в промышленности, энергетике, строительстве и транспорте; 25% – в сфере образования, здравоохранения, науки и культуры и по 15% – в финансовой сфере и системе государственного и муниципального управления. Такое различие в предпочтениях объясняется не только региональными особенностями рынка труда, но и историческими особенностями развития региона (Юг, в том числе и Ростовская область, развивался как торговый центр и форпост российской государственности).

Для своих детей россияне выбирают следующие профессиональные ниши: по 29% – финансовая сфера и социокультурная; 24% – государственное или муниципальное управление и 21% – сфера информационных технологий и связи. Жители области приоритет отдают армии и силовым структурам – 33,3; по 30,6% – торговле, ЖКХ и сфере информационных технологий и 27,1% – социокультурной сфере. Это позволяет говорить о том, что в первую очередь для своих детей жители области выбирают профессии, несущие надежность, стабильность и социальную защищенность, в отличие от общероссийских тенденций, где доминирует ориентация на востребованность в будущем, привлекательность и престижность. Несколько настораживает относительная непопулярность в массовом сознании жителей области таких сфер трудоустройства для своих детей, как промышленность, энерге-

тика, транспорт, строительство – 11,8% (6-е место) и сельское и лесное хозяйство – 13,2% (5-е место). Тем более что современная структура занятости Ростовской области характеризуется двумя особенностями. Первая – повышенная занятость населения в отраслях сельского хозяйства; вторая – доминирующая занятость в крупных городах области, в том числе и Ростове-на-Дону в промышленности. К тому же в последнее время стремительно развивается и строительная сфера, за счет как внутренних, так и внешних инвестиций.

Общероссийские данные выглядят не настолько оптимистичнее: 16% россиян мечтают, чтобы их дети работали в промышленной и т.п. сфере (4-е место), и только 3% мечтают о работе своих детей в сельском и лесном хозяйстве (6-е место). Немало жителей области мечтают о работе для себя (22,9%) и своих детей (30,6%) в сфере информационно-коммуникационных технологий. На сегодняшний день это стремительно развивающаяся отрасль, характеризующаяся престижностью, доходностью, востребованностью и творческим трудом. Это позволяет в будущем прогнозировать развитие информационно-коммуникационной сферы Ростовской области.

Финансовая сфера, а также система государственного и муниципального управления у жителей области оказались в зоне аутсайдеров – по 4,2 и 8,3% соответственно (в то время как россияне отдают приоритет данным сферам), что может свидетельствовать, с одной стороны, об оздоровлении регионального рынка труда, семьи начинают думать о будущем рабочем месте для детей уже на этапе выбора профессионального образования, а не следуя за сиюминутным порывом «модно сейчас», пополняя в дальнейшем ряды безработных, а с другой, – стороны закрытостью данных сфер для тех, кто не обладает необходимым социокультурным капиталом для трудоустройства и дальнейшего продвижения – связей. Данный вывод подтверждается, если проанализировать приоритетные сферы трудоустройства для детей с позиций субъективного восприятия своего материального положения. Так, только 5,9% жителей области, оценивающих свое материальное положение как плохое, выбрали для своих потомков финансовую и информационную сферы и сферу управления (последнее, 5-е место); 7,7% респондентов, оценивающих свое положение как удовлетворительное, выбрали финансовую сферу и только 3,8% – информационные технологии и связь. Если учесть, что на сегодняшний день высшее образование по данным специальностям востребовано и стоимость коммерческого обучения выше, нежели у других специальностей, то родители реально оценивают не только финансовые возможности своей семьи для получения образования и социальные ресурсы для возможного последующего трудоустройства.

Выбор в пользу той или иной профессиональной сферы может быть обусловлен рядом обстоятельств:

как идеальными мечтами о работе, карьерном росте, так и российской действительностью. Анализ ответов опрошенных жителей области позволяет прийти к выводу, что наряду с материальным благополучием, жизненными удобствами в первую очередь важна и профессиональная реализация, в отличие от общероссийских результатов, где доминируют стабильность и материальное благополучие.

Согласно полученным данным, главным при выборе сферы трудоустройства у жителей области выступают: возможности карьерного, профессионального роста 43,1%, при этом данная позиция актуальна в первую очередь для женщин (52,6%), у мужчин (35,6%) она занимает второе место. Каждый третий респондент (31,3%) мечтает о работе в соответствии с полученной профессией, по специальности. Тройку лидеров замыкают хорошие условия труда, выбранные 29,3% населения Ростовской области. Социальная значимость выполняемой работы и ее качественные характеристики для опрошенных жителей области отходят на задний план: о высоком уровне социальной значимости результатов профессиональной деятельности мечтают только 16,7%; высокий социальный престиж своей профессиональной сферы хотят видеть 14,6%, о высоком инновационном потенциале профессиональной сферы мечтают 11,1%, а о ее конкурентоспособности и актуальности с точки зрения мировых тенденций развития экономики всего лишь 9,7%.

Профессиональные акторы в карьерном пространстве постоянно взаимодействуют друг с другом и в своем профессиональном поведении ориентируются на «другого», что заставляет поставить вопрос о легитимации карьеры и карьерных перемещений. По результатам интервью можно констатировать: в карьерном пространстве российского общества можно выделить два базовых способа легитимации карьерных перемещений: имитация и профессионализм, которые детерминированы ценностями субъекта профессиональной деятельности. При этом мнения между молодежью и старшим поколением разделились. Молодежь настаивает, что «легитимация возможна только посредством подтверждения уровня профессионализма и компетентности», в то время как старшее поколение добавляет то, что «можно просто имитировать деятельность». Данную ситуацию можно объяснить только наличием большого опыта у старшего поколения в профессиональной среде. По мнению опрошенных, необходимость легитимации может быть вызвана следующими обстоятельствами: во-первых, использованием неинституционализированных каналов вертикальной и горизонтальной профессиональной мобильности, «когда на работу принимаются близкие родственники, люди по рекомендации и прекрасные нимфы с отсутствием серого вещества»; во-вторых, в результате перемены профессии, без уточнения используе-

мых каналов; в-третьих «легитимация нужна в том случае, если человек не хозяин, а наемный работник на достаточно высокой должности».

Таким образом, восприятие карьерного пространства жителями Ростовской области обусловлено представлением о карьерных ожиданиях, о месте предполагаемой и уже имеющейся работы, о каналах трудоустройства и карьерного роста, о карьерном пределе и способах легитимации профессионального статуса. Но представления о карьерном пространстве детерминированы также и социально-психологическим настроением. Интересную работу на сегодняшний день уже имеют 40,5% опрошенных жителей области, 37,6% пока не добились желаемого, но думают, что это им по силам, 12% хотят интересную работу, но отдают себе отчет в том, что вряд ли смогут ее добиться. В настоящее время обладателями престижной работы являются 25,6% респондентов; 54,4% пока ее не добились, но это им по силам, а 17,6% понимают, что вряд ли смогут ее добиться. Сделать карьеру удалось 11,9% жителям Ростовской области; 56,8% считают, что могут ее сделать, а 11,9% мечтают, но понимают, что вряд ли смогут ее построить. Следует также подчеркнуть, что 29,6% жителям области удалось получить повышение на работе или найти новую, более подходящую работу: 34,1% опрошенных мужчин и 30,4 опрошенных женщин. Таким образом, анализ данных результатов позволяет утверждать, что, несмотря на сложную ситуацию на рынке труда, большинство жителей области не только уверены в своих силах, но и смотрят на карьерное пространство достаточно оптимистично.

Подводя итог, можно сказать, что недостаточное теоретическое осмысление социокультурных особенностей карьерного пространства, в том числе направлений, ценностей и аномалий карьерного роста и профессионально-должностного продвижения, недооценка внедрения в социально-управленческую практику теоретических разработок, – все это негативно отражается на системе профессиональной мобильности и ее социальной эффективности. Дисфункции каналов профессиональной мобильности, имитационные стратегии легитимации карьеры, разрастание протекционизма, подмена целей социального управления личными или клановыми интересами актуализируют дальнейшее изучение карьерного пространства российского общества.

Posukhova O.Y. Career space in views of residents of the Rostov regio.

Summary: The article deals with career space in views of residents of Rostov region. The author analyzes the views of career opportunities, the place of work, the channels for employment and career advancement, the preferred occupations, limits of career and legitimization of career movements. It is stated that the movement in the career space is determined not so much by the professional resources, as by "family capital", and the lack of informal capital triggers rapid attainment of a career limit.

Ключевые слова

Карьерное пространство, легитимация, карьера, каналы трудоустройства, мобильность.

Keywords

Career space, legitimation, career, employment channels, mobility.

Примечания

1. См.: Эффендиев А.Г., Балабанова Е.С. Профессиональная карьера выпускников факультета менеджмента // Социологические исследования. 2010. № 2. Бондарев С.Б. Карьерный лифт в управлении персоналом государственной гражданской службы. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2011.
2. См.: Исследования проведены под руководством директора ЮРФИС РАН, д.ф.н., профессора Волкова Ю.Г. и к.с.н., заведующего отделения «Регионоведение» ИППК ЮФУ, доцента Серикова А.В.: О чем мечтают жители Ростовской области. Ростов н/Д, 2012; Социологический портрет молодежи Ростовской области. Ростов н/Д, 2012.
3. См.: <http://www.znanie.info/portal/ec-terms/24/306.html>
4. См.: Карьерное пространство // http://secido.ru/?page_id=22
5. См.: <http://www.wciom.ru>
6. См.: <http://уровень безработицы.рф>
7. См.: Радаев В.В. Экономическая социология. М., 1997. С. 45.
8. См.: Зубок Ю.А. Проблемы социального развития в условиях риска // Социологические исследования. 2003. №4. С. 43.
9. См.: О чем мечтают россияне. М.: ИС РАН, 2012.

Социальный комфорт в контексте трансформационных процессов в структуре современной российской повседневности

З.М. Хачецуков

Статья посвящена анализу основных подходов к изучению социального комфорта, его проявлений в пространстве повседневности с учетом современных российских реалий. Рассматриваются некоторые подходы к повседневности и основные подходы к сущности социального комфорта и его динамики.

Социальная философия с античных времен стремилась описать не только самый правильный и справедливый, но и самый удобный способ совместного проживания людей. Речь идет именно о постоянном проживании, каждодневном сосуществовании индивидов в социуме. Этот процесс принято называть «повседневностью». Говоря же об удобстве, часто используется понятие «комфорт». В современном мире вопрос удобства социального бытия становится актуальным по многим причинам. Прежде всего нужно отметить, что бесконтрольный рост комфортности жизни в западных странах привел к системному социокультурному кризису, имеющему массу негативных последствий, многим из которых еще предстоит себя проявить. Кризис общества потребления особенно заметен на фоне увеличивающегося разрыва между странами запада и остальным миром, где уровень комфорта настолько низок, что мало кто использует данное понятие для характеристики этих обществ. На постсоветском пространстве в

этом аспекте крайне сложное и противоречивое положение.

С одной стороны, социологические исследования говорят об относительном повышении уровня социального самочувствия: осенью 2012 г. индекс самооценок материального положения вырос на два пункта (с 64 до 66%) за счет увеличения доли россиян, оценивающих свое материальное положение как среднее (с 70 до 72%). Для сравнения: год назад он составлял всего 54 пункта. По мнению аналитиков, россияне смотрят на жизнь достаточно оптимистично. С конца лета индекс социального оптимизма держится в узких пределах 61–63 пунктов. Доля тех, кто полагает, что будет жить лучше, колеблется в пределах 27–30% на протяжении последних четырех месяцев. Текущее значение показателя (63%) значительно превышает достижения аналогичных периодов прошлых лет (в среднем 55 пунктов)¹.

С другой стороны, можно говорить об общем недовольстве социальным положением и ходом преобразований в социальной сфере. В условиях

социальной модернизации вопрос комфортности социального бытия становится особенно актуальным. Трансформационные процессы должны привести к большему социальному благополучию, но это может произойти, только если представление о необходимом уровне и содержании социального комфорта россиян у проводящих модернизацию людей и у самого населения будут по большей части совпадать. Высокая социальная разобщенность российского социума и отсутствие четкой идеологической базы у руководства страны делают эту задачу практически невыполнимой. Для начала необходимо добиться в обществе солидарности по существенным компонентам комфортного социального бытия, хотя обеспечить удобство для всех представленных в нынешнем российском социуме социальных групп не представляется возможным ввиду взаимоисключающего противоречия их позиций. Одним из шагов на пути к преодолению этого противоречия должно стать научное исследование представлений о социальном бытии и его удобстве в современной России.

Повседневную жизнь социума характеризуют разные показатели, которые уже давно успешно изучают социальные науки. Однако повседневная социокультурная среда меняется быстрее, чем перестраиваются научные методологии, поэтому возникает потребность также и в переоценке положений ряда современных теорий. К проблеме повседневной жизни исследователи обращаются с самыми разными целями, желая проникнуть в суть разных аспектов жизни, истории и культуры. В данных работах противопоставляется субъективное переживание объективным процессам, длительные ритмы – однократным эпохальным событиям, подвижные формы рациональности – идеальным конструкциям и точным методам. «Обыденная жизнь» может стать названием для разнородных явлений и предлагаться как средство при решении целого ряда проблем: социальных, культурологических, гносеологических.

"Повседневное" – это то, что происходит "каждый день" и нас не удивляет. Мы обнаруживаем повседневность в форме рутины, привычки, многочисленных знакомых нам явлений. Повседневность обладает неким частным ритмом, в котором мы пребываем только в том случае, если используем рутину как средство собственной психологической разгрузки. Повседневные ситуации обычно не требуют явного определения. Повседневными являются ситуации, которые часто повторяются в столь похожей форме, что мы, исходя из принципа экономии силы, уже не воспринимаем их уникальности (которой они все же отчасти обладают)². Повседневность не всегда находилась в центре внимания исследователей. Только к XX в. в связи с появлением и развитием феноменологии один из ее основателей, Э. Гуссерль, обратил внимание на необходимость научного осмысления «сферы человеческой обыденности». И позднее он немало времени

посвятил идее «жизненного мира» – значимого для человека мира первоначальных истин, очевидностей, конституируемых в деятельности трансцендентальной субъективности, который отождествлял с повседневным опытом, субъективным, донаучным, естественным миром. Гуссерль, как показал Л.Г. Ионин, предложил отказаться от восприятия «мира, в котором мы живем», как изначально заданного и сосредоточиться на процессе складывания картины этого мира у людей, исходя из их стремлений, фантазий, сомнений, реакций на частные события, воспоминаний о прошлом и представлений о будущем³.

Немаловажную оценку повседневности можно найти и в работах А. Шюца, понимавшего повседневность как сферу взаимодействия с объективным миром и полагавшего, что на этой основе возникает и формируется в сознании и деятельности членов общества интерессубъективно категоризируемая объективность социальных процессов и явлений. Будучи одной из «конечных областей значений», она первична по отношению к другим сферам. «С самого начала, – писал Шюц, – повседневность предстает перед нами как смысловой универсум, совокупность значений, которые мы должны интерпретировать для того, чтобы обрести опору в этом мире, прийти к соглашению с ним»⁴. Повседневная реальность, по мнению этого автора, – единственно подлинная, все остальные – квазиреальности, они вторичны, в то время как повседневность, «верховная реальность» – та среда, в которой человек живет, трудится и в которую всегда возвращается.

Сточки зрения феноменологов, повседневность – естественная среда человеческого существования, концептуальный модус жизненной реальности, "жизненного мира" как создания человеческого сознания. Особенностью этой среды является ее самоочевидность, беспроблемность. Человек погружен в повседневную жизнь и не подвергает ее сомнению⁵. Значительный вклад в социологию повседневности внесла теория социального конструирования П. Бергера и Т. Лукмана, уделивших большое внимание социальному взаимодействию, во время которого и происходит «заучивание типизаций повседневных действий». В теории «социального конструирования реальности» речь идет о том, что социальная реальность сложным образом конструируется через систему коллективных представлений. В свою очередь механизм социального конструирования реальности состоит в соблюдении следующих четырех процедур: хабиутализации («опривычивания» или превращения в повседневность), типизации, институционализации и легитимации.

Не менее важны для социологического понимания повседневности работы по этнометодологии – социологии обыденной жизни, целью которой стало обнаружение «методов, которыми пользуется человек в обществе для осуществления обыденных действий», то есть анализ соци-

альных правил и предубеждений, процесса их формирования, истолкования одними людьми речи, поведения и жестов других⁶.

Е.В. Золотухина-Аболина, И.Т. Касавин, Н.М. Смирнова, С.П. Щавелев и другие отечественные исследователи повседневности развивают идеи А. Шюца о повседневности как «человеческом опыте, ориентациях и действиях, посредством которых люди осуществляют свои планы, дела и интересы, манипулируя объектами и общаясь с другими людьми»⁷.

Для российских исследователей «жизненный мир» – более широкая категория, частью которой является «повседневность», основанная на динамических стереотипах и повторяющихся действиях. Е.В. Золотухина-Аболина, в частности, отмечает, что наряду с напряженным, бдительным вниманием в нашем ежедневном бытии есть и другой, противоположный пласт опыта. Это скрытый, косвенный опыт, хотя и ежеминутно присутствующий рядом с ясностью осознания, опыт «повседневного бессознательного», которое как тень сопровождает всякий акт сознания⁸.

Исследователи также выделяют два подхода к повседневности – онтологический, исходящий из содержательных характеристик повседневности, наполняющих ее предметов, действий, поступков, повторяющихся до цикличности и психолого-эпистемологический – фиксирующий внимание исследователя на переживаниях, ощущениях – субъективных измерениях указанных характеристик. Предсказуемая, ожидаемая, вечная, нерелексированная среда, окружающая человека, – вот чем предстает повседневность перед исследователями. Можно также отметить, что повседневность несет в себе важные функции по стабилизации общества, трансляции социокультурного опыта, сохранению человека и его психики, воспроизводству культуры. В то время как сфера неповседневного, уникального отвечает за развитие, инновации, движение вперед и смену состояний. Таким образом, можно сказать, что повседневность – это форма существования социальной реальности, поле социальных взаимодействий, образ реальности, содержащий стабильные личностные основания деятельности человека.

В переживании этого существования важную роль занимает ощущение удобства окружающей среды. Оценка ее комфортности существует на всех уровнях – от индивидуального и до глобального. Нас же интересует общественный уровень, оценка комфортности на уровне общества как среды. Комфортную повседневность социального бытия можно понимать в двух значениях: прежде всего как повседневное существование, наполненное удобствами, удовлетворяющими социальные нужды населения; в более широком смысле комфорт следует понимать как удобную для человека среду обитания и саму по себе оценку удобства этой среды.

Как и с повседневностью, здесь есть два под-

хода – исследование сущностных характеристик самой среды и исследование ощущения субъекта от восприятия этих характеристик. Говоря о социальном комфорте, в качестве среды следует понимать общество, а в качестве субъекта – индивида или социальную группу. Важно отметить, что комфортность среды, не прошедшей хабиитуализацию и не ставшей повседневностью, будет сильно отличаться от комфорта повседневной жизни. Оценка удобства неординарных, «пиковых» состояний среды представляет собой несколько иной процесс, в психологии исследуемый в контексте стрессовых реакций и пограничных состояний. В области социального это место занимает дискурс кризиса, переломных моментов, разрыва цепи преемственности культурных паттернов.

Однако, несмотря на то что мы сосредоточились на исследовании именно повседневных характеристик среды, специфика современного общества, а следовательно, современной повседневности не позволяет нам исключить данную проблему из поля исследовательского интереса. Возникновение комфорта связано с взаимодействием субъекта и среды, особенно в процессе превращения данной среды в повседневный его жизненный мир, привычный и повторяющийся. В этом ключе важную роль для понимания комфорта играет процесс адаптации субъекта к среде, а именно его социальной адаптации. Ее принято считать одним из механизмов социализации, однако в контексте повседневности мы будем говорить об адаптации как о молекулярном, постоянном процессе приспособления к окружающей среде, в данном случае – к обществу.

В бытовом смысле для этого принято использовать понятие «привыкание». Именно явление привыкания играет важную роль в анализе проявлений динамики социального комфорта. Объяснительный потенциал теории социальной адаптации наиболее адекватен некоторым процессам изменения социальной комфортности. Приспособление индивида к обществу, усвоение им последовательности повторяющихся явлений ведут к более адекватной реакции на характеристики среды, удобство общения со средой увеличивается, все больше элементов среды хабиитуализируются и становятся частью повседневности. Таким образом, можно утверждать, что социальный комфорт представляет собой степень адаптированности субъекта (индивида или социальной группы) к социуму. Все еще требует объяснения механизм увеличения удобства для субъекта. Для этого следует использовать объяснительный потенциал ряда понятий, связанных с понятием «потребность».

Говоря о потребностях, мы придерживаемся теории А. Маслоу о наличии в их среде иерархии, а также деления потребностей на базовые и вторичные. В системе А. Маслоу потребностям соответствуют некие ценности – предметы, явления, способные удовлетворить

данные потребности и также выстраиваемые в иерархии. Нужно отметить, что можно выделять как единую иерархию всех потребностей, так и подразделять потребности на виды (материальные, духовные, социальные) и выстраивать среди них собственные иерархии. Однако большинство потребностей, так или иначе, могут быть включены в общую «пирамиду». Для понимания явления комфорта дуализма «потребность» – «ценность» недостаточно. Мы предлагаем использовать триаду «потребность» – «способность» – «возможность».

В данной системе «способность» понимается как индивидуальная особенность личности, являющаяся субъективным условием успешного осуществления определенного рода деятельности, а «возможность» как тенденцию развития, потенциальное состояние. Проходя адаптацию к среде, субъект изучает наличие в среде возможностей, осознает потребности и сопоставляет с данными элементами свои способности. Это приводит к высокой вероятности удовлетворения потребностей субъекта. Успешная адаптация приводит к корреляции всех компонентов. Первым таким компонентом являются потребности и степень их удовлетворенности. Вторым элементом – способности и степень их применимости. Третий – возможности и степень их реализации. Баланс этих составляющих очень важен для оптимального развития общества и, следовательно, его комфортности. Важно отметить, что базовые потребности, а также способности и возможности сами по себе не могут быть оценены по критерию комфортности, поскольку являются изначально частью повседневности.

Таким образом, социальный комфорт может пониматься как степень тождества потребностей, способностей и возможностей во взаимодействии субъекта и общества. Вопрос о первичном элементе как триады, так и диалектической пары «потребность» – «ценность» является крайне интересным, хотя и спорным. Мы придерживаемся мнения о первичности именно «ценности» как объекта среды, которая и формирует потребность после получения субъектом данных о характеристиках данного объекта. Что касается базовых потребностей, то данные объектов, их удовлетворяющих, можно считать априорными и наследуемыми генетически. То есть в сознании должен сформироваться образ должного и образ реального. Их сравнение (верификация) и дает оценку комфорта. Отсюда, опираясь на теорию социального конструирования П. Бергера и Т. Лукмана, мы исходим из понимания комфорта как категории оценки процесса верификации образа реального и образа желаемого в сознании личности либо малой группы (микроуровень) или социума (макроуровень).

Не следует отождествлять эту пару образов со сложившейся парадигмой разделения «социальной реальности» и «социальной действительности». На самом деле оба образа соотносятся с «социальной реальностью», в то время как

«социальная действительность», объективная по определению, остается за рамками оценки комфортности. Верификация между «социальной действительностью» и «социальной реальностью» имеет место и происходит на уровне постоянного обновления образа реальности. Что касается образа желаемого, он обновляется в результате рефлексии полученного социального опыта на основе сложившейся аксиологической модели, а также в результате процессов социализации и инкультурации (либо аккультурации), способных к прямому импринтингу элементов или полному импортированию данного образа.

Важно понимать, что социальный комфорт представляет собой характеристику состояния заявленных процессов и может быть представлен в виде показателя шкалы социальной комфортности. Минимальной границей данной шкалы является полный дискомфорт – характеристика взаимодействия субъекта и социума, представляющая собой низкую социальную адаптацию, удовлетворение только витальных потребностей и высокую степень расхождения образов желаемого и действительного. Такое общество принято называть «обществом выживания». Предельной точкой данной шкалы является «общество комфорта», уровень комфортности в котором максимален. Важно понимать, что данная точка шкалы не является идеалом. Отсутствие нереализованных потребностей, полная удовлетворенность и отсутствие необходимости адаптации не оставляют потенциала для развития и лишают субъект и общество в целом стимула к совершенствованию. Таким образом, нужно говорить о наличии «меры социального комфорта», особой для каждого общества. Поиск и приближение к данной мере является наиболее важной задачей в данном контексте.

Необходимо заметить, что социальный комфорт не находится в статике. Изменения среды и субъекта постоянно меняют его содержание. Также нужно отметить тот факт, что в одном и том же обществе существует масса субъектов со своими наборами потребностей и способностей, разным уровнем социальной адаптации и разными образами как желаемого, так и реального. Тем не менее основные факторы динамики социального комфорта являются общими для большинства субъектов. Прежде всего речь идет о каналах взаимодействия со средой. В процессе познания образ реальности (конструируемая социальная реальность) сравнивается с социальной действительностью и в образ вносятся коррективы. Не последнюю роль тут играют информационные фильтры, искажающие процесс познания.

Другим фактором являются процессы социализации и инкультурации, изменяющие не только образ реального, но и формирующие образ социального идеала, а зачастую, через использование идеологических практик, происходит инпринт данного образа. Надо отметить, что данные процессы корректируют образ ре-

альности и образ социального идеала у субъекта по образцу аналогичных образов более крупной социальной группы (индивид перенимает образы малой группы, малая группа – большой и так далее), хотя зачастую активный субъект, наоборот, может распространить свой социальный идеал на более крупную группу.

Также следует обратить внимание последствия проявления социального комфорта. Уровень социального комфорта является одним из сильных источников мотивации человеческой деятельности. Осознавая чрезмерно низкий либо чрезмерно высокий уровень социального комфорта, субъект может предпринять два варианта деятельности:

- во-первых, процессу корректировки может быть подвергнут социальный идеал для большего соответствия образу реальности;

- во-вторых, деятельность субъекта может быть направлена на коррекцию среды для повышения соответствия образа реальности образу социального идеала.

Можно заметить, что оба этих процесса могут протекать как параллельно, так и последовательно, сменяя друг друга в зависимости от процесса развития субъекта. Первый вариант можно обозначить как прагматизм. Второй – как духовность. Также нужно подчеркнуть, что коррекции во втором случае подвергается именно социальная реальность, а не социальная действительность, что позволяет говорить о возможности явления заблуждений, виртуальной духовности.

Современное общество делает дискурс социального комфорта крайне многофакторным и сложным. Хотя именно оно дало нам представление о предельном значении шкалы комфортности в виде феномена общества потребления. Представление об удобстве как об удовлетворении потребностей является самым ранним и самым устоявшимся в бытовой и научной мысли. Явным, но отнюдь не обязательным выводом из данного понимания является гедонизм во всех его проявлениях. XX столетие породило идею об удовлетворенности как синониме благополучия, когда рост потребления стал отождествляться с прогрессом.

Такого рода прогресс особенно заметен за счет явного контраста с большим количеством социумов, находящихся на стадии выживания, что давно понимают и на самом Западе⁹. Общество потребления концентрируется на удовлетворении в основном материальных потребностей, но проблема даже не в этом. Проблема – в отсутствии иных потребностей, отсутствии потенциала к развитию. Все больше мыслителей в западной философии приходят к выводу: отсутствие необходимости в преодолении неудобств и проблем является не меньшим злом, чем нехватка ресурсов для их реализации¹⁰.

Возникновение и распространение в странах «общества комфорта» таких явлений культуры, как «дауншифтинг», «выживизм», экстремаль-

ный спорт, свидетельствуют об остром переживании нехватки возможностей для реализации способностей еще до осознания потребности таковых. Даже различные гуманитарные миссии (врачи без границ, волонтерство), которые так популярны на Западе в качестве образца «гуманизма», во многом могут быть объяснены в контексте стремления понижения комфорта. Общества выживания в данном дискурсе имеют еще одну причину для ухудшения уровня своей социальной комфортности. Наличие стран Запада и средств массовой коммуникации обрушивает на них поток информации о «возможностях», тем самым формируя не свойственные их среде потребности, на реализацию которых у них нет и не может быть способностей.

Современное российское общество в плане понимания такого рода конфликта очень разобщено. Существовая в разных экономических, культурных, социальных условиях, члены разных социальных групп имеют разные представления о социальном бытии, разные иерархии потребностей, пользуются разными наборами возможностей и способностей. Можно заключить, что социальная реальность современного российского общества носит фрагментарный характер. Ситуация, когда элиты и основное население живут в разных социальных условиях, при этом пребывая в одной социальной действительности, характеризуется сильным социальным дискомфортом. Управляя обществом, элиты исходят при выборе стратегии из своего представления о данном и должном, определяя на основании этого план действий. Однако, как мы уже упоминали, данные представления различны у разных социальных групп, а следовательно, направленные на благо действия могут восприниматься жителями другой социальной реальности как угроза и попытка вреда.

Еще одним обстоятельством низкой социальной комфортности российского общества является общая экономическая ситуация. Объем материальных потребностей, удовлетворяемых населением в среднем не намного превышает уровень витальных потребностей, то есть речь идет о балансировании на грани выживания. Такое существование характеризуется высокими рисками, а значит, низким уровнем развития способностей и малым диапазоном возможностей.

Таким образом, социальная комфортность российского общества довольно низкая. Уровень удовлетворения потребностей – на грани витальных, спектр возможностей крайне ограничен нестабильностью и высокими рисками, ресурсов для развития способностей крайне мало. При этом важно отметить качественные характеристики образа должного в сознании личности. За счет исторической памяти в сознании россиян еще сильны образы прошлого, декларирующие более высокий социальный комфорт именно по соотношению потребности–способности–возможности.

Khachetsukov Z.M. Social Comfort in the Context of the Processes of Transformation in the Structure of Modern Russian Everyday Life.

Summary: *This article analyzes the main approaches to the study of the social comfort, its manifestation in*

the space of everyday life within the modern Russian reality. Some approaches to the everyday life and the main approaches to the nature of social comfort and its dynamics are discussed.

Ключевые слова

Социальный комфорт, повседневность, адаптация, потребность, образ социального идеала, образ социальной реальности.

Keywords

Social comfort, everyday life, adaptation, the need, the image of the social ideal, image of social reality.

Примечания

1. См.: ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2166. «Социальное самочувствие россиян». <http://wciom.ru/index.php?id=515&uid=113376>
2. Касавин И.Т. Повседневность в контексте феноменологической социологии // Социемы. 2003. № 9. URL: <http://csp.ispn.ufrn.br/usu/>
3. См.: Ионин Л.Г. Понимающая социология. Историко-критический анализ. М., 1979. С.116.
4. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социс. 1988. № 2. С. 130.
5. См.: Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств, 2002. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/>
6. См.: Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. С. 12.
7. Смирнова Н.М. Альфред Шюц на книжной полке // Шюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом. М., 2004. С. 1040.
8. Золотухина-Аболина Е.В. Повседневность: философские загадки. Киев: Ника-Центр, 2006. С. 29.
9. См.: Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004; Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
10. См.: Ливрага Х.А. Общество комфорта и философия риска // Новый Акрополь. 2003. № 1; Мелюхин И.С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития. М., 1999; Кляйн Н. No Logo. Люди против брендов. М., 2003.

Пресуппозиция как способ манипулятивного воздействия

(на примере испанского газетно-публицистического дискурса)

М.В. Ларионова

Статья посвящена анализу роли пресуппозиций, которые активно используются в испанском газетно-публицистическом дискурсе как средство языкового манипулирования и ориентированы на активизацию управляющих возможностей языка с целью оказания скрытого воздействия на получателей информации. Пресуппозиция, имплицитно передающая информацию, является удобным и эффективным средством навязывания определенной точки зрения, сопутствующего ей видения и описания реальности, а также заданной оценки ситуаций и действий, не совпадающей с той, которую получатель информации мог бы сформировать самостоятельно.

Традиционно рассматривая дискурс как особую форму существования языка в реальной ситуации общения, как текст и как «коммуникативное событие», направленное на определенную аудиторию (Т.А. ван Дейк¹, Н.Д. Арутюнова², В.З. Демьянков³, В.И. Карасик⁴, З.Д. Попова, И.А. Стернин⁵ и др.), следует обратить особое внимание на то, что при исследовании газетно-публицистического дискурса недостаточно анализировать собственно языковые явления. Необходимо учитывать также и социальный контекст функционирования языка. Газетно-публицистический дискурс является частью медийного дискурса и включает не только газетные тексты, составляющие его основу, но и разного рода публичные политические выступления, иные печатные документы и свидетельства, независимо от их жанровой природы появляющиеся в прессе и отражающие деятельность партий и общественных объединений. Газетно-публицистический дискурс, создающий собственное информационное пространство, обладает рядом важных характеристик: в частности,

он всегда ориентирован идеологически (в зависимости от политических пристрастий издания) и лично (индивидуальный стиль журналистов, политиков). Газетно-публицистический дискурс не просто отражает происходящее, но и во многом создает, моделирует событийную реальность.

Воздействующая (апеллятивная) функция языка, использование человеком языка в своих целях включает целый ряд вербальных и невербальных манипулятивных тактик, ориентированных на активизацию управляющих возможностей языка с целью оказания скрытого воздействия на получателей информации. К подобным приемам в газетно-публицистическом дискурсе следует отнести искажение информации, ее утаивание, намеренный выбор способа и времени ее подачи, имплицитную подачу и др. в целях формирования определенного общественного мнения или социального поведения. Испанский филолог А. Грихельмо подчеркивает, что в информационном поле газетно-публицистического дискурса «слова порой имеют глубокий смысл, в котором мы не всегда

Ларионова Марина Владимировна – к. филол.н., доцент ВАК, профессор кафедры испанского языка МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

отдаем себе отчет, но который, однако, определяет наш образ мысли... В некоторых центрах власти очень хорошо осведомлены об этих значениях слов и манипулируют языком, потому что таким образом им удастся манипулировать сознанием тех, кто не задумывается о своем собственном языке».

– *Las palabras tienen a veces significados profundos de los que no somos conscientes, y que sin embargo conforman nuestra manera de pensar... Algunos centros de poder conocen muy bien estos valores de las palabras, y manipulan el lenguaje porque así consiguen manipular el pensamiento de quienes no reflexionan sobre su propio idioma*⁶.

Выбирая нужные слова, можно не только воздействовать на образ действительности, но и моделировать отношение к ней. Поэтому одним из самых используемых и эффективных способов языкового манипулирования в газетно-публицистическом дискурсе являются пресуппозиции (термин происходит от лат. *prae* – «вперед», «перед» и *suppositio* – «предположение»), передающие имплицитно содержащуюся в высказывании информацию. Пресуппозиция представляет собой некий элемент общих знаний говорящего и слушающего. Вслед за Н.Д. Арутюновой и Е.В. Падучевой⁷ пресуппозиция понимается как базовое утверждение, на котором строится дальнейшее высказывание или предложение, смысловой компонент, ложность которого делает все высказывание неуместным, алогичным или аномальным.

Приведем примеры: *¿Cómo rescatar al país que afronta el abismo de una profunda crisis?*⁸ – Как спасти страну, стоящую у пропасти глубокого кризиса? (Пресуппозиция: страна стоит у пропасти глубокого кризиса).

*La austeridad de nuevo está arruinando a las economías y dividiendo a los países*⁹ – Жесткая экономия опять разрушает экономики и разделяет государства. (Пресуппозиция: жесткая экономия и ранее разрушала экономики и разделяла государства).

*A nadie le cabe duda: la siguiente ola de la crisis promete ser más destructora que la primera*¹⁰ – Ни у кого не остается сомнений: следующая волна кризиса станет еще разрушительнее первой. (Здесь можно выделить по крайней мере две пресуппозиции: во-первых, что будет еще одна волна кризиса, и, во-вторых, что первая волна уже была разрушительной).

*¿Cuándo se apaciguan por fin las dudas sobre el euro?*¹¹ – Когда же, наконец, улягутся сомнения в отношении евро? Эта фраза не оставляет выбора, улягутся сомнения или нет, неизвестно только «когда».

Сознание человека, как правило, сопротивляется прямому навязыванию мнений, оценок или команд, которые через него проходят. Пресуппозиция имплицитна, она обращена к бессознательному, и в силу этого ее легко направить на создание такой реальности, в которой существуют только нужные выборы и, следовательно, заданные варианты поведения. Пресуппозиция обладает очень важным свойством: она способна отвлекать сознание при помощи вопросов, создавать ситуации выбора или

моделирования определенной последовательности действий. Используя пресуппозиции, можно весьма эффективно и достаточно незаметно влиять на восприятие другого человека, задавая ему определенные установки и навязывая свои выводы¹².

*¿Acaso no saben ustedes que la derecha europea a partir de 2011 ha perdido su liderazgo político, derrotada en elecciones en Reino Unido, Italia, Grecia, España, Portugal, Francia?*¹³ – Разве вы не знаете о том, что начиная с 2011 г. европейские правые потеряли свое политическое лидерство, проиграв на выборах в Соединенном Королевстве, Италии, Греции, Испании, Португалии, Франции?

Обращаясь к читателям, журналист имплицитно сообщает следующее: что европейские правые действительно потеряли свое политическое лидерство (на это указывает пресуппозиция глагола «знать» (*saber*): ведь знают то, что истинно, а полагать можно и ошибочно); что политическое лидерство правых имело место (это обусловлено пресуппозицией глагола «терять» (*perder*): потерять можно лишь то, чем обладаешь); и, в-третьих, выражает уверенность в том, что читатель знает о потере лидерства правыми, что связано с модальным значением слова «разве» (*acaso*).

Навязывание тех или иных сведений через пресуппозицию активно используется в газетно-публицистическом дискурсе. Коммуникация предполагает, что получатель информации настроен в первую очередь на то, чтобы воспринимать в сообщении новое, а пресуппозицию просто принимать как должное. Поэтому нередко в целях манипулирования сознанием создатель сообщения привносит в пресуппозицию некий новый смысл, свои собственные убеждения, не всегда адекватно отражающие действительность¹⁴. Если бы подобные мысли выражались эксплицитно, они вполне могли вызвать несогласие со стороны получателя информации, который, однако, часто не замечает значений имплицитированных.

Для того чтобы отвлечь сознание реципиента, используются различные языковые тактики. Рассмотрим подробнее некоторые из них.

Одной из распространенных манипуляционных стратегий в газетно-публицистическом дискурсе является смещение внимания с самого действия или ситуации, например, на обстоятельства, им сопутствующие. Успешным приемом для этого является использование различного рода вопросов, отвлекающих от сути происходящего: *¿Por qué los recortes presupuestarios matan el crecimiento económico? – Почему бюджетные сокращения убивают экономический рост?* (Пресуппозиция: бюджетные сокращения убивают экономический рост). Фокус внимания сознательно ориентирован не на ситуацию, а на выяснение причин, ее вызывающих. *¿Cuándo Alemania estará en condiciones de garantizar el éxito del euro? – Когда Германия сможет гарантировать успех евро?* (Пресуппозиция: Германия сможет гарантировать успех евро). Акцент смещен на выяснение обстоятельств действия, а сам факт того, что это действие состоится, представляется бесспорным.

Активно используется тактика переноса фокуса внимания на внешнюю оценку ситуации. *Es lógico que los socialistas hayan puesto todo su empeño político para que el proceso de paz pudiera llegar a buen puerto*¹⁵ – Представляется логичным, что социалисты приложили все свое политическое старание к тому, чтобы мирный процесс мог успешно завершиться. (Пресуппозиция: социалисты приложили все свое политическое старание к тому, чтобы мирный процесс мог успешно завершиться). Целью подобной манипуляции является необходимость сместить внимание слушателя на оценку, которая дается ситуации, при этом сама ситуация трактуется как истинная. *Será curioso saber cuándo alcanzará España a recuperar el liderazgo en el campo de innovación*¹⁶ – Будет любопытно узнать, когда Испания сможет вернуть себе лидерство в сфере инноваций. Пресуппозиция «Испания сможет вернуть себе лидерство в сфере инноваций» предподносится как неоспоримая, не дающая повода для сомнений, вопрос состоит лишь в том, когда это произойдет.

Оценку могут передавать не только прилагательные и наречия. Часто ее имплицитуют глаголы, создавая дополнительную оценочную пресуппозицию: *EE UU denuncia la violación de los derechos humanos en China*¹⁷ – США осуждают нарушение прав человека в Китае. (Пресуппозиция 1: В Китае нарушаются права человека. Пресуппозиция 2: США считают, что нарушение прав человека – это плохо). Однако истинность самого факта нарушения прав человека никак не подтверждена, акцент смещен в сторону оценки ситуации.

Для того чтобы сконцентрировать внимание получателя информации не на ситуации, а на второстепенных ее аспектах, журналисты выбирают стратегию смещения фокуса внимания на последовательность действий или же на развитие процесса во времени. *¿Qué otros pasos dará el dueño de La Moncloa después de convocar elecciones anticipadas?*¹⁸ – Какие дальнейшие шаги предпримет хозяин Монклоа, после того как объявит о проведении досрочных выборов? (Пресуппозиция: хозяин Монклоа объявит о проведении досрочных выборов). Реципиент фокусируется на развитии процесса и на последовательности действий, необходимых для его осуществления, при этом сама ситуация (проведение досрочных выборов, которые, кстати, так и не состоялись в Испании в 2011 г.) воспринимается как сама собой разумеющаяся.

*La primera medida para salir de la crisis e impulsar el crecimiento, según el PP, pasa por la bajada de impuestos, después vienen el refuerzo de la estabilidad presupuestaria, el fomento de inversiones estratégicas y la reforma del mercado de trabajo*¹⁹ – Первая мера, направленная на выход из кризиса и стимулирование экономического роста, по мнению Народной партии, состоит в сокращении налогов, затем идет укрепление бюджетной стабильности, поддержка стратегических инвестиций и реформа рынка труда. В этом случае коммуникативное намерение журналиста несколько иное. Он заин-

тересован в том, чтобы актуализировать пресуппозицию «Народная партия стремится найти выход из кризиса и стимулировать экономический рост», представив ее как градуированный процесс, состоящий из последовательных действий, подтверждающих обдуманность и серьезность занимаемой народниками позиции. Внимание фокусируется на последовательности предпринимаемых шагов, при этом у получателя информации не остается сомнения в том, что Народная партия будет искать выход из кризиса.

В газетно-публицистическом дискурсе для реализации своих целей журналисту необходимо учитывать предполагаемую коммуникативную компетенцию получателя информации и меру его осведомленности о предмете и обстоятельствах речи. Поэтому весьма часто используется стратегия допущения, основанная на том, что желаемый результат привязывается к тому, что происходит или должно произойти. *En cuanto el gobierno recorte las prestaciones por desempleo, garantizará el equilibrio financiero del sistema, manteniendo la protección a quienes buscan empleo activamente*²⁰ – Как только правительство урежет выплаты по безработице, оно гарантирует равновесие системы, обеспечив защиту тем, кто активно ищет работу. С помощью подобного метода человек, произносящий высказывание, может связать между собой даже и не очень связанные вещи: считается, что после того, как произойдет одно событие (правительство урежет выплаты по безработице), обязательно будет иметь место и другое (будет гарантировано равновесие системы и обеспечена защита тем, кто активно ищет работу).

Наряду со сложными предложениями, содержащими придаточное времени, еще одним синтаксически удобным способом «маскировки» пресуппозиции допущения являются условные предложения. *Obama está convencido de que si se incrementa la presión internacional y las sanciones contra Damasco, se llegará a resolver el conflicto sirio*²¹ – Обама убежден в том, что, если будет увеличено международное давление и введены санкции против Дамаска, удастся найти решение сирийского конфликта. Получатель информации бессознательно соединяет два события, которые становятся для него единым целым: если происходит одно (будет увеличено международное давление и введены санкции против Дамаска), автоматически происходит и второе (удастся найти решение сирийского конфликта). Цель достигнута: внимание реципиента оказывается отвлеченным от того, насколько действительно взаимосвязаны эти действия в реальной и весьма напряженной политической ситуации, сложившейся вокруг Сирии.

Манипулятивная стратегия противопоставления также основана на принципе связывания желаемого действия с процессом, который происходит или будет происходить. При этом, как правило, связываются между собой не статичные ситуации, а динамичные процессы, нередко разнонаправленные или даже

противоположные. *Por más éxitos que tengamos en los campos de la educación y la ciencia, menor será la gravedad de la crisis en España*²² – Чем больших успехов мы достигнем в области образования и науки, тем менее глубоким будет кризис в Испании. (Пресуппозиция 1: Глубина кризиса в Испании связана со слабостью наших позиций в области образования и науки. Пресуппозиция 2: Успехи, которые мы достигнем в области образования и науки, сократят глубину кризиса в Испании). Заложенные автором в соответствии с его коммуникативными намерениями смыслы заставляют получателя информации логически связать между собой две в реальности не столь взаимообусловленные вещи, как *глубина кризиса* и *ситуация* в области образования и науки, которая на самом деле вряд ли напрямую может способствовать ослаблению экономического спада.

Для манипулирования сознанием получателей информации в газетно-публицистическом дискурсе активно используется стратегия так называемого ложного выбора или выбора без выбора. Это происходит, например, когда предлагают выбирать из заведомо неприемлемых вариантов, умалчивая, что есть иные, более адекватные пути. Предварительно предполагается, что будет осуществлена хотя бы одна из имеющихся альтернатив желаемого действия: *Para que Grecia pueda salir a flote, hay tres escenarios posibles: la lenta agonía, la salida ordenada del euro o el caos en toda Europa*²³ – Для того чтобы Греция могла удержаться на плаву, есть три возможных сценария действий: медленная агония, подготовленный выход из зоны евро или хаос во всей Европе. (Пресуппозиция: необходимо делать выбор для того, чтобы Греция могла удержаться на плаву).

*¿Los europeos quieren un cambio de rumbo radical y revolucionario o paulatino y ordenado?*²⁴ – Европейцы хотят радикальной и революционной смены курса или же постепенной и продуманной? Коммуникативное намерение состоит в том, чтобы создать лишь иллюзию выбора, ограничив свободу действия отведенными для этого рамками. Вопрос о том, действительно ли европейцы хотят смены курса, в этом случае даже не обсуждается.

Разные люди по-разному воспринимают окружающий мир, у каждого человека есть свой собственный опыт, и он классифицируется в его сознании при помощи системы пресуппозиций, которая никогда не совпадает полностью с системой пресуппозиций других людей. Действуя в информационном поле газетно-публицистического дискурса, автор текста стремится актуализировать те пресуппозиции, которые представляются ему наиболее подходящими при определенном коммуникативном задании и при осуществлении своего коммуникативного намерения.

Насколько правильно будет понято сообщение, зависит от интеллектуального уровня получателей информации, от их образованности, способности делать выводы и строить догадки. Как правило, в любом газетно-публицистическом

тексте содержится сразу несколько видов пресуппозиций: чем их больше, тем труднее распутать действительный смысл сообщения и поставить под сомнение хотя бы одно из предварительных предположений. Рассмотрим любопытный пример. В статье “Lo sentimos, pero no los creemos”²⁵ журналист Ферран Рамон-Кортес приводит следующие слова одного весьма уважаемого испанского политика: “Sabemos qué es lo que hay que hacer, y lo vamos a hacer. Y por eso hacemos lo que hemos dicho que íbamos a hacer. Y por eso seguiremos haciendo aquello que nos toca hacer, a pesar de que alguno no se crea que vamos a hacer lo que hemos dicho que íbamos a hacer” – Мы знаем, что необходимо делать, и мы будем это делать. И поэтому мы делаем то, что мы сказали, что будем делать. И поэтому мы будем продолжать делать то, что мы должны делать, даже если кто-то и не верит тому, что мы будем делать то, что мы сказали, что будем делать.

Нетрудно заметить, что с информативной точки зрения высказывание чрезвычайно бедное и страдает лексическими и синтаксическими повторами. Однако если его воспринимать не на эксплицитном, а на имплицитном уровне, то нельзя не признать, сколь грамотно оно построено для того, чтобы создать реальность, в которой существуют только нужные выборы, и довести до реципиента основное послание: «наша партия знает, что надо делать, и будет это делать при любых условиях». Использование множества различных пресуппозиций в одном высказывании делает его особенно эффективным: Мы знаем (пресуппозиция истинности), что необходимо делать (модальная пресуппозиция долженствования), и мы будем это делать (пресуппозиция исполнения обещания). И поэтому мы делаем то, что мы сказали, что будем делать (пресуппозиция «причина–следствие»). И поэтому (вновь пресуппозиция «причина–следствие») мы будем продолжать делать (пресуппозиция наличия процесса и его продолжительности) то, что мы должны делать (опять пресуппозиция долженствования), даже если кто-то и не верит (пресуппозиция осведомленности) тому, что мы будем делать то, что мы сказали, что будем делать (пресуппозиция комплексной эквивалентности).

Таким образом, в газетно-публицистическом дискурсе пресуппозиция, понимаемая как некое прагматическое условие, необходимое для успешной коммуникации и эффективности речевого акта, выполняет ряд важных функций: она связана со скрытыми смыслами текста и лежит в основе раскрытия текстовой информации. Именно поэтому пресуппозиция активно используется как одна из тактик языкового манипулирования, являясь удобным и эффективным средством навязывания определенной точки зрения, сопутствующего ей видения и описания реальности, а также заданной оценки ситуаций и действий, не совпадающей с той, которую получатель информации мог бы сформировать самостоятельно.

Larionova M.V. Presupposition as a means of linguistic manipulation in Spanish political and journalistic discours.

Summary: The article analyzes the role of presuppositions, which are widely used in the Spanish political and journalistic discourse as a means of manipulating language, and are focused on strengthening

the management capacity of language to provide a hidden impact on recipients. Presuppositions implicitly convey information; they are convenient and effective means of imposing a particular point of view, alien description and vision of reality. Presuppositions impose situation and action assessment, which does not coincide with the one that recipients of the information could form on their own.

Ключевые слова

Испанский газетно-публицистический дискурс, языковые манипуляции, лингвистическая пресуппозиция.

Keywords

Spanish political and journalistic discourse, linguistic manipulation, linguistic presupposition.

Примечания

1. Дейк ван Т. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
2. Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции // НЗЛ «Новое в зарубежной лингвистике». Вып. 13. М.: № XIII, 1982.
3. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие / Отв. ред. М.Н. Володина. М.: Изд-во МГУ, 2003.
4. Карасик В.И. Общие проблемы изучения дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М., 2007.
6. EL PAÍS, 02.06.1999
7. Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики // НЗЛ «Новое в зарубежной лингвистике». Вып. 16. М., 1985.
8. EL PAÍS, 23.05.12
9. EL PAÍS, 23.06.12
10. EL PAÍS, 13.05.12
11. EL PAÍS, 18.05.12
12. Щербакова О.В. Прагматические пресуппозиции как основание интерпретации газетно-публицистического дискурса (на материале интернет-версий британских газет). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ставрополь, 2009.
13. EL PAÍS, 17.05.12
14. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2000.
15. EL PAÍS, 08.08.11
16. EL PAÍS, 16.07.12
17. EL PAÍS, 30.09.11
18. EL PAÍS, 12.06.11
19. EL PAÍS, 12.05.11
20. EL PAÍS, 18.07.12
21. EL PAÍS, 06.02.12
22. EL PAÍS, 29.09.11
23. EL PAÍS, 19.05.12
24. EL PAÍS, 21.05.12
25. EL PAÍS Semanal, 03.06.2012

К проблеме логико-философских истоков языковой модальности

Т.А. Селезнева

Статья представляет собой теоретико-методологический анализ языковой категории модальности. В ней затрагивается соотношение понятий «модус» и «модальность» в философии и языкознании как двух родственных, но нетождественных категорий, дается обзор основных логико-философских концепций модальности и рассматривается их влияние на развитие лингвистических подходов к данной категории.

Модальность, являющуюся объектом междисциплинарных исследований, часто возводят в разряд «загадочных» категорий в силу неоднозначности ее интерпретаций¹. Действительно, данный термин имеет достаточно конкретное значение в логике, психологии, литературоведении, но чаще о модальности говорят в области лингвистики, где единого мнения в решении проблемы не наблюдается. Дискуссии не утихают вокруг вопроса о языковом статусе и объеме категории модальности, о ее соотношении с категориями наклонения, предикативности, темпоральности, о механизмах ее функционирования и средствах выражения.

Своим «рождением» по-прежнему актуальная в языкознании проблема модальности обязана философии и заложенным в ней формально-логическим основам, без обращения к которым невозможно получить полное представление об этой категории в языке. Этимологически родственным для модальности является философский термин «модус» (от лат. *modus* – мера, способ), с которым ее иногда отождествляют. Под модусом в философии в наиболее общем смысле понимается непостоянное свойство предмета или некоторое состояние бытия². На фоне подобной точки зрения, восходящей к Аристотелю, выделяется позиция средневекового французского схоласта Пьера Абеляра (XI–XII вв.). Абеляр обращает свой взгляд к языку и структуре

высказывания, в котором он выделяет две составляющие: диктум – объективное значение пропозиции, и модус – мыслительную операцию, проводимую субъектом над данной пропозицией³. Это разграничение будет впоследствии заимствовано и развито в XX в. в учении французского лингвиста Шарля Балли и его последователей.

Модальность же в философии определяется через взаимодействие категорий действительности, возможности и необходимости, рассматриваемых впервые в их соотношении в «Метафизике» Аристотеля или учении об основах всего существующего («сущего»). В нем Аристотель различает два вида сущего: сущее в действительности и сущее в возможности. Их он кладет в основу своей концепции развития мира, который движется, по его мнению, от возможного к действительному: «Из сущего в возможности всегда возникает сущее в действительности через сущее в действительности: например, человек – из человека»⁴.

При этом Аристотель выделяет три типа возможного:

- возможное – это не необходимо ложное;
- возможное – это то, что является истинным;
- возможное – это то, что могло бы быть истинным.

Далее Аристотель вводит понятие необходимого, в содержание которого входит: а) то, без чего невозможно существовать; б)

то, что является насилием или принуждением; в) то, что не может быть иначе⁵. На основе взаимодействия возможного, действительного и необходимого Аристотель выделяет следующие виды модальности:

- унилатеральная (безусловная) модальность, отражающая реальное положение дел;
- билатеральная (условная, акцидентальная) модальность, отражающая положения дел, которые имеют возможность к реализации, но не всегда реализуются в действительности;
- некая общая модальность, объединяющая предыдущие два вида⁶.

В Средние века модальная теория развивается схоластом Дунсом Скотом, который, в отличие от Аристотеля, признавал первичность возможности по отношению к действительности. Вводя в философию так называемую модель «совозможностей», Скот выдвигает идею сосуществования множества возможностей в определенный момент времени. К одному из таких классов совозможностей он относит действительный мир, существующий наряду с другими возможными, и становится, таким образом, одним из основателей теории возможных миров⁷.

В Новое время значительное влияние на представление о модальности оказали немецкие философы Г. Лейбниц и И. Кант. Признавая первичность возможного по отношению к действительному, Лейбниц пытается обосновать свободу воли Бога в выборе той или иной действительности: «Божественный разум непременно и извечно содержит вариант бесконечного множества миров, но Бог выбирает лучший из этих миров, творя его таким, каким он есть»⁸. Эта идея множества миров распространяется и на языковые высказывания. Высказывание может быть возможно или истинно по отношению к тому «миру», в котором оно произнесено. Так, высказывание с модальностью необходимости выражает необходимость, если суждение, содержащееся в нем, является общепризнанной истиной во всех возможных мирах по отношению к данному⁹.

Кант же в своей «Критике чистого разума» попытался классифицировать основные признаки всех понятий и суждений на основе выделенных им категорий рассудка. Среди 12 таких категорий Кант выделил категорию модальности, под которой он понимал способ суждения об объекте со следующих точек зрения: возможен – не возможен; существует – не существует; необходим – случаен. Далее он выделяет три основных вида суждений, лежащих в основе человеческого мышления, – проблематические, ассерторические и аподиктические.

Ассерторические суждения (от лат. *assertio* – высказывание) это суждения действительности, в которых важен сам факт наличия явления. К аподиктическим (от греч. *apodeitike* – наука, служащая доказательству) относят суждения со значением необходимости. Проблематическими суждениями считаются суждения возможности. При этом под возможностью Кант подразумевает «свободу допускать такое суждение»¹⁰.

Рассматривая соотношение категорий возможного, действительного и необходимого, Кант пришел

к мнению о том, что в мире «есть существо, существование которого предшествует самой возможности его самого и всех вообще вещей и о котором поэтому говорят, что его существование безусловно необходимо. Это существо называется Богом»¹¹.

На современном этапе внимание привлекает концепция российского философа М. Эпштейна, который в своей работе «Философия возможного» также подтверждает теорию существования возможных миров, восходящую к Скоту и Лейбницу, но в движении этих миров видит количественные параметры, которые ранее в философии не прослеживались: «Смена модальностей сопряжена с количественным переходом: одна возможность (универсалия) реализуется многообразно, а из множества возможностей (альтернатив) реализуется одна»¹². А сама модальность, по мнению Эпштейна, это совокупность отношений и действий, обязательно предполагающих наличие в себе предиката «мочь».

На основе его взаимодействия с предикатами «быть» и «знать» в утверждении и отрицании Эпштейн выделяет три типа модальностей, выводимых из модальности возможности: бытийная (онтическая), эпистемическая (познавательная) и потенционная (гипотетическая). Так, в основе бытийной модальности лежит соотношение между предикатами «быть» и «мочь», эпистемическая модальность строится на основе соотношения «мочь» и «знать», а гипотетическая модальность предполагает наличие только одного предиката «мочь», который может стоять в утвердительной или отрицательной форме. Эпштейн также присваивает модальным суждениям категории активного и пассивного залога¹³.

Таким образом, в логико-философских концепциях модальности явно выделяются три основные точки зрения, которые найдут свое выражение в языкознании:

- онтологическая, рассматривающая модальность как способ существования бытия или протекания какого-либо явления;
- эпистемологическая (гносеологическая, логическая), понимающая модальность как способ суждения об объекте, событии или явлении;
- теолого-метафизическая, рассматривающая вопрос о модальности сквозь призму размышлений о божественном начале и его роли в мироздании, об отношениях между временем и модальностью, о реальности возможных миров.

В истории зарубежного и отечественного языкознания теория модальности накопила богатый опыт, который чаще всего сводится к слишком широкому или узкому пониманию данной категории. В отечественном языкознании родоначальником широкого подхода к проблеме модальности является В.В. Виноградов. Модальность понималась им как семантическая категория, выражающая отношение содержания высказывания к действительности со стороны говорящего. При этом в объем этой категории Виноградов включал все возможные модальные значения: реальность, нереальность, желание, необходимость, достоверность, возможность, побуждение, эмотивность и др.¹⁴.

Другие лингвисты строили свои концепции, исходя только из некоторых значений. К примеру, Г.А. Золотова попыталась ограничить определение модальности противопоставлением реального/ирреального отношения высказывания к действительности. На этом основании она выделила два вида модальностей – реальную (прямую) и нереальную (косвенную, гипотетическую). Эти модальности она положила в основу объективной модальности, которая выражается категорией наклонения: изъявительным, побудительным и условным¹⁵.

Во французском языкознании теорию модальности развивал Ф.Брюно. Он включал в эту категорию все возможные значения, распределив их по трем модальным группам: модальности суждения, чувств и воли, где в каждом случае взаимодействовали категории действительного и возможного. Брюно уделял большое внимание лексическому выражению модальности, а с психологической точки зрения рассматривал ее как некую операцию, которую говорящий проводит над высказыванием¹⁶.

Некоторые ученые отводят центральную роль коммуникативной функции высказывания, которая реализуется в коммуникативных видах предложения: повествовательное, побудительное, вопросительное. По мнению Э. Бенвениста, они соответствуют трем основным позициям говорящего, который имеет целью сообщить, запросить информацию, побудить собеседника к действию¹⁷. Такой вид модальности носит в лингвистике название коммуникативной, фразовой или синтаксической. В отечественной традиции она развивалась в работах Т.Б. Алисовой, И.П. Распопова, в зарубежной – у чешского лингвиста М. Грешла, французского грамматиста А. Менье. Ж. Галише сводил модальность к чисто глагольной категории, проявляющейся через наклонения: изъявительное, условное, сослагательное, побудительное¹⁸.

В последнее время модальность рассматривается комплексно, как функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения содержания высказывания к действительности и отношения говорящего к содержанию высказывания. Представителями такого подхода являются Ш. Балли, А. Вежбицкая, Н.Д. Арутюнова, А.В. Бондарко, В.Г. Гак, Е.С. Кубрякова, Е.В. Падучева и др.

Влияние философии прослеживается не только в заимствовании лингвистами терминов «модальность» и «модус». К примеру, наиболее часто выделяемые лингвистами субъективная и объективная модальности восходят к аристотелевским унитарной и билатеральной соответственно. Лингвистика оперирует суждениями, выделенными Кантом, соотнося их с основными видами наклонений: изъявительное, побудительное, сослагательное, условное. Даже, казалось бы, чисто философская теория «возможных миров» и здесь нашла себе применение в теории текста и дискурса. Письменное произведение рассматривается как носитель множества смысловых значений, вложенных в него автором и требующих расшифровки со стороны читателей. Этот последний факт подтверждает универсальный характер категории модальности, столь многогранно используемой и изучаемой благодаря теоретическим основам, заложенным в философии.

Selezneva T.A. The Problem of Logico-Philosophical Origins of the Category of Modality.

Summary: The article represents theoretic-methodological analysis of linguistic modality. It deals with the question of correspondence between the notions of *modus* and *modality* in philosophy and linguistics, as two related, but not identical categories. The author notices fundamental logico-philosophical conceptions of the modality and studies their impact on development of linguistic approaches to this category.

Ключевые слова

Категория модальности, концепции, модус, диктум, типы модальности, возможные миры.

Keywords

Category of modality, conceptions, *modus*, *dictum*, modality types, possible worlds.

Примечания

1. Эпштейн М.Н. Философия возможного. СПб, 2001. С. 284.
2. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов, 1998. С. 643.
3. Rousseau A. Problématique générale. In: Revue belge de philologie et d'histoire. Tome 81 fasc. 3, 2003. Langues et littératures modernes - Moderne taal en litterkunde. P. 611-616.
4. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т.1. М., 1976. С. 245.
5. Аристотель. Указ. соч. С. 151, 164.
6. Зеленцов А.В. Пропозиция и модальность. Изд. 2-е, доп. М., 2010. С. 19.
7. Зеленцов А.В. Указ. соч. С. 35.
8. Бабушкин А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка. Воронеж, 2001. С. 5.
9. Зеленцов А.В. Указ. соч. С. 40.
10. Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С. 83.
11. Кант И. Новое освещение первых принципов метафизического познания. М., 1964. Т. 1. С. 278.
12. Эпштейн М.Н. Указ. соч. С. 66.
13. Там же.
14. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М., 1986. С. 594.
15. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 2009. С. 142.
16. Bruno F. La pensée et la langue. Paris: Masson, 1965. P. 511.
17. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 2002. С. 140.
18. Meunier A. Modalités et communication. Langue française. N°21. 1974. P. 8-25.

Анализ структуры государственного долга стран Латинской Америки

Ф. А. Ахмед Абу Бакр

В статье рассматриваются изменения в структуре внешнего долга крупнейших стран Латинской Америки (ЛАК-7). За последние десять лет уровень внешней задолженности стран неуклонно снижался. Это было обусловлено двумя основными факторами: ухудшением условий кредитования на мировом рынке, стимулировавшее страны сокращать объем заимствований за рубежом и улучшением финансового положения стран Латиноамериканского региона в связи с благоприятной экономической конъюнктурой. Именно благоприятная бюджетная ситуация способствовала развитию национальных рынков облигаций и привлечению международных инвестиций. Однако, как было обнаружено в ходе изучения данной темы, иностранные инвестиции в долговые инструменты характеризуются высокой нестабильностью, их основная доля приходится на краткосрочные облигации и недостаточны для удовлетворения растущих потребностей в финансировании все увеличивающихся потребностей этих быстрорастущих рынков. Наконец, автор рассматривает различные подходы к управлению государственным долгом.

Последние пять лет, предшествующие глобальному финансово-экономическому кризису 2008 – 2009 гг., объем государственного долга стран Латинской Америки по отношению к ВВП стран постоянно снижался. Согласно последним имеющимся данным, доля объема государственного долга семи крупнейших стран Латинской Америки (ЛАК-7)¹ от ВВП стран упала с 63% в 2002 г. до 36% в 2008 г., что является самым низким показателем с конца 1990-х гг., когда азиатский и российский финансовые кризисы привели к экономической нестабильности во всех развивающихся странах.

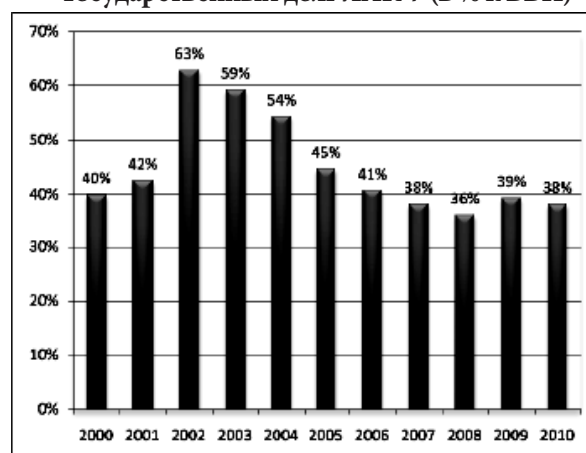
Кризис 2008 г. также привел к изменению динамики внешнего долга. В 2009 г. средний уровень государственного долга в регионе вырос до 39%, то есть достиг показателя кризисного периода 1998 г. (рис. 1).

Несмотря на увеличение доли государственного долга в течение 2009 г., структура государственного долга изменилась с увеличением внутреннего долга. С конца 1990-х гг. наблюдалось постоянное увеличение внутреннего долга по сравнению с

внешним². На рис. 2 отражено увеличение доли внутреннего долга ЛАК-7 до 63% от валового объема, рост составил 13% по сравнению с 2000 г.

Рис. 1

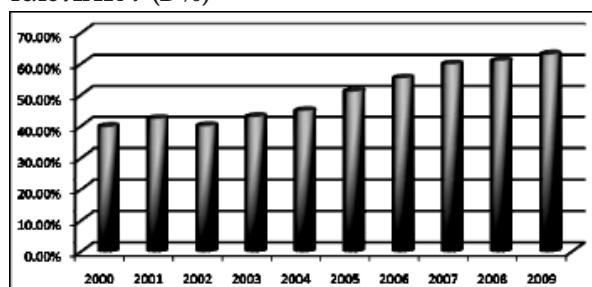
Государственный долг ЛАК-7 (в % к ВВП)

Источник: International Monetary Fund, World Economic Outlook Database, October 2012.

Ахмед Абу Бакр Ф.А. – аспирант кафедры экономической теории МГИМО(У) МИД России. E-mail: fuserrr@yahoo.es

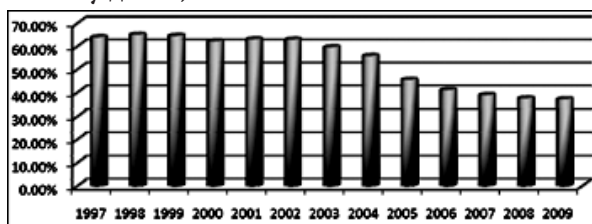
Рис. 2
Доля внутреннего долга в валовом показателе ЛАК-7 (в %)

Источник: Latin Macro Watch Database (LMW).

В свою очередь, изменение доли внутреннего долга повлияло на валютную структуру долга. В отличие от внешнего долга, который преимущественно выражен в иностранной валюте, внутренний долг включает большую долю, выраженную в национальной валюте³. Как показано на рис. 3, доля государственного долга, выраженного в иностранной валюте, постоянно сокращалась – с 64% в 1997 г. до 37% в 2009 г. Более того, показатель 2009 г. не изменился по сравнению с 2008 г. Это значит, что даже дешевое финансирование в долларах США, доступное благодаря вливанию ликвидности в рамках программы количественного смягчения (так называемое QE – quantitative easing) ФРС 2009–2010 гг., не стало стимулом для увеличения займов в иностранной валюте. Неизменившаяся структура государственного долга также позволяет заключить, что увеличившиеся потребности в финансировании в течение 2009 г. удовлетворялись за счет внутренних займов на национальном рынке.

Рис. 3
Доля государственного долга, выраженного в иностранной валюте (в % к общему объему долга)

Источник: Latin Macro Watch Database (LMW).

Последствия изменения структуры государственного долга

Многие специалисты отмечают, что структура государственного долга стала более устойчивой благодаря меньшей зависимости от иностранного финансирования. Большая часть государственного долга стран ЛАК-7 выражена в национальной валюте в противоположность старой политике, опиравшейся по большей части на внешние заимствования. Рассматривая данный процесс сквозь призму кризиса 1998 г., эти изменения способствовали консолидации и большей защищенности стран региона от негативных эффектов финансовой глобализации.

Когда доля валютной части долга сокращается, риск воздействия внешнего шока резкого ограничения доступа на мировой рынок заемного капитала в сочетании с обесценением национальной валюты становится менее вероятным.

Однако с учетом процесса финансовой глобализации экономический рост региона сталкивается с рядом проблем, связанных со структурой внешнего долга. Текущая структура государственного долга является результатом политики, основанной на двух экзогенных факторах:

- 1) благоприятная внешняя экономическая конъюнктура в 2003–2007 гг.;
- 2) отражение финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. в регионе.

Оздоровление экономики стран Латинской Америки во многом финансировалось за счет благоприятного воздействия внешней среды во время подъема мировой экономики в 2002–2007 гг.: когда ожидается, что процентные ставки по облигациям будут падать, странам гораздо легче эмитировать долгосрочные долговые инструменты и выпускать обязательства в национальной валюте, когда ожидается, что ее курс будет расти. Переход к более устойчивой структуре государственного долга совпал с периодом самых низких процентных ставок в истории и избыточным предложением мировой ликвидности. Мировые инвесторы стремились к относительно более высокому уровню процентных ставок, а долговые инструменты развивающихся стран как раз предоставляли более выгодные инвестиционные возможности. Тем не менее, если ожидания инвесторов относительно направления движения процентных ставок и курса валют изменится, то структура государственного долга стран может резко измениться в сторону более рискованного портфеля.

Влияние кризиса на структуру государственного долга

В последнем квартале 2008 г. эти ожидания изменились в связи с усилившимися проявлениями кризиса. Банкротство Lehman Brothers в сентябре 2008 г. ознаменовал начало мирового кризиса, в результате которого экономические и финансовые условия значительно ухудшились. Для региона это означало резкое сокращение доступа на кредитный рынок и конец периода экспансии⁴. Имеющиеся данные позволяют утверждать, что составляющие государственного долга стран ЛАК-7 не изменились во время кризиса. Это новая тенденция для стран региона, поскольку в прошлые кризисы ситуация с внешней задолженностью быстро ухудшалась⁵. Однако, учитывая структурные проблемы мировой экономики, можно сделать вывод, что кризис будет продолжать сказываться на экономическом росте региона.

Финансовый кризис начал сильно ощущаться в Латинской Америке во втором квартале 2009 г., тем не менее к концу года рынки ЛАК-7

восстановили нормальное движение. Проблема экономического роста в регионе связана с тем, что пока нет крупной, стабильной инвестиционной базы, обеспечивающей постоянный спрос на рынке долговых инструментов. Спрос на облигации, номинал которых выражен в национальной валюте, по фиксированной ставке процента и на длительный срок, крайне нестабилен⁶. Это означает, что увеличение в последние годы доли государственного долга, выраженного в национальной валюте, частично произошло благодаря более осязательному присутствию иностранных инвесторов на национальных фондовых рынках. Например, в случае с Бразилией объем инвестиций в бразильский фондовый рынок увеличился с 50 млрд долл. в 1990 г. до 250 млрд долл. в середине 2008 г.

Эта тенденция может оказать давление на уровень ликвидности в стране в случае, если доступ к мировому кредитному рынку будет резко ограничен (в специализированной литературе этот эффект больше известен как “sudden stop”). В то время как раньше (когда государственный долг был номинирован в иностранной валюте) попытки иностранных инвесторов продать активы оказывали опосредованное давление на национальные рынки и риск кризиса ликвидности, вызванный резким увеличением спроса на национальную валюту, был ограниченным. Теперь же эффект sudden stop может спровоцировать массовую продажу национальных акций, по мере того как иностранные инвесторы будут выводить свои активы в материнские компании. Поэтому, в рамках существующей финансовой структуры, потенциальный рост объемов продажи национальной валюты равен валовому объему инвестиций в национальный рынок, хотя и девальвированный в результате обвала цен на акции, который вполне вероятен в ближайшее время.

Таким образом, можно выделить характерные особенности новой композиции национального государственного долга. Проблема долгосрочного финансирования долга по фиксированным ставкам и выраженному в национальной валюте решается за счет развития национального рынка долговых инструментов, опирающегося на местного инвестора, а не на непостоянных иностранных игроков⁷. Внутренние институциональные инвесторы, такие, как пенсионные фонды, стали ядром национальной инвестиционной базы во многих странах. Без стабильной инвестиционной базы экономический рост в Латинской Америке так и останется уязвимым к колебаниям мировой финансовой системы, несмотря на смещение центра тяжести в структуре государственного долга от внешней задолженности к внутренней.

Поскольку доля национального долга в валовом объеме продолжает расти, его динамику следует рассмотреть с исторической точки зрения. Рейнхарт и Рогофф отмечают, что резкий рост эмиссии национальных долговых инструментов

в последние годы не являются такой уж новой тенденцией. В частности, для Латинской Америки национальный рынок облигаций испытывал масштабные кризисы в 1970-х и 1980-х гг. из-за предрасположенности правительства к чрезмерной эмиссии долговых инструментов. В докризисные периоды, как и сегодня, доля национального долга также составляла большую часть в общем объеме государственного долга. И даже в течение достаточно долгого периода времени данный государственный долг сохранял рыночную ставку процента.

Исследование Рогоффа и Рейнхарта интересно также тем, что оно подробно рассматривает документацию периодов, когда происходили дефолты и велись переговоры о реструктуризации долга⁸. Эмпирические данные показывают, что дефолт национального долга происходит реже, чем дефолт по внешней задолженности. Все же весьма общим мнением является то, что преобладающая часть национального долга также не является стабильной.

Чаще всего кризис неплатежей по внешней задолженности не является первопричиной дефолта национального долга. Последний происходит в результате гораздо более тяжелых системных проблем, связанных с хроническим дефицитом бюджета, массовым оттоком капитала и пр. Таким образом, правительства стран Латинской Америки, определяя стратегию стимулирования экономического роста в условиях финансовой глобализации, не должны опираться на увеличение национального долга, эмитированного по рыночным ставкам, считая старые проблемы окончательно решенными. Эмпирические данные показывают, что развитие национального рынка не является ни рецептом от структурных проблем, замедляющих экономический рост, ни постоянным инструментом в руках управленцев (debt managers) для защиты национальной экономики от негативных последствий финансовой глобализации.

Заключение

Итак, эмпирические данные указывают на то, что улучшение в составе государственного долга, а также стабильность, которую страны Латинской Америки продемонстрировали в течение глобального финансового кризиса, не должны рассматриваться как долгосрочные. Правительства стран должны осуществлять постоянный мониторинг объема государственного долга и осуществлять дальновидную политику в этой области (включая сокращение долга), которая предотвратила бы повторение предыдущих кризисов и учитывала потенциально слабые места в новой структуре государственного долга.

В данной статье была рассмотрена структура государственного долга Латинской Америки как одна из важнейших проблем, связанных со стимулированием экономического роста в условиях финансовой глобализации. Были рассмотрены основные изменения и тенденции в

этом направлении, а также сформулированы некоторые рекомендации относительно политики управления национальным и внешним долгом, в контексте постепенного стирания границы между двумя этими понятиями.

Ahmed Abu Bakr F. A. Analysis of structure of a public debt of the countries of Latin America.

Summary: *The article addresses the problem of public debt restructuring in seven largest countries of Latin America. Over the last decade there has been a steady decline in nations' external debt liabilities. This process was originated by two main contributors: worsening borrowing conditions on the world credit*

market, encouraging governments to deleverage their external credit position, and a solid financial standing underpinned by a positive external environment. It is LAC-7 countries' strong fiscal position that propelled the development of national debt market and attracted international investors. But as the present report reveals international capital inflows into public debt market is highly volatile, concentrated in the short term segment and insufficient to finance constantly rising needs of the emerging nations. Finally, the author considers debt management options for local government policies weighing the implications of the ongoing global financial crisis and the scarcity of external credit resources.

Ключевые слова

Государственный долг, внешняя задолженность, мировой кредитный рынок.

Keywords

Public debt, external debt, world credit market.

Примечания

1. ЛАК-7 состоит из семи крупнейших стран региона: Аргентины, Бразилии, Чили, Колумбии, Мексики, Перу и Венесуэлы, - на которые приходится 90% ВВП Латинской Америки.
2. Внутренний долг – это обязательства, выпущенные в рамках национального законодательства и находящиеся под юрисдикцией национальных судебных органов. Внешний долг – это обязательства, выпущенные на территории другой страны и регулируемые законодательством и судебными органами других стран. Последнее время граница между внутренним и внешним долгом стирается в связи с тем, что государственные облигации могут приобретаться как иностранными, так и национальными инвесторами.
3. Eduardo A. Cavallo "Debt Management in Latin America. How safe is the new debt composition?", Policy Brief, February 2010.
4. Inter-American Development Bank (2009a), "Dealing with an International Credit Crunch: Policy Responses to Sudden Stops in Latin America," Eduardo Cavallo and Alejandro Izquierdo.
5. Быстрое ухудшение структуры долга из-за сокращения доступа к мировому рынку долговых обязательств наблюдалось в Мексике 1994 г. (Tequila effect) и Бразилии 1998 г. All that Glitters May Not be Gold. Washington, DC, United States: IDB, стр. 16.
6. Inter-American Development Bank (IDB). 2007. Living With Debt: How to Limit the Risks of Sovereign Finance. Economic and Social Progress in Latin America Report. Washington, DC, United States: IDB, p. 65.
7. Inter-American Development Bank (IDB). 2007. Living With Debt: How to Limit the Risks of Sovereign Finance. Economic and Social Progress in Latin America Report. Washington, DC, United States: IDB, p. 72.
8. Reinhart, C., and K. Rogoff. 2008. "The Forgotten History of Domestic Debt." NBER Working Paper 13946. Cambridge, United States: National Bureau of Economic Research, p. 56.

Реконструкция коммуникативного стереотипа как источник информации об идентификационных механизмах культур Англии и Германии

Е.Е. Рыбакова

В статье анализируются коммуникативные стереотипы межкультурной коммуникации Англии и Германии на литературном примере начала XX в. Поскольку коммуникативный стереотип является источником информации об аксиологической составляющей «культурного кода», его реконструкция на разных уровнях существования, включая рассмотрение «в зеркале» иной культуры, – важный шаг на пути оптимизации межкультурного взаимодействия.

В процессе становления культуры имеет значение ее взаимодействие с иными культурами – межкультурная коммуникация в широком смысле слова. Хорошо известно, что не всегда и не везде культуры охотно открывались для подобных контактов. Но их влияние на рефлексивный пласт общественного сознания, на «узнавание другого» и уточнение своих собственных идентификационных программ не вызывает сомнения. Из этого вытекает, каким важным элементом межкультурной коммуникации является коммуникативный стереотип – «образ другого¹», тиражирующий ожидание определенных черт поведения, характера; стратегии и тактики коммуникативного поведения, в том числе и в различных «по знаку» ситуациях межкультурного диалога:

– стереотип как форма национального менталитета может представлять стандартным мнением носителей этого менталитета о

социальных группах или об отдельных лицах, представителях этих групп².

– с логической точки зрения стереотип – это эмоционально окрашенное суждение, которое в заостренной форме (упрощая и обобщая) приписывает определенные свойства или ценностные установки определенному классу лиц³.

Каждая национально-культурная общность вырабатывает, как правило, свои представления о приемлемых путях подобного взаимодействия. Это и есть в самом широком смысле коммуникативная культура. Традиции «старой» коммуникативной культуры европейских народов представляют особый интерес, так как раскрывают не только специфику национального менталитета в ситуациях межкультурного взаимодействия⁴, но также помогают выявить сценарные программы коммуникации, характерные для Старого Света. Наряду с этим реконструкция коммуникативных

Рыбакова Елена Евгеньевна – аспирантка Государственной академии славянской культуры.
E-mail: rybakovayelena@gmail.com

стереотипов способствует оптимизации процесса межкультурной коммуникации, создает возможности ее развития в желательном направлении.

Богатый исследовательский материал по данной теме представлен в специальных трудах по философии, этнологии, психологии, лингвистике и т.д. Современная коммуникативистика (и такая ее часть, как лингвокультурология) вслед за аналитической философией предлагает обратить внимание на «нерефлективный» пласт культурного самосознания эпохи – периодику, рекламу, бестселлеры. В числе последних выделяется бестселлер юмористический, обыгрывающий коммуникативные стереотипы на основании выявленных несоответствий, которыми полны ситуации общения, в том числе общения межкультурного.

Юмористический роман известного английского писателя Джерома Клапка Джерома «Трое на четырех колесах» (1900) привлекает внимание в данной связи, поскольку описывает ситуацию взаимодействия немцев и англичан в период начала XX в. – то есть в то время, когда закладывались не только экономические, политические и организационные, но и этнопсихологические основания интенсификации диалога, переросшего затем в остро конфликтное противостояние в ходе Первой мировой войны.

Лингвокультурологический подход позволяет реконструировать коммуникативные стереотипы, к примеру, сквозь призму изучения вульгаризмов и иных языковых средств. Они предстают в качестве выразителей глубинных сдвигов социокультурного плана, отраженных в языке. Сам язык при этом выступает как спонтанный выразитель общественных процессов; дело лингвокультуролога – эти процессы выявить и описать. Джером К. Джером – не просто писатель. Он – глубокий аналитик, раскрывший в своих произведениях ряд аспектов компаративного подхода, что позволяло ему критически осмыслить процессы, происходящие в современной ему культуре.

Так, в упомянутом романе «Трое на четырех колесах» Дж. К. Джером отмечал те тенденции общественной жизни, с которыми связано начало XX в.: социально-бытовые изменения, основанные на деформации ценностной базы традиционной культуры, научно-технический прогресс, вызванные им социальные сдвиги. В это время Англия, как известно, являлась самой влиятельной мировой державой, обладала значительным экономическим и людским потенциалом, владела большим числом колоний и т.п.

Германская империя с 1880-х гг. активно включилась в колониальную гонку, стремясь расширить свое «жизненное пространство» в конкурентной борьбе с другими империями. У нее, как говорится, были свои амбиции, но они поначалу не были обеспечены достаточной политической силой. Всплеск национального самосознания, выведший страну в число мировых экономических лидеров⁵, подвинул Германию в начале XX в. к осознанию себя находящейся в совершенно новом геополитическом положении. Все это не могло не повлечь за собой

драматических изменений не только в политической сфере, но и в самой культуре.

Культурная идентичность англичан анализируется в работах таких авторов, как А. де Токвиль, Ф. Купер, У. Эмерсон, Г. Коммаджер⁶ и др. Основными элементами культуры Англии они называют религию, язык, приверженность традициям и обычаям, консерватизм, законопослушность, материализм, индивидуализм, практицизм и патриотизм. Также считается, что англичанам свойственны любовь к истории, особое «английское» чувство юмора, снобизм и чувство превосходства над всем миром.

Что касается «программных» элементов культуры немцев, то ими являются религия, язык, патриотизм, законопослушность, национальный дух и также приверженность традициям и обычаям. Дитмар Сكيرмер (Schirmer D.)⁷ относит Германию к обществам, в которых именно национальные аспекты культуры являются определяющим источником национальной идентичности. Германия относится к обществам, характеризующимся периодическим пересмотром системы политических норм и ценностей⁸. Поэтому о Германии можно говорить как о стране менее консервативной, чем Англия.

Переходя к непосредственному рассмотрению лингвокультурологически значимого материала романа (с целью выявить особенности межкультурного диалога Англии и Германии на основе их культурной идентификации в контексте культурно-исторических и социальных перемен того времени), выделим несколько уровней стереотипов⁹, обнаруженных в ходе этой работы.

Первый уровень отражает специфические базовые (само)идентификационные ценности английской и немецкой культур. В их числе:

1. *Индивидуализм, уважение власти и законопослушность*: «In the placid, docile German of to-day, whose only ambition appears to be to pay his taxes, and do what he is told to do by those whom it has pleased Providence to place in authority over him, it is difficult, one must confess, to detect any trace of his wild ancestor, to whom individual liberty was as the breath of his nostrils; <...> Individualism makes no appeal to the German voter. He is willing, nay, anxious, to be controlled and regulated in all things...»¹⁰ {«В современном тихом и обстоятельном немце, находящем полное удовлетворение в том, что он платит подати и исполняет приказания тех, кто волей судьбы поставлен властвовать над ним, – действительно трудно различить черты его диких предков, для которых свобода была воздухом, жизнью, условием существования; <...> Свобода воли и личности не искушает немца, он любит, чтобы им управляли; а недовольные – не довольны только формой проявления власти, но не самим ее существованием над ними»}¹¹.

В приведенном фрагменте немцы представлены глазами англичан как народ несамостоятельный, лишенный индивидуализма, так же, как и своего пресловутого «воинственного духа». Уважение к власти перерастает в зависимость от нее. Такая

«аксиологическая оптика» показывает, что англичане понимают под индивидуализмом абсолютную независимость как проявление самостоятельности и инициативы в конкретных обстоятельствах. При этом сами англичане предстают как народ умеренный, в том числе и в отношении критики собственной власти.

2. *Здравый смысл*: «The German citizen is a soldier, and the policeman is his officer. The policeman directs him where in the street to walk, and how fast to walk. At the end of each bridge stands a policeman to tell the German how to cross it. Were there no policeman there, he would probably sit down and wait till the river had passed by»¹². {«Здесь каждый гражданин чувствует себя солдатом, а городских признает офицерами. Городовой указывает ему, куда идти, и с какой скоростью, и как переходить мосты; если бы у мостов не было полиции, немец готов был бы сесть на землю и ждать, пока протечет вся река»}.

Анализ следующего стереотипа показывает, что англичане ценят не порядок сам по себе, а порядок «разумный», – приписывая немцам черты, характерные для представителей низкоконтекстных культур коллективистского типа. Гражданское самосознание не равнозначно тупому послушанию. Если все-таки подобная подмена происходит, следует искать ее корни в этнокультурных особенностях и предрасположенностях того или иного народа.

Следующий пример характеризует англичан как носителей здравого смысла, позволяющего считать разрешенным то, что не запрещено законом и логикой вещей: «But in Germany a boy will walk for miles down a lonely road, hedged with fruit trees, to buy a pennyworth of pears in the village at the other end. To pass these unprotected fruit trees, drooping under their burden of ripe fruit, strikes the Anglo-Saxon mind as a wicked waste of opportunity, a flouting of the blessed gifts of Providence»¹³. {«Для англосаксонского ума представляется потерей времени проходить мимо целых стен фруктовых деревьев и не трогать их; по нашему мнению, смотреть хладнокровно на ветви, склоненные под тяжестью зрелых плодов, было бы насмешкой над дарами природы. А в Германии мальчик пойдет по такой дороге за несколько миль, в соседнюю деревню, чтобы купить там на пять пфеннигов груш»}.

О «правильности» и «законопослушности» немцев ходят легенды. Вот как видят ее англичане: «I remember in one German town - I forget which; it is immaterial; the incident could have happened in any - noticing an open gate leading to a garden in which a concert was being given. There was nothing to prevent anyone who chose from walking through that gate, and thus gaining admittance to the concert without paying.<...> Yet of the crowds that passed, not one attempted to enter by that gate. They plodded steadily on under a blazing sun to the other gate, at which a man stood to collect the entrance money. <...> Nothing stopped their going on but the knowledge that they ought not»¹⁴. {«Я помню, в каком-то немецком городе мне случилось проходить мимо парка, в котором играла музыка; в него вели двое ворот, у

одних продавались билеты, а другие – за четверть мили от первых – стояли широко открытыми; здесь не было ни сторожа, ни городского, и каждый желающий мог бы свободно войти в парк и слушать музыку. Но никто не подумал войти в эти ворота: все под палящим зноем ползли к главному входу, где стоял человек и собирал входную плату»}.

При всей абсурдности ситуации, законопослушность, доведенная до такого «абсолюта», вызывает уже не презрение, а скорее уважение, – как проявление не укладывающейся в рамки здравого смысла и вместе с тем завораживающей своей последовательностью динамики национального характера. В романе обыгрывается «солдафонство» немцев и тем самым утверждается ценность гражданского (не милитаризованного) типа культуры: «The German has so long been the soldier of Europe, that the military instinct has entered into his blood. The military virtues he possesses in abundance; but he also suffers from the drawbacks of the military training. It was told me of a German servant, lately released from the barracks, that he was instructed by his master to deliver a letter to a certain house, and to wait there for the answer. The hours passed by, and the man did not return. His master, anxious and surprised, followed. He found the man where he had been sent, the answer in his hand. He was waiting for further orders. The story sounds exaggerated, but personally I can credit it»¹⁵. {«Немец так долго был ландскнехтом всех государств, что солдатчина вошла в его плоть и кровь. Он даже иногда страдает от ее избытка; мне рассказывали об одном лакее, незадолго перед этим окончившем военную службу: хозяин послал его с письмом в один дом и велел ждать ответа. Час проходил за часом, а человек не возвращался. Отправившись лично, хозяин застал его все еще в том доме, куда послал, хотя с ответным письмом в руке: он ожидал дальнейших приказаний»}.

Приведенная история звучит, разумеется, преувеличенно. Однако ее смысл понятен. Более того, автор считает, что за «прививку» милитаризма немецкому народу ответственные немецкие общеобразовательные школы. А не только психологические и иные особенности народа.

Второй уровень отражает «неспецифические» базовые ценности. В их числе:

1. *Ценность благосостояния*: «The wealthy master builder, when he prepares his roomy waggon for an excursion into the country, invites his foreman and his tailor to join him with their families. Each brings his share of drink and provisions, and returning home they sing in chorus the same songs. So long as this state of things endures, a man is not induced to sacrifice the best years of his life to win a fortune for his dotage»¹⁶. {«...Богатый инженер, собираясь с семьей на пикник, приглашает принять в нем участие своего управляющего и портного. Те являются с чадами и домочадцами, со своей долей бутербродов и питья, и все отправляются вместе, а на обратном пути поют хором песни. При таком положении вещей незачем тратить лучшие годы жизни на то, чтобы приготовить себе достойную обстановку для лет старческого слабоумия»}.

Итак, для англичан благосостояние неоспоримо является ценностью; «романтики»-немцы, с точки зрения английского писателя, по крайней мере не выдвигают ее на первое место.

2. *Ценность родного языка* как выразителя культуры и носителя найденных ею смыслов, а также в качестве средства общения: «The true inwardness of the situation lay in the indignation of this Britisher at finding a German railway porter unable to comprehend English»¹⁷. {«...Трогательность его заключалась в искреннем негодовании британца, который нашел немецкого носильщика, не понимающего по-английски»}.

Как видим, «языковой шовинизм» приводит к тому, что диалог может окончиться, едва начавшись, если нет соответствующих средств его ведения. Безусловным фактором эффективного диалога культур является уважительное отношение к использованию языков различных локальных культур. Кстати, данная установка актуальна и сегодня. Несоблюдение данной нормы ведет к невозможности установления диалога и отсекает возможности сотрудничества. Уважение языка подразумевает осознание необходимости говорить в чужой стране на языке данной страны или пытаться освоить его. Также Дж. К. Джером указывает на явные коммуникативные проблемы, имеющие место в среде жителей небольших немецких городов. Писатель выражает эту мысль следующим образом: «...Together with a blink at the Vosges mountains, where half the population is bitterly pained if you speak to them in French, the other half being insulted when you address them in German, and the whole indignantly contemptuous at the first sound of English; a state of things that renders conversation with the stranger somewhat nervous work»¹⁸. {«Здесь одна половина населения считает горькой обидой, если с ними заговоришь по-французски; другая – оскорбляется, если обратишься по-немецки, и обе выражают презрение и негодование при первом звуке английской речи. Такое положение вещей несколько утомляет и затрудняет нервного путешественника»}.

По существу, при описании данного стереотипа речь идет о нарушении норм коммуникации, обусловленном культурным предубеждением. Последнее, в свою очередь, явилось следствием неоднократного перехода территорий от немцев к французам и обратно и соответствующих исторических претензий, оставивших след в национальной психологии (в частности, в отношении к «чужой» и «чуждой» языковой реальности).

3. *Ценность бытовой коммуникативной компетенции («вежливость»)*: «There were about half a dozen of us standing there," he continued, "and, of course, I am not experienced. The thing started suddenly, and that jerked me backwards. I fell against a stout gentleman, just behind me. He could not have been standing very firmly himself, and he, in his turn, fell back against a boy who was carrying a trumpet in a green baize case. They never smiled, neither the man nor the boy with the trumpet; they just stood there and looked sulky. I was going to say I was sorry, but before

I could get the words out the tram eased up, for some reason or other, and that, of course, shot me forward again, and I butted into a white-haired old chap, who looked to me like a professor. Well, HE never smiled, never moved a muscle»¹⁹. {«Нас было на площадке человек шесть, – продолжал Харрис. – Я ведь еще не привык, и когда вагон неожиданно двинулся, меня дернуло назад, и я повалился прямо на толстого господина, стоявшего за мной; тот, вероятно, тоже был не особенно тверд на ногах и, в свою очередь, чуть не раздавил мальчика, державшего трубу в зеленом чехле. Ни один из них не улыбнулся, оба только надулись. Я собрался было извиниться, когда вагон вдруг замедлил ход, и я очутился в объятиях седого господина, похожего на профессора, который стоял против меня. Представь себе, что и он не улыбнулся! Ни один мускул не дрогнул на его лице!»}.

Разное восприятие нестандартной коммуникативной ситуации немцами и англичанами обуславливает и различие их реакций. Как известно, как англичане, так и немцы стараются избегать физического контакта с незнакомыми людьми. Однако, если такое все же происходит, они проявляют свою вежливость в зависимости от тех базовых установок, которые обусловлены их национальным менталитетом²⁰. Авторский юмор призван смягчить очевидную «грубость» немецкой версии вежливости и акцентировать внимание на ее английской версии, представляющей писателю наиболее тактичным способом проявления своих чувств.

Поскольку коммуникативный стереотип отражает ценности культуры, его участие в процессах самоопределения, самообоснования и саморепрезентации культур не вызывает сомнения²¹. Примечательно, что в начале XX в. определенные ценности соответственно английской и немецкой культур стали вызывать подчеркнутое взаимное раздражение и неприятие на уровне психологических контекстов межкультурной коммуникации. При всей близости исходных установок их различие постепенно стало доминировать. Было бы натяжкой утверждать, что этот процесс явился определяющим по отношению к развернувшейся серии конфликтов на уровне экономического, политического и военного противостояния. Однако игнорировать роль данного фактора тоже было бы неверно.

Как минимум, он определил стратегию возможной пропаганды и контрпропаганды в условиях нарастания взаимных геополитических претензий; в ходе военных действий на полях сражений и в кабинетах политиков времен Первой мировой войны; оказал влияние на развитие взаимоотношений послевоенного и послереволюционного периода, выразившегося в стремлении, с одной стороны, «подавить немецкого агрессора» (не забыв, однако, включить его экономический и политический потенциал в стратегию «общеевропейского дома» как форму противостояния «коммунистической угрозе»). С другой стороны, давление описанных стереотипов на общественное сознание эпохи выразилось в

усилении германского реваншизма и милитаризма как проекции верно угаданных Джеромом этнопсихологических предпосылок «внутри» самого немецкого характера.

Примечательно, что политические и культурные стратегии молодого Советского государства поначалу основывались на признании «противоположных знаков» (по сравнению с англичанами) в отношении тех ценностей, о которых шла речь. Договор в Рапалло (суть которого можно кратко свести к одностороннему признанию в 1922 г. России Германией в обмен на партнерство, включая экономическое и военное), как и пакт Молотова–Риббентропа, – хорошие иллюстрации высказанного предположения. Так, «бескорыстный романтизм» немцев больше импонировал представителям советской дипломатии, чем ориентированный на индивидуальное благосостояние прагматизм англичан.

Свойственное немцам прочтение ценности «порядка» вообще традиционно воспринималось русскими едва ли не как наиболее нужное им самим качество; тогда как «здоровый смысл» англичан вызывал подозрения перспективой отклонений от распорядка, установленного тоталитарным Советским государством. При этом, разумеется, было бы наивным полагать, что данные оценки выступали в процессе политической коммуникации как самодостаточные. Скорее всего, их источник находился не в таинственных «симпатиях» и «антипатиях», а в простом прагматическом расчете, определяемом нехитрым принципом: не давать усиливаться тем, кого можно «зажать». Вместе с тем учет особенностей коммуникативных стереотипов помогает прояснить некоторые механизмы, влияющие на технологии «зажата» и «разжата» политических оппонентов (и партнеров) в конкретных ситуациях принятия значимых политических решений.

Отметим: относительный консенсус трактовок названных ценностей был достигнут русскими и англичанами лишь после Второй мировой войны, заставившей лидеров мировых держав по-иному отнестись к коммуникативным стереотипам и их роли в определении политических симпатий и антипатий на фоне изменения геополитической ситуации в связи с открытием и первым применением ядерного оружия.

Примечательно, что «нейтральные» ценности бытовой вежливости и коммуникации на иностранных языках в русской версии интерпретации специфики английской и немецкой культур в это время вообще оказались «отрезаны» от восприятия в качестве значимых. Русскому читателю советского периода предлагается считать смешным как английскую чопорность, так и немецкую педантичность в решении коммуникативных задач; широко изучать же язык «немца» советские школьники стали лишь тогда, когда он был признан языком потенциального военного противника. Англичане добились этой «честь» только в 1970-х гг., и то лишь косвенно, через геополитическое противостояние

СССР и США.

Интересен тот факт, что «ослабевающий индивидуализм» и нарастающий национальный «воинственный» дух немецкой культуры обращают на себя внимание уже во времена создания романа Джерома. При этом его описание отношения к нативным языкам заставляет предположить, что «национальное чувство» – патриотизм – в обеих странах в первой половине XX в. ничуть не ослабевал. Реальное подтверждение тому – рождение фашистской идеологии на территории Великобритании. И надо отдать должное Джерому – его уверенность в конечном торжестве здравого смысла оказалась пророческой: британцы не оказались в плену национал-социализма настолько, насколько попали в него законопослушные немцы. Недооценка этой особенности национального характера англичан советскими политиками – наряду с небеспеченной верой в стремление немцев неукоснительно соблюдать нормы и договоренности, – определили вопиющие просчеты советской политики предвоенного периода.

Потребность бесконфликтного общения – одна из самых мощных в высокоразвитых культурах современности. Необходимо, однако, понимать, что знание специфики коммуникативного поведения партнеров еще не гарантирует однозначного принятия его позиции. Тем более не предполагается, что такое знание однозначно приведет к взаимному принятию культурами друг друга. В истории слишком часто наблюдалась другая ситуация, когда точное знание этнопсихологии входило в часть подготовительной разведывательной работы, проводимой с целью реализации дальнейшей политики мирного «освоения» (ассимиляции) или вооруженного захвата тех или иных территорий. Хотелось бы надеяться, что современные исследования в области коммуникативистики окажутся примерами иного рода: исследованиями, способствующими укреплению взаимопонимания с целью добросовестного партнерства в различных областях деятельности²². Следует также заметить, что исследование коммуникативных стереотипов имеет не только утилитарный характер. Оно имеет и «несъедобный» смысл – приобщение человека к новой для него культуре как обретение новой призмы, через которую мы смотрим на мир.

Rybakova E.E. Reconstruction of a Communicative Stereotype as Source of Information on Identification Mechanisms of Cultures of England and Germany.

Summary: This article considers communicative stereotypes of cross-cultural communication of England and Germany taking as a source literary work of the beginning of the XX century. As communicative stereotype is a source of information about axiological constituent part of «cultural code», its reconstruction on different levels of existence including its consideration in «the mirror» of another culture is an important means of optimization of cross-cultural interaction.

Ключевые слова

Межкультурная коммуникация, коммуникативный стереотип, коммуникативная культура, реконструкция коммуникативного стереотипа, культурная идентификация, нормы, ценности, межкультурный диалог.

Keywords

Cross-cultural communication, communicative stereotype, communicative culture, communicative stereotype reconstruction, cultural identification, norms, values, cross-cultural dialogue.

Примечания

1. Шестопал А.В., Силантьева М.В. Межкультурная коммуникация. «Мягкая сила культурных модуляторов» /Ресурсы модернизации: возможности и пределы международного контекста. Материалы VII Конвента РАМИ. М., 2012. С.204-211.
2. Асмолов А. Г. Психология личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 258-272.
3. См.: Демьянков В.З. Стереотип / Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. С.177-179.
4. См.: Силантьева М.В. Аксиолого-этические аспекты межкультурной коммуникации в условиях глобализации / Межкультурная коммуникация в условиях глобализации. Под ред. В.С. Глаголева. М., 2010. С.6-34.
5. Хабермас Ю. Учиться на опыте катастроф? Диагностический взгляд на "краткий" XX век / Ю. Хабермас. Политические работы. Сост. А. В. Денежкина; пер. с нем. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2005. С. 208- 214.
6. См.: Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 2000. 560 с. Купер Дж. Ф. Моникины. Пер. Д. Горфинкеля и Л. Хвостенко. М.: Правда, 1982. 412 с. Emerson R. W. Emerson's Essays. New York: Books Inc., 1900. 260 р. Невинс А., Коммаджер. Г. История США: От английской колонии до мировой державы / А. Невинс, Г. Коммаджер.- Нью-Йорк: Телекс, 1991. С.248.
7. Schirmer D. Integration and Fragmentation Discourses: Demanding and Supplying Identity in Diverse Societies // Identity and Intolerance: Nationalism, Racism and X enophobia in Germany and the United States. Washington, 2003. P. 117.
8. Черных В.А. Модели управления рисками национализма. [Электронный ресурс] URL: <http://credonew.ru/content/view/685/33/> (дата обращения 02.02.2012).
9. Силантьева М.В. Методология изучения реконструкции коммуникативного стереотипа в условиях непрямого диалога культур: лингвокультурологический анализ // Коммуникативистика. 2013. №2 (3). С. 4-8.
10. Jerome K. Jerome. Three Men in a boat & Three Men on a Bummel. Wordsworth Editions. London, 2008. ISBN 9781853260513. - p. 323.
11. Здесь и далее перевод: Жаринцова М. Джером К. Джером. Трое на четырех колесах. Главы VII, XIV. [Электронный ресурс] URL: <http://lib.ru/JEROM/chetwero.txt> (дата обращения 01.02.2012).
12. Jerome K. Jerome. Three Men in a boat & Three Men on a Bummel. Wordsworth Editions. London, 2008. ISBN 9781853260513. p. 326.
13. Ibid., p. 328.
14. Ibid., p. 327.
15. Ibid., p. 328-329.
16. Ibid., p. 329-330.
17. Ibid., p. 300.
18. Ibid., p.282.
19. Ibid., p. 253.
20. Ср.: Воевода Е.В. Подготовка специалистов-международников к межкультурной коммуникации в профессиональном дискурсе // Коммуникативистика. 2012. №1 (1). С.27-30.
21. См.: Глаголев В.С. Вербально-понятийные аспекты методологического дискурса VII Конвента РАМИ // Вестник МГИМО(У). 2012. № 6 (27). С.216-219.
22. См.: Зонова Т.В. Креативность дипломатии: императив международной среды / Ресурсы модернизации: возможности и пределы международного контекста. Материалы VII Конвента РАМИ. М., 2012. С.168-172.

Моделирование российско-американских отношений ВОЗМОЖНО

А.Г. Савойский

Статья посвящена новой научной теории о возможном моделировании отношений между Россией и США. На основе исследования вековых российско-американских отношений выдвинута также универсальная политологическая гипотеза о 14-летней цикличности международных билатеральных или двусторонних отношений.

Царицей всех наук принято считать математику. Цифрами оперируют не только в экономике, характеризуя, например, товароборот между странами. Полезен математический подход и в политике. Еще Платон высказывался о том, что было бы хорошо, «если бы лиц, занимающих высшие государственные должности, приучали заниматься математикой и в нужных случаях к ней обращаться»¹. О цикличности, спадах и подъемах в международных отношениях писали в разные времена лишь немногие отечественные и зарубежные исследователи. Так, Г.Н. Баженов в своем диссертационном исследовании писал о подъемах и спадах в экономическом взаимодействии СССР и США в послевоенный период². Рассуждения российского политолога С.А. Чернова о чередовании негативной и позитивной политики США в отношении СССР носили довольно схематичный характер и представляли в виде циклов двустороннего советско-американского взаимодействия³. В 80-х гг. прошлого века американский политолог Джордж Модельски писал о затяжном цикле в мировой политике, появившемся в результате возникновения двух противоборствующих идеологических систем; в 2000-х гг. – о возможном геополитическом моделировании⁴. Американский историк Артур Шлезин-

джер-младший также рассматривал цикличность в отношениях между Соединенными Штатами и зарубежными странами вообще, указывая на периодичность их развития, равную 12 – 16 годам. Однако конкретика о цикличности в отношениях между Россией (СССР) и США в его публикациях отсутствует⁵. О зигзагах в российско-американских отношениях написала в 2009 г. российский исследователь Ю.М. Быстрова⁶.

Весьма интересна точка зрения российского философа и политолога Ю.Н. Кубасова о цикличности мировой политики. В своей книге автор размышляет о завершении истории Нового времени, о том, что будущее международных отношений заложено в настоящем и нужно лишь уметь разглядеть его в происходящей действительности. Если, следуя его логике, главная проблема в отношениях между двумя и более государствами определена неверно, то они могут обернуться катастрофой. В наши дни, когда Новому времени, по мнению Кубасова, наступает конец, необходим миропорядок, основанный на идеологии воскрешения, где цикличность исторических процессов играет роль субъективного фактора⁷. Для этого как раз и следует изучать историю международных отношений, их сильные и слабые стороны в прошлом и настоящем.

Савойский Александр Геннадьевич – к.полит.н., РУДН. E-mail: asavoysky@gmail.com

На протяжении трех столетий закладывался прочный фундамент экономических и политических взаимоотношений между Российским государством (Российской империей, Советским Союзом, Россией) и Соединенными Штатами Америки. Пройдя длительный путь становления и развития, российско-американские отношения стали в настоящее время вполне зрелыми и солидными. Теперь их сущность определяет не столько количественный показатель в торгово-экономическом сотрудничестве, а экономическая дипломатия как наиболее оптимальный и благоприятный выбор средств внешней политики с использованием возможностей традиционной дипломатии и структур бизнес-сообщества в достижении одновременно внешнеэкономических и политических целей и задач.

Как известно, все в этом мире имеет свою цикличность. Отношениям между Россией и США также свойственна цикличность, она равна 14 годам⁸. Именно после 14 лет своего развития некоторые явления в российско-американских отношениях повторяются, обновляются или приобретают совершенно новые черты, как положительные, так и отрицательные для дальнейшего двустороннего сотрудничества. Рассмотрим более конкретно тенденцию развития этих отношений по циклам, начиная с XVIII в.

После проявленного Петром Первым интереса к Америке, многочисленных правительственных и купеческих экспедиций к северо-американским берегам, захода первых американских торговых кораблей в российские порты и объявления Алеутских островов владениями Российской империи 1793 год стал, пожалуй, наивысшей точкой в становлении отношений России с Америкой. Во времена Екатерины II Святейший синод Русской православной церкви по инициативе купца и первопроходца Григория Шелихова отправил на расположенные около Северной Америки Алеутские острова миссию, состоявшую из десяти монахов, в основном из Валаамской обители. Это стало началом решения и политического, и экономического вопросов освоения Русской Америки, единственной российской заморской территории. В политическом плане миссионеры были призваны приобщать там к религии членов российских коммерческих компаний, являться связующим звеном с Родиной и распространять православную веру среди местного населения. С экономической точки зрения создание в скором времени Камчатской и Северо-Американской епархий способствовало воспитанию у людей смирения, терпения, трудолюбия, дисциплинированности, оптимизма, веры в лучшее будущее. Это, бесспорно, положительно сказалось на результативности действовавших коммерческих компаний в заготовке пушнины и ее продаже на материке, на увеличении миграционных потоков в суровые, трудно обживаемые регионы северо-западного побережья Северной Америки, способствовало переезду из России целых семей, а также военных моряков, специалистов разных профессий и просто беженцев, зачастую каторжан.

Главным в экономическом плане было тогда образование поселений, установление общими усилиями крепостей и церквей, налаживание торговли с местными народами, предупреждение прихода в те места иностранцев. Православная вера укрепляла силы прихожан, а монахи неустанно молились за благополучие людей, расширение российских владений за океаном и позитивное развитие отношений между Россией и Америкой.

Если раньше российско-американские отношения носили несистемный и зависимый от обстоятельств характер, то после основания Екатериной Великой американского направления во внешней политике государства и долгожданного принятия 17 сентября 1787 г. Конституции Соединенных Штатов Америки, эти отношения приобрели непосредственную двустороннюю направленность и впоследствии развивались циклично.

1807 г. был ознаменован установлением официальных дипломатических отношений между Российской империей и Соединенными Штатами Америки. Инициатива в этом принадлежала американцам. Они неоднократно предпринимали попытки установить дипотношения, направляя в Санкт-Петербург к Екатерине II в 1780–1783 гг. своего посланника Фрэнсиса Дейну, и в 1798 г., обращаясь к императору Павлу I. И только на российском троне оказался молодой, либерально настроенный император Александр I, а третий американский президент, один из «отцов-основателей» американской нации и создателей Декларации независимости Соединенных Штатов, Томас Джефферсон (1801–1809) был переизбран на второй срок и продолжительной переписки между ними дипломатические отношения были установлены, как тогда считалось, навсегда. Но история и здесь распорядилась по-своему.

Самыми первыми представителями Соединенных Штатов в Санкт-Петербурге стали консул Леветт Харрис и посланник Джон Куинси Адамс, тот самый, который 28 годами ранее уже приезжал в 1781 г. в русскую столицу в миссии уже упомянутого Фрэнсиса Дейну. Первым российским дипломатом на североамериканском континенте стал Андрей Яковлевич Дашков: с 1808 г. в ранге «Российский генеральный консул и поверенный в делах в США», а с 1811 г. – как «Чрезвычайный посланник и Полномочный министр России при Конгрессе США».

В 1821 г. Александр I издал два очень важных указа о государственной границе Российской империи на востоке, в бассейне Тихого океана. Под юрисдикцией Российско-Американской компании, образованной в 1799 г., а значит, и России, согласно изданным указам находились все открытые и освоенные российскими мореплавателями и землепроходцами территории на северо-западе Северной Америки. Устанавливалась монополия компании на охоту, рыболовство и торговлю в этом регионе; четко определялись территориальные воды для иностранных судов. Действие Устава Российско-Американской компании было продлено еще на 20 лет. Установление контроля на Тихом океане стало

политическим решением Российской империи, а развитие торговли и монополия Российско-Американской компании в Северной Америке – экономической задачей внешней политики государства.

1835 год. Рьяный государственный император Николай I, честно выполнив все пункты Конвенции о торговле, мореплавании и рыбной ловле, заключенной между Россией и Северо-Американскими Соединенными Штатами в 1824 г. и доставшейся ему в наследство от старшего брата. Она не способствовала успешному развитию Русской Америки, поэтому он категорически отказался продлить действие невыгодного для своей Империи договора. Забота о пользе России была главным приоритетом в деятельности императора. Именно Николаю I принадлежит патриотическое высказывание, произнесенное им однажды: «Где раз поднят Российский флаг, он спускаться не должен с флагштока!»⁹. С 1835 г. между Россией и Америкой был установлен принцип наибольшего благоприятствования в торговых отношениях двух стран. Общий объем российско-американского товарооборота стал увеличиваться в течение последующих 20 лет¹⁰. Политические и внешнеэкономические цели Российской империи в отношении Соединенных Штатов в тот период были реализованы.

Спустя еще 14 лет, в 1849 г. в Калифорнии, включая территорию колонии Форт-Росс, началась «золотая лихорадка». Неудачно подписав договор о продаже колонии за 30 тыс. долл. с 4-летней рассрочкой предпринимателю Джону А. Саттеру и не получив за долину Сакраменто ни копейки, Российско-Американская компания по личному повелению Николая I направила в Калифорнию в 1849 г. партию золотоискателей из 12 человек. За несколько месяцев «они добыли и доставили на Аляску пятьдесят два килограмма золота, за которые получили из казны более сорока пяти тысяч рублей, что в полтора раза превышало продажную цену Росса»¹¹. Политическая цель этих действий заключалась в нежелании требовать земли обратно и портить отношения из-за Форт-Росса с испанцами и американцами. Экономической целью России стала компенсация утрат от уступки Форт-Росса участием в калифорнийской «золотой лихорадке». Спустя 2 года служащие компании добыли в Калифорнии золота еще на 16 тыс. рублей¹².

1863 год оказался для России решающим в выборе союзников на международной арене второй половины XIX в. К этому времени уже 2 года в Соединенных Штатах шла Гражданская война между Севером и Югом: индустриальными северными штатами с развитой торговлей и южными аграрными, где еще сохранялся рабовладельческий строй и свободный обмен темнокожими рабами на плантациях кофе, табака, каучука и сахарного тростника. Российская империя поддержала представителей Севера во главе с Авраамом Линкольном. Моральная поддержка Соединенных Штатов по дипломатическим каналам, официальное разрешение кораблям северян становиться на якорь в территориальных водах Русской Америки, бросок через океаны 12 русских кораблей в составе Атлан-

тической и Тихоокеанской эскадр в июле и сентябре 1863 г. Они прибыли в Нью-Йорк и Сан-Франциско и находились там до июля следующего года, чтобы отразить возможную прямую агрессию французов и англичан. Дружественная акция обошлась царской казне более 7 млн рублей и сыграла важную роль в победе Севера.

1877 год стал демонстрацией самых дружественных отношений между Соединенными Штатами и Российской империей. В Америке еще помнили военно-морскую поддержку России в годы Гражданской войны между Севером и Югом. К тому же накануне между Россией и США была совершена крупнейшая сделка XIX в. – продажа Российской империей своих владений в Северной Америке как отказ от заморских колоний на Аляске в пользу Соединенных Штатов. Царское правительство руководствовалось при этом прежде всего не финансовыми соображениями, а общеполитическими. Политики в этом действии правительства России было больше, чем интересов российской экономики и российского патриотизма. Однако император Александр II имел твердое убеждение в том, что такие шаги устранят возможные в будущем противоречия между Россией и США и будут реально содействовать укреплению союза между двумя государствами¹³.

Демонстрируя постоянно свою военно-морскую мощь, Средиземноморский российский флот достиг в 1877 г. американских берегов. В качестве капитана флагманского корабля «Светлана» находился великий князь Алексей Александрович. Сын российского императора был тепло принят в Белом доме недавно избранным президентом США Рутерфордом Хейзом и членами его кабинета. Позднее газета «Нью-Йорк таймс» адекватно отразила отношение американцев к России в те годы: «Часто говорят, что американцы и русские являются естественными друзьями... Между нами практически нет ничего общего, а поскольку у нас нет ничего общего, наши интересы не вступают в конфликт... У России совершенно иной язык, иная религия, иные традиции, иная форма правления, иная судьба... На нас можно полагаться в том, что мы будем на стороне России в любой из войн, которую она будет вести...»¹⁴ Истинность содержания статьи из нью-йоркской газеты 1877 г. подтвердилась уже в XX в., в годы Русско-японской и Второй мировой войн.

В 1891 г. в России началось строительство Великой Сибирской магистрали, имевшей огромное стратегическое значение. Она была призвана связать окраины империи с центром страны, принести в Сибирь современную цивилизацию, развивать там экономику и инфраструктуру. Это был как раз тот случай, когда начало строительства Сибирской магистрали, как средство внутренней политики государства, имело геополитическое и экономическое значение на международной арене. Значимость магистрали заключалась в том, что Российская империя вновь включалась в соперничество на Тихом океане. Это

воспринималось с настороженностью и даже с некоторым раздражением со стороны основных конкурентов – Японии, Англии и Соединенных Штатов¹⁵.

4 декабря 1891 г., в связи с начавшимся в России из-за сильнейшей засухи голодом, царское правительство приняло предложение Соединенных Штатов об оказании помощи голодающему населению страны¹⁶. Политические и экономические мотивы России и США присутствовали при этом одновременно.

Для экономической дипломатии в российско-американских отношениях 1905 год стал знаменательным благодаря подписанию 5 сентября в США Портсмутского мирного договора между Россией и Японией (штат Нью-Гэмпшир). Инициатором международного события явилось президентская администрация во главе с президентом Теодором Рузвельтом. Несмотря на военные действия, развивавшиеся не совсем удачно для России на суше и на море с января 1904 г., в результате месячных переговоров российской делегации во главе с графом С.Ю. Витте удалось добиться сравнительно приемлемых условий заключения мира с Японией. Теодор Рузвельт же первым из американских президентов стал в 1906 г. лауреатом Нобелевской премии мира.

1919 год оказался весьма проблематичным в российско-американских отношениях. Это было связано с изменениями на политическом карте мира. В результате Февральской революции 1917 г. Российская империя прекратила свое существование, после Октябрьской революции Россия стала Советской Республикой. Соединенные Штаты в числе первых иностранных государств признали Временное правительство и долгие годы упорно не желали признавать Правительство СССР. Этому во многом способствовали настроения и воззвания 150 тыс. русских белогвардейцев и членов их семей, а также просто беженцев, покинувших Россию в период Гражданской войны¹⁷.

Негативный настрой американского правительства к установлению дипломатических отношений с Российской Республикой не помешал, однако, развитию экономических связей с частным бизнесом США. Так, в январе–марте 1919 г. официальный представитель Советского правительства в США Людвиг Мартенс (1875–1948) возглавил созданное им неофициально торгово-экономическое представительство Советской России в Нью-Йорке. Цель такой акции заключалась в создании условий и материальной базы для установления торгово-экономических отношений между США и Советской Россией¹⁸.

С политической точки зрения правительство США беспокоил вопрос прекращения военных действий в самой России. Именно поэтому в Россию была направлена международная миссия во главе с американским дипломатом Уильямом Буллитом. В тот период в США было основано Общество технической помощи России. Его главной задачей стало оказание содействия в выезде в Россию американских технических специалистов

и рабочих. К концу года деловые круги США основали общественную организацию «Американская коммерческая ассоциация по развитию торговли с Россией». Один из руководителей Советской России – В.И. Ленин неоднократно высказывался за установление дипломатических отношений с США, а главное – «за экономическую договоренность с Америкой»¹⁹. Описанные средства внешней политики в российско-американских отношениях, бесспорно, способствовали развитию экономической дипломатии между молодым государством СССР и Соединенными Штатами.

Знаменательным событием того времени стало избрание накануне Патриархом Московским и всея Руси²⁰ архиепископа Алеутского и Северо-Американского Тихона, выделявшегося на фоне других священнослужителей своей харизмой, высоким профессионализмом, умением донести проникновенные слова до каждого православного. До октября 1925 г. он верой и правдой служил людям в труднейшие для государства и православной церкви времена. Этот исторический факт также сыграл свою определенную роль в развитии отношений с Америкой.

Следующий виток цикличности в 14 лет принес долгожданное установление дипломатических отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки. Произошло это 16 ноября 1933 г. при обмене в Вашингтоне соответствующими документами между народным комиссаром иностранных дел СССР М.М. Литвиновым и президентом США Ф.Д. Рузвельтом. Установление дипломатических отношений между СССР и США открывало новые возможности для экономических и политических отношений двух государств. Первыми послами в советский период стали Александр Трояновский – в Вашингтоне и Уильям Буллит, который уже приезжал с международной миссией в Россию 14 годами ранее, в 1919 г., – в Москве.

За последовавшие еще 14 лет вектор отношений между СССР и США из дружественных и союзнических устремился в противоположную сторону. К 1947 г. поменялись главы мировых держав, за исключением СССР; изменились общественно-политический строй в европейских странах, сферы влияния и рынки сбыта на евро-азиатском континенте. Уже было изобретено и использовано американцами атомное оружие, началась «холодная война» – нетрадиционная внешняя политика государства, осуществлявшаяся преимущественно в идеологической, экономической и технологической сферах жизни с использованием беспрецедентно жестких невоенных средств²¹.

Со временем эта война стала приобретать геополитические черты и состояние конфронтации, сочетаемой с гонкой вооружений и угрозой настоящей, «горячей войны». Дипломатия воспринималась тогда на международной арене как фактор силы, как искусство морального давления одного государства на другое или на целый ряд стран, как реальная угроза применения вооруженных сил. В марте 1947 г. президент США

Гарри Трумэн выступил со своей знаменитой доктриной «Рак Америки» и призвал американское общество на борьбу с тоталитарной угрозой коммунизма. В июле 1947 г. в силу ряда серьезных причин СССР был вынужден отказаться от участия в «Плане Маршалла». Этот шаг стал проявлением экономической дипломатии как со стороны США, так и со стороны Советского Союза, имевшей различное для двух государств экономическое и политическое значение.

В Соединенных Штатах появилось идеологическое обоснование «холодной войны» как противоборства и конфронтации с Советским Союзом. В сентябре в Москве было создано Информационное бюро коммунистических и рабочих партий (Коминформ) и одобрена концепция политического деятеля А.А.Жданова о разделе мира на два лагеря. Одной из причин происходившего стали разные идеологии СССР и США. Если Сталин стремился распространить на весь мир социализм, то Трумэн – американские стандарты либеральной демократии и открытой рыночной экономики, а также американское доминирование на планете, основанное на финансово-экономической и военной мощи и монополии на атомное оружие. Осуществить полностью свои далеко идущие планы не удалось ни одной, ни другой стороне.

Для советско-американских отношений 1961 года была характерна смена власти в СССР и США, начало открытого и доверительного диалога между руководителями двух государств во время официальной встречи в июне 1961 г. в Вене, уважительное отношение к интересам другой страны. В том же году случился Берлинский кризис, когда мир оказался на грани войны. Камнем раздора стал Западный и Восточный Берлин, как и две Германии: Федеративная Республика Германия (ФРГ) и Германская Демократическая Республика (ГДР). Противостояние сложилось между ними в результате Второй мировой войны. После Победы над фашистами прошло 16 лет, а германская проблема оставалась нерешенной.

В заявлении президента Джона Кеннеди Берлин был обозначен как жизненный интерес для США, ибо уход Соединенных Штатов из Западного Берлина означал бы уход из Европы. С целью предотвращения вооруженного конфликта между СССР и США глава советского правительства Никита Хрущев принял нестандартное решение – установить стену между Восточным и Западным Берлином. 13 августа началось ее сооружение и продолжалось на протяжении 14 лет, до 1975 г. Власти ГДР и СССР понесли материальные потери от сооружения Берлинской стены.

1975 год был ознаменован разрядкой напряженности или детантом в советско-американских отношениях. Наибольшее развитие получили такие виды экономической дипломатии, как космическая, военная и аграрная. В июле 1975 г. в рамках международной космической программы «Союз–Аполлон» была осуществлена стыковка советского космического корабля «Союз» с американским космическим кораблем «Аполлон».

Это стало первым крупным событием советско-американского космического сотрудничества, переросшее позднее в настоящее партнерство.

В июле–августе 1975 г. в рамках Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) состоялись встречи и беседы Л.И. Брежнева с президентом США Дж. Фордом, на которых обсуждались вопросы по развитию экономических обменов, созданию благоприятных условий для свободного передвижения интеллектуальной собственности и граждан двух стран. Нормализация отношений в тот период между СССР и США позволила уже в сентябре подписать межправительственное Соглашение о закупке Советским Союзом зерна в США на следующие 5 лет, несмотря на вступление в силу с 3 января 1975 г. поправки Джексона–Вэника, лишившей СССР режима наибольшего благоприятствования в экономических связях.

1989 год. Новый мощный виток гонки вооружений в первой половине 1980-х гг. стал толчком к заметному потеплению в советско-американских отношениях и реальным сдвигом в сторону их нормализации. У власти в этот период по обе стороны океана находились М.С. Горбачев и Дж. Буш-старший. Первый выдвинул концепции нового политического мышления, безъядерного мира, отказа от вмешательства во внутренние дела других государств и уважения прав народов на свободу выбора (общественного строя, курса внутренней и внешней политики, а также выбора своих партнеров и союзников в политическом и экономическом плане).

Руководство Советского Союза на деле подтвердило следование этим принципам как в своей стране, так и на международной арене. Одним из примеров может служить начавшееся 9 ноября 1989 г. разрушение Берлинской стены, разделявшей в течение долгих 28 лет немецкий народ. Дальнейшее развитие в этот период получили определенные виды экономической дипломатии. Так, в 1989 г. в Москве было подписано Генеральное торговое соглашение между Советским внешнеэкономическим и Американским торговым консорциумами. Оно регулировало экономические, правовые, финансовые и другие вопросы деятельности по созданию совместных предприятий (СП) на территории СССР.

В 1989 г. в СССР и США были подписаны межправительственные соглашения и меморандум, касающиеся военной сферы. Знаковым событием в советско-американских отношениях стала декабрьская встреча лидеров СССР и США у берегов Мальты на борту советского теплохода «Максим Горький». Результатом позитивной внешней политики СССР стало единственное за всю историю поздравление по телемосту советского народа с Новым 1989 г. от имени США уходящим с президентского поста Р. Рейганом, а также признание М.С. Горбачева «Человеком десятилетия» американским журналом «Тайм» в декабре 1989 г.

В 1989 году Патриарх Тихон был канонизирован Архиерейским собором Русской православной церкви, а позднее приравнен к лику святых²².

Еще через 14 лет, в 2003 г., российско-американские отношения вышли на качественно новый уровень двустороннего взаимодействия. Об этом, в частности, свидетельствует совместное заявление президентов РФ В. Путина и США Джорджа Буша-младшего о новых отношениях между Россией и США, сделанное во время встречи в Санкт-Петербурге 1 июня 2003 г. Обозначенный год оказался весьма насыщенным в выборе средств внешнеэкономической политики для развития стратегического партнерства в двусторонних отношениях. Достичь максимально положительных результатов во взаимовыгодном сотрудничестве России и Соединенным Штатам не позволил иракский кризис весной 2003 г., а также критические позиции администрации Дж. Буша в отношении состояния российской демократии и энергоресурсной политики России.

В 2003 г. реальное развитие получил российско-американский деловой диалог (РАДД). В США и России прошли деловые форумы, включая Всемирный экономический форум (октябрь, Москва); 2-й Российско-американский деловой диалог (сентябрь, Санкт-Петербург); 5 встреч на высшем уровне между президентами РФ и США; визит госсекретаря США в Россию (май, Москва), встречи министра торговли США и министра экономического развития и торговли России (сентябрь, Вашингтон), министра энергетики США и министра атомной энергетики России (ноябрь, Вашингтон), губернатора Санкт-Петербурга и посла США в России (ноябрь, Санкт-Петербург). Неоднократно имел место обмен посланиями между президентами России и США по актуальным вопросам российско-американских торгово-экономических отношений.

Развивалось сотрудничество в области космоса, жилищного строительства и развития городской инфраструктуры, банковского диалога и инвестирования. В энергетической сфере осуществлялись поставки высокообогащенного урана российскому происхождению для американских ядерных реакторов. Усилия российской и американской сторон были направлены на достижение взаимовыгодного экономического сотрудничества и понимания интересов другой стороны в решении политических проблем.

Важным событием стал рабочий визит Президента РФ В.В. Путина в США. 24 сентября 2003 г. в Нью-Йорке, в Генеральном консульстве РФ, состоялась встреча В. Путина с митрополитом Восточно-Американским и Нью-Йоркским Лавром и членами Архиерейского синода Русской православной церкви за границей. На ней митрополиту Лавру было вручено письмо патриарха Алексия Второго с приглашением посетить Москву, которое было с благодарностью принято. С 17 по 22 ноября Россию посетила делегация Русской зарубежной православной церкви. 19 ноября 2003 г. под председательством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия прошли переговоры членов делегации с членами Священного синода Русской православной церкви. При этом

с обеих сторон была выражена готовность к воссоединению²³.

Эти события как нельзя лучше совмещались с 70-летием восстановления дипломатических отношений с США. Позднее, 17 мая 2007 г., Президент РФ В. Путин присутствовал в храме Христа Спасителя в Москве и лично приветствовал торжественное подписание Акта о воссоединении Московского Патриаршества и всея Руси с Русской зарубежной православной церковью в США. В мае 2012 г. отмечалось пятилетие канонического общения православных церквей всего мира²⁴.

С религии, как одного из важнейших компонентов в жизни россиян всех времен, началась цикличность экономической дипломатии в российско-американских отношениях. Религия присутствовала на протяжении всех 15 циклов, завершив очередной этап развития двусторонних связей важным идеологическим событием в масштабах всей планеты. К православному населению Северной Америки устремлены сегодня надежды на еще большее сплочение русскоговорящих общин, на их самосознание и активное участие в лоббировании интересов российских соотечественников в Америке на всех уровнях взаимодействия – дипломатическом, экономическом, социально-культурном. Этому, в частности, способствовало и ежегодное проведение российской стороной шести ассамблей «Русского мира».

В настоящее время происходит двустороннее переосмысление всей многовековой истории российско-американских отношений. Об этом наглядно свидетельствуют, в частности, заявления президента США Барака Обамы о завершении «холодной войны» как естественном и необходимом историческом процессе. В ходе визита Президента РФ Дмитрия Медведева в США в июне 2010 г. подписан Договор со штатом Калифорния о финансовой поддержке Форт-Росса – исторического объекта, созданного еще в начале XIX в. россиянами и представляющего интерес для сегодняшней Америки прежде всего как место проведения встреч и праздников Конгресса русских соотечественников в США.

Современный путь России – это стратегическое партнерство и реальное сотрудничество с Востоком и Западом, включая США, на основе самодостаточности, дальнейшего развития уже существующей и создания новой, современной российской цивилизации на базе инноваций и высоких технологий. У двух великих стран – России и Соединенных Штатов Америки – нет другой разумной альтернативы, как развивать добрососедские, дружественные отношения и многовековое сотрудничество одновременно в политическом и экономическом направлениях, уважая при этом национальные интересы других государств, защищая и приумножая достояние своей страны.

Будущее двусторонних отношений – за экономической дипломатией. Этот феномен международной жизни представляет собой важнейшее средство внешней политики, определяющее оптимальный и наиболее

■ Свежий взгляд

благоприятный выбор государством своих методов при принятии политических решений, основанных на общности двусторонних или многосторонних интересов, общечеловеческих ценностей, на международном праве, взаимопонимании и паритетных принципах.

Обладая информацией о периодичности российско-американских отношений на протяжении двух столетий, о присущих им подъемах и спадах, можно с полной уверенностью констатировать, что моделирование отношений между Россией и Соединенными Штатами Америки возможно. Во всяком случае, не следует скептически относиться к единичным событиям, происходящим через каждые 14 лет в истории отношений между Россией и США, а также к семилетним периодам спадов и подъемов в двусторонних отношениях. Ведь история не терпит пренебрежительного к ней отношения: ей свойственно наказывать тех, кто ее не знает, умышленно искажает или игнорирует.

На основе исследования вековых российско-американских отношений изложена новая научная теория о возможном моделировании отношений между Россией и США. Именно после 14 лет своего развития некоторые явления в российско-американских отношениях повторяются, обновляются или приобретают совершенно новые черты (как положительные, так и отрицательные). Данная политологическая теория содержит универсальную гипотезу о 14-летней цикличности международных билатеральных или двусторонних отношений.

Цикличность, как повторяющийся процесс подъемов и спадов, имеет промежутки между ними в семь лет. Первая точка отсчета никогда не является нулевой. Она представляет собой начальный пик всем хорошо известной спирали. Далее следуют спиралевидные витки, огибающие наивысшую точку и постепенно удаляющиеся от нее или приближающиеся к следующей наивысшей точке. Это и означает спады и подъемы. Для приобретения цикличностью устойчивого, системного характера в двусторонних отношениях может пройти период от нескольких лет до нескольких десятилетий и даже столетий, пока хаотичность в отношениях между двумя государствами не перейдет в упорядоченную цикличность, поддающуюся конкретному объяснению и политологическому (аналитическому) прогнозу. В каждом конкретном случае этот вопрос индивидуален. Важно при этом правильно найти точку опоры (реперную точку) в исторической ретроспективе двусторонних межгосударственных отношений. Отечественным и зарубежным ученым еще предстоит исследовать и доказать состоятельность гипотезы о 14-летней цикличности в международных отношениях. Но-

вая научная теория о возможном моделировании отношений между Россией и США заслуживает самого пристального к ней внимания как со стороны ученых, так и политиков.

Первой и наивысшей точкой в российско-американских отношениях стал 1793 год. Завершение последнего, 15-го цикла современных российско-американских отношений произошло на 2003 г. На протяжении последовавших семи лет, по 2010 г. включительно, в российско-американских отношениях из года в год наблюдался постепенный спад, переросший в заметное ухудшение взаимоотношений. Период с 2011 по 2017 г. должен быть ознаменован подъемом в двусторонних отношениях. Этому во многом будет способствовать ряд конкретных, уже произошедших событий, среди которых:

- вступившее в силу Российско-американское соглашение в области мирного атома;
- обоюдно ратифицированный Договор по СНВ-3;
- присоединение Российской Федерации к ВТО;
- упрощение визовых формальностей для граждан РФ и США, открывающие новые экономические возможности двух стран.

Большие надежды возлагаются на отмену Конгрессом США поправки Джексона-Вэника. Период 16-го цикла с 2013 по 2016 г. является для этого наиболее благоприятным. 2017 год также благоприятен для российско-американских отношений, но попадает в зону фактора риска. Именно на него приходится окончательное принятие решений по ЕвроПРО как важной проблеме международной безопасности новейшего периода мировой истории. Если до 2017 г. Москве и Вашингтону не удастся найти общее решение по проблеме развертывания противоракетной обороны в Европе, не исключена возможность возобновления гонки вооружений с дополнительными государственными затратами с обеих сторон (в период продолжения мирового экономического кризиса) и абсолютной неэффективностью, как показала история «холодной войны». Моделирование российско-американских отношений возможно и в дальнейшей перспективе, в 17-м цикле: 2017 – 2031 гг. и далее.

Savoyesky A.G. Modelling of the Russian-American Relations Is Possible.

Summary: This article is devoted to a new scientific theory about the possible modelling of the relations between Russia and the United States. On the basis of the research conducted on two centuries of Russian-American relations, universal political science hypothesis about 14-year cyclicity of the international bilateral relations is also put forward.

Ключевые слова

Россия, США, двусторонние отношения: 1793 – 2024 гг., цикличность, подъемы и спады, экономическая дипломатия.

Keywords

Russia, USA, bilateral relations (1793 – 2024), recurrence, peaks and valleys, economic diplomacy.

Примечания

1. Популярны афоризмы, крылатые фразы // Интернет-ресурс – <http://phizmat.org.ua/2009-05-16-19-36-10/124-2010-04-05-08-41-27>. Дата обращения – 10.10.2012.
2. Баженов Г.Н. Советско-американские экономические отношения: проблемы и перспективы: Дис. канд. экон. наук: 08.00.14. М., 1981.
3. Чернов С.А. Анализ политики США в отношении СССР: системно-циклический подход // США и Канада. 2001. № 6. С. 76–88.
4. Modelski G. Long Cycles in World Politics, 1987; Globalization as Evolutionary Process: Modeling Global Change, 2007.
5. Schlesinger, A.M., Jr. The Cycles of American History, 1986.
6. Быстрова Ю.М. Зигзаги российско-американских отношений // Обозреватель-Observer. 2009. № 3. С. 83–89.
7. Кубасов Ю.Н. Погибель Нового мира. М., 2010.
8. Савойский А.Г. Россия – США: 200 лет экономической дипломатии (1807–2007): Монография. 2-е изд. с доп. М.; П., 2011. С. 665–681.
9. Цит. по: Бушков А.А. Русская Америка: Слава и позор. М., 2009. С. 198.
10. Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII–XX века / Автор и составитель проф. Э.А.Иванян. При участии канд. ист. наук В.И.Батюка, М.А.Литвиновой, д-ра ист. наук В.О. Печатнова. М., 2001. С. 539.
11. Цит. по: Бушков А.А. Русская Америка: Слава и позор. С. 287.
12. Там же.
13. Уступка Россией своих владений в Америке // В кн.: Савойский А.Г. Россия – США: 200 лет экономической дипломатии (1807–2007). Монография. 2-е изд. с доп. С. 121–122.
14. Цит. по: Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII–XX века. С. 19.
15. Дворниченко А.Ю., Ильин Е.В., Кривошеев Ю.В., Тот Ю.В. Русская история с древнейших времён до наших дней. СПб., 2002. С. 243, 260–261.
16. Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII–XX века. С. 645.
17. Там же. С. 469.
18. Там же. С. 327.
19. Цит. по: Там же. С. 647.
20. Там же. С. 469.
21. Андреев В.Г. Геополитика и мировые войны XX века // США. Канада: ЭПК. 1999. № 11. С. 89.
22. Журнал Московской Патриархии. 1990. № 1. С. 6–7.
23. Журнал Священного Синода. 2007. № 36; Anne de Tinguay. La sortie de l'Empire: le poids de l'héritage // Questions internationales. Paris, 2007. № 27, Septembre – Octobre. P. 16.
24. Савойский А. Дела православные (О роли России и Владимира Путина в объединении всех православных церквей в мире) // Русская Ривьера. Лето 2012. № 3. С. 149.

Тамара Захаровна Черданцева

Г.С. Романова, В.А. Дмитренко

Ветеран Великой Отечественной войны. Окончила Военный институт иностранных языков. С 1959 по 2004 г. преподавала итальянский язык в МГИМО, около 25 лет возглавляла кафедру романских языков, которая носит ее имя. Доктор филологических наук, профессор, академик Итальянской академии языка и литературы. Заслуженный деятель науки России, крупнейший лексиколог и лексикограф. Почетный профессор МГИМО-Университета. Награждена отечественными и зарубежными орденами и медалями.

Тамара Захаровна Черданцева принадлежит к военному поколению, становление которого происходило стремительно. В жизни и в науке они достигали высот не благодаря, а вопреки обстоятельствам. Начало войны застало ее в Ленинграде, школьницей. Отец ушел на фронт, а она с матерью и младшим братом отправилась в эвакуацию. Но принять такую пассивную жизнь она не смогла и, сдав экстерном экзамены за десятый класс, несмотря на протесты матери, уехала в Москву. Ей надо было быть в центре событий: сначала Тамара пыталась пойти на радио, в редакцию новостей, но ей отказали, объяснив, что у нее голос минорного тембра и звучит недостаточно оптимистично.

Тогда она решила поступить в Военный институт иностранных языков, который принял, как исключение, юную настойчивую девушку, развил ее характер и во многом определил судьбу. В 1944 г. она уже уверенно владела итальянским и немецким, немного английским и французским языками, понимала по-испански. Остальные приобретенные в военном институте навыки оказались востребованными лишь частично. Весной следующего года их группа была высажена в одном из приграничных районов Италии и Югославии. Но война уже заканчивалась, и самым ярким воспоминанием оказалась

оглушительная стрельба, которую они устроили на морском берегу, узнав о капитуляции Германии.

Романова Галина Семеновна – к.филол.н., доцент, профессор кафедры испанского языка МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Дмитренко Вадим Алексеевич – доцент кафедры романских языков МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Затем последовало возвращение в Москву, в тот же военный институт, теперь в качестве преподавателя, защита кандидатской диссертации по итальянской филологии. И встреча с будущим мужем – человеком старше и опытней ее, уже очень известным, волею судеб оказавшимся ее студентом. Последовавшие затем десятилетия были наполнены дальними путешествиями, интересной работой, глубоким человеческим счастьем и постоянной тревогой, неотделимой от жизни жены журналиста и разведчика: Афганистан, Чехословакия, Австрия, Китай, наконец, Германия.

В МГИМО Тамара Захаровна вернулась в 1969 г., к концу второго семестра. Хрупкая, обаятельная темноглазая женщина с безупречным вкусом и манерами, она, казалось, умела все:

- выучить даже нерадивого студента;
- легко сработаться с любым коллегой;
- вести своих и чужих аспирантов;
- без страха войти в начальственный кабинет;
- много лет быть среди лучших переводчиков-синхронистов страны;
- организовывать научные конференции;
- писать прекрасные книги, статьи и словари;
- участвовать едва ли не во всех филологических диссертационных советах Москвы;
- воспитывать сына и внука;
- принять в своей уютной квартирке и вкусно накормить любое количество гостей.

Но главный дар Т.З. Черданцевой – редкое по своему благородству уважение человеческого в человеке. И начинающий, и заматанный жизнью преподаватель после нескольких минут разговора обретали уверенность в своих силах. Она умела отругать, не обидев, научить, не тратя времени на мелочи. Все, кому посчастливилось жить и работать рядом с Тамарой Захаровной, обязаны ей многим из того, в чем они состоялись профессионально. Доцент В.А. Дмитренко познакомился с Т.З. Черданцевой в 1969 г., когда им было поручено вдвоем вести одну группу итальянского языка. Он, недавний выпускник переводческого факультета, инъязовец, преподавал перевод, а она, известный переводчик-синхронист, – лексику. Как полагается старшему коллеге, она побывала у него на занятии, но не сделала ни одного замечания молодому специалисту, что укрепило его веру в себя и дало возможность сразу же установить рабочий контакт. Затем, в ходе повседневного общения, были советы, пожелания, интереснейшие рассказы о собственном переводческом опыте.

В то время кафедра романских языков МГИМО была огромной и заведовал ею выдающийся лингвист, профессор французской филологии В.Г. Гак. В ее состав входили 124 преподавателя, и среди них такие мэтры лингводидактики, как И.Н. Попова и Ж.А. Казакова, авторы знаменитых учебников Л.Л. Потушанская, Ю.А. Добровольская, темпераментная итальянка А. Муши, две с трудом найденные в Москве экстрагантные преподавательницы португальского языка, а испанская секция вообще была овеяна романтикой, поскольку почти сплошь состояла из шумных бескомпромиссных испанцев, страстно любящих свой язык и далекую родину.

Тамара Захаровна являлась заместителем профессора Гака по науке, а после его перехода в другой вуз была, без сомнений и дискуссий, назначена заведующей. Как сумела эта мягкая, деликатная маленькая женщина объединить вокруг себя и завоевать искреннюю любовь и уважение столь разных и сильных личностей? Как удалось ей не только удерживать научную планку, заданную ее предшественником, но и поднять ее еще выше, создав на кафедре атмосферу и традиции постоянного научного поиска, творческой работы, полной самоотдачи и взаимопомощи? Видимо, ответ в том, что она, будучи очень талантливым человеком, любила талантливых людей и не боялась привлекать их к сотрудничеству, хотя, как известно, руководить талантами совсем не просто, и немало ныне работающих и, увы, уже ушедших от нас маститых коллег могли бы вспомнить яркие эпизоды из своей собственной молодости. Доцент В.А. Дмитренко вспоминает, как однажды ему было поручено составить учебное пособие по переводу с итальянского, которое к намеченному сроку не было завершено, из-за чего, как было сказано на заседании кафедры, студенты лишились возможности вовремя получить необходимые им знания. Объяснения медлительного автора приняты не были:

«– Я все делаю между делами, учитеесь и вы быстро переключаться с одного на другое, – заметила завкафедрой. Это показалось обидным, и месяца полтора мы не общались. И вдруг звонок:

– Вадик, мы с Рецкером делаем словарь, и у меня тут трудности с переводом, у вас наверняка получится лучше, чем у меня, приезжайте.

Я приехал, и нам нечего было выяснять, сразу стали работать. После чая и непременно пирога она сказала: «Я прошу у вас прощенья». И все. За этим последовало сорок лет абсолютного доверия и дружбы».

Хрупкая завкафедрой была бесстрашным человеком, защищая нас и от гнева начальства, и от подозрений особого отдела, да и от нас самих. В то время это было совсем небезопасно, и многие из нас обязаны ей своим благополучием. Когда тучи над нашей головой сгустились и мы готовы были уйти куда угодно, она говорила: «Вы что, вы в своем уме? Да я им горло перегрызу за вас!» И бесстрашно входила в любой кабинет, хотя и доставалось ей там по полной программе.

«Впервые я, – вспоминает профессор Г.С. Романова, – то время студентка пятого курса романо-германского отделения, увидела Т.З. Черданцеву на филфаке МГУ в 1971 г., совсем не подозревая, что и в моей жизни ее роль не раз окажется решающей. «Ты видишь эту очаровательную даму в шубке? Это Тамара Захаровна Черданцева, заведующая кафедрой романских языков МГИМО. Говорят, она пришла подобрать себе молодые кадры. Если тебе очень повезет, то и ты сможешь там работать», – сказала руководитель моего диплома, легендарная уже в то время испанистка Э.И. Левинтова.

Облик красивой, изящной, просто прелестной молодой женщины никак не вязался в нашем представлении с заведованием огромной кафедрой и с ее серьезными книгами, по которым мы занимались. Но повезло

в тот день не только мне, а и моим однокурсникам – Г.К. Карпухиной, Н.Н. Доллежалю, которые стали преподавателями французского языка. Совсем скоро, еще учась в МГУ, мы были оформлены почасовиками на романскую кафедру Т.З. Черданцевой, чтобы с сентября приступить к работе уже в качестве молодых специалистов. Тогда-то и произошел инцидент, во многом определивший мое отношение к жизни. В те времена мы все регулярно работали переводчиками, и летом мне предложили поехать в августе в Италию в командировку с руководством ЦК ВЛКСМ.

В то время это было редкой удачей, и я с радостью согласилась, даже не подумав сообщить об этом в МГИМО. По окончании визита секретари ЦК решили не возвращаться самолетом, а сесть в Венеции на круизный теплоход, следовавший в Сочи, а уж оттуда лететь в Москву. В результате я явилась к новому месту работы в середине сентября, уверенная, что коллеги по кафедре разделят мой восторг от путешествия. Но МГИМО не филфак, и я тут же была вызвана на ковер к разгневанному начальнику отдела кадров.

– Как же вы так, дружочек, разве так можно? Вы ведь теперь преподаватель. Пойдемте уж вместе, – сказала Тамара Захаровна, и мы побежали по длинному коридору здания на Метростроевской. Легкий стук, дверь начальника открывается, мы делаем два шага внутрь. И нас встречает такой плотный крик, что ни разобрать слов, ни пройти дальше мы не смогли. Но вывод был и так понятен: придется терпеть молодого специалиста три года, по советскому закону уволить его раньше нельзя. Но уж потом – ни дня, ни часа! Жгучий стыд за то, что я подставила невинного серьезного человека, что она приняла на себя предназначавшийся мне гнев, был для меня одним из главных жизненных уроков».

Кафедра романских языков под руководством Т.З. Черданцевой была во всем передовой и многие годы подряд завоевывала почетный вымпел Победителя соцсоревнования, лишь изредка и ненадолго уступая это высокое звание кафедре английского языка №1. Трагическая гибель мужа разделила ее жизнь на до и после. Но после она еще глубже занялась наукой, поскольку лишь неустанный труд интеллекта был способен хоть немного приглушить боль утраты.

Исследовательский интерес профессора Т.З. Черданцевой сконцентрировался на теоретических проблемах фразеологии, почти не работавших в то время, а ее докторская диссертация была посвящена фразеологии итальянского языка. Новаторский взгляд на природу языкового образа, лежащего в основе фразеологических процессов, вызывал бурные протесты сторонников традиционного подхода, но жизнь показала, что профессор Т.З. Черданцева была права, и сейчас нам кажется странным, что ей потребовалось проявить столько твердости, логики, человеческой мудрости, чтобы убедить своих яростных и маститых противников. Результатом многолетнего труда явился итальянско-русский фразеологический словарь, не имеющий себе равных до настоящего времени. Всего же в списке ее научных трудов, открытом еще в 1954 г., 91 наименование, 1477

печатных листов, то есть тридцать пять с половиной тысяч страниц!

Новаторство отличало и методические работы Т.З. Черданцевой – ее знаменитый, переиздающийся до сих пор «Самоучитель итальянского языка», учебники для студентов разных уровней. Заложенные в них принципы, в частности опора только на аутентичный языковой материал, системная подача лексики, непосредственный вывод начинающих в речь, организация учебника для совершенствующихся – все это было новым и непривычным, встречало непонимание и нередко протест коллег. Но деликатность и убедительность, мудрость и стойкость, яркий личный пример побеждали косность.

Опытнейший преподаватель итальянского языка доцент И.В. Ермакова вспоминает, как начинала работать в МГИМО после многих лет пребывания в Италии с мужем, корреспондентом «Правды». Советские учебники итальянского языка того времени ее не устраивали, так как имели мало общего с настоящим разговорным и современным литературным языком, и она написала свой, который не фигурировал в утвержденной программе:

– Либо меня выгоняйте, либо я работаю так, как хочу и могу, по своему учебнику! – заявила она решительно. Тамара Захаровна, предупредив, что зайдет на один из уроков, посетила занятие Ирины Валерьевны и была приятно удивлена результатами: «Метод у вас не традиционный, но результаты прекрасные. Работайте как хотите, и если нужна моя помощь, то я на вашей стороне».

Держа все под контролем, она давала возможность развиваться каждому преподавателю, не подавляя его личность. Это вызывало уважение, даже пиетет и искреннюю любовь к нашему руководителю. В такой среде было комфортно находиться и работать, создавать что-то свое. Каждый чувствовал, что кафедра – это его дом, где его поймут, оценят и поддержат, хотя и пожурят иногда. «Тамара Захаровна была не ангелом, но была человеком, с которым хочется жить и работать», – заключает доцент И.В. Ермакова. И мы считаем, что значительная часть заслуг в создании современного бренда «Учебники МГИМО», во всяком случае по иностранным языкам, принадлежит и профессору Т.З. Черданцевой.

Кроме того, Тамара Захаровна много лет была главным редактором сборников научных трудов МГИМО(У) по филологическим наукам, председателем научно-методического совета МГИМО(У) по иностранным языкам, вела филологический семинар. Преподаватели старшего поколения помнят искреннюю, доброжелательную, творческую атмосферу, которая царила везде, где она появлялась. Все старались предложить что-то свое, обсудить свои соображения и сомнения с коллегами, что позволило целой плеяде преподавателей иностранных языков приобщиться к лингвистическим исследованиям, написать и защитить диссертации. Это было совсем не просто: нагрузка 24 академических часа в неделю, а то и больше, работа в двух, а то и в трех зданиях. На семинаре обсуждались самые актуальные вопросы языкознания: Тамара Захаровна была дружна с ведущими учеными Института языкознания АН, и

по ее инициативе в течение ряда лет мы издавали совместный сборник, где на равных публиковались преподаватели МГИМО и исследователи Академии наук.

Безусловно, было много споров, подчас весьма и весьма эмоциональных, но не было ни интриг, ни сплетен, ни серьезных скандалов, потому что все это с мудрой мягкостью, но неуклонно и твердо пресекалось в корне. Чего это стоило ей самой, знают немногие. «Муж не раз говорил мне, что руководитель должен уметь не пускать рабочие проблемы в свое сердце, иначе быстро сгоришь, надолго тебя не хватит. Руководитель должен работать интеллектом, а чувства оставлять дома. Прекрасный совет, но я за столько лет руководства кафедрой так и не научилась этому». Это признание Тамары Захаровны, возможно, объясняет то, что она ушла от нас так рано. Нам могут возразить. Но возраст – вещь субъективная, и все, кто помнит профессора Черданцеву – удивительно ясные карие глаза, широкую приветливую улыбку, идеально уложенные каштановые волосы, яркий модный костюм и легкую, стремительную походку, будут с нами согласны.

Красивая женщина всегда красива: и тогда, когда, едва вернувшись с войны перекрашивала гимнастерку, чтобы смастерить из нее модную жакетку, и тогда, когда в конце жизни, очнувшись в больничной палате, сразу попросила краску для волос. Доцент Н.А. Касаткина, навестив Тамару Захаровну в больнице, выполнила еще одну ее просьбу: принесла радиоприемник, чтобы слушать программы на немецком (!) языке: «Так я пойму, что не сбрендил, потому что по-итальянски кто угодно поймет».

Мы были моложе ее, но общались с ней на равных. У нас были общие интересы, подход к жизни и во многом общие вкусы, хотя мы знали, что интеллектуально она намного выше нас. И технические новшества она осваивала моментально: «Терпеть не могу устаревшую технику. Техника должна быть только новой, ну или новейшей!» Работать она хотела до конца, и очень любила наш институт, ценила своих коллег, умных студентов, интеллигентную обстановку и тех, на ком она держалась. Поэтому нельзя не вспомнить один давний печальный эпизод, который завершился, однако, благополучно. Связан он был с тем, что в 1975 г. министерское начальство приняло решение об омоложении кадров, что совпало с 55-летием профессора Черданцевой. Сейчас это покажется странным, но в тот год было отправлено на пенсию немало докторов наук, достигших этого (для мужчин 60-летнего) возраста. В тот день мы пришли в институт к третьей паре, и на входе нас встретил не на шутку встревоженный коллега, молодой доцент А.В. Дементьев (сейчас – видный работник МИД): «Вы тут смеетесь, а там, в коридоре, Тамара Захаровна, кажется, плачет!» Это было невероятно, но оказалось, увы, правдой. Она только что вышла из отдела кадров, где ей было предложено написать заявление об уходе в связи с достижением пенсионного возраста. Ни минуты не раздумывая, мы влетели в кабинет начальника, – кстати, очень хорошего человека, – и заявили, что сейчас же тоже напишем заявления и большая часть кафедры вслед за нами. В тот поисти-

не роковой день решение было пересмотрено, и ей предстояло еще двадцать пять славных лет работы в МГИМО.

Вокруг Тамары Захаровны всегда была молодежь, всегда много студентов. Ей совсем не свойственен был назидательный тон и многословность: улыбнется, возьмет под руку, скажет несколько слов или шутливо расскажет что-нибудь из жизни, и решаются проблемы, решается судьба, люди находят друг друга и свое место в жизни. Как вам такая, к примеру, история? Вернулся человек с войны, вошел в дом и с порога говорит жене, что не останется с ними в Ленинграде, а поедет со своей фронтовой подругой в Сибирь, потому что понял, что она его любовь и судьба. Потрясенная этим предательством, юная дочь выбегает в чем была из дому и бежит к морю топиться, ведь это самый родной человек, ему так верили, так ждали! Но море в Питере – это Финский залив. Ветрено, холодно, мелко. Идешь-идешь, все по колено. Утопиться не удалось, и она вернулась домой, полумертвая от горя. А мама, вместо того чтобы тоже горевать от измены мужа, успокоила дочь, согрела, заставила поесть. И говорит: «Есть ли из-за чего убиваться? Живой ведь вернулся, целый. Ты погоди немного, он отдохнет, придет в себя после фронта. И тут нам бы его только в Питер в гости зазвать, я его таким борщом накормлю, что никуда он от нас не уедет». Так оно и случилось. Мудрая была у меня мама, медсестра все-таки».

С заведования кафедрой Тамара Захаровна ушла совершенно добровольно, к искреннему удивлению начальства, коллег заведующих и подчиненных преподавателей. На следующий же день сменила элегантный строгий костюм на кокетливые брючки и моднейший яркий свитерок, весело сказала: «Имею ведь и я право пожить своей жизнью. Похожу по театрам, отдохну, займусь всерьез наукой. И пообщаюсь наконец с друзьями и приятными мне людьми. А то заведующий – должность одинокая, ты не можешь вести себя так, как тебе хочется».

Когда профессор Черданцева вышла на пенсию, в течение ряда лет она являлась советником ректората, опубликовала несколько серьезных статей по итальянской фразеологии, подготовила к переизданию ряд своих монографий и словарей. Все эти годы ее квартиру посещали студенты и аспиранты, она занималась с ними языком, консультировала, рецензировала диссертации. Ей с благодарностью звонили не только преподаватели и студенты из других вузов и городов, но и моряки, ходившие в Италию. Они знали и любили ее «Самоучитель итальянского языка», хотели поговорить с автором лично.

Италия – страна Возрождения, и Тамара Захаровна Черданцева тоже человек Возрождения, каким-то чудом оказавшийся среди нас. Она не ангел, но огромная, многогранная и светлая личность, которая научила нас многому, например брать на себя ответственность и принимать нужные решения в нашем противоречивом мире.

Romanova G.S., Dmitrenko V.A. Tamara Zakharovna Cherdantseva (1924–2009).

Судья Международного суда ООН, профессор Кожевников Ф.И.

А.Н. Вылегжанин

Федор Иванович Кожевников – это яркое единение юридического таланта, патриотизма, трудолюбия, мудрости. Как юрист-международник, он достиг, используя термин Маркса, «сияющих вершин» науки международного права: судья Международного суда ООН, член Комиссии международного права ООН, арбитр Постоянной Палаты Третейского Суда, главный редактор наиболее авторитетных на тот период научных юридических журналов страны – «Советское государство и право», «Правоведение», директор Всесоюзного юридического заочного института, профессор, доктор юридических наук, создатель международно-правового факультета МГИМО и его декан, заведующий кафедрой международного права МГИМО, декан юридического факультета МГУ, заслуженный деятель науки РСФСР.

Он родился в 1903 г. в старинном русском городе Смоленске. Незаурядные способности к учебе, великолепная память, с детства проявившиеся трудолюбие и любознательность привели сына кузнеца на «рабочий факультет» Смоленского университета. После его успешного окончания в 1923 г. он поступил в Московский государственный университет, на юридический факультет. Затем – учеба в аспирантуре по международному праву в Институте советского строительства и права, блестящая защита кандидатской диссертации по международному праву и работа в Московском институте монополии внешней торговли.

Значимым этапом в профессиональной биографии Федора Ивановича стала его первая государственная служба – в юридическом отделе Торгпредства СССР в Персии, куда он

Вылегжанин Александр Николаевич – д.ю.н., профессор, зав. кафедрой международного права МГИМО(У) МИД России. E-mail: danilalvy@mail.ru

был откомандирован в 1934 г. Вопросы посольского (дипломатического) и консульского права, межгосударственный и частноправовой уровень регулирования международных экономических отношений, торговые сделки и судебные дела конкретных советских организаций – всем этим пришлось молодому юристу заниматься на практическом уровне. И здесь, на строгой государственной службе в Торгпредстве Советского Союза в Иране, ярко проявлялись не только профессионализм и любознательность правоведа, но и широкое творческое восприятие им действительности. Как позже писал в своих «Записках дипломата», он «открывал» для себя знаковые исторические, культурные достопримечательности этой страны:

- основание столба в Сузах, на котором были начертаны «Законы Хаммурапи»;
- скала близ Керманшаха, на которой высечен барельеф с изображением персидского царя Дария I Ахеменида с перечислением стран, им покоренных;
- гробница Омара Хайяма близ Нишапура;
- мавзолей царя Кира близ Персеполя;
- памятник А.С. Грибоедову, чья жизнь трагически оборвалась в посольском особняке Российской империи в Тегеране.

В 1937 г. командировка в Иран заканчивается, и Ф.И. Кожевников возвращается в Москву. Начинается его работа в Московском юридическом институте, во Всесоюзном заочном юридическом институте, в МГУ, одновременно – в Институте внешней торговли (заведующим кафедрой международного и государственного права).

Есть и страницы жизненного пути выдающегося юриста-международника, которые не принято отмечать в официальном послужном списке, но которые много говорят о человеке как о гражданине и патриоте: во время Великой Отечественной войны, когда фашистские войска подступали к столице, Федор Иванович с его плохим зрением записался в формирующееся для обороны Москвы ополчение. На стенде в МГИМО, посвященном Федору Ивановичу Кожевникову, показаны копии уникальных документов – награды ему за оборону Москвы. Всю войну он проработал в Москве, продолжая в тех тяжелых условиях преподавательскую и научную деятельность. Именно в этот период он одновременно подготовил и защитил докторскую диссертацию.

После Великой Победы нашей страны над фашистской Германией Федор Иванович принимал участие в ряде конгрессов сторонников мира, в подготовке «Манифеста к народам мира», в создании Всемирного Совета Мира, в разработке «Обращения к парламентам всех стран». Результатом последнего документа можно считать последующее принятие рядом стран законов о защите мира. Вообще, на разных международных конференциях, в международных организациях он защищал интересы своей страны умно, филигранно, при благоговейном уважении к международному праву.

Особого почитания заслуживает, несомненно, дипломатическая и юридическая работа Ф.И. Кожевникова в качестве члена Комиссии меж-

дународного права ООН (в 1952–1953 гг.) и затем Судьи Международного суда ООН (в 1953–1961 гг.). Учрежденная в 1947 г. Генеральной Ассамблеей ООН Комиссия международного права (КМП) целостно объединила разрозненные ранее усилия государств и ученых, направленные на кодификацию и прогрессивное развитие международного права. Общее число членов комиссии тогда составляло всего пятнадцать специалистов (это впоследствии состав комиссии был расширен до двадцати одного, затем – до двадцати пяти членов) – при огромном числе государств-членов ООН, которые определяют этот состав.

В 1952–1953 гг. в состав Комиссии международного права ООН входили, кроме Ф.И. Кожевникова, такие известные юристы-международники, как англичанин Х. Лаутерпахт, француз Ж. Сель, бразилец Г. Амадо, голландец Ж. Франсуа, американец М. Хадсон. Важно, что эта работа члена КМП Ф.И. Кожевникова впоследствии нашла отражение в его монографии (написанной совместно с профессором кафедры международного права МГИМО Э.С. Кривчиковой) «Комиссия международного права ООН. Вопросы теории и практики», изданной в 1977 г. Еще важнее то, что самой своей работой в КМП профессор Кожевников создавал в международном сообществе того времени высокое позитивное представление об отечественной научно-правовой школе как фундаментальной, богатой научно-правовыми разработками и международно-правовыми идеями, ведущими начало с создания государства Российского.

Избранный в 1953 г. Советом Безопасности и Генеральной Ассамблеей ООН судьей Международного суда ООН, Федор Иванович оказался самым молодым в его составе (как он отмечал позднее, «как правило, членами Международного суда ООН являются люди весьма почтенного возраста, обычно старше 60 лет»). Избрание на должность судьи высшего судебного органа Объединенных Наций – а их всего пятнадцать – это:

- и кульминация профессиональной жизни лучших из лучших юристов-международников;
- и начало весьма тонкой, напряженной дипломатической работы (неслучайно члены Международного суда ООН пользуются дипломатическими привилегиями и иммунитетами);
- и огромная личная ответственность, поскольку значение решений Международного суда по межгосударственным спорам, его консультативных заключений не сводится только к урегулированию конкретного спора между данными спорящими сторонами или рассмотрению конкретного вопроса права, но имеют авторитетное значение для последующего толкования и применения международного права, прогрессивного развития.

Сегодня стал правовой реальностью (и даже историей) огромный вклад отечественного судьи-международника Федора Ивановича Кожевникова в урегулирование конкретных межгосударственных споров, в подготовку консультативных заключений, в развитие практики Международного суда ООН, в том числе и при разных интерпретаци-

■ Золотой фонд МГИМО

ях применимого международного права судьями, представляющими различные правовые системы мира. Позднее это получило отражение в книге Федора Ивановича, написанной им в соавторстве с профессором Г.М. Шармазанашвили «Международный Суд ООН: организация, цели, практика», изданной в 1971 г.

Трудно переоценить вклад, внесенный профессором Кожевниковым в развитие отечественной международно-правовой доктрины, подготовку юристов-международников, дипломатов, прежде всего вследствие создания по его инициативе первой в СССР кафедры международного права – в МГИМО и первого в стране международно-правового факультета. Кафедра международного права стала не только организационной структурой уникального специализированного учебного процесса – подготовки юристов-международников, но и подлинным центром глубокого исследования международного права. Федор Иванович умел объединять научные силы, поддерживал молодых преподавателей, аспирантов, заботясь об усилении научного потенциала российской школы международного права, формировании ее продолжателей.

В 2004 г. в МГИМО была проведена международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Ф.И. Кожевникова, по ее итогам изданы научные материалы¹. В приветствии участникам конференции Председатель Международного суда ООН, отмечая особый вклад профессора Ф.И. Кожевникова в науку международного права, подчеркнул и его выдающуюся роль как судьи, как практика международной юриспруденции. «Будучи избранным в 1953 г. Организацией Объединенных Наций судьей Международного суда в Гааге, профессор Кожевников участвовал в рассмотрении ряда споров, оказавших значимое влияние на развитие международного права. Обширные знания, опыт и преданность международному праву, которые он демонстрировал, исполняя обязанности в Международном суде, снискали ему огромное уважение со стороны коллег-судей».

В посвящениях Федору Ивановичу Кожевникову справедливо отмечаются его фундаментальные исследования по международному праву. Их общий список опубликован в упомянутом издании МГИМО по результатам научной конференции 2004 г. Из этого впечатляющего списка научных трудов хотелось бы выделить и выразить восхищение изданными в 1945 г. четырьмя частями (выпуски I–IV) «Учебного пособия по международному публичному праву». До сих пор мы на кафедре международного права рекомендуем аспирантам учиться на этих тоненьких книгах – как надо юристу излагать правовые данные, как выделять главное, как без единого лишнего слова давать сухие

правовые характеристики, причем прекрасным юридическим языком.

Немало комплиментов уже высказано в науке в адрес Федора Ивановича после выхода в 1947 г. в свет его, быть может, наиболее знаменитой книги «Русское государство и международное право (до XX века)». Здесь впервые в науке проанализированы с позиций международного права сотни документов, в том числе весьма древних. Книга была переиздана в канун 100-летия Ф.И. Кожевникова по инициативе заведующего кафедрой международного права МГУ Л.Н. Шестакова при нашем содействии. Профессор Ф.И. Кожевников был инициатором перевода с латыни на русский язык всемирно известного, переведенного на многие языки мира труда Гуго Гроция «О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняется естественное право и право народов, а также принципы естественного права» (книга издана на русском языке в 1956 г.). На том же стенде в МГИМО можно прочитать благодарственное слово к Федору Ивановичу по этому поводу переводчика А.Л. Саккетти.

Однотомный курс международного права, подготовленный кафедрой международного права МГИМО и выпущенный под редакцией Ф.И. Кожевникова, переиздавался много раз. Федор Иванович был и одним из зачинателей объемной работы по созданию первого отечественного много-томного курса международного права, членом главной редакции этого курса (в шести томах). Он был разносторонним русским талантом: прекрасно играл на фортепьяно, сам сочинял музыку, говорил на французском, английском языках, цитировал на латыни, прекрасно знал литературу и искусство. Его любимым поэтом был Ф.И. Тютчев. Любил рассказывать о писателях, художниках, музыкантах, которые по образованию были юристами.

Он всегда нес с собою Знания, Совесть, великую радость Общения, Тепло... Его любили многие. Его почитали. Его слову внимала широкая аудитория – и начинающих, и зрелых исследователей, практикующих дипломатов, студентов, причем, конечно же, не только будущих юристов. С течением времени осознается острее благодарность ему тех, кто знал его, кто слушал его выступления в МГИМО или на других лекционных или научных площадках, читал его труды, за художественное повествование глубокого исследователя права, за неустанные усилия по развитию отечественной науки международного права, за пример служения Отчизне на особом направлении – права как искусства добра и справедливости.

Vlyegzhanin A.N. Judge of the International Court of Justice Fedor I. Kozhevnikov, Professor of MGIMO–University.

Примечания

1. Россия и международное право. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию Ф.И. Кожевникова. Введение/ А.В. Торкунова, под ред. А.Н. Вылегжанина, Ю.М. Колосова, Э.С. Кривчиковой. М., 2006. 236 с.

Лица и поколения

А.В. Шестопа́л

Геннадий Константинович Ашин (1930–2011). Окончил МГИМО. Основоположник отечественной школы элитологии. С 1974 по 2011 г. – профессор МГИМО (с 1974 по 1985г. – заведующий кафедрой философии). Заслуженный деятель науки РФ. Почетный профессор МГИМО.

Само наше знакомство с Геннадием Константиновичем было символичным и очень «ашинским». В 1970 г. «Вопросы философии» опубликовали мою аспирантскую статью об «интегрально-элитарной» школе в латиноамериканской социологии. Вскоре мне позвонил Ашин, сказал, что узнал мой телефон в редакции, хотел бы встретиться и обсудить вопрос об элитах. Мы договорились о встрече в Доме ученых. Мне было 25, ему – 40 лет. Я был накануне защиты кандидатской, он – накануне защиты докторской. Но разницы в возрасте я при встрече не почувствовал. Передо мной стоял молодой человек, невысокий, худощавый, с живыми глазами и, как оказалось, крепким пожатием руки.

Ашин сказал, что занимается теориями «массового общества». Но проблемы масс нельзя изучать в отрыве от проблем лидерства, правящих группировок, элит. Отечественных работ по элитам тогда практически не было. Его заинтересовал опыт латиноамериканцев, приспосабливающих европейскую и североамериканскую методологию к местным реалиям. Мне было важно, что он поддержал идею сравнительного анализа обществ Восточной Европы и Латинской Америки как стран среднего уровня. В то время, по официальным формулировкам, между странами «развитого социализма» и «зависимого капитализма» лежала пропасть.

Впоследствии темы наших исследовательских интересов не совпадали. Я от региональной элитологии перешел к общим проблемам латиноамериканской социальной теории. У Ашина тема элит из побочной по отношению к «массовому обществу» стала центральной, определяющей во всем его научном творчестве. Но наше знакомство продолжалось. Через несколько лет почти одновременно

Ашин стал заведующим кафедрой философии МГИМО, а я заместителем Юрия Александровича Замошкина, заведующего кафедрой философии Института общественных наук. Замошкин хорошо помнил Ашина по студенческому кружку, сложившемуся вокруг легендарного мгимовского ректора Францева – «папы Юры», воспитавшего плеяду академиков и профессоров, основателей научных школ и академических институтов. Многие из французских кружковцев читали в ИОН спецкурсы, в том числе по новой для советской науки проблематике – Араб-Оглы по глобалистике, Бес-

Шестопа́л Алексей Викторович – д.филос.н., профессор, заведующий кафедрой философии МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru
Продолжение. Начало в «Вестнике МГИМО-Университета». № 6 (15) 2010, № 2(17) 2011.

тужев-Лада по футурологии, Ермоленко по моделированию международных отношений. Ашин стал читать спецкурс по элитологии, пользовавшийся большим успехом у лидеров левых партий, обучавшихся в ИОН.

Помимо ИОН, мы встречались на многочисленных семинарах, круглых столах, конференциях возрождавшейся социологии и политологии. Научная жизнь в 1970-х была насыщенной, бурной, порой небезопасной, но интересной. Никакого «застоя», как мы потом не раз с Ашиным вспоминали, не было. Было ощущение борьбы, что как нельзя более подходило Ашину с его бойцовским темпераментом. Он ведь был боксером и, как рассказывал потом один из его старых друзей, уже в преклонном возрасте, встретив на улице хулиганов, встал в боевую стойку и отпугнул наглецов.

Я познакомился с его семьей – обаятельной Маргаритой Федоровной и их детьми: сыном – студеном МГИМО и дочерью – школьницей. Мы любили гулять и беседовать в Главном ботаническом саду рядом с его домом. Мне хорошо помнятся рассказы Геннадия Константиновича о философской профессуре МГИМО эпохи Францева – этике Александре Федоровиче Шишкине (основателе кафедры философии МГИМО), эстетике Михаиле Александровиче Лифшице, историке философии Юрии Константиновиче Мельвиле, логике Павле Сергеевиче Попове, – о тех, кто составлял живую связь между русской философией серебряного века и философской, социологической, политологической мыслью второй половины XX в.

Мы сдружились, и после моей защиты докторской (где Ашин выступал оппонентом) перешли, по его предложению, на «ты». При этом по характеру мы были разными. Однажды в конце 1980-х гг. мы одновременно оказались в Берлине. В Москве уже все кипело, перестройка переходила в «катастрофику» (по выражению Александра Зиновьева), и Ашин мучительно решал для себя вопрос: с кем быть? С Горбачевым или с Ельциным? Мне были не по душе ни тот, ни другой, и я пригласил Ашина на концерт Баха, чтобы отвлечь его и успокоить. Но он не успокоился, ушел после первого отделения и все повторял мне: «Ну как ты можешь быть спокойным?!»

Тогда он выбрал Ельцина, но вскоре разочаровался и в нем, и в «младореформаторах». Его возмущение достигло пика в октябре 1993 г. Он кипел и снова выговаривал мне: «Ты что, не видишь, что происходит? Как ты можешь быть спокойным?!» По счастью, он умел реалистично и с чувством юмора относиться к своему характеру и способностям. После неудачной попытки «хождения во власть» (он выдвигался кандидатом в депутаты перестроечного Верховного Совета) он сказал: «Не мое. Я не политик и не политический советник. Я политический философ. Не надо пытаться превзойти Аристотеля, Макиавелли и Федора Бурлацкого».

В 1991 г. я вернулся в МГИМО. Два человека активно этому содействовали: И.Г. Тюлин на уровне ректората и Г.К. Ашин на уровне кафедры. В 1995 г.

я был избран заведующим кафедрой философии. Ашин был старейшим из преподавателей кафедры, 10 лет руководил кафедрой после Александра Федоровича Шишкина. И он стал настоящим дуаиеном нашей команды, хранителем ее традиций, образцом отношения к делу и к людям.

1990-е гг. оказались серьезным экзаменом для всей системы преподавания философии в России и для нашей кафедры тоже. Думаю, что мы выдержали его достойно. Почему я так думаю? Потому что ситуация внешней свободы выявила то, что всегда существовало на кафедре и чем мы обязаны Александру Федоровичу и Геннадию Константиновичу, – ситуацию внутренней свободы. Они не были ни диссидентами, ни оппозиционерами – они были порядочными людьми и настоящими философами. Их ориентиры выходили далеко за рамки политической и идеологической конъюнктуры.

Шишкину и Ашину мы обязаны также главным направлением наших научных и педагогических поисков последнего периода – проблемам духовно-нравственных основ современного мирового сообщества. Ашин не раз вспоминал, что еще в 1960-х гг., когда мы были захвачены философскими проблемами высоких технологий, Александр Федорович спокойно, но настойчиво повторял, что все возможности и опасности высоких технологий зависят от морального состояния общества. Прошло полвека – его прогноз подтвердился (причем на фоне крушения многих и многих прогнозов).

При всей приверженности кафедральным традициям и личной дружбе с ветеранами кафедры, Геннадий Константинович с большим вниманием и теплотой относился к новым людям, пополнявшим состав кафедры, к темам их исследований, к их увлечениям. Помню, как его обрадовал интерес к поэзии двух наших молодых талантливых коллег – Светланы Лютовой (как говорил Ашин, «она изменила мое отношение к Цветаевой») и Элины Колесниковой («она открыла для меня Бродского»).

Вскоре после нашей встречи в Alma Mater Геннадий Константинович предложил мне совместно поработать над обновлением курса философии (потом мы почти 20 лет читали лекции на параллельных потоках факультета международных отношений). В 1990-х гг. мы вышли к новой аудитории молодых людей со свободным обменом информацией, свободным выбором мировоззренческих позиций. Нам хотелось дать нашим студентам представление об основных моделях мировой философии – от античности до современности, включив философские традиции разных регионов.

Мы выбрали для себя и предложили кафедре взять как основную учебник принципиально новую для отечественной учебной философской литературы работу – четырехтомник под редакцией Нелли Васильевны Мотрошиловой «История философии: Запад – Россия – Восток». Работа Мотрошиловой и ее соавторов привлекла нас обилием фактического материала и широкой постановкой вопроса о кризисе современной цивилизации, что оставляло свободу для преподавательских интерпретаций в ходе чтения лекций и проведения семинаров. Не

скрою, свою роль в этом выборе сыграло и то, что Нелли Васильевна, одна из блестящих представителей философской школы МГУ, также была аспиранткой Францева. Как говорил Ашин, «папа Юра» с большим уважением относился к своей юной подопечной, ставил ее в пример мгимовским аспирантам, хотя и звал за глаза «спорицей».

Отправной точкой нашего курса мы с Геннадием Константиновичем сделали размышление о глобальном кризисе модерна и постмодерна как кризисе духовно-нравственных основ Просвещения. При этом европейская классика Нового времени – немецкая (от Канта до Шеллинга) и русская (от Чаадаева и Хомякова до Лосева) рассматривалась как единое поле поисков выхода из этого кризиса. Здесь же обнаружились различия наших позиций. Ашин признавал немецкую классику вершиной Просвещения (особо выделяя Канта) и рассматривал русскую философию как драматическую эпопею находок и потерь моральных ориентиров индивидуального и коллективного развития. Я рассматривал немецкую классику как выход за пределы Просвещения, восстановление христианской априористики философии и культуры (что нашло свое наиболее полное выражение у позднего Шеллинга), а русскую философию как противостояние патристических традиций утопиям Нового и Новейшего времени.

Иногда к нашим беседам и спорам, которые мы по-прежнему любили вести в Ботаническом саду, присоединялся Борис Сергеевич Старостин, вернувшийся из Индии и ставший профессором кафедр востоковедения и философии. Борис был учеником Ермоленко. Много лет он провел в Бирме и в Индии, способствовал спасению архива Рерихов. Мы с Ашиным приглашали Старостина читать лекции по философии Востока в рамках нашего курса, участвовать в студенческих семинарах и дискуссиях на кафедре. Геннадий Константинович с глубоким интересом относился к философским традициям и современным философским течениям стран Востока, настаивал на том, что недопустимо ставить знак равенства между глобализацией и унификацией, отказом от национальной идентичности. В своей итоговой монографии он писал: «Нетерпимость к иному, стремление сделать мир единообразным, униформистским – это путь к энтропии, к регрессу. Не задумываться об ином, о его плюсах и минусах, начисто отметать иное – значит отказаться от развития, от прогресса; напротив, отнести себя к иному – значит открыть себе путь к выработке новых, более высоких ценностей» (Г.К. Ашин. Элитология: история, теория, современность. М.: МГИМО-Университет, 2010. С. 267).

Другим сюжетом, часто обсуждавшимся нами вместе со Старостиным, была проблема возрождения мировых религий и вообще религиозного сознания во второй половине XX в. Старостин в тот период был рерихианцем и сторонником экуменизма. Я пришел в начале 1990-х гг. в Церковь и разделял философские позиции христианского реализма. Ашин оставался светским гуманистом, всецело полагавшимся на совесть и разум человека.

Вместе с тем он считал, что подъем мировых религий представляет огромный нравственный ресурс для решения современных проблем разного уровня: глобального, регионального, национального. Он расспрашивал Бориса о роли конфуцианства в успешном проведении реформ в Китае. Рассматривая в своей книге вопрос о формировании элиты в постсоветской России, Ашин приводит развернутую выдержку из статьи митрополита (ныне – Патриарха) Кирилла под знаменательным названием «От социальной элиты к аристократии духа» (Там же. С. 248–250).

Тема элит, центральная тема в научном творчестве Ашина, носила глубоко личностный характер. Драму первых поколений советской элиты Ашин переживал как свою собственную. Его отец, секретарь Нижегородского горкома партии, был арестован, чудом уцелел, был освобожден и реабилитирован в один из коротких отливов волны террора в 1930-х гг. Но травма у сына и у всей семьи осталась. Ашин прямо говорил, что если бы отец тогда погиб, вряд ли бы он смог критически оценивать позиции революционеров и что он понимает тех шестидесятников (он называл их «марленами»), которые не смогли отступить от позиций погибших отцов. Сам он смог произвести эту переоценку и вскрыть моральные изъяны «ленинской гвардии», приведшие ее к самоуничтожению.

Для последующих поколений советских и постсоветских руководителей он предпочитал использовать термин «правлящие группировки», отказывая им в той избранности, которая, по его мнению, была связана не только и не столько с профессиональной компетентностью, сколько с высоким нравственным уровнем. Главным средством успешного проведения реформ в современной России он считал не усилия правящих группировок, расколотых на соперничающие кланы, а создание подлинного гражданского общества, которое базируется на дифференциации функций общества и государства, повышении роли населения как субъекта власти и собственности.

Вместе с тем он считал, что перед современным социумом (не только российским) остро стоит задача формирования элиты, соответствующей масштабу проблем постиндустриального общества и глобального кризиса. Центральную роль в решении такой задачи он отводил Университету, академическим традициям, философскому компоненту в университетском образовании. Недаром, повторял Ашин, Аристотель называл философию «царской наукой». Философия требуется для того, чтобы управлять другими, но прежде всего, чтобы справляться с собой при тех перегрузках и искушениях, которые испытывает человек, поднимаясь по пирамиде власти.

Геннадий Константинович Ашин не только ставил эту задачу, он до последнего дня жизни трудился для ее решения, он сам являлся примером человека новой элиты новой России.

Shestopal A. V. Persons and generations. Gennady Konstantinovich Ashin.

С.Н. Лебедев – ученый, практик, педагог, дипломат

А.И. Лобода

Сергей Николаевич родился в 1934 г. в Севастополе. Окончил юридический факультет Института внешней торговли в Москве в 1957 г. В 1963 г. получил степень кандидата юридических наук в МГИМО. В течение 30 лет был заведующим кафедрой международного частного и гражданского права МГИМО; ему присвоено звание почетного профессора МГИМО. С 1965 г. он – член Морской арбитражной комиссии. С 1972 по 2012 г. – председатель МАК. Сергей Николаевич – заслуженный юрист Российской Федерации.

Передо мной стоит почетная задача – рассказать о профессоре кафедры международного частного и гражданского права МГИМО Сергее Николаевиче Лебедеве, одном из наиболее значимых специалистов по правовому регулированию международного торгового арбитража, права международной торговли, международного частного права, частного морского права.

Биографии Сергея Николаевича хватило бы на нескольких человек. Окончив юридический факультет Института внешней торговли в Москве, он в 1957–1959 гг. работал в «Совфрахте». В 1959 г. поступил в аспирантуру МГИМО. В 1961–1962 гг. стажировался в Школе права Мичиганского университета. В 1963 г. получил степень кандидата юридических наук в МГИМО, защитив под научным руководством А.Д. Кейлина диссертацию по теме «Основные вопросы исполнения иностранных арбитражных решений». С 1962 г. преподает в МГИМО, где в течение 30 лет заведовал кафедрой международного частного и гражданского права.

С 1965 г. профессор Лебедев – арбитр Морской арбитражной комиссии. С 1972 по 2012 г. – председатель МАК, член Президиума Международного коммерческого арбитражного суда (МКАС).

Лобода Андрей Иванович – к.ю.н., доцент кафедры международного частного и гражданского права МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Сергей Николаевич участвовал в работе многих международных организаций, включая Комиссию ООН по праву международной торговли – с 1970 г., а также Совет экономической взаимопомощи, Европейскую экономическую комиссию ООН, Гаагскую конференцию по международному частному праву. А еще он является почетным вице-президентом Международного совета по коммерческому арбитражу, вице-президентом российских ассоциаций морского и международного права. С 2005 г. он член Исполнительного совета Международного морского комитета.

По инициативе и при участии профессора Лебедева в институте был создан Информационный центр Гаагской конференции по международному частному праву, которым он руководит до сих пор. Без особого преувеличения можно сказать, что Сергей Николаевич был причастен к большинству событий, повлиявших на развитие международного частного права на рубеже веков. Он был делегатом конференций по принятию:

- Конвенции об исковой давности в международной купле–продаже товаров в Нью–Йорке 1974 г.;

- Венской конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли–продажи товаров 1980 г.;

- Гаагской конвенции о праве, применимом к международной купле–продаже товаров 1986 г.;

- Московской конвенции о разрешении арбитражным путем гражданско–правовых споров, вытекающих из отношений экономического и научно–технического сотрудничества 1972 г.;

- Гамбургской конвенции Организации Объединенных Наций о морской перевозке грузов («Гамбургские правила» 1978 г.);

- Конвенции Организации Объединенных Наций об ответственности операторов транспортных терминалов в международной торговле, принятой в Вене в 1991 г.

Профессор Лебедев принимал участие в разработке и принятии:

- Арбитражного регламента ЮНСИТРАЛ 1976 г.;

- Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже, изменений к закону 2006 г.;

- Нью–Йоркских конвенций Организации Объединенных Наций о договорах полностью или частично морской международной перевозки грузов («Роттердамские правила», 2008 г.) и об использовании электронных сообщений в международных договорах (2005 г.).

С.Н. Лебедев выступает с лекциями в университетах разных стран. В Гаагской академии международного права он прочитал курс лекций по международному коммерческому арбитражу (Lebedev S.N. International Commercial Arbitration in the Socialist Countries–Members of the CMEA // *Recueil des Cours. The Hague Academy of International Law.* – 1977. – Vol. 158. – №. V. – P. 87–182).

Упоминания заслуживает работа профессора Лебедева в 1993 – 1999 гг. в Группе уполномоченных по претензиям категории «С» Компенсационной комиссии ООН, созданной по решению Совета Безопасности ООН в связи с вооруженным конфликтом между Ираком и Кувейтом. Сергей Николаевич является одним из наиболее авторитетных арбитров не только в России, но и в мире. Он признанный член эксклюзивного клуба наиболее значимых специалистов по праву международной торговли и по международному торговому арбитражу, который во многом определяет лицо и характер правоприменительной практики в этих областях.

Профессор Лебедев имеет награды России и иностранных государств, в числе которых орден Дружба народов и шведский королевский орден «Командор Полярной звезды», ему присвоено звание заслуженного юриста РФ (1994 г.), он является членом Совета при Президенте РФ по совершенствованию правосудия.

Активная преподавательская и практическая деятельность не помешала блестящей работе Сергея Николаевича в области науки права. Он является автором ряда книг и множества статей по международному частному праву, сравнительному гражданскому праву, правовым вопросам международной торговли, частному морскому праву, международному торговому арбитражу. Многие его исследования построены на основе анализа прикладных проблем. Особенность его научного стиля проявляется в том, что, отталкиваясь от анализа на первый взгляд частных вопросов, он часто переходит к теоретическим выводам и обобщениям самого общего свойства.

Мне и моим коллегам, с которыми я учился в 1991 – 1996 гг. на международно–правовом факультете МГИМО, повезло с преподавателями. Мы были избалованы высочайшим академическим уровнем наших профессоров. Среди наших лекторов по различным правовым дисциплинам были такие замечательные правоведы, как Тамара Евгеньевна Абова, Николай Георгиевич Елисеев, Ольга Николаевна Зименкова, Виталий Алексеевич Кабатов, Юрий Михайлович Колозов, Алексей Александрович Костин, Степан Васильевич Молодцов. Но лекции Сергея Николаевича не терялись даже и на этом звездном фоне.

Свое личное впечатление о профессоре Лебедеве я получил возможность составить, когда учился уже на четвертом курсе института. Сергей Николаевич читал нашему курсу лекции по международному частному праву. Международное частное право – довольно сложная дисциплина. Но Сергей Николаевич умел рассказать нам, студентам, об этой области права простым языком. Конечно, простота изложения была кажущейся. Наш лектор обладал замечательной способностью преподнести самый сложный материал в доступной и даже увлекательной форме.

Его лекции были понятны и интересны. Они отличались красотой и последовательностью из-

ложения, безукоризненно выверенным стилем и глубиной анализа. Для преподавателя и для юриста – это редкое и очень важное сочетание умений. Международное частное право с самого начала предстало перед нами в качестве не только логично устроенной системы, но и очень увлекательного предмета. Большое видится на расстоянии, и лишь теперь я могу в полной мере оценить его труд и талант, которые элегантно и как бы легко открыли нам в свое время путь в профессию.

Сергей Николаевич принадлежит к числу ученых, которые воссоздали отечественную науку международного частного права. Известны его глубокое знание русской дореволюционной и русской зарубежной доктрин конфликтного права. В этой связи немаловажно и то, что кафедра, которой руководил Сергей Николаевич, – первая в нашей стране, в названии которой фигурирует указание на международное частное право. Усилиями профессора Лебедева в России была создана учебная и академическая дисциплина – международный коммерческий арбитраж.

Выдающиеся преподавательские навыки Сергея Николаевича, как я теперь начинаю понимать, стали в большой степени результатом его богатейшего практического и академического опыта. Отчасти это объясняет и то громадное значение, которое имеет его педагогическая деятельность для профессионального формирования многих поколений студентов и аспирантов международно-правового факультета МГИМО.

Но важно не только это. Ценно еще и то, что профессор Лебедев оказывает на своих учеников и другое, неявное, но не менее сильное воздействие. Я имею в виду стилистическое влияние Сергея Николаевича на наше профессиональное сословие. Я бы, пожалуй, даже рискнул назвать его «иконой стиля» юриста-международника. Дело в том, что Сергей Николаевич способен с годами буквально заражать людей рядом с собой своей манерой поведения.

Расскажу, пожалуй, об одном забавном примере его влияния лично на меня. В 1996 г. студенческая команда МГИМО впервые принимала участие в конкурсе по международному коммерческому арбитражу имени Виллема Корнелиса Виса. Это был третий по счету конкурс, и в нем в то время принимало участие совсем небольшое число команд из разных университетов мира. Слушания в то время проходили в Торговой палате Австрии, здание которой еще могло вместить участников конкурса. Подготовкой нашей команды руководил Алексей Александрович Костин, который был со студентами в Вене. Профессор Лебедев сумел выбраться в Вену лишь на пару дней для того, чтобы поддержать наше выступление. Дело было уже в последние дни конкурса. Для группы уважаемых специалистов по праву международной торговли и коммерческого арбитража организовали посещение Венской оперы. Для них было заранее приобретено несколько билетов на хорошие

места на оперу «Андре Шенье». Но не все судьи конкурса смогли прийти в оперу, и организаторы конкурса вывесили маленькое объявление о том, что они продают несколько оставшихся билетов в оперу на вечер. Никто не обращал на него внимания. Почему – непонятно. Возможно, все были заняты в этот вечер или значение имело то, что объявление было составлено на немецком языке, а большинство участников конкурса владело только английским. Я осведомился, сколько стоит билет. Мне сказали, что его цена – 120 долларов. Для студенческих суточных сумма была невообразимая, и я расстроено сказал, что билет мне не по карману. Тогда любезные дамы, которые продавали эти лишние билеты, сказали, что если до 6 часов вечера один из билетов останется некупленным, то его можно будет получить за половину этой цены.

Но и 60 долларов были для меня более чем значительными деньгами. Я пребывал в некоторых сомнениях в отношении того, стоит ли мне рисковать остаться без еды в последний день пребывания в Вене. В этот момент я и встретился с Сергеем Николаевичем. У него я спросил, что он думает о Венской опере. В ответ он обстоятельно и убедительно рассказал мне, что Венская опера некогда была действительно великой оперой, а сейчас находится в состоянии известного упадка, но теперь следует скорее говорить о том, что заслуживает внимания здание оперы, так что можно обойтись и без посещения постановок в ней. На это я обрадованно сказал, что мой собеседник помог разрешить мои сомнения и я не лишусь громадной суммы в 60 долларов.

Сергей Николаевич удивленно спросил, значит ли это, что у меня есть возможность попасть в оперу. Я рассказал ему об истории с билетом. Услышав это, Сергей Николаевич, не меняя выражения лица, столь же убежденно сказал, чтобы я, конечно, шел в театр, ведь поход туда даст мне потом возможность небрежно ронять в разговоре: «Был я в той Венской опере – ничего особенного». С тех пор я не раз бывал в Венской опере и до сих пор не уверен, что оперная постановка, которую я посетил в тот вечер, стоила того, чтобы начинать с нее знакомство с оперным искусством. Однако неожиданно для самого себя я обзавелся приговоркой, которой я также заразил многих своих знакомых: «Был я в той Венской опере (или подставить любое иное явление окружающей реальности) – ничего особенного». Сейчас этот оборот уже осваивают и мои дети.

Влияние Сергея Николаевича проявляется подспудно, медленно, одновременно с формированием представления о его личности. Портрет его складывается из множества маленьких черт, жестов, обмолвок, реплик по разным поводам. Со временем начинает становиться ясно, что за внешней мягкостью скрывается человек последовательный, твердой воли и очень принципиальный, умеющий ценить это качество и в людях, которые его окружают. Непроизвольно

пытаешься следовать его доброжелательной манере поведения, его сдержанности, его умению неброско, но со вкусом одеваться.

На протяжении ряда лет в прошлом вместе с моими коллегами под руководством Сергея Николаевича я имел удовольствие принимать участие в работе по обобщению практики МАК. После прочтения и реферирования множества решений я могу с уверенностью утверждать, что всем решениям, вынесенным с участием Сергея Николаевича, свойственен высочайший уровень в том, что касается и содержания, и стиля. Думаю, на таком уровне в нашей арбитражной практике работает очень небольшое количество специалистов.

Работу в МГИМО профессор Лебедев начинал на кафедре государственного права. Он принимал участие в создании кафедры государственного и гражданского права, затем – кафедры гражданского права. С 1974 г. – после ухода Константина Константиновича Яичкова – Сергей Николаевич принимает на себя нелегкое бремя заведования кафедрой международного частного и гражданского права. Понятно, что лицо кафедры до сего дня в основном сформировано им. Кафедра как одно из ведущих учебных подразделений международно-правового факультета МГИМО внесла значительный вклад в формирование отечественного сообщества юристов-международников. Сам Сергей Николаевич самым важным в своей институтской работе считает именно участие в создании кафедры. Курс международного частного права впервые в послереволюционной России стал преподаваться на международно-правовом факультете МГИМО.

За годы руководства Морской арбитражной комиссией профессор Лебедев создал уникальный коллектив специалистов – морских арбитров. И кафедра, и МАК в их нынешнем виде созданы вследствие многолетних терпеливых усилий Сергея Николаевича, благодаря его мягкому, ненавязчивому стилю руководства, основанному почти целиком на его громадном авторитете.

Временами у меня возникает ощущение, что человек, являющийся предметом этого повествования, не принадлежит вполне к тому времени, к которому он должен был бы относиться. Сергей Николаевич выделяется масштабом личности, уровнем профессиональной подготовки, объемом знаний и, если угодно, особенной жизненной мудростью. Догадываюсь, что он никогда не принадлежал вполне к системе, частью которой должен был бы быть. Другое дело, что система не могла опознать его в качестве элемента, ей не соответствующего. Система опознания «свой-чужой» не могла сработать по той причине, что профессор Лебедев на порядок превосходит эту систему по своему уровню развития.

Мне никогда не были вполне понятны причины такого несоответствия личности, времени и внутренней свободы. Но недавно меня посетила догадка. Все очень просто. Профессор Лебедев – прогрессор, задача которого – своим личным примером, трудом и влиянием помогать по мере сил всем нам, кому приходится жить в эту эпоху и в этом месте. Если моя догадка верна, то лучшего места, чем МГИМО, для этого не найти. Самое эффективное точечное воздействие на нашу страну, пожалуй, можно оказать именно через работу в нашем Университете. Неудивительно, что однажды Сергей Николаевич без тени иронии сказал, что МГИМО для нас всех – дом родной.

Мы, конечно, имеем дело со случаем «эндогенного прогрессорства». Земля иногда рождает небольшое число таких людей, которые могут идти впереди всех и быть немного выше. В экранизации «Обитаемого острова» Стругацких Максим Каммерер догадывается, что Странник – на самом деле прогрессор, заметив на руке его (Странника – Рудольфа Сикорски) земные часы. Сергей Николаевич, спасибо за подсказку. На Вашей руке такие же редкие в наше время часы «Полет», как у Странника.

Loboda A.I.. Scholar, Practitioner, Educator, Diplomat Sergei Nikolaevich Lebedev.

И.Ф.Максимычев: дипломат, германист, поборник «Большой Европы»

Ю.Ф. Головлев

Биография Игоря Федоровича Максимычева с большой точностью отражает российские/советские реалии XX века. Он родился в ноябре 1932 г. в туркменском городке Тахта-Базар, близ границы с Афганистаном. Сюда комсомол командировал из Ашхабада его мать, Екатерину Григорьевну Шабанову, в качестве вспомогательной силы при проведении землемерных работ (завершалась коллективизация сельского хозяйства). Отец, Федор Яковлевич Максимычев, закончил экономический факультет Среднеазиатского государственного университета (САГУ) в Ташкенте по специальности инженер-автомобилист. Он был талантливым дизайнером, участвовал в оформлении Туркестанского павильона на Всероссийской сельскохозяйственной выставке 1923 г. в Москве. По окончании университета работал в Главном управлении шоссейных дорог Средней Азии. В 1936 г. был призван в кадры РККА. Участвовал во вводе советских войск в Иран в 1941 г., позже стал преподавателем Академии тыла и снабжения Советской армии (г. Калинин).

Подполковник в отставке, кандидат военных наук, имел правительственные награды. Мать до войны работала корректором в редакции ежедневной газеты «Звезда Востока» (Ташкент), приобрела специальность учительницы французского языка средней школы. Во время войны была направлена на перепрофилированный для оборонных нужд завод «Ташсельмаш». Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

И мать, и отец Игоря Федоровича – потомки крестьян-выходцев из Центральной России, оставшихся без земли после отмены крепостного права и двинувшихся в рамках государственной программы переселения поднимать целину в Средней Азии.

Головлев Юрий Федорович – выпускник МГИМО(У) МИД России 1956 г. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Дед по материнской линии остался крестьянином, дед по отцовской линии стал мастером в железнодорожных депо в Ашхабаде, а затем в Ташкенте.

И.Ф. Максимычев пошел в школу в 1939 г. в Ташкенте, а окончил учебу с золотой медалью в 1950 г. в Калинин (Твери). В выпускных классах у него были отличные учителя, благодарностью которым он сохранил на всю жизнь. Он много читал, не ограничиваясь рамками школьной программы. В этом ему помогал богатый фонд библиотеки Академии тыла и снабжения, услугами которой он смог пользоваться. Сильное влияние на формирование его характера оказали труды Д.И. Писарева с критикой всех и всяких авторитетов. Некоторое время он колебался в выборе вуза и будущей профессии; его привлекали филология и история. В конечном счете он подал документы для поступления на исторический факультет МГИМО. Победил романтический ореол дипломатической работы при сохранении исторического профиля образования; привлекала также перспектива глубокого усвоения иностранного языка.

В те годы основная масса студентов МГИМО рекрутировалась не из «золотой молодежи». Вместе со вчерашними школьниками постигали секреты будущей профессии бывшие участники войны и отслужившие в армии ребята. Да и немногочисленные дети знатных родителей старались не выделяться из общего фона. На долгие годы учебы аристократический особняк у Крымского моста стал для всех вторым родным домом. Бушевавшие в стране политические бури не обходили мгимовников стороной. Они вели между собой страстные дискуссии о будущем страны, добросовестно выполняя при этом поручения бюро комсомола по пропаганде среди населения решений партии и правительства. Проводили политинформации среди обитателей плотно заселенных подвалов Арбата. Шефствовали над комсомольскими организациями промышленных предприятий Москвы (ИФМ был направлен на текстильный комбинат «Красная Роза»). Пытались разобраться в «деле врачей». Участвовали в похоронах И.В. Сталина. С воодушевлением поддерживали первые шаги хрущевской оттепели. Из уст в уста передавались слова одного из студентов старшего поколения: «Эпоха Сталина закончилась, пора возвращаться к Ленину».

Студенческая жизнь завершилась для ИФМ в 1956 г., который вошел в историю как год XX съезда КПСС. Его дипломная работа посвящалась теме «Гарантии независимости Австрии по Сен-Жерменскому мирному договору и аншлюс Австрии в 1938 г.». Диплом с отличиям удостоверял получение квалификации специалиста по международным отношениям стран Запада. О том, что центр тяжести при этом лежал на отношениях с Германией и Австрией, умалчивалось; отсутствовала ссылка на владение двумя языками (немецкий и французский). Зато содержалась отметка о дополнительной специальности — учитель немецкого языка средней школы. Педагогическую подготовку с практикой в школах все студенты набора 1950 г. прошли в те-

чение 6-го курса, организованного для них в связи с ожидавшимся падением спроса на международных.

По окончании учебы ИФМ был принят на работу в МИД СССР и после непродолжительной практики в Консульском управлении министерства был направлен в Консульство СССР в Лейпциге (ГДР) на должность референта. В первую зарубежную поездку отправились всей семьей (в ноябре 1954 г. студентка романо-германского отделения Калининского педагогического института Анна Викторовна Румянцева стала женой ИФМ; в мае 1956 г. у них родилась дочь, которой к моменту выезда за рубеж исполнилось два месяца). Ехали поездом Москва–Берлин, собирая множество новых впечатлений. Ранним утром 17 июля состав сделал короткую техническую остановку в польской Познани, где, как сообщали разнообразные «голоса», несколько недель тому назад состоялись массовые волнения. ИФМ навсегда запомнил мрачную недоброжелательность, с которой заполнившие перрон в ожидании электрички люди в полном молчании разглядывали «русский вагон».

Работа в консульствах имеет ту особенность, что вплотную знакомит с самым широким набором видов дипломатической и сопутствующей ей деятельности. За два года работы в Лейпциге ИФМ пришлось наряду с поддержанием контактов по линии молодежных организаций СССР и ГДР, составлением информации о ситуации в консульском округе, а также, устными и письменными переводами заниматься:

- оформлением актов гражданского состояния военнослужащих ГСВГ из расположенных близ Лейпцига частей;
- эксгумацией по поручениям из Москвы захороненных в ГДР останков советских граждан и отправлением их в СССР;
- пересылкой проживающим в Советском Союзе наследникам имущества, завещанного скончавшимися в ГДР родственниками и т.д.

Когда серьезно заболела работавшая в консульстве секретарь-машинистка, ИФМ «в силу производственной необходимости» вынужден был освоить машинопись. Весь этот опыт и навыки так или иначе пригодились в дальнейшем. Жена преподавала немецкий язык в советской средней школе для детей военнослужащих. Под впечатлением первых успехов «оттепели» ИФМ подал заявление о приеме в кандидаты в члены партии, которое было рассмотрено положительно.

В мае 1958 г. ИФМ без заезда в Москву перевели в Посольство СССР в ФРГ на только что включенную в штатное расписание должность дежурного референта. Дипломатические отношения с Западной Германией были установлены в 1955 г. Открывшееся год спустя посольство находилось еще в стадии становления. Располагалось оно не в Бонне, а довольно далеко от него, в маленькой деревушке Роландсек, в здании бывшей гостиницы, зажатом между активно функционирующей линией железной дороги и федеральной дорогой № 9 с интенсивным движением вдоль берега Рейна. С

размещением сотрудников дело обстояло неважно. Первые несколько недель ИФМ с женой и двухлетней дочкой «проживали» в крохотной комнатке под крышей с единственным окном-люком на потолок. Большую часть комнаты занимала сиротская двуспальная кровать. Девочка спала в чемодане, привезенном из Лейпцига.

Работа в качестве дежурного референта, то есть владеющего немецким языком привратника (эту должность ввели, имея в виду главным образом выпускников МГИМО), мало что давала тому, кто уже накопил кое-какой опыт работы за границей. ИФМ и его жене оставалось лишь поближе знакомиться с новыми для них реальностями развитого капитализма. Видимо, этот процесс проходил успешно. Через несколько месяцев посол А.А. Смирнов назначил ИФМ своим личным переводчиком, а представитель «Совэкспортфильма» в ФРГ Б.А. Медведев пригласил Анну Викторовну на аналогичную должность в своем бюро. Обязанности переводчика включали не только выполнение устных и письменных переводов самого различного свойства, но и функции секретаря, шефа протокола и сопровождающего в поездках по стране.

Посол, сам блестяще владевший немецким языком (он начинал свою дипломатическую карьеру еще в довоенном Берлине), в неофициальном порядке следующим образом объяснял причины, по которым не отказывается от услуг переводчика: пока идет перевод, есть время обдумать ответ; если ответ получился не совсем удачным, можно сослаться на то, что его неточно перевели; после беседы переводчик составляет ее черновую запись и тем самым экономит время и силы начальства. Следует также учитывать, что в 1930-х гг. был введен запрет для наших дипломатов встречаться с иностранцами «с глазу на глаз», хотя такая ситуация исключала доверительный характер бесед, что сильно обедняло дипломатический инструментарий. После 1953 г. этот запрет перестал строго соблюдаться, однако работники старого закала предпочитали, по мере возможности, придерживаться его.

Последовавшие два года работы рядом с А.А. Смирновым были для ИФМ высокой школой практического освоения профессии дипломата. Он стал свидетелем интереснейших бесед посла с видными представителями западногерманских политических и экономических кругов. Список контактов посла открывал канцлер Конрад Аденауэр, отношения с которым носили почти дружеский характер, несмотря на острые конфликты эпохи «холодной войны». Посол был на короткой ноге с экономическими воротилами ФРГ, для которых «восточный гешефт» с его безграничными перспективами всегда представлял особый интерес. Стремительно богатеющие финансовые тузы западногерманского гиганта то ли всерьез, то ли в шутку обещали предоставить Советскому Союзу миллиардные займы на безвозвратной основе, если он согласится повлиять на руководство ГДР в плане отказа от планов построения социализма в Восточной Германии. А.А.Смирнов предпочитал относиться к таким предложениям как к буффонаде, но докладывал о них.

Конец 1958 г. был ознаменован обострением кризиса вокруг Западного Берлина («второй берлинской блокадой», по западной терминологии). А.А.Смирнов, настоявший на том, чтобы «нажать» на западные державы в самом слабом месте их позиций в Европе, настойчиво вел дело к достижению компромисса, приемлемого для всех заинтересованных сторон, не исключая ФРГ. Не его вина, что возмнивший себя мастером на все руки Н.С. Хрущев бездарно упустил представлявшиеся возможности договориться с Западом, готовым во многом уступить (но не капитулировать).

В конечном счете Москве пришлось пойти на возведение Берлинской стены по линии секторального разграничения между Западным Берлином, оставшимся враждебным образованием внутри Варшавского договора, и восточной частью города, выполнявшей функции столицы ГДР (одновременно был ужесточен и режим пересечения германо-германской границы). Стена во многом решила существовавшие у восточногерманского государства проблемы как внутреннего свойства (переток населения, в первую очередь работников высокой квалификации, на Запад), так и внешнего порядка (Западный Берлин кишел представителями всевозможных секретных служб, не жалевших сил и времени, чтобы вредить восточным немцам, а заодно и СССР). Но в пропагандистском отношении она нанесла серьезный урон Советскому Союзу, ГДР и всему социалистическому содружеству. Обстановка вокруг Западного Берлина нормализовалась лишь десять лет спустя в результате специального соглашения четырех держав, ответственных за Германию и Берлин в целом. На конкретном материале развития ситуации в центре Европы ИФМ учился различать за каждодневной суетой внешнеполитических акций стратегическую концепцию их участников.

За возведением Берлинской стены 13 августа 1961 г. ИФМ наблюдал уже из Москвы — летом 1960 г. завершилась его первая заграничная командировка. Он приступил к работе в референтуре по ФРГ Третьего Европейского отдела МИД, который отвечал за отношения СССР с ГДР, ФРГ, Западным Берлином и Австрией. Отдел размещался в то время на 9-м этаже высотного здания на Смоленской площади, что было важно, поскольку обеспечивало территориальную близость к бюро министра на 7-м этаже. Министр, особенно после того, как им стал А.А. Громыко, держал под своим неослабным личным контролем все, что так или иначе было связано с германскими делами.

Время от времени «3-й Европе» давал задания (главным образом пропагандистского характера) и заместитель министра В.С. Семенов, возглавлявший в свое время политическую структуру Советской военной администрации в Германии и вошедший в историю как первый посол СССР в ГДР. Выполняя одно из таких заданий, ИФМ подготовил сопоставительную подборку поражающих своим сходством высказываний руководящих деятелей третьего рейха и Западной Германии по национальному вопросу и проблемам внешней

политики. Заказчик остался доволен и распорядился опубликовать подборку в журнале «Международная жизнь». ИФМ получил первый в своей жизни гонорар (гонорар был небольшой, но для семьи из пяти человек — в январе 1961 г. родились сыновья-близнецы — была важна каждая копейка). Началось долголетнее сотрудничество ИФМ с редакцией главного внешнеполитического журнала страны. Работа непосредственно на германском направлении была интересной. Сложились хорошие отношения с коллегами. ИФМ был принят в члены КПСС.

В 1961 г. один из наиболее заметных советских дипломатов, начальник Историко-дипломатического управления МИД И.Н. Земсков, предложил ИФМ возглавить научно-исследовательский отдел с главной задачей реализовать поручение министра о подготовке обзоров истории связей СССР с ведущими участниками международных отношений. К тому времени стало ясно, что у нас отсутствуют отражающие формирование внешней политики Советского Союза систематические исторические исследования, на которые можно было бы опереться в практической работе. Труды задавленных идеологическими веригами советских историков отражали что угодно, но не действительность развития отношений СССР с внешним миром после 1917 г. Доступ к архивам оставался закрытым, а без него объективная оценка происходившего вряд ли возможна.

Между тем советская дипломатия приступила к активизации своих действий на международной арене, которые имели целью не только расширение связей с иностранными державами, но и их перевод на более высокий и конструктивный уровень. Для планирования соответствующих шагов и прогноза реакции на них нужно было знакомство с историческими фактами без искажающей их пропагандистской мишуры. А.А. Громыко поддержал идею составления для внутренних нужд обзоров отношений СССР с наиболее важными международными партнерами при использовании всех доступных фактических материалов и без каких-либо попыток «пригладить» исторические реальности. Хронологические рамки намеченной работы охватывали период от Октябрьской революции до 60-х гг. XX в. Право знакомиться с обзорами предоставлялось руководителям подразделений министерства; сохранялся гриф «Совершенно секретно». Позже основной документальный массив, освоенный составителями обзоров, послужил костяком доведенной до 1939 г. публикации «Документы внешней политики СССР», без ссылок на которую не может обойтись ни один серьезный историк.

Наряду с редакционной и технической работой по подготовке к печати уже готовых обзоров, ИФМ избрал самую, по его мнению, актуальную тему для самостоятельного исследования: он погрузился в изучение советско-германских отношений после прихода Адольфа Гитлера к власти в Германии (январь 1933 г.). Полное отсутствие всякой предвзятости послужило исходной точкой анализа относящихся к делу документов архива

МИД СССР, а также опубликованных на Западе материалов внешнеполитических архивов Великобритании, США и Франции, сохранившегося архива МИД Германии, печати того времени равно как безбрежного моря научной (и околонаучной) литературы. Важно было прояснить, как все это было на самом деле. К концу 1965 г. удалось детально восстановить картину событий до начала Второй мировой войны; был создан задел для анализа периода, предшествовавшего 22 июня 1941 г. Такая работа развивала способность проследивать связь между реакцией политиков на изменения в международном положении и задачами, которые они изначально ставили перед собой. Фактический материал не оставлял сомнений в миролюбии СССР и искренности его усилий организовать коллективный отпор агрессору.

В этот момент ИФМ получил приглашение Посла СССР во Франции В.А. Зорина поработать в Париже. Посол, знаток немецких дел (неслучайно он был первым советским послом в ФРГ), придавал особое значение франко-западногерманским отношениям и искал сотрудника соответствующего профиля. Одновременное владение немецким и французским языками было в МИД явлением редким. Именно поэтому возник вопрос о кандидатуре ИФМ. Кадровики требовали быстрого решения. Начальник ИДУ находился в загранпоездке. ИФМ согласился, хотя на первых порах В.А. Зорин смог предоставить ему лишь должность третьего секретаря (через год ИФМ стал вторым секретарем, через три года — первым). Вернувшийся из поездки И.Н. Земсков афористично заметил: «Париж стоит места».

В январе 1966 г. семейство Максимычевых прибыло во французскую столицу. Все, что связано с Францией, по-особому воспринимается в России. Отношение к этой стране у русской интеллигенции традиционно почти благоговейное. В памяти ИФМ сохранились воспоминания о том, как широко в 30-х гг. в СССР отмечались годовщины Великой французской революции 1789 г. и Парижской коммуны 1871 г., которые расценивались официальными идеологами как репетиции Октября; в СССР тогда о них знали больше, чем о своей собственной революции. ИФМ мог часами рассматривать подшивку «Юманите», главной газеты французской компартии, которую изучавшая французский язык мать приносила домой. Текст «Марсельезы» он выучил раньше, чем запомнил слова «Интернационала», который был тогда Государственным гимном СССР.

Парижские годы способствовали более глубокому пониманию ИФМ значения франко-германского примирения для судеб Европы, приучили более широко подходить к проблемам континента, высветили необходимость подключения России к строительству «Большой Европы». Контакты в дипкорпусе французской столицы (особенно тесным было сотрудничество с коллегами из представительства ГДР) продемонстрировали эффективность солидарной позиции социалистических стран. Пять лет работы в посольстве на улице Гренель воспри-

нимались ИФМ и его семьей как подарок судьбы, как «праздник, который всегда с тобой» (формула Эрнеста Хемингуэя). Во время визита А.Н. Косыгина во Францию осенью 1966 г. ИФМ был представлен генералу де Голлю. Ему довелось сопровождать по стране приезжавших с визитами Ю.А. Гагарина и А.А. Леонова.

В 1971 г. ИФМ был зачислен советником в отдел информации Генсекретариата МИД (генеральным секретарем министерства стал И.Н. Земсков). Дважды в сутки отдел готовил для высшего государственного руководства сводки поступавшей от советских послов информации. Таким образом, ИФМ впервые смог охватить проблематику внешней политики СССР во всей ее сложнейшей совокупности. Работа была организована в три смены, что открыло возможность приступить в нерабочее время к подготовке кандидатской диссертации на тему «Советско-германские отношения в 1933–1936 гг.» (научный руководитель А.А. Ахтамзян). В 1975 г. диссертация была успешно защищена в МГИМО МИД СССР. В 1981 г. вышла в свет написанная на ее основе книга «Дипломатия мира против дипломатии войны. Очерк советско-германских отношений в 1933–1939 гг.». В 1985 г. книга была опубликована на немецком языке.

Летом 1976 г. ИФМ назначается советником по культуре Советского Посольства в Бонне. В завершающие годы пребывания В.М. Фалина на посту Посла СССР в ФРГ и особенно при новом После В.С. Семенове (приступил к исполнению своих обязанностей в 1978 г.) советско-западно-германские культурные связи успешно развивались, охватывая все новые регионы ФРГ. Радовал рост личных контактов между деятелями культуры обеих стран. В Западной Германии побывали все, кто составлял советскую культурную элиту. Очень многие из них были гостями семьи Максимычевых в Бад-Годесберге, пригороде Бонна. Конечно, не все шло гладко – в 1980 г. не удалось предотвратить западногерманский бойкот Московской олимпиады. В профессиональном смысле ИФМ многое почерпнул у В.С. Семенова, которого вместе с А.А. Смирновым и В.А. Зориным он относит к своим главным учителям.

В 1984 г. состоялось возвращение ИФМ в Генсекретариат. На этот раз промежутки между рабочими сменами использовались для подготовки книги, посвященной истории франко-германских отношений, материал для которой собирался уже давно. «Соседи по Рейну вчера и сегодня» вышли в свет под псевдонимом М.К. Симычев в 1988 г. Одновременно началась работа над докторской диссертацией на тему «Место ФРГ в системе межгосударственных отношений в Европе» (научный консультант – профессор А.А. Ахтамзян).

В 1986 г. ИФМ в качестве эксперта делегации СССР участвовал в очередном раунде проходивших в Женеве советско-американских переговоров о сокращении вооружений. Итоги этого раунда (равно как и состоявшейся одновременно с ним встречи М.С. Горбачева и Рональда Рейгана в Рейкьявике) не озаменовались позитивными

сдвигами, но для ИФМ контакты с американскими представителями были полезны, так как познакомили с характерными для США методами ведения международных дел. Во время заключительной неформальной встречи рабочей группы, в состав которой он входил, ИФМ прямо спросил о причинах отсутствия у делегации США, в отличие от переговорщиков с советской стороны, желания искать компромиссы. Старший из американцев с широкой улыбкой ответил: «А зачем? Вы же все равно в конце концов уступите». Дальнейший ход событий подтвердил, к сожалению, правильность его прогноза.

В 1987 г. ИФМ был командирован в Посольство СССР в ГДР на должность советника-посланника (заместителя посла). Сфера его компетенции включала не только чрезвычайно сложный комплекс отношений с Восточной Германией, являвшейся главным союзником СССР в Европе, но и весьма деликатные проблемы, связанные с Западным Берлином, который оставался занозой в теле социалистического содружества. Берлинская стена по-прежнему олицетворяла раскол Европы и мира. Немцы (и западные, и восточные) видели в ней символ отсутствия нормальных контактов между людьми. Стена входила во все более острое противоречие с атмосферой надежд и иллюзий, порожденных горбачевской перестройкой. Нетрудно было догадаться, куда будет направлен первый удар накапливавшегося недовольства немецкого населения. Посольство предупреждало об этом, однако М.С. Горбачев и Э.А. Шеварднадзе предпочитали выжидать.

Жизненный уровень граждан ГДР был самым высоким в социалистическом содружестве, однако они сравнивали свое положение с ситуацией не в СССР или в Польше, а в ФРГ, игравшей роль витрины «свободного мира». Линия СССР на разрядку приносила свои плоды, и «холодная война» подходила к концу. Это сказывалось не только во вне, но и внутри социалистического содружества. Готовность людей мириться с естественными в условиях напряженности ограничениями резко снижалась. СССР реагировал на эти изменения перестройкой своей политической и экономической жизни, но ГДР отказалась следовать примеру «старшего брата»: значительная часть ее правящей элиты считала намеченный М.С. Горбачевым путь гибельным. Политическое руководство ГДР оказалось расколотым. Если обозначившееся реформаторское крыло требовало скорейших перемен в стране, то консервативное большинство во главе с Эрихом Хонеккером отказывалось торопиться, надеясь, что все обойдется и так.

Разброд в верхах ГДР сопровождался обострением обстановки в стране, ростом раздражения и протестных настроений среди широких слоев населения. Разношерстная оппозиция, объединившаяся вокруг требования свободы поездок, использовала организационные структуры влиятельной в ГДР евангелической церкви. Методов нейтрализации такой ситуации найдено не было. Начинаясь после богослужения по понедельникам

уличные демонстрации в Лейпциге под лозунгом «Народ — это мы!» быстро стали общенациональным фактором дестабилизации. Предпринятая в такой обстановке смена руководства СЕПГ довершила возникшую сумятицу.

Хаотичная реализация решения новых лидеров ГДР об открытии КПП стены и германо-германской границы для свободного выезда и въезда восточных немцев не только не успокоила общество, но и создала фатальное впечатление, будто улица будет и дальше диктовать развитие событий в республике. Последующее мощное политическое и экономическое давление из Западной Германии размыло первоначальную решимость граждан ГДР сохранить, хотя бы временно, самостоятельность своего государства с его социальными достижениями и подтолкнуло к успешному присоединению к ФРГ. В течение одного года коренное изменение стратегической ситуации в Европе и в мире стало фактом.

Активная политика СССР была бы в состоянии если не предотвратить, то, по крайней мере, замедлить темпы ликвидации ГДР, что могло дать необходимый резерв времени для урегулирования постконфронтационной ситуации путем реального начала строительства «Большой Европы», вербально обещанной Москве Западом в качестве «компенсации» за утрату ГДР. Присутствие на восточногерманской территории почти полумиллионной Западной группы войск оставалось достаточно убедительным аргументом в пользу надежного обеспечения безопасности СССР на европейском направлении. Рекомендации берлинского посольства концентрировались на шагах, которые могли бы способствовать ограждению советских интересов на новом этапе развития.

Однако высшее руководство СССР, а затем и России продолжало считать односторонние уступки последним словом государственной мудрости. Разрушение великой державы явилось не только политической катастрофой, но и личной драмой людей, служивших России вне зависимости от ее политической системы. ИФМ подвел «по горячим следам» итоги своих берлинских впечатлений в серии статей в «Международной жизни» (1990–1995) и в книге «Последний год. Крушение. Реквием по ГДР» (1993). Он активно выступал в печати России и ФРГ с комментариями по поводу крупных внешнеполитических и внутривнутриполитических событий. Особое внимание он уделял сотрудничеству с «Независимой газетой», когда ее главным редактором был В.Т. Третьяков. По телевидению ФРГ регулярно демонстрируется

документально-игровая лента «Ставка – Германия» (Второе немецкое телевидение, в двух частях, премьерный показ 2–3 октября 2000 г.), где не только использовано большое интервью ИФМ, но и фигурирует советский посланник Максимычев, роль которого сыграл популярный актер с российскими корнями сэр Питер Устинов.

По возвращении из Берлина ИФМ подал в отставку, поскольку не мог участвовать в разрушении внешнеполитической службы, проходившем под руководством А.В. Козырева со товарищи. В начале 1993 г. его пригласили работать в Институте Европы РАН. В 1994 г. он защитил в МГИМО докторскую диссертацию в области политических наук. В последующие годы им был осуществлен ряд значительных исследовательских проектов. Среди них публикация в серии докладов Института Европы части записок берлинского периода под заголовком «„Народ нам не простит...“ Последние месяцы ГДР. Дневник советника-посланника посольства СССР в Берлине» (2002), подготовка ряда глав («Роль ФРГ в мировой политике», «Российско-германские политические отношения», «Культурно-цивилизационные аспекты») для коллективной монографии «Германия. Вызовы XXI века» (2009), выпуск в свет монографии «Падение Берлинской стены» (2011).

Помимо исследовательской деятельности много места и времени занимают выступления на международных конференциях, публицистика, интервью для российских и германских СМИ. ИФМ является сопредседателем Научного совета российско-германского музея Берлин-Карлсхорст (Музей капитуляции), экспертом Комитета по международным делам Совета Федерации Федерального Собрания России, членом экспертного совета Фонда исторической перспективы.

С 1995 г. доктор политических наук И.Ф. Максимычев — главный научный сотрудник Института Европы РАН. Он один из ведущих германистов, знаток немецкого языка, крупный специалист по европейской безопасности и взаимоотношениям с НАТО, неутомимый пропагандист «Большой Европы» с равноправным участием России. Его сильной стороной остается знакомство с «закулисной стороной» дела, точное знание того, как принимаются внешнеполитические решения.

Golovlyov Y.F. Maksimychiev I.F.: diplomat, germanist, advocate of "Big Europe".

Мариано Рахой: политический портрет

Н.Е. Аникеева

Mariano Rajoy. En confianza. Mi vida y mi proyecto de cambio para España. Barcelona. Planeta. 2011. P. 255. Мариано Рахой. Конфиденциально. Моя жизнь и программа перемен для Испании. Барселона: Планета, 2011. 222 с.

По жанру книга известного испанского политика Мариано Рахой Брея представляет собой мемуары. Первая часть книги посвящена основным этапам личной и политической биографии нынешнего главы правительства Испании. Вторая половина раскрывает суть его программы по преобразованию страны, одновременно повествуя об истории Испанской консервативной партии, одной из двух основных политических сил Испании. Мариано Рахой Брей родился в 1955 г. в Сантьяго-де-Кампостела, в Галисии. Получил юридическое образование. В 23 года занял должность регистратора недвижимости. Женат. Имеет двоих детей. В 1989 г. Рахой был назначен членом Исполнительного национального комитета Народной партии и представителем Понтеведры. С 1990 г. – заместитель председателя НП. В 1996 г. выступал в качестве руководителя предвыборной кампании партии испанских консерваторов. В марте 1996 г. Народная партия победила на выборах.

В 2000 г. Рахой вновь возглавил предвыборную кампанию, тогда НП опять получила абсолютное большинство мест в парламенте. После выборов он был назначен первым вице-премьером и министром администрации Аснара. С 1999 г. Рахой – министр образования и культуры, в 2001–2002 гг. возглавлял министерство внутрен-

них дел Испании. В 2002 г. он вновь был избран заместителем генерального секретаря, а в 2004 г. – генеральным секретарем Народной партии. Кандидатуру Рахой на эту должность предложил тогдашний премьер Испании и лидер правящей НП Х.М. Аснар.

По сути, это означало автоматическое выдвижение Рахой кандидатом на пост премьера на выборах 2004 г. и 2008 г., на которых, однако, выиграла Испанская социалистическая рабочая партия. Долгожданную победу на парламентских выборах консерваторы во главе с Мариано Рахоем одержали только в 2011 г.

Первую главу книги Рахой посвятил своим родителям, которые сыграли важную роль в его становлении как личности, помогли получить ему юридическое образование. Во второй главе известный политик объясняет причины, по которым он решил вступить в ряды Народной партии: во-первых, в этой партии у него было много соратников; во-вторых, в 1980-х гг. жизнь в Испании была «на пике политической активности». В результате принятия демократической Конституции 1978 г. в стране был восстановлен консенсус ведущих политических сил страны, утраченный в период франкизма; в-третьих, важную роль после проведения первых демократических парламентских выборов стали играть такие политические

Аникеева Наталья Евгеньевна – д.и.н., профессор кафедры ИПСЕА МГИМО(У) МИД России.
Email: vestnik@mgimo.com

партии, как Союз демократического центра, Народный Альянс (НА), который в 1989 г. был переименован в Народную партию.

В 1996 г., после победы НП во главе с Х.М. Аснаром на очередных парламентских выборах, Рахой был назначен министром общественной администрации в новом правительстве. Этот год был для него знаменателен тем, что в декабре 1996 г. состоялась его свадьба с Эльвирой Фернандес Бальбоа, с которой он познакомился в 1992 г.

Что касается оценки деятельности правительства «народников» в период с 1996 по 2004 г., то Рахой считает, что в это время в Испании произошли большие перемены, в результате которых страна превратилась в благополучное государство. За восемь лет в Испании удалось сократить безработицу, страна вошла в валютный союз и перешла на наличный евро, что стало несомненным успехом правительства.

Последняя глава мемуаров посвящена Испании в период мирового экономического кризиса. Известный политик утверждает, что опыт его государственной деятельности показывает, что выход из той непростой ситуации, в которой находится в настоящее время испанская экономика, возможен. Для этого необходимо создавать рабочие места, вернуться к экономическому росту и оптимизму.

Следует отметить, что в своих мемуарах глава правительства правящей Народной партии рассказал о своем жизненном пути, политической карьере, личном опыте, а также «о внутриполитической ситуации в Испании, о перспективах развития страны и о тех больших переменах, которые произошли в мире за последние двадцать лет». Книга была издана незадолго до досрочных парламентских выборов в 2011 г., поэтому в заключительных разделах Рахой фактически знакомит читателей со своей избирательной программой. В частности, речь идет о тех мерах, которые, на его взгляд, необходимо было предпринять в экономической, социальной, внешней политике Испании, а также в области обеспечения безопасности в Европе.

Что касается взглядов Рахоя на основные международные проблемы, то круг этих вопросов определяется следующими темами: место и роль Испании в мире, ее отношения с Европой и США. По его мнению, Испания должна была добиваться усиления своего влияния на мировую политику.

Всего через год после прихода к власти 20 ноября 2011 г. Мариано Рахой и руководст-

во Народной партии оказались вовлеченными в получивший название «Дело Барсенаса» коррупционный скандал, который разразился в январе 2013 г. Таким образом, новый испанский премьер столкнулся с кризисом доверия со стороны испанских граждан.

В связи с этим 20 февраля 2013 г. в Конгрессе депутатов, испанском парламенте, Рахой предложил на рассмотрение два документа. Первый пакт направлен на антикоррупционную борьбу в среде политиков. Премьер назвал коррупцию «непростительной», так как она разрушает основу гражданского общества и демократию. Он подчеркнул, что «намерен сделать все возможное для восстановления доверия граждан к политикам». Пакт подразумевает регламентирование счетов политических партий, профсоюзов, обязательное утверждение их депозитов в государственном реестре, контроль всех партийных доходов и расходов, проведение финансовых аудитов должностных лиц. Второй документ представлял собой план стимулирования экономики и содержал в себе механизм поддержки предпринимателей. Как писал об этом Рахой, «речь идет о втором этапе реформ правительства Народной партии, направленных на ускорение экономического роста и создания рабочих мест, а также о предоставлении налоговых скидок и льгот для компаний». Год нахождения у власти НП показал, что режим жесткой экономии для оздоровления экономики и финансов страны оказался недостаточным.

Тем не менее Мариано Рахой заявил с трибуны Конгресса депутатов, что худший период экономического кризиса в Испании пройден, так как дефицит испанского бюджета в 2012 г. составил около 7% ВВП и был ниже по сравнению с 9% ВВП в 2011 г. Помимо тяжелой ситуации в экономике правительство Рахоя оказалось перед проблемой изменения государственного устройства в связи с взятых Каталонией курса на отделение от Испании. Оно объявило себя открытым для диалога с регионами. Сам Рахой не изменил своего отрицательного отношения к сепаратистским планам политических сил Каталонии, заявив, что «необходимо уважать Конституцию, которая, кстати, также открыта для реформы». В 2013 г. М. Рахой намерен продолжить свой политический курс, направленный на оздоровление экономики и стабилизацию жизни общества и государства.

Anikeeva N.E. Mariano Raho: political portrait.

Правовые и международные аспекты сохранения и использования культурного наследия

А.Е. Бусыгин

Александров А.А. Российская Федерация в международном сотрудничестве в сфере культурного наследия: Учебное пособие для магистратуры по направлению 081100 – Государственное и муниципальное управление/Отв. ред. В.И.Уколова. М.: Проспект, 2012. 264 с.

Появление практического руководства по основам международного сотрудничества Российской Федерации в области культурного наследия весьма актуально. Российская Федерация плотно интегрирована в международное культурное пространство. В предшествующие десятилетия заметно возросла активность многосторонних культурных контактов, увеличилось число участников, усилилась роль прямых гуманитарно-культурных связей между учреждениями культуры. Знаковыми событиями становятся ежегодное проведение «Перекрестных годов культуры», совместных выставочных проектов, международных фестивалей и других культурных мероприятий.

Взаимодействие Российской Федерации с иностранными партнерами осуществляется на уровне государства, организаций и частных лиц. Учебное пособие А.А. Александрова «Российская Федерация в международном со-

трудничестве в сфере культурного наследия» посвящено системной деятельности государственных структур и субъектов гражданского права в области культуры. В работе дается представление о полномочиях и функциях уполномоченных органов государственной власти, учреждений культуры и общественных объединений. Большим достоинством книги является наличие обширной законодательной базы по вопросам владения, охраны, использования и перемещения культурного наследия России. Аспекты национального законодательства даются в контексте международной системы правового регулирования в указанной сфере. Степень освещения в работе практических вопросов международного права в области культуры проявляет себя в режиме актуальности.

Автор всесторонне освещает вопросы ответственности и разграничения компетенции органов власти, организаций в сфере культу-

Бусыгин Андрей Евгеньевич – д.э.н., заместитель министра культуры Российской Федерации.
E-mail: info@mkrf.ru

ры. Пособие содержит детальный анализ взаимодействия российских структур с иностранными партнерами по вопросам культуры. Характерной, отличительной чертой работы А.А. Александрова является то, что читателю предлагается не только теоретико-правовой материал, но и практические случаи применения правовых актов. Подлинные факты отражают деятельность государственных институтов и организаций культуры Российской Федерации по вопросам многостороннего и двустороннего сотрудничества.

Материал изложен ясным и доступным языком, легко воспринимается и усваивается. Отдельного внимания заслуживает структура книги А.А. Александрова. Работа строится таким образом, чтобы создать по возможности целостное восприятие системной деятельности нашего государства в сфере культурного наследия. Тематический подбор материала подчинен строгой логике. Каждый раздел книги имеет самостоятельную ценность, в то же время тесно переплетается с другими. Методический уровень материала делает возможным использование его в академических технологиях по линии изыскания оптимальных методов восприятия предмета.

Бесспорным достоинством пособия является обширный список источников и би-

блиографический указатель, что способствует углубленному и всестороннему изучению затронутых в работе вопросов. Несомненно, эта полезная информация будет востребована читателями и поможет получить им глубокие знания. Работа А.А. Александрова – это практически новое, адаптированное к современным реалиям учебное пособие. Книга существенным образом положительно отличается от уже имеющейся литературы по заявленной проблематике в параметрах новизны и глубины исследования.

Можно констатировать, что учебное пособие Алексея Анатольевича Александрова «Российская Федерация в международном сотрудничестве в сфере культурного наследия» представляет несомненный теоретический интерес и практическую значимость и будет полезно не только студентам и аспирантам, но и государственным служащим. Оно может быть использовано в практической деятельности должностных лиц, занимающихся правовыми и международными аспектами сохранения и использования культурного наследия.

Busygin A.E. Legal and International Aspects of Preservation and Use of a Cultural Heritage.

Победа под Сталинградом в мировых геополитических координатах

Н.Н. Большова

В соответствии с Перечнем мероприятий на 2013 г., проводимых Российским организационным комитетом «Победа» по празднованию 70-летия победы Красной армии под Сталинградом, 14 февраля с.г. в Университете состоялась международная конференция «Влияние победы под Сталинградом на геополитическое положение в мире». В конференции приняли участие представители посольств ряда государств – членов антигитлеровской коалиции, ответственные работники МИД РФ, других министерств и ведомств, ОАО «Концерн «Алмаз–Антей» и др.

Заместитель Председателя Правительства РФ Д.О. Рогозин в своем приветствии выразил уверенность в том, что организованная МГИМО конференция является «прекрасным способом почтить наших ветеранов в год 70-летия Великой победы на Волге». С приветственным словом к участникам конференции обратился ректор МГИМО, академик РАН А.В. Торкунов, подчеркнув, что «Сталинградская битва – это не только событие всемирно-исторического значения и масштаба, но и важнейшее национальное событие, в ходе которого произошла консолидация и мобилизация национального духа граждан всей страны». Он подробно остановился на проблеме сохранения исторической, национальной и международной памяти о тех событиях. «Сохранение памяти о победе под Сталинградом, о героях этой битвы, в какой

бы стране они сегодня ни находились, имеет исключительно важное значение для настоящего и будущего России, для объективного восприятия хода и итогов Великой Отечественной войны», – подчеркнул он в завершении своего выступления.

Чрезвычайный и Полномочный Посол Словацкой Республики Йозеф Мигаш в своем выступлении отметил важное значение Сталинградской битвы для консолидации антигитлеровской коалиции и победы над гитлеровской Германией. Он рассказал о противоречивой роли словацкого народа во Второй мировой войне. Став жертвой «Мюнхенского сговора», Чехословакия была «без боя» отдана Германии, которая установила в ней марионеточное правительство», которое приняло решение об отправке словацких солдат на восточный фронт, сражаться вместе с войсками вермахта против Красной армии. Словацкий народ не принял это решение, но сделать ничего не мог. «Бессильное отчаяние» прослеживается в документальных материалах той поры.

Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Сербия Славенко Терзиц особо отметил в своем выступлении необходимость продолжения научного исследования роли Сталинградской битвы как переломного момента Второй мировой войны и поворотного пункта в развитии всего мира. По его мнению, актуальность исследования данных событий связана

Большова Наталья Николаевна – к.полит.н., начальник Управления научной политики МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

прежде всего с усилением националистических тенденций, «духа реваншизма» и попытками «ревизии истории» в некоторых государствах Европы в последние десятилетия.

Заместитель руководителя «Россотрудничества» Г.Л. Мурадов в своем выступлении особо подчеркнул недопустимость оправдания фашизма и нацизма и рассказал о деятельности по борьбе с фальсификацией истории Федерального агентства, о серии просветительских мероприятий (лекций, выставок, встреч с учеными и ветеранами), посвященных Сталинградской битве. По его словам, Сталинградская битва как переломный момент в истории нашей страны и Второй мировой войны может быть охарактеризована как свидетельство устойчивости евразийской цивилизации, которая сплавляет в себе народы разных конфессий, национальностей и идентичностей и является на сегодняшний день центром цивилизационного притяжения. Опыт России показывает, что единство народов достигается не через плавильный котел, а за счет мирного сосуществования между народами при сохранении их идентичности.

Главный редактор журнала «Международная жизнь» А.Г. Оганесян посвятил свой доклад анализу исторической роли Сталинградской битвы в контексте стратегии третьего рейха.

На основе новых архивных документов, академик РАН Георгий Куманев свидетельствует о роковой «недооценке Верховным главнокомандующим сил и возможностей вермахта и переоценке мощи Красной армии». Причина таких искаженных представлений лежала в тех спорных сведениях о потерях, которые представляло в ставку Главное разведывательное управление.

2 февраля в 14 часов над притихшим, до основания разрушенным Сталинградом пролетел одинокий самолет-разведчик немцев. Он послал короткую радиogramму: «Никаких признаков боев в Сталинграде». Бесповоротность последующего хода войны для любого здравомыслящего человека, не говоря уже об историках, заключается, конечно, не только в боевых и материальных потерях.

Тем не менее ни в одной битве вермахт не терял 1,5 млн солдат и офицеров, иными словами, четверть войск Германии, задействованных на всей бесконечной протяженности Восточного фронта. Число военнопленных, по советским данным, превысило 154 тыс. человек, по немецким – 113 тыс.

Академик Георгий Куманев процитировал генерала Бутлара, который отчетливо осознал бесповоротность хода войны после Сталинграда: «Германия не просто проиграла битву и потеряла испытанную в боях армию. Она потеряла ту славу, которую приобрела в начале войны и которая уже начала меркнуть в боях под Москвой зимой 1941 г. Это была потеря, которая в самом скором времени должна была

исключительно отрицательно повлиять на весь ход войны...».

Один берлинский дипломат свидетельствовал о том, что кризис охватил все слои немецкого общества, «не только руководство и правящий режим, но и всю Германию. Он символизируется одним словом – «Сталинград».

Сталинград развеял мечты Берлина о вступлении Японии и Турции в войну на его стороне, а вскоре и Италия разорвала союзнические отношения с Третьим рейхом. Наконец, Сталинград, сорвав все геополитические планы Гитлера, подготовил почву для открытия Второго фронта. Сталинград, обескровивший вермахт не только в количественном, но и в качественном отношении, по сути, снял опасения Вашингтона и Лондона, что Гитлер сможет усилить свои войска на Западе за счет переброски дивизий с восточного фронта.

Люди, прошедшие огненное испытание, так же ощущали «надмирность» и великий смысл происходившего под Сталинградом. Куманев уместно цитирует философа Ивана Ильина: «Патриотизм может жить и будет жить лишь в той душе, для которой есть на земле что-то священное, которая живым опытом испытала объективность и безусловное достоинство этого священного – узнала его в святынях своего народа». И это не только русский, но и всемирно-исторический смысл Сталинградского подвига.

Заведующий кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО В.О. Печатнов акцентировал внимание в своем докладе на проблеме открытия второго фронта. Он отметил, что при ретроспективном взгляде действительно кажется, что альтернативы победе под Сталинградом не было, но ведь тогда ситуация представлялась совсем иначе. Неизбежности победы осенью 1942 г. не ощущалось. Данные американских военных архивов подтверждают, что у американского командования были разработаны планы на случай поражения под Сталинградом. Одним из таких документов является доклад «Стратегическая политика объединенных наций Соединенных Штатов в случае разгрома России». Доклад был одобрен начальниками военных штабов США в августе 1942 г. и положен на полку в ожидании развития ситуации. В нем рассматривались именно глобальные геополитические последствия поражения России на Восточном фронте в 1942 г. В документе подчеркивалось, что «падение России станет катастрофой, которая поставит США в отчаянное положение», а «континентальная Европа будет полностью и надолго потеряна для союзников, поскольку ликвидация первого советско-германского фронта сделает невозможным второй фронт. Получив доступ к ресурсам СССР, Германия с ее союзниками станет практически непобедимой в прямом военном противостоянии».

Максимум, на что смогут рассчитывать союзники в таком случае, – это удержание Бри-

танских островов, но и там ожидалось усиление прогерманских настроений, вероятное падение режима Черчилля и заключение сепаратного мира с Германией. В целом крах СССР в 1942 г., отмечалось в британском документе, вызовет цепную реакцию по всему миру:

- прекратится движение Сопrotивления по всей Европе;
- развалится Британская империя, кроме Канады, Австралии и Новой Зеландии;
- резко усилятся прогерманские настроения на Ближнем Востоке и в Латинской Америке;
- соединение германских и японских армий на Ближнем Востоке лишит союзников доступа к нефти»

– США окажутся запертыми в Западном полушарии».

Перспективы рисовались настолько мрачными, что в этом документе даже рассматривался вариант заключения сепаратного мира США с Германией (или с обеими странами «оси»). Однако такой вариант был сочтен неприемлемым, так как при таком варианте США утратили бы свое положение ведущей державы и в дальнейшем оставались перед странами «оси» без союзников. В плане не предусматривалось усиление помощи союзникам, ибо в создававшейся ситуации, как подчеркивалось авторами, США придется думать прежде всего о себе.

Интересно, что в этом плане рассматривалось и психологическое воздействие подобного краха на американское общество, разрабатывались даже мероприятия по линии психологической войны, чтобы смягчить воздействие подобных испытаний на американскую общественность и подготовить ее к возможности такого поворота в ходе войны. Надо сказать, что американские планировщики вполне реалистично и трезво оценивали перспективы, с которыми могли столкнуться США в случае поражения СССР.

Тогда возникает вопрос: «Почему при таких высоких геополитических ставках этой битвы союзники не пошли на более активные военные действия, чтобы оказать помощь Советскому Союзу уже в 1942 г.?» Известен план операции «Кувалда», который предлагало американское командование, – высадка 6–8 дивизий на севере Франции уже в 1942 г., чтобы хотя бы часть сил вермахта снять с Восточного фронта. Она была заблокирована англичанами, и американцы довольно легко от нее отказались. Вместо того, как известно, была предложена операция «Факел» – вторжение на север Африки, хотя само американское командование в своих внутренних оценках называло эту операцию «булавочным уколом», который будет лишь распылять силы союзников, откладывая большое вторжение на европейский континент и в то же время не окажет реальной помощи Советскому Союзу. «Факел» создавал дополнительные проблемы. Из-за потребностей операции «Факел» были сокращены на какое-то время поставки

по ленд-лизу, затем Лондон отменил очередной северный конвой. В Москве эти решения были восприняты как двойной отказ: отказ от поставок по северному маршруту очень нужных материалов и отказ организации второго фронта в 1942 г.

Профессор МГИМО и Академии военных наук М.Ю.Мягков в своем докладе отметил, что с середины 1942 г. внимание всех воюющих держав было приковано к гигантской битве, развернувшейся на Волге у стен Сталинграда. Немцы рвались к Кавказу, и, казалось, вновь смогли поставить Красную армию на грань поражения.

Конец 1942 г. – время начала советского контрнаступления под Сталинградом, – стало знаковым событием, которое подвигло политическое и военное руководство США и Великобритании к окончательному признанию того факта, что отношения с Советским Союзом имеют важнейшее значение для всего дальнейшего хода войны и ее результатов. В Вашингтоне также понимали, что без участия все более набирающей силы и международный авторитет России теперь невозможно серьезно обсуждать какие-либо решения о создании прочного фундамента безопасности в послевоенное время, вопросы о будущем многих европейских стран, прежде всего, Германии.

В январе 1943 г. Рузвельт, выступая на совместном заседании членов Палаты представителей и Сената подчеркнул, что «Самые большие и самые значительные изменения во всей стратегической обстановке произошли в 1942 г. на громадном советско-германском фронте... Объединенные нации могут и должны оставаться объединенными и после войны для поддержания мира и предотвращения новых попыток со стороны Германии, Японии, Италии, либо другой какой-либо нации подвергнуть насилию десятую заповедь – «Не пожелай дома ближнего твоего».

Однако после Сталинградской победы в оценках Рузвельта будущего взаимодействия с Москвой появились элементы сомнения и тревоги. Как представляется, президент США, еще ни разу не встречавшийся с советским лидером и не имевший с ним личных доверительных контактов, стал опасаться, что поднимающаяся Россия применит в Европе политику односторонних действий. И эта политика будет идти вразрез с интересами Запада.

Но Рузвельт был убежден в первостепенной необходимости одержать победу над наибольшим злом, угрожающим всему миру и человеческой цивилизации. Коммунизм не представлялся ему столь опасным, поскольку концентрировал, как он полагал, свои усилия на пропаганде, тогда как нацизм – на принуждении и силе. Рузвельт желал скорейшего налаживания личных контактов со Сталиным, в ходе которых можно было договориться о создании постоянно действующей мировой организации. Он был полон решимости убедить советского

лидера, что такая организация будет наилучшим образом отвечать интересам СССР.

Решение многих проблем будущего устройства Европы было тесно связано с подготовкой англо-американскими силами вторжения на континент через пролив Ла-Манш. Известно, что в первой половине 1943 г. проблема второго фронта вызвала самые серьезные разногласия между союзниками по антигитлеровской коалиции. В целом, на протяжении 1941–1944 гг. она занимала первостепенное место во взаимоотношениях СССР с США и Великобританией.

В сложившейся ситуации нельзя не прийти к выводу, что обе стороны (СССР и США) подозревали друг друга в нечестной игре. Если Рузвельт прислушивался к советам Буллита, видевшим в России источник коммунистической экспансии, то Сталин имел основания задуматься о причинах постоянных отсрочек десантной операции во Франции. Устранить подозрения, добиться большего взаимопонимания, скорректировать стандарты поведения в рамках единой коалиции возможно было только в результате личной встречи лидеров союзных держав.

После Сталинградской битвы в Госдепартаменте активизировали свою работу комитеты и подкомитеты, занимавшиеся вопросами прогнозирования роли Америки и других стран в послевоенном мире. Со своей стороны, в Москве также следили за своими союзниками, их военными приготовлениями и политическими решениями. Чуть позднее, осенью 1943 года, при НКВД была образована Комиссия по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства, которую возглавил бывший посол в США М. Литвинов (так называемая «комиссия Литвинова»).

Весну–лето 1943 г. можно датировать как время, когда Рузвельт внутренне уже смирился с вхождением в состав Союза ССР территорий, присоединенных к нему в 1939–1940 гг., за исключением некоторых участков границы, которые он считал пока спорными. Так, во время визита А. Идена в Вашингтон в марте 1943 г. он недвусмысленно высказался за то, чтобы Бессарабия оставалась в составе СССР, а восточная граница Польши проходила по линии Керзона.

Рузвельт сказал также, что придется согласиться с воссоединением балтийских государств с Россией, но это согласие следует использовать как объект торговли, чтобы добиться от России уступок по другим вопросам.

Анализ динамики отношения Рузвельта к вопросу о восстановлении довоенных границ СССР наглядно показывает, как тесно его позиция была связана с боевыми действиями на Восточном фронте. После разгрома немецких войск на Курской дуге суждения Рузвельта о потенциале СССР стали еще более определенными. В разговоре с кардиналом Спеллманом, с которым он был в довольно доверительных отношениях, президент сказал, что после войны Россия будет «доминировать в Европе». В этих высказываниях четко просматривается тенденция обеспечить контроль над безопасностью планеты по региональному принципу. Другими словами, в расчетах Рузвельта присутствовали конкретные зоны влияния со своими четырьмя «полицейскими». Президент говорил и о «доминирующем» влиянии СССР в Европе, из чего можно заключить, что, будучи достаточно практичным политиком, он не мог не понимать, насколько сильными стали позиции СССР. Практические шаги по разрешению послевоенных вопросов между лидерами ведущих держав антигитлеровской коалиции были предприняты уже вскоре на Тегеранской конференции 1943 г., а затем в Крыму и Потсдаме в 1945 г.

С докладами на конференции также выступили заведующий кафедрой истории, философии и культурологии МГГУ им. М.А. Шолохова Ю.А. Никифоров, член-корреспондент РАЕН А.А. Падерин, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО С.М. Монин, с.н.с. Института международных исследований МГИМО Л.Ю. Гусев и другие.

Директор Института международных исследований МГИМО А.А. Орлов представил вниманию гостей книгу о Сталинградской битве, специально подготовленную к ее 70-летию издательством МГИМО-Университета.

Bolshova N.N. Geopolitical Role of Stalingrad Battle.

Реформирование послевузовского образования в России: опыт МГИМО

П.И. Касаткин, М.В. Харкевич

В начале XXI в. распространение и развитие информационных и коммуникативных технологий позволили не только государствам, но и другим акторам – НПО, ТНК, внутригосударственным регионам и мегаполисам, различным движениям и т.п. – активно взаимодействовать на глобальном уровне в принципиально иных масштабах и тем самым активно влиять на политические процессы. В результате границы между политикой, экономикой и образованием стали прозрачными¹, как и границы между национальными государствами, что явилось вызовом национальному суверенитету и всей государственно-центристской мировой системе в целом. Новые акторы стали той силой, которая способна «оказывать влияние на ценности, поведение и коллективный выбор больших групп людей и таким образом опосредованно влиять на процесс принятия решений во властных структурах»².

Качество и содержание этого влияния потребовали принципиально иного уровня подготовки кадров. Различия в уровне образования в результате становятся главной причиной различий доходов. По данным В. Иноземцева, в США с 1978 по 1987 г. в среднем доходы работающих выросли на 17%, в то время как доходы выпускников колледжей – на 48%. При этом у лиц с незаконченным высшим образованием они фактически упали на 4%³.

Высшее образование становится все более привлекательным, а количество студентов в стране – индикатором ее успешного развития. Высшее образование в современном мире претерпевает удивительные метаморфозы, становясь одной из ведущих сфер реформирования, интеграции, международного сотрудничества и т.д. 2011–2012 гг. ознаменовались принятием комплекса мер по совершенствованию нормативного регулирования подготовки аспирантов и деятельности диссертационных советов в системе послевузовского образования в России.

Ряд принятых нормативных документов внес существенные изменения в порядок деятельности Высшей аттестационной комиссии, Министерства образования и науки, Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, диссертационных советов. Внесены коррективы в порядок лицензирования и государственной аккредитации послевузовских образовательных программ, утвержден регламент открытия докторантур и аспирантур в высших учебных заведениях и научных организациях. Все вышеперечисленные нормативы введены с целью упорядочить деятельность диссертационных советов и аспирантур в России, повысить качество научных трудов и конкурентоспособность отечественной науки.

Как отметил министр образования и науки РФ Д. Ливанов, «право на реализацию программ магистратуры, тем более аспирантуры, получают

Касаткин Петр Игоревич – к.полит.н., нач. отдела докторантуры и аспирантуры МГИМО(У) МИД России.
E-mail: kasatkin@mgimo.ru

Харкевич Максим Владимирович – к.полит.н., нач. отдела научной статистики МГИМО(У) МИД России.
E-mail: kharkevich@mail.ru

В статье использовались данные, полученные в рамках исследования, выполняемого при финансовой поддержке РГНФ в проекте проведения научных исследований «Поиск новых моделей социально-экономической организации: университет как организационная парадигма экономики знаний», проект № 12-02-00511.

вузы только с высоким уровнем научной работы. Это означает, что в России может быть 120–150 университетов, которые будут реализовывать программы магистратуры, еще меньше – аспирантуры, совсем мало получают право присваивать ученые степени, остальные будут заниматься бакалавриатом»⁴. Ранее он же отмечал, что «нужно выработать простые, понятные всем правила и критерии. Это в первую очередь наличие реальных научных исследований. Если они являются фундаментальными, то должны быть подтверждены публикациями в лицензируемых журналах высокого уровня. Если прикладными, то количеством патентов, денег, которые организация получает от бизнеса и т.д.»⁵.

Высказанные министром образования идеи нашли отражение в нормативной базе. Так, при открытии докторантуры или аспирантуры, согласно Административному регламенту, приводятся сведения о финансировании научных исследований и разработок, проводимых и (или) проведенных заявителем по тематике заявляемой специальности в рамках договоров (контрактов); проектов за два года, предшествующие году подачи заявления с указанием для каждого из них:

- наименования и реквизитов;
- сроков выполнения;
- источников финансирования;
- основных результатов, полученных на конец отчетного года (не более трех);

– объема финансирования за отчетный год⁶. Причем объем финансирования научных исследований и разработок, проводимых и (или) проведенных заявителем по тематике заявляемой специальности за указанные два года должен составлять не менее 2 млн руб. В противном случае это требование может послужить одним из оснований для отказа в открытии докторантуры и аспирантуры⁷.

Не менее серьезные требования предусмотрены и к кадровому потенциалу вуза, претендующего на право подготовки аспирантов. В этом случае «численность штатных работников заявителя, имеющих ученую степень по одной из отраслей наук, по которым в соответствии с Номенклатурой специальностей научных работников предусмотрена защита диссертации по заявляемой специальности, и опубликовавших не менее трех научных работ по тематике заявляемой специальности в научных изданиях за пять лет, предшествующих моменту подачи заявления, должна составлять не менее семи человек, в том числе докторов наук – не менее четырех человек». Для открытия докторантуры численность штатных работников должна составлять не менее десяти человек, из них докторов наук – не менее шести человек»⁸.

Указанные требования являются трудно-выполнимыми для значительной части вузов России, подчас не имеющих в своем штате достаточного количества докторов наук, активно публикующихся по избранной специальности. Не менее сложным представляется выполнение

критерия по привлечению финансирования НИ-ОКР. Объемы средств привлеченных МГИМО в 2012 г. – 40 млн руб.⁹, в то время как для выполнения требования по финансированию научных специальностей они должны составлять 56 млн руб. По критерию финансирования МГИМО не достигает приемлемого уровня и по оценкам Министерства образования и науки, что было выявлено в ходе проведенного мониторинга деятельности вузов Российской Федерации¹⁰.

Вместе с тем в остальном МГИМО вполне способен отвечать требованиям, предъявляемым к вузам, в которых могут быть сохранены программы аспирантской подготовки: успешно проведенная в январе 2012 г. аккредитационная проверка подтвердила выполнение всех требований к реализации послевузовских образовательных программ. В свете курса на закрытие аспирантур в большинстве вузов России именно сегмент послевузовского образования станет наиболее востребованным в вузах-лидерах. Для повышения конкурентоспособности МГИМО приоритетными становятся вопросы:

- насколько эффективно осуществляется научное руководство аспирантами и соискателями;
- каков процент защищаемости научных работ в диссертационных советах МГИМО;
- насколько интересна, уникальна и привлекательна образовательная составляющая подготовки аспиранта;
- насколько развиты программы международного обмена и мобильности для аспирантов, программы двойных дипломов, совместных аспирантур с вузами-партнерами;
- насколько эффективно управление аспирантской подготовкой в МГИМО, где число обучающихся по различным формам послевузовских программ превышает 700 человек.

В случае реализации озвученной Д. Ливановым стратегии на сокращение числа аспирантур ожидается, что МГИМО должен будет способен в разы увеличить набор аспирантов. На смену происходившему эволюционному увеличению числа претендующих на бюджетные места придет резкий скачок числа желающих продолжить научную работу в аспирантуре. Если в 2010 г. набор происходил на 90 бюджетных мест, то в 2011 г. количество выделенных мест составило 97. А в этом году производится набор на 113 бюджетных мест.

В 2010 г. набор в аспирантуру МГИМО производился на 18 научных специальностей в рамках шести отраслей наук, в 2011 г. – на 20 научных специальностей, в 2012 г. – на 28 специальностей в рамках девяти отраслей наук.

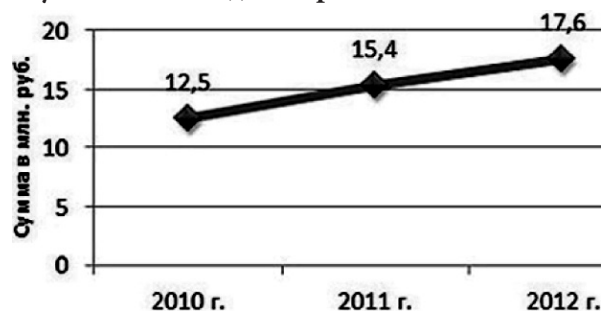

Расширение спектра предоставляемых образовательных услуг существенно отразилось на конкурсе среди поступающих. Если в 2010 г. он составлял 1,2 человека на место, то в этом году по ряду отраслей количество заявлений в три раза превышает число выделяемых бюджетных мест.

Как следствие, растет число лиц, подающих заявления на обучение на договорной основе. В 2010 г. поступления в бюджет МГИМО от обучающихся по послевузовским образовательным программам составили 12,5 млн руб., в 2011 г. – 15,4 млн руб., в 2012 г. ожидаемый объем поступлений – 17,6 млн руб.

Поступления в бюджет МГИМО(У) от обучающихся на договорной основе

Качественная подготовка специалистов в области социальных наук – актуальная проблема как для современного российского высшего образования, так и для общества в целом. От того, насколько грамотными и подготовленными окажутся выпускники аспирантуры МГИМО, во многом зависит успех проходящих в России реформ и качество российской политической элиты следующих поколений. Особенность ситуации, в которой оказался МГИМО, заключается в том, что Университет вынужден решать проблему повышения качества подготовки аспирантов одновременно с увеличением их числа и реформированием системы послевузовского образования в России в связи с вхождением РФ в Болонский процесс.

Перестраивая структуру образования в МГИМО, получившем право на самостоятельную разработку образовательных стандартов и содержание государственных образовательных программ, важно не только не потерять, но и улучшить качество этих программ, что является весьма непростой задачей. От того, насколько будет своевременно успешно решена эта задача, зависит во многом будущее МГИМО как центра вузовской науки и флагмана в сфере международных исследований.

Kasatkin P.I., Kharkevich M.V. Reforming Postgraduate Education System in Russian: the Case of MGIMO.

Примечания

1. Amos K., Keiner E., Proske M., Radtke F.-L. Globalisation: autonomy of education under siege? Shifting Boundaries between Politics, Economy and Education / European Educational Research Journal. 2002. Vol. 1. № 2. - p.193–213// www.worlds.co.uk/pdf/viewpdf.asp?j=eerj&vol=1&issue=2&year=2002&article=Introduction_EERJ_1_2&id=83.237.12.193
2. Михеев А.Н. Неправительственные объединения как акторы мировой политики / А.Н. Михеев // «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты: коллективная монография; под. ред. М.М. Лебедевой. М., 2008. С. 130.
3. Иноземцев В.Л. Расколотая цивилизация. М.: "Academia" – «Наука», 1999.
4. ria.ru/edu_higher/20120905/743789882.html
5. www.itogi.ru/archive/2007/48/11409.html
6. www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_12/m396.pdf
7. Там же
8. Там же.
9. www.mgimo.ru/news/inno/document229653.phtml
10. www.минобрнауки.рф/новости/2775

Конкурентоспособность университетов в пространстве Интернет

Н.Н. Большова, М.В. Харкевич

С 1 сентября 2013 г. вступает в силу постановление Правительства Российской Федерации, которое определяет правила размещения информации на официальных сайтах образовательных организаций¹. Новый «Порядок» разработан в соответствии с частью 3. Ст. 29 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»² и призван обеспечить открытость и доступность информации о структуре, кадровом, научно-исследовательском потенциале и различных программах образовательной организации. Обязательным требованием для университетов становится также размещение и обновление информации о направлениях и результатах научно-исследовательской деятельности организации.

Принятие подобного документа, устанавливающего обязательные требования к веб-сайтам всех российских вузов, свидетельствует не только о стремлении правительства обеспечить большую открытость вузов для российского общества, но и о возросшей роли веб-сайтов в развитии вузов, в том числе в оценке конкурентоспособности их образовательной и научной деятельности на региональном и мировом уровнях. Именно веб-сайт вуза используется рейтингом университетов мира «Webometrics» (разработан в 2004 г. испанской исследовательской группой Cybormetrics Lab³) в качестве главного источника всей информации о вузе, необходимой для оценки качества его образовательной и научной деятельности.

На сегодняшний день «Webometrics» является одним из наиболее авторитетных университетских рейтингов. В качестве его сильных сторон отмечают широкий охват вузов мира, высокую степень прозрачности методологии и результатов, а также

открытые «правила игры» для всех участников, независимо от таких факторов, как например, статус, профессиональная направленность, специализация и т.п. На официальном сайте «Webometrics», в частности, заявляется, что данный рейтинг строго придерживается Берлинских принципов ранжирования высших учебных заведений, его «конечной целью является постоянное улучшение и совершенствование методологии ранжирования в соответствии с набором согласованных принципов передовой практики»⁴.

В академической среде распространено мнение, что в отличие от показателей других академических рейтингов, отражающих отдельные аспекты образовательной деятельности и результаты научных исследований, веб-индикаторы рейтинга «Webometrics» дают более полное представление о вузе, так как отражают его сетевую активность, присутствие в интернете преподавателей, сотрудников, студентов⁵. При этом, как известно, методология «Webometrics» построена в основном на количественных методах анализа, в то время как другие мировые университетские рейтинги (THE Rankings, QS World University Rankings, ARWU), помимо количественных методов, учитывают также качественную оценку.

В феврале 2013 г. лаборатория «Cybormetrics Lab» при Высшем совете по научным исследованиям Испании опубликовала очередной рейтинг вузов по представлению вузов в сети интернет. Проранжировано в общей сложности 21 250 университетов мира. В первой сотне по традиции доминируют университеты США – 62 университета. В тройку лучших вошли веб-сайты Гарварда, Стэнфорда и Массачусетского технологического инсти-

Большова Наталья Николаевна – доцент кафедры политики и функционирования Европейского союза и Совета Европы МГИМО(У) МИД России, кафедры сравнительной политики МГИМО(У) МИД России. E-mail: varioukhina@gmail.com

Харкевич Максим Владимирович – ст. преподаватель кафедры мировых политических процессов МГИМО(У) МИД России. E-mail: kharkevich@mail.ru

Статья подготовлена при поддержке гранта РФНФ «Поиск новых моделей социально-экономической организации: университет как организационная парадигма экономики знаний», проект No. 12-02-00511.

туда⁶. От России в первую сотню попал только один университет – МГУ. И только 12 российских вузов вошли в первую тысячу общемирового рейтинга из 1213 российских вузов, принимавших участие в рейтинге в 2012 г.⁷

Присутствие столь малого числа российских вузов в топ-1000 «Webometrics» (12 из 1213) свидетельствует о том, что сайты большинства российских вузов просто не соответствуют стандартным требованиям участия в данном рейтинге, а скромные позиции 12 вузов, попавших в первую тысячу, скорее говорят нам о непопулярности их веб-сайтов на мировом уровне. В этом смысле логично, что политика правительства в отношении присутствия вузов в интернет-пространстве, включая вышеупомянутое постановление российского правительства, должна способствовать продвижению российских вузов в международном рейтинге университетов «Webometrics», чтобы вузы в качестве критериев эффективности своей интернет-политики могли также ориентироваться на критерии «Webometrics».

Согласно методологии «Webometrics» деятельность вузов оценивается по нескольким показателям, которые складываются в один композитный индикатор. Показатели можно разделить на 2 группы: заметность (visibility) и активность (activity). Каждая из этих групп имеет вес по 50%.

«**Заметность**» университета V (Visibility) составляет 50% рейтинга и определяется количеством уникальных внешних ссылок на университетский портал от систем Google, Yahoo, Live Search, Exalead.

«**Активность**» университета складывается из трех показателей (S, R, Sc), которые в сумме также составляют 50%, в том числе:

– 20% S (Size) – объем университетского портала (количество страниц, фиксируемое четырьмя поисковыми системами: Google, Yahoo, Live Search, Exalead);

– 15 % R (Rich files) – размер полезного контента в открытом доступе на портале (количество «насыщенных» файлов, представленных в форматах Adobe Acrobat (.pdf), Adobe PostScript (.ps), Microsoft Word (.doc) and Microsoft Powerpoint (.ppt) по показаниям специализированного поисковика Google Scholar;

– 15 % Sc (Scholar) – качество производимой научной продукции, оцениваемое по количеству материалов (документов, докладов, публикаций), содержащихся в базе Google Scholar).

Российские вузы могли бы существенно улучшить свои позиции на международном образовательном рынке, пользуясь преимуществами и возможностями «Webometrics». В частности, стратегия повышения позиций МГИМО в «Webometrics», принятая на заседании Ученого совета МГИМО в марте 2013 г., включает в себя следующие меры:

а) увеличение количество страниц на портале МГИМО путем присоединения к portalу всех сайтов относящихся к деятельности МГИМО (сайты журналов, издаваемых в МГИМО; сайт

центр военно-политических исследований, сайт ассоциации выпускников, сайты ИМИ, ЕУИ и т.д.);

б) увеличение количества файлов pdf, doc, docx, ppt, pptx на портале путем размещения в свободном доступе максимального количества научных и дидактических работ сотрудников, публикаций и диссертаций МГИМО;

в) проведение работы по популяризации портала МГИМО на порталах российских и зарубежных вузов, институтов РАН, некоммерческих исследовательских организаций и т.д.;

г) обратить пристальное внимание на поисковую систему Google Scholar. Обязать зарегистрироваться всех авторов МГИМО в данной системе в качестве исследователей;

Как видно из вышеописанной методологии рейтинга, в вебметриксе основным предметом исследования являются интернет ссылки на документы (links), а точнее – их количество. Аналогично этому, в библиометрии, которая используется в академических рейтингах, таким предметом являются ссылки на статьи (цитаты), обрабатываемые базами данных Scopus, Web of Science. Однако приравнивать интернет-ссылки и цитаты неправильно, так как гиперссылки обычно ставятся по другим причинам и в большинстве случаев имеют искусственное и эфемерное значение и происхождение. А это значит, в свою очередь, что к выводам, которые делаются из анализа гиперссылок, нужно относиться с большой осторожностью.

Примечательно, что уязвимый характер и ограниченные возможности данного метода были уже давно констатированы в ряде исследований, посвященных инновационным системам, основанным на знаниях⁸, в которых ученые с помощью анализа гиперссылок между университетами, промышленными предприятиями и государством пытались проверить действие концепции «тройной спирали» Эцковица и Лейерсдорфа⁹. В результате в одном из своих исследований Лейерсдорф пришел к выводу о том, интернет – это настолько коммерческий продукт, что он не может быть использован в качестве единственного объективного индикатора, определяющего уровень интереса к тому или иному университету или успех трансфера знаний в реальный сектор. Поэтому, по мнению Лейерсдорфа, при исследовании коллабораций между университетами, предприятиями и государственными организациями анализ гиперссылок должен быть дополнен другими методами сбора и обработки (интервью, библиометрии, экспертными опросами и т.д.).

Таким образом, необходимо еще раз подчеркнуть, что при оценке научной деятельности университетов с помощью веб-индикаторов «Webometrics», необходимо иметь в виду, что посещение веб-сайтов университетов и цитирование статей обусловлены разными причинами:

– в первом случае посетитель заходит на сайт самого университета, а не конкретного научного продукта (статьи, исследования, доклада);

– во втором – автор цитирует хорошо знакомую ему статью¹⁰.

Тем не менее, несмотря на признание несовершенства веб-индикаторов при оценке вузов, роль интернета в развитии современных университетов будет только увеличиваться в будущем, поскольку интернет упрощает процесс и сокращает время публикации научных работ преподавателей и исследователей, при этом максимально расширяя потенциальную аудиторию. Интернет становится таким же средством общения, как раньше печатные издания. При этом меняется стиль коммуникации между учеными, стираются границы между формальным и неформальным общением.

Научная деятельность предполагает публичность, результаты исследований должны пройти апробацию в форме критического обсуждения на страницах научных журналов, на площадках конференций, круглых столов, семинарских занятий. Научная политика университетов в виртуальном пространстве, направленная на развитие коллабораций с другими университетами и содействие трансферу знаний в общество, промышленный и государственный сектора, должна сопровождаться постоянным расширением и обновлением ин-

формации о научных исследованиях, дискуссиях, программах и проектах, проводимых в университете (введение новых рубрик, увеличение объема публикаций и материалов конференций, круглых столов и т.п.).

Интернет открывает дополнительное измерение для научной коммуникации, ускоряющее этот процесс и расширяя аудиторию участников до предельных границ. Ограничением в научной коммуникации теперь может служить только научная политика и отсутствие соответствующей инфраструктуры. Если исследователь не публикует свои работы на английском языке, если его труды не доступны on-line, он автоматически маргинализирует себя в глобальном пространстве научной коммуникации. Современная научная политика как индивидуальных исследователей, так и научных организаций и вузов должна быть направлена на максимальное расширение присутствия своей научной деятельности в Интернете, а также на активное обсуждение ее результатов не только в журналах, но и в социальных сетях и на дискуссионных площадках журнальных сайтов.

Bolshova N.N. Kharkevich M.V. University Competitiveness in Internet.

Примечания

1. Постановление Правительства «Об утверждении Порядка размещения на официальном сайте образовательной организации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и обновления информации об образовательной организации».
2. <http://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html>
3. <http://internetlab.cindoc.csic.es>
4. Berlin Principles on Ranking of Higher Education Institutions [Электронный ресурс]. – Режим доступа - http://www.che.de/downloads/Berlin_Principles_IREG_534.pdf
5. Карпенко О.М., Бершадская М.Д., Вознесенская Ю.А. Роль веб-политики в конкурентоспособности вуза (результаты международного рейтинга университетов мира «Webometrics» - январь 2009).
6. http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=51993
7. <http://www.webometrics.info/en/Europe/Russian%20Federation?page=0>
8. Boudourides, M. A., Sigrist, B. & Alevizos, P. D. (1999). Webometrics and the Self- Organisation of the European Information Society: Draft report of the SOEIS project. Retrieved March 12, 2007. URL: <http://www.cindoc.csic.es/cybermetrics/pdf/14.pdf>; Leydesdorff, L., & Curran, M. (2000). Mapping University-Industry-Government relations on the Internet: The construction of Indicators for a Knowledge-Based Economy. *Cybermetrics*, 4(1). Retrieved January 7, 2005. URL: <http://cybermetrics.cindoc.csic.es/cybermetrics/articles/v4i1p2.html>; Leydesdorff, L. (2001). Indicators of innovation in a knowledge-based economy. *Cybermetrics*, 5 (1). Retrieved May 12, 2007, URL: <http://cybermetrics.cindoc.csic.es/pruebas/v5i1p2.htm>; Leydesdorff, L. (2003). The mutual information of university-industry-government relations: An indicator of the Triple Helix dynamics. *Scientometrics*, 58(2), 445- 467;
9. Etzkowitz, H., & Leydesdorff, L. (1995). The Triple Helix: University-industry- government Relations. *EASST Review*, 14(1). Retrieved March 12, 2007, from <http://www.easst.net/review/march1995/leydesdorff>
10. Smith, A. & Thelwall, M. (2002). Web Impact Factors for Australasian universities, *Scientometrics*, 54(1-2), 363-380.

Слово о скульпторе Ю. Злоте

А.А. Ахтамзян

В новом здании МГИМО 19 февраля 2013 г. с большим успехом прошла выставка скульптурных произведений заслуженного художника России Юрия Викторовича Злоти. На выставке были представлены более двух десятков отлитых в бронзе скульптурных произведений, созданных мастером в последние годы. Открывая экспозицию, на которую пришли более 200 студентов разных факультетов Университета, проректор И.А. Логинов отметил, что встречи с деятелями культуры в этом современном здании и размещение в холлах художественных произведений отечественных и иностранных художников имеют целью содействовать культурному и эстетическому развитию молодежи. Это становится хорошей традицией в нашей alma mater.

Во вступительном слове Ю. Злота пояснил не только художественный замысел, но и философский смысл созданных им образов, таких, как «Ноев ковчег», «Машина», «Капля» и др. «Скульптура – доступный вид искусства, – сказал мастер. – Достаточно лишь разъяснить, что этот вид искусства можно потреблять на уровне ощущений. Главное – честно себе признаваться, что нравится, а что нет. Другое дело – сам художник: скульптор обязан быть носителем экологии эстетического. Ощущения можно понимать как драматургию произведения, его пластический язык, а главное – как чистую энергетику произведения. Именно она, эта энергетика, переходит к зрителю от художника-творца. Это в идеале. А на деле случаются малоприметные успехи в области формы, которые оказываются гораздо важнее основательного труда мастера. В этом смысле непредсказуемы пути воздействия скульптур на зрителя, они взыскуют от него определенного чувственного труда, и нередко бывает, что зритель, боясь потрудиться, отступает. Я думаю, что в этой связи зрителям нужны определенные пояснения скульптора, дабы не отвратить его псевдо загадочностью искусства.

С годами я все больше убеждаюсь в воздействии трехмерности форм на восприятие человека. И качественное осмысление художником собственного труда несет в себе не только эстетическое, но и терапевтическое воздействие. «Капля», которая стоит в центре зала, трактуется мной как сущность между «вчера» и «завтра», то есть «сегодня». Это челове-

ская судьба, жизнь, движение из пункта А в пункт В или сверху вниз. Оно может быть коротким, а может – и планетарного масштаба.

В намеренно гиперболизированной работе «Колыбельная» я говорю об огромной, всеобъемлющей и питающей нас материнской любви. Это и образ матери-Земли, и каждой матери на земле нашей. Эта скульптура стоит у моего дома на улице. Я ее вижу каждый день. Смотрю на нее строго, и все же она мне нравится. Ее формы меня успокаивают, и я думаю, что именно она отсылает меня к жизненно глубинному, первозданному. Мой приятель, поэт Михаил Якунин, написал к этой работе стихи:

Большое окажется малым,
Как малое станет большим.
И в мире еще не бывалом
Мы интуитивно спешим.

Скульптурой «Аналоговая субстанция» мне захотелось неформально высказаться по теме 65-летия Победы в Великой Отечественной войне. Каждый год устраиваются выставки, посвященные годовщине Великой Победы. Я знаю многие произведения современных художников на эту тему, иногда случаются истинные откровения. И я постарался быть откровенным. Вспоминая детские впечатления от юбилеев в связи с войной и от портретов ветеранов, которых с годами все меньше, я видел, что их лица похожи. Думая о том, что их объединяет, я понял: они живут тем временем. Они живы памятью о войне и в этой памяти – боль и воля. Осознание этого меня пробрало до костей. «Аналоговая субстанция» – это мое самовыражение в скульптуре боли, памяти, воли ветеранов Отечественной войны. Самим же названием скульптуры я попытался успокоить вызываемое ею напряжение. Подход к такой эмоционально и информационно сложной теме с сюрреалистических позиций дает возможность достучаться до молодого поколения, которому нужна образная информация, имеющая воспитательное и нравственное значение.

Я рассказал о трех своих работах, на моей же выставке представлено 21 произведение. Если будут вопросы, готов представить и другие из них».

Выступившие во время презентации член Союза писателей России Михаил Якунин и профессор А. Ахтамзян выразили свое восприятие произведе-

ний скульптора, каждый по-своему: поэт – в стихах, профессор – в прозе. А. Ахтамзян в свою очередь, подчеркнул, что Юрий Викторович Злота – современный отечественный художник, создавший оригинальные произведения искусства, получившие признание и специалистов-искусствоведов, и широкого круга ценителей. В частности, он сказал: «В общественном сознании бытует афоризм: «Ученый обычно говорит «мы», художник с полным правом говорит «я». Ученый опирается на труды предшественников и делает новые открытия на основе новых экспериментов и новых данных. Художник тоже опирается на опыт классиков искусства и создает в меру своего таланта совершенно новые произведения, выражающие его мироощущение, его собственное «я», которое воздействует на мироощущение современников и потомков, на их чувства.

Юрий Злота как художник по призванию вполне может быть назван самобытным талантливым человеком, получившим современное художественное образование сначала (в 1974–1976 гг.) в Художественном училище имени И.Е. Репина в родном Кишиневе, а потом (в 1980–1985 гг.) в Высшем художественно-промышленном училище имени В.И. Мухомовой в Ленинграде. Все последующее время художник совершенствовался, работая в Хабаровске, Красноярске, где он прошел как аспирант через творческую мастерскую скульптуры отделения Академии художеств СССР. Все это время художник трудился, «не отходя от мольберта». Признание пришло не вдруг, а в итоге творческих успехов. В 1991 г. Ю. Злота стал стипендиатом международной программы «Новые имена». На этюдах и графических работах художник отрабатывает свой стиль, формирует свое творческое кредо мастера: от метафоры линий – к символу, от символа – к смыслу. Слегка кокетничая, мастер заявляет: «Я натуру не люблю. Я ее не вижу и не испытываю интереса». Так ли это на самом деле?

Посмотрите альбом Ю. Злоти «Графика» (Москва. Фили. 2011) Его рисунки – воплощение трепетного отношения к натуре. Художник не искажает натуру в угоду моде, а воспевает ее. Приглядись, зритель, к его графическим работам: воображение и рука художника одним простым штрихом выражает красоту женских волос, эстетику женской шеи, наконец, живое ощущение женского торса. Возможно, это не то, что называют общечеловеческими ценностями. Но это отражение красоты натуры, человека. Произведения искусства, будь то музыка или живопись, не нуждаются в переводе на иной язык. Знатоки искусства говорят о «метафоре линий». Может быть, вернее все же было бы говорить об эстетике линий?

Нам неизвестны живописные картины художника маслом. От этюдов и графики он идет к скульптуре, последовательно от малых форм к монументальным. Свои произведения художник воплощает не в гипсе, а в глине, не в камне, а в бронзе. Художник идет крутыми тропами от простого штриха к очертанию живых существ, к пониманию естественных пропорций фигуры человека. В центре внимания художника Человек, будь то ребенок или мастеровой. Не всякому ваятелю удается выразить психологию

модели или героя. Для этого нужен талант. Юрий Злота обладает талантом.

Не может оставить безразличным зрителя фигура художника Андрея Поздеева, установленная в качестве памятника (без большого постамента) в г. Красноярске. Ю. Злота считает А. Поздеева своим учителем, причем не только в получении опыта художественного творчества, но и в этическом, жизненном отношении. В его глазах А. Поздеев – художник-философ, посвятивший себя бескорыстному служению искусству.

Юрий Викторович Злота – участник многих художественных выставок, где художник выставлял свои новые работы – графические и скульптурные. В Москве такие выставки состоялись в последнее время в галерее «Дом Нащокина». В октябре–ноябре 2012 г. Ю. Злота показал некоторые свои работы в экспозиции Первого московского фестиваля скульптуры. Персональные выставки работ скульптора успешно проходили в городах России. Творческие успехи Ю.В. Злоти отмечены в 2003 г. медалью Российской Академии художеств – «Достойному», а также золотой медалью Российской Академии художеств. В 2005 г. он награжден золотой медалью Творческого союза художников России. Почетное звание заслуженного художника Российской Федерации ему было присвоено в 2004 г. Словом, почетные звания и награды нашли своего героя.

Профессор Ахтамзян познакомился с Ю.В. Злотей в 2006 г. в Москве на конкурсе на лучший проект памятника поэту-герою Мусе Джалилю. На этом открытом конкурсе, в котором приняли участие десять скульпторов, проект Ю.В. Злоти получил первую премию. В течение пяти лет скульптор неустанно работал над воплощением проекта, глубоко вникая в смысл подвига Мусы Джалиля и его соратников, вникая во все его детали и гибели татарской группы Сопротивления, в дух и мотивы подвига поэта – автора известной во всем мире «Моабитской тетради». На разных этапах творческой работы Злоти автор этих строк был свидетелем его самоотверженного труда. Да, это поистине титанический труд не только художника, но и мастера формовки и литья из бронзы.

В конце августа 2012 г. на площадке в створе улицы Мусы Джалиля в Москве в торжественной обстановке с участием официальных представителей московского правительства и представителей Республики Татарстан был открыт монумент: семи-метровый бронзовый памятник Мусе Джалилю на монолитном мраморном постаменте. Творческий девиз скульптора Юрия Злоти «От символа к смыслу» получил монументальное воплощение. Москвичи (а на открытие пришли более 500 человек) благодарны большому, выдающемуся мастеру монументальной скульптуры за создание (вопреки всем сложностям и трудностям) правдивого и величественного образа Героя Советского Союза, лауреата Ленинской премии Мусы Джалиля. Такие памятники-символы своего времени остаются в веках.

Ahtamzyan A.A. Word about sculptor Y.Zloti.

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ

Уважаемые авторы!

Редакционная коллегия и редакция журнала «Вестник МГИМО-Университета» рассматривает материалы, присланные по электронной почте или предоставленные в редакцию журнала на бумажном носителе с дублированием его электронным аналогом. Статьи аспирантов, соискателей и студентов принимаются только при наличии рецензии научного руководителя или рекомендации руководителей научного учреждения или ВУЗа с четким указанием должности, ученой степени и ученого звания. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

К рассмотрению принимаются статьи, объем которых не превышает 20 стр. (1 печ. лист или около 40 000 знаков), напечатанные через 1,5 интервала с 14 размером шрифта основного текста, снабженные научным аппаратом и ключевыми словами на русском и английском языках. Материалы должны быть представлены в виде файла в формате Microsoft Word. Содержание электронного носителя должно строго соответствовать его бумажному аналогу. Таблицы, схемы, графики и другие иллюстрации допускаются только при необходимости дополнения системы доказательств автора и поэтому должны быть озаглавлены, пронумерованы и могут быть напечатаны только в черно-белом варианте. К рукописи в обязательном порядке прилагается резюме статьи на русском и английском языках (объем 6-12 строк).

При передаче или пересылке материала автор в обязательном порядке должен указать:

Фамилия Имя Отчество (полностью);

место работы или учебы, (с полным указанием наименования учреждения или ВУЗа), должность, ученую степень или ученое звание (если имеются);

контактную информацию (адрес, телефон, факс, адрес электронной почты).

Рукописи не возвращаются и рецензируются редакцией в установленном порядке. Мнение авторов не обязательно совпадает с точкой зрения редколлегии и редакции. Материалы журнала «Вестник МГИМО-Университета» размещаются на интернет-ресурсах МГИМО(У) МИД России и на сайте журнала www.vestnik.mgimo.ru

Ф.СП-1	АБОНЕМЕНТ на журнал		66009 (индекс издания)																							
	Вестник МГИМО-Университета		<table border="1" style="display: inline-table; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="padding: 2px 5px;">КОЛИЧЕСТВО КОМПЛЕКТОВ</td> <td style="text-align: center; padding: 2px 5px;">1</td> </tr> </table>	КОЛИЧЕСТВО КОМПЛЕКТОВ	1																					
	КОЛИЧЕСТВО КОМПЛЕКТОВ	1																								
	На 2013 год по месяцам																									
<table border="1" style="display: inline-table; border-collapse: collapse;"> <tr> <td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td> </tr> <tr> <td style="height: 20px;"></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td> </tr> </table>			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12												
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12															
Куда		(почтовый индекс) (адрес)																								
Кому		(фамилия, инициалы)																								
	<table border="1" style="display: inline-table; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="padding: 2px 5px;">ПВ</td> <td style="padding: 2px 5px;">место</td> <td style="padding: 2px 5px;">литер</td> </tr> </table>		ПВ	место	литер	ДОСТАВочНАЯ КАРТОЧКА на журнал 66009 (индекс издания)																				
	ПВ	место	литер																							
	Вестник МГИМО-Университета																									
	<table border="1" style="display: inline-table; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="padding: 2px 5px;">Стоимость</td> <td style="padding: 2px 5px;">подписки</td> <td rowspan="2" style="padding: 5px;"> Количество комплектов 1 </td> </tr> <tr> <td style="padding: 2px 5px;">руб.</td> <td style="padding: 2px 5px;">переадресовки</td> </tr> </table>	Стоимость	подписки	Количество комплектов 1	руб.	переадресовки																				
	Стоимость	подписки	Количество комплектов 1																							
	руб.	переадресовки																								
На 2013 год по месяцам																										
<table border="1" style="display: inline-table; border-collapse: collapse;"> <tr> <td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td> </tr> <tr> <td style="height: 20px;"></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td> </tr> </table>			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12												
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12															
Куда		(почтовый индекс) (адрес)																								
Кому		(фамилия, инициалы)																								

Открыта подписка на второе полугодие 2013 г. Наш подписной индекс в ОАО «Роспечать» - **66099**

© МГИМО(У) МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 года.

Адрес редакции: 119454 г. Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14. Тел./факс: 8(495)433-27-74;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru

e-mail: Vestnik@mgimo.ru

ISSN 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

Дизайн - Шанкин К.Г., корректор - Малышева Н.М., верстка - Волкова Е.А. Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО(У) МИД России. 119454 г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Тираж 2000 экз. Объем 37 усл. п. л. Заказ №72